

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

Политические системы и политические культуры Востока

*Под редакцией профессора А. Д. Воскресенского
Издание второе, переработанное и дополненное*

Москва

act ВОСТОК
ЗАПАД

УДК 32(5)(082.1) ББК 66.3(5)я43 П50

Редколлегия:

А. В. Торкунов (*председатель*),
В. Я. Белокрыцкий, А. Д. Воскресенский,
В. Г. Ледаев, М. С. Мейер, И. Г. Тюлин

Авторский коллектив:

Л. Б. Алаев, В. М. Ахмедов, Р. И. Беккин, В. Я. Белокрыцкий,
А. Г. Володин, А. Д. Воскресенский, Л. М. Гудошников, В. И. Денисов,
В. Е. Донцов, С. Б. Дружиловский, А. Л. Емельянов, Л. М. Ефимова,

*И. В. Кудряшова, Ю. П. Лалетин, С. Г. Лузянин, С. И. Лунев,
Э. В. Молодякова, М. А. Сапронова, |Б. С. Старостин|
|П. Б. Старостин| М. В. Стрежнева, Д. В. Стрельцов,
Т. А. Чурилина, Алек Д. Эпштейн
Автор концепции и руководитель авторского коллектива д. политич. н., д. философии
(Манчестерский университет) А. Д. Воскресенский*

П150

Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. — 2-е изд. перераб. и доп. — М: АСТ: Восток—Запад, 2007. — 829, [3] с.

ISBN 5-17-041712-8 (ООО «Издательство АСТ») ISBN 5-478-00478-2 (ООО «Восток — Запад»)

Читатель имеет возможность сравнить пути формирования и эволюции политических систем, понять взаимодействие и борьбу различных политических сил, оценить степень зрелости гражданского общества, элементов демократической политической системы в странах Азии и Африки.

Книга ориентирована на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком.

ISBN 5-478-00478-2

© Коллектив авторов, 2007

© А. Д. Воскресенский, концепция, редакция, 2007

© «Восток - Запад», оформление, 2007

© МГИМО-Университет, 2005

Электронное оглавление

Электронное оглавление	3
Содержание	5
А. Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ, ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ВОСТОКЕ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИКА ИХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	7
Проблема пространственной («спатальной») подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения..	8
Подход к обществу и политике как к системе и «аналитические» классификации политических систем	9
Проблема методологии: как сравнивать и что есть сравнение	11
Логика анализа и проблемы подходов к анализу незападной и восточной специфики политических систем и культуры в мировом комплексном регионоведении	13
Литература	19
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ВОСТОКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ	20
Истоки, этапы и методология осмысления политических реалий Востока	21
Политическая власть и политические системы в обществах Востока	25
Таблица № 1. Типология политических институтов	29
Тоталитарные государства	30
Авторитарные государства	31
Теократические государства	32
Демократические государства, режимы	32
Таблица № 2	33
Таблица № 3. Регионы Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, Среднего Востока	38
Политическая культура: проблемы синтеза традиционализма и модерна	40
Литература	43
Дополнительная литература	44
М. В. СТРЕЖНЕВА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: АБСТРАКТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НЕЯВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	45
Введение	45
Типологизация теоретических подходов в трактовке происхождения и содержания культуры	46
Культура в международных режимах хозяйствования	49
Заключение	53
Литература	54
Л. М. ЕФИМОВА. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА	55
Литература	62
Часть I. АФРИКА, БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ	63
Ближний Восток и Африка	63
М. А. САПРОНОВА. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ АРАБСКИХ СТРАН	63
Глава государства как основной институт политической системы. Роль парламента и правительства	64
Влияние ислама на государственные и политические институты	70
Армия в политическом процессе	74
Особенности партийных систем	76
Литература	80
В. Е. ДОНЦОВ, Т. А. ЧУРИЛИНА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ МОНАРХИЙ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА	81
Процесс становления политических систем аравийских монархий	81
Основные черты политических систем монархий Аравийского полуострова	82
Королевство Саудовская Аравия (КСА)	85
Государство Кувейт	88
Королевство Бахрейн	91
Государство Катар	93
Государство Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)	94
Султанат Оман	96
Проблемы и противоречия политической модернизации аравийских монархий	98
Литература	99
Р. И. БЕККИН. МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА	99
Природа мусульманского права	99
Источники мусульманского права	105
Мазхабы (правовые школы)	112
Литература	119
АЛЕК Д.ЭПШТЕЙН. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	

ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ.....	120
Формирование израильской государственности.....	120
Конституционное законодательство и правовая система.....	123
Органы репрезентативной власти.....	127
Президент.....	127
Парламент.....	128
Правительство.....	129
Факторы преемственности и нестабильности партийно-политической системы.....	130
Литература.....	132
А. Л. ЕМЕЛЬЯНОВ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ АФРИКИ.....	133
Литература.....	139
Средний Восток и Центральная Азия.....	140
И. В. КУДРЯШОВА. ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (ЕГИПЕТ, ИРАН, ТУРЦИЯ).....	140
Литература.....	153
С. Б. ДРУЖИЛОВСКИЙ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ИРАНА И ТУРЦИИ.....	153
Литература.....	159
В. М. АХМЕДОВ. АРМИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ.....	159
Литература.....	170
Ю. П. ЛАЛЕТИН. ГОСУДАРСТВО И ПЛЕМЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АФГАНИСТАНА.....	170
Особенности политической организации пуштунских племен и их влияние на структуру общества и государства в Афганистане.....	170
Местное сообщество (каум) и институт хана.....	171
Военная организация афганского общества.....	175
«Кодекс чести».....	175
Взаимоотношения с государством.....	176
Сохранение Афганским государством в 1747-1978 годах черт племенного союза.....	179
Образование государства ханами племен.....	179
Использование племенных институтов и налоговые послабления.....	179
Власть ханов.....	180
Особое положение племен.....	181
Противоборство центральной власти и ханов племен.....	183
Заключение.....	185
Литература.....	186
С. И. ЛУНЕВ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	186
Становление государственности в республиках региона.....	186
Внутриполитическое развитие региона.....	189
Политическая власть и политическое лидерство.....	190
Процессы исламизации и проблемы радикализма.....	194
Литература.....	196
Часть 2. ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ.....	197
Южная и Юго-Восточная Азия.....	197
Л. Б. АЛАЕВ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИНДИИ.....	197
Загадка индийской демократии.....	197
Таблица 1 Сравнение выраженного интереса к политике в разных странах (в% к опрошенным)*.....	197
Таблица 2. Соотношение участия в политике и приверженности к кастовым ценностям (данные 1967 г.)*.....	200
Система власти в Индии.....	200
Таблица 3. Соотношение трех систем власти в Индии.....	201
Доминантно-партийная система.....	201
Таблица 4. Процент голосовавших за основные партии Индии в 1960-е годы*.....	202
Размывание доминантно-партийной системы.....	202
Особенности индийской политической культуры.....	203
Проблемы настоящего и будущего.....	205
Литература.....	205
А. Г. ВОЛОДИН. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИНДИИ.....	206
В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН ЮЖНОЙ АЗИИ.....	214
Ислам в политической истории и культуре Индии.....	215
Особенности политической системы.....	216
Характерные черты политической культуры.....	219
Заключение.....	223
Л. М. ЕФИМОВА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СТРАН ЮВА: МАЛАЙЗИЯ, ИНДОНЕЗИЯ, СИНГАПУР.....	224
Литература.....	232
Справочники.....	232
Восточная Азия.....	233
Л. М. ГУДОШНИКОВ. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КИТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX И	

НАЧАЛЕ XXI вв.	233
Литература	246
Л. М. Гудошников. ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОГО ПРАВА В XX И НАЧАЛЕ XXI вв. КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИФИКИ КИТАЯ.....	246
Э. В. МОЛОДЯКОВА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ: ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	260
Литература	269
Д. В. СТРЕЛЬЦОВ. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЯПОНИИ	269
Основные этапы становления и развития современной административной системы Японии	269
Система государственной службы	272
Общие закономерности процесса принятия решений органами государственного управления	273
Методы административного регулирования экономической и общественной жизни.....	275
Специфика японской модели административной системы.....	276
В. И. ДЕНИСОВ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (РК И КНДР).....	279
Республика Корея Особенности конституционного развития РК	279
Законодательная власть.....	281
Исполнительная власть	281
КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА	285
Особенности конституционного развития КНДР	285
Законодательная власть.....	290
Структура и функции правительства	290
Местные органы власти.....	291
Прокуратура	291
Суды.....	291
Политические партии и общественные организации КНДР и их роль в северокорейском обществе.....	292
Армия - основа политической системы КНДР	292
Литература	293
С. Г. ЛУЗЯНИН. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ	293
Традиционные институты и структуры (XII-XVII вв.).....	294
Внешние факторы влияния на культурно-политические процессы и системы Монголии (XVII-конец XX вв.)	295
Современная политическая система и культура Монголии	298
Литература	301
Приложение	302
Программа учебного курса Политические системы и политические культуры стран Востока (36 ч.).....	302
Литература для подготовки к зачету	306
Примерный календарно-тематический план курса	310
Коллоквиум 2.	310
Вопросы для самостоятельной подготовки к зачету.....	310
Учебно-методические замечания	312
Тематический план курса.....	312
Лекционные занятия	313
Семинарские занятия	318
Литература для подготовки к семинарам и экзамену	320
Вопросы для подготовки к экзамену	325
М. А. САПРОНОВА. Методические рекомендации по подготовке аналитической справки по курсу «Политические системы и политические культуры стран Востока».....	326
Политическая система страны в сравнительной перспективе	327
Политическая культура страны	327
Список дополнительной литературы для самостоятельной углубленной подготовки по курсу «Политические системы и политические культуры Востока».....	328
Об авторах	329

Содержание

Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке: общие закономерности и специфика их региональной трансформации (<i>А. Д. Воскресенский</i>)...6
Политические реалии Востока и сравнительный анализ политических систем (<i>П. Б. Старостин</i>)...39
Политическая культура: абстрактное представление о неявной реальности (<i>М. В. Стрежнева</i>)...94
Особенности политической культуры современного Востока (<i>Л. М. Ефимова</i>)...118
Часть 1. Африка, Ближний и Средний Восток, Центральная Азия
<i>Ближний Восток и Африка</i>
Основные черты и особенности функционирования политических систем арабских стран (<i>М. А. Сапронова</i>)...139
Политические системы монархий Аравийского полуострова (<i>В. Е. Донцов, Т. А. Чурилина</i>)...185
Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира (<i>Р. И. Беккин</i>)...232

4

- Особенности политической системы и политической культуры Государства Израиль (*А. Д. Эпштейн*)...284
- Политические системы и политические культуры Африки (*А. Л. Емельянов*)...316
- Средний Восток и Центральная Азия*
- Исламская цивилизационная доминанта и политическая модернизация на Ближнем и Среднем Востоке в сравнительной перспективе (Египет, Иран, Турция) (*Я. В. Кудряшова*)...334
- Сравнительный анализ особенностей развития современных политических систем Ирана и Турции (*С. Б. Дружиловский*)...368
- Армия в политическом процессе на Ближнем и Среднем Востоке (*В. М. Ахмедов*)...385
- Государство и племя в политической системе Афганистана (*Ю. П. Лалетин*)...412
- Политические процессы в Центральной Азии (*С. И. Лунев*)...454

Часть 2. Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия

- Южная и Юго-Восточная Азия*
- Политическая система и политическая культура Индии (*Л. Б. Алаев*)...485
- Проблемы становления политической демократии в Индии (*А. Г. Володин*)...507
- Политическая система и политическая культура мусульманских стран Южной Азии (*В. Я. Белокрыцкий*)...529
- Политические системы и политические культуры стран ЮВА: Малайзия, Индонезия, Сингапур (*Л. М. Ефимова*)...555
- Восточная Азия*
- Эволюция политических институтов Китая во второй половине XX и начале XXI вв. (*Л. М. Гудошников*)...577
- Эволюция китайского права в XX и начале XXI вв. как отражение политико-правовой специфики Китая (*Л. М. Гудошников*)...612
- Политическая система Японии: факторы и перспективы развития (*Э. В. Молодякова*)...648
- Современная система государственного управления Японии (*Д. В. Стрельцов*)...670
- Политические системы государств Корейского полуострова (РК и КНДР) (*В. И. Денисов*)...695

5

- Эволюция политической системы и политической культуры Монголии. (*С. Г. Лузянин*)...731

Приложения

- Программа учебного курса «Политические системы и политические культуры стран Востока» (36 ч.) (*А. Д. Воскресенский, М. А. Сапронова и др.*)...752
- Программа учебного курса «Политические системы и политические культуры стран Востока» (72 ч.) (*А. Д. Воскресенский, М. А. Сапронова и др.*)...778
- Методические рекомендации по подготовке аналитической справки по курсу «Политические системы и политические культуры стран Востока» (*М. А. Сапронова*)...820
- Дополнительная литература для самостоятельной углубленной подготовки по курсу «Политические системы и политические культуры Востока» (*А. Д. Воскресенский*)...824
- Об авторах...828

А. Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ, ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ВОСТОКЕ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИКА ИХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Для стран Востока политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особенностями, спецификой политической культуры определяется специфика их политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран Азии и Африки. Понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока, т. е. предложенный в настоящей книге материал имеет не только теоретический, но и прикладной характер.

Читатель настоящей книги получит возможность сравнить пути формирования и эволюции политических систем в странах Азии и Африки, понять взаимодействие и борьбу различных политических сил, выступающих с позиций традиционализма и модернизма, оценить степень зрелости гражданского общества, элементов демократической политической системы в странах Азии и Африки. В задачу книги также входит дать комплексное представление о традиционной основе и специфике политической культуры современных государств Азии и Африки, которая обусловлена цивилизационными особенностями их общественно-политического развития, являет собой переплетение восточных и западных элементов и проявляется

7

во всех компонентах политической системы стран Востока - структуре высших органов государственной власти, деятельности политических партий и общественных организаций, конституционном развитии, политическом мышлении правящих элит и масс. В приложении дан набор программ и методических рекомендаций по использованию книги в качестве учебника для студентов и магистрантов, обучающихся по специальностям и направлениям «регионоведение», «международные отношения», «политология».

Данной работой кафедры Востоковедения, на которой и была подготовлена эта книга, продолжает курс на создание научной литературы нового поколения в области мирового комплексного регионоведения, которая вводит в оборот учебного процесса дискуссионные материалы исследовательского характера¹. Книга в этой связи может использоваться двояким образом - как часть учебно-методического комплекса при обучении по курсам «Политические системы и политические культуры мира» и «Политические системы и политические культуры Востока» (вместе с приложениями, программами, списками вопросов и литературы) в рамках мирового комплексного регионоведения (а также и как часть проблематики общих политологических курсов, которые учитывают специфику незападных обществ) и, одновременно как интеллектуальный материал для «продвинутого» чтения, ориентированный на широкий круг просвещенных читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком.

Адекватная адаптация мирового востоковедного опыта и обогащение его отечественными исследовательскими наработками непосредственным образом связана с методологическими дебатами в востоковедении, которое сегодня на наших глазах превращается в отрасль мирового комплексного регионоведения- комплексной, интегральной социально-экономической дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы

¹ Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., РОССПЭН, 2002; Китай в мировой политике. М., РОССПЭН, 2001; Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий. М., РОССПЭН, 2004; Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., МГИМО, 2005.

8

регионов мира (т. е. Востока и регионов Востока как части системы регионов мира) с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений.

Однако прежде, чем перейти к конкретному анализу политических систем стран Востока во всей его сложности и многоплановости, необходимо определить методологические позиции авторского коллектива, которые структурируют логику построения настоящей книги. В этой связи нам предстоит определить свое отношение к следующим вопросам:

- каким образом пространственно («спатильно») группировать материал при его анализе и изложении в рамках мирового комплексного регионоведения;
- каковы методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный

анализ политических процессов с компаративистским;

- как определять сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле, в частности;
- как в этой связи определить соотношение общих и специфических (региональных/страновых) закономерностей в рамках системно-сравнительного подхода;
- как конкретно сформулировать специфику обществ западного и восточного типов (как части западного типа);
- каким образом практически дать понимание механизмов функционирования политических систем восточных обществ и, соответственно, построить учебный процесс по этой проблематике как части мирового комплексного регионоведения.

Проблема пространственной («спатальной») подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения

Предлагаемое в книге пространственное («спатальное») членение материала исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития восточных стран, т. е. из определения международно-политического

9

региона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для выделения) региональной совокупности явлений жизни, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного регионоведения позволяет расположить материал в определенной пространственной («спатальной») системе координат².

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделить географические макрорегионы -Азию, Африку, Америку, Европу, Австралию и Океанию; мезорегионы (средние регионы): Центральную, Северную, Южную Америку, Европу, Австралию и Океанию, Северо-Восточную, Юго-Восточную, Южную, Западную и Центральную Азию, Северную (арабскую) Африку и Африку южнее Сахары, или же- регионы (субрегионы) с подразделением Америки на Центральную, Северную и Южную, Европы на Северную, Восточную, Западную, Центральную и Южную, а Западную, точнее, Юго-Западную Азию - на Ближний и Средний Восток. Однако понятие «Ближний и Средний Восток» шире, чем Юго-Западная Азия, так как в него включают не только шестнадцать государств последней, но также Египет и Судан.

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьет-

² Подробную аргументацию см., в частности: Воскресенский А. Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений. В кн.: Современные международные отношения и мировая политика Отв. ред. А. В. Торкунов. М., Просвещение, 2004, с. 494-500; Воскресенский А. Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений. В кн.: Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., РОССПЭН, 2002, с. 3-14; Воскресенский А. Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы). В кн.: Восток-Запад-Россия. М., Прогресс-Традиция, 2004, с. 141-144.

10

намский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индо-иранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Беларусь или, в другой интерпретации, двенадцать стран СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский, латиноамериканский, африканский, тихоокеанский.

Иногда исследователи делят Азию на Южную, Юго-Восточную и Восточную (таким образом исключая из нее Океанию и Австралию), Ближний и Средний Восток и государства Центральной Азии. При этом некоторые исследователи считают, что Афганистан принадлежит скорее региону Ближнего и Среднего Востока, чем Южной Азии, в которую объединяют семь государств Южноазиатской Ассоциации регионального сотрудничества (СААРК), хотя и является членом этой организации с ноября 2005 г. В соответствии с той же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десять стран Юго-Восточной Азии (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянмар, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам) образуют ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Другие считают, что логика политического развития позволяет отнести страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

Соответственно всем этим рассуждениям, по-видимому, сегодня с той или иной степенью

определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам

11

международно-политических макрорегионах, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах)— западноевропейской (как части европейской), североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской), Ближнем Востоке, Среднем Востоке, Восточной Азии, Южной Азии, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (как частях азиатской [под]системы международных отношений), в которых Ближний и Средний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия группируются в субрегиональные подсистемы.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т. е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые «исторические» регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные «геоэкономические» черты³. Эти «перекрещивающиеся» принципы «цивилизационно-пространственного» членения, позволяющие вычленять «базовые» или «структурообразующие» регионы, и послужили основой выделения соответствующих наиболее важных международно-политических регионов, в соответствии с которыми материал сгруппирован в разделы в настоящей книге, и группировки стран внутри разделов. В рамках границ этих регионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления могут послужить основой и для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера.

Кроме «цивилизационно-пространственной» («спатальной»), существует и возможность «содержательной» («аналитической») группировки стран. Она так же, в принципе, конвенцио-

³ Белокреницкий В. Я. Восток через призму мировых демографических процессов Восток, 1999, № 5.

12

нальна и субъективна, как и использованная нами «спатальная». Однако «аналитическая модель» при этом не позволяет акцентировать внимание на общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т. е. не позволяет в полной мере осмысливать цивилизационную общность и одновременно специфику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Кроме того, при всей своей «аналитической» красоте такая типология, на наш взгляд, плохо применима при практической подготовке регионального/странового специалиста, так как позволяет хорошо ориентироваться в общих закономерностях, к примеру, политических систем государств кочевого или племенного типа, но при этом в реальной жизни государства такого типа (скажем, Монголия, Афганистан, некоторые государства Аравийского полуострова, Африки) отстоят друг от друга настолько далеко географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные «общие знания» сложно применить в реальной жизни, а значит, их практическая значимость может быть поставлена под сомнение. «Спатальный» принцип подачи «содержательного» материала позволяет проследить региональную динамику политического развития, «судьбу» местных и «импортированных» политических институтов, появление возможных «политических разломов» и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (исторические) корни и сходные принципы формирования и эволюции политической культуры.

Подход к обществу и политике как к системе и «аналитические» классификации политических систем

Для того, чтобы подвергнуть явление системному анализу, необходимо разделить его на систему (т. е. множество закономерно связанных друг с другом элементов, которые складываются в целостное, но не сводимое просто к набору составных элементов образование) и среду (т. е. все то, что окружает данную систему). Таким образом, основными свойствами любой системы являются: взаимосвязь среды и системы (внешняя характеристика системы), определяющая ее внутренние свойства (внутренние характеристики); целостность - т. е. внутреннее единство, принципиальная несводи-

13

мость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов; гомеостаз, т. е. соблюдение некоего динамического равновесия, гарантирующего поддержание параметров в определенном диапазоне; информационность, т. е. методы воплощения информационной сущности сигналов и способов кодировки, передаваемых системой сообщений (семантика и семиотика системы). Еще одним важным свойством системы является ее безопасность. Понятие безопасности имеет две стороны — внешнюю, т. е. определяющую воздействие объекта на среду, и внутреннюю - т. е. характеризующую свойства сопротивляемости объекта по отношению к действиям среды. Таким образом, внешняя безопасность - это способность системы взаимодействовать со средой таким образом, чтобы не происходили необратимые изменения или нарушения важнейших параметров, характеризующих допустимое состояние среды.

Внутренняя безопасность - характеристика целостности системы, т. е. способность системы поддерживать свое нормальное функционирование в условиях внешних и внутренних воздействий. Из этого следует, что задачей безопасности является определение угрозы распада системы с целью своевременного принятия мер по недопущению этого процесса⁴.

Системный подход становится достоянием политической науки с середины 50-х гг. XX в. Очевидно также, что многие из положений политической науки, которые относятся к системному подходу, были разработаны и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики⁵. Соответственно, Т. Парсонс и Д. Истон стремились создать комплексную теорию социального дей-

⁴ Могилевский В. Д. *Методология систем: вербальный подход*. М., Экономика, 1999; Плотинский Ю. М. *Модели социальных процессов*. М., Логос, 2001.

⁵ Парсонс Т. *Система современных обществ*. М., Аспект-пресс, 1997; Истон Д. *Категории системного анализа политики*. В кн.: *Антология политической мысли*. Т. 2. М., 1997

14

ствия, где политическая система, представленная в виде «черного ящика», внутреннее устройство которого было не так важно, развивалась по определенным правилам, а все остальное являлось политической средой, с которой взаимодействовала политическая система.

Одновременно исследователи определили, что общественные (и политические, как их составная часть) науки имеют свою специфику - прежде всего по своему характеру они исследуют политические, т. е. часть социальных отношений, а значит это в целом - социальные системы. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен, по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т. е. в таких системах часто сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят вполне условный характер. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными (и политическими) общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системной организации. Еще одна особенность политической системы отношений и составляющих ее частей связана с тем, что ее основные элементы представлены социальными (политическими) общностями (включая отдельные индивиды), т. е. они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов.

Уже Д. Истон модифицировал модель Т. Парсонса таким образом, чтобы показать, как политическая система (т. е. совокупность общественных отношений по поводу политической власти) при помощи регулирующих механизмов вырабатывает ответные реакции на поступающие от среды импульсы. Это понимание вскоре было дополнено Г. Алмондом, который ввел понятие роли, от которой зависит содержание формальных и неформальных взаимодействий, вырабатывающих политическую культуру⁶. Именно политическая культура (т. е. взгляды

⁶ Almond G. *Developmental Approach to Political Systems*. *World politics*, V. XVII, Issue 2 (Jan. 1965)

15

и позиции людей и их групп относительно политической системы)⁷, по Алмонду, и является интегрирующим началом общества. С этой точки зрения и политический процесс можно определять в «макро» и «микро» значениях: с точки зрения макроанализа - как динамическую характеристику всей политической системы в целом, с точки зрения микро-анализа - как совокупность политических микропроцессов⁸.

Впоследствии, эти идеи позволили предложить несколько классификаций политических систем, которые можно разделить на классификации двух основных типов - эволюционные и морфологические⁹ (т. е. основанные на анализе строения политических систем), которые в свою очередь распадаются на линейные, бинарные и координатные¹⁰. Скажем, по формам правления можно выделить авторитарно-тоталитарные и демократические политические системы, или авторитарный, плюралистический и тоталитарный типы политических систем; по типу политической культуры (классификация Г. Алмонда) - англо-американскую, европейско-континентальную, доиндустриальную и частично индустриальную, а также тоталитарную политическую системы; народные племенные, бюрократические авторитарные, согласительные (конкурентные олигархии и плюралистические демократии), мобилизационные (попули-

⁷ Логика теоретических подходов к политической культуре можно легко понять, сравнив западные базовые политологические учебники и литературу для «продвинутого» читателя. См., к примеру, Michael G. Roskin, Robert L. Cord, James A. Medeiros, Walter S. Jones. *Political Science. An Introduction*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1988 (Ch. 7. Political Culture) and Ronald H. Chilcote. *Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered*. Boulder: Westview Press, 1994. (Ch. 6. Theories of Political Culture). Последняя работа есть в переводе на русский. См. ниже.

⁸ Подробнее см., к примеру, Дегтярев А. А. *Основы политической теории*. М, Высшая школа, 1998, с. 147-148.

⁹ Принципы эволюционной морфологии политических систем рассмотрены, в частности, М. В.

Ильиным в его работе «Глобализация политики и эволюция политических систем» в разделе «Геохронополитика и принципы эволюционной морфологии политических систем», см. «Политическая наука в России» / Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М., 2000, с. 225-228.

¹⁰ Подробнее Сморгун Л. С. Современная сравнительная политология. М, 2002, с. 170-171.

16

стская и элитистская) политические системы (классификация Ч. Эндрейна) и т. д.¹¹

Классификация Дж. и Я. Дербишайров учитывает все богатство способов правления, типов политической культуры и др. факторов. Они выделяют: унитарные и федеративные государства (по принципу разделения или слияния трех основных государственных институтов), в отдельный подтип при этом могут быть выделены унитарные государства с чертами децентрализации; по идеологическому базису (политическому режиму) - либеральная демократия, молодая демократия, коммунистические государства, национал-социалистические государства, авторитарно-националистические государства, военно-авторитарные государства, исламистско-националистические государства, абсолютные монархии; системы по типу органов исполнительной власти- парламентские, ограниченные президентские, дуалистические, коммунистические, неограниченные президентские, милитаристские, абсолютные; по типам выборных систем¹². Такая классификация «по разным принципам», хотя и является достаточно сложной, тем не менее позволяет описывать все богатство политических систем и конкретной формы организации политического процесса в странах мира.

Системный подход оказал такое сильное влияние на политическую науку, что в ее современном виде категория политической системы стала вытеснять соотносящиеся с ней категории государства, государственного института, государственного управления и т. д. Системный подход и категория политической системы применимы к обществам разных типов, в том числе и традиционных, незападных, восточных и т. д., что делает их необычайно привлекательным методологическим инструментом для исследователей-политологов.

¹¹ Интересно сравнить принципы политологической классификации и сравнительные классификационные принципы в дисциплине, получившей название «сравнительная экономика» («comparative economics»). См., к примеру, Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. М., РОССПЭН, 2004. О влиянии политических принципов на экономические см., в частности, гл. 4 вышеупомянутой монографии.

¹² Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., Рипол классик, 2004.

17

Проблема методологии: как сравнивать и что есть сравнение

Следующий вопрос, который возникает: как такое понимание политической системы совместить не просто со сравнительным методом, но и более конкретно, как системно сравнивать различные политические системы, расположенные в различных «спатальных» системах координат, такие несхожие в реальной жизни, особенно политические системы разных типов (западные и незападные), не подвергая себя опасности или соблазну предвзятости в отношении политической системы какого-либо одного типа?

Любое сравнение нацелено на решение двух задач: оно должно обнаружить признаки генетического характера и дать историческое объяснение явления (явлений). Логико-математическими методами устанавливается основной принцип любого сравнения: сравниваемыми могут быть лишь те объекты, у которых имеются сходные признаки (математическим аналогом этого принципа является следующее положение теории множеств: если два множества не содержат совпадающих элементов, то они не эквивалентны).

На этом принципе, соответственно, основаны две операции сравнения:

- операция отождествления, основанная на нахождении сходных признаков. В соответствии с этой операцией сравнивать можно только эквивалентные понятия, которые отражают сопоставимые объекты и явления (а для географических объектов - только одномасштабные);
- операция различия, т. е. установление и объяснение различий.

В соответствии с тем, какая из операций применяется, сравнение может быть полным (если оно состоит из двух операций - сравнения и различия) и неполным (если оно состоит только из операции отождествления).

При проведении сравнения должны выполняться два правила:

- до количественного (т. е. основанного на математико-статистических методах) различия необходимо провести качественное отождествление;
- сопоставлять сравниваемые явления нужно вначале по наиболее существенным признакам.

18

Сравнения можно проводить в трех плоскостях:

1. в пространственном аспекте (выявление пространственных, «спатальных» различий);
2. временное («темпоральное») сравнение (с прошлым -ретроспективное сравнение, с будущим - прогнозирование), причем они могут быть двух типов - исторические (т. е. нацеленные на выявление общих тенденций и линий развития) и международные (т. е. нацеленные на выявление различий для проникновения в суть международного явления);
3. пространственно-временные («спатально-темпоральные») сравнения.

С методом сравнения тесно связаны методы построения типологий (т. е. выяснение

генерализованных черт совокупности объектов, где объекты группируются по качественным признакам (функциям) и классификаций (т. е. абстрагирований и обобщений, основанных на группировке объектов по количественным признакам). Типология и классификации помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и сконцентрироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков. У типологии и классификации также есть свои правила, которые необходимо учитывать при построении.

Проблематика сравнительной политологии в конце XX в. становится в центр политической теории¹³. Для точных наук основным является экспериментальный метод, для политических основными являются системный и сравнительный, причем в практике политического исследования именно второй становится основополагающим и конкретно применяемым.

¹³ Для «продвинутого» читателя рекомендуем посмотреть великолепный обзор проблематики сравнительной политологии «вглубь и вширь», представленный П. Мэром (Сравнительная политология: общие проблемы), Р. Дж. Далтоном (Сравнительная политология: микроповеденческий аспект), Л. Уайтхедом (Сравнительная политология: исследования по демократизации) и Д. И. Аптером (Сравнительная политология: вчера и сегодня) в кн.: Политическая наука: новые направления. М., 1999, с. 309-386.

19

Реальная политическая жизнь реальной страны бросает серьезный вызов сравнительной политологии. С одной стороны, под сравнительными методами понимается достаточно большое количество методов, методик и приемов, которые в совокупности представляют собой сравнительную политологию (или называются ей). С другой стороны, существует большое количество исследований конкретных стран, которые также называются сравнительными (особенно в мировом комплексном регионоведении).

Основная проблема сравнительной политологии и заключается в том, что нужно понять, как применяются оба эти подхода, таким образом, чтобы за общей генерализацией не исчез конкретный материал и конкретная специфика разных стран; с другой стороны, чтобы частности и специфика не «поглотили» понимание существования общих закономерностей. Таким образом, первая сложность сравнительной политологии и сравнительного метода в политологии и заключается в сочетании специфики и генерализации, где за генерализацией не теряется специфика, а специфика не отрицает при этом наличия общих закономерностей.

Вторая проблема сравнительных подходов заключается в необходимости умелого сочетания или взаимодействия конфигуративных и статистических (количественных) подходов (методов). В конфигуративных исследованиях акцент делается на один либо несколько случаев, таким образом, чтобы можно было понять логику политической жизни в рамках ограниченного количества установлений¹⁴. Логика такого исследования будет идти «вглубь» и включать в себя интерпретативные методы и методики. В конфигуративных исследованиях концентрируются на сравнении политических институтов и макрополитических переменных в сочетании с культурным, социальным или/и экономическим контекстом политической жизни. В рамках этого подхода в основном анализируется одна страна либо группа близких стран. В рамках исследования одной страны в такого рода подходе превалирующим становятся не только интерпрета-

¹⁴ Терминология сравнительной политологии, особенно в России, еще не является полностью установившейся. В данном случае под термином «установления» имеется в виду аналог термина «settings» в англоязычной сравнительной политологии.

20

тивный, но даже и интуитивный метод, и поэтому в такого рода сравнительных исследованиях трудно провести грань между сравнительной политологией и сравнительной политической историей¹⁵.

Статистические подходы в рамках сравнительной политологии основаны на совершенно другой логике. В такого рода исследованиях одно (либо ограниченное количество) предположений проверяется статистически с использованием всего богатства материалов наибольшего количества стран. Причем специфика материала каждой страны является абсолютно неважной и может лишь подтвердить либо опровергнуть первоначальное предположение (либо группу предположений). В объяснениях статистического типа абсолютно неважно, что факторы в подходах другого типа должны быть измерены, и их важность может являться относительной. С другой стороны, в статистических подходах может быть предпринята противоречивая попытка «измерения», к примеру, культурных факторов, для того чтобы включить их в группу первоначальных предположений и подвергнуть статистическому кросскультурному и кросстрановому анализу. В подходах статистического типа страна предстает не «живой страной», а группой статистических переменных, которые могут быть подвергнуты статистическому (количественному) анализу.

Таким образом, в сегодняшней сравнительной политологии существует большое количество приемов и методик, которые находятся между этих двух обрисованных нами крайностей. Чарльз Рэгин удачно отмечал, что «хотя в широком смысле все методы общественных наук можно назвать сравнительными, термин *сравнительный метод*, как правило, используется в более узком значении для обозначения особого вида сравнений - сравнения крупных макросоциальных единиц. Традиционно под сравнительным методом в узком смысле понимается основной метод, применяемый в компаративистике - разделе общественных наук, занимающемся изучением сходства и различий между отдельными общест-

¹⁵ Об этом удачно написано Ф. Уилсоном (гл. 2. Раздел «The Political Legacy of History»). Frank L. Wilson. Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1996.

21

вами». Вопрос о сравнительном методе как особом и специфическом для компаративистики сегодня активно дебатруется, так как существует влиятельное течение в современной политологии, которое отрицает, что сравнительные общественные науки в этом смысле вообще чем-то отличаются от общественных наук в целом и политических наук, в частности. Точка зрения Ч. Рэгана на то, что в современной компаративистике наличествует четкий водораздел между качественными и количественными методами, т. е. сделан акцент на доминирование качественной традиции, не представляется достаточно убедительной в силу высказанных выше аргументов¹⁷.

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс удачно выделил пять типов сравнительных исследований:

- сравнительное исследование одной страны;
- сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран;
- сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- статистический, либо описательный анализ данных группы стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, построенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;
- статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов¹⁸.

Питерс в книге «Сравнительная политология. Теория и методы», посвященной основам сравнительного метода в политологии, подробно, с примерами, иллюстрирует свою убедительную типологию сравнительно-политических исследова-

Рэгин Ч. Особенности компаративистики. В кн.: Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., Общественный научный фонд, 1997, с. 32.

¹⁷ Там же, с. 33.

¹⁸ В. Guy Peters. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y.: Palgrave, 1998, p. 10.

¹⁹ Там же.

22

ний. Соответственно, по Рэгану, в группу компаративных попадут только первые три группы исследований из классификации Питерса.

Таким образом, в современной англо-саксонской традиции сравнительной политологии, являющейся ведущей в современной мировой политологии, сегодня четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кросстрановой анализ не является единственным типом сравнительных исследований. Т. е. исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно, с этой точки зрения, иногда полезнее «опуститься вглубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, для того чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от другого.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т. е. возможен и кроссвременной (кросстемпоральный) анализ одного государства (страны), либо даже политического института «внутри» национального государства. Такой сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической системы. В такого рода сравнительных исследованиях качественные методы анализа действительно превалируют над количественными, на что и указывал Ч. Рэгин. Надо сказать, что анализ такого типа чаще используется в исследованиях политической истории, а не сравнительной политологии, правда также в тех границах, где предметные поля этих двух дисциплин, имеющих все же разную методологическую базу, пересекаются. Важно отметить, что часть этого же предметного поля, но под другим углом, т. е. с учетом пространственно-географического и цивилизационного взгляда, разрабатывает и мировое комплексное регионоведение. При этом важно отметить, что существуют политологи, которые в связи с вышеперечисленными методологическими сложностями сравнительных подходов предлагают «конструировать» дисциплину на основе классификации теорий и концепций, которые анализируют и/или описывают объект, а не на основе самого объекта, и, надо сказать, делают это весьма успешно²⁰.

²⁰ Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. М., Инфра-М / Весь мир, 2001.

23

Логика анализа и проблемы подходов к анализу незападной и восточной специфики политических систем и культуры в мировом комплексном регионоведении

Таким образом, из очерченной логики понимания системного сравнительного политического анализа и его «спатальной развертки» в рамках мирового комплексного регионоведения вырисовываются принципы, в соответствии с которыми построена эта книга. Прежде всего, это необходимость определения общих принципов и закономерностей типологии построения и функционирования политических систем, кратко обрисованные как в первых главах настоящей книги, так и в достаточно полно представленной сегодня мировой литературе по сравнительной политологии на русском языке (это переводная литература ведущей на сегодняшний день англо-американской традиции сравнительной политологии)²¹, и менее многочисленной, но все же уже и не эпизодической российской литературе по предмету²².

Однако дальше начинается самое интересное и, одновременно, концептуально самое сложное, так как нужно отвечать на вопрос, что же является идеальной моделью, вокруг которой эти типологии построены, и каковы взаимоотношения между политической системой (политическими системами) и политической культурой (политическими культурами) регионов мира. Если мы считаем, что идеальной моделью является демократия западного типа (т. е. европейская и американская модель), то тогда мировой политический процесс будет опи-

²¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., Аспект-пресс, 2002; Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., Рипол класик, 2004; Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., Инфра-М/Весь мир, 2000; Политическая наука: новые направления. М., 1999; Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., Общественный научный фонд, 1997.

²² Соловьев А. И. Политология. М., Аспект-пресс, 2001; Сморгун Л. В. Современная сравнительная политология. М., РОССПЭН, 2002; Категории политической науки. Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М., РОССПЭН, 2002; -Политический процесс: основные процессы и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной, Инфра-М / Весь мир, 2001.

24

сываться в рамках предложенного С. Хантингтоном в его книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.»²³ и имплицитивно подразумевать соответствие или несоответствие данной конкретной модели идеальной²⁴. В рамках такого подхода мировой политический процесс будет «просто» описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции «всех стран и регионов» в направлении европейской, либо американской модификаций западных либеральных демократий, подобно тому, как К. Маркс из-за недостатка знаний по Востоку скорректировал свою знаменитую формационную теорию объяснениями ad hoc - концепцией «азиатского способа производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убедились в методологической ограниченности такой постановки вопроса.

Однако сегодня все больше и больше исследователей, как в западных странах, так и в России²⁵, высказывают сомнение в том, что теории современной западной политической модернизации и демократического транзита после событий «11 сентября 2001 г.» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии²⁶. Хотел бы специально оговориться, что речь идет не об отрицании этих теорий и концепций, а о необходимости расширения методологической базы и «номенклатуры» методологических подходов, в частности, с использованием методологии региональных подходов. Один из классиков западной политологии Л. Пай (к тому же автор блестящих трудов по сравнительной политической синологии) не только признал наличие «незападного» (в его терминологии) политиче-

²³ Huntington S. P. The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. Norman, 1991.

²⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., Аспект-пресс, 2002; Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., Рипол класик, 2004.

²⁵ См., к примеру, Володин А. Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы. «Политическая наука», № 2, 2003, с. 8-29; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. «Политическая наука», № 2, 2003, с. 42-65.

²⁶ Эти сомнения, кстати, не означают отрицания признания значения этих теорий в конкретных и конкретно-временных обстоятельствах.

25

ского процесса, но и сформулировал 17 закономерностей, которые определяют его специфику:

1. В незападных обществах политическая сфера не четко отделена от общественных и личных взаимоотношений.
2. Политические партии обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни.
3. Большое число разных клик является характерной чертой незападного политического процесса.
4. Особенности политической лояльности предоставляют лидерам политических групп незападных обществ весьма высокую степень свободы в выборе как долгосрочной, так и краткосрочной стратегии.
5. Оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто становятся инициаторами революционных движений.
6. Для незападного политического процесса характерно отсутствие интеграции его участников; это является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе.
7. Незападный политический процесс отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков.
8. Для незападного политического процесса характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений.
9. Там отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия.
10. В незападных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий.
11. Там очень высока взаимозаменяемость политических ролей.
12. Для незападного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп интересов, обладающих определенной функциональной ролью.

13. Лидеры незападных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы.

14. Аморфный характер аполитического процесса незападных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросу международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики.

26

15. В незападных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики.

16. Главенствующим типом лидерства в незападных сообществах является харизматический.

17. Незападные политические системы функционируют в основном без участия политических брокеров²⁷.

Таким образом, модель политики в обществах незападного типа в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния. Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура незападной политической жизни - общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Поэтому политические группы в незападных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не на политическую сферу деятельности, и чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические партии, а в политической жизни резко возрастает роль клика. В этой связи политическая лояльность становится обусловленной не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой, и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне внутригрупповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни. Поэтому в обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных с различными образами жизни населения. Именно

²⁷ Пай Л. Незападный политический процесс. «Политическая наука», № 2, 2003, с. 66-86.

27

поэтому и политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее - партию власти), а армия - выступить в роли правительства.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они действуют или как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, или в действительности представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т. е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно, облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, достаточно просто находиться в центре политического (т. е. общинного) процесса, что он и делает просто из-за того, что облечен властью «свыше». Поэтому в обществах незападного типа главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических «брокеров».

Описанная Л. Паем структура незападного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но признав отличие незападных обществ от западных, на основе которого и выписана Л. Паем специфика незападного процесса, мы можем пойти дальше и определить специфику восточных обществ и специфику политического процесса в обществах восточного типа²⁸. Надо сказать, что специфика такого рода хорошо определяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток).

Прежде всего обозначим два подхода к определению специфики восточных обществ в рамках мирового комплексного регионоведения, которые позволят нам определить и специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением.

²⁸ Пути к этому, кстати, также были намечены Л. Паем. См.: L. Pye, M. Pye. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics*. Cambridge, 1985.

28

В соответствии с первым подходом доантичные западные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

- структурирующий характер имеют рыночно/частно-собственнические отношения;

- там доминирует товарное производство;

— там отсутствует централизованная власть;

— соответственно там существовало демократическое самоуправление общины, которое впоследствии переросло в структуру, в сегодняшних западных обществах получившую название «гражданского общества»²⁹.

В соответствии с этой концепцией общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что *вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа, с точки зрения функционирования политической и административной системы.*

В обществах второго типа — восточных - не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т. е. власть была эквивалентна собственности, и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть «просто» наемной, а ее главной функцией являлась функция управления). В восточных обществах не было норм права, которые защищали частно-собственнические отношения (Римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом, хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кастовый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководитель

²⁹ В западной политической науке классическим выразителем этих взглядов является Д. Ландес (D. Landes. *The Wealth and Poverty of Nations*. L. 1998). Наиболее ярко и четко, но по-другому, чем Д. Ландес, в отечественном востоковедении эти положения были сформулированы Л. С. Васильевым (*История Востока*, т. 1, 2. М., 1999, и другие его работы).

29

которых был тесно связан с государственной системой либо просто являлся ее низшей частью - особым чиновником). Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной/общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковыми стали. В соответствии с этой логикой на Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке — община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной/корпоративной этики или традиции (т. е. то, что соответствовало коллективному, а не инди-видуальному/индивидуалистическому опыту).

Однако в последние десять лет в востоковедной политологии и мировом комплексном регионоведении появилось альтернативное объяснение специфики восточных обществ³⁰. В соответствии с этим пониманием особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

- права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, а права индивида по отношению к государству отсутствовали;
- собственность на землю на Востоке была разделена на две части: собственность на землю как на территорию с подвластным населением (т. е. собственность на налог), которая находилась у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на объект хозяйства, которая принадлежала зем-

³⁰ *История Востока* Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Яковсон. М., 1999; *История Востока*. Т. 2. Восток в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М., 1999; *История Востока*. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М., 1999, Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 1999. В западной политологии сходные, но структурно абсолютно другие и гораздо более детальные аргументы представлены Андре Гундер Франком (A. G. Frank. *ReOrient*. L., 1998).

30

левладельцам и налогоплательщикам (т. е. крестьянам и помещикам одновременно).

Такая ситуация определяла наличие двух господствующих классов, со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя из этих условий специфику обществ восточного типа можно определить следующим образом:

1. В обществах такого типа из-за перечисленных выше структурных причин существовала стойкая многоукладность, сопровождавшая весь процесс исторического развития.

2. В обществах такого типа всегда будут более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т. е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно существующих общественно-экономических укладов).

3. В обществах такого типа всегда будет существовать сопротивление «культур-полудивилизаций» (в терминологии Ф. Броделя), т. е. цивилизационная гетерогенность, где под цивилизацией понимается этап в развитии культуры, который включен в исторически определенную систему общественных отношений, несет в себе формационную специфику и вместе с тем последовательно накапливает культурно-политическое содержание.

4. Общества такого типа в силу своей этнической и культурной/цивилизационной гетерогенности нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно, там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функцией которых является централизаторская, цементирующая и унифицирующая роль в обществе.

5. Кроме того, в обществах такого типа, в силу как внутренних, так и внешних причин, капитализм имел неоднородный и анклавный характер, что определило как экономическую, так и политическую

специфику развития этих обществ³¹.

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то доста-

³¹ Подробнее аргументы представлены: Ланда Р. Г. Цивилизация, формация и социум на Востоке. В кн: Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 1999, с. 15-28.

31

точно легко сможем выписать специфику политического мира в обществах западного и восточного типов. В обществах западного типа:

1. Основополагающим является принцип «технологического/ техницистского» отношения к миру - к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженный известным афоризмом «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно, в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны вплоть до свободы убивать друг друга- «философская» основа всех европейских войн). Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем нон-конформист. Такое общество основано на воли индивидуума, в нем нет места фатализму, как в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т. е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа. На Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно, в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа основаны на принципе неопределенности, в них политика - игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата. Т. е. в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должен быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства³².

³² Эти положения связаны с идеями реформации Лютера, в соответствии с которыми не ясно, кого Бог определил к спасению (непознаваемость Божественной воли), существует одиночество совести (человек сам, без посредников, ищет путь к спасению), избранность подтверждается успехом практических повседневных начинаний (этика ответственной повседневности). Далее эти идеи были трансформированы и развиты А. де Токвилем, который говорил о демократии свободы (индивидуальная свобода выше равенства) и демократии равенства (неравных от природы нужно уравнивать, так как существует социальная справедливость). Соответственно конкурируют и взаимодополняют друг друга две модели- либеральная (существует свобода выбора, а человек спонтанно стремится к свободе и благополучию) и пагеральная (свобода должна быть ограничена властью, которая выступает как благонамеренный опекун народа) модели общественного устройства.

32

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидуум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают, соответственно, взаимобязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения власти, при этом власть должна быть выборна, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами; она не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимна (законотворительная власть должна избираться народом), эффективна (исполнительная власть должна быть автономна), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Западные общества основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В них существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти), и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практи-

33

ческие (земные) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

7. Общества такого типа пропагандируют систему «открытого» типа («открытое общество»), где в идеале нет сословных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «великие» коллективные ценности (т. е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму) и существует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности³³.

В восточном политическом мире все вышеперечисленные принципы в той или иной степени могут

существовать, но они не являются главными. В обществах восточного типа основополагающими являются другие принципы, а именно:

1. Принцип воздержания от волонтаристской активности (знаменитая концепция древнекитайской политической философии у-вэй («недеяния») и ее сегодняшнее дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни», т. е. в восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в «западном» смысле этого слова, там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писанные и неписанные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал - патерналистская модель, основанная на отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс - не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного.

2. Восточные общества основаны на теократическом принципе, в соответствии с которым государство - постоянно моби-

³³ Впервые в отечественной политологии эти принципы были удачно проанализированы А. С. Панариным. См.: Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М, 2000.

34

лизованный носитель ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящийся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т. е. общностью культурной памяти) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно, на Западе город выступал как частно-гражданская альтернатива государственной власти и основа «гражданского общества», а государство было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающееся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть может ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т. е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т. е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник/царь/пророк и обязательным посредником между человеком и Богом.

3. В обществах такого типа действует принцип уравнительной справедливости, т. е. статус человека в обществе определяется скорее не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должно в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справедливости», т. е. государственность в них - мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа соответственно - коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность³⁴.

Таким образом, если мы признаем не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и

³⁴ Там же.

35

согласимся с фактом плюрализма политических культур и, соответственно, взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческого политическая мысль пока не придумала³⁵, мы будем должны признать:

- наличие разных типов обществ (западного и незападного, где среди западных существует особый подтип восточных);

- наличие разных видов, моделей демократий (не только европейской и американской, а, скажем, азиатского типа - японская, тайваньская и др.), причем демократии «другого» типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской модели, в связи с отличиями социально-политических структур в этих странах, но при этом все же являться демократиями;

- наличие специфики, культурной и социально-психологической, т. е. связанной со спецификой культуры (в частности, политической) и национальной психологии и национального характера (в частности, в связи с особой ролью религиозного или какого-либо другого фактора, к примеру, связанного с существованием правовой системы особого рода) и т. д.;

- наличие «других» политических систем и политических культур, которые не «лучше» и не «хуже», а просто «другие» (подобно тому, как мужской пол не лучше/хуже женского, а просто - другой пол) и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа;

- в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно

большая доля идеологизированности и субъективности, связанная с тем, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией.

Признание этих положений позволит нам дополнить (или точнее- наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т. е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира, в частности, в нашем случае, стран Востока, во всей сложности их реального функционирования, что мы и

³⁵ Применительно к Востоку эта мысль удачно развернута в «Эссе о демократии» в кн.: Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М, 1999, с. 3-16.

36

предлагаем сделать читателю данной книги, а преподавателям в соответствии с предложенными принципами - построить образовательный процесс.

Таким образом, усвоение материала по данной проблематике должно начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем³⁶, далее можно переходить к ознакомлению с общими характеристиками политических систем государств разных регионов мира, типологизированными по разным критериям³⁷, параллельно с чтением вводных глав данной книги, а потом уже можно углубляться в анализ конкретной специфики функционирования восточных политических систем определенного типа в определенных регионах (т. е. в разных «спатальных» развертках), в соответствии с которыми и организован материал (часть 1 и 2)³⁸, т. е. анализ материала и обучение строятся на разработанном нами «спатально-аналитическом» принципе, а не на превалявавшем ранее противопоставлении «спатального» принципа «аналитическому».

Таким путем, на наш взгляд, можно будет получить представление о специфике функционирования политических систем Востока, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности.

³⁶ Основная литература на русском языке по этой проблематике: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., Аспект-пресс, 2002; Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., Инфра-М / Весь мир, 2000; Сморгун Л. С. Современная сравнительная политология. М., 2002.

³⁷ Основная литература: Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., Рипол классик, 2004; Вся Азия. Справочник. М, АСТ-Муравей, 2003.

³⁸ Списки основной и дополнительной литературы развернуты в приложениях к настоящей книге.

37

Литература

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.

Белокреницкий В. Я. Восток через призму мировых демографических процессов. Восток, 1999, № 5.
Богатуров А. Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.

Володин А. Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы. Политическая наука, № 2, 2003, с. 8-29.

Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред А. Д. Воскресенского. М., 2002.

Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., 2004.

Истон Д. Категории системного анализа политики. В кн.: Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997.

История Востока. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Яковсон. М., 1999.

История Востока. Т. 2. Восток в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М., 1999.

История Востока. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М., 1999.

Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. Политическая наука, № 2, 2003, с. 42-65.

Категории политической науки. Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М., 2002.

Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М., 1999.

Пай Л. Незападный политический процесс. Политическая наука, №2, 2003, с. 66-86.

Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М., 2000.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Политический процесс: основные процессы и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001.

Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. М., 2004.

Сморгун Л. В. Современная сравнительная политология. М., 2002.

Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.

Соловьев А. И. Политология. М., 2001.

38

Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 1999. Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция, традиции и демократизация). М., 1999.

Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.

Chilcote, Ronald H. Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered. Boulder, 1994.

- Frank, Andre G. ReOrient. L, 1998.
Hay, Colin. Political Analysis. A Critical Introduction. N.Y., 2002.
Landes, David. The Wealth and Poverty of Nations. L. 1998.
Peters B.G. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y, 1998.
Pye, Lucian, Michael Pye. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge, 1985.
Roskin, Michael D., James A. Medeiros, Walter S. Jones. Political Science. An Introduction. Englewood Cliffs, 1988.
Wilson, Frank L. Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis. Upper Saddle River, 1996.
Б. С. СТАРОСТИН
П. Б. СТАРОСТИН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ВОСТОКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В последние годы в России вышло немало работ, монографий, статей, пособий и учебников по общей политологии и ее отдельных специализированных разделов как отечественных, так и зарубежных авторов. Среди опубликованных исследований немало носящих компартиvistский характер, в которых сравниваются различные модели политического развития и модернизации в современном российском обществе и в других странах¹.

И вместе с тем следует отметить, что в большей части политологических работ востоковедная проблематика если и присутствует, то только фрагментарно, а следовательно, неадекватно той роли, которую страны Востока играют ныне. По мнению многих выдающихся исследователей и Запада, и Востока, они будут играть все более весомую роль в современной жизни международного сообщества. Сегодня совершенно оп-

¹ См. например: Антология мировой политической мысли. В 5 т. М., 1997; Белокреницкий В. Я. Восток на рубеже веков - некоторые итоги и перспективы развития // Восток - 2001 — № 5; Политическая наука в России / Отв. ред.-сост. Воскресенский А. Д. М, 2000.; Ашин Г. К., Кравченко С. А., Лозанский Э. Д. Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М, 2001.; Кочакова Н. Б. Традиционные институты управления и власти. М., 1993; В. Рукавишников, Л. Халман, П. Остер. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.; Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М, 1997; Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. М., 2001. Липсет С. М, Кён-Рюн Сен Дж., Торрес Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии// Международный журнал социальных наук. - 1993. № 3.; Риггз Ф. У. Непрочность режимов «третьего мира». Там же.

40

ределенно существует дефицит обобщающей литературы по политической науке Востока. Как представляется, эта проблема связана с сохраняющимся европоцентризмом как в отечественном, так и в западном обществоведении.

Понятие Востока в традициях мирового комплексного регионоведения включает в себя страны Азии и Африки, которых сейчас насчитывается порядка ста, где проживает большая часть человечества. В этой огромной зоне планеты принято выделять ряд регионов. В Азии это Южный, Юго-Восточный, Дальний, Ближний и Средний Восток. Африканский континент разделен условно на Северную, Центральную, Восточную, Западную и Южную Африку. Только в Южной Азии, по имеющимся данным, проживает 1,3 млрд. людей, народонаселение Китая составляет 1,2 млрд.² В последние годы появилось новое направление, и как исследовательское, и как дисциплина, преподаваемая в ряде вузов России, - регионоведение, или, точнее, мировое комплексное регионоведение, которое занимается сравнительной международной и социально-политической проблематикой регионов мира, в том числе и Востока. В этой проблематике особое место занимает Россия, большая часть которой относится к азиатскому региону. В этой связи важно отметить необходимость политологических исследований центральноазиатских государств, ранее входивших в качестве союзных республик в состав СССР.

Авторы данной главы не ставили перед собой задачу анализа востоковедных политологических проблем. Учитывалось, что далеко не все направления политологических исследований в равной мере адекватны и актуальны для осмысления политических реалий Востока. Поэтому в этой главе сделан акцент на проблемные аспекты, являющиеся дискуссионными, ряд из которых носит глобальный характер. Что это за аспекты?

Во-первых, истоки, этапы и методология осмысления политических реалий Востока в историческом контексте. *Во-вторых*, теоретические подходы к анализу политических систем на макроуровне и в востоковедной политологии как части мирового комплексного регионоведения. *В-третьих*, про-

² Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в современном политическом мире. Взгляд из Москвы. -N.Y., 2001.

41

блемы политического развития и модернизации обществ Востока- переоценка ценностей в современной политической науке (западной, восточной и российской) и мировом комплексном регионоведении. *В-четвертых*, особенности политической культуры азиатско-африканского мира, поиск альтернативных стратегий модернизации, парадигма синтеза традиционализма и модерна.

Истоки, этапы и методология осмысления политических реалий Востока

Сложные и противоречивые изменения, происходящие в современном мире, обществоведы в целом и специалисты в области политики и философии пытаются определять разными понятиями. Среди них чаще всего встречаются: социальный прогресс или регресс, эволюция, социально-экономическое развитие или стагнация, экономический рост или упадок, переход, трансформация, социальные или политические изменения, вестернизация, модернизация или ретрадиционализация, культурная идентификация или маргинализация, урбанизация или рурализация и т. д.

Каждое из этих понятий имеет свой сущностный смысл, «предметную область» преимущественного использования (философия, политическая экономия, социология, политология, культурология и т. д.). Каждое из них имеет свою примерную «зону» объектного применения - т. е. определенный круг объективных явлений и процессов, которые описываются тем или иным понятием.

Понятия «политическая философия», «социология политики» и «политология» в целом близки по своим предметным и методологическим основам, они в значительной степени перекликаются и с направлениями исследований, проводимых в рамках различных направлений востоковедения как части мирового комплексного регионоведения. Подобный комплекс социального знания развивается не «в вакууме», а прямо или опосредованно отражает в своих концепциях многообразные и противоречивые изменения как странового, регионального, так и мирового сообщества.

Конечно, проблемы структуры общества, проекты социально-политического идеала, поиски путей наиболее справед-

42

ливого управления издревле были предметами рассмотрения мыслителей разных народов, как на Западе, так и на Востоке.

По мере эволюции социальных организмов происходило усложнение социальной стратификации: возрастание количества социальных групп, слоев, сословий и т. д., углубление их различий и позиций в обществе. Необходимость управления социальными образованиями уже на ранних этапах человеческой истории привела к возникновению института политического управления, представленного правящей политической элитой и рядом обслуживающих ее элит: военных, социальных, культурно-религиозных, идеологических и др. В силу определенных закономерностей, нами до конца еще не понятых, процессы такой элитной кристаллизации особенно бурно происходили с VII-го по II-й века до н. э. во всех тогдашних цивилизационных очагах ойкумены, т. е. в период, который К. Ясперс назвал «осевым временем»³.

Именно в это время формируются политически-властные, экономически довлеющие, технологически-обслуживающие, социокультурные интегрирующие элиты. Именно они будут персонифицировать традиционные общества Востока, их достижения и откаты, их медленную эволюцию. Полагаем, что одними из первых мудрецов этого времени, которых на современном языке можно назвать политологами были, китайский философ Конфуций (ок. 551-479 до н. э.), а в Греции Платон (428-347 до н. э.) и Аристотель (384-322 до н. э.).

Учение Конфуция о социальной стратификации, о принципах праведного правления, о роли в обществе политико-бюрократической элиты, о кодексе совершенного человека сыграло огромную роль в истории не только Китая, но и ряда сопредельных с ним стран, на протяжении веков испытывавших сильное интеллектуальное китайское влияние. Всех людей Конфуций делил на 4 категории: владеющие знанием, стремящиеся его приобрести, ограниченные от природы, но приобретшие знания, и неспособные что-либо усвоить. Владеющий знанием называется совершенным человеком, он следует непосредственно за мудрецом.

Знаменитый русский востоковед И. Коростовец писал: «Совершенный человек Конфуция должен обладать следующими добродетелями: он должен быть скромнен, почтителен к

³ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

43

старшим, добр с народом и справедлив в управлении им, он должен избегать ссор, и если это случится, то он должен сдерживаться и выказывать неудовольствие лишь к тем, поведение коих достойно презрения. Он не любит тех, кто говорит о недостатках других, а также тех, кои, находясь в низшем состоянии, поносят высших. Он не любит тех, кои обладают доблестью, не уравновешенной пристойностью»⁴.

Но это лишь одна и, как представляется, не самая главная система социальной стратификации в традиционном конфуцианском Китае. Весьма важное значение для этого общества имели семейно-клановые связи, пронизывавшие все тело социума, а также высокий по сравнению с Западом патернализм, т. е. отождествление государства с большой семьей, а правителя с ее главой. Это явление сохранилось до наших дней, хотя гораздо в большей степени в Японии, Корее, на Тайване, чем в самом Китае⁵. Наконец, чуть ли не определяющей чертой социоэлитарной стратификации традиционного Китая была роль, которую играл институт мандарината, обеспечивавший управление обществом снизу доверху.

Речь идет о той специфической позиции, которую занимали в империи правящая бюрократическая элита и слой образованных конфуцианцев- шэньпи, из рядов которых черпались их кадры. Конечно, семейное и имущественное положение кандидата в шэньпи было важным фактором его карьеры. Тем не менее, талант и удача обычно являлись достаточно надежной альтернативой связям и богатству. Отсюда фиксируемый исследователями высокий уровень социальной мобильности в традиционном Китае.

Эта мобильность сводилась к тому, что места в рядах сословия шэньпи и правящей бюрократической элиты мог добиться, по существу, любой житель Поднебесной, независимо от его социального происхождения, она же приводила к постоянному и заметному перемещению по вертикали самых различных сословий.

Казалось бы, такая система традиционного китайского общества с его высоким уровнем социальной мобильности, от-

⁴ Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. С-Пб., с. 478.

⁵ См.: Конфуций. Я верю в древность. М, 1995. Беседы и суждения Конфуция (пять полных параллельных переводов, дополненные фрагментами других переводов). С-Пб., 1999.

44

крывающая большие возможности для индивида включиться в наиболее престижные «этажи», могла бы обеспечить и большую открытость общества социальным изменениям, инновациям и, как результат, социальному прогрессу. Парадокс, в соответствии с некоторыми серьезными исследованиями, заключается в том, что как раз эта система жестко стояла на страже традиционализма и противилась любым изменениям политико-идеологического и социально-экономического порядка.

Идеи Конфуция продолжал развивать Мэн-цзы (372-289 до н. э.), роль которого нередко сравнивают с ролью Платона по отношению к Сократу. Взгляды Конфуция и Мэн-цзы, уступив пальму первенства лишь на несколько веков конкурирующим политико-философским школам, оказывали определяющее влияние на всю общественно-политическую мысль Китая вплоть до XIX века. Да и в XX веке некоторые положения конфуцианства использовались идеологами Гоминьдана (Националистическая партия), который в результате прихода к власти в континентальном Китае коммунистов на долгие годы стал правящей партией на Тайване. В идеологии этой партии сохраняется понятие «сяокан шуйпин», что в дословном переводе означает «уровень среднего благосостояния». Но по конфуцианской традиции это понятие имеет более значимое содержание, связанное с концепциями Учителя об идеальном государственном устройстве. Речь идет о политико-идеологической программе Чан Кайши на Тайване. И даже Дэн Сяопин - модернизатор постмаоистского Китая - использовал это понятие как символ построения «социализма с китайской спецификой» - особого рыночного социализма ⁶.

Современником Конфуция был Лао-цзы (VI-V вв. до н. э.) - основоположник философско-религиозного учения «даосизм». Хотя историчность этого мудреца - вопрос дискуссионный, ему приписывается авторство главного даосского трактата «Дао дэ цзин». «Здесь,- отмечает М. Т. Степаняц, - широко используются метафоры, образные сравнения для передачи даосских воззрений на основания бытия, на идеальное общественное устройство и идеального человека. На протяжении вековой истории этот памятник оставался объек-

⁶ См. История Китая / Под ред. Меликсетова А. В. М, 2002, с. 697-728.

45

том комментирования для многих выдающихся мыслителей Китая» ⁷. Ярким представителем даосизма является и Чжуан-цзы (ок. 399-295 до н. э.), автор одноименного трактата ⁸.

В период «осевого времени» древнейшие воззрения «политологического плана» возникли не только в Китае и Греции, но и в цивилизационном ареале Южной Азии. В ведической классической литературе Индии мы уже находим заповеди оптимального государственного устройства, определение роли правителей и управляемых. Особенно зримо эти идеи проявились в многочисленных комментариях к ведам - так называемых «шастрах» и «упанишадах».

Наш современник, видный индийский философ и политолог К. С. Мурти пишет: «Когда-то в древней Индии под философией понимался рациональный, критический и разъясняющий обзор теологии, экономики и политической науки, а также и как необходимый инструмент и основание всех видов деятельности, которые помогали индивидууму познавать сущность социально-политических реалий» ⁹.

В древнеиндийской классической литературе по интересующей нас тематике особое место занимают трактаты «пураны», все известные основные 18 пуран создавались в 1-м тысячелетии до н. э. Наряду с общефилософскими вопросами в них рассматривается проблема власти (в частности, приводится генеалогия царских династий и богов).

Политико-философским сочинением можно считать трактат «Артхашастра», авторство которого приписывается главному сановнику основателя династии Маурьев - Каутилье. Традиция «Артхашастры» как особой дисциплины формировалась во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. Есть и другое мнение, согласно которому в законченном виде это объемное сочинение сложилось не ранее I-II вв. Оно состоит из 15 разделов «о поведении царя и выборе им советников, о способах пополнения казны, осуществления суда и следствия, тяжбах, преступлениях и наказаниях, о тайных мерах устрани-

⁷ Степаняц М. Т. Восточная философия. М., 1997, с. 262-263. См. также: Дао дэ дзин; Ле-цзы; Гуань-цзы. Даосские каноны / Новый перевод Малявина В. В. М., 2002.

⁸ См.: Чжуан-цзы / Новый перевод Малявина В. В. М., 2002.

⁹ Murty K. S. Philosophy in India. Traditions, Teaching and Research. N.Delhi, 1991, p. 173.

46

няя противников и соперников, методах политики и военного искусства, отношении к немонархическим объединениям...» ¹⁰. Даже принимая во многом легендарно-мифологический характер этого произведения, оно дает возможность «реконструировать» представления древних индийцев по широкому спектру социально-политических, экономических, правовых и культурных реалий".

«Артхашастра» лежит в основе средневековых книг об искусстве политики (нити-шаstra)... Отдельные положения «Артхашастры» нашли отражение в классической санскритской литературе: в сборниках поучительных историй (напр., в «Панчатантре», причисляемой в Индии к нити-шастрам), в пуранах и, «афоризмах Чанакья», в драме Вишакхадатты на сюжет преданий о борьбе Чандрагупты за власть («Мудрапракшаса»)¹².

В новое и новейшее время в истории Индии началось своеобразное реформаторство социально-политических идей индуизма. Речь идет об обновлении и модернизации концепций прошлого. У истоков этого течения стояли такие великие реформаторы, как, например, Сарасвати, Рамакришна, Вивекананда. Эти имена можно отнести к представителям течения, которое стало именоваться «цивилизаторством» Востока, поскольку они не ставили вопрос о достижении независимости. Но уже в XIX веке в Индии появились деятели более радикальных взглядов, одним из них был Тилак. Позже, в XX веке, радикализм, связанный с концепцией независимости, которая отстаивалась (хотя и разными путями), ассоциируется с именами Махатмы Ганди и Дж. Неру.

В Китае определенную дань политико-философской классической литературе отдавал и первый президент этой страны в начале ее постмонархического развития - революционный демократ Сунь Ятсен (1866-1925). Рассмотрим некоторые аспекты воззрений Сунь Ятсена. Три принципа, им сформулированные, были изложены в его работе от 1918 г. «Программа национального строительства Китая». Именно в этой работе автор размышляет и о причинах китайской косности, и о воз-

¹⁰ Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь. М., 1996, с. 61.

¹¹ См. также: Grant Francis. Oriental Philosophy. The Story of the Teachers of the East. N.Y., 1936.

¹² Там же, с. 61-62.

47

можностях модернизации страны. Это одна из первых работ выдающегося китайского мыслителя, который пишет о причинах деградации китайской цивилизации и возможных путях ее возрождения.

Сами три принципа Сунь Ятсена хорошо известны. Тем не менее, в контексте данной краткой компаративной главы напомним их.

Первый: национализм, под которым автор понимал создание единой китайской нации путем объединения этнонациональных меньшинств Китая с целью вывода их из-под иностранного влияния и создания единой китайской республики.

Второй: демократия, введение прямого и равного права для субъектов республики и ее жителей.

Сунь Ятсен, исходя из многочисленных примеров западных стран, утверждал, что сильное государство можно создать только благодаря единению всех входящих в него этносов и наделению их равными правами и обязанностями (признание достоинства и ценности каждого народа, каждой нации — большой и малой. - Б. С).

Далее, в основе его очередного, *третьего* принципа лежат размышления о конфуцианском идеале Датун - всеобщего благоденствия, непосредственно связанного с совершенствованием человека и в материальном, а главное, в моральном плане. Как известно, Конфуций, как и продолжатели его идей и даже оппоненты, оставили на этот счет богатое философско-политическое наследие.

Виднейшими представителями китайской политико-социально-философской мысли в XX веке являются также Лян Цичао и Фэн Юлань. Лян Цичао - не только мыслитель, но и политический деятель, с его именем связаны важнейшие события китайской истории конца XIX — первой трети XX в. Он не просто знакомил китайского читателя с различными западными философскими, политическими и этическими учениями, а стремился сопоставлять их с традиционными ценностями китайской культуры. «И сегодня в Китае, - пишет Л. П. Делюсин, - когда развертываются научные дискуссии и идут политические споры о свободе мысли, демократии, либерализме, роли традиционной культуры в процессе модернизации страны, участники дебатов вновь и вновь об-

48

ращаются к сочинениям Лян Цичао как источнику современной политической мысли»¹³.

В начальный период вызревания политологических исследований Востока внесли свой вклад путешественники (купцы и миссионеры), философы и историки, географы и правоведы из стран Запада, России и Востока. К исследованию властных и иных управленческих структур традиционного Востока с течением времени подключились западные культурологи. В новое время в Европе продолжают выходить труды известных философов и историков, в которых изучению государства и политики уделяется важное место. Вспомним такие знаменитые имена, как: Н. Макиавелли («Государь», 1513); Т.Гоббс («Левиафан», 1651); Вольтер, («Философский словарь», 1764-1769); Ж. Ж. Руссо («Об общественном договоре...», 1762) и др.

В XIX-XX веках некоторый интерес к Востоку проявляли также и представители классической философии: И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, О. Шпенглер, Б. Рассел. Следует отметить, что в трудах всех вышеназванных авторов Восток не является предметом специального анализа, да и политологические идеи рассматриваются в традиционном ключе философии права, т. е. роли государства и законов в жизни общества. Только в конце XIX века итальянский юрист и социолог Гаэтано Моска (1858-1941) назвал свою книгу «Элементы политической науки».

Новый этап для становления востоковедной политологии начинается в XX веке, когда политические институты в Азии, Африке и в Тихоокеанском регионе становятся объектом эмпирических исследований, проводимых прежде всего западными культурологами, антропологами и социологами.

В работах классических представителей этих наук, как правило, содержался анализ того, кто и каким образом осуществляет управление традиционной этно-культурной общностью, кто пользуется наибольшим авторитетом, чьи мнения оказываются решающими в принятии важных для всей общности решений или осуществлении арбитража в спорах и ссорах, а также описания многих других вопросов, относящихся к сфере власти и

¹³ Делюсин Л. П. Рецензия на книгу Борох Л.Н. «Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX-XX веков» // Восток, 2002, № 4, с. 189.

49

политической жизни. Современные учебники или обобщающие монографии по культурной (социальной) антропологии, как правило, содержат разделы, посвященные «политической ориентации», «политической структуре» или «политическим институтам».

И по сей день классическими считаются работы: М. Фортеса и Е. Е. Эванс-Притчард (по Африке); Д. Лернера (по Ближнему Востоку); Ф. Риггза и Л. Пая (по Восточной и Юго-Восточной Азии); М. Вебера (о религиях и связанных с ними особенностях общества в Индии); Р. Э. Уарда и Д. А. Растоу (о сравнении политической модернизации Японии и Турции); К. Д. Джексона и Л. Пая (по Индонезии) и др.¹⁴ А также обобщающие работы по востоковедной политологии С. Н. Эйзенштадта, С. Хантингтона, У. Э. Мура, Г. А. Алмонда и Дж. К. Коулмэна и др.

По праву считается, что политическая наука среди вышеперечисленных направлений, объектом которых было изучение политики, является самой молодой. Один из крупных современных знатоков политической философии Лео Штраус пишет следующее: «Так называемая новая наука политики появилась незадолго до Первой мировой войны; она заняла господствующие позиции и достигла своей зрелой и окончательной формы во время и сразу после окончания Второй мировой войны. Ей не нужно быть продуктом или симптомом кризиса современного западного мира, - мира, который мог бы похвалиться все более расширяющейся свободой и гуманизмом; она несомненно является современницей этого кризиса»¹⁵.

Вот что пишет в этой связи знаток вопроса А. С. Панарин: «Политология, или наука о политике, - одна из самых молодых дисциплин. В самостоятельную отрасль знания она выделилась

¹⁴ См.: African Political Systems./ Ed. by Fortes M., Evans-Pritchard E.E. - L., 1940; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. - N.Y., 1965; Riggs F.W. Thailand: The Modernization of a Bureaucratic Polity. - Honolulu, 1967; Pye L.W. Aspects of Political Development -New Delhi etc., 1972; Weber M. The Religions of India: The Sociology of Hinduism and Buddhism. -Glencoe, 1960; Political Modernization in Japan and Turkey / Ed. by Ward R.E., Rustow D.A. N.Y., 1964.

¹⁵ Штраус Д. Введение в политическую философию. М., 2000.

50

совсем недавно: на Западе - на рубеже 40-50 годов (формально датой ее обособления может служить 1948 год, когда ЮНЭСКО был принят специальный документ, определивший структуру и задачи новой науки), у нас - в 80-х годах. Еще в середине века главные проблемы политики на Западе изучались в основном в рамках политической социологии; примечательно, что признанные сегодня корифеи политической теории (Г. Алмонд, Д. Истон, Р. Мертон, Г. Моргентау, С. Липсет в США, М. Дюверже, Б. Де Жувенель, Р. Арон во Франции) тогда еще числились социологами. И только недавно произошло размежевание социологии с политической наукой: стало признанным, что *социология изучает отношения людей в гражданском обществе, тогда как политология — их отношения в рамках государства, т. е. по поводу власти*¹⁶.

Нужно отметить, что перечень упомянутых А. С. Панариным политологов, в основном западников, необходимо дополнить именами других «корифеев», кто занимался политологическими исследованиями стран Востока. Это М. Мюллер, М. Вебер, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт, Ф. Риггз, М. Спиро, Д. Е. Эптер, К. Е. Блэк, Дж. Е.Голдторп, Р. Котхари, Д. Лернер, Дж. Р. Мадан, М. Мид, Ф. Е. Мур, Л. Пай и многие другие.

Восток и его социо-политические реалии интересовали и многих отечественных ученых хотя политический ракурс их исследований не был приоритетным, нельзя недооценивать их вклад в осмысление данной проблемы. Это такие исследователи, как, например, Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург, Н. И. Конрад, В. П. Алексеев, Ф. А. Розенберг, И. Ю. Крачковский и др. Созданные этими учеными научные школы «работают» и по сей день.

Сравнительно недавнее рождение политической науки, видимо, предопределило ее «инфантильность» в том смысле, что до сих пор не существует общепринятого определения предмета данного научного направления и единой методологии исследований. Наряду с понятиями «политическая наука» и «политология» существуют другие: «политическая социология», «социология политики», «социология политических отношений» и т. д.

¹⁶ Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М., 2000, с.4.

51

Как соотносятся между собой эти понятия, в чем сходны и в чем различны обозначаемые ими направления исследований? На этот счет есть разные мнения. Так, например, один из основоположников современной американской политической социологии С. М. Липсет¹⁷ пишет следующее: «Социологи утверждают- и многие политологи соглашаются с ними,- что политические процессы с трудом поддаются изучению, если они не рассматриваются как особые случаи более общих психологических и социологических отношений. В последние годы многие политологи подвергли проверке немало

теоретических аспектов социальной науки, имеющих отношение к политике. Термин «политическая социология» получил признание и в социологии, и в политической науке как название дочерней дисциплины, которая охватывает общие области обеих этих наук».¹⁸

С. М. Липсет поясняет, что в его понимании «политическая социология» изучает взаимоотношения между обществом и государством, между социальными и политическими институтами. Отметим, что такое понимание во многом условно, по той простой причине, что государство и, шире, политические институты - это тоже часть общества, часть социальной системы. А если это так, то С. М. Липсет делает предметом политической социологии взаимодействие между социальными институтами, выполняющими разные функции, но этим же изучением занимается и социология в целом.

Тем или разделов в тех или иных формулировках множество, они характерны для современных политологических исследований, проводимых как на Западе, так и на Востоке, как в индустриально развитых, так и в развивающихся странах или в конкретных регионах и социально-этнических образованиях. Вместе с тем предмет востоковедной политологии в рамках мирового комплексного регионоведения имеет и свою специфику.

Выше уже отмечалось, что политология - одна из самых молодых общественных дисциплин. Это действительно так,

¹⁷ Наиболее крупные работы: Lipset S.M. *Political Man: The Social Bases of Politics*. - Baltimore, 1981. Lipset S.M. *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective*. - Garden City, N.Y., 1967. *Politics and the Social Sciences*. /Ed. Lipset S.M. - N.Y. etc. 1969.

¹⁸ Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972, с. 203.

52

если говорить о названии и самостоятельном статусе ее существования.

Бум политологических исследований Востока после Второй мировой войны стимулировал компаративный, или сравнительный метод. Путем изучения исторических, социально-экономических, социологических и иных особенностей стран Востока в эти годы прошлого века ученые пытались ответить на вопрос, почему одни из стран быстрее и легче вступили на стезю социально-экономической и политической модернизации, в то время как другие, будучи столетиями «похожими» на первые, оказались жестче привязанными к традиционализму.

Одной из первых работ была книга (изданная в 1958 г.) Д. Лернера, посвященная сравнительному анализу перехода ряда традиционных обществ арабского Востока в стадию модернизации. Он явился автором так называемой «коммуникационной» модели модернизации, имея в виду, что главное для социального обновления общества состоит в воспитании современно-рационально мыслящего человека.

В этот период наряду с методом сравнительных исследований широкую популярность приобрела методология структурно-функционального анализа, институционализма и бихевиоризма. Структурные функционалисты (Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Шилз, С. Липсет, Д. Истон, Г. Алмонд и др.) сделали акцент на типологию и описание тех главных функций, которые выполняют различные социальные и политические структуры. Институционалисты и неинституционалисты (С. Хантингтон, Дж. Нельсон, Ш. Айзенштадт и др.) считают главным изучение эволюции и работы существующих в обществе политических институтов.

Бихевиористы (И. Эрикссон, Л. Пай и др.) делают упор на исследовании типов политического поведения, на вопросах политической социализации индивидов, а также способах мобилизации на достижение тех или иных политических целей. В последние годы разрабатывается усилиями ряда крупных востоковедов-политологов методология девелопментализма — то есть методология изучения политического развития Востока в современных условиях. Так, например, С. Хантингтон и И. Нельсон откровенно признали, что слишком широкое политическое участие народа в делах молодых национальных государств может затруднить модернизацию, что такое участие

53

должно быть «дозированным», а его рамки и активность должны предопределяться правящей элитой.¹⁹ Немало попыток предпринято для синтеза двух или более методов в рамках одного исследования.

Например, структурные функционалисты нередко прибегают к сравнительным исследованиям, но в отличие от компартивистов делают акцент не на способах формирования правящей политической элиты, а на мере эффективности ее функционирования.

Политическая власть и политические системы в обществах Востока

Понятие «системы» прочно вошло в «арсенал» современной науки исторически сравнительно недавно, хотя, по-видимому, как термин имеет гораздо более долгую генеалогию. Это понятие ввел в научный обиход в 30-40-е годы австрийский биолог-теоретик Людвиг Берталанфи (1901-1972), который по праву считается одним из основоположников общей теории систем, или системного анализа. Для описания систем он широко применял формальный аппарат термодинамики и физической химии.²⁰

В послевоенные годы принципы системного анализа стали все активнее применяться в гуманитарной сфере, в том числе в социологии и политологии. Дело в том, что, несмотря на все предметные различия, системы разных классов, сущностных характеристик и функциональной направленности имеют нечто общее, что «делает их системами» - это некое единство составляющих элементов, взаимно связанных и функционирующих для поддержания «статус-кво», то есть стабильности самой системы.

Со времени отделения политической науки от социальной и политической философии и права понятие «политическая система» стало одним из краеугольных в политологии, в том числе и в

востоковедной.

¹⁹ Huntington S., Nelson I. No Easy Choice: Political Participation in Developing Societies. N.Y., 1976, p. 65.

²⁰ См., например: Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. М., 1969; Проблемы методологии системного исследования. М., 1970; Политология. Хрестоматия./ Под ред. М. А. Василиса. М., 2000.

54

Концепция политической системы очень емкая по своему содержанию - нет однозначно принятого понимания того, что представляет из себя этот феномен общества. Можно констатировать лишь то, что, несмотря на все различия обществ, представляющих человечество, это одна из важнейших социальных подсистем, которая возникла в незапамятные времена и, эволюционируя, играла и играет во многом, скажем так, главенствующую роль в развитии социальных структур, на какой бы стадии исторического развития они ни находились.

Существует множество определений того, что такое политическая система, каковы ее составляющие и функции. Так, например, энциклопедический словарь по политологии говорит: «Политическая система общества - целостная, упорядоченная совокупность политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества, подчиненных кодексу политических, социальных, юридических, идеологических, культурных норм, историческим традициям и установкам политического режима конкретного общества. П.с. включает организацию политической власти, отношения между обществом и государством, характеризует протекание политических процессов, включающих институционализацию власти, состояние политической деятельности, уровень политического творчества в обществе, характер политического участия, неинституциональных политических отношений»²¹. Далее в статье подробно описывается, с какими другими подсистемами и какими историческими способами взаимодействует политическая система, какие факторы повышают или, наоборот, снижают ее стабильность и эффективность. Приведенные в цитируемом определении политической системы характеристики можно было бы значительно приумножить, но и в таком виде данное определение является, так сказать, расширительным.

Дело в том, что в этом определении, приведенном в сокращенном варианте, понятие политической системы как бы растворяется в концепции социума и его различных подсистем. Да, конечно, политическая система функционирует и эволюционирует не в «вакууме», она является, что очевидно, частью

²¹ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993, с. 273.

55

любого, даже примитивного общества, и связана множеством неразрывных нитей с его многообразными «сегментами».

Есть много других толкований сущности политической системы. Из наиболее крупных авторов по этой проблематике можно назвать американских политологов Д. Истона, Г. Альмонда и их французского коллегу М. Дюверже.

Один из ведущих американских политологов, применивший к изучению политических систем методы системного анализа, - Д. Истон. «Истон акцентирует внимание на том, что политическая система - это не просто взаимодействие ее структур, а постоянно изменяющаяся, функционирующая, динамичная субстанция... Истон определяет политическую систему как взаимодействия, посредством которых в обществе осуществляется распределение ценностей и на этой почве предотвращаются конфликты между членами общества. Рассматривая любую политическую систему с точки зрения функционирования, он использует кибернетический принцип замера показателей функционирования на «входе» и на «выходе» системы. На «входе» - это запросы и потребности граждан, а на «выходе» - решения и действия властей»²².

В отечественной и зарубежной литературе модель полит-системы Истона называют еще и информационной. Дело в том, что понятие «информация» в кибернетике, а от нее оно перешло и в общественные науки, имеет смысл упорядочивания системы, поддержания ее стабильного функционирования, в отличие от понятия «энтропия», которым обозначаются процессы, направленные против стабильности любой системы, на усиление «хаоса» и ее разложение.

В понятийном плане (в разных переводах) модель Истона имеет некоторые отличия, которые, в принципе, не меняют ее сущности²³.

В какой мере схема Истона универсальна? Приведем на этот счет следующее мнение. «Нетрудно обозначить исторические реалии, определившие теоретическую направленность концепции политической системы Д. Истона: по замыслу автора, она была призвана прежде всего дать средство изучения

²² Политология. Хрестоматия./ Под ред. М. А. Василика. М., 2000, с. 807.

²³ См.: Каменская Г. В., Родионов А. Н. Политические системы современности. М., 1994, с. 12.

56

механизмов стабилизации демократических режимов Запада и выявления потенциала адаптации политических структур традиционных обществ, рассматриваемой в духе теории модернизации возможного самонаправленного перехода стран незападного культурно-исторического ареала к политическим системам демократического типа»²⁴.

Ранее упомянутый американский специалист в области общетеоретической политологии, а также в плане изучения политических систем и политической культуры Г. Алмонд также выделяет функции на «входе» и «выходе». Правда, определяет он их по-своему. Так, например:

А. Функции входа

1. Политическая социализация и вовлечение в политику или политическая мобилизация;
2. Выражение интересов (= группы интересов);
3. Интеграция интересов (= политические партии);
4. Политическая коммуникация (= средства информации).

Б. Функции выхода

5. Определение правил (= законодательная ветвь власти);
6. Применение правил (= исполнительная власть);
7. Контроль за соблюдением правил (= судебные органы)²⁵. Первоначально основные политологические идеи были

изложены Г. Алмондом совместно с Дж. Б. Пауэллом в работе «Сравнительная политика: подход к развитию» (Лондон, 1966). Концепция Алмонда, так же, как и Истона, претендует на универсальность и применимость ко всем политическим системам вне зависимости от их специфики и уровня развития, включая общества Востока. Г. Алмонд описывает политическую систему как ролевое взаимодействие, обращая особое внимание на его институциональную сторону: носителями политической роли выступают структуры самого разнородного характера, от законодательных органов до семьи, касты или группы, связанной общинно-родовыми узами.

Обратим внимание на то обстоятельство, что Алмонд особый акцент делает, во-первых, на ролевой подход в анализе политической системы (понятие роли- одно из ключевых в

²⁴ Указ., с. 12-15.

²⁵ См.: Каменская Г. В., Родионов А. Н. Указ., с. 16.

57

политологических и социологических концепциях), во-вторых, на методологию бихевиоризма и, в-третьих, на парадигму политической культуры.

Сентенции цитируемых авторов понять подчас непросто. Дело в том, что речь идет о представителях системно-функционального подхода к анализу политических систем и политики в целом, когда на первое место ставится формализация параметров политических институтов, составляющих структуру политических систем, и вместе с тем исследование инкорпорирует в себя бихевиористские и психологические методологии.

Далее, следует отметить, что системно- или структурно-функциональный анализ делает акцент на механизмы поддержания «статус-кво» в любой, в том числе и политической системе, как бы «вынося за скобки исследования» те аспекты, которые связаны с изменением той или иной системы, ее развитием или деградацией.

К сказанному следует добавить, что отмеченные выше подходы социально-философски нейтральны, хотя по сути своей «концептуальный универсализм» своих кредо их авторы стремились преподнести как западному, так и восточному миру. При этом предполагалось, что формализованные схемы политических систем, как и их основных структурных элементов, в равной мере могут служить аналогами восточных реалий, которые, как все более становится очевидным, отнюдь не адекватны предлагаемым Западом моделям.

Характерно, что к сделанным выводам все чаще в последние два десятилетия приходят западные, восточные и отечественные востоковеды-политологи и политологи-регионоведы. При этом отмечается, что особенности политических систем Востока в основном корреспондируют с особенностями востоковедной политологии в целом. Отметим те из этих особенностей, которые касаются характерных черт политических систем Востока.

Понятие «политическая система» и реалии, стоящие за этим понятием, теснейшим образом связаны с рядом феноменов, таких, как: политическая власть, политические институты, политический режим, личность и политика, политическая социализация, мобилизация, поведение и участие, политические процессы, развитие и модернизация, элиты, экономика и

58

политика, политическая культура и другие. Связь эта на понятийном уровне такова, что часто в политологических работах они рассматриваются в разделе «политическая система», при этом предполагается, что структуры и процессы, описываемые этими понятиями, являются составными частями систем²⁶. В других исследованиях они анализируются параллельно с политической системой в «самостоятельных» разделах, главах²⁷.

Так, профессор Калифорнийского университета Нейл Смелзер пишет: «Политическое устройство можно определить как совокупность идеологий и институтов, формирующих политическую деятельность внутри общества. В основе политической системы лежит понятие власти. Власть предполагает способность навязывать свою волю другим и мобилизовывать ресурсы для достижения поставленной цели. Некоторые теоретики сравнивают власть с ограниченным количеством товара, поэтому любое ее перераспределение может повлечь за собой потери для той или иной партии. Другие полагают, что власть имеет неограниченный характер, поэтому ее концентрация в чьих-то руках не означает поражения для кого-то»²⁸.

Политическая власть может основываться на «харизме», или, как писал М. Вебер, быть властью авторитета одного человека, наделенного способностью внушения беспрекословно подчиняться себе и верить в собственную непогрешимость массе людей. Харизматическими лидерами можно считать, например, Будду, Христа, Мохаммеда, а в XX веке М. Ганди, Гитлера, аятоллу Хомейни, Сталина, Мао

Цзэдуна, Ким Ир Сена, бывших президентов Египта Г. А. Насера и А. Садата, Саддама Хусейна, а из действующих лидеров, например, главу Ливии Муамара Каддафи. Наряду с харизматическим господством Н. Смелзер разделяет традиционное и рационально-легитимное. «Традиционное господство, - пишет он, - основано на традициях и обычаях. В качестве примеров можно привести власть монархов над подданными или матроны над молодой невес-

²⁶ См., например: Смелзер Н. Социология. М., 1994.

²⁷ См., например: Политология. Хрестоматия./ Под ред. М. А. Василика. Указ. соч.

²⁸ Смелзер Н. Указ., с. 544.

59

той. Рационально-легитимное (разумно узаконенное, иными словами. - Ред.) господство связано с верой в правильность формальных правил и необходимостью их выполнения... В соответствии с рационально-легитимной моделью для политической системы характерны общие принципы, свойственные всем бюрократиям: подбор кадров вне зависимости от личностных способностей людей; главное - это их заслуги; государственная служба как карьера»²⁹.

К. Маркс считал, что власть, характер политической системы определяются, прежде всего, способом экономического производства в данном обществе. «В общественном производстве, своей жизни, - писал К. Маркс, - люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения-производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни вообще»³⁰. Очевидно, что у отмеченных типов господства есть и другие качества, но ограничимся сказанным.

В связи с приведенным выше определением политической системы, данным Н. Смелзером, было введено понятие «политический институт» в качестве одного из важных ее составляющих. Вообще, это понятие не является сугубо политическим — оно широко употребляется, можно сказать, во всех социальных науках, обладая, разумеется, «предметными» особенностями в каждой из них. Упомянутый ранее французский социолог и политолог Морис Дюверже отмечает: «Ни термин "институт", ни термин "политический" совершенно точного значения не имеют: в этом-то и кроется трудность определения понятия политических институтов... Думается, что термин "институты" можно было бы резервировать для обозначения совокупности идей, верований, обычаев, составляю-

²⁹ Смелзер Н. Указ., с. 527.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6.

60

щих упорядоченное и организованное целое (например, брак, семья, выборы, правительство, собственность и т. д.). Удовольствуемся временно этим понятием...»³¹.

Не сложно заметить, что в данном определении институт понимается в широком социальном смысле. Брак, семья, темпы прироста населения, система образования или здравоохранения в том или ином обществе, разумеется, так или иначе связаны и с традициями, и с обычаями, и с идейной ситуацией и проводимой политикой, но сами по себе, так сказать, в «чистом» виде едва ли могут быть названы политическими институтами.

Что касается политических институтов, то ряд исследователей называют ими институты государства, исходя из этимологии, ведущей свое начало от греческого понятия «полис» -город-государство.

Другие авторы ассоциируют политические институты с возникшим еще в древности разделением общества на управляющих и управляемых, на тех, кто командует, и тех, кто подчиняется первым. «Это фундаментальное различие существует в семье, в самоуправляющейся единице, в государстве, в ассоциациях, в различных братствах, в церквях и т. д. Политическими называют такие институты, которые затрагивают правителей и их власть, руководителей и их полномочия»³².

Думается, что и эта формулировка оставляет ряд открытых вопросов и в один ряд с политическими ставит иные институты, связь с политикой которых весьма проблематична. Типология собственно политических институтов дело не менее простое, чем их определение. Тем не менее, можно на этот счет предложить следующую примерную схему, не претендующую на исчерпывающий ответ. Типологизировать политические институты можно как по содержанию их деятельности, так и по выполняемым ими в обществе функциям, что взаимосвязано.

³¹ Цит. по: Политология. Хрестоматия./ Под ред. М. А. Василика. Указ., с. 332.

³² Там же, с. 332. См. также: Категории политической науки. Учебник. / Автор концепции проекта и руководитель авторского коллектива Мельвиль А. Ю. М., 2002.

Таблица № 1. Типология политических институтов

№	Типы	Название	Функции
1	Структуры и организации власти	Парламент, законодательные органы не центрального уровня	Законотворчество
		Правительство, министерства и ведомства центра и периферии, органы местного самоуправления	Исполнительная власть
		Суды разных уровней, прокуратура	Обеспечение правопорядка
2	Политические партии, работающие под их эгидой, общественные организации	Правящие и оппозиционные, профсоюзы, женские, молодежные и др. организации	Политическая социализация, мобилизация, защита прав и свобод членов соответствующих организаций
3	Процедурные институты	Процедуры проведения выборов, референдумов, назначение правительства, внесение поправок в конституцию, обсуждение вопросов в парламенте и законодательных органах вне центра	Регламентация и правовое обеспечение обсуждения и принятия решений по указанным и другим важным для страны и ее регионов вопросам
4	Нормативные институты	Конституция, законы, постановления и др.	Легитимизация наиболее жизненно важных аспектов функционирования и развития в различных сферах общества
5	Средства массовой информации	Телевидение, радио, пресса, интернет	Информационное обеспечение проводимой политики, получение оперативной информации (в том числе в режиме реального времени)
6	Институты внешней политики	МИД, посольства, генконсульства и консульства, представительства в междуна-	Поддержание и развитие международных отношений, продвижение собствен-

		родных политических организациях	ных внешнеполитических инициатив, защита прав граждан своей страны в третьих странах
7	Институты права	Современное право, прецедентное право, обычное право, мусульманское право (шариат), индусское право	Защита и наказание (в случае нарушения традиционных норм поведения) членов определенной группы, общины, конфессии
8	Традиционные институты	Родо-племенные, общинно-конфессиональные и аристократические структуры, обычаи, ритуалы, вождизм и др.	Защита и сохранение идентификации определенной общности

Указанные политические институты имеются не во всех странах Востока, а там, где они наличествуют, характеризуются неодинаковым содержанием и функциями, а также степенью развитости; их роль в жизни обществ различна.

Как бы то ни было, ученые при всех нюансах и расхождениях в понимании того, что такое политические институты, в основном полагают, что важнейшим из них является государство (государственные органы), ведь именно государства идентифицируют типы политической власти. Можно выделить несколько видов государств; одни из них в значительной мере уже принадлежат истории, другие (и их подавляющее большинство) - часть современного мирового сообщества, включая регионы Востока.

Тоталитарные государства

«Руководители тоталитарного государства стремятся держать страну и ее народ под своим полным контролем. Они стараются помешать любой другой группе встать между правительством и гражданами. Однако не все тоталитарные режимы одинаковы- социалистическая Куба совершенно не похожа на нацистскую Германию. Среди коммунистических стран Югославия Тито и Китай Мао Цзэдуна отличались друг

друг

от друга и от СССР. Но для них характерны некоторые общие черты...»³³.

В данной цитате можно согласиться, главным образом, с той мыслью, что тоталитарные государства отнюдь не одинаковы по своей исторической сущности. Что же касается так называемых их общих черт, таких, например, как: широкое использование идеологии, однопартийные системы, контроль над средствами массовой информации; контроль запасов оружия, контроль над экономикой, стремление полностью подчинить себе граждан, добиться их беспрекословной преданности режиму, полицейский надзор и подавление любого свободомыслия и диссидентства. Нечто подобное нарисовал английский писатель и публицист Джордж Оруэлл (настоящее имя Эрик Блэр (1903-1950)) в романе-антиутопии «1984», где изображено будущее общество как тоталитарный строй, поработавший массы и попирающий свободу и достоинство личности. Некоторые политики считают Оруэлла предвосхитившим социальные эксперименты левых³⁴.

Вместе с тем, следует отметить, что не все черты, приписываемые тоталитаризму, являются его прерогативой, некоторые из них присущи и другим режимам. Здесь уместно сказать, что государство и политический режим, как понятия и исторические реалии совпадая в ряде аспектов, все-таки являются полностью не изоморфными, то есть не одинаковыми во всех отношениях. М. Дюверже полагает, что «Совокупность политических институтов, действующих в данной стране в данный момент, составляет "политический режим"; в каком-то смысле политические режимы - это созвездия, звездами в которых являются политические институты»³⁵.

Теперь в нашем тексте появляется понятие «политический режим», как представляется, некоторая конкретно-историческая ипостась политической системы. Политический режим ассоциируется с понятием «личной власти», что в свою очередь корреспондирует с феноменом харизмы.

³³ Смелзер Н. Указ., с. 530-531. См. также: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

³⁴ См. Советский энциклопедический словарь. М., 1970. См. также: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.

³⁵ Политология. Хрестоматия. Указ., с. 334.

64

«Термин "политический режим" представляет собой исторически конкретную характеристику функционирования политической системы. Например, можно говорить о режиме V Республики во Франции

или о режиме личной власти Сталина в СССР»³⁶.

Что же касается Востока, то нельзя не упомянуть режимы личной власти Чан Кайши, Мао Цзэдуна, Пол Пота, Ким Ир Сена, Г. А. Насера, А. Садата, С. Хусейна, М. Каддафи и других харизматических лидеров азиатско-африканских стран, прошлых и нынешних.

Так что же получается? Понятие «политический институт» и описываемые им реалии оказывается существенным и для таких моделей, как: «политическая система», «государство», «политический режим» или «режим личной власти».

Иными словами, институты - это те феномены, которые опосредуют, обозначают, символизируют, а в реальном политическом пространстве и материализуют все те атрибуты политических систем, которые делают их такими, какими они исторически нам являются. Но здесь появляется вопрос, на который надо ответить. Если мы принимаем как парадигму формулы политической системы Смелзера, то, значит, политический институт в его многообразных проявлениях являет собой, вне зависимости от исторических его проявлений, универсальную категорию. Но эта универсальность относительна в том смысле, что категория, скажем, государства является соподчиненной по отношению к политической системе, поскольку последняя «объединяет» не только государственные, конституционно легитимизированные институты, но и те, которые представляют собой антиконституционные политические феномены, например, разного рода сепаратистские движения, диссидентские, антигосударственные акции, политически ориентированные террористические формирования и т. д.

В свою очередь государство, обозначая совокупность входящих в него институтов *pro tanto*, т. е. соответственно, является категорией более высокого порядка по отношению к каждому из этих институтов.

³⁶ Каменская Г. В., Родионов А.Н. Политические системы современности. Указ., с. 9.

65

Можно принять и еще одно разграничение политических институтов, по уровню их универсальности. Они могут быть общенациональными, выполняя функции на всей территории того или иного государства, а могут иметь локальный характер и дееспособность, ограниченную территорией какого-то одного субъекта федерации (естественно, в федеративных государствах) или территорией иной политико-административной единицы, будь то провинция, штат, область, город и т. д.

Все сказанное о соотношении ряда важных политологических понятий, что последовало сразу после попытки определить сущность тоталитаризма, отметим это еще раз, отнюдь не относится только к тоталитарным государствам. Принято выделять еще несколько типов государственного устройства.

Авторитарные государства

В авторитарных государствах, отмечает Н. Смелзер, «...власть переходит в руки монарха или диктатора, который правит, используя силу. Диктаторские режимы в Латинской Америке, режим Франсиско Франко в Испании и правление Хайле Селассие I в Эфиопии- примеры авторитаризма в XX веке... Стараясь силой сохранить свою политическую власть, они вряд ли способны осуществить значительные социальные перемены. Кроме того, здесь в меньшей мере пытаются вторгаться в личную жизнь своих подданных, поэтому при авторитарных правлениях яснее выражена граница между общественной и личной сферами, чем в тоталитарных государствах»³⁷.

Режимы этого типа могут ассоциироваться не только с диктатом авторитарной личности, но и всевластной правящей партии или какого-то государственного органа. Многие черты авторитаризма «созвучны» тем, которые характерны для тоталитарных государств. Вместе с тем, применение силы для подавления личных прав и свобод граждан, любых проявлений оппозиционно настроенных группировок или инакомыслия, прибегание к террору, как средству такого подавления, жесткость цензуры и т. д. все-таки по своим масштабам меньше, чем у тоталитарных режимов. Можно сказать, что авторитаризм — это несколько ослабленный тоталитаризм, хотя при оп-

³⁷ Смелзер Н. Указ., с. 532. См. также: Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.

66

ределенных исторических и национальных условиях он может обретать крайне реакционную антидемократичную, националистическую, расистскую форму. Примером такой трансформации в 20-30-е годы XX века служит появление в Италии, Германии и в ряде других стран фашизма с его национал-социалистической идеологией³⁸.

³⁸ В российской политической науке оригинальное авторское разграничение тоталитаризма и авторитаризма предложено А. Д. Воскресенским. Оно основано на разграничении общественных и государственных интересов. Так, он пишет:

«На международной арене государство в большинстве случаев действует, исходя из своих высших (оптимальных) интересов. Способность выражать интересы общества в целом на международной арене не означает, что государство может выражать внутренние интересы всего общества. В этой связи также возникает вопрос, как можно субъективно определить высшие (оптимальные) интересы общества. Общества представляют собой отнюдь не простые социальные организмы. Они состоят из классов, политических партий и групп давления. Кроме того, многие из этих групп дифференцируются по политическим, экономическим, этническим, религиозным и другим признакам... Возможность действий общества как единого социального организма через институт правительства (т. е. через компонент государства) зависит от степени совпадения общественных интересов (интересов всего общества) и интересов государства (или правительства). Иногда интересы государства и общества полностью идентичны, но иногда государство не может (или не желает)

точно отражать интересы общества.

Фундаментальные потребности общества в независимом и благоприятном социальном развитии страны в целях анализа можно назвать «общественными интересами». Они включают: обеспечение национальной безопасности; независимость и суверенитет; территориальную целостность; невмешательство других стран во внутренние дела данного общества; мирное развитие. Учет этих целей позволяет увидеть, как общественные интересы могут вступать в противоречие с интересами государства (правительства). Например, в вопросе о гарантиях национальной безопасности между обществом и государством могут возникать разногласия по поводу средств достижения этих целей, о чем свидетельствуют, к примеру, антиядерные движения во многих странах. Конфликт (или противоречие) может быть вызван и действиями лица, принимающего решение в области внешней политики, которые могут вступать в противоречие с национальными интересами, ибо его «подсистемный» интерес (интерес такого деятеля как субъективного лица) вступает в конфликт с его ролью во внешнеполитической системе и вполне может доминировать над этой ролью.

При незначительных противоречиях между интересами государства (правительства) и интересами общества государство может квалифицироваться как современное национальное государство и как либеральная демократия, а при значительных (максимальных) противоречиях - как тоталитарное государство. Таким образом, различие между тоталитарным и авторитарным государством состоит в степени противоречий между государственными и общественными интересами, причем в тоталитарном государстве такие противоречия принимают экстремальный характер. По сравнению с другими моделями государства, в разных формах современной либеральной демократии различия между государственными и общественными компонентами национального интереса сведены к минимуму. Иными словами, нельзя измерить государственные и общественные интересы, но можно выявить соотношение между государственными и общественными интересами». (А. Д. Воскресенский. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999, с. 133-134; А. Д. Воскресенский. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004, с. 382-383)

67

Теократические государства

Теократия (от греч. Theos - бог, kratos - власть) - форма государственного правления, при которой власть сосредоточена у духовенства или главы церкви. Теократические государства известны в древности. Примеров много, это и правление верховного жреца в Иудее в V-I вв. до н. э., правление имама Шамиля в Чечне, до объединения Италии в 1870 году теократическим государством была Папская область, до присоединения Тибета к КНР в 1951 году Далай Лама возглавлял и светскую власть, Папа - глава Римско-католической церкви является и главой государства Ватикан. Можно сказать, что «исламская» революция в Иране в конце 70-х годов продемонстрировала переход власти в стране к руководителям шиитского духовенства.

Теократические тенденции сопровождаются усилением религиозной регламентации всех сторон общественной и личной жизни граждан³⁹.

³⁹ Политология. Энциклопедический словарь. / Общая редакция и составление: Аверьянов Ю. И. М., 1993.

68

Демократические государства, режимы

Демократия - в буквальном переводе с греческого - это власть народа. Но в современных обществах, больших и малых, отправление власти всем народом невозможно, впрочем, этого не было и в прежние времена. Поэтому современная демократия представлена, как правило, представительной демократией, когда политическое управление от имени народа осуществляют избираемые им на определенный срок представители. Такие выборы могут быть прямыми (представительные органы власти избираются всеми гражданами, достигшими определенного возраста) или косвенными (органы власти избираются выборщиками или/и назначаются главой государства или парламентом и утверждаются главой государства). Представительную демократию видим сегодня в таких разных странах, где она приобретает определенную национальную специфику, как Великобритания, Франция, Италия, США, Канада и др. А на Востоке - это Индия, Япония⁴⁰, Вьетнам⁴¹, Тайвань, Шри Ланка и др.

Известный политолог А. Лейпхарт предлагает следующую типологию демократических систем⁴².

⁴⁰ Некоторые исследователи называют японскую форму представительной демократии «неординарной» (Е. В. Молодякова), «косвенной» (В. Н. Еремин), мы предлагаем характеристику «с национальной спецификой». Несмотря на определенные отличия этих трех формулировок, все они (наверное, возможны и другие) исходят из фактов сохранения императора, как символа нации, приверженности традициям, особенностям японской политической культуры. Избирательная система здесь также отличается от пропорционального представительства и от принципа большинства.

⁴¹ Что касается представительной демократии во Вьетнаме, то она функционирует в республике социалистической ориентации, при однопартийной системе и во многом соподчинена правящей Коммунистической партии.

⁴² Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий. В кн. Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997, с. 328.

Таблица № 2

Четыре основных принципа демократии		
	Президентская форма правления	Парламентская форма правления
Выборы по мажоритарному принципу	Соединенные штаты, Филиппины	Соединенное Королевство, Старое Содружество: Канада, Австралия, Новая Зеландия. Бывшие британские колонии: Индия, Малайзия, Ямайка
Пропорциональное представительство	Латинская Америка	Западная Европа

В последние годы и на Западе, и в государствах азиатско-африканского региона, и в России, особенно в рамках политологии и мирового комплексного регионоведения, активизировалась дискуссия о том, насколько опыт политического развития Запада, сложившиеся там институты демократии могут быть применимы для стран Востока, большинство из которых относительно недавно (в историческом измерении) обрели независимость от колониализма и встали на путь политической институционализации. Дискуссия эта стимулировалась осознанием того, что постколониальное бытие и в Азии, и в Африке показало неготовность, неспособность или нежелание (в силу объективных и субъективных причин) правящих там элит, да и обществ в целом принять как западные модели социально-экономической и политической модернизации, так и советские «рецепты» некапиталистического развития (развития в обход капитализма) и социалистической ориентации. Это во-первых. Во-вторых, во многих странах бывшего «третьего мира» активизировался поиск альтернативных путей развития, не имитирующих известные модели капитализма и социализма, а призванных интегрировать традиционные ценности в процессы социально-экономического и политического обновления. Естественно, что в эпицентре этой дискуссии оказались проблемы демократии.

В связи с этим возникает несколько вопросов. Во-первых, почему институты республиканской демократии не «привились» в большинстве бывших колониальных и зависимых странах Востока. Во-вторых, какой из известных типов демократии все-таки в большей мере, чем другие, способен служить

70

социально-экономическому и политическому развитию в незападном мире. Здесь же встает и более общий вопрос - насколько жесткой и взаимообусловленной является связь между экономической и политической модернизацией. И, наконец, в-третьих, каковы вообще социальные условия для становления демократии.

Что касается первого вопроса, то ответ на него хотя и не может быть однозначным, все-таки в общем и целом понятен. Все западное, а не только институты демократии, привнесенные на Восток колониализмом, столкнулось с вековым и даже тысячелетним традиционализмом, чуждые ценности вызвали ригидность и все большее сопротивление. Достаточно вспомнить Сипайское восстание в Индии, а в XX веке «сатьяграху» (ненасильственное сопротивление английским колониальным властям) М. К. Ганди, «боксерское» восстание и три англо-китайских «опиумных» войны, англо-бурскую войну, длительную алжирскую вооруженную борьбу за независимость, отставание с оружием в руках своей независимости вьетнамцами, сначала против французов, а затем против американцев. Список подобных примеров можно было бы значительно расширить. Это силовое сопротивление народов (Азии и Африки), руководимое их традиционными и новыми политическими элитами, не могло не рождать комплекс отчуждения Востока от Запада по самым разным «азимутам». «Сатьяграха» ведь вменяла индийцам неподчинение колониальным властям, игнорирование их постановлений, бойкот английских товаров, публичное дезавуирование, например, введенной англичанами монополии на соль - продукт первой необходимости в условиях тропического климата.

Исторический парадокс заключается в том, что управлявшие Индией и другими британскими колониями со второй половины XIX века все острее нуждались в «помощниках» из числа местных жителей для привлечения их в колониальную службу на разные роли. Для этой цели не подходили представители традиционной элиты. Нужны были люди с высшим светским образованием, хорошо знающие английский язык, наиболее значимые традиции европейской социальной мысли.

В ходе подготовки таких специалистов, прежде всего по инициативе самих англичан, в Индии уже в 70-е годы XIX века открылись первые светские университеты по европейскому образцу. Возникла возможность для детей состоятельных ро-

71

дителей получать высшее образование в престижных университетах метрополий. Так, не без помощи колонизаторов, на Востоке создавалась новая политическая элита с новым политическим и социокультурным самосознанием, которая и возглавила национально-освободительное движение колониальных народов. Иными словами, колониализм взрастил своего «могильщика» - в этом и состоял парадокс, а может быть, и закономерность этого исторического процесса.

Надо отметить, что не все западные ценности не везде и не всегда с равной последовательностью и упорством отвергались на Востоке. Япония, например, после реставрации Мэйдзи, т. е. в последнюю треть XIX века, и особенно в прошлом столетии, умело заимствовала и эластично приспособливала к собственным нуждам многие достижения Запада, прежде всего в сфере науки и технологии, да и в совершенствовании своей политической системы.

А. Лейпхарт полагает, отвечая на второй вопрос, что умеренное пропорциональное представительство и умеренная многопартийность являются собой более предпочтительные модели, чем жесткие или крайние варианты того и другого. Но этот вывод сделан автором при анализе западноевропейских политических систем. Уместно спросить, применим ли этот вывод для демократизирующихся стран Востока с их более низким уровнем экономического развития, особенностями социума и частыми этнорелигиозными конфликтами. Ряд исследователей считает, что для управления подобной усложненной ситуацией нужна сильная исполнительная власть в лице президента с неограниченными правами или властного однопартийного кабинета. Отмечается, что жестко-централизованные президентские или вестминстерского типа правительства могут быть в тактическом плане эффективными в экс-мажорных ситуациях (оборона, внутренний экономический или политический кризис), когда необходимо оперативно принимать решения. «Но в проведении экономической политики быстрота не столь уж существенна: скорые решения - это не значит непременно мудрые». «Итак, - заключает А. Лейпхарт, - парламентско-пропорционалистская форма демократии выглядит явно лучше основных ее альтернатив в деле улаживания межэтнических противоречий, и она имеет некоторое преимущество также в области экономической политики. Тот довод, что соображения эффективности управле-

72

ния дают основание отвергнуть тип демократии, сочетающий парламентскую форму правления с пропорциональной системой представительства, совершенно неубедителен. Игнорируя эту привлекательную модель демократии, творцы конституций в новых демократиях оказали бы себе и своим странам весьма плохую услугу»⁴³.

И еще один вопрос о социальных условиях, необходимых для становления демократии, пожалуй, самый сложный, вызывающий многообразие подходов к его рассмотрению и формулировок возможного ответа на него. Дело в том, что «необходимые социальные условия» для становления демократии - отнюдь не просто умозрительная теоретическая конструкция, она должна исходить из имеющихся в странах Востока социальных реалий и их возможностей «принять» демократический «вызов». Но и эти реалии настолько варьируются по многим и качественным, и количественным параметрам от страны к стране, что какая-то более или менее унифицированная модель этих «необходимых условий» вряд ли возможна.

«Третьемирская» социально-политическая ситуация характеризуется не только своей многомерностью и вариативностью, но и конфликтностью на этно-конфессиональной почве, борьбой за* власть различных политических группировок, сепаратистскими движениями, которые в экстремальном варианте перерастают в вооруженные (и криминально-диверсионные) формы. По количеству военных переворотов, которые, естественно, вели к смене правящей элиты и изменению правящего режима, «первенство» принадлежит постколониальной Африке, а в Азии рекорд по этому показателю у Пакистана. Общинно-конфессиональное противостояние индуистов и мусульман не прекращается уже более полувека в независимой Индии, а корни его уходят в глубь столетий, когда начиная с XIII века в Индию стал активно проникать ислам, возникли новые государственные образования - султанаты, а в начале XVI века - империя Великих Моголов. Сепаратизм дает о себе знать в индийских штатах Джамму и Кашмир, а также в Пенджабе. В Шри Ланке не прекращается этноконфессиональный конфликт между тамилами (индуистами, выходцами из Индии) и синга-

⁴³ Цит. по: Современная сравнительная политология. Хрестоматия. Указ., с. 340-341.

73

лами (буддистами). Тамилы ратуют за создание самостоятельного государства или, по крайней мере, предоставление им большей независимости. Долгие годы партизанская война за суверенность продолжалась в эфиопской провинции Эритрея, пока в 1993 г. она не стала самостоятельным государством. В Уганде - небольшой стране Восточной Африки в 70-е годы почти 10 лет правил военный диктатор, не ладивший с соседней Танзанией. В 1979 году танзанийская армия свергла диктатора, и с тех пор военные и гражданские правительства сменяют друг друга, а конфронтация, зачастую перерастающая в вооруженные столкновения на племенной основе (в борьбе за власть), сохраняется.

До сих пор не удается урегулировать территориальный спор из-за Кашмира между Индией и Пакистаном. Вспомним и такие межгосударственные конфликты, как длительная война между шиитским Ираном и суннитским Ираком, многолетний территориальный спор Марокко и Мавритании из-за принадлежности Западной Сахары, продолжавшийся до 1979 года, когда Мавритания отказалась от своих претензий на эту территорию. После переговоров с Народным фронтом освобождения Западной Африки (ПОЛИСАРИО) Западная Сахара стала частью королевства Марокко.

Но не только частые смены режимов (военные, гражданские), но и метаморфозы форм правления имели место в странах Востока. Так, например, в Камбодже в 1941 году королем стал Н. Сианук. По Конституции 1947 года (первой в истории страны) Кампучия стала конституционной монархией. Затем был установлен военный режим генерала Лон Нола, на смену пришла промаоистская клика Пол Пота - Йенг Сари, а в 1993 году была реставрирована монархия.

Если вынести за скобки «смутное время» недолгосрочного правления Лон Нола и Пол Пота, то

можно сказать, что «метаморфозы» эволюции независимой Кампучии- иллюстрация диалектического закона Гегеля об «отрицании отрицания»-монархия «отрицается» республикой, а последнюю «отрицает» монархия.

Но реставрация монархии не частое явление в постколониальном мире. Наиболее распространенная ситуация - когда монархию сменяет республиканская или какая-то иная форма правления. Так, например, в Иране на смену монархии шаха

74

Реза Пехлеви пришел теократический режим аятоллы Хомейни, однако официально страна с того времени до наших дней именуется «исламской республикой», хотя и с сохранением ряда теократических черт (духовный глава Ирана по своему статусу стоит выше президента).

Еще одна сложность анализа политических систем Востока заключается в том, что конституирующие их институты: государственные и негосударственные формы правления, представительные органы, конфигурации политических партий и их аналогов и т. д. - находятся в большинстве стран (особенно африканских) еще не в устоявшейся форме. Они подвержены разного рода изменениям, как по воле лидеров и элитарных группировок, так и под напором различных нерешенных социально-экономических проблем, а нередко и как следствие внешнего «прессинга».

И тем не менее, несмотря на весь социально-политический «калейдоскоп» Востока, отдавая дань изучению его конкретных региональных и страновых проявлений, необходимо среди всего многообразия «особенного» искать и то «общее», что может быть предметом политологической генерализации, без которой невозможна концептуализация эмпирической информации или даже краткосрочное прогнозирование тенденций развития этой огромной части мирового сообщества. В логическом плане здесь нельзя обойтись без метода индукции, т. е. восхождения от конкретного к общему.

Поэтому попробуем представить возможную типологию политических систем Востока в их страновом ключе, имея в виду такие параметры, как форма правления: монархия (конституционная или абсолютная); республика (парламентская или президентская, однопартийная или многопартийная); демократия (представительная, прямая, направляемая и т. д.).

Авторы вполне отдают себе отчет в том, что приведенные соображения во многом носят условный дискуссионный характер. Условность связана с тем, что некоторые демократические институты более «зримы» в монархиях (японская конституционная монархия, федеративная конституционная монархия в Малайзии, конституционная монархия в Иордании), чем в республиках (Исламская Республика Пакистан, Корейская Народно-Демократическая Республика). Далее, и условность, и дискуссионность обусловлены тем, что в ряде случаев очень

75

трудно однозначно определить, какой тип республики в той или иной стране: парламентский или президентский, поэтому вводятся «симбиозные» понятия, которые, как представляется, еще не приняты в отечественном востоковедении или политологии- «президентско-парламентская республика» и «парламентско-президентская республика». Первая формула, по определению, делает акцент на роль института президентства, вторая - на весомую роль парламента наряду с президентом.

Еще больше неясностей с «артикуляцией» демократии, ее форм и институтов. Лидеры азиатских и африканских государств, политологи и на Западе, и на Востоке, и в России ввели в оборот целый ряд дефиниций демократии: представительная, прямая, косвенная, неординарная, суверенная, управляемая, направляемая, устойчивая/неустойчивая; авторы данной главы добавляют к этому списку понятия: декларативная, номинальная, с национальной спецификой. Есть и другие определения, применение которых - сфера восточной политологии, реалии незападных социумов.

Нельзя не согласиться с африканистом Н. Д. Косухиным, который пишет: «Политическая модернизация на континенте (в Африке. - Б. С, П. С.) происходит в условиях отсутствия в большинстве африканских стран социально-экономических, политических и культурно-психологических предпосылок для установления демократической системы. Возникает вопрос, насколько западные европейские модели демократии соответствуют африканским реалиям? Эти модели вряд ли применимы в условиях обществ, в которых весьма сильны влияния традиционных институтов и представлений, религиозных, этнических и психологических факторов»⁴⁴. Эта оценка Н. Д. Косухина в равной мере применима и для уяснения проблем демократизации, стоящих на этом пути трудностей, и для целого ряда азиатских государств.

Особенно интересен этот вопрос применительно к Китаю в обоих его ипостасях - Китайской Народной Республики (КНР образована в 1949 г.) и Китайской Республики (КР образована в 1912 г., затем преобразована в Китайскую Республику на Тайване). Трансформация двух китайских политических

⁴⁴ Косухин Н. Д. Власть и политическая модернизация в Африке. // Восток. 2000. № 6, с. 163.

76

режимов показала, что тоталитарный режим может трансформироваться в авторитарный, а тот, в свою очередь, в режим «управляемой демократии» (КНР и КР), и далее в демократию с национальной спецификой (Тайвань).

Демократия как политическое понятие было привнесено в Китай, как и во многие другие страны Востока, с Запада во второй половине XIX в., когда страна осознала необходимость модернизации. Дословно с китайского слово «демократия» можно перевести как «народ во главе» или «главный - народ». Понятие демократии в ее западном понимании не было присуще традиционной китайской культуре. Впервые его стал использовать китайский мыслитель конца XIX в. Лян Цичао, который полагал, что не существует разницы между общественными интересами и личными. В соответствии с его теорией,

отдельные граждане наделяются правами с целью улучшения и усиления государства, т. е. наступление «демократической эры» в Китае в понимании Лян Цичао было непременно связано с необходимым этапом авторитарного развития. Эта же идея связи единства государственных и личных интересов в «новой демократии» революционного типа потом развивалась и революционерами-радикалами типа Мао Цзэдуна. Для Дэн Сяопина демократия была связана с четырьмя главными условиями: социализмом, диктатурой пролетариата, сочетанием марксизма, ленинизма, маоизма и руководящей ролью КПК. Одновременно в КНР в 1970 гг. начало распространяться и западное понимание демократии. В частности, именно в пользу такого понимания демократии ратовал китайский диссидент Вэй Цзиншэн, который призывал не только к западному пониманию демократии и политическим реформам, но и к борьбе за демократию, за что и был арестован.

С 1990 гг. в китайском обществе с демократией начинают ассоциировать систему правления, включающую свободные выборы, влияние интеллигенции на власть и сочетание свобод и националистической китайской традиции, т.е. для Китая характерным стало понимание демократии как смеси марксистского понимания демократии (в КНР), китайской реальности (в КНР и на Тайване), позитивных достижений западной демократии (на Тайване) и демократических элементов в традиционной китайской культуре (в КНР и на Тайване). При этом ее характерными чертами в КНР являются диктатура народа, демократический

77

централизм и руководящая роль КПК в то время, как на Тайване понятие демократии трансформировалось в демократический режим с национальной китайской спецификой.

Таким образом, политическая модель современного Китая на материке (КНР) воплощает в себе идею сочетания «просвещенного авторитаризма» и «управляемой демократии» (Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзинтао), в то время как на Тайване перешли от управляемой (Цзян Цзинго, Ли Дэньхуэй) к свободной демократии устойчивого типа с национальной спецификой (Чэнь Шуйбянь). По мнению сторонников просвещенного авторитаризма, который должен обеспечивать модернизацию страны, и так называемой «полупарламентской» политической системы (признание руководящей роли КПК со стороны других, контролируемых КПК, политических партий), экономические реформы должны предшествовать политическим. Власти КНР считают, что лишь после того, как сформированные при активной роли государства рыночные отношения кардинально улучшат жизнь народа, можно переходить к демократизации общества.

При этом следует отметить, что в странах с конфуцианскими традициями (Китай, Япония, Сингапур) в целом не характерно использование модели «политического маятника», которая служит основой двухпартийной системы. Чередованию у власти победителей и побежденных там предпочитают поиски общего согласия через компромиссы. Осторожное, но неуклонное внедрение в КНР однопартийных выборов на альтернативной основе и расширения выборной системы на местном уровне и создало «управляемую демократию» с «китайской спецификой».

Главная стратегическая цель КПК сегодня - к 2020 г. учетверить валовой внутренний продукт страны, поднять его примерно до 3000 ам. долл. на душу населения. Это означает вдвое увеличить число людей со средними доходами (с 20 до 40 % населения, или, с 250 до 500 млн. чел.). В соответствии с западными политическими теориями расширение среднего класса в стране до 40 % населения должно привести к созданию им своей политической организации. Однако КПК заявила о готовности принимать в свои ряды предпринимателей, чтобы быть представителем «передовых производительных сил» (теория «трех представительств» Цзян Цзэмина), стремясь ин-

78

корпорировать представителей среднего класса и предпринимателей в свои ряды. КПК сформулировала стратегическую цель: «К середине XXI в. в основном завершить модернизацию и превратить Китай в богатую, могучую, демократическую, цивилизованную социалистическую страну». При этом под «политической цивилизованностью» имеется в виду не демократия западного образца, а китайский вариант «полупарламентской системы» (правящая партия плюс консультации с другими партиями, которые признают руководящую роль правящей коммунистической партии) и «управляемой социалистической демократии».

Первым шагом к совершенствованию нынешней политической системы КНР можно считать провозглашенное Дэн Сяопином верховенство закона. Именно Дэн Сяопин заявил, что партийные органы КПК могут действовать лишь в рамках Конституции и законов. Конкретным применением этого принципа стал запрет пожизненного лидерства - закон в КНР разрешает занимать высшие посты в партии и государстве не более двух пятилетних сроков подряд. Сама идея о том, что законы писаны для всех, в том числе и для ЦК КПК, не говоря уже о местных партийных чиновниках, стала существенным шагом к демократизации китайского общества.

Необходимость совершенствовать каналы обратной связи между массами и властью побудила власти КНР реанимировать Народный политический консультативный совет Китая (НПКСК). Именно в рамках НПКСК в Китае до настоящего времени сохранилось несколько политических партий (Демократическая лига, Революционный комитет Гоминьдана, Общество 9 сентября и другие), которые признают руководящую роль компартии и считают себя ее попутчиками. Выступая на собрании, посвященном 55-летию образования Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) председатель КНР Ху Цзинтао заявил, что Китай намерен развивать социалистическую демократию. Он

считает, что Китаю удалось создать социалистическую политическую систему, адаптирующуюся к реальным условиям страны. Ее ядром, по мнению Председателя КНР, являются собрания народных представителей, многопартийное сотрудничество под руководством КПК, механизмы политических консультаций, а также региональные автономии для национальных мень-

79

шинств. По его словам, Китай должен наилучшим образом использовать возможности НПКСК для развития социалистической демократии. Поскольку НПКСК является организацией единого патриотического фронта Китая, то, по мнению Ху Цзинтао, объективной потребностью сегодняшнего дня является развитие самого широкого единого патриотического фронта и солидарность всех политических партий страны, общественных, социальных и этнических групп, всех патриотов Китая под руководством Компартии.

Сегодня главным направлением политических реформ в КНР является расширение практики выборов на альтернативной основе. Они проводятся в Китае на уровне волостей, постепенно распространяются и на уезды. Еще 1987 г. правительство КНР запустило программу самоуправления на сельском уровне, а вскоре Министерство по гражданским делам ввело систему выборов в органы местного самоуправления, позволившую жителям деревень самим выбирать руководителей на местах. Постепенно институт выборов в местные органы власти распространился практически на все деревни страны, в результате чего установилась простая децентрализованная система регулирования и контроля между главой сельского комитета и сельским собранием. Однако демократизация в КНР остается явлением локального характера, распространяющимся только на сельскую местность. В целом же Китай - это страна с авторитарным режимом правления и жестко централизованной системой принятия решений. Тем не менее, демократия на сельском уровне заложила основы будущих политических перемен в стране т.е. установление системы местных выборов и самоуправления повысило демократическую сознательность народа, что может служить основанием для демократизации политического режима КНР на более высоких уровнях в будущем.

Что же касается политико-партийных модусов, то на Востоке мы видим такие, которые вряд ли встретим на Западе: «народно-революционная партия», «кадровая партия», «Партия бирманской социалистической программы», «Трудовая партия Кореи», «партия-государство», «партия-народ» и множество других.

И еще одно замечание. Оно касается принципа или критерия, по которому может быть осуществлен отбор стран в типологическую сетку. Во-первых, мы придерживаемся регионального или

80

«мультирегионального» («полирегионального»), а не континентального и, тем более, не «пакс-востоковедного» подхода, учитывая, что избранный критерий наиболее оптимален для целей такого анализа. Во-вторых, понимая невозможность охватить типологией все государства Востока, мы старались включить те политические системы, которые по своим основным параметрам (несмотря на изменения режимов и правящих элит) демонстрируют все-таки относительную определенность и ясность. За пределами анализа остаются системы, где форма правления - военные режимы или политические институты и их взаимоотношения находятся в начальной фазе становления, а будущее (даже ближайшее) видится с трудом. Проиллюстрируем сказанное на нескольких примерах.

Таблица № 3. Регионы Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, Среднего Востока

Конституционные монархии				
№	Страна	Парламентаризм / президентство	Партийность	Демократичность
1	Япония (с теми особенностями, которые были указаны ранее)	Парламент	Многопартийность	Представительная демократия
2	Непал	Парламент	Многопартийность	Представительная демократия
3	Таиланд	Парламент	Многопартийность	Представительная демократия
4	Камбоджа	Парламент	Многопартийность	Представительная демократия
5	Малайзия (федеративная конституционная монархия)	Парламент	Многопартийность	Представительная демократия
Республики				
1	Китайская Народная Республика	Всекитайское собрание народных представителей (аналог парламента)	Многопартийность при главенствующей роли КПК	Представительные органы, функционирующие под эгидой правящей КПК

2	Республика Индия (Союз индийских штатов)	Двухпалатный парламент. Парламентская республика	Многопартийность	Представительная демократия
3	Исламская Республика Пакистан	Президентско - парламентская республика	Многопартийность	Представительная демократия (с деформацией в период правления военных режимов)-
4	Бангладеш	Парламентско - президентская республика	Многопартийность	Представительная демократия
5	Северная Корея (КНДР)	Верховная власть у правящей Трудовой партии Кореи и Председателя военного Совета	Однопартийность	Представительные органы, функционирующие под эгидой правящей партии
6	Южная Корея (Республика Корея)	Президентское правление при наличии Национального собрания - аналога однопалатного парламента	Многопартийность	Представительная демократия
7	Тайвань (Китайская республика)	Национальное собрание - аналог парламента	Многопартийность	Представительная демократия
8	Монголия	Великий народный хурал - аналог парламента	Многопартийность	Представительная демократия под эгидой правящей партии
9	Вьетнам (СРВ)	Однопалатное Национальное собрание	Однопартийность	Представительные органы, функционирующие под эгидой правящей партии
10	Сингапур	Однопалатный парламент. Президентская республика	Многопартийность	Представительная демократия

82

11	Филиппины	Президентская республика	Многопартийность	Представительная демократия
12	Индонезия	Президентская республика	Многопартийность	Представительная демократия
13	Исламская республика Иран	Президентско-парламентская форма правления при сохранении теократических атрибутов	Многопартийность	Становление демократических институтов с учетом исламских факторов

Что касается Арабского Востока, то исследование проблем и тенденций в эволюции политических систем монархий Арабского Востока в последние десятилетия показывает и сходство, и определенные различия в функционировании монархических форм власти в этом регионе. *Во-первых*, экономическая модернизация при всей ее «зигзагообразности» не могла не повлиять и на внедрение некоторых инноваций в политическую структуру. Специалисты выделяют четыре типа монархического устройства: конституционная монархия (форма, являющаяся преобладающей); парламентская монархия (в наиболее явном виде проявляет себя в Марокко и Иордании), дуалистическая монархия и абсолютная монархия (или тяготеющая к абсолютизму) - Саудовская Аравия, Оман, Катар.

Во-вторых, несмотря на некоторые различия в объеме полномочий правителей, они, с той или иной степенью готовности, идут на постепенное внедрение представительных органов, дозированное расширение прав и свобод граждан, в некоторых государствах - на реформирование религиозных институтов, что создает предпосылки для становления демократических структур в этом, пожалуй, самом традиционалистском регионе Востока. По этому пути, можно сказать, продвинулись дальше других Марокко и Иордания. «Королевство Марокко, - отмечает М. А. Сапронова, - достаточно близко к странам с парламентской формой демократии, а роль главы государства - короля весьма специфична»⁴⁵.

⁴⁵ Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. М, 2001, с. 103.

83

В-третьих, наблюдается тенденция повышения роли исполнительной ветви власти, и с этим связано главное направление конституционно-правового развития.

В-четвертых, монархии Арабского Востока, несмотря на все свои страновые нюансы, сохраняют главенствующее положение в своих государствах, оказывая решающее влияние на все сферы общественного развития и демонстрируя немалую способность адаптироваться как к внутренним, так и к внешним условиям своего бытия, активно используя для этих целей ценности ислама и вековых традиций в организации социума.

Делая общий вывод из анализа системы государственной власти и управления в арабских монархиях, можно говорить о сохраняющемся решающем влиянии монарха на органы законодательной и исполнительной власти, а также на судебную систему.

Небольшой комментарий к политическим системам Тропической Африки. Здесь, как ни в одном другом регионе «третьего мира» (если использовать уже устаревшее название) до сих пор живучи архаичные традиции, межплеменные и межконфессиональные распри, давно ушедшие в прошлое (в других регионах ойкумены) верования и культы.

Контекст и объем данной главы не позволяют дать дополнительную информацию о многочисленных перипетиях в политической истории постколониальных стран Тропической Африки, которая изобилует длительными гражданскими войнами между отдельными государствами и военными переворотами.

Политическая культура: проблемы синтеза традиционализма и модерна

Обозначенные в заглавии этого раздела проблемы также напрямую связаны, если не сказать вписаны, в концепции политической системы, политического развития и модернизации Востока. Они не новы, в той или иной мере они стояли перед Востоком и в период до его колонизации (во время первых контактов с Западом), и в годы борьбы за национальное освобождение, новый импульс они приобрели в последние десятилетия независимого развития. Тому много причин. Традиционализм в его самых разных проявлениях оказался гораздо более живучим, чем предполагалось.

В таких радикальных формах, как коммунизм, фундаментализм, сепаратизм и терроризм, он заявляет о себе все

84

громче на стыке столетий, обретая международную мафиозно-финансовую структуру, бросая вызов не только отдельным странам и регионам, но и всему мировому сообществу.

С другой стороны, начиная с XIX века и до сего времени не прекращаются попытки поставить традиционалистские структуры и институты на службу экономической, социальной, политической и культурной модернизации. Речь идет об активизации поисков использования для нужд современности ценностей общинной и конфессиональной организации, традиционного института управления различными

социально-этническими общностями, о возможностях приспособить к нуждам социальной и политической социализации давно сложившиеся стереотипы мировоззрения, формы межличностной коммуникации, коллективистские представления об обществе и месте в нем человека. Процесс этот, который часто называют (несколько упрощенно) ретрадиционализацией, является многомерным, протекает отнюдь не одинаково в разных регионах, странах и даже в рамках одной и той же страны - отдельных этносах, обусловлен причинами как объективного, так и субъективного толка.

Как уже отмечалось, в последние десятилетия XX века и на Востоке, и на Западе (Россия здесь не исключение) в научных и политических кругах росло убеждение в том, что модели экономического роста и политической институционализации, предлагаемые Западом Востоку, как и марксистские концепции «некапиталистического развития» и «социалистической ориентации», за малым исключением оказались мало приемлемыми для постколониального мира. Это явилось результатом недочета (или недостаточно корректного учета) многообразных особенностей восточных социумов, которые рассматривались как своеобразная «*табула раса*», способная пассивно воспринять и усвоить любые чужеродные влияния в обмен на получение извне какой-то финансово-экономической или военной помощи. Важность учета внеэкономических факторов для анализа проблем развития Востока признают и ведущие экономисты Запада⁴⁶.

Цель и смысл модернизации - не только экономический рост, но и достижение определенного уровня развития социальной культуры, элементами которой являются социальное

⁴⁶ См. например: Samuelson P., Nordhaus W. *Economics*. 13-d ed. N.Y., 1989, p. 891.

85

равенство и определенная степень наличия социальной гармонии; социальная защищенность граждан, наличие у них определенных социальных гарантий, дающих им уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне; условия для свободного развития личности; достаточно высокий уровень политической культуры, поддерживающий некоторый инвариант ценностей и идеалов, без которых немислимо функционирование современного общества.

В данном тексте нас интересует, в первую очередь, политическая культура (культуры) стран Востока и ее главные отличия от подобного феномена на Западе. Следует оговорить, что и восточный тип политической культуры отнюдь не гомогенное, т. е. однородное явление, в нем представлены различные пласты исторического, этно-культурного, конфессионального и собственно политического характера. Из самой этимологии понятия «политическая культура» явствует, что это часть или ипостась общей культурной организации общества.

Но что такое культура, и как соотносится с ней политическая культура? На эту тему и в мире, и у нас существует обширная литература, тем не менее, понятие культуры остается столь же загадочным и многозначным, как, например, понятия «цивилизация» или «социум». На Западе, наряду с традиционными подходами к культуре с точки зрения социологии или социальной философии, в моде остаются разного рода интегральные концепции, объясняющие этот феномен с позиций биосоциологии, кибернетики, общей теории систем, теории информации и т. д.⁴⁷ Давно возникла необходимость синтеза понятия «культура», рассмотренного на разных уровнях.

Есть и такое, наверное самое емкое и краткое определение: «Культура - это все то, что не является природой, а сделано руками и разумом человека».

Вместе с тем, следует отметить, что политическая культура - это не просто часть общей культуры, ее реальные границы тем более шире понятия «мировоззрение»; она не сводится к философским, политическим, правовым, религиозным и другим убеждениям и идеалам людей (хотя все это важные составляющие Политической культуры), она содержит в себе как матери-

⁴⁷ См. например: Spadlin W.W., Portefield P.B. *Human Biosociology. From Cell to Culture*. N.Y., 1979.

86

альные и квазиматериальные, так и духовно-информационные и эмоционально-психологические компоненты.

Разве средства массовой информации, оказывающие сегодня огромное влияние на политическую социализацию индивида, не являются материальным компонентом политической культуры? Могут возразить, сказав, что СМИ - лишь технические средства передачи определенных идей и тенденций. Допустим, что это так. Очевидно, что любая информация (пока научно не доказан факт существования телепатии) не может передаваться и восприниматься на расстоянии без помощи технических средств. И ведь сама информация - это уже материальная субстанция, играющая в любом современном обществе (сеем допустить, что не только в современном) всевозрастающую роль. Не случайно ту фазу развития, в которую мы сейчас вступили, называют началом «постиндустриальной» или «информационной» цивилизации.

Далее, политическая культура, являясь, продуктом общественной эволюции, завися от уровня зрелости политической системы в целом, от характера политических режимов и форм правления, в свою очередь оказывает серьезнейшее влияние на стабильность (или изменчивость) политических систем и их институтов, на ход и темпы политического развития и модернизации.

Иными словами, можно говорить о явлении, которое условно обозначим как «социально-политическая диффузия»-взаимопроникновение «модусов» политической культуры в различные структуры общества, включая, в первую очередь, его политическую организацию. Но не только это. Политическая культура, так или иначе, подчас не напрямую, а опосредованно и косвенно, взаимодействует с иными «пластами» культурной организации общества, казалось бы, далеко не связанными с политической сферой.

Что это за пласты? Можно говорить о *профессиональной культуре* (или об ее малом присутствии) у врача, педагога, инженера и т. д., независимо (или почти независимо) от уровня их образованности, опыта работы, конфессиональной принадлежности или социального статуса. В этом смысле профессиональная культура содержит в себе целый ряд подвариантов: культура медиков, педагогическая культура, технологическая культура и т. д. Но ведь люди самых разных профессий являются частью электората, имеют определенные политические

87

симпатии и антипатии, не могут не воспринимать многоплановую политическую информацию, которой в изобилии снабжают их СМИ даже в самых отдаленных уголках восточного ареала. Таким образом, с разной долей вовлеченности, они оказываются и объектом и субъектом политической культуры.

Правомерно сейчас говорить и о таком новом понятии, как *«экологическая культура»*. Нет необходимости разяснять смысл и значимость этого направления, которое стало предметом самого серьезного внимания не только в среде ученых, но и на уровне государственных и общественных деятелей разных стран как на Западе, так и на Востоке. Достаточно сослаться на пример возникновения в ряде стран партий, приверженцы которых назвали свои организации «партиями зеленых», активно участвуют в политическом процессе, став неординарным элементом как политических систем, так и политических культур.

На первый взгляд может показаться, что технологическая культура и экологическая живут каждая «своей жизнью», пытаются решать проблемы, мало взаимосвязанные. На деле это не так. В современном мире технология имеет, однако, качественные и количественные ограничители или регуляторы своего роста, за которыми возникает угроза здоровью и будущему индивида, семьи, нации, всего человечества. Сегодня все чаще говорят о том, что технология должна быть безопасной для Человека и Природы, что количество и качество технологических инноваций должны находиться под контролем ученых, политиков, общественности. Вот что пишут об этом известные французские ученые: «Мы должны переменить направление наших отношений с природой, перейдя от наступательного поведения по отношению к ней к защите окружающей среды ради человечества. А этого можно достичь, лишь приняв в расчет, помимо уже названных факторов, богатство и разнообразие культур наших регионов»⁴⁸.

Здесь мы подошли к следующему уровню культуры, заключающему в себе предпосылку успешной модернизации, - управленческому. Без высокого уровня управленческой культуры нельзя обеспечить и достаточный уровень технологической культуры. Следует различать оба эти уровня- технологию и управление.

⁴⁸ Бернарди М. де, Буагонтье П., Гойе Ж. Экология инновации: культурный субстрат и допустимое развитие. // Международный журнал социальных наук. 1993, № 2, с. 80-81.

88

Знание законов управления отнюдь не предполагает знание того, как делать подшипники или станки. Тем более когда речь идет о макроуправлении, об управлении отраслью или социальной сферой на региональном или национальном уровне. Примеры многих стран показывают, что знание науки управления способно компенсировать недостаточную компетентность в конкретных технологиях производства объекта управления. Хуже, конечно, когда министр не разбирается ни в том, ни в другом.

Управленческая культура на макроуровне- это умение проводить социальную и экономическую политику, обеспечивать стабильное и, по возможности, бесконфликтное функционирование управляемых коллективов. Но управление на всех уровнях связано с политикой, причем связь эта обретает жесткий и непосредственный характер по отношению к высшим этапам управленческой структуры. Здесь мы подходим еще к одной предпосылке успешной модернизации- уровню политической культуры⁴⁹.

Существует немало определений того, что такое политическая культура. Так, например, уже упоминаемый ранее Г. Алмонд пишет следующее: «Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения... Политическая культура нации- распределение образцов ориентаций относительно политических объектов среди членов нации... Трактую компоненты политической системы, мы различаем, во-первых, три широких класса объектов: (1) специфические *роли* или *структуры*, такие, как законодательные органы, исполнители или бюрократия; (2) ролевые *обязанности*, такие, как монархи, законодатели, администраторы; (3) конкретная общественная *политика, решения или обстоятельства, порождающие решения»*⁵⁰.

Подобные макросоциологические определения политической культуры хотя и отражают в структурно-функциональном ключе некоторые особенности эволюции политической культуры, являясь, по словам М. Вебера, идеальными типами; историзм если и присутствует в подобных конструкциях, то

⁴⁹ См.: Модернизация и национальная культура. М, 1995.

⁵⁰ Антология мировой политической мысли. В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 593-600.

89

только в «скрытом» виде. Эти определения и у многих других западных политологов оказываются синонимами понятия «политическая система», да и то лишь как психологические ориентации, как некоторая рефлексия в сознании, чувствах и оценках населения⁵¹.

Как и в других регионах, в азиатско-африканском мире политическая культура не просто связана с иными политическими, социально-экономическими и этно-культурными образованиями, но и отражает в себе уровень развития и характер функционирования этих образований, являясь и объектом и субъектом социальных изменений и модернизации, о чем уже говорилось ранее.

Нельзя не согласиться с Л. М. Ефимовой, которая пишет следующее: «Политическая культура современных государств Азии и Африки являет собой причудливое переплетение черт и элементов, институтов, стереотипов мышления, норм и обычаев, традиционных для афро-азиатских народов, с заимствованиями из теорий и практики западного Мира. Такое переплетение восточных и западных элементов проявляется во всех компонентах политических систем Востока - структуре внешних органов власти и механизме их функционирования, деятельности политических партий и общественных организаций, политическом мышлении и поведении лидеров и масс»⁵².

Практический опыт развития теперь уже ряда стран Востока говорит о том, что вряд ли можно отдать приоритет в страте-

Более конкретное и многомерное определение политической культуры содержится, например, в следующих публикациях: Категории политической науки. Учебник. /Автор концепции проекта и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М, 2002; Политическая культура стран Азии и Африки. / Отв. ред. Л. М. Ефимова. М., 19%.
90

⁵¹ Куценков А. А. Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика. // Восток. - 2001, №4, 2002- №1; Левадский Н. П., Ушаков А. М. Политические культуры Запада, Востока и России в историческом сопоставлении. М, 1995. Политическая культура: теория и национальные модели. /Ред. Гаджиев К. С. М, 1994; The Political Culture of Foreign Areas and international Studies. Essays in Honor of Lucien W. Pye./ Ed. by R. J. Samuels, M.Weiner - Washington etc., 1992.

⁵² Ефимова Л. М. Особенности складывания политической культуры современного Востока. В кн. Политическая культура стран Азии и Африки. М., 1996, с. 29.
90

гии модернизации одним религиозным системам, а другие объявить непреодолимым тормозом на пути социального обновления. К середине 90-х годов в первую пятерку стран мира по объему валового национального продукта вошла Индия. К так называемым новым индустриальным странам «первой волны» (Южная Корея, Гонконг, Тайвань и Сингапур) присоединяются страны «второй волны»: Малайзия, Таиланд, Индонезия и такие гиганты, как Китай и Индия. Как видно, эти общества принадлежат к различным цивилизационно-религиозным системам: индуистской, буддийской, конфуцианской и исламской.

Можно сказать, что в политической стратегии модернизации этих стран найден достаточно гибкий вариант соотношения традиций и инноваций - опыт, изучение которого может быть полезно для многих других стран Востока и Юга, да и современной России, несмотря на все реально существующие отличия исторических судеб и современных проблем.

Этот вывод имеет и важный прогностический аспект -проблема эффективного соотношения ценностей Востока и Запада сохраняет свою актуальность и для страны, которая встала первой на нелегкий путь решения этой проблемы и добилась столь впечатляющих результатов. Речь идет о Японии. «Японский опыт последних лет гармонизации своей культуры с остальным миром, - пишет К. О. Саркисов, - заслуживает самого пристального внимания... В обозримом будущем, как это было и в прошлом, эволюция будет происходить по формуле «высокого» синтеза, путем органичного соединения традиционных черт с привносимыми извне и формирования на этой основе нового качества, которое будет по-прежнему национальным, то есть японским. Культурная "мембрана" будет функционировать, как фильтр, поглощая и переваривая только то, что полезно, и отбрасывая то, что неэффективно или разрушительно. Но, как показывает жизнь, решение этой задачи очень непросто даже для такой страны, как Япония, с высокой степенью эластичности внутренних структур»⁵³.

Вместе с тем современный этап переосмысления модернизационной парадигмы говорит об эрозии западно-центристских подходов к проблемам незападного мира. В этом проявляется и осознание того факта, что без глубокого и серьезного

⁵³ Японский феномен. М., 1996, с. 176.

91

изучения широких социокультурных и, в том числе, религиозных параметров современных восточных обществ немислимо понять ни нынешнюю фазу их общественной трансформации, ни возможные пути их будущего развития.

Литература

- Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
Антология мировой политической мысли. В 5 т. М., 1997.
Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
Ашин Г. К., Кравченко С. А., Лозанский Э. Д. Социология политики: сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001.
Белокреницкий В. Я. Восток на рубеже веков - некоторые итоги и перспективы развития. // Восток - 2001, № 5.
Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. Южная Азия в современном политическом мире. Взгляд из Москвы. N.Y., 2001.
Бернарди М. де, Буагонтье П., Гойе Ж. Экология инновации: культурный субстрат и допустимое развитие. // Международный журнал социальных наук. - 1993, №2.
Беседы и суждения Конфуция (пять полных параллельных переводов, дополненные фрагментами других переводов). С-Пб, 1999.
Дао дэ дзин, Ле-цзы, Гуань-цзы. Даосские каноны./ Новый перевод В. В. Малявина. М., 2002.
Делюсин Л. П. Рецензия на книгу Борох Л. Н. «Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX-XX веков». // Восток - 2002, № 4.

- Дубинин Ю.А., Старостин П. Б. Ядерный вызов из Азии.// Обозреватель - 1998, № 9, № 10.
 Ефимова Л. М. Особенности складывания политической культуры современного Востока. В кн. Политическая культура стран Азии и Африки. М., 1996,
 Индуизм, джайнизм, сикхизм. Словарь. М., 1996. Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. М., 1969. История Китая. / Под. ред. А. В. Меликсетоеа. М., 2002.
 Каменская Г. В., Родионов А. Н. Политические системы современности. М., 1994.
 Категории политической науки. Учебник./ Автор концепции проекта и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М., 2002.
 Конфуций. Я верю в древность. М., 1995.
 Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. - С-Пб.
- 92
 Косухин Н. Д. Власть и политическая модернизация в Африке. // Восток - 2000 - №6.
 Кочакова Н. Б. Традиционные институты управления и власти. М., 1993.
 Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий. В кн. Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.
 Липсет С. М., Кен-Рюн Сен Дж., Торрес Ч. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии. // Международный журнал социальных наук - 1993, № 3.
 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13.
 Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. Учебник. М., 2000.
 Политическая наука в России / Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М., 2000.
 Политология. Хрестоматия./ Под ред. проф. М. А. Василика. М., 2000.
 Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
 Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
 Риггз Ф. У. Непрочность режимов «третьего мира»./// Международный журнал социальных наук - 1993, № 3.
 Рукавишников В., Халман Л., О. Питер. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.
 Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. М., 2001.
 Смелзер Н. Социология. М., 1994.
 Советский энциклопедический словарь. М., 1979.
 Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.
 Старостин Б. С. Проблема модернизации: история и современность. В кн. Модернизация и национальная культура. М., 1995.
 Старостин Б. С., Старостин П. Б. Проблемы глобального развития. Альтернативные модели модернизации афро-азиатского мира в преддверии третьего тысячелетия. В кн: Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М., МГИМО, 1999.
 Старостин Б. С. Политика и модернизация. Восток-Запад. Север-Юг. В кн. Философия политики. М., МГИМО, 2000.
 Степанянц М. Т. Восточная философия. М., 1997.
 Чжуан-цзы./ Новый перевод В. В. Малявина. М., - 2002.
 Штраус Лео. Введение в политическую философию. М., 2000.
 Японский феномен. М., 1996.
 Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. М., 1994.
 African Political Systems./ Ed. by M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard - L, 1940.
 Huntington S., Nelson I. No Easy Choice: Political Participation in Developing Societies. N.Y., 1976.

93

- Grant Francis. Oriental Philosophy. The Story of the Teachers of the East. N.Y., 1936.
 Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y., 1965.
 Murty K.S. Philosophi in India. Traditions, Teaching and Research. N.Delhi, 1991.
 Political Modernization in Japan and Turkey./ Ed. by R.E. Ward, D.A. Rustow.N.Y., 1964.
 Pye L.W. Aspects of Political Development. - N.Delhi, 1972.
 Riggs F.W. Thailand: the Modernization of a Bureaucratic Polity. - Honolulu, 1967.
 Samuelson P., Nordhause W. Economics. 13-ed. N.Y., 1989.
 Spreadlin W.W., Portefield P.B. Human Biosociology. From Cell to Culture. N.Y., etc., 1979.
 Weber M. The Religions of India: the Sociology of Hinduism and Buddhism. Glencoe, 1960.

Дополнительная литература

- Александров И. А. Монархии Персидского залива. Этап модернизации. М., 1997.
 Арабский мир: три десятилетия независимого развития. / Под ред. Наумкина В. В. М., 1990.
 Африка: особенности политической культуры. Ученые записки Института Африки РАН. Вып.12. М., 1999.
 Васильев А. М. История Саудовской Аравии. М., 1998.
 Государство Кувейт. М., 1999.
 Государство в странах капиталистической ориентации. М., 1982.
 Джаварис Салех. Иордания: опыт общественного развития. М., 1997.
 Егорин А. З., Исаев В. А. Объединенные Арабские Эмираты. М., 1997.
 Емельянов А. Л., Мыльцев П. А. Забытая история великого острова. М., 1990.
 Зарубежные концепции экономического развития стран Африки. Критический анализ. М., 1980.
 Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982.
 Мирский Г. И. «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976.
 Мирский Г. И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». М., 1989.
 Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978.
 Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.
 Сергеев М. С. История Марокко. М., 2001. Страны и народы. Популярная энциклопедия. М., 1997.

М. В. СТРЕЖНЕВА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: АБСТРАКТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НЕЯВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Введение

Понятие политической культуры имеет отношение к человеческим эмоциям, нравственным ценностям, мифам, теоретическим построениям, которые, с одной стороны, позволяют людям осмысливать и оценивать политику, ориентироваться в ней, а с другой - непосредственно на нее влияют. За этим понятием стоит некая трудноуловимая реальность- подлинные чувства, мысли и оценки людей по поводу политики. Однако политическая культура не есть реальность как таковая. Это аналитическая абстракция, которую более активно и плодотворно используют те из политологов, кто изучает психологию и культуру властвования, социокультурные аспекты политического поведения.

В последние годы обществоведы особенно часто прибегают к обсуждению политической культуры как к средству объяснения различий между политическими системами. Однако элемент саморефлексии в такого рода обсуждениях, как представляется, не всегда достаточен. Между тем ясно, что уже сам по себе выбор определенного эмпирического материала, которому отдается предпочтение в том или ином исследовании на фоне бесчисленного множества альтернативных источников информации, означает, что сделан шаг в направлении знания, отражающий некие заранее данные представления о природе социальной реальности и тех механизмах, которые лучше использовать в познавательном процессе.

Обнаружить теоретико-познавательные позиции и культурные пристрастия ученых, изучающих политическую культуру, вывести их на поверхность и проанализировать помогает когнитивный¹ подход. Он подразумевает, что ученый, как и

¹ От латинского *cognitio* - знание, познание

любой человек, воспринимающий, перерабатывающий и производящий информацию, руководствуется определенными схемами, моделями, правилами, стратегиями и теориями, что приводит в итоге к отличиям в понимании разными людьми одних и тех же явлений. Эпистемология и идеология сказываются на том, как ученые видят тот или иной феномен и подбирают концептуальные схемы и подходы к нему, заимствуя их из области антропологии, политологии, психологии или социологии.

Политическая культура, как мы привыкли ее понимать, вторична по отношению к культуре социальной. Последнюю же принято связывать с нравами и обычаями, с наблюдениями ума и жизненным опытом, которыми люди обмениваются друг с другом и которые они передают следующим поколениям. Культура возникает и существует в процессе и в результате коммуникации.

Коммуникация - процесс двусторонний. Чтобы ум другого человека откликнулся на наши соображения и представления, необходимо средство коммуникации, доступное восприятию органами чувств нашего респондента- какой-то жест, звук, листок бумаги с начертанными на нем символами. Языку, на котором идет общение, в культуре отводится особая роль.

Уже в XVIII веке издавна предпринимавшиеся попытки теоретического осмысления культуры привели к оформлению философии культуры, в области которой одной из основных величин признают немецкого мыслителя Иоханна Готфрида Гердера (1744-1803). Не выглядит случайным в данной связи, что Гердер считается, кроме того, основоположником лингвистики и сравнительного языкознания, а также методов сравнительного изучения религий и мифологии. Наконец, его считают первым, кто употребил непосредственно интересующее нас словосочетание «политическая культура».

Гердер отвергал представление, будто возникновение религии вызвано бессознательными страхами примитивного человека, и выдвинул взамен свою теорию, согласно которой религия- это одна из первых по времени попыток человека в доступной для него форме объяснить окружавшие его жизненные явления. Таким образом, Гердер связал религию с мифологией и примитивными формами поэзии. В то же время в своем важнейшем, хотя и не оконченом произведении - «Идеи о

философии истории человечества» - он рассматривал человека как часть природы, а разнообразные формы развития человеческой культуры - как следствие влияния на него естественных условий. Гердерова философия культуры противоположна антропологии Иммануила Канта (1724-1804), согласно представлениям которого человек познающий в конце концов освобождается от влияния внешнего мира. Его поведение подчиняется тогда только его собственному разуму, который следует моральному императиву. Если Гердер считал, по-видимому, что культура помогает человеку более ясно увидеть окружающий его мир, то по мнению Канта выходит, что она, напротив, в конечном счете начинает мешать постепенному проявлению в нем качеств подлинной рациональной свободной воли. Подобный спор до сих пор не находит непосредственного разрешения, увязая в разногласиях между эпистемологиями и социальными теориями.

Типологизация теоретических подходов в трактовке происхождения и содержания культуры

Эпистемология, как известно, есть раздел философии, имеющий дело с природой нашего знания, его достижимостью, адекватностью поставленной познавательной задаче, отношением знания к реальности. Из всего многообразия возможных эпистемологий выделим три (объективизм, конструкционизм и субъективизм), которые могут здесь быть для нас особо полезны в типологизации сложившихся по преимуществу на Западе подходов к политической культуре, и уточним разногласия между ними.

Объективизм приписывает познанию постижение реальных предметов и объективных идей. По мнению объективиста, политическая культура есть культура объективно правильного поведения в политике. Ее назначение сводится к тому, чтобы обеспечить взаимную предсказуемость действий политических акторов. При более пристальном рассмотрении обнаруживается, впрочем, что под культурой в таком случае по сути принято понимать последствия влияния сложившегося набора политических институтов как «черного ящика», внутри которого, невидимая для глаза наблюдателя, якобы происходит трансфор-

97

мация предпочтений акторов в реальную политику, понимаемая как своего рода «окультуривание».

Объективист позитивистского направления предполагает при этом, что политическое поведение нужно строить на основании учета каждым разумным человеком реальных фактов и причинных связей между ними. Политическая культура предстает как умение человека адекватно реагировать в сфере политики на внешние вызовы и угрозы его образу жизни и существованию, иначе говоря - как следствие влияния на человеческую жизнь не зависящих от воли и сознания самого человека экзогенных факторов (географических, климатических и социальных условий, исторических и религиозных традиций). Так, к примеру, французский просветитель Шарль Монтескье (1689-1755) законы политической жизни различных стран объяснял, отталкиваясь от их природных особенностей и исторического опыта. Его наиболее усердным учеником в этом смысле стал Алексис Токвиль (1805-1859). Отправившись в Америку, он изучал там климат, религию, законы, принципы политического управления, обычаи и нравы американцев, постаравшись через описание сочетания данных факторов в импрессионистском ключе передать общий дух наступающей новой демократической эры. Такого рода исследования могут встречаться и ныне под маркой изучения «политической культуры», хотя прежде чаще прибегали к таким терминам, как «политическая идеология», «национальный характер» или «политическая психология».

Ученый-позитивист стремится как бы «высветить» зону неизвестности, которую составляет для него не подлежащая прямому наблюдению политическая культура, уменьшить или ликвидировать ее, то есть сделать трансформацию предпочтений в политическое действие как можно более явной, но в процессе изучения политической культуры он тем самым как бы утрачивает непосредственный объект такого изучения. Точнее же было бы сказать, что его интересуют в данном случае не культурные факторы, а скорее неформальные и скрытые от посторонних, но тем не менее обязательные для соблюдения непосредственными участниками политического процесса правила и приемы адекватного поведения в политике, то есть определенная, менее формальная часть политических институтов, о которых позитивист судит по внешним проявлениям- поведенче-

98

ской практике. Зачастую он некорректно отождествляет последнюю с институтами как таковыми.

Если уточнить различия между разного рода институтами, то под правилами подразумеваются здесь особые предписания или запреты, которым подчинены действия политических акторов. Приемы- это процедуры принятия решений, к которым чаще всего прибегают, чтобы сделать коллективный выбор. Границы между культурой и институтами позитивист в целом не чувствует, что проявляется в узком понимании им «норм» как стандартов поведения, обремененных в форму политических прав и обязанностей.

Истоки иного варианта объективистской трактовки политической культуры мы находим в философии прагматизма. Авторство прагматической философии культуры принадлежит американцу Джорджу Герберту Миду (1863-1931). Здесь ее суть заключает в себе социально принятая система верования. Вера эта коллективная, то есть она интерсубъективна по происхождению, и овладение культурой не очень зависит от сознательных умственных усилий отдельных членов данного общества. Если следовать логике прагматизма, то главный принцип человеческого поведения состоит в слепом подчинении высшим нравственным установлениям. Верно судить о политической культуре как своде нравственных норм, которые в некоем сообществе формируют коллективные ожидания его членов относительно ситуационно специфических способов политического поведения, мы, как посторонние наблюдатели, сможем, таким образом, если сумеем поставить себя на место его членов, доподлинно почувствуем себя в их шкуре и взглянем на мир их глазами.

По Миду, человек становится личностью потому, что он принадлежит к какому-то сообществу и воспринимает принятые в сообществе правила как свои собственные. Личностная идентичность формируется в процессе коммуникативного взаимодействия. Люди должны смотреть на самих себя как на социальные объекты, а это возможно только в том случае, если они примут точку зрения других. Мид указывает, что такой процесс начинается в детстве. В игре ребенок учится мыслить с точки зрения «обобщенного другого», а позднее подобный образ мысли переносится на социальные (политические) институты. Особое значение придается, следовательно, процессу

99

социализации, в ходе которого человек усваивает политические ценности, аттитюды, верования и

нормы поведения, которые следует считать правильными.

Совершенно другие перспективы открывает субъективистская эпистемология. С этой точки зрения, в мире культуры и социальной жизни нас окружают не естественные данности, но прежде всего среда, понятийно выстроенная. Политическая культура при этом трактуется как нормативное (справедливое, должное, морально оправданное) отношение к политике, которое люди воспроизводят некритично, как нечто само собой разумеющееся, тогда как по существу оно таковым не является, поскольку никакой смысл и никакое значение нельзя априорно считать простыми и очевидными, а уж тем более единственными возможными. Роль политической культуры при таком подходе сводится к навязыванию актерам политических ролей и ориентаций соответственно сложившимся в сообществе субъективным представлениям. Подобное видение культуры разрабатывалось французским философом Мишелем Фуко (1926-1984) в его концепции «власти-знания», где назначение культуры усматривается в продуцировании определенных форм властных отношений в обществе.

Центральным для данной концепции является понятие дискурса, подразумевающее текст вместе с заключенными в нем образцами постановки проблем и подхода к их решению. Всякий дискурс структурирован соответственно определенным правилам, которые ограничивают набор возможных дискурсивных артикуляций. Это не произвольная смесь высказываний, от каждого из которых легко отказаться впоследствии, а детерминированное и ограниченное смысловое пространство. Таким образом, политическая культура как совокупность культурных кодов не есть органическая данность, не зависящая от того, что мы о ней говорим и думаем. Она может быть изменена, а господствующее на какой-то момент понимание происходящих политических событий - впоследствии оспорено и отвергнуто, даже поставлено с ног на голову. Но, тем не менее, политическая культура не может меняться произвольно, по индивидуальному желанию. Она выступает как результат коллективного употребления соответствующих слов и понятий в совокупности разных дискурсов. Участники политики предстают при этом не субъектами политического действия, но агентами культуры.

100

В значительной своей части теория постмодернизма аполитична. Постмодернизм стремится к преодолению противопоставления между субъектом и объектом, прозревая в нем противные ему структурные отношения контроля, господства, подчинения, и к замене его противопоставлением публичной (политической) и частной сфер жизни человека. Последняя в принципе для постмодерниста значительно более интересна. Для объяснения происходящего в политике при данном подходе специалисту, если интерес к публичной сфере еще не до конца им утрачен, логичнее заняться анализом структур языка, литературных текстов, предметов и явлений искусства, мифов, ритуалов. Подразумевается, что в голове у человека осуществляется конструирование объекта познания, посредством которого индивидом как бы «мысленно присваиваются» находящиеся вне мышления объекты реальной политики.

Наконец, имеет хождение и набирает популярность, особенно в Европе, конструкционистский подход. Конструкционизм - это позиция, подразумевающая, что смысл окружающей их реальности люди не обнаруживают, а генерируют и передают друг другу сами, в процессе коллективного общения. В таком качестве конструкционизм как бы занимает срединную позицию между объективизмом и субъективизмом. (Социальный) конструкционизм часто не совсем точно называют также конструктивизмом, хотя последний термин, если следовать устоявшейся традиции, лучше подходит для определения эпистемологических соображений, в полной мере сосредоточенных на смыслотворческой деятельности индивидуального ума. Как особый способ объяснения, каким образом мы приходим к пониманию того, что нам известно о мире политического, конструкционизм воплощается сегодня во многих теоретических подходах, включая упомянутый в начале когнитивизм.

Основы конструкционистского представления о политической культуре были заложены феноменологией - философским направлением, акцентирующим постоянную возможность различия предмета и придаваемого ему людьми смысла. С феноменологической точки зрения, явления вещей (феномены) не тождественны самим вещам. Представление о культуре как субъективной реальности связывается именно с существованием такого разрыва. С точки зрения следующего феноменологическому направлению конструкциониста, институты и культура не

101

могут существовать в отрыве друг от друга. В социальной и политической практике они объединяются и формируют набор жизнеспособных образов жизни, «жизненных миров», своего рода первичной реальности, которая в феноменологии немецкого философа Эдмунда Гуссерля предпослана субъект-объектному членению.

В согласии с таким подходом, авторы собственной культурной теории американцы М. Томпсон и А. Вилдавски² вполне резонно полагают, к примеру, что сердцевина культуры- не общий язык, божество или флаг, то есть не символы, жесты и ритуалы, как склонны были бы счесть прагматики, а некая всеопределяющая логика, то, насколько последовательно одни и те же люди предрасположены к сходным позициям по вопросам, которые на поверхностный взгляд не кажутся тесно связанными между собой. Их теория подсказывает: если сделан выбор в пользу определенных идей и политических институтов, то за этим последует набор других позиций и образцов поведения, в совокупности присущих тому или иному образу жизни.

Исходя из вышесказанного, попытаемся теперь привести возможные подходы к изучению политической культуры в некое подобие системы.

1) Подходы объективистского направления

В центре внимания объективистских подходов разного типа не политическая культура как таковая, поскольку объективистский подход не феноменологичен по определению (считается, что человек видит и оценивает не явления вещей, но сами вещи непосредственно, то есть видение его не является культурно опосредованным). Объективист, по сути, решает связываемую им с «культурой» проблему обоснования необходимости соблюдения субъектом правил, не им установленных.

Оформившийся первым позитивистский тип исходит из того, что политическая культура- это достаточно высокий уровень индивидуального владения реальными правилами поведения в политике, которые сформированы исторической традицией и опытом жизни людей в определенном обществе, а потому уже заранее проверены на практике. Прагматический подход

² Thompson, Michael, Richard Ellis and Aaron Wildavsky. *Cultural Theory*. Boulder, Colorado: Westview, 1990.
102

трактует политическую культуру как безукоризненное следование индивида правилам политического поведения, которые основаны на социально принятой системе верования. Последнюю немыслимо было бы опровергнуть. Влияние феноменологии здесь уже присутствует, однако оно не становится определяющим. Наконец, возможен и своего рода романтический подход, отражающий общее критическое отношение к культуре как к навязыванию человеку созданных некими другими людьми искусственных и ненужных ему правил поведения, подавляющих его лучшие естественные побуждения, свободный разум и волю. Последний представлен в писаниях Жан-Жака Руссо (1712-1778). Естественно, что в таком варианте вопрос обеспечения адекватного соблюдения индивидами объективно заданных политических правил, их «окультуривания» уже не стоит.

2) Подходы конструкционистского направления

Тут в целом политическая культура определяется чисто феноменологически: как нормативное отношение к политике, сказывающееся еще на стадии формирования идентичности и интересов политических акторов. При этом нормы трактуются иначе, нежели у объективистов- не как поведенческие стандарты, а как стоящие за ними моральные принципы и ценности. Всякий конструкционист согласен, что политическая культура- это социальный конструкт. Но типы конструкционистского подхода расходятся в вопросе о том, располагает ли агент возможностью онтологического влияния на политические институты (зависит ли их существование от согласия агента их соблюдать). При отрицательном ответе на него мы приходим к реалистическому подходу, а при положительном - к идеалистическому.

Первый из них восходит к трудам европейских социологов Эмиля Дюркгейма (1858-1917) и Макса Вебера (1864-1920)- автора теории легитимного политического господства. Здесь признается, что социокультурные нормы должны все же отражать реальную политическую ситуацию, но и политическая власть, чтобы ей подчинялись, в свою очередь, должна соответствовать принятым в обществе культурным нормам.

Так, Вебер считал жизнеспособной только власть легитимную, то есть такую, распоряжения которой выполняются добровольно, с готовностью, а не из страха или утилитарной выгоды. Он условно делил легитимную власть на рациональ-

103

но-законную, традиционную и харизматическую. Основа различий - в логике убеждения, которой те, кем управляют, готовы подчиниться. Одних людей скорее можно убедить или побудить действовать доводами разума, других- призывами к выполнению нравственного долга, третьих - играя на их более или менее возвышенных или низменных чувствах.

Рационально-законная легитимность, по Веберу, основана на вере в законность и на готовности граждан подчиняться правилам, которые формально корректны и вводятся властными инстанциями с помощью общепринятых процедур. Традиционной легитимности правители добиваются, апеллируя к массовому религиозному сознанию, опираясь на культурные символы и историческую память народа, призывая к выполнению нравственного долга. Харизматическая легитимность, в свою очередь, невозможна без эмоциональной привязанности населения к конкретному лидеру, который воплощает для группы людей некую высокую идею, представляется им образцом исключительной святости или героизма.

Идеалистический тип конструкционистского подхода шире трактует онтологические возможности агента. Здесь принято считать, что соответствующий политический контекст и связанные с ним правила становятся невозможными, если люди отказываются «играть» в соответствии с ними.

Философской основой в данном случае непосредственно выступает концепция австрийского философа Людвиг Витгенштейна (1889-1951), который понимал язык как деятельность, регулируемую по правилам. Тем самым стиралась мыслимая грань между лингвистической и нелингвистической активностью человека. По Витгенштейну, значение слова нельзя понимать как некий объект, автоматически соответствующий тому или иному термину или символу. Слово обретает значение лишь в специфическом контексте.

Витгенштейн ввел понятие «языковых игр», следуя которому мы и определяем политику как правилосообразную игру. Но хотя политические правила установлены людьми и людьми же могут быть изменены, человек обычно не рефлектирует по поводу правил, а подчиняется им инстинктивно, слепо, в силу привычки и воспитания, навязывающих ему определенную политическую культуру, то есть заранее сконструированный интерсубъективный взгляд на природу вещей.

104

3) Субъективистские подходы

Для последовательного субъективиста культурные пристрастия становятся делом индивидуального выбора каждого, вопросом сознательного самоопределения. Утверждается, что в эпоху после Модерна при формировании личности человека могут сказываться самые разнообразные социальные влияния. Этим обеспечивается большая свобода в суждениях индивида о том, какая из социальных логик либо их сочетаний больше ему подходит. Разница в типах подхода к общепринятой политической культуре связана в таком случае с ответом на вопрос, что же такое политика.

Если согласиться с тем, что политика - это только и исключительно политические правила, которые зависят от отношения к ним, то с исчезновением нормативного отношения, которое политические правила поддерживает, исчезает и сама политика. По крайней мере она постепенно сокращает свое присутствие в отношениях власти и общества. Происходит деполитизация социальной жизни, сокращение сферы властного вмешательства в нее. Таким образом мы получаем негативистский тип в трактовке политической культуры.

Если же встать на точку зрения немецкого философа Юргена Хабермаса (р. 1929), который считает, что современная политика постепенно превратилась в вопрос администрирования, процессов, которые подрывают статус гражданина, во власть без ответственности, то влекущий за собой подобную ущербную политику нормативный вакуум необходимо вытеснить искусственно - путем включения механизмов критического обсуждения ценностей, ее узаконивающих, то есть продуцируя новую культуру. В результате мир политики будет трансформирован и станет таким, каким его хотело бы видеть большинство людей.

Хабермас считает, что это осуществимо через консенсуальную коммуникацию, способную обеспечить координацию и социализацию действий на основании социокультурных норм, которые граждане готовы были бы разделять и поддерживать. Общезначимость политической культуры в таком случае зиждилась бы на постоянно возобновляемом конвенциональном соглашении всех граждан сообщества по поводу целей и смысла проводимой политики. Нормативное политическое действие становится таким образом возможным даже вопреки условиям культурного многообразия. Таков критико-рефлексивный тип субъективистского подхода к политической культуре.

105

Культура в международных режимах хозяйствования

Совокупность институтов, которые структурируют некую общественную деятельность, протекающую в более или менее четко очерченном пространстве, в политической науке принято стало называть режимом.

В этом смысле в качестве режима рассматривают и систему международных отношений, которые могут быть анархичны по структуре (если в них отсутствует единый правитель), но и в этом случае вряд ли аномичны (то есть подчинены каким-то известным всем участникам общим правилам). Складывание политических режимов всегда происходит под неким политико-культурным влиянием, без которого оно было бы в принципе невозможно. Не имея достаточно четких культурных ориентиров, участники режима лишились бы стимулов к подчинению его правилам, просто не понимали бы, чего можно ожидать друг от друга.

В связи с глобализацией политику часто трактуют крайне ограниченно, как вынужденный ответ на преобладающие экономические условия, на серию объективных изменений главным образом материального плана, связанных с возросшей мобильностью капитала, мульти- и транснационализацией производственных процессов, изменениями в торговле и технологическими нововведениями, которые устраняют территориальные препятствия к экономическому взаимодействию и меняют рыночное поведение частных экономических агентов, сообщая ему трансграничные формы. Все это верно, однако такой ответ все же не запрограммирован автоматически.

Политику по-прежнему в первую очередь делают национальные правительства, исполнительная власть. Она, сохраняя известную свободу маневра при выборе решений, подвержена в том числе и внеэкономическим влияниям. Расклад внутривнутриполитических сил, электоральные соображения, забота об обеспечении безопасности закономерным образом входят в комплекс вопросов, которыми политики не имеют возможности пренебречь, даже занимаясь, казалось бы, чисто экономическими проблемами. Поэтому процесс принятия экономических решений оказывается в высшей степени политизированным.

Жестко отделить экономику от политики по сути невозможно. Совершенно свободный рынок - это недостижимая на практике абстракция, тогда как на деле мы всегда имеем ры-

106

нок, который регулируется. Всякий реальный рынок поставлен в исторически (культурно) определенные организационные рамки, ограничивающие рыночный произвол. Более того, рынок зависит от вспомогательной сети социальных и политических институтов, зачастую непосредственно создаваемых и поддерживаемых государством. На его эффективности сказываются особенности национальной системы образования. Рынки капитала сильно зависят от системы налогообложения и бюджетной политики.

В общем, самоустранение государства от рыночного регулирования никогда не бывает абсолютным, а попытки государства действовать в этом направлении способны подорвать рынок больше, нежели содействовать его эффективности. Но в регулировании, как обнаруживается, нуждаются и международные рынки. В итоге, в ответ на такую потребность, и возникают глобальные и региональные режимы, подчиняющие себе хозяйственное регулирование в определенных сферах. Нюансы в понимании

ответственности государства как участника международных экономических отношений зависят от социокультурных особенностей того или иного общества. Их институционализацию вряд ли можно было бы свести поэтому к насаждению политически нейтральных (таковых просто не существует) поведенческих правил и стандартов.

Поставив вопрос о том, как должна меняться роль государства ввиду оформления международных режимов хозяйственного регулирования, мы не получим однозначного (объективного) ответа, поскольку ответ на этот вопрос впрямую зависит от типа общественного развития, на основании которого государство сложилось. В соответствии с этим решается и смежный вопрос о допустимой (с точки зрения участников процесса) степени интервенции государства в экономическую сферу.

Три модели:

а) плюрализм

Существует плюралистический (североамериканский или англо-саксонский по историко-культурному происхождению) вариант ответа на последний вопрос, при котором хозяйственная роль государства в целом определяется как пассивная. В управлении хозяйством господствуют рыночные принципы, а государству доверяется только контроль и купирование не-

107

избежных негативных последствий действия рыночных сил. Соответственно, речь идет о регулировании деятельности монополий, условий труда, экологических последствий производственной деятельности. Государство выступает перед бизнесом как бы в роли надсмотрщика, в конечном счете представляя интересы индивидуального потребителя. Неудивительно, что между двумя сторонами (государством и бизнесом) нет взаимного доверия. Во главу угла в хозяйственной политике ставится строгое соблюдение минимального количества жестко определенных правил. Посредниками между государством и бизнесом оказываются юристы и прочие профессиональные лоббисты, занимающие самые разнообразные позиции в международных институтах, администрации, бизнесе и академических кругах.

• Однако позиция «плюралистов» в отношении международной интеграции весьма противоречива, поскольку нация-государство рассматривается ими как органическое единство. Коммунитарное понимание сообщества является здесь преобладающим. Принято считать, что политический национализм лежит в основе самоидентификации каждого человека как гражданина. Эта уверенность, в свою очередь, исходит из либерально-рационалистической посылки, будто всякое действующее лицо политики, будь то человек или государство, заботится исключительно о максимизации собственной индивидуальной выгоды и ограничено в проявлениях своего эгоизма главным образом соображениями о собственной же безопасности. Поэтому серьезная политика, достойная именоваться таковой (честное политическое соперничество), возможна только в относительно безопасных для проживания граждан пределах национальных государственных границ, где на основании существования национального же сообщества ей может быть придан достаточный моральный статус. Но вне территориальных границ государства стандарты цивилизованного поведения, принятые обществом внутри отдельной страны в интересах гармоничного существования сообщества его граждан, где «все свои», якобы неизбежно нарушаются.

В итоге, если внутри страны в хозяйственной сфере культивируется «естественная» культура индивидуалистического соперничества, которое проходит по определенным правилам под присмотром государства, то международную экономиче-

108

скую интеграцию рассматривают как искусственное насаждение культуры сотрудничества в отношениях между государствами, то есть игру беспрюжинную для каждого участника -но под надзором мудрого наставника. Если же в конкретной ситуации налицо национальный проигрыш для «плюралиста» в таком образом трактуемой международной игре, то «плюралист» расценивает его как несоблюдение изначальных интеграционных условий, вполне оправдывающее яростную защиту своих исходных интересов.

Такова поведенческая специфика, рождающаяся вследствие протестантского по происхождению представления о реальности, которому свойственно уделять первостепенное значение миру вещей, а не идей, и главным считать прагматическую деятельность общества по самопроизводству³. Участвуя в интеграции, государство, с точки зрения «плюралиста», продолжает нести ответственность главным образом перед своей нацией и защищает благополучие собственных граждан.

США остаются единственной страной в мире, вооруженной доктриной и практикой, благоприятствующей экстерриториальному применению национального законодательства. Соответственно такому положению, американские власти проявляют большую смелость в одностороннем и расширительном толковании того, что такое незаконная торговая практика и какие государства нарушают международные законы в торговле. Международный порядок, основанный на праве, по сути означает для американцев распространение американских хозяйственных правил и процедур на весь остальной мир. В подобной мировоззренческой перспективе Америка нужна миру как либеральный гегемон, как генератор либеральных культурных импульсов - для того, чтобы международная экономика оставалась либеральной.

По прекращении действия Бреттон-вудской системы предпринимались попытки перестроить американское понимание сути многосторонности в торговле. Неолиберальные институционалисты высказывались в пользу международных структур, под сенью которых малые и слабые государства могли бы

³ См Коктыш К.. Е. Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы

общественного развития // Полис. № 4, 5. 2002.

109

надеяться на защиту от произвола сильнейших и в отсутствие гегемона. Однако авторы, высказывавшие данную точку зрения, обычно пренебрегали тем обстоятельством, что влиятельные страны могут - в одиночку или коллективно - использовать международные институты, чтобы тем не менее все же навязывать собственные нормы и ценности другим. Чтобы менее влиятельные государства могли выиграть от существования международных институтов, Соединенные Штаты должны были бы подчиняться международным правилам и в тех случаях, когда самим американцам это невыгодно. В противном случае легитимность международных институтов с точки зрения прочих государств становится сомнительной.

Но подобное поведение со стороны США противоречило бы базовым представлениям о национальной основе ответственности государства в международной сфере, что, по-видимому, и побудило американцев в 1990-е годы с большим вниманием отнестись к альтернативе- идеям регионализма, конкретнее, и в том числе - к межправительственной координации экономической политики в рамках Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Преимущества такой координации, с американской точки зрения, оказались связаны с возможностью для Вашингтона, совместно с правительствами других стран (в данном случае прежде всего Мексики), проконтролировать негативные влияния, которые внутренняя экономическая политика одной страны (Мексики) может иметь на экономику другой (США) в условиях экономической открытости, которая для США остается особым приоритетом. Уточним, что НАФТА была инициирована перед лицом опасности ухудшения экономических условий в США. В подобной ситуации более свободный торговый режим в регионе стал рассматриваться Вашингтоном как потенциально полезное средство оживления национальной американской экономики, стимулирующее рост, конкуренцию и создающее новые рабочие места. Если доводить такого рода межправительственное сотрудничество до логического предела, то речь пойдет не о наднациональной, а о национальной интеграции.

б) корпоративный вариант

На вопрос о допустимой степени интервенции государства в экономическую сферу возможны и другие ответы, нежели тот, что дает плюрализм. Существует корпоративный (европейский)

110

вариант, при котором у государства более активная хозяйственная роль. Она опирается на восприятие социальных отношений как основы для экономического обмена. Это делает не только допустимыми, но и необходимыми нормативные ограничения в свободной игре рыночных сил. Ключевым является предположение, что даже в ситуациях, где изначально существуют разногласия по поводу ценностей, есть процессы публичного обсуждения и частного размышления, которые в результате приводят к более удовлетворительным социальным решениям, нежели заключение сделок, прямой обмен ресурсами или формирование минимально необходимых для победы политических коалиций в угоду первоначальным предпочтениям. Выражаясь короче, общественные нормы для европейцев важнее, выше по значимости, нежели эгоистические личные интересы. Вторые вытекают из первых и им подчинены.

Несмотря на то, что высшим ориентиром для государства в его хозяйственной деятельности здесь являются не рынок как таковой, а социальный мир и качество жизни в обществе, достигаемые с его помощью, между представителями государства и бизнеса формируются отношения, основанные на взаимном доверии. Речь идет о культуре сотрудничества в хозяйственной сфере, согласно которой каждый привносит на благо общему делу тот специфический ресурс, которым располагает. При этом основной для институтов ЕС (в первую очередь Европейской комиссии) оказывается роль посредника, советчика, эксперта, «мудреца», участвующего в процедурах общественного согласования. Ассистентами при выполнении ею таких ролей выступают национальные бюрократы (со стороны государств) и ассоциации предпринимателей и работников (со стороны общества).

Особо подчеркнем специфическую роль в рамках такой системы функционально специализированной евробюрократии, которой свойственно концентрироваться на применении технических знаний. Бюрократы - это основные европейские «интеграторы», озабоченные обеспечением управляемости и предсказуемости в хозяйственной деятельности вне зависимости от национальных границ. Они предпочитают компромисс и выработку общего интереса, входят в самые мелкие технические детали каждого вопроса, обычно не идут на обострение конфликта с оппонентом. Выигрыш в интеграции достигается за счет медленной, постепенной выработки всеми ее участниками общей

111

культуры. Устанавливаются и множатся общие нормы, акторы социализируются в их отношении, эти нормы становятся частью их идентичности, каковая, в свою очередь, и рождает в итоге коллективную заинтересованность в соблюдении норм как конечной цели регионального взаимодействия. Показательно, кстати, что в США практически нет и никогда не было такого феномена, как технократическая и политически не ангажированная бюрократия традиционного европейского типа.

При всем том ответственность европейских государств оценивается не степенью их лояльности собственной нации, а прежде всего исходя из соблюдения ими общего для них морального кода - европейских норм. В данном случае, в противоположность плюралистическому варианту, налицо примат нормативной власти над властью исполнительной, в большей мере соответствующий католическому типу политической организации. Государства-члены ЕС участвуют в совместной выработке и формулировании общих для Союза норм и моральных критериев политического поведения. Лишая себя каких-то суверенных прав в пользу Союза, они одновременно повышают свою институциональную автономию от национального

общества.

Обратим внимание: суть наднационального регулирования в Европе состоит в том, что государство должно выполнять в том числе и те решения, с принятием которых оно не согласно. То есть моральной ответственности перед нацией за принятие таких решений оно не несет, однако несет ответственность перед «Европой» за их исполнение, что гарантируется существованием системы европейского права, в которой действуют принцип прямого действия права ЕС в государствах-членах и его примат над правом национальным⁴.

Исходя из всего этого, не совсем точным было бы говорить, что современное европейское государство находится в упадке. В процессе европеизации влияние национального государства не ослабевает, как это можно было бы предположить. По крайней мере, последнее не стоило бы утверждать однозначно. Однако роль государства принципиально меняет-

⁴ Кавешников Н. Ю. Институциональная реформа ЕС и Ниццкий договор: ответы или вопросы? // Доклады Института Европы. № 87. М., 2002. С. 12-13.

112

ся. Из влиятельного политического игрока на региональной арене оно само превращается в одну из арен для принятия политических решений, обязательных к исполнению на национальном уровне, то есть в составную часть европейской региональной структуры хозяйственного управления.

Трудно отрицать, что европейская интеграция ныне представляет собою нечто большее, нежели только сотрудничество между автономными и суверенными национальными государствами, выступающими в качестве региональных «игроков». В ходе интеграции государства добровольно отдают часть своего суверенитета, чтобы выжить в условиях глобализации. Наднациональное управление поэтому скорее служит национальному государству, чем подрывает его - ведь национальное государство отказывается в пользу региональных институтов именно от тех направлений своей деятельности (торговля, финансы), с которыми оно хуже справляется. Таким образом, наднациональный уровень перехватывает дисфункциональные стороны национального хозяйственного управления, способствуя созданию более дееспособной в целом системы. При этом допуск наднациональных институтов к решению проблем по-прежнему ограничивается вопросами, по которым в кругу государств-участников наличествует широкий консенсус.

В процессе европеизации, понимаемой здесь как процесс формулирования, распространения и институционализации (укоренения) формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм и стилей, общих верований и норм, они сначала определяются и обретают форму в процессе принятия решений на европейском уровне (причем прежде всего именно решений хозяйственного плана), а затем инкорпорируются в логику внутривнутриполитического дискурса в отдельных странах ЕС, в национальные политические структуры и публичную политику.

Но параллельно растет озабоченность европейских обществ в связи с неспособностью ЕС ответить на вопросы, связанные с его ущербной демократической легитимностью. С одной стороны, признается, что эра классического национального государства завершилась. С другой стороны, национальная политическая культура по-прежнему считается в Европе основным средством, позволяющим обеспечить в том числе и наднациональную политик» системой легитимизации и

113

собственной идентичностью. Для европейских граждан евро-союзная идентичность как таковая в целом не слишком значима, вторична. Поэтому, как политическое целое, Европейский Союз состоит из множества центров влияния, которые связаны между собой разнообразными формальными и неформальными каналами коммуникации.

в) азиатская модель

Наконец, существует и третий вариант ответа на вопрос о формах государственного вмешательства в хозяйственную сферу - азиатский, где опять-таки проявляют себя особые культурные традиции. Между государством и бизнесом меньше посредников, чем на Западе, они взаимодействуют и сотрудничают в хозяйственной сфере непосредственно. Акцент сделан на соблюдении интересов сообщества, общественных обязательств, взаимной и неформальной лояльности, поддержании социальной гармонии, ориентации на конечный результат применительно к экономическому росту. Считается допустимым, чтобы государство сознательно и последовательно вмешивалось в ценообразование, чтобы стимулировать развитие определенных отраслей. Возможны и даже считаются необходимыми многие другие формы вмешательства в экономику. Производство развивается и расширяется не в целях потребления, а в конечном счете для того, чтобы иметь рычаг влияния на другие страны и укрепить собственную национальную безопасность и автономию. Присутствует ориентация на длительное развитие бизнеса, захват рынка и утверждение на нем даже в ущерб краткосрочной прибыли. В качестве «интеграторов» выступают сами предприниматели, объединенные в региональные деловые сети.

Приоритет в азиатской модели поведения экономических агентов отдан социальным обязательствам - перед членами своей семьи и, шире, социальной группы - а не формальному контракту, который ограничивал бы проявления индивидуальных эгоизмов. Непосредственные участники экономических отношений исходят из доброй воли и благорасположения друг к другу. Это не лучшая (наиболее выгодная) политика для них, а обязанность и долг, освященные традицией.

Одновременно с тем общество в таких странах, как Япония или Китай, по-видимому, не склонно систематически предъявлять своему государству претензии морального свойства, то есть автономность властной иерархии в плане опреде-

114

ления собственной ответственности в принципе достаточно высока. Легитимность большинства государств в азиатско-тихоокеанском регионе в итоге в меньшей мере основывается на общинной солидарности и публичной отчетности политических институтов (демократическая легитимизация) и в большей - на объективно полезных для общества результатах государственной деятельности, в том числе и в хозяйственной области.

Вторая мировая война и международные события, за ней последовавшие, подорвали прежний социальный и политический порядок во многих азиатских странах. В возникшем социальном вакууме происходило дополнительное укрепление государства как иерархического института, не встречавшее серьезной социальной оппозиции. Этому процессу в конкретных странах региона (Япония, Южная Корея) поспособствовали Соединенные Штаты, стремившиеся усилить таким образом своих союзников на переднем крае борьбы в холодной войне.

Активное вмешательство государства в экономику с этого периода в умах местного населения оказалось прочно увязано с исключительно быстрым экономическим ростом. Поскольку результаты этого вмешательства в целом поспособствовали росту массовой поддержки государства, у национальных лидеров до сих пор нет особого резона торопиться с отказом от прежних принципов в хозяйствовании.

Трудовые отношения в странах региона деполитизированы. По контрасту с картиной, которую можно наблюдать в ряде европейских стран, профсоюзы не являются важной самостоятельной силой при выработке национальной экономической политики. Их надежно контролируют либо государство, либо компании. Сами азиаты считают специфику трудовых отношений в регионе своим конкурентным преимуществом.

Если в Соединенных Штатах видными игроками на экономическом поле выступают индивидуальные компании, то в азиатском регионе чаще доминируют бизнес-сети. При этом сети, образованные этническими китайцами, отличаются относительно большей гибкостью. Они основаны на семейных и языковых связях и легко преодолевают национальные границы. Наиболее распространенной чертой этнического китайского бизнеса вы-

115

ступает обширная сеть субконтрактных отношений в отдельной отрасли⁵.

Региональные сети с участием японских транснациональных компаний и малых и средних китайских семейных фирм, по замечаниям наблюдателей, проявляют особую эффективность при интеграции высокотехнологичных и трудозатратных производств. Отношения между фирмами не являются при том остроконкурентными. Китайские фирмы весьма склонны вступать в отношения симбиоза с госпредприятиями в стране пребывания. Члены деловой сети обычно с готовностью делятся друг с другом информацией и ресурсами. Это свойственно и японским компаниям, хотя последние и отличаются большей бюрократизированностью.

Вступая в региональное сотрудничество для совместного отражения вызовов экономической глобализации, страны региона, в отличие от участников европейской интеграции, не идут на уступки в плане суверенитета, поскольку их не побуждает к этому региональная специфика отношений между государством и обществом. В азиатской организации хозяйственного регулирования нет места органу, подобному Европейской комиссии, который генерировал бы идеи от лица региона в целом. Региональную экономическую культуру государства готовы вырабатывать сами - сотрудничая в собственном кругу. В качестве членов регионального международного общества страны региона склонны придерживаться принципа «совместных односторонних действий», то есть принимать лояльные по отношению к партнерам решения (проводить либерализацию) в согласии с ними- и в отсутствие формальной нормативно-правовой регламентации собственных действий. В известном смысле, при этом они готовы повторять, в ином контексте, поведение региональных экономических агентов. В целом же, скорее всего, культурно специфичный азиатский капитализм будет обретать более определенные институциональные черты (азиатизироваться) по мере того, как станет продвигаться его интеграция.

⁵ См. Stubbs, Richard. *Asia-Pacific Regionalism versus Globalization. Competing Forms of Capitalism//Regionalism and Global Economic Integration. Europe, Asia and the Americas / Ed. by William D.Coleman and Geoffrey R.D. Underhill-* London and New York: Routledge, 1998. P. 16.

116

Заключение

Итак, под политической культурой мы в целом понимаем совокупность смысловых схем и нормативного отношения к политике, задача которых, по существу, сводится к приданию (навязыванию) акторам политических ролей и ориентаций соответственно сложившимся в данном сообществе субъективным представлениям. Помимо когнитивных (разумных) и ценностных (моральных), она также включает в себя аффективные (инстинктивные) компоненты, которые могут быть объединены в различных комбинациях.

Культура находится в постоянном взаимодействии с политическими институтами, то есть принципами, нормами, правилами, приемами и процедурами принятия решений и поведения, в отношении которых у действующих лиц в определенной политической сфере сложились совпадающие ожидания. Политическая культура способна поддерживать институты, однако она может и подрывать их жизнеспособность в том случае, если между культурой и институтами в определенной политической сфере

нарушено логическое и идейное соответствие.

Институты и культура являются принципиально важными детерминантами политических действий. Они сообщают этим действиям целесообразность. Таким образом они сказываются на них наряду с такими каузальными (причинными) переменными, как экономические и прочие материальные условия. Существование институтов и поддерживающей их культуры ограничивает свободу выбора для политических акторов, кто бы они ни были- индивиды, группы или государства. Более того: именно на основании культурных критериев в первую очередь и определяются условия допуска участников на ту или иную «политическую площадку».

Если говорить о роли культуры в области международного хозяйственного регулирования, то при индивидуалистическом типе культуры (плюралистический вариант) идеалом региональной интеграции предстает общество государств, которые договорились об объединении экономического пространства, где действует по возможности минимально ограниченный свободный рынок, и сотрудничают в преодолении негативных рыночных экстерналий. Культурные нормы, укла-

117

двающиеся в общий либеральный контекст, сообщаются такому пространству экономически лидирующим государством.

При эгалитарном типе культуры (корпоративный вариант) целью интеграции является совместная защита привычного образа жизни. Вместе с тем центральной чертой эгалитаризма является не равенство материальных условий, а равенство отношений власти. Участники такого сообщества не признают единоличного лидерства и совместно генерируют общие для них культурные нормы в своем замкнутом кругу. На основании выработанных ими норм участниками оценивается общая эффективность объединения.

При иерархическом типе культуры (азиатский вариант) в качестве высших целей политики признаются стабильность политической системы и национальная безопасность. Утилитарная сфера в жизни общества регулируется традиционными социальными институтами. Индивидуальное самовыражение не поощряется. Культура международного общества (в идеале) подразумевает в отсутствии конфликтов между его государствами-членами, в их взаимно предупредительном и лояльном отношении, не нуждающемся в формальной регламентации. Между национальной и международной сферами ответственности государства при этом не возникает противоречий, поскольку государство относительно свободно в определении их соотношения.

Литература

- Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., 2004.
Категории политической науки. Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М., 2002.
Политическая наука: новые направления. М., 1999.
Соловьев А. И. Политология. М., 2001.
Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.
Almond G., Verba S., The Sivic Culture. Boston, 1965.
Almond G., Verba S. (eds.) The Sivic Culture Revisited. Boston, 1980.
Thompson, M., R. Ellis and A. Wildavsky. Cultural Theory. Boulder, Colorado: Westview, 1990.

Л. М. ЕФИМОВА. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА

Политическая культура современных государств Азии и Африки являет собой причудливое переплетение черт и элементов, институтов, стереотипов мышления, норм и обычаев, традиционных для афро-азиатских народов, с заимствованиями из теории и практики западного мира. Такое переплетение восточных и западных элементов проявляется во всех компонентах политических систем Востока - структуре высших органов власти и механизме их функционирования, деятельности политических партий и общественных организаций, политическом мышлении и поведении лидеров и масс.

Это хорошо видно на примере политической системы Исламской Республики Иран. Существование в этом государстве демократических выборных органов, аналогичных тем, какие действуют и в современных странах Европы и Америки, соседствует с элементами исламской теократии, закрепляющими реальную политическую власть в руках у небольшой группы мусульманских религиозных деятелей. Органы, избираемые демократическим путем - президент, меджлис (парламент), оказались в полном подчинении органов назначаемых - рахбара (духовного руководителя государства), Наблюдательного совета, состоящего из мусульманских религиозных деятелей, судебных органов. Какие бы решения и законы ни принимали президент или парламент, они не могут вступить в силу без утверждения рахбаром или Наблюдательным советом.

Политические партии в странах Азии и Африки формируются в большинстве случаев не вокруг политической платформы, проводимой партией политики, а на основе взаимоотношений «патрон-клиент», т. е. личных связей между лидерами и рядовыми членами на взаимоотношениях клановости, этно-племенной общности, земляческих, религиозных и тому подобных принципах, никак не связанных ни с платформой, ни с политикой этой партии.

119

Примером тому может служить старейшая политическая партия Востока - Индийский национальный конгресс, возникшая еще в 1885 году, но продолжающая активно действовать и в наши дни. Демократическая партия европейского типа в индуистской стране с сохраняющейся кастовой системой просто немыслима. Поэтому ИНК стала «зонтичной» организацией, объединяющей в своих рядах людей самых разных взглядов - от религиозных ультра-ортодоксов до марксистов. Идеология ИНК не могла быть единой, цельной идеологией, целостным мировоззрением. Да и сама партия имела как бы два облика - «европейский» облик светской демократической организации и индуистский облик религиозно-реформаторского движения, руководимого Махатмой Ганди, человеком, воплощавшим двойственности индийского освободительного движения, двойственности новой Индии. Он был европейски образованным политиком и в то же время индусским аскетом-саньяси. Традиционная иерархия в какой-то мере и в превращенной форме до сих пор сохраняется в партии ИНК, ибо народ идет не за ее идеологией или программой, а за лидерами-брахманами. Традиционно индуистские ценности, ценности аскетов-саньяси продолжают воплощаться в характерном для активистов ИНК аскетизме и культе ненасилия.

Каковы же причины подобного причудливого соединения элементов западной либеральной демократии и общественно-политических традиций восточных обществ? Их следует искать в конкретно-исторических обстоятельствах складывания современной политической культуры стран и народов Востока - особенностях освободительных антиколониальных и антифеодальных движений и их идеологий, становления современной национальной государственности. А эти процессы происходили под воздействием идеалов и моделей западной политической культуры на культуру народов Востока.

Традиционная политическая культура народов Востока, находившихся на доиндустриальной стадии социально-экономического и политического развития, принципиально отличалась от западной индустриальной политической культуры, в которой наиболее влиятельным течением была либеральная демократия.

Каковы были основные черты традиционной восточной политической культуры и ее отличия от западной? Прежде

120

всего, политическая культура Востока оставалась частью целостной религиозно ориентированной картины мира, в то время как на Западе политика в основном уже удалась от религии, секуляризировалась. Религиозно ориентированная картина мира на Востоке составляла базис политической культуры: определяла представления о государстве, правителе и обществе, их взаимоотношения, права и обязанности.

Для всех афро-азиатских стран и народов были характерны модели патримониальной государственности. Во главе государства, согласно патримониальным представлениям, стоит верховный правитель - праведный царь. Он является харизматическим лидером - в его персоне воплощены сакральные (божественные) силы. Такой взгляд на верховного правителя вызывал упование масс на то, что решение всех проблем в государстве исходит не от разума правителя, не от его умения управлять, а от божественной силы, носителем которой он является. Такой харизматический лидер превращался в объект поклонения и не подлежал критике: от него требовалось сохранение его божественной силы, а не отражение народных чаяний, поскольку предполагалось, что Верховному Абсолюту (божеству) и божественному монарху лучше

известно, что хорошо для народа, а что плохо. Взаимоотношения между государством и обществом строились по линии «сверху вниз», а не «снизу вверх»; как это сложилось в системе западной либеральной демократии, основным смыслом которой было верховенство общества свободных индивидов и его контроль над государственной властью, призванной выполнять волю масс через механизм народного выборного представительства.

Делом царя в восточных обществах считалось выполнение универсального сакрального долга защиты людей, своих подданных, отеческая забота о благе членов своего государства. Защищая людей от внутренней и внешней опасности, царь «создает жизнь», поддерживая ее, выполняя тем самым обязанность не перед народом, а перед божественными силами, сакральным законом Вселенной.

Верховный правитель считался также блюстителем божественных установлений на земле. Он должен был следить за их неукоснительным соблюдением со стороны всего общества и его отдельных членов. У членов такого общества утверждалось поэтому не индивидуалистическое, а коллективистское созна-

121

ние. Перед ними не стояла задача проявления свободы своей собственной воли, свободы выбора того или иного поведения. Перед ними не возникала необходимость нести личную ответственность за это. Массы должны были действовать в полном соответствии с универсальным божественным законом, полностью и неукоснительно подчиняться ему. В результате законы, обычаи стали инструментами в руках правителя, служившими для того, чтобы править массами, четко и жестко регулировать их поведение. Законы и обычаи лишь в незначительной степени через традицию ограничивали действия самой верховной власти, поскольку считалось, что сам правитель правит не столько по закону, сколько по внушению свыше, и является наиболее авторитетным и непогрешимым толкователем этих законов и божественной воли в целом. Такое мировоззрение не способствовало развитию права и правосознания в традиционном восточном обществе.

Для традиционного общественного сознания были характерны представления о естественности иерархичности общества и извечности такого порядка. Основным принципом взаимоотношений в обществе считалось господство и подчинение, а не отношения равных индивидов и соответствующие этому отношения партнерства и соперничества, как в системе либеральной демократии. Согласно традиционному мировоззрению, каждый должен занимать свое место в соответствии с сословной принадлежностью, иметь свои права и обязанности, которые не одинаковы для представителей разных сословий, занимающих разные места на иерархической лестнице, не одинаковы у правителей и подданных.

Ощущение собственной социальной ущемленности, ухудшения своего экономического положения порождало среди масс убеждение в том, что возникшая несправедливость является следствием нарушения извечного иерархического порядка: «каждый оказался не на своем месте». Выправление такого «ненормального» положения, восстановление нарушенной гармонии и справедливости обычно происходило так, что последние становились первыми, т. е. действовала «опрокинутая этика». Эта этика исключала какое-либо уравнивание, эгалитаристские концепции. Особенно «опрокинутая этика» была характерна для китайской политической культуры. Неоднократно в китайской истории место свергнутого мо-

122

нарха занимал выходец из бедных слоев, основывая, таким образом, новую монархическую династию на старых, традиционных принципах правления.

Отсутствовал эгалитаризм в европейском понимании этого термина и среди мусульманских народов. В их традиционной политической культуре понятие «справедливость» приближалось к понятию «правосудность» в соответствии с законами Корана, освящавшего социальное и имущественное неравенство и провозглашавшего равенство только перед Аллахом. Для мусульман оставались чуждыми идеи социального и политического уравнивания, характерные для идей либеральной демократии. Мусульмане осознавали равенство всех членов исламской общины-уммы перед Аллахом, но в качестве подданных мусульманского государства они не оспаривали и принимали «справедливость» иерархической структуры в государстве и обществе, в «посюстороннем» мире. Приверженцы ислама верили в сакральную миссию султанов, в право падишаха распределять «блага мира» между подданными, в их ответственность за сохранение в государстве традиционных порядков, которые предполагали поддержание спокойствия и безопасности государства и общества и его членов, правосудность властей, незыблемость имущественной, социальной и политической иерархии.

Вне официальной жизни народ активно участвовал в различных корпоративных обществах: квартальных общинах, ремесленных цехах, землячествах, религиозных объединениях и т. п. Активность в этой сфере способствовала единению, упрочению социальных связей, развивала чувство приверженности корпоративным интересам, коллективистское сознание, негативное отношение к индивидуализму.

Относительным единообразием во всех восточных обществах характеризовалась оценка массами действий правящих лиц, кругов и групп. Шкалой этих оценок служили традиционные этико-религиозные нормы. Оппозиционные настроения считались чрезвычайным явлением, а не нормой. Они проявлялись обычно в завуалированной форме - в области народных культов, отклоняющихся от ортодоксии и официальных культов, зрелищ, празднеств, т. е. на социально-психологическом, а не на политическом уровне сознания. Характерными были представления о коллективной ответственности за отступления от норм морали и религии отдельных членов общества.

123

Восстания и другие оппозиционные народные выступления воспринимались народным сознанием не как борьба за новую лучшую жизнь и миропорядок, а как восстановление старых, традиционных этико-религиозных норм. В оппозиционных движениях и выступлениях эмоциональное начало, как правило, преобладало над рациональным.

Современная политическая культура народов Азии и Африки сложилась в результате межцивилизационного взаимодействия восточных культур с западной, происходившего на начальном этапе в форме колониальной экспансии стран Запада на Восток. Европейская колониальная экспансия нарушила естественное историческое развитие народов Востока и привела к столкновению западных и восточных общественно-политических систем, которые различались в стадийном и культурно-цивилизационном отношениях.

Хотя в Европе ко времени расцвета колониализма уже упрочились секуляризированные либерально-демократические нормы и традиции, колониальные режимы, установленные европейскими государствами в Азии и Африке, ни в коей мере не были перенесением на Восток этих либерально-демократических структур. Колониальное управление было чрезвычайно иерархичным, патерналистским и авторитарным и в этом отношении мало чем отличалось, а иногда и превосходило по жесткости традиционные доколониальные восточные политические системы.

Заимствование отдельных элементов западных политических систем, норм и традиций началось на Востоке под влиянием развития там капиталистического уклада и появления новых классов - буржуазии, буржуазной интеллигенции, пролетариата. Однако поскольку становление капиталистического способа производства в Азии и Африке явилось следствием не их естественного исторического развития, а внешних факторов, то оно происходило иначе, чем это было на Западе. Для развития капитализма на Востоке были характерны очаговость, сохранение обширных массивов докапиталистических сфер производства. Последовательность различных стадий зрелости капитализма оказалась нарушенной. На сам характер капитализма оказывали большое влияние специфические черты той или иной восточной цивилизации. В результате развитие капитализма на Востоке не сопровождалось формированием гражданского общества запад-

124

ного типа с его доктринами индивидуализма, секуляризма, политического либерализма.

Вследствие особенностей развития капитализма в афроазиатских обществах как старые докапиталистические слои, так и носители новых общественных отношений в целом не приняли таких основополагающих компонентов западной политической культуры, как социальное и политическое равенство, либерализм с его организационным и идейным плюрализмом, альтернативными выборами, политическим противоборством. Общества Востока сохранили приверженность основным традициям восточных политических культур, таким, как патримониализм, социальная и политическая гармония, консенсус, приверженность религиозной морали в социально-политической сфере.

Такое выборочное восприятие ценностей западной политической культуры имело под собой сугубо прагматическое основание. Формирование национальной буржуазии на Востоке в условиях господства более сильного, часто монополистического иностранного капитала, колониального или полуколониального политического режима диктовало с первых шагов необходимость не индивидуальных, как на Западе, а коллективных усилий, корпоративных форм экономической деятельности, которая естественно реализовывалась в традиционных формах, таких, как кланы, религиозные общества, касты, землячества и т. п.

Развитие капитализма ускорило имущественное и социальное расслоение в деревне. В этих условиях особое значение приобретали религиозно-общинные традиции социальной поддержки, создававшие для беднейших слоев населения определенные социально-экономические и психологические гарантии выживания, а для сельских богачей служившие дополнительным рычагом давления на крестьянство посредством соединения докапиталистических и капиталистических методов эксплуатации. Это вело к закреплению новых стереотипов социализации и формирования политического сознания и поведения широких народных масс при сохранении лидирующей роли религиозных традиций.

Преимущественно из беднейших слоев деревни складывался национальный пролетариат-сельскохозяйственный и промышленный. Ввиду неразвитости национального капитала в

125

большинстве афро-азиатских стран рабочие трудились преимущественно на предприятиях иностранных компаний. Тяжелые условия производства и капиталистической эксплуатации ассоциировались у пролетариата с иностранными хозяевами или со своими, но отступившими от «национальных традиций» и «вестернизовавшимися» предпринимателями. Такого рода социальная психология способствовала тому, что зарождавшееся классовое сознание оказывалось связанным с представлениями о превосходстве и справедливости собственных традиционных ценностей над навязываемыми извне. Классовая солидарность пролетариата в поисках социальной и экономической защиты стихийно, а в ряде случаев и сознательно, под руководством национальных общественно-политических деятелей, осуществлялась в традиционных формах религиозно-общинной солидарности под лозунгами защиты собственных морально-этических установлений и традиций, против наступления чуждой западной культуры, с ее жесткими правовыми нормами и правилами. Нередко даже такие современные, заимствованные у Запада методы организации и борьбы пролетариата, как создание профсоюзов и проведение забастовок, облекались в религиозно-общинные одежды.

За модернизацию политической культуры выступила новая восточная интеллигенция, получившая европейское образование. Знакомство с западными общественно-политическими учениями привело к заимствованию одной частью идей буржуазного развития, другой частью - социалистических идеалов. Значительная прослойка новой восточной интеллигенции стремилась к модернизации политического развития, не связывая его ни с капитализмом, ни с социализмом, а пытаясь найти самобытный, свой собственный путь с использованием национальной политической культуры.

Возникшие в среде интеллигенции политические течения в ряде случаев ориентировались на идеи либерализма и индивидуализма. Однако среди преобладающего большинства стремление к воплощению принципов социально-политической демократии, равенства и братства, которые противопоставлялись как колониализму с его расовой дискриминацией, так и средневековой восточной государственности и социальной структуре с ее сословностью, нередко несли на себе отпечаток представлений о естественности и справедливости общинной организации, хотя

126

и там присутствовали элементы иерархичности и патримониализма, традиций социального корпоративизма. Привлекательно выглядела и идея социально-политической гармонии традиционного восточного общества на фоне постоянного противостояния и противоборства, характерных для либеральной демократии с ее многопартийностью, свободой слова, собраний и т. п. Представления о новом обществе на Востоке не связывались с идеями гражданского общества западного типа, состоящего из свободных и равноправных во всех отношениях индивидов, связанных между собой не клановыми, родственными, земляческими, религиозными, этническими и иными традиционными отношениями, а лишь исключительно узами частного интереса, проявляющимися через политический плюрализм и острую политическую борьбу. Консенсус на Востоке воспринимался не как общее согласие на определенные правила игры и главное направление общественно-политического развития, а как отсутствие оппозиции, критики, внутривосточного противоборства, освещающегося в печати и других средствах массовой информации.

Настоятельная необходимость сплочения всех групп и прослоек восточного общества в борьбе за национальное освобождение усиливала стремление к возрождению старых традиций сохранения социальной и политической гармонии, негативное отношение к общественно-политическим противоборствам, которые рассматривались как порождение колониализма и империализма Запада и считались чуждыми национальной политической культуре. В восточных обществах складывались представления об аморальности индивидуализма, идейного и политического плюрализма западного типа, подрывающих групповую и общенациональную солидарность, антиколониальное единство, разрушающих личностные узы. Национально-освободительное движение ставило во главу угла интересы не индивида, а движения в целом, которому и подчинялись интересы отдельной личности.

Устремления отдельных индивидов и меньшинств во внимание не принимались. Идеино-политический плюрализм западного типа считался подрывающим сплоченность во имя достижения главной цели - национальной независимости.

Для новой политической элиты восточных обществ наиболее привлекательными в западной политической культуре

127

были идеалы равенства, справедливости и демократии. Однако их притягательность вызывалась не столько потребностью общества, трансформирующегося из доиндустриального, традиционного в индустриальное, современное, как это было на Западе, сколько реакцией на колониальное и феодальное угнетение. Поэтому заимствованные модели, институты и концепции, попав в реальные условия восточного общества, в котором преобладали традиционные социальные связи и политические представления, наполнились традиционалистским содержанием, причудливо соединив в себе западные и местные компоненты. Так, например, политическая система современной Индии возникла в 1947 году, но ее институты и принципы уходят корнями в доколониальную и колониальную эпоху и покоятся на мощном пласте кастовых институтов и религиозных представлений, имеющих тысячелетнюю историю. Новое и старое переплетено. Старое прячется за новым, новое рядится в одежды старого.

Конституция Индии - конституция парламентская, «вестминстерского» типа. Прочность индийского парламентаризма поразительна для страны третьего мира. В Индии никогда не было попыток установить однопартийную систему (несмотря на доминирование ИНК в политической жизни) или военную диктатуру. И прочность эта во многом основывается на традиционнотиндусских основах - на поразительном плюрализме индуистских сект и каст, традиционной индуистской мировоззренческой терпимости, неразрывно связанной с устойчивостью кастового строя, на харизматическом авторитете Махатмы Ганди и других великих деятелей индийской парламентарной демократии и традиционном авторитете тех представителей брахманской и княжеской элиты, которые постоянно и в совершенно непропорциональном их удельному весу числе оказываются наверху политической иерархии.

Традиционное индийское государство освящалось брахманами, которые в некотором роде вне государства (так же, как Абсолют-бог, основа этого мира, трансцендентен к этому миру). Несколько сходную роль в отношении современного государства играет авторитет таких людей, как Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и другие. Основа их авторитета - негосударственная, это авторитет святых, или авторитет брахманского рода. И авторитет государства или партии, которым они

128

руководят, во многом базируется на этом внегосударственном и внеполитическом авторитете.

Индуизм и традиции древнеиндийского общества лежат также в основе слабости современных партий в этой стране, а также государственных институтов. Лояльность к ним постоянно подрывается лояльностью к касте, местной общине, харизматическому лидеру. Так, в политической жизни современной Индии бесконечная борьба клик и фракций постоянно раздирает партии. Переход таких клик из партии в партию, постоянное создание новых партийных комбинаций может показаться европейцу аморальным. Но это не аморальность: преданность клике важнее, чем преданность партии, традиционные связи сильнее новых. Связи эти ослабляют партии, делают их ареной борьбы традиционных группировок; ослабляют они и государство.

В Индии нет чувства естественности и необходимости государственного единства. Как в традиционной Индии общинная принадлежность значила неизмеримо больше, чем принадлежность к государственному образованию, так и ныне местные интересы и лояльность постоянно вступают в конфликт с преданностью государству. Конфликты языковых и религиозных общин друг с другом и с центром - неизменная черта политической жизни современной Индии, причем движения за языковые и религиозные автономии все время балансируют на грани сепаратизма.

В африканских странах продолжают доминировать общественные отношения типа «патрон-клиент». Они находят отражение и в политике и представляют собой личностные отношения между индивидуумами или группами индивидов, основывающиеся на обмене ресурсов (экономических или властных), которыми обладает патрон, на политическую лояльность клиента. В современной Африке клиентелизм - это по преимуществу распространение этнических, региональных, религиозных, клановых, семейно-родственных и тому подобных связей на политическую сферу.

В результате наблюдается несоответствие между современной формой государства и традиционалистской «логикой» его функционирования. Патронат является решающим инструментом для достижения власти. В большинстве африканских стран правящие группы рассматривают парламент, партии, профсоюз-

129

зы и другие общественно-политические организации и институты как средство создания сети клиентельных отношений, которые формируют базу их власти. В странах с однопартийными системами правящая партия внешне имеет вид мощной массовой организации (нередко охватывающей все взрослое население или его подавляющую часть), декларируются ее идеологический характер и руководящая роль в общественном развитии. На самом деле за современным фасадом скрывается механизм внутривнутрипартийных связей, покоящийся на патронатно-клиентельных связях. Организационная структура таких партий, порядок выдвижения их лидеров и внутривнутрипартийная дисциплина построены на авторитарных принципах. Они представляют собой, по существу, пирамиду кланов, на вершине которой стоит лидер, выступающий в качестве объединяющей силы.

Вокруг руководителя партии, являющегося одновременно главой государства и правительства, складывается правящий «президентский» клан. Это неформальное объединение профессиональных политиков, занимающих ключевые позиции в партийном и государственном аппарате. Основной структурообразующий элемент клана - система личных связей между его лидером и членами, базирующаяся в первую очередь на этнической, региональной или семейно-родственной общности, а также на общности политических и деловых интересов.

Вступление Востока в техногенную эру бросило серьезный вызов политической культуре афроазиатских обществ. Новая техника, более высокий уровень производительности труда - это силы, перед которыми ничто устоять не может, ибо польза, приносимая ими, настолько очевидна, что даже самые крайние традиционалисты не могут оставаться к ним равнодушными.

Разве можно устоять перед искушением иметь ружье, а не лук и копьё для своей защиты? Разве можно устоять перед материальным изобилием, которое дают современные наука и техника? Но заимствование новой техники, переход на дорогу технического прогресса влекут за собой незаметное на первый взгляд приспособление к новым условиям старых привычек, взглядов, верований. За ними следует процесс социальной и политической модернизации, становление качественно новых, соответствующих меняющимся условиям общественно-политических форм, моделей, институтов и представлений.

130

Общество изобилия, «всеобщего потребления», сложившееся впервые на Западе, неразрывно срослось первоначально с концепцией политического либерализма западного образца, основанного на индивидуализме. В глазах поверхностного наблюдателя материальное изобилие нередко выглядит следствием политического либерализма и индивидуализма, и, по его представлениям, одно не может существовать без другого. Многие считают, что, быстрее или медленнее, теми или иными путями в направлении материального изобилия, а следовательно, и основанного на индивидуализме политического либерализма западного типа движутся все народы мира, что тысячелетние поиски человечеством наиболее совершенных форм социальной и политической организации увенчались созданием современного западного общества и государства, что это и есть конец и венец истории.

Однако практика показывает, что по мере включения в мировое хозяйство новых стран и регионов Востока создаются все более причудливые сочетания либеральных принципов с другими культурными и идейно-политическими традициями, весьма отличными от европейских. Экономические и политические структуры в Японии, Южной Корее, Таиланде, Индии и других странах Азии и Африки, переживающих процессы ускоренной модернизации, далеки от западных образцов.

Так, например, японский капитализм не только в его ранних, но и особенно последних, современных формах существенно отличается от западноевропейской и американской моделей. Его можно описать как патерналистский, антииндивидуалистический. Патернализм наряду с национализмом является также антииндивидуалистическим элементом буржуазной японской социальной модели. Он связывает индивида множеством различных способов и направлен на то, чтобы служащий или рабочий понял, что факт его найма фирмой не ограничен отношениями обмена труда на деньги, а включает всего нанимающего целиком, что служение фирме становится отныне смыслом его жизни, что работникам фирмы надлежит осознать себя членами одной семьи, думать и действовать сообща, ничем не пытаюсь выделиться среди других, что все силы и знания должны быть отданы фирме, без мыслей о вознаграждении. Воспроизводство патерналистских связей в сфере современных социально-экономических и политических от-

131

ношений стало эффективным фактором адаптации японского общества к ускоренному индустриальному развитию.

Поскольку экономические отношения носят характер патримониальных, фактически воспроизводя концепцию «подобающего места» старших и младших в системе семейно-родовых отношений, то основным принципом деловых и политических отношений становится этический принцип коллективной выгоды «по старшинству». Каждый строго знает свое место и *соответствующие этому месту объем прав и привилегий*, количество и существо обязательств. Это своего рода социальная смазка, которая способствует существованию и стабилизации общества как единого, цельного организма. Японская экономическая, социальная и политическая модель стремится сочетать японскую душу и западную технологию. Таким образом, японский пример свидетельствует об отсутствии жесткой функциональной зависимости между процессами индивидуализации и развитием капитализма. Индивидуализм оказывается специфически европейским, узколокальным социокультурным явлением, отсутствие которого в восточных культурах не может воспрепятствовать процессу модернизации неевропейских обществ, по крайней мере в экономико-технологическом аспекте.

В политической сфере процессы модернизации, происходящие прежде всего в форме демократизации, также не обязательно предполагают отказ от традиций Востока. Западные ученые выделяют три волны демократизации государственных и общественных структур, которые происходили на протяжении XIX-XX веков и охватывали не только страны Запада, но и государства Востока.

Пик первой волны демократизации пришелся на период завершения Первой мировой войны. В это время на развалинах монархий образовалось много новых, демократических по своему строю государств. На Востоке это были Китай и Турция.

Пик второй волны демократизации знаменовал собой завершение Второй мировой войны и процесс деколонизации. В Азии возник целый ряд независимых республик - Индия, Индонезия, Бирма, *Филиппины*, *проведены* демократические реформы в Японии.

Третья волна демократизации приходится на последнюю треть XX века. Число демократических государств увеличилось с 44 в 1972 году до 107 в 1994 году. Демократическая по

132

форме политическая система установилась в более чем половине стран мира.

Третья волна демократизации получила название «глобальной демократической революции». Она не обошла стороной и традиционные цитадели авторитаризма в Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань), в Юго-Восточной Азии (Индонезия, Вьетнам). Волну демократизации не остановили различные, отличные от европейской, цивилизации; ни конфуцианство, ни ислам, ни коммунизм, ни другие идеологии.

Третья волна демократизации связывается западными учеными и политиками с процессами глобализации, происходящими в мире с конца XX века. Они считают, что под воздействием глобализации все страны, включая Восток, рано или поздно воспримут западную модель политического устройства - либеральную демократию, основанную на универсальном характере западных ценностей - индивидуализма, выдвижения на первый план прав человека, принципах равенства всех людей в обществе, правового государства и т. п.

Придя к выводу о неизбежности перехода всех стран и народов на политические стандарты западного общества, западные политологи и политики стали активизировать деятельность по насильственному внедрению вестернизированных систем и ценностей, морали и образа жизни в общества Азии и Африки. При этом преследуется и сугубо политическая цель - обеспечить доминирование Запада в мировом масштабе не только в сфере экономики, но и во всех остальных сферах жизни. Американские и европейские политологи и политики навязывают всему миру свое понимание прав человека, методов правления, отвергая все другие, позволяют себе вмешиваться во внутренние дела стран Востока, критикуя существующие в них политические системы, моральные установки и ценности.

Такая политика вызывает резко негативную реакцию в странах Азии и Африки на глобализацию и навязывание им стандартов и ценностей западной цивилизации. Ярким примером такого протеста стала работа в 1994 году международной комиссии, состоявшей из ведущих политиков и идеологов стран Азии, и разработанная ими программа социально-экономического и политического развития Азии в первые десятилетия XXI века.

133

Эта программа получила название «К новой Азии». В документе говорится, что западная

либерально-демократическая модель не подходит для Азии, поскольку ее нормы и принципы несовместимы с азиатскими культурно-политическими и религиозными традициями. На Западе доминирует идея равенства, на Востоке - иерархичности, принципа семьи, заключающегося в том, что каждый должен быть на своем месте, а место определяет права и обязанности, которые не могут быть одинаковыми для всех. На Западе лидер выполняет волю общества, он - такой, как все, равный другим. На Востоке доминирует харизматический характер лидерства: лидер лучше других и поэтому лучше знает, что делать, и общество не должно его контролировать. Идеалом Запада служит правовое государство, основанное на власти закона, на Востоке - моральное государство, построенное на принципе «патрон-клиент»: власть благодетельствует народ, а народ подчиняется и любит власть предрешающих. В западном обществе господствует установка на личный успех, определяющий социальный статус личности, в восточном - групповая идентичность, социальный статус человека зависит от принадлежности к той или иной группе: семье, клану, касте, племени и т. п. В западном обществе декларируется формальное равенство в правах, в поведении, в восточном этика поведения" определяется местом, занимаемым в социальной иерархии (начальник должен выглядеть важным и неприступным, подчиненный - покорным и приниженным).

Авторы программы утверждают, что демократизация стран Востока в форме вестернизации из политических систем не является неизбежной и необходимой. Они считают, что демократизация может проходить при сохранении или адаптации к новым требованиям главных традиций восточных цивилизаций, их культурных, политических и религиозных ценностей и образа жизни.

В документе перечисляются главные, по мнению его авторов, азиатские ценности и дается их трактовка. Первой ценностью объявляются порядок и стабильность: все реформы и изменения в сторону демократизации должны происходить без революций и потрясений, в обстановке порядка и внутривластной стабильности. Для этого необходимо не допускать экстремизма, даже продиктованного искренними побуждениями. Лозунгами должны быть умеренность и гибкость, приспособ-

134

ляемость, а не следование жестким принципам, ведущим к ломке и разрушениям. Конфликты в обществе и политической борьбе допустимы, но они не должны стать абсолютными. Политическое и социальное противоборство должно происходить при соблюдении правил приличия, морали и этики. Основными ценностями политической и социальной жизни должны стать гармония и консенсус. Именно на этих принципах, а не на голосовании, должны решаться сложные вопросы социальной и политической жизни. Идеологи восточной модели выступают против оппозиции, считая, что не должно быть победителей и побежденных в общественно-политической жизни государства. Нельзя допустить, чтобы какая-либо из противоборствующих сторон «потеряла лицо». Все проблемы должны урегулироваться посредством взаимных уступок, как это происходит в семье. Прагматизм в политике и социальной жизни должен иметь преимущества перед соображениями идеологии. Социально-политическое развитие должно происходить путем эволюции, а не революции.

Авторы документа соглашались с западными политологами в том, что центром развития должен являться человек, личность, индивид. Но при этом они подчеркивают, что не следует забывать такой важнейший принцип социально-политической жизни, как коллективизм, защита интересов всего общества, а не только отдельной личности. Права человека должны быть защищены, но и обязанности должны строго выполняться индивидом. Свобода отдельного человека должна сочетаться с высоким чувством ответственности со стороны этого человека перед обществом и государством.

Правительству также следует быть сильным и ответственным. Власти призваны не только выполнять волю народа, но и вести народ в правильном направлении, которое сам народ не всегда может верно определить.

Глобализация во всех сферах должна сочетаться с сохранением национальных традиций, цивилизационной самобытности.

Демократия- это всегда идеальная модель. В реальной жизни каждая модель имеет много недочетов. Если западным идеалом является либеральная демократия, то для восточных стран и народов демократической моделью служат семья, деревенская община. Лидеры и политологи Азии и Африки на-

135

стаивают, что демократизацию нельзя навязывать извне, насильственным путем. Она должна формироваться постепенно в недрах каждого восточного общества и государства, адаптируя и приспособляя традиционные структуры и ценности к вызовам времени.

Такой подход, сочетающий западные и восточные традиции, стали принимать и некоторые американские и европейские ученые, осознающие, что в странах Азии и Африки демократия формируется и функционирует не так, как на Западе. Многие афро-азиатские страны применяют в своих социально-политических системах западные либерально-демократические принципы, создающие демократический фасад, за которым, тем не менее, скрываются совершенно иные, чем на Западе, общественно-политические реалии. Такие государственные модели стали называть «неконсолидированными демократиями». Так, в половине «неконсолидированных демократий» политические и гражданские права сводятся преимущественно к более или менее свободным выборам. Все прочие черты демократии - власть закона, принцип разделения властей, свобода слова, печати, собраний, вероисповеданий и т. д. не гарантированы, если не законодательно, то на деле. Иногда такого рода государственно-политические системы называют «нелиберальными демократиями». Такая модель демократии не создает предпосылок для утверждения в обществах Востока гражданских прав и свобод в их западном понимании.

Ряд американских и европейских политиков и ученых считают апелляцию восточных деятелей к азиатским ценностям исключительно средством оправдания своих авторитарных методов правления. И если это мнение нередко является оправданным, то в то же время нельзя отрицать, что обращение к азиатским ценностям служит также инструментом противостояния насильственной вестернизации, защиты собственной национальной идентичности, а на международной арене - инструментом борьбы против стремления Запада доминировать в Азии и Африке, во всем мире.

Наиболее дальновидные ученые и политики понимают, что сила современного Запада не в «чистоте» либеральных принципов, не в унификации общественно-политической жизни всего мира на их базе, а в обеспечении условий для богатства и разнообразия идейного и политического поиска, способ-

ности, оставаясь самим собой, абсорбировать различные влияния, «переваривать» чуждые установки. Представляется, что именно такой путь предстоит и Востоку.

Литература

- Алаев Л., Васильев Л., Фурман Д. Индия и Китай: религиозные традиции и процессы модернизации. Политика, Таллинн, 1990, № 3.
- Вайнштейн Г. И. «Глобальная демократизация» и российский транзит. Политика, осень 1999, № 3.
- Дилигенский Г. Г. Глобализация: перспективы демократии. Политика, осень 1999, №3.
- Дружиловский С. Б. Социально-политическая история Ирана (конец 70-х-80-е гг.). М., 1989.
- Егорова М. Е. Рабочий класс Индии. М., 1988.
- Заказникова Е. П. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии. М., 1971.
- Лебедева Э. Авторитаризм в Африке: Типология, эволюция, перспективы. «Мировая экономика и международные отношения», 1990, №4.
- Мельвил А. Ю. К вопросу о культурных предпосылках демократии. В кн.: Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте. Материалы научной конференции. Москва, 1998. «Towards a New Asia». Восток, 1995 № 3.

137

Часть I. АФРИКА, БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

138-

139

Ближний Восток и Африка

М. А. САПРОНОВА. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ АРАБСКИХ СТРАН

Политические системы арабских стран в настоящее время представляют собой сложное переплетение государственных структур, политических партий, организаций и неформальных течений общественно-политического характера, которые в целом можно считать современными формами политического бытия государств Арабского Востока. Кроме этих форм большую роль в политической жизни арабских стран играют традиции и институты, не входящие непосредственно в политическую сферу (обычное право, религиозные общины, кланы), которые образуют мощный фонд социально-экономического, исторического, политического, культурного и религиозного наследия. Поэтому политическая жизнь арабских стран отличается исключительным полиморфизмом, богатством оттенков и направлений, делающих политический облик каждой страны уникальным и накладывающих специфический отпечаток на формы и способы функционирования государственных институтов власти, политических партий и всех политических систем в целом.

Особенности исторической судьбы каждой из арабских стран предопределили неравномерность их социально-политического развития и вытекающую из этого потребность разных стран в разных способах управления и различных государственных системах, соответствующих достигнутому каждой страной уровню общественной эволюции. Поэтому формально государственные системы в арабских странах можно разделить на монархии и республики, что является только традиционным делением по форме государственного правления, т. к. сущест-

140

вуют качественные политические различия как между монархиями (абсолютными, дуалистическими, конституционными, полуконституционными), так и между республиками (парламентскими или президентскими, с различными подвариантами в форме военных диктатур или однопартийных режимов личной власти, лишь частично являющихся республиканскими).

Существуют и исторически сложившиеся, базирующиеся на традиционной культуре и колониальном наследии, различия между арабскими странами и народами в подходе к самому принципу политической организации общества и осуществлению политической власти, что нашло свое отражение, в частности, в неодинаковых темпах и длительности конституционного развития. Первая конституция-Органическое положение 1882 года- была принята в самой развитой арабской стране -Египте - без участия европейцев. Отражением полуколониальной зависимости ряда стран явился факт принятия в них конституций еще в период между двумя мировыми войнами (Конституция Трансиордании 1928 г., Ирака 1924 г., Ливана 1926 г., Сирии 1930 г., Кувейта 1939 г.), составившихся по западноевропейским образцам и отражавших известный компромисс между национально-освободительным движением в этих странах и капиталистическими государствами. Соотношение сил между ними отражалось в характере взаимоотношений законодательной и исполнительной власти: сильная и независимая от парламента исполнительная власть была удобным орудием политики, проводимой метрополиями; напротив, расширение прав законодательной власти соответствовало интересам национально-освободительных сил. Из всех указанных конституций только ливанская (1926 г.) с многочисленными поправками действует и в настоящее время.

В большинстве арабских стран конституционное развитие начинается только после Второй мировой войны с закрепления в первых конституциях факта достижения политической независимости (Алжир, Тунис, Марокко, НДРЙ и др.), а в феодально-абсолютистских монархиях первые конституции были приняты всего несколько лет назад (в Саудовской Аравии- в 1992 г., в Омане- в 1996 г.) При этом следует отметить, что в большинстве арабских стран, в силу неразвитости и консерватизма самих принципов и структуры политической системы, новые конституции - это не результат политического развития и широкого движения политических сил внутри

141

страны, а отражение определенного консенсуса в высших эшелонах власти, обычно- результат перестановки внутривнутриполитических сил или приход к власти новых политических группировок.

Экономическая многоукладность (представленная в арабских странах патриархально-общинным, феодальным, мелкокапиталистическим, государственным и другими укладами) является причиной переходного состояния всего общества и обуславливает довольно сложное соотношение и многообразные комбинации социально-политических сил, которые представлены в арабских странах целым спектром

социальных групп, отличающихся, в свою очередь, внутренней неоднородностью и разобщенностью, что затрудняет их однозначное причисление к той или иной социальной общности. Наряду с «основными» классами в арабском мире сосуществуют многочисленные промежуточные социальные слои и группы. В целом, мозаичное арабское общество состоит из трех больших сегментов: традиционных, переходных и современных социальных групп, каждая из которых оказывает свое специфическое влияние на все общество и на определенном этапе его развития играет значительную роль в политической жизни. Кроме того, все группы состоят из компонентов, различных по своему этнонациональному, религиозно-конфессиональному, родо-племенному и сословному характеру. Поэтому национально-этнические и религиозно-общинные отношения также выступают одним из главных структурных элементов современного политического процесса в арабских странах.

Основой социализации во многих арабских странах по-прежнему является семейственность и принадлежность к клану. Власть зачастую концентрируется в личностных отношениях и социальных структурах, скрытых за формальным фасадом правительственных институтов, а личность никогда не предстает в обществе сама по себе, отъединенная от родственного клана, отношения которого с окружающими приобретают зачастую закрытый характер, по мере того, как его члены продвигаются по социальной лестнице. Политическое сознание населения по сути остается патриархальным и руководствуется идеологией традиционных ценностей, что создает определенные трудности при адекватной оценке политических процессов и механизмов принятия ключевых решений, равно как и программ политических партий и их лидеров, которые отдают дань традициям, привыч-

142

ным формулам, религиозным представлениям и т. д. В частности, это относится к понятиям арабского национализма и единства, места ислама в общественной жизни и т. д. При этом следует отметить, что и эти понятия по-разному трактуются в отдельных арабских странах, с учетом их национально-этнического и религиозного состава. Так, известны, например, попытки этноконфессиональных групп внутри отдельных стран (курдов в Ираке, маронитов в Ливане, коптов в Египте, берберов в странах Магриба) противопоставить «страновой» национализм общеарабскому.

Все эти специфические черты экономической, социальной, культурно-исторической, идеологической и психологической ситуации оказывают влияние на формы и способы функционирования государственных институтов и политических партий в арабских странах.

Глава государства как основной институт политической системы. Роль парламента и правительства

Одним из главных факторов, определяющих функционирование государственных институтов в арабских странах, является особая роль государства, обусловленная характером социальных структур, в рамках которого, как уже отмечалось, существует широкий спектр разнотипных социальных отношений. Это обуславливает, прежде всего, активное вмешательство государства не только в экономику (где проявились общие тенденции к созданию государственного сектора, в котором государство рассматривается как «гарант» соблюдения интересов различных экономических групп и «контролер» хозяйственно-экономических отношений, а также организатор секторов экономики, имеющих стратегическое значение), но и в политическую сферу, что делает государство основным структурным элементом политической системы арабских стран. Ему отводится роль арбитра в целом ряде социальных, политических и правовых вопросов; его прерогативой остаются планирование, внешняя политика, оборона.

Особая политическая роль государства обеспечивается и особым статусом главы государства (монарха или президента), который является стержнем всей политической системы в

143

арабских странах и статус которого определяется мусульманской доктриной, согласно которой не может быть справедливым разделение власти на светскую и духовную, поэтому глава мусульманского государства несет личную ответственность за осуществление власти над общиной и вправе принимать любые меры для обеспечения ее интересов при условии соблюдения общепризнанных норм, принципов и целей мусульманского права в том виде, в котором они сформулированы авторитетными богословами-правоведами.

Наибольшее распространение в арабских республиках получили формально или фактически однопартийные режимы в форме президентской республики, чаще авторитарного характера, хотя и с элементами парламентаризма, что было связано с необходимостью усиления государственной власти для решения вопросов экономического характера, а также урегулирования сложного комплекса социальных, этнических, конфессиональных и иных противоречий, существующих в арабских странах, где постоянное противостояние различных социально-политических группировок нередко носит ожесточенный характер и не позволяет правящим группировкам обеспечивать свои основные интересы в рамках либеральной демократии. Все это объективно вело к фактически неконтролируемым полномочиям президента в основных отраслях государственной жизни и создавало условия для возникновения и укоренения сверхсильной президентской власти с прямым подчинением ей законодательных органов и правительства. Большую роль в этом сыграли и традиции арабо-мусульманской политической культуры, выдвигающие на высший государственный пост харизматического лидера или придающие ему подобные черты, а также обосновывающие необходимость совмещения поста главы государства и правительства в одном лице. При

этом дуализм власти расценивается как ее слабость, т. к. исполнительные и законодательные органы, по мнению исламских правоведов, часто противостоят друг другу, снижая эффективность деятельности государства. В современной трактовке суннитская концепция признает соответствующими исламу как президентскую, так и парламентскую республики. Однако предпочтение отдается первой, поскольку считается, что во главе государства должно стоять лицо, которое является действительным, а не формальным главой исполнительной власти.

144

Поэтому, при всех особенностях исторического и внутривластного развития, в арабских республиках сложилась особая президентская форма правления с гипертрофированной властью главы государства. По содержанию такая форма правления значительно отходит от традиционной модели сильной президентской республики, закрепляя своего рода «сверхпрезидентскую» республику с ее откровенной системой персонификации государственной власти и руководства обществом.

Примат исполнительной власти в арабских республиках изолирует государство - в формально-институциональном плане - от общества, ставит его над реальными общественными институтами, а иногда - и над реальным политическим процессом в целом. При этом расширение объема власти и функций государства происходит без адекватного развития его социальной базы, условий воспроизводства и стабильной трансформации. В результате сохраняется тенденция отчуждения государства от общества, несмотря на видимое усиление регулирующей роли государства и укрепление его политической власти; открываются широкие возможности для использования государственных институтов и политики как орудия частных интересов правящей верхушки. Центральная правительственная власть и ее аппарат являются, по существу, главным элементом государственного механизма.

Президент в арабских республиках является высшим должностным лицом в государстве и наделен очень широкими полномочиями: по назначению и отстранению высших должностных лиц государства, включая судей; в области государственного управления (президент осуществляет прямое руководство правительством); в сфере руководства вооруженными силами (в некоторых странах президент является не только верховным главнокомандующим, но одновременно и министром обороны, а кроме того, возглавляет Высший совет безопасности (Алжир)); во взаимоотношениях с законодательным органом (президенту предоставлено право досрочного роспуска парламента, право отлагательного вето, право издания законодательных указов в период парламентских каникул); в сфере изменения конституции, проведении референдумов и т. д. Зачастую законодательная активность президента на практике еще более усиливается, поскольку он полностью контролирует депутатский корпус через механизм партийной дисциплины, являясь лидером правящей партии (Сирия, Тунис, Египет).

145

Поэтому правительства в республиках Арабского Востока - это часть президентской власти, орган государственной структуры, подчиненный и подконтрольный прежде всего главе государства. Общие задачи правительства сводятся к контролю за работой государственного исполнительного аппарата и различных его звеньев, а также осуществлению надзора за реализацией законов и иных нормативно-правовых актов. Конституция Туниса, например, возлагает на Совет министров обязанность следить за претворением в жизнь общегосударственной политики в «соответствии с указаниями президента и устанавливаемыми им приоритетами».

Особой формой суперпрезидентской республики является такая форма правления, которая устанавливалась во многих арабских государствах в результате военных переворотов. В этом случае парламент, как правило, распускается, правительство и президент смещаются со своих постов. Создается новый высший орган - обычно военный совет (революционный совет, совет национального спасения и др.), а его председатель, как правило, лидер переворота, в дальнейшем провозглашается президентом. На места назначаются военные губернаторы, коменданты и т. д. Из прежних органов сохраняются обычно гражданские суды, но параллельно с ними создаются военные трибуналы, которые судят и гражданских лиц. Хотя в условиях военного управления могут проводиться выборы, они, тем не менее, ставятся под контроль военных властей. Создается, таким образом, особая форма президентско-милитарной республики.

Такая ситуация сложилась в Алжире, когда новый президент Ламин Зеруаль в 1994 году был назначен на свою должность внеконституционным органом - Высшим Государственным Советом (ВГС), действовавшим в Алжире после государственного переворота 1992 года. Сразу же после окончания срока полномочий ВГС новый президент страны был приведен к присяге перед Национальным переходным советом, который должен был выполнять функции представительного органа в течение «переходного периода». А всеобщие президентские выборы состоялись только в 1995 году.

В октябре 1993 года Совет командования революции и национального спасения (СКРНС) в Судане, действовавший в стране с момента государственного переворота 1989 года, назначил президентом страны генерал-лейтенанта О.Х.А. Аль-

146

Башира, который совместил этот пост с постом премьер-министра. А президентские выборы состоялись только в 1996 году.

Президентом Ирака с 1968 до 2003 года был председатель Совета Революционного Командования (СРК), который согласно конституции являлся высшим органом власти в государстве.

На практике многие арабские республики обходят конституционное положение, запрещающее избрание президента более чем на два срока. Так, например, в сентябре 1999 года в Египте состоялся

референдум по продлению еще на шесть лет полномочий главы государства Хосни Мубарака, который к этому времени находился на посту президента страны уже 18 лет и являлся единственным кандидатом на этот пост. На всенародном референдуме он вновь был утвержден на посту президента Египта.

В целом следует отметить, что в большинстве арабских стран лидеры находились у власти довольно длительное время, что позволяет говорить о достаточной устойчивости республиканских режимов этих стран (сирийский лидер Хафез Асад пребывал на посту с 1970 года; в Ираке правящая группировка руководит страной с 1968 года; ливийский лидер находится у власти с 1969 года; 16 лет был президентом Судана Джафар Нимейри (с 1969 по 1985 г.); Хабиб Бургиба стоял во главе Туниса с 1956 по 1987 г., причем его отстранение носило вполне мирный характер, и т. д.) Более того, в последнее десятилетие наметилась яркая тенденция передачи власти по наследству (президентом Сирии стал сын Хафеза Асада Башар Асад, сын президента Египта Гамаль Мубарак стал членом генерального секретариата правящей Национал-демократической партии, что расценивается как первый шаг к будущему президентству, и т. д.) Таким образом, личная роль харизматического лидера в арабских республиках продолжает цементировать политическую жизнь и политическую систему общества. При этом интересно отметить, что роль лидера остается решающей даже в случае ее деинституционализации, как, например, в Ливии, где Муамар Каддафи официально не занимает никакого административного поста, тем не менее именно он осуществляет верховное руководство работой всех центральных учреждений, как «лидер революции».

147

Конституция в Ливии отсутствует. В основу политического устройства этой страны были положены идеи т. н. «третьей мировой теории» Муамара Каддафи, которые отвергают утвердившиеся «фальшивые формы демократии» (парламенты, политические партии, правительство) как неспособные в полной мере выражать интересы народа и провозглашают принцип прямого народовластия («Джамахирия») как участие всего населения страны в решении всех вопросов государственной жизни. Официальной целью является построение в стране «подлинно социалистического общества», базирующегося на исламских ценностях.

В марте 1977 г., после провозглашения Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии, официально были упразднены государство, правительство и политические партии, а также парламент в его классической форме. В 1988 г. М. Каддафи объявил о ликвидации полиции и армии, которые были заменены Гвардией Джамахирии. В настоящее время «власть народа» в Ливии осуществляется через систему «прямой народной демократии», имеющей следующую довольно специфическую структуру: Высший законодательный орган - Всеобщий народный конгресс (ВНК), который собирается на свои сессии один раз в год. В его компетенцию входит принятие различных законов, резолюций по вопросам внутренней и внешней политики страны, а также формирование Высшего народного комитета (ВНКОН), выполняющего функции правительства и назначение на высшие государственные должности. В состав ВНК входят секретари местных и муниципальных «народных собраний», руководители отраслевых «народных комитетов», представители массовых общественных организаций, члены высшего органа исполнительной власти. Численный состав ВНК не определен и колеблется в пределах 800-1000 человек. Постоянно действующим органом ВНК является генеральный секретариат, состоящий из 5 членов (генеральный секретарь, его заместитель, три секретаря). Он выполняет организационно-технические функции (контроль за выполнением решений ВНК, связь с секретариатами местных «народных собраний», оказание помощи нижестоящим организациям в решении текущих вопросов, подготовка материалов к очередной сессии ВНК и др.)

В марте 1979 г., после отказа М. Каддафи и других бывших членов Совета революционного командования от всех

148

официальных постов «во имя продолжения революции», было образовано коллегиальное революционное руководство, ставшее высшим непереизбираемым политическим органом страны, формирующим всю внутреннюю и внешнюю политику страны и контролирующим деятельность ВНК и ВНКОН. Для контроля за деятельностью органов «народной власти» и выполнением решений руководства, а также для борьбы с оппозицией были созданы «революционные комитеты» (ревкомы), подчиняющиеся непосредственно М. Каддафи, а для защиты от внешней угрозы учреждена система т.н. «вооруженного народа». Ревкомы были созданы по территориальному принципу - во всех административных единицах (в сельской и городской местности), и по производственному - на всех предприятиях, в учреждениях, на сельскохозяйственных фермах, а также в армии. Повседневной деятельностью ревкомов руководил Центральный революционный комитет, получавший директивные или текущие установки от революционного руководства.

Глава Ливийской Джамахирии полковник Муамар Каддафи официально именуется как «лидер революции 1 сентября». Он же является верховным главнокомандующим вооруженными силами страны. Фактически М. Каддафи поставлен как бы над государственными структурами, он не избирается и никому не подконтролен, обладает неограниченными полномочиями, без его санкции не принимается ни одно важное решение.

Парламенты в арабских странах в системе государственных органов занимают второстепенное место, значительно уступая позициям президента и правительства. Слабость законодательных органов объясняется не только сложившимися традициями сильной единоличной власти президента, но и практическим отсутствием навыков и принципов парламентаризма, а также отсутствием развитой партийной системы с присущими европейской модели демократии правами и законодательно закрепленным

правовым статусом оппозиции. Такого положения в арабских республиках нет, что накладывает свой отпечаток на роль и общие полномочия законодательных органов власти. Кроме того, на положение парламентов в арабских странах прямо влияют мусульманские традиции принятия решений путем согласования и вытекающая из этого значительная роль многочисленных консультативных органов, дей-

149

ствующих при президенте, которые иногда выступают в роли противовеса законодательного органа, предлагая главе государства свои собственные решения. Многие в положении законодательных органов определяется и конституционными статьями, которые откровенно ставят парламенты на второе место после исполнительных органов и президента. И в этом смысле законодательные органы в арабских республиках можно довольно условно называть «парламентами», поскольку ни системы парламентаризма, ни демократической основы формирования и функционирования парламента в традиционном смысле этого слова на практике фактически нет. Форма обсуждения вопросов, формирования и ответственности правительства, работы парламентских фракций довольно далека от чисто парламентской. Скорее- это законодательные органы системы так называемой «направляемой» или «руководимой» демократии. И эта система с большей или меньшей степенью выраженности встречается практически во всех арабских республиках. При этом большое влияние на функционирование законодательных ассамблей в арабских странах оказывает не только право президента, но и довольно широко используемая им практика досрочного роспуска законодательного органа по тем или иным основаниям, закрепленная в конституциях. И только согласно Конституции Египта Народное собрание может быть распущено после референдума.

Конституции арабских стран закрепляют принцип свободных выборов, хотя детального объяснения этого принципа в конституционных текстах не приводится, равно как отсутствует и обязательный принцип голосования на альтернативной основе или выдвижения нескольких кандидатур на одно место. В этом отношении интересно формирование законодательного органа Египта. Согласно Конституции Египта Народное собрание должно включать не менее 350 избранных и не более 10 назначенных президентом членов. При этом не менее 50% состава парламента должны быть рабочими и крестьянами. Таким образом, при выборах представительных органов принцип равенства в Египте не действует, поскольку применяется подобие курИАльной системы: особое представительство имеют рабочие и крестьяне. Избиратели страны делятся на две категории: 1. Рабочие и крестьяне. 2. Прочие. Каждая из них представлена в представительных органах половиной состава депутатов, но по

150

своей численности эти две группы не равны, что влечет за собой нарушение принципа равных выборов.

Депутаты имеют право законодательной инициативы, т. е. право внесения законопроекта на рассмотрение соответствующей палаты или однопалатного парламента. В Сирии, например, согласно конституции, правом законодательной инициативы пользуются не менее 10 депутатов Народного совета; в Алжире - не менее 20 депутатов; в Египте законодательная инициатива принадлежит любому члену парламента. Кроме того, самым широким правом законодательной инициативы обладает президент, причем президентские законопроекты имеют приоритет перед всеми остальными, они рассматриваются в первую очередь и в срочном порядке.

Основная функция национальных ассамблей- законодательная: они принимают обычные или текущие законы, органические и конституционные. Полномочия законодательного органа по арабским конституциям различаются. В одном случае они более конкретны и суммарны, в других - сформулированы в более общей форме, за счет более конкретных полномочий главы государства - президента. Одни конституции в качестве первой и основной называют назначение кандидатуры президента республики с последующим утверждением на всеобщем референдуме (Египет, Сирия), другие во главу угла ставят одобрение законов. Кроме того, законодательные органы участвуют в обсуждении и принятии ежегодного бюджета и планов экономического и социального развития; одобрении международных договоров и соглашений, заключенных от имени государства органами исполнительной власти. Из важнейших направлений государственной жизни, по которым Национальная ассамблея имеет право принимать законодательные акты, следует отметить следующие: правовой статус личности и его конституционные гарантии, уголовное, гражданско-процессуальное законодательство, принятие статута судебных учреждений, статута гражданской службы, гарантии гражданскому и военному персоналу; избирательное право и избирательная система, на которой формируются национальные ассамблеи и местные органы, система гражданских и коммерческих учреждений, создание новых и упразднение старых государственных учреждений и организаций, национализация частных предприятий и перевод предприятий из государственного сектора в частный (приватизация).

151

Что касается одного из основных направлений деятельности законодательных ассамблей- контроля за деятельностью правительства, то следует отметить, что он не носит всеобъемлющего характера, поскольку законодательный орган не формирует правительство на парламентской основе, а лишь одобряет кандидатуру премьер-министра, предложенную главой государства. Такой контроль не может носить широкого масштаба еще и по причине того, что ряд конституций разрешают совмещение депутатских и правительственных постов, что еще больше делает функцию контроля чисто условной. Тем не менее, конституционные положения на этот счет довольно определены. Помимо возможности осуществления финансового контроля законодательный орган имеет право постановки вопроса о доверии правительству

или отдельным министрам, право запроса правительству или отдельным его членам, а также право на периодические встречи с членами правительства с постановкой перед ними устных вопросов по проблемам деятельности правительства и получения соответствующих ответов.

Что касается арабских монархий, то особая роль в политической системе здесь принадлежит не только монарху, но всему правящему семейству (в некоторых арабских монархиях правящие кланы удерживают власть в течение столетий: на Бахрейне - с 1782 г., в Катаре - с 1822 г. и т. д.) Исторические судьбы династий сложились по-разному, что, при их несомненной общности, предопределяет и некоторую специфику политических режимов. Если Саудовская Аравия возникла в борьбе за объединение земель на волне ваххабизма, а правящие семейства Бахрейна и Омана утвердились у власти в результате острого внутреннего соперничества, то и образовавшиеся здесь режимы отличаются большим консерватизмом и жесткостью. Более спокойная династическая история Кувейта повлияла на возникновение здесь более либеральной системы, где уже с 1961 года действовал выборный орган - Национальное собрание Кувейта, которое даже полномочно было выражать недоверие председателю Совета министров, каковым является наследный принц - второе лицо в государственной и семейной иерархии династии.

Исключительно важным при этом является тот факт, что все монархические династии в государствах Персидского залива вышли из племенной среды, а многие из них - из одной племен-

152

ной конфедерации, иногда даже - из одного племени, что обусловило сохранение племенных связей и родовой иерархии, оказываемое до настоящего времени воздействие не только на междинастические отношения, но и на межгосударственное общение. Поэтому аравийские монархии имеют в целом схожие государственные институты, где ключевая роль принадлежит правящим семействам¹, которые являются стержнем политико-государственной структуры и представляют собой довольно монолитное ядро всей политической системы. Члены правящих семей занимают важные посты в правительстве и в государственном аппарате. В 60-80-е годы наследственные династии непомерно разрослись, образовав устойчивые и разветвленные семейные кланы, прямо или косвенно контролирующие практически все сферы жизни аравийских государств (например, правящее семейство Аль-Тани вместе с родственными и союзными племенами насчитывает до 20 тысяч человек, т.е. около 10% всего населения Катара). Уникальность этого явления состоит не только в многочисленности правящих семейств (особенно на фоне сравнительно малочисленного населения), но и в том, что в их руках оказались огромные нефтяные богатства. Правящие семейства стали представлять собой своего рода надгосударственную политическую систему в миниатюре, механизм действия которой целиком подчинен главной цели - сохранить жесткий контроль за социально-политическими процессами, одновременно приспосабливаясь к меняющейся политической ситуации.

Все конституции и приравненные к ним законодательные акты, принятые в арабских монархиях, не только декларируют монархическую форму правления, но и закрепляют ее за конкретным династическим семейством. Именно ему с точки зрения традиции принадлежит привилегия осуществления верховной власти, а монарх (правитель) является ее признанным лидером, ответственным за политическое руководство. Введе-

¹ В настоящее время правящими семействами являются Аль-Сауды в Саудовской Аравии, Аль-Сабахи - в Кувейте, Аль-Тани - в Катаре, Аль-Халифы - в Бахрейне, Аль-бу-Саиды - в Омане, Аль-Нахаяны - в эмирате Абу-Даби, Аль-Мактумы - в эмирате Дубай, Аль-Касими - в эмиратах Аш-Шарджа и Рас-Аль-Хайма, Аль-Нуэйми - в эмирате Аджман, Аль-Муалла - в эмирате Умм-Аль-Кайвейн, Аль-Шарки - в эмирате Аль-Фуджейра.

153

ние института престолонаследия и его правовое оформление означало укоренение этой формы правления, для которой узаконенное престолонаследие является одним из главных атрибутов. При этом интересно отметить, что в вопросе о форме государства исламская политическая концепция предоставляет широкую свободу выбора, при обязательном условии, чтобы любая форма правления укладывалась в рамки шариата. В частности, суннитская доктрина предписывает, чтобы глава государства непременно был выборным лицом, что, казалось бы, должно исключать возможность существования наследственных монархий. Однако в действительности только такие и существуют в арабских странах. Дело в том, что шариат не уточняет ни количественный, ни качественный аспекты принципа выборности, не отвечает на вопрос, сколько должно быть выборщиков и кто может выполнять их функции. Это позволило исламской правовой доктрине сузить избирательный корпус до одного человека, т.е. халифа, а затем - монарха, который был вправе избирать себе преемника, коим, как правило, являлся его наследник.

Важнейшим принципом функционирования монархии в арабских странах, во многом определяющим правовое и фактическое положение главы государства в общей системе государственных органов, является неответственность монарха. Конституции или конституционные акты провозглашают монарха главой государства, персоной священной и неприкосновенной, обладающей полным иммунитетом. Свои полномочия монарх осуществляет через министров правительства, которые несут коллективную ответственность перед монархом за проводимую в государстве политику. Они же и премьер-министр ответственны за акты, издаваемые монархом. Ни одна из монархических арабских конституций не устанавливает ни формы ответственности, "ни ее оснований, ни органа, который мог бы привлечь монарха к юридической ответственности.

Монархические конституции, формально закрепляя принцип разделения властей, устанавливают, что отрасли власти должны сотрудничать друг с другом на основе положений конституции. Ни одна из

властей не может, по конституции, делегировать все или часть своих полномочий, определяемых основным законом, другой отрасли власти. Тем не менее, ко-

154

роль обычно участвует в осуществлении всех трех отраслей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Конституция Кувейта, например, прямо закрепляет, что законодательная власть принадлежит эмиру и Национальной ассамблее, исполнительная - эмиру, кабинету министров и министрам, а судебная власть - судам, которые осуществляют ее в соответствии и в пределах, установленных конституцией от имени эмира. Аналогичные нормы закрепляет и Конституция Иордании, провозглашая народ источником всей власти и декларируя, что законодательная власть принадлежит Национальной ассамблее и королю, исполнительная власть принадлежит королю, который осуществляет ее через своих министров, а судебная власть осуществляется судами различных уровней, при этом все приговоры должны основываться на законе и выноситься от имени короля.

Иордания и Марокко относятся к дуалистическим монархиям, где монарх делит свою власть с законодательным органом. Что касается Марокко, то эта страна при всем своем социальном многообразии, этническом арабо-берберском населении и довольно высоком удельном весе родо-племенных отношений, в политическом отношении является наиболее «либеральной» среди всех арабских монархий, что во многом объясняется традиционной активностью различных политических сил и организаций, отражавших интересы многих слоев не только арабского, но и берберского населения. С другой стороны, этническая, политико-культурная и регионально-клановая мозаичность марокканского общества объективно требовала усиления роли государства в политике, чему объективно способствовал и очень большой авторитет султана Марокко, завоеванный им в процессе личного активного участия в борьбе за независимость, и превращение его в дальнейшем в символ освобождения страны. Исключительная роль монарха закреплена в Конституции Марокко, где монарх не только носит средневековый халифский титул «повелитель правоверных», но и является «высшим представителем нации». Кроме того, династия Алауитов имеет тысячадвухсотлетнюю традицию, поэтому доминирующая роль монарха в политической системе этой страны является еще и исторической традицией.

Кроме этого, в политической системе Марокко особую роль традиционно играли служители ислама, в силу того, что

155

власть марокканских суверенов исторически легитимировалась не только их происхождением от Пророка, но и инвеститурой от различных общественно-политических сил страны (в случае кончины султана его преемник обретал легитимность только после того, как в пользу его правления высказывались делегации наместников провинций, представителей знати городов и племен, шейхов крупнейших суфийских братств и др.), при этом духовные авторитеты обязательно освящали своим присутствием церемонию провозглашения нового султана. Колониальный и особенно постколониальный периоды оказали двойственное воздействие на взаимоотношения исламского духовенства и алауитского двора. С одной стороны, в массовом и элитарном сознании сохранились фундаментальные представления о роли корпуса богословов в политической жизни страны, но в то же время секулярная модернизация и внедряемая европейская модель конституционной монархии глубоко трансформировали требования, предъявляемые обществом и правящим алауитским домом к деятельности духовенства.

В условиях современного Марокко исламское духовенство по-прежнему является оплотом легитимности королевской власти. В концептуальном плане основания самой власти изменились мало. Ныне правящий король Мухаммад VI (вступивший на престол в 1999 году после смерти своего отца Хасана II, правившего с 1961 года) традиционно олицетворяет собой два основополагающих принципа легитимности - харизму потомка Пророка и формальное признание подданных; королю, как и его предшественникам, принадлежит по конституции высшая религиозная власть. Однако реалии последних десятилетий заметно изменили конкретные задачи духовной элиты в сфере легитимизации исламской монархии. Некоторые из традиционных обязанностей богословского корпуса сейчас потеряли актуальность. Так, например, в современном Марокко вопросы престолонаследия очень детально разработаны в конституции страны, и передача властных полномочий регулируется в большей степени светским законодательством, чем мнением исламского духовенства. В то же время в свете новой расстановки общественно-политических сил, сложившейся в стране с начала 80-х годов XX века, особую важность приобрел целый ряд других традиционных функций исламского ду-

156

ховенства, в частности, важнейшей среди них стала идеологическая защита основ алауитской монархии от вызовов исламского экстремизма.

При принятии политических решений в арабских монархиях широко используется исламский принцип «консультации», который мусульманские правоведы считают основой традиционной политической демократической культуры, позволяющий путем сопоставления различных взглядов прийти к обоснованному решению. Этот принцип является определяющим и в отношениях главы государства с парламентом и правительством и обязывает главу государства советоваться с другими высшими государственными органами. Источником этого принципа считается 42-я сура Корана, носящая название «Совет», 36-й стих которой гласит: «... а дело их - по совещанию между ними». Данная норма подкрепляется и сунной, в соответствии с которой сам Пророк перед принятием важных решений советовался со своими сподвижниками. Праведные халифы также консультировались с действовавшими при них небольшими

совещательными органами, заседавшими в мечети под председательством правителя.

На основе этого принципа функционирует специфический орган государственной власти - Шура, который является прямым выражением принципа «консультации» и деятельность которого предусмотрена конституционным законодательством многих стран (в том числе и республик). При этом следует отметить, что везде, где этот совет функционирует, он не является инстанцией, принимающей решения, а носит сугубо совещательный характер, следовательно, глава государства и правительство могут отвергнуть все рекомендации этого органа. Кроме того, при формировании этого органа главе государства принадлежит решающая роль. Прерогативы советов во многом схожи: они правомочны высказывать свое мнение по проектам законов, предлагаемых Советом министров, обсуждать общую линию государства в различных областях, представлять соображения по всем вопросам, которые могут быть вынесены на обсуждение Советом министров. Консультативный статус этого органа в системе власти во многом обесценивает его политическую значимость, но в то же время было бы упрощением рассматривать эту структуру только как дань традиции, не имеющую реального веса. На практике, как правило, глава го-

157

сударства и правительство всегда принимают в расчет мнение консультативного совета, которое носит характер «компетентного заключения», а «освящение» консультативными советами законодательных актов и политических действий главы государства амортизирует модальность их неприятия населением, поэтому консультативные советы продолжают сохранять свою актуальность в настоящее время, и даже наблюдается тенденция к некоторому расширению их полномочий. Так, например, не менее десяти членов Совета Шуры Саудовской Аравии теперь имеют право законодательной инициативы (они могут предложить новый законопроект или дополнения и изменения к действующему закону и представить их председателю Совета, который передает их королю).

Таким образом, король в арабских монархиях занимает центральное место в политической системе, и в отличие от европейской модели он «не только царствует, но и правит», его юридическое и фактическое положение не является чисто номинальным. При наличии определенных существенных различий, как в абсолютных, так и в дуалистических монархиях власть главы государства распространяется на все сферы общественной и государственной жизни, и она практически не ограничена. В парламентарных монархиях королю приходится делить часть своих полномочий, особенно в законодательной и финансовой сфере, с парламентом и правительством. Однако и при этих условиях король остается центральным институтом государственной власти, обладая существенными полномочиями во всех сферах государственной жизни и фактически определяя внутренний и внешний курс страны.

Следует отметить, что в целом институт монархии в арабских странах обладает значительной гибкостью и жизнеспособностью, быстро приспосабливаясь к меняющимся политическим и социально-экономическим условиям. Кроме того, монархия в арабских странах олицетворяет собой символ преемственности исторических и национальных традиций арабов, выражает идею национальной государственности, единства нации, ценности мусульманской религии. Важно отметить также, что институт монархии представлен в качестве политически и социально нейтральной структуры, формально стоящей над внутривнутриполитическими столкновениями и конфликтами.

158

Влияние ислама на государственные и политические институты

Важнейшим компонентом, во многом определяющим внутреннюю и внешнюю политику арабских государств, является ислам и выстроенные на нем общественно-политические и государственно-правовые отношения. Коран и законы шариата влияют не только на поведение мусульманина, но и определяют правовые нормы, которые в большей или меньшей степени являются составными частями конституционных актов и учитываются светским законодательством. Специальные разделы мусульманского права регулируют семейно-брачные отношения, гражданское право, процессуальные правила. До настоящего времени ислам остается и одной из политико-идеологических основ большинства арабских государств, которая, с одной стороны, способствует стабилизации политических режимов, но с другой- порождает специфические противоречия во многих областях общественно-политической жизни.

Ислам отождествляется прежде всего с государством, единством государства и религии как основы единства арабской нации, как гарантии идентичности мусульман и сплоченности мусульманской Уммы.

Традиционная исламская политическая концепция исходит из того, что суверенитет принадлежит богу, а не людям, а задачей верховной власти мусульманского государства является сохранение и защита исламской веры, реализация всех предписаний ислама, утверждение «мусульманского образа жизни», а право людей устанавливать законы ограничивается шариатом. Поэтому считается, что западная позитивистская

² Следует обязательно учитывать, что содержание шариата неодинаково трактуется различными течениями исламской мысли и мусульманско-правовыми школами. Преобладает точка зрения, в соответствии с которой шариат включает три основные части - религиозную догматику, исламскую этику и так называемые практические нормы. Последние, в свою очередь, включают две основные группы правил поведения, одна из которых касается культа, исполнения правоверными своих религиозных обязанностей, а вторая регулирует их мирские взаимоотношения. Первая разновидность норм шариата, естественно, сводится преимущественно к обязанностям. При этом в основополагающих источниках шариата - Коране и сунне Пророка - именно эти культовые правила изложены в наиболее полном виде, что создает внешнее впечатление о шариате прежде всего как о системе обязанностей, а не индивидуальных прав. Что касается правил мирского поведения

мусульман, то основным принципом шариата в этой сфере является не преобладание обязанностей, а идея подчинения человека воле Аллаха

159

концепция, основанная на понимании права как сформулированных самим человеком и признанных государством норм, не опирается на объективный критерий, который может быть положен в основу определения природы универсальных, единых для всех прав и свобод человека. Таким критерием является лишь божественная воля, не подверженная влиянию субъективных интересов и желаний. Для мусульман эта воля и выражена в шариате - Коране и сунне Пророка. Поэтому ислам источником прав и свобод человека признает «божественный закон», а не законы, созданные людьми. Следовательно, в отличие от западной концепции, которая видит основной смысл закрепления прав человека в их охране от посягательств со стороны государства, ислам, напротив, рассматривает власть как институт, связанный с шариатом и играющий главную роль в претворении его предписаний в отношении функционирования системы органов государственной власти, а также прав и свобод человека. Поэтому, согласно мусульманской политико-правовой теории, законодательная власть в мусульманском государстве должна принадлежать лицам, являющимся наиболее авторитетными знатоками религиозных и правовых вопросов, а статус индивида должен быть основан, прежде всего, на подчинении его воле Аллаха, который определяет права человека, оценивает его поведение и, в конечном счете, воздает ему в той мере, в которой человек соблюдает предписания шариата (показательно, что для обозначения правоспособного лица в исламе используется термин «мукаллаф», т. е. «обремененный», «тот, на кого что-либо возложено»).

Классическим примером модели государства, где ислам - это не только государственная религия, а по сути - основной закон государства, определяющий основы государственного и общественно-экономического строя, систему государственных органов, порядок их образования и деятельности, обязанности подданных, является Саудовская Аравия. Властные и религи-

160

озные структуры в этом государстве совмещены либо очень тесно переплетены. В «Основах системы власти» (1992 г.) содержится категорическое предписание исповедовать ислам и фактически не допускается распространение иной религии. Исключительное положение шариата в королевстве предусмотрено и статьей 48, которая гласит: «Суды обязаны применять нормы исламского шариата при рассмотрении ими дел в соответствии с Кораном и сунной, а также законами, декретированными правителем на основе Корана и сунны». Кроме того, власти содействуют закреплению исламской морали, культуры, этики не только в массовом сознании, но и в поведении, что также предусмотрено конституционной нормой, которая гласит: «Государство стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама». Гарантацией выполнения этой статьи служат так называемые «Комитеты дозволения добра и воспрещения зла», которые действуют во многих населенных пунктах королевства и охватывают практически все сферы быта человека.

В других монархиях Персидского залива исламский фактор не носит столь императивный характер, а Основные законы этих государств предусматривают свободу вероисповедания. Государство в этих странах регулирует деятельность исламских учреждений через существующее Министерство вакуфов и исламских дел. Во всех монархиях Персидского залива действуют шариатские суды, которые господствуют в сфере личного и семейного права, напрямую вытекающего из основополагающих источников ислама. Важным проявлением действия религиозного фактора в этих странах является и запрет деятельности политических партий, подрывающих единство мусульманской Уммы.

Важной составляющей частью общественного сознания и функционирования государственного механизма исламский фактор является и в арабских республиках. Государственный характер ислама - один из основополагающих принципов мусульманского государственного права. В конституциях посвященные ему статьи помещаются в разделах о принципах общества и государства на одном из первых мест.

Все конституции арабских республик (кроме Ливана) провозглашают ислам государственной религией и декларируют

161

его в качестве основы деятельности высших органов государственной власти (в некоторых странах (Египет) шариат провозглашается источником законодательства). В первую очередь это относится к важнейшему институту всей государственной системы - главе государства (президенту), для которого условием на занятие поста главы государства является его мусульманское вероисповедание, а условием при вступлении в должность главы государства - принесение официальной присяги «Во имя Аллаха». Это требование шариата закрепляют все конституции государств. Необходимость принадлежности к мусульманской вере главы государства исламские юристы обуславливают тем, что последнему принадлежит право принятия окончательных властных решений, которые должны соответствовать догмам ислама. Это требование не может быть выполнено иноверцем в силу отсутствия у него соответствующего внутреннего убеждения.

Что касается всех других высших государственных постов, то их занятие, согласно мусульманской доктрине, не обуславливается религиозным цензом. Известно, что еще в период Халифата посты везиров и губернаторов предоставлялись и немусульманам. Однако современное законодательство в ряде случаев отходит от этой практики. Обычно и члены правительства большинства стран также должны приносить присягу, аналогичную президентской, но уже перед главой государства (Сирия). А в Египте такую присягу приносят и депутаты Национального собрания. Исключение составляет Конституция Ливана, где действие

государственного механизма усложняется существовавшей в этой стране до недавнего времени конфессиональной системой, связанной с необычайно пестрым религиозным составом населения, где действуют 17 основных религиозных общин, крупнейшими из которых являются марониты (арабы-католики), православные, сунниты, шииты, друзы, греко-католики. В арабских странах было несколько примеров организации органов власти на конфессиональной основе. Так, например, в Сирии и Ираке до 50-х годов в Палату депутатов избиралось определенное количество представителей от различных религиозных общин; в Ираке 6 мест резервировалось за христианами; в Сирии, согласно избирательному закону 1949 г., в Палату депутатов избиралось 86 мусульман, 15 христиан, 1 иудей и 6 представителей бедуинских племен. Но классиче-

162

ским образцом сохранения конфессиональной системы, которая действовала до 90-х годов XX века, является Ливан.

Общие принципы построения государственной системы Ливана были сформулированы еще в период французского мандата. Тогда по переписи населения, которая проводилась в 1932 г., христиане составляли большую часть населения, примерно 52%, а мусульмане 48%. Поскольку христианская часть преобладала, а между Францией и ливанскими христианами (в особенности маронитами) исторически сложились более тесные отношения, держава-мандатарий стремилась создать привилегии именно для христианской части, с тем, чтобы в дальнейшем сохранить возможность своего влияния на внутреннюю и внешнюю политику Ливана. Ливанские христиане, в большинстве своем представители крупной буржуазии, со своей стороны поддерживали конфессиональный принцип построения государства, опасаясь влияния Сирии, Иордании и других мусульманских стран этого района. Они считали конфессиональную основу ливанского государства своеобразной гарантией безопасности своих интересов. Конфессиональный принцип был закреплен как в ливанской Конституции 1926 г. (статья 95 конституции предусматривала обеспечение «справедливого» представительства общин в правительственном и государственном аппарате), так и в Национальном пакте 1943 г. (устном «джентльменском» соглашении между первым президентом республики Бишаром аль-Хури, христианином-маронитом по вероисповеданию, и ее первым премьер-министром Риядом Сольхом, мусульманином-суннитом), ставшим на практике неписаной частью Конституции Ливана. Согласно этому была утверждена определенная пропорция представительства в государственном аппарате от различных религиозных общин. Наиболее важный пост - пост президента, обладающего широкими конституционными полномочиями, - отдавался крупной христианской общине - маронитам, пост премьер-министра - суннитам, председателя парламента - шиитам, посты заместителя премьер-министра и председателя парламента - православным. Соответствующее соотношение было установлено для представительства религиозных общин в парламенте, правительстве, министерствах и ведомствах (был введен даже специальный термин для характеристики государственного строя этой страны - «конфессиональный парламентаризм»).

163

Поправки, внесенные в Конституцию Ливана в 1991 году, отражают изменившуюся политическую ситуацию в этой стране после окончания многолетней гражданской войны и подписания в 1989 году Таифских соглашений. Они предполагают постепенный отход от конфессиональной системы государственного устройства. Теперь, согласно конституции, предусмотрено равное представительство мусульман и христиан в Палате депутатов и правительстве, а правило конфессионального представительства заменяется «специализацией и компетенцией» во всех областях и учреждениях согласно «национальным потребностям».

Признание ислама государственной религией в других арабских республиках обуславливает необходимость создания специальных органов по управлению делами религии. Можно выделить две группы таких институтов. Первая из них представлена органами государственного управления (примером являются органы типа Министерства по делам вакфов, организационная структура и компетенция которых регламентируется специальными актами). Вторую группу составляют органы, выполняющие традиционные функции мусульманского духовенства, такие, как, например, Высший исламский совет (в Алжире, Египте, Мавритании), сформированные обычно при главе государства как консультативно-согласительные органы, в компетенцию которых входит «высказывать свое мнение по вопросам, переданным ему на рассмотрение президентом, с точки зрения их соответствия религиозным предписаниям».

При этом следует отметить сложный и противоречивый характер взаимодействия ислама и государства. Так, с одной стороны, как государственная религия и нормативная основа государства, ислам должен предопределять и все важнейшие черты его организации и деятельности. Но с другой стороны, как часть политического механизма, он сам становится объектом государственного воздействия и подчинен достижению определенных целей, а зачастую и прямо используется государством. Одним из результатов такого взаимодействия является своеобразное закрепление системы политических прав и свобод граждан, основанных на главных постулатах государственной религии. Типичным является сочетание государственного характера ислама с провозглашением свободы совести и вероисповедания, а также равенства граждан. Ибо там, где

164

ислам - религия государства, немусульманин не может стать президентом республики или премьер-министром. В новых конституциях арабских стран наблюдается тенденция к появлению целых глав или разделов о правах, свободах и обязанностях граждан. При этом вся система прав и обязанностей граждан в

странах этого региона, включая разнотипные по своей природе нормы, отличается незавершенностью и противоречивостью, что способствует известному несоответствию между законодательно закрепленными и реально действующими правами и свободами граждан. Целый ряд аспектов гражданского статуса решается на основе установившихся веками традиций и норм шариата (наследование, брачно-семейные отношения, религиозный статус человека, имущественные отношения и т. д.) Все это создает определенную пробельность в точном определении правового статуса личности.

О некоторых личных, политических и социальных правах граждан конституции не упоминают, и они регулируются нормами текущего законодательства, что, естественно, придает им уже совсем другой статус и снижает их юридическую защищенность. Кроме того, текущее законодательство подвержено более частому изменению, чем текст основного закона. А неконкретность и декларативность ряда основных прав и свобод, многочисленные отсылки к действующим законам (иногда просто отмененным или еще не принятым) еще больше усиливают пробельность в правовом положении личности. В текстах конституций существуют и серьезные оговорки и ограничения, касающиеся правового регулирования статуса личности. Это могут быть указания на реализацию этих прав только в рамках действующего закона (а если его действие приостановлено?), ограничения по основаниям безопасности государства, угрозы общественному порядку, нормам религии и т. д. Практика многих арабских стран показывает, что такие оговорки часто использовались органами государственной власти для ограничения прав и свобод граждан.

Многие положения арабских конституций, касающиеся семейных отношений и особенно положения женщины в семье и обществе, носят общедекларативный характер и во многом рассчитаны на будущее применение. Они, разумеется, имеют значение как конституционные и программные установки, но в повседневной общественно-политической жизни правовое и фактиче-

165

ское положение женщин довольно значительно расходятся. Во многих сферах общественной жизни женщина продолжает оставаться неравноправным членом общества, и ее положение, особенно в семье, регулируется не столько действительно демократическими положениями конституции, сколько устоявшимися традициями, основанными на исламском праве.

Говоря о влиянии ислама на законодательство арабских республик, следует отметить, что оно может осуществляться и опосредованно- например, через регулирование отношений, связанных с выполнением религиозных обязанностей. Так, в период мусульманского поста государство устанавливает особый режим работы предприятий и учреждений. Действие института паломничества в Мекку обуславливает необходимость регулирования вопросов предоставления отпуска для совершения паломничества, паспортного контроля, безопасности паломников и т. д. При этом, регулируя комплекс отношений, связанных с паломничеством, законодательство многих стран испытывает невольное воздействие законодательства Саудовской Аравии (предусматривающее, например, что женщине без сопровождения мужчины запрещено посещать Мекку).

Поистине флагманская роль в деле реализации прав женщин в арабских странах принадлежит Тунису. Сразу после провозглашения независимости в 1956 году был принят Кодекс законов о личном статусе, который, в частности, упразднил полигамию, запретил принудительные браки, установил судебную процедуру развода и положил конец практике одностороннего расторжения брака. Был пересмотрен и целый ряд законодательных положений, касающихся прав женщин, в интересах обеспечения большего равенства между мужчинами и женщинами и для усиления роли и влияния женщины в тунисском обществе; создано Министерство по делам женщин и семьи, а в 1991 году сформирован отдельный правительственный орган - Центр научных исследований, документации и информации в интересах женщин (ЦНИДИЖ). В 1991 году в Тунисе был создан орган, призванный защищать и гарантировать права человека на национальном уровне - Высший комитет по правам человека и основным свободам, который является консультативным органом при президенте республики. Этот Комитет, члены которого назначаются президентским указом, оказывает содействие президенту республики, предоставляя ему, в частности, свои заключения по вопросам прав

166

человека, и проводит исследования в этой области. Этот орган может также принимать жалобы частных лиц в отношении нарушений в области прав человека. Успех Туниса отчасти объясняется также его присоединением в Европейскому союзу в качестве ассоциированного члена в результате заключения соглашения, которое было подписано 17 июля 1995 года и вступило в силу 1 марта 1998 года. Согласно статье 2 этого соглашения, предусматривающего постепенную ликвидацию таможенных барьеров между двумя сторонами, Тунис, в частности, обязался соблюдать общепризнанные демократические принципы и права человека. Ратифицировав ряд международных соглашений по вопросам прав человека, Тунис принял определенные меры, которые позволяют говорить о наличии реальной политической воли к проведению преобразований. Так, проблематика прав человека была включена в учебные программы начальных, средних и высших учебных заведений и в программы подготовки судебных работников и судей, а также журналистов. В последние годы в основных министерствах (иностраннных дел, юстиции, внутренних дел) были также созданы департаменты по вопросам прав человека. В октябре 1997 года было создано специальное министерство, занимающееся исключительно правами человека. Между тем, целый ряд существенных ограничений в общественной жизни существует и в этой наиболее демократической арабской стране³.

³ Интересно отметить, что уже с 1988 года в Тунисе была легализована установка антенн

спутникового телевидения, однако для приобретения спутниковой антенны требуется предварительное административное разрешение министра связи, которое выдается на основании заявления председателя соответствующей местной общины. Наиболее серьезные ограничения существуют в отношении системы «Интернет». В 1996 году было создано Агентство «Тунис - Интернет» (АТИ) с целью поощрения новых видов связи, в 1997 году оно стало государственным оператором сети, под эгидой которого функционируют две частные компании, обеспечивающие абонентское подключение к системе «Интернет» по более низким ценам. В результате этого сеть «Интернет» стала более доступной и менее дорогой в использовании, а число новых абонентов с 1997 года увеличилось в три раза. Вместе с тем, некоторые адреса в системе заблокированы на постоянной основе, а также сайты таких организаций, как «Международная амнистия», Комитет защиты журналистов и др., сайты некоторых французских периодических изданий («Монд», «Либерасьон»). Кроме того, в соответствии с декретом от 22 марта 1997 года к «Интернету» стали применяться ограничительные положения Кодекса законов о печати, касающиеся ответственности за содержание публикуемого материала. Наконец, операторы системы обязаны ежемесячно представлять властям список абонентов системы «Интернет».

167

В целом, политические права и свободы граждан (право на создание политических партий и организаций, право на демонстрации, свободу слова, печати, собраний) закреплены в довольно незначительном объеме и серьезно корректируются действующими законами о политических партиях, о печати и т. д. В Египте, согласно конституции, на прессу возлагается обязанность формировать и толковать основные направления общественного мнения, но в рамках «принципиальных устоев египетского общества». В стране создан Высший совет прессы, который следит за тем, чтобы ее деятельность соответствовала национальным интересам. Египетский Закон о политических партиях 1977 года ставит целый ряд преград на пути формирования новых партий, не подконтрольных властям. Так, запрещено создание политических организаций по региональному, религиозному или классовому принципу. При этом программы партий не должны противоречить принципам шариата, как основного источника законодательства страны, принципам революции 23 июля 1952 года, и должны провозглашать «приверженность национальному единству, социальному миру, социалистическим завоеваниям и демократической системе». Кроме этого, партиям запрещается организовывать массовые митинги; их политические позиции разрешается пропагандировать только через партийную прессу или в парламенте, а также во время парламентских выборов.

В настоящее время существует тенденция к более расширенному и четкому закреплению социально-экономических прав граждан, попытке государства ввести определенные социальные гарантии для работающих и поддержать наименее обеспеченные слои населения. Здесь следует отметить, что социальные права и свободы в арабских странах представлены в значительно большем объеме, чем политические, и они детальнее и конкретнее сформулированы. Кроме того, конституционные нормы дополняются обширным социально-трудовым законодательством. Объясняется это, прежде всего, стремле-

168

нием законодателя создать наиболее благоприятные условия труда для наемной рабочей силы, особенно в нефтедобывающих арабских государствах, с целью поддержания на высоком уровне отраслей промышленности и получения сверхприбыли. Поэтому не кажется парадоксальным положение, когда некоторые арабские страны с крайне неразвитой политической системой, пронизанной к тому же традиционными ценностями, имеют наиболее передовое, демократическое социально-трудовое законодательство. Именно эта система прав и свобод в наибольшей степени продвигает арабские страны в направлении построения правового государства, а не личный или политический статус граждан, хотя и здесь ряд законодательных положений расходится с реальной социально-экономической практикой.

Армия в политическом процессе

Активное вмешательство армии в политику арабских государств не является региональным явлением. Это - составная часть социального феномена, характерного для различных регионов мира. Вмешательство армии в политику весьма многообразно по своей социальной и идеологической направленности, и приход к власти военных носит далеко не однозначный характер, что определяется конкретными условиями данной страны и расстановкой внутривнутриполитических сил. Сам факт вступления вооруженных сил на авансцену политической борьбы, их идеологическая и политическая ориентация, а также, в конечном счете, уход с политической арены также определяется взаимоотношением различных политических сил, масштабами социальных противоречий и попытками их разрешения со стороны армии. К факторам, благоприятствовавшим возрастающей роли армии в политике арабских стран, следует отнести острую борьбу за власть между различными многочисленными политическими группировками, представлявшими интересы этнических, конфессиональных и клановых групп, порождавшими политическую нестабильность, которая, в свою очередь, усиливала тяготение различных слоев населения к установлению сильной авторитарной власти. Привилегированные слои общества видели в армии эффективное средство подавления выступлений оппозиционно настроенных или просто недовольных групп населения,

169

фактор стабилизации политического положения в стране на консервативной основе.

Об армии и ее огромной политической роли в арабских, равно как и во всех развивающихся странах, написано довольно много (достаточно упомянуть получившие широкое признание труды отечественного востоковеда Г. И. Мирского). Поэтому отметим лишь некоторые общие характерные

аспекты влияния армии на функционирование государственных институтов и политических систем в целом в арабских странах, учитывая то, что в отдельной главе роль армии на Ближнем и Среднем Востоке будет рассмотрена подробнее и представлена в сравнительной перспективе.

В условиях незавершенной социально-политической структуры и экономической многоукладности в арабских странах армия зачастую являлась единственной силой (к тому же вооруженной), способной организовать национально-освободительное движение, а затем и возглавить молодое государство. Реальная власть на местах чаще всего концентрировалась в руках армейских командиров, решавших не только военные, но и важные общественно-государственные вопросы. Участие армии во всех значительных мероприятиях - в кампаниях лесопосадок, в полевых работах, в создании сети общеобразовательных школ, в народных стройках и других видах общественной деятельности - было традицией. Обязанностью армии стало даже обеспечение социально-политической интеграции, решение задач чисто экономического характера, функции по поддержанию общественного порядка и т.д. Выдвинутая концепция о «гражданской миссии» армии как нельзя лучше способствовала закреплению за военными их новой роли гаранта внутренней безопасности и порядка, и в определенной степени гаранта самой конституции, и подразумевала привлечение на сторону военных широких слоев населения. С первых дней независимости армия во многих арабских странах уже располагала значительным влиянием в руководстве страны, являясь к тому же единственным поставщиком кадров в государственно-административный аппарат и превращаясь в важнейший элемент новой элиты, контролирующей государственный, партийный и хозяйственный аппарат. В целом, армия явилась тем орудием, с помощью которого на вершину власти взойшли представители мелкобуржуазных и средних слоев арабского общества, т. к. значительная

170

часть офицерского корпуса в 50-е годы была представлена выходцами именно из этих слоев, являвшихся носителями националистических настроений различного толка. Все это в дальнейшем обусловило ее роль в политической жизни арабских стран и было в большом объеме закреплено в конституциях, что фактически оформило вооруженные силы в качестве самостоятельного института политической системы. Так, например, в Конституции Алжира 1976 г. армии был посвящен целый раздел, озаглавленный «О национальной народной армии»; при этом на армию возлагалась обязанность участвовать «в развитии страны и строительстве социализма»; а Конституция Египта 1971 года возлагала на вооруженные силы наряду с основными обязанностями «охрану социалистических завоеваний народа». В новой Конституции Судана, принятой в 1998 году, подчеркивается, что вооруженные силы обязаны «защищать страну, охранять безопасность, участвовать в развитии страны, в защите национальных интересов, а также культурного и конституционного порядка». Вооруженные силы в Сирии несут ответственность за защиту «целей революции- единства, свободы и социализма». В Ираке с 1963 года практически вся общественная и частная жизнь контролируется Национальной гвардией - специально созданной партией Баас милицией, обеспечивающей опору правящему режиму.

Борьба внутри военной элиты, пришедшей к власти во многих арабских республиках, приводила к череде военных переворотов. Особенно это было характерно для политического развития Сирии. Характер правящего блока и форм его политической власти менялся в этой стране после достижения независимости семь раз. Поэтому государственно-политическое устройство и политическая система современной Сирии, прошедшие сложный и многоэтапный процесс развития, несут в себе особенности различных типов республиканского строя: и парламентарной и президентской республики, и однопартийного режима, и военной диктатуры.

Политическая нестабильность, в свою очередь, отразилась и в конституционной нестабильности. Спецификой арабского региона является распространение чрезвычайного порядка отмены конституции, когда она утрачивает силу в результате очередного государственного переворота. В настоящее время в арабских странах действуют только 3 относительно «старых»

171

конституции (Ливана 1926 г., Иордании 1952 г., Туниса 1959 г.) с внесенными многочисленными поправками и дополнениями. В других странах региона принималось по несколько конституций (в Сирии - 12, Египте - 5, Марокко - 4 и т. д.).

Результатом быстро меняющейся политической ситуации в арабских странах является также наличие временных конституций, действие которых предполагается в рамках относительно короткого переходного периода. Временные конституции принимались в Египте (1958 и 1964 гг.), Кувейте (1962 г.), Судане (1964 г.), Сирии (1969 г.) и т. д. Интересно отметить, что многие временные конституции действуют до настоящего времени (в Катаре с 1972 г.) В Ираке переходный период, необходимый для принятия постоянной конституции, длился с 1958 г. За этот период здесь было принято 4 конституции - 1958, 1964, 1966 и 1970 гг. - и все временные. Кроме того, в отдельных странах конституции приостанавливались на довольно длительное время, что означало фактически бесконституционное правление, имевшее место, в частности, в Алжире в 1965-1976 гг., в Марокко в 1965-1970 гг., на Бахрейне с 1975 г. и т. д.

Влиянием роли армии на политическую систему государств арабского региона объясняется и традиционное существование в этих странах в определенные промежутки времени специфических органов верховного командования армией, осуществляющих государственные функции. В Египте после революции 1952 г. впервые в практике арабского мира был создан Совет руководства революцией- временный орган власти, состоявший из военных. В дальнейшем эта форма коллективного правления представителей армии создавалась всюду, где власть оказывалась в руках военных, хотя называлась она по-разному: Совет

революционного командования в Сирии (1963 г.), Ираке (1963 г. и 1958 г.), Ливии и Судане (1969 г.), Верховный комитет руководства революцией в Йемене (1962 г.), Революционный совет в Алжире (1965 г.). Практически везде временные формы военного правления были заменены президентскими режимами с созданием в большей или меньшей мере ведущей роли армии в политической жизни. Практика создания такого рода органов сохранилась и в настоящее время. Так, в результате военного переворота в Алжире в 1992 году был создан внеконституционный орган - Высший государственный совет (ВГС), который

172

был наделен властью, предоставленной Основным законом президенту Алжира и который в связи с роспуском Национального народного собрания (парламента) временно получил право издавать декреты, имеющие силу закона. ВГС был сформирован из пяти представителей высшей военной элиты Алжира и действовал весь переходный период в течение двух лет, а в 1994 году из своего состава назначил президента Алжира. После военного переворота 1989 года в Судане был образован Совет командования революции и национального спасения (СКРНС), председателем которого стал генерал-лейтенант О.Х.А. Аль-Башир, занявший также посты премьер-министра и министра обороны. СКРНС самораспустился в 1993 году, также после назначения президента республики из своего состава.

Следует отметить, что военные режимы достаточно быстро обнаруживали свою неустойчивость, что объяснялось отсутствием у большинства из них конструктивных программ социально-экономического развития, а также мобилизующей идеологии, что ограничивало перспективы существования «чисто» военных режимов как одной из разновидностей авторитаризма и предопределило их видоизменение через легитимизацию своей власти в режимы «социальные», имеющие массовую базу, политическую организацию и идеологию.

Очень часто роль армии в качестве самостоятельного института политической системы закрепляется опосредованно, через обширные военные и внешнеполитические полномочия главы государства в арабских странах - президента или монарха. При этом военные полномочия главы государства традиционно рассматриваются как основополагающие, в частности, все, что касается вопросов войны и мира, всеобщей мобилизации, объявления военного или чрезвычайного положения и т. д. Глава государства является верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, и в этом качестве он непосредственно или через министра обороны руководит военным ведомством. Иногда текст конституции прямо предусматривает, что президент- верховный главнокомандующий- одновременно занимает пост министра обороны (Конституция Алжира 1996 года), а король Марокко кроме должности верховного главнокомандующего вооруженными силами страны занимает одновременно пост начальника Генерального штаба.

173

При главе государства в арабских странах формируется Совет национальной безопасности или аналогичные ему совещательные учреждения. На практике этот орган превратился в одно из самых значительных государственных учреждений, разрабатывающий военные доктрины и фактически определяющий практическую военную политику главы государства. Конституции многих арабских стран предусматривают принятие важнейших государственных решений главой государства по согласованию или с прямым согласием Совета национальной безопасности. Разумеется, окончательное решение принимает по всем вопросам государственной важности единолично президент или монарх, но Совет национальной безопасности предварительно разрабатывает и обосновывает стратегические цели и тактические задачи таких решений. Очень часто в условиях введения в стране военного или чрезвычайного положения, когда действие конституции приостанавливается и глава государства принимает на себя осуществление всех государственных полномочий, Совет национальной безопасности остается фактически единственным действующим конституционным органом при главе государства. И хотя введение подобного вида особых положений по нормам конституций преследует цели принятия исключительных мер в интересах сохранения независимости страны и защиты государственных учреждений, политическая практика арабских стран неоднократно доказывала, что цели введения военного положения могут обернуться необратимым процессом усиления роли армии во всей государственной структуре страны.

Особенности партийных систем

Благодаря достигнутому рядом арабских стран еще в колониальную эпоху достаточно высокому уровню развития, а также сильному влиянию европейских традиций, такой институт политической системы общества, как партии, в арабских странах сложился достаточно давно. Это явилось отражением как многоукладности и многоконфессиональности, так и социальной пестроты общества, порождавшими, в свою очередь, многообразие идейно-политических течений. Причем эти партии уже имели относительно развитую структуру и организацию, а многие из них в колониальный период стали выразителями освободительных целей, вокруг которых формировались определенные

174

группы населения. По мере нарастания национально-освободительной борьбы менялась роль этих партий, в зависимости от того, к какой социальной группе переходило руководство этой борьбой. Множество партий существовало в начале XX века в Тунисе, Алжире, Марокко, Сирии, в королевском Египте, где каждая партия выражала интересы определенных слоев населения (от партии крупных землевладельцев «Шааб» и крупной промышленной и финансовой буржуазии- «Вафд» (в Египте) или торговой буржуазии - «Народная партия» (в Сирии) до «Братьев-мусульман», которая в конце 30-х годов

имела уже около 500 отделений в разных арабских странах). В идеологии этих партий превалировало главным образом западничество, среди мелкобуржуазных- панисламизм. Чрезвычайной пестротой отличалась и партийная структура Ливана, которая начала складываться в 30-е годы XX века и носила конфессиональный характер, отражая сложную религиозную ситуацию в стране. Многие партии в арабских странах представляли собой массовые организации, в которые входили самые разнородные классы и слои общества (Фронт национального освобождения в Алжире и др.) В некоторых странах принадлежность к определенному племени, религиозной группе и т. п. имела решающее значение при определении места не только в социальной иерархии, но и в политическом процессе. В Марокко, например, интересы арабской буржуазии с начала 60-х годов выражала в основном партия «Истикляль», а берберская буржуазия поддерживала партию Национальный союз народных сил.

К началу 60-х годов многие старые буржуазные и буржуазно-помещичьи партии сошли с политической арены, т. к. в это время на авансцену национально-освободительного движения выдвинулась мелкая буржуазия и средние слои, и вместе с ними- идеалы арабского национализма, которые требовали отстранения от власти крупной буржуазии, не являвшейся носителем этих идеалов. Этатистская концепция развития, которую приняли после достижения политической независимости многие арабские страны, предопределяла концентрацию рычагов политического управления в одних руках, а следовательно - наличие только однопартийной системы. Так, многопартийная система в Египте закончила свое существование после антимоноархической революции, совершенной организацией «Свободные офицеры» в 1952 году. Опыт 50-х - 60-х годов убедил арабские правящие

175

группы в том, что авторитарный режим является наилучшей гарантией политической стабильности.

Процесс утверждения однопартийных режимов полностью отвечал представлениям новых правящих групп о том, что именно режим, в рамках которого функционирует единственная партия, наиболее адекватно отвечает задачам форсированной экономической модернизации и государственного строительства стран, в которых существует структурная раздробленность и отсутствует сильный уклад, который мог бы выступить в качестве непосредственного базиса государства. Кроме того, элементы западного плюрализма, подразумевавшие принцип состязательности и соперничества, представлялись несовместимыми с традиционной исламской концепцией монолитности общества. Поэтому отдельные элементы буржуазного парламентаризма утратили свое значение после достижения политической независимости, а большое распространение в арабских странах получили массовые политические организации, которые постепенно трансформировались в авангардные правящие партии. На них возлагалась функция «приводного ремня» от государства к обществу, а также органа идейного и политического воспитания масс. В соответствии с Национальной хартией 1962 года в Египте была создана массовая политическая организация- Арабский социалистический союз (АСС), который объединил более 4 млн. человек и насчитывал 7 тысяч первичных организаций.

Единовластие правящих партий (в Ираке и Сирии - Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ), в Алжире - Фронт Национального Освобождения (ФНО), в НДРЙ -Йеменская социалистическая партия, в Ливии и Египте -Арабский Социалистический Союз и др.) обеспечивало условия для создания политической системы, в которой ее властные структуры получили возможность сформировать механизм, позволяющий осуществить максимальную централизацию государственного управления, в результате чего происходило сращивание партийного и государственного аппаратов и превращение государственной структуры в особую модель «партии-государства».

Источниками государственного права, наряду с конституциями, становились программные документы правящих партий (хартии), закрепляющие стратегию социально-политичес-

176

кого развития, которые зачастую по своей юридической силе превосходили конституцию, т. к. разработке идеологической платформы придавалось огромное значение. При этом практическое воздействие идеологии усиливалось за счет идентификации ценностных установок масс с лидером, а идея или принцип персонифицировались и становились духовно-ценностной основой общества («алжирский путь» к социализму напрямую связывался с именем президента Хуари Бумедьена, египетский - с президентом Насером и т. д.)

Руководство правящей партии непосредственно участвовало в формировании парламента, поскольку баллотироваться на парламентских выборах могли только члены партии, чьи кандидатуры одобрялись партийным органом. Такая система, естественно, ставила социальные и политические ограничители для институционализированного политического процесса, превращаясь в труднопреодолимый барьер для оппозиции. В результате парламент превращался в орган представительства и арену противоборства фракций правящих групп, различающихся не по политико-идеологическим позициям, а по функциональным, профессиональным, этнорелигиозным признакам.

После перехода большинства арабских стран на путь многопартийности бывшие правящие партии стали постепенно трансформироваться в партии «пропрезидентские», которые по-прежнему занимают главенствующее положение в партийной структуре общества и имеют большинство голосов в парламенте (на выборах в Тунисе в 1999 г. Демократическое конституционное объединение президента Бен Али получило 148 мест из 182 в Палате депутатов; алжирская «партия власти» Национальное Демократическое Объединение получила на выборах 2002 г. в союзе с другими поддерживающими ее партиями 262 места из 380; Национал-демократическая партия Египта имеет в Народном собрании после выборов 2000 г. 388 мест

из 444 и т. д.) Таким образом, несмотря на существование многопартийности, механизм управления продолжает сохранять преимущественно однопартийный характер, т. к. центральные и местные органы власти и управления практически контролируются проправительственными партиями, сохранившими доминирующую роль в обществе. Поэтому применительно к арабским странам можно говорить только о начавшейся формальной либерализации, предполагающей

177

институциональное оформление политических партий и политических прав и свобод граждан. При этом в одних случаях она происходит под давлением снизу (Алжир), в других - по инициативе сверху (Египет, Марокко), в третьих - многопартийность представляет собой перевоплощение племенных структур, этнических и традиционных кланов (Йемен, Судан)⁴.

В целом, для многовековой истории ислама проблематика политических партий в их современном понимании является относительно новой, т. к. традиционная исламская мысль этим вопросом не занималась, поскольку в Коране и сунне он не рассматривается. Поэтому современные исламские идеологи придерживаются различных взглядов на политические партии. Выделяются две противоположные точки зрения. Сторонники одной из них, ссылаясь на Коран и хадисы, отрицательно относятся к политическим партиям, полагая, что их деятельность полностью противоречит исламу, который не приемлет соперничества групп правоверных между собой в борьбе за власть. Поэтому в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива любая партийная деятельность запрещена, т. к. она нарушает единство мусульманской Уммы, а виновные в нарушении этого запрета караются по всей строгости закона.

Однако большинство современных исламских идеологов отстаивает иную позицию. Они считают партии важным элементом политической системы современного исламского общества, полагая, что их функционирование вполне соответствует исламу, который поощряет свободу выражения мнений и даже право оппозиции отстаивать свои взгляды. Сторонники такого подхода также подчеркивают, что ислам выступает против разночтений по основам религиозной догматики и ключевым вопросам веры, которые однозначно сформулиро-

⁴ В Судане, например, два крупнейших тариката - Ансарийя и Хатмийя - контролируют соответственно две самые многочисленные партии - «Аль-Умма» («Нация») и Юнионистско-демократическую. Другие тарикаты также участвуют в политической жизни, «курируя» небольшие партии или их фракции. Националистическая партия «Аль-Умма» практически целиком базируется на Ансарийе, к которой принадлежит половина арабо-суданцев, в т.ч. крупнейший союз племен баггара и другие племена. Хатмийя пользуется влиянием среди некоторых арабо-суданских племен долины Нила и восточных районов, а также неарабских этносов.

178

ваны Кораном и сунной. Что же касается различий во мнениях относительно путей реализации исламских принципов и идеалов, несовпадения позиций по частностям, оставленным указанными источниками на усмотрение самим правоверным, то они не только допустимы, но и необходимы как гарантия гибкости ислама, его способности развиваться и отвечать потребностям современного общества. Единство в главном по принципиальным моментам не исключает различий в путях и способах достижения общих целей, а значит, предполагает возможность соперничества и конкуренции между различными группами мусульман, в том числе и в борьбе за власть. Более того, многопартийная система даже необходима современному исламскому государству для осуществления принципа «шура» при принятии важнейших политических решений, а также для обеспечения прав человека (в частности, немусульман) и защиты граждан от возможного произвола властей. Партии нужны также для контроля за соответствием политики государства исламу, поскольку именно они в состоянии наилучшим образом выполнить возложенную на мусульман Кораном обязанность - следить за соблюдением всего предписанного священной книгой ислама в качестве обязательного и предотвращать действия, ею запрещенные. При этом, если консультативная функция возлагается в первую очередь на партии, находящиеся у власти и дающие советы главе государства и правительству, то контрольно-критическая роль отводится оппозиционным партиям. Если какая-либо партия выдвигает свою программу, агитирует за нее, стремясь убедить избирателей в том, что она лучше других сумеет претворить в жизнь принципы ислама, то это вовсе не противоречит последнему.

Однако партии, по мнению исламских правоведов, только в том случае играют позитивную роль в исламском государстве, если они отвечают нескольким условиям, главное из которых заключается в том, что в своих программах, организации и деятельности они должны руководствоваться принципами шариата или по крайней мере не нарушать их. Кроме того, ислам не допускает образования партий, угрожающих национальному единству и религиозному братству мусульман или препятствующих нормальной работе государственных учреждений. Все эти критерии находят свое прямое отражение в современном действующем законодательстве целого ряда арабских

179

стран, где существует многопартийная система. Например, алжирский Закон о политических партиях и ассоциациях (1989 г.) не допускает создания партий, ставящих своей целью «отход от морали и ценностей ислама»; тунисский Закон (1987 г.) требует от любой политической партии уважения и защиты «арабо-исламской индивидуальности страны»; в соответствии с Законом о политических партиях Египта (1977 г.) цели, программы, политика и методы работы партий не должны «противоречить принципам шариата», объявленным конституцией главным источником законодательства, и т. д.

Особо следует сказать об исламских политических партиях, прямо ориентирующихся в своей

организационной структуре и деятельности на религиозные критерии. Отношение к таким партиям зависит от решения более общего вопроса о взаимодействии политики и религии в каждом государстве. Причем многое определяется тем, какое из направлений ислама преобладает в той или иной арабской стране. Там, где господствует суннизм, часто открыто провозглашается отделение религии от политики, исходя из принципа «нет политики в религии и нет религии в политике». Национальная хартия Туниса 1988 года, например, делает акцент на том, что мечети не могут быть ареной политической борьбы и должны оставаться во власти одного Аллаха. Данный подход нередко получает правовое закрепление. В частности, египетский закон запрещает создание партий, чьи программные установки и деятельность «строятся на дискриминации по религиозному признаку». Аналогичного принципа придерживается и тунисский закон. Не случайно в обеих странах исламские организации не признаются в качестве политических партий. Конституция Алжира запрещает создавать политические партии на религиозной основе, а Закон о партиях 1997 года запрещает использовать религию в политических целях. Часто государство открыто регулирует деятельность религиозных организаций и мусульманских богословов. Так, в 1980 г. король Марокко Хасан II создал Высший совет богословов (в функции которого входит распространение традиций нормативного ислама и борьба со всевозможными «подрывными» исламскими течениями) и сам его возглавил. Если еще в 70-х годах контроль над религиозными кругами в этой стране осуществляло Министерство вакфов и по делам ислама, то в 90-е годы его функции дублирова-

180

лись или замещались целым рядом других органов, непосредственно подчиненных королю.

Несмотря на попытки властей поставить ислам под свой контроль, во многих арабских странах на авансцену политической жизни в конце XX века вышли исламские партии и достаточно быстро приобрели ключевые позиции во властных структурах, либо установили доминирующее идеологическое влияние на общество. Наиболее острые формы подъем оппозиционного мусульманского движения в 80-е - 90-е годы принял в тех странах, где наиболее болезненно происходил отход от социально-политических принципов 50-х - начала 60-х годов в результате неспособности правящих режимов разрешить острые социально-экономические задачи. Ассоциация «Братья-мусульмане» активно вышла на политическую арену большинства арабских стран еще в 70-е годы, однако если первоначально в их пропаганде упор делался на морально-этические ценности ислама, то уже в 80-е годы на первый план они стали выдвигать политические проблемы (так, например, в Египте и Тунисе, добиваясь расширения возможностей своих политических действий, «Братья-мусульмане» активно выступали за введение многопартийной системы). В 70-е - 80-е годы деятельность «Братьев-мусульман» и близких к ним группировок приняла особенно широкий размах в Сирии и в Египте, где она серьезно осложняла внутреннюю обстановку. Этому способствовали не только острая внутривластная ситуация, но и поражение арабов в войнах с Израилем, нерешенность ближневосточной проблемы, кризис идеологии буржуазного национализма.

Создание исламских партий стало одним из результатов политической эволюции исламских движений. Эти политические образования, идеологической основой которых является политический ислам, несут на себе отпечатки и характерные черты тех исламских движений, из которых они вышли. Они могут быть традиционалистско-фундаменталистского или модернистского направления, могут быть в оппозиции к существующему режиму или поддерживать и сотрудничать с ним. Определяющим фактором во взаимоотношениях между властью и такими партиями является степень адекватности проводимой властями политики и поддержки ее народными массами, позиция государства, которое либо устанавливает конструктивный диалог с исламскими партиями, либо огра-

181

ничивает их политическую активность. Власть может воспринимать целиком или частично программы и политику исламских движений. В этом случае в политической системе устанавливается более или менее мирное равновесие. Если же политическое сотрудничество жестко ограничивается или отвергается, исламские партии переходят в оппозицию и дальнейшее развитие событий может принять самые непредсказуемые формы (начавшаяся в 1992 г. гражданская война в Алжире, например).

Правительства арабских стран в отношении этих движений в настоящее время стали придерживаться политики маневрирования. Так, подвергая репрессиям экстремистские группировки, они допускают и даже поощряют деятельность умеренных исламских организаций, чтобы противопоставить исламскую пропаганду другим идеологическим течениям; в некоторых арабских государствах (Иордания, Судан и др.) представители исламских партий были допущены к аппарату власти и стали легитимными участниками политического процесса (в Иордании, например, на парламентских выборах 1989 года представители исламских организаций и симпатизирующие им кандидаты завоевали 32 из 80 депутатских мандатов).

Следует отметить, что некоторым странам (Марокко, Тунису) удалось не допустить роста политического ислама до «критической массы», за которой следует взрыв, что стало следствием определенной гибкости руководства этих стран, сумевших, с одной стороны, добиться относительно поступательного движения экономического развития, с другой - противопоставить воинственному исламу усиление официальной исламской пропаганды.

Таким образом, исламские партии вне зависимости от их названия и правового статуса представляют собой важный элемент современных политических систем большинства арабских государств. Более того, происходит переход от политики полного неприятия и даже прямого вооруженного подавления исламской оппозиции (Алжир) к четко выраженному стремлению создать условия для политического

согласия с исламскими партиями и нахождения общих целей дальнейшего развития в рамках национально-исламского государства, учитывающего традиционные ценности ислама.

182

В целом, большинство арабских стран претерпело определенную трансформацию своих партийных систем в последние десятилетия, начав постепенный переход от однопартийных режимов к политическому плюрализму. Однако в настоящее время большинство из вновь появившихся партии, за исключением исламских, представляют собой малочисленные объединения, не имеющие сформированной программы и не оказывающие сколько-нибудь заметного влияния на политическую жизнь арабских стран, не имеющие широкой социальной базы, поэтому и не представляющие собой реальной оппозиции правящим режимам.

Многопартийная система в арабских странах отражает социально-экономическую мозаичность общества и определенное изменение в расстановке политических сил (в частности, связанные с формированием новой политической элиты в результате политики экономической либерализации), но при этом не создает действительно плюралистическую основу общества, т. к. все рычаги политической власти и государственного управления сосредоточены в руках главы государства, а традиционное мусульманское сознание и армия, являющаяся важнейшей частью государственно-политического механизма, не создают условий для развития такой основы. Более того, движение по пути многопартийности, признания существования политического плюрализма во многих странах инициировалось государством и самими правящими режимами и отражало тенденцию их адаптации к современным реалиям, т. е. многопартийность стала в решающей мере функцией государства, более или менее активно преобразующего надстроечные структуры в целях расширения социальной базы режима. При этом правящие партии (Национал-демократическая партия (НДП) в Египте, Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ или Баас) в Сирии и Ираке, Демократическое конституционное объединение (ДКО) в Тунисе) подвергались внутренним структурным изменениям, корректировке политического курса, но ни в одной арабской стране (за исключением Алжира) не подверглась ревизии монополия партии на власть, поддерживаемая законодательством (законами о выборах, о политических партиях), всячески препятствующим оформлению организованной оппозиции. Поэтому возникающие многочисленные партии направляют свои усилия прежде всего на

183

укрепление своих позиций в структуре власти, для чего начинают активно сотрудничать с правящей партией. На фоне множественности партий и их политических взглядов только исламские движения выступают в настоящее время как серьезная и организованная политическая сила, способная повлиять на дальнейшую эволюцию политических систем.

* * *

Политическая система общества должна закреплять его существование в качестве целостного, интегрированного в своих основных элементах организма. Формирование политических систем в арабских странах, как представляется, сталкивается с проблемой складывания такого рода организма, где в настоящее время соединяются совершенно разные стадии политического развития и типы политической организации общества (современные конституции и исламская политическая культура, скопированные с западных образцов институты представительной демократии и фигуры харизматических политических лидеров с их доминирующей ролью в системе органов государственной власти и наличием традиционных институтов; взятые в готовом виде правовые нормы гражданского общества западного образца и отрицающие эти нормы традиции исламской культуры и этноконфессиональной солидарности; провозглашенные и закрепленные в конституциях права и свободы и абсолютное влияние армии, прерывающей по своему усмотрению политический процесс; новейшие политические лозунги и архаические стереотипы поведения и т. д.) Сложность объединения разнородных структур и институтов власти в современную политическую систему определяется прежде всего тем, что у каждой из них свой тип и логика изменений, свои формы политических отношений, которые внедряются в общество только после того, как в нем сложатся необходимые социально-экономические условия.

С одной стороны, механизмы власти в арабских странах приспособляют политическую надстройку к глобальным тенденциям мирового развития, но с другой - идет адаптация заимствованных форм политической организации к уровню развития каждой страны и особенностям национальной и исламской культуры. На этой основе действуют и развиваются основные политические структуры арабских стран.

184

Литература

- Александров И. А. Монархии Персидского залива. Этап модернизации. М., 2000.
Арабский мир: три десятилетия независимого развития. Отв. ред. В. А. Исаев, В. В. Наумкин. М., 1990.
Армия и власть на Ближнем Востоке (сборник статей) под ред. В. М. Ахмедова. М., 2002.
Видясова М. Ф., Умеров М. Ш. Египет в последней трети XX века. М., 2002. Гучетль Г. И. Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. М., 1999.
Каминский С. А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981. Комар В. И. Северная Африка: национальные модели политической культуры. М., 1997.
Комар В. И. Исламские политические движения в Северной Африке: генезис и типология. М., 2001.
Милославский Г. В. Ислам: модели политической и социальной организации общества / Интеграционные процессы в мусульманском мире (очерки исламской цивилизации). Отв. ред. Л. Р. Полонская. М., 1991. Орлов В. В. Исламское духовенство и проблемы легитимности власти в Марокко /

Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке. М., 2001.

Савичева Е. М. Международные отношения и политическое лидерство на Арабском Востоке / Новые тенденции в международных отношениях в Азии. Отв. ред. А. М. Хазанов. М., 2002.

Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. М., 2001. Сапронова М. А. Место и роль президента и монарха в системе высших органов государственной власти в арабских странах/ Ближний Восток и современность, выпуск 11. М., 2001.

Северная Африка: ислам и общество. М., 1999

Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право (вопросы теории и практики). М., 1986.

Сюкияйнен Л. Р. Концепции халифата и современное государственно-правовое развитие зарубежного Востока / Ислам: проблемы идеологии, права, политики, экономики. Отв. ред. А. И. Ионова. М., 1985. Хачим Ф. И. Конституционное право стран Ближнего Востока. М., 2001. Эволюция политических структур / Современная Африка: итоги и перспективы развития. Под ред. А. М. Васильева. М., 1990.

L'Etat de Droit dans le Monde Arabe (sous la direction de A.Mahiou). Institut de Recherches et d'Etudes sur le Monde Arabe et Musulman. P., 1997.

Human Rights in Islam and Their Application in the Kingdom of Saudi Arabia (by Dr. Suleiman Bin Abdul Rahman Al-Hageel) / The Series of Human Rights in Islam, Riyadh, 2001.

185

В. Е. ДОНЦОВ, Т. А. ЧУРИЛИНА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ МОНАРХИЙ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Аравийские монархии (Королевство Саудовская Аравия, Королевство Бахрейн, Государство Кувейт, Государство Катар, Государство Объединенные Арабские Эмираты и Султанат Оман) представляют собой группу государств, которые как по своему историческому прошлому, так и по своему нынешнему политическому устройству заметно отличаются от остальных государств мира. Их выделяет не только стремительный рывок из средневековья в XXI в. по некоторым социально-экономическим параметрам (достаточно сказать, что официально рабство в них было запрещено лишь в начале 60-х годов XX в.), но и то, что здесь, как нигде в мире, можно видеть удивительное сочетание элементов традиционного восточного общества с современными (по крайней мере, по форме) политическими институтами.

Процесс становления политических систем аравийских монархий

На формирование политических систем в аравийских монархиях в новейшее время существенное влияние оказали несколько факторов: начало промышленной добычи нефти, национально-освободительные движения и антимонархические революции в арабских странах, уход англичан в конце 60-х годов из зоны Персидского залива, революция цен на нефть после 1973 г., а также массовая трудовая иммиграция в этот регион.

До наступления нефтяной эры население Аравийского полуострова занималось скотоводством, в ограниченных размерах сельским хозяйством, а также рыболовством и ловлей жемчуга.

Основная деятельность населения была направлена на семью, клан, племя, конфедерацию племен. Социальная жизнь протекала в этом контексте. Племенное право (адат) сосуще-

186

ствовало с шариатом, власть главы семьи, племени - с властью религиозного лидера - имама, междоусобная вражда была постоянным явлением.

После 1945 г. Великобритания, под протекцией которой находилось все население арабских стран Персидского залива (кроме Саудовской Аравии), стала более активно влиять на внутренние дела этих стран под предлогом защиты оборудования аэродромов, охраны отрядов геологов и нефтяных скважин, борьбы с работоторговлей, внедрения законности и порядка и т. д.

За признание со стороны Великобритании местные правители должны были выполнять советы британских политических агентов, число которых в странах Залива быстро увеличивалось. По рекомендации англичан в странах Залива были созданы первые регулярные вооруженные силы - так называемые отряды добровольцев - под командованием британских офицеров.

Вся эта активность Великобритании преследовала главную цель - защитить свои интересы в этом регионе, учитывая то, что более 80% британского импорта сырой нефти в 1949—1950 гг. осуществлялось из зоны Персидского залива.

Снижение уровня британского влияния на местные правящие силы было неравномерным. Кувейт получил независимость в 1961 г. В Бахрейне англичане сумели сохранить свою военно-морскую базу до 1971 г. В Маскате и Договорном Омане англичане начали сокращать свое военное присутствие лишь перед объявлением в 1968 г. о своем решении уйти из зоны Персидского залива.

К началу 70-х годов, особенно после революции цен на нефть, последовавшей за Октябрьской войной 1973 г. между арабскими государствами и Израилем, благодаря растущим доходам от нефти, страны Залива со своим небольшим населением вышли на первое место в мире по размеру доходов на душу населения. Развитие нефтедобычи стимулировало появление таких отраслей, как нефтехимическая, судоремонтная, пищевая. Стали развиваться транспорт, связь, портовое хозяйство.

Увеличился приток иммигрантов. Стали стремительно расти города. Одновременно быстрое развитие получили системы образования, здравоохранения и санитарии, улучшились питание, жилищные условия, водоснабжение.

187

Произошли изменения и в классовой структуре местного населения. Расширение промышленной и государственной занятости привело к возникновению рабочего класса (правда, большую часть его составляли иммигранты), прослойки государственных служащих, предпринимателей.

Притоком новых богатств во всех государствах Залива сумели воспользоваться прежде всего традиционные правящие семьи, хотя этот процесс сопровождался в ряде случаев заменой лидеров этих семей. Это имело место в Абу Даби в 1968 г., в Омане в 1970 г., в Катаре в 1972 г. К власти приходили представители более молодого поколения, способные обеспечить развитие государства в условиях быстрых изменений. Эти изменения происходили, в основном, путем государственных переворотов, т. е. в духе традиционной политической культуры, в рамках соперничества между различными ветвями правящих династий и, как правило, не без участия западных спецслужб.

Экономические и социальные изменения имели и другие политические последствия. Во-первых, они вели к стремительному расширению сферы активности государства практически везде в странах Залива. Правительства становились главным работодателем. Например, в 1968-69 гг. в Кувейте 70% всех занятых в экономике людей работали на правительство. Возможно, только в Дубае правительство уступало частному сектору в масштабах экономической активности.

Это обусловило формирование и стремительный рост институтов исполнительной власти: министерств, ведомств и пр., а также вооруженных сил и органов безопасности. Существенные изменения произошли в судебной системе. Была запрещена практика, существовавшая в британских протекторатах, согласно которой юрисдикция делилась между судами правителей, занимавшихся делами своих подданных, и британскими судами, которые рассматривали дела иностранцев. Были введены новые законы и гражданские кодексы, назначены профессиональные судьи.

Таким образом, в отличие от таких арабских государств, как, например, Египет, которые имеют длительную традицию центральной власти в лице государства, в аравийских монархиях государственные структуры созданы сравнительно недавно и пока еще находятся в процессе становления. Их правители все еще заняты решением проблем консолидации централизованной государственной власти.

188

Основные черты политических систем монархий Аравийского полуострова

Для монархий Аравийского полуострова характерны определенные схожие черты политических систем, среди которых наибольшее внимание привлекает то обстоятельство, что ключевая роль в этих системах принадлежит правящим семействам, члены которых составляют ядро политической элиты в каждом из государств: Ааль Сауд - в Саудовской Аравии, Ааль Сабах - в Кувейте, Ааль Тани - в Катаре, Ааль Халифа - в Бахрейне, Ааль Бу Саид - в Омане, Ааль Нахаян - в эмирате Абу Даби, Ааль Мактум - в эмирате Дубай, Ааль Касими - в эмиратах Аш-Шарджа и Рас-аль-Хайма, Ааль Нуайми - в эмирате Аджман, Ааль Муалла - в эмирате Уммаль-Кайвайн, Ааль Шарки - в эмирате Аль-Фуджайра. Генеалогические корни всех правящих династий уходят в племенную среду.

Основы политической легитимности режимов в аравийских монархиях практически одни и те же: наследственная власть династии. При этом они опираются также и на легитимность религиозного толка - на ислам.

Монарх фактически возглавляет исполнительную, законодательную и судебную власти. Он же является и верховным главнокомандующим национальных вооруженных сил. Основные посты в структурах исполнительной власти (премьер-министр, заместители премьера, силовые министры, министры финансов, иностранных дел, информации) занимают, как правило, члены правящих семейств.

Во всех аравийских монархиях ислам является государственной религией и служит основным источником законодательства. Религиозные институты играют важную, а иногда и ключевую роль во многих сферах общественной жизни. Например, в Саудовской Аравии монарх в течение довольно длительного времени соединял светскую и религиозную власть: он был эмиром и имамом. Хотя в настоящее время он носит светский титул - «король», за ним сохраняется высшее руководство религиозными институтами в стране. В других монархиях светская власть фактически отделена от религиозной, однако и здесь правители претендуют на то, что они правят в соответствии с исламскими принципами.

189

Это обстоятельство требует освещения, хотя бы крайне беглого, основных принципов «исламского правления», или «исламского политического порядка», установления которого добиваются особенно энергично так называемые исламисты.

В представлении ортодоксальных правоверных верховная власть в мусульманской общине полностью соответствует ценностям традиционной исламской культуры тогда, когда она возглавляется наиболее способным лидером, ведущим свое происхождение от Пророка. Мусульмане-сунниты идеальной формой государственности считают халифат, мусульмане-шииты - имамат.

Как у суннитов, так и у шиитов есть общее представление об основных элементах «исламского правления». В качестве идеальной модели такого правления берется первое государство в истории ислама - город-государство Медина, основанное Пророком Мухаммадом, - теократическое политическое образование. При принятии политических решений Пророк консультировался с своими сподвижниками. Соответственно, принцип консультаций (шуры) считается первым элементом исламского правления. После

смерти Пророка возникла необходимость выбора (ихтийар) наследника. Наиболее влиятельные лидеры племени Курейш сделали это. Принцип свободного выбора исламского правителя стал вторым принципом исламского правления. Каждый халиф должен получить байу, т. е. клятву лояльности и покорности со стороны народа. Это - третий принцип исламского правления. Подобная процедура практиковалась в течение трех десятилетий после смерти Пророка. Имела она место, правда, чисто формально, и в более поздние времена.

В период расцвета исламской цивилизации политическая легитимация правителя осуществлялась с помощью религии. Исламские институты, прежде всего улемы, естественно, играли центральную роль в этом процессе. Ислам не признает законотворчества со стороны людей, так как законы идут от Бога. Задача улемов заключается в интерпретации исламских источников с целью снабжения верующих священным руководством в их поведении. Поэтому именно исламские знатоки законов выступали в качестве наиболее влиятельных лиц, т. е. тех, кто имел авторитет «развязывать» и «завязывать» (ахль аль-халль ва аль-акд), объявлявших нового правителя «законным». Таким обра-

190

зом, помимо шуры, ихтийара и байи, идея института ахль аль-халль ва аль-акд стала четвертым принципом исламского правления. Тем не менее, традиционное мусульманское право в принципе не предусматривает систему разделения властей. Всякая же оппозиция правителю рассматривалась религиозными правоведами как смута (фитна).

В традиционном мусульманском обществе практически не было институтов, не подчиненных правителю. Улемы также были включены в политическую систему. Помимо того, что они обеспечивали правителя, которому полностью подчинялись, необходимой легитимностью, они контролировали соблюдение членами мусульманской общины, в том числе и правителем, шариата- священного закона, выступали в роли судей, а также организовывали и контролировали систему образования.

Перечисленные принципы и основы «исламского правления» в представлении исламистов лежат в основе политической системы, которая, как они уверены, более совершенна, чем западная демократия. Однако доводы исламистов поддерживаются далеко не всеми даже среди мусульманских религиозных деятелей. (Следует при этом иметь в виду также много -конфессиональность обществ в аравийских монархиях, где есть как сунниты, так и шииты, причем разных толков и сект, а также немусульмане). Исламские правоведы признают, что Коран содержит только общие положения, касающиеся политической организации общества, а также то, что в течение 14 веков своего существования исламский мир знал различные формы правления. В прошлом правители государств мусульманского мира претендовали на то, что они правили в соответствии с исламскими принципами. Однако даже такой наиболее общий компонент шариата, как шура, никогда серьезно не практиковался. Тем не менее, каждая форма правления находила оправдание в сочинениях исламских правоведов.

Таким образом, на самом деле нет специфической формы исламской системы власти. Утверждавшийся улемами «исламский характер» того или иного политического правления был всегда средством легитимации и рационализации существовавшей политической власти.

Важнейшей опорой правящих режимов в монархиях Аравийского полуострова являются армия и органы безопасности.

191

Им отводится исключительная роль в поддержании политической стабильности внутри этих стран, а также в отражении внешних угроз. Силловые структуры в рассматриваемых государствах - предмет особой заботы монархов. Не случайно в течение многих десятилетий именно аравийские монархии являются крупнейшими в мире импортерами самых современных вооружений. Однако, в отличие, например, от Турции и Пакистана, здесь пока офицерский корпус не выступает в качестве самостоятельного субъекта внутривластных процессов. Не полагаясь полностью на свои силы, аравийские монархии поддерживают тесные военно-политические отношения с ведущими державами Запада, прежде всего со США, разрешая им держать на своих территориях военные базы.

Имея в виду прежде всего особую заботу аравийских монархий об укреплении институтов подавления и наказания в своих государствах, египетский социолог Саад Дин Ибрахим еще в 1983 г. писал (возможно, несколько сгущая краски) о том, что каждая из правящих элит «создала вокруг себя прочную крепость, которая охраняет ее от народа. Между этим крепостями и народами царят взаимные страх, ненависть и недоверие. Причем степень их не уменьшается той идентичностью, о которой эти элиты заявляют... Им не верят ни народы, ни другие крепости. Я сомневаюсь, что они сами себе верят».

На политическую жизнь в аравийских монархиях серьезное влияние оказали революционные изменения в арабских государствах, особенно в Египте после 1952 г., Ираке после 1958 г. и в Северном Йемене после 1962 г., покончившие с существовавшими там монархическими режимами. Подъем националистических, светских и антизападных по своему характеру движений, охвативших во второй половине 60-х годов весь арабский мир, создавал серьезную угрозу правящим режимам на Аравийском полуострове, которые декларировали приверженность исламским ценностям и поддерживали дружественные отношения с ведущими державами Запада, что служило основанием для обвинений их в консерватизме прежде всего со стороны арабских националистов.

Однако аравийские монархии проявили значительную устойчивость, а после поражения арабских стран в «шестидневной» войне 1967 г. начали превращаться в силу, оказывающую

192

существенное влияние на парадигму внутривосточного развития остальных арабских государств.

Этому способствовала прежде всего финансовая помощь, которую начали оказывать этим государствам аравийские монархии, особенно Королевство Саудовская Аравия (КСА), Кувейт и ОАЭ. Мощным инструментом влияния монархических режимов Аравийского полуострова на политические процессы в арабском мире была и массовая трудовая миграция в богатые нефтедобывающие государства Персидского залива из таких арабских стран, как Египет, Сирия, Судан, ЙАР и НДРЙ. В конце 70-х годов в КСА, Кувейте, ОАЭ, Катаре работало, по некоторым оценкам, около 6 млн. граждан других арабских государств.

Аравийские монархии, прежде всего КСА, особое внимание уделяли оказанию прямой поддержки различным исламским институтам в других арабских странах, где довольно сильны были светские начала организации политической и прочих сфер общественной жизни. В результате в этих странах начал стремительно нарастать процесс «реисламизации», одним из проявлений которой было усиление политической активности исламистов - сторонников создания «исламского государства».

В самих аравийских монархиях процесс «реисламизации» вылился в появление исламистских движений и организаций, подвергающих резкой критике правящие режимы за недостаточное соблюдение исламских принципов. Эта критика была стимулирована победой Исламской революции в Иране в 1979 г.

Данное обстоятельство имело для аравийских монархий особое значение, так как одним из основных факторов их легитимности является, как отмечалось выше, их приверженность исламу. То обстоятельство, что аравийские монархии активно используют ислам в качестве средства легитимации, служит их критикам, прежде всего из лагеря радикальных исламистов, основанием для постановки вопроса о том, есть ли в этих государствах «исламский политический порядок», т. е. порядок, основу которого составляет ислам.

Не случайно в аравийских монархиях специально подчеркивается, особенно в последнее время, соблюдение перечисленных выше таких основных принципов «исламского правле-

193

ния», как шура, ихтийар, байа и пр., что находит отражение в политической лексике правящих кругов, в законодательстве, а также в названиях некоторых институтов власти.

С другой стороны, расширение экономических возможностей видных торговых домов, племенной знати, появление сложного государственного аппарата, формирование новых социальных и политических структур вынуждают политические элиты маневрировать, перераспределяя управленческие функции в рамках монархических систем. Углубление социальной дифференциации, которая проявляется в беспрецедентном разрыве между правящей верхушкой и населением, подрывая традиционную легитимность правящих династий, заставляет их обратить внимание на проблему политического участия народных масс в решении насущных вопросов государственного развития, заимствуя при этом, хотя бы формально, и политический опыт западных государств. Отсюда появление в политической лексике правящих элит таких понятий, как демократия, права человека, свобода слова и пр., а также «дарование» своим подданным конституций, консультативных советов (маджлис аш-шура) и даже парламентов, избираемых населением, которые призваны создать новые источники легитимности существующим режимам.

Во всех государствах, даже в Королевстве Саудовская Аравия, где формально конституцией являются Коран и сунна Пророка, есть конституции или документы конституционного характера, которые определяют основы государственного устройства и власти, взаимоотношения между ветвями власти, структуру судебной системы и т. д. В них декларируются свобода собраний, свобода слова и прочие гражданские права, хотя политические партии (а во многих монархиях и профсоюзы) везде запрещены. Провозглашается независимость судопроизводства и подчеркивается, что суды действуют только на основе соответствующего законодательства. Почти во всех документах такого рода зафиксировано намерение правителя делегировать часть своих властных полномочий другим институтам власти, в том числе законодательным или консультативным органам, состав которых избирается или назначается правителем.

Впрочем, пока все эти политические надстройки мало что изменили в сущности правящих режимов в арабских странах

194

Персидского залива, которые остаются абсолютными монархиями, со всеми вытекающими последствиями. Консультативные советы везде, где они существуют, не являются инстанцией, принимающей решения. Их функция сугубо консультативная, совещательная. Этот институт в системе власти носит вспомогательный характер по отношению к главе государства. Монарху принадлежит либо исключительная, либо решающая роль в формировании этих советов, а их председатели назначаются указом правителя, что автоматически делает их должностными лицами госаппарата, находящимися в административной зависимости от главы государства.

Пожалуй, лишь в Кувейте парламент пользуется полномочиями, которые позволяют говорить о том, что в этом государстве - конституционная монархия. Тенденция к конституционной монархии наметилась в последнее время и в Бахрейне. Однако сравнительно недолгая история парламентаризма как в Кувейте, так и в Бахрейне свидетельствует о том, что любой конфликт между парламентом и исполнительной властью решается в пользу последней и ведет, как правило, к роспуску парламента.

Таким образом, чтобы получить представление о политических системах в монархиях Аравийского полуострова, недостаточно познакомиться с конституциями тех государств, где они есть, или с

законодательными актами, которые в некоторых государствах призваны заменить конституции. Дело в том, что эти документы далеко не полностью отражают реальные политические институты и их взаимоотношения в политических процессах, действительно имеющих место в том или ином государстве этой группы.

Среди институтов, которые не находят отражения в законодательстве, но играют заметную роль в механизме управления страной, можно выделить такой традиционный орган династического правления, как «семейный совет». Только в конституции Омана записано: «Совет правящего семейства... определяет наследника трона».

В состав этого совета входят самые близкие родственники правителя по мужской линии, а также главы основных ветвей правящего клана. Возглавляется тот орган самим монархом.

Главнейшая прерогатива семейного совета- принятие решений о заполнении возникающих вакансий главы государ-

195

ства и наследного принца. Важной задачей этого органа является также выработка консенсуса по наиболее острым проблемам, с которыми сталкивается режим во внутренних и внешних делах.

Одним из эффективных неконституционных институтов, традиционно используемых правящими семействами в арабских странах Залива для воздействия на общество, являются так называемые «дивании» - неформальные собрания, в которых участвуют представители правящей семьи, племенной знати, интеллигенции, торгово-промышленной буржуазии, религиозных кругов и прочих слоев населения. Эти собрания не закрыты и для рядовых подданных. Данный институт играет важную роль в политической жизни этих стран, способствуя урегулированию социальных проблем, снижению напряженности во взаимоотношениях между племенами и родами, между подданными и властью.

Монархи, а также члены правящих династий широко используют и другие способы поддержания постоянных личных связей с главами наиболее влиятельных семейств в городах, с шейхами племен и т. д., обеспечивая таким образом «обратную связь» с основными слоями общества.

Каждое из государств этой группы успело пройти свой, в чем-то уникальный путь политического развития, решая по-своему такие вопросы, как организация верховной власти, взаимоотношений между различными политическими институтами, между правящей элитой и подданными. Это обусловлено многими факторами: историей становления правящей династии, личностью монарха, экономическим положением в стране, характером внешних угроз, соотношением традиционных и либеральных сил и т. д.

В этом плане, например, Королевство Саудовская Аравия весьма сильно отличается от Государства Кувейт. Государство ОАЭ совсем не похоже на Султанат Оман, как, впрочем, и на другие государства.

Поэтому есть необходимость остановиться на основных чертах политических систем в каждом из этих государств. При этом, как представляется, более подробного освещения заслуживают политические системы Саудовской Аравии и Кувейта, весьма отличающиеся друг от друга (остальные монархические системы в разной степени тяготеют к первой или второй моде-

196

ли), а также Государства ОАЭ, федеративное устройство которого представляет несомненный интерес для политологов.

Королевство Саудовская Аравия (КСА)

История дома Саудидов насчитывает почти 260 лет. Его основатель Мухаммад ибн Сауд начал править оазисом ад-Дир'ийа, расположенным в центральной части Аравийского полуострова, вступив в союз с религиозным лидером шейхом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом - родоначальником особого течения в исламе, названного «ваххабизмом». Первое государство Саудидов просуществовало с 1744 по 1818 г., второе- с 1824 по 1891 гг. Нынешнее государство ведет свою историю с 1902 г. В сентябре 1932 г. оно было признано как Королевство Саудовская Аравия.

Правящая в КСА ветвь древа Ааль Сауд идет от первого короля Саудовской Аравии Абд аль-Азиза Ибн Абд ар-Рахмана ас-Сауда, правившего в 1902-1953 гг.

По сведениям исследователей дома Саудов, у Абд аль-Азиза насчитывалось более 300 жен. Он оставил после себя 34 признанных им сына от 14 матерей. Прошло более полувека после кончины Абд аль-Азиза, а его сыновья продолжают править королевством, и власть никак не перейдет к следующему генеалогическому поколению. Такова воля отца: до тех пор, пока будут живы его сыновья, престол должен наследоваться ими по старшинству. И только после того, как их не станет, власть может быть передана последующим потомкам. За этот период королями были Сауд (1953-1964 гг.), Фейсал (1964-1975 гг.) и Халед (1975-1982 гг.). Нынешний король Фахд правит страной с 1982 г.

Высшая законодательная, исполнительная и судебная власть в КСА сосредоточена в руках короля.

В «Основах системы власти Королевства Саудовская Аравия» - документе, который был опубликован в 1992 г., говорится: «Система власти КСА - монархия. Власть принадлежит сыновьям короля - основателя государства Абд аль-Азиза Абд ар-Рахама аль-Фейсала ас-Сауда и сыновьям его сыновей... Король избирает наследного принца и смещает его своим указом» (ст. 5). «Государственную власть королевства образуют: судебная власть, исполнительная власть, законодательная власть. При

197

исполнении своих полномочий ветви власти взаимодействуют в соответствии с данным и другими положениями. Высшей инстанцией всех видов власти является король» (ст. 44).

Король возглавляет Совет министров, который занимается практически всеми вопросами внутренней и внешней политики государства. Своим указом король назначает заместителей председателя и членов Совета министров, а также освобождает их от исполнения своих обязанностей.

Заместители председателя Совета министров и члены правительства несут коллективную ответственность перед королем за исполнение исламского шариата, правовых актов, общей политики государства.

Совет министров в качестве отдельной структуры возник в 1953 г. До этого в течение довольно длительного времени существовали две параллельные управленческие структуры. Одна - в центральной и восточной провинциях, вторая - в западной провинции - Хиджаз.

Министерства иностранных дел и финансов были созданы в 1930 и 1932 годах соответственно. В 1944 г. появилось Министерство обороны, которое заменило существовавшее ранее Агентство по делам обороны. Процесс создания государственного аппарата ускорился в 50-е годы XX в., когда произошло быстрое увеличение нефтедобычи в стране, что обусловило приток денег в государственную казну.

В 1951 г. юрисдикция Министерства внутренних дел распространилась на всю территорию страны. В 1953 г. были созданы Министерства связи, образования и сельского хозяйства, в 1954 г. - Министерство торговли. В этом же году из Министерства внутренних дел выделилось Министерство здравоохранения.

Однако все эти структуры были весьма примитивными и существовали больше номинально. Лишь при короле Фейсале (1964-1975 гг.), когда в КСА был отмечен заметный экономический рост, начался процесс модернизации администрации и стремительного увеличения численности государственных служащих. В настоящее время в КСА насчитывается 21 министерство и большое число ведомств.

Король является Верховным главнокомандующим вооруженных сил. Он назначает офицеров и освобождает их от службы. Король объявляет чрезвычайное положение, всеобщую мобилизацию и войну.

198

Государственной религией КСА, как и всех других монархий Аравийского полуострова, является ислам. Однако в политической системе КСА исламские институты, прежде всего улемы, играют исключительную роль. Это обусловлено историей создания первого государства Саудидов, которое возникло, как уже отмечалось выше, в результате религиозно-политического союза между Мухаммадом ибн Саудом и шейхом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом. При этом Абд аль-Ваххаб в качестве духовного лидера обеспечил религиозную поддержку власти династии ас-Саудов. Его потомки, представленные семьей аш-Шейх, возглавляют религиозную власть в современном государстве КСА, составляя важную часть правящей элиты. Как считают в официальных кругах КСА, союз правящей династии ас-Саудов и главных улемов в стране выражает «правильное понимание государства в исламе, а именно: государство и религия являются неразделимыми». В «Основах системы власти Королевства Саудовская Аравия» сказано: «Власть в Королевстве Саудовская Аравия всецело руководствуется Книгой Всевышнего Аллаха и сунной Его Пророка, которые являются основой данного Положения и других государственных актов» (ст. 7).

Влияние исламских институтов в КСА связано еще и с тем, что в этом государстве находятся две основные святыни всех мусульман - города Мекка и Медина, хранителем которых является саудовский монарх.

Говоря о роли ислама в КСА и в целом о религиозной ситуации в этом государстве, нельзя не остановиться, хотя бы кратко, на учении Абд аль-Ваххаба, которое принято называть «ваххабизмом», и которое, как считают многие наблюдатели, является идеологией КСА. Официально саудовские власти всегда подчеркивают, что население страны исповедует ислам. Однако на деле речь идет об исламе ханбалитского толка в интерпретации Абд аль-Ваххаба.

Ваххабизм, корни которого тянутся к учению имама Ибн Таймийи (661-727), представителя ханбалитского толка, является религиозно-политическим течением в исламе, представители которого настаивают на том, что мусульманское общество должно жить исключительно по законам шариата, соединяют без всяких компромиссов ислам и политику, религию и власть.

199

При своем возникновении ваххабизм был направлен прежде всего против тенденции, которая приобрела отчетливые очертания в Османской империи при султани Махмуде, к утрате шариатом своей роли в качестве основного и единственного регулятора всех сфер мусульманского общества. Практически он был вытеснен в сферу личной жизни (браки, развод, наследство и т. п.).

В Королевстве Саудовская Аравия ваххабизм, однако, претерпел определенную трансформацию вследствие того, что саудовские улемы проявляют определенную гибкость в интерпретации шариата, ссылаясь на своих духовных предшественников - Ибн Ханбала, Ибн Таймийю и Ибн Абд аль-Ваххаба. Следует заметить, что ханбалитский толк проявляет особую строгость в том, что касается соблюдения верующими религиозных обрядов. В других же вопросах он довольно либерален. В частности, в отличие от других толков он не запретил интерпретацию положений Корана и сунны Пророка с учетом изменяющихся условий жизни общества и его интересов.

Кроме того, одним из основных принципов ханбалитского толка является: «Разрешено то, что не запрещено». В результате ханбалитское законодательство, в частности в вопросах брака, на самом деле является более «прогрессивным», чем предписания других мусульманских юридических школ. Не случайно именно нормы ханбалитского толка были положены в основу современного семейного законодательства в Иордании, Сирии, Марокко и Ираке.

Хотя нынешние правители КСА уже не называют себя имамами, саудовские улемы не подвергают

сомнению и их духовное лидерство. Создатель современного саудовского государства Абд аль-Азиз, соединяя в своем лице светскую и религиозную власть (он имел религиозные титулы имама и хранителя двух священных городов), настоял на том, чтобы в судопроизводстве наряду с шестью ханбалитскими книгами использовались и тексты других толков в тех случаях, когда ханбалитское право молчит или занимает неясную позицию по данному вопросу.

В свое время саудовские улемы согласились с доводом короля Абд аль-Азиза о том, что радио приемлемо, так как оно может быть использовано для трансляции текста Корана. Он смог убедить их разрешить фотографию, хотя запрет на изображение

200

человека остается в силе. В 1944 г. улемы поддержали его против оппозиции ваххабитов-радикалов, так называемых ихванов, считавших, что концессия на добычу нефти американцам незаконна, так как предполагает продажу мусульманской земли неверным.

Улемы также приняли, после первоначальной оппозиции, ряд инноваций, введенных королем Фейсалом: внедрение телевидения (1958), образования для женщин (1960), запрещение рабства (1962). В 1964 г. они ратифицировали результаты борьбы Фейсала со своим братом Саудом, заявив, что его смещение - «в общих интересах». Такое решение было принято в результате консенсуса, достигнутого улемами. Чтобы находить выход из ситуаций, когда наиболее консервативные из улемов чувствуют себя неспособными занять позитивную позицию по отношению к предлагаемым изменениям, улемы КСА внедрили идею о том, что консенсус может быть даже тогда, когда какая-то часть из них хранит молчание.

Короли, со своей стороны, продолжают консультироваться с улемами, чья поддержка является важным фактором в легитимации их власти.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что верховная власть в Саудовской Аравии не представляет собой теократию, если под этим термином понимать правление, которое претендует на то, что имеет мандат от Бога. Саудовские улемы утверждают, что «источником власти монархии в КСА является народ». При этом сами улемы ни прямо, ни косвенно не претендуют на то, что они непосредственно исполняют волю Аллаха. Такие претензии противоречили бы ваххабитской интерпретации ислама. Улемы пользуются уважением в саудовском обществе, и к их консультациям прислушиваются, учитывая прежде всего высокий уровень их религиозного образования.

Вместе с тем есть признаки усиления контроля монархии над религиозными институтами. Важный шаг в этом направлении был сделан в 1970 г., когда было учреждено Министерство юстиции, которое заняло место кабинета Главного муфтия. Министр юстиции является главным улемом и членом семьи аш-Шейх (наследники Ибн Абд аль-Ваххаба). Однако одновременно он является членом Совета министров, т. е. государственным чиновником, подчиняющимся указаниям короля.

201

Институт улемов, представленный Советом улемов, Управлением научных исследований и фетв, Высшим судебным советом, играет ключевую роль в судебной системе и в правоприменительной практике, обеспечивая соблюдение норм исламского шариата как в этой системе, так и в обществе в целом. Так как единственным источником права в КСА являются Коран и сунна, именно этот институт выносит свои суждения по правовым вопросам (фетвы). Король контролирует применение исламского шариата и законодательных норм.

«Судопроизводство, - говорится в «Основах», - является независимым. При решении поставленных перед судами вопросов они действуют в соответствии с исламским шариатом, Кораном и сунной, а также основанными на соответствующих положениях постановлении представителя власти, если они не противоречат Корану и сунне».

Королевский декрет 1927 г. унифицировал судебную систему в стране. В соответствии с ним было создано три вида судов: суды по срочным делам, шариатские суды и комиссия судебного надзора.

Суды по срочным делам занимаются сравнительно простыми гражданскими делами, а также уголовными делами, включая мелкие правонарушения и преступления, за которые не полагаются отсечение кисти руки или смертная казнь.

Шариатские суды рассматривают дела, не входящие в юрисдикцию срочных судов, включая тяжкие преступления, требующие отсечения руки или смертной казни.

Комиссия судебного надзора, помимо контрольных функций, занимается апелляциями.

По мере усложнения общественной жизни в КСА и появления новых видов деятельности возникла необходимость в создании целой системы органов, занимающихся разбором различных тяжб. В том числе комиссий, занимающихся случаями взяточничества, разрешением коммерческих споров, а также трудовых конфликтов. Есть также специальные дисциплинарные комиссии, рассматривающие нарушения, совершаемые гражданскими чиновниками и военнослужащими.

Важную роль в судебной системе КСА играют специальные агентства по судебным делам, которые организуют и контролируют исполнение норм шариата на местах. Они предоставляют необходимые правовые услуги судам при рассмотре-

202

нии гражданских и уголовных дел, а также государственной нотариальной службе в деле правового обоснования контрактов, регистрации и пр.

Судебную систему возглавляет Высший судебный совет, который предлагает кандидатуры судей, утверждаемые указом короля, а также контролирует деятельность судов.

Хотя теоретически законом в Саудовской Аравии является священный шариат, это не значит, что на практике невозможно законодательство, отвечающее текущим потребностям. С 1950 г. целый ряд законов был введен королевскими декретами, регулирующими различные сферы жизни, которые по разным причинам не получили детального внимания в традиционной исламской юриспруденции или в которые XX в. внес радикальные изменения: о торговле (1954), национальности (1954), горное законодательство (1963), законы о труде и рабочих (1970), социальном обеспечении (1970), гражданской службе (1971) и др. Такие законы в Османской империи назывались «канун», в КСА они называются «низам», чтобы было ясно, что речь идет не о законодательстве, право которого принадлежит только Аллаху.

Естественно, такое законодательство не должно противоречить шариату, при вынесении решений по которому должен быть консенсус улемов.

Таким образом, в том, что касается места религиозных институтов в системе власти, Саудовское королевство все больше становится похожим на Османскую империю XIX в. Иными словами, Саудовская Аравия представляет собой не теократическую, а исламскую монархию, при которой король претендует на то, что властные полномочия он получает от народа и правит им в соответствии со священным законом. В принципе он принимает авторитет улемов в качестве интерпретаторов закона. Однако на практике он пользуется значительной свободой действий, в том числе и законодательным правом, во многих сферах жизни. Используя различные методы, он добивается от улемов тех решений, которые ему нужны.

События 1979 г., когда исламские радикалы захватили священную мечеть в Мекке и выдвинули политические требования, показали, что в саудовском обществе обостряются внутренние противоречия, разрешение которых требует осу-

203

ществления глубоких политических реформ. Значительная часть населения КСА недовольна коррупцией, особенно в правящей семье. Значительный протестный потенциал кроется в среде иммигрантов, права которых ущемляются и которые считаются гражданами второго сорта.

Еще в 1962 г. король Фейсал пообещал издать «Основной закон», который, по его словам, «определил основные принципы правления, характер отношений между правителем и подданными, организует различные власти в государстве и очертит круг обязанностей каждой из них, предоставит основные права гражданам, в том числе право на свободу выражения своего мнения в рамках исламской веры и публичной политики».

Однако это обещание не было выполнено. После убийства Фейсала в 1975 г. новый король Фахд заявил, что государство вскоре будет иметь конституцию и консультативное собрание. После событий 1979 г. в Мекке он пообещал, что в течение двух месяцев будет сформировано консультативное собрание.

Через два месяца был создан совет из 9 членов во главе с министром внутренних дел принцем Наифом ибн Абд аль-Азизом, который должен был разработать статут этого собрания. Спустя год принц Наиф объявил, что король скоро займется вопросами, связанными с созданием этого органа

В 1982 г. король Фахд ибн Абд аль-Азиз заявил о создании Консультативного совета, однако это произошло только после того, как весной 1992 г. были изданы королевские декреты, имеющие конституционное значение, в том числе и «Основы системы власти в Королевстве Саудовская Аравия».

В этом документе также говорится, что в стране «создается Консультативный совет. Его устройство, порядок исполнения полномочий и выборы членов определяет соответствующее положение. Король имеет право роспуска и реорганизации Консультативного совета».

В статье 3 Положения о Консультативном совете было сказано: «Консультативный совет состоит из председателя и 60 членов, отобранных королем из числа наиболее просвещенных, опытных и компетентных лиц. Их права, обязанности и все сопряженные с этим вопросы определяются королевским декретом». В 1994 г. состав Консультативного совета был увеличен до 90 человек. В него входят видные деятели науки, бизнеса, влиятельные государственные чиновники. Совет об-

204

ладает лишь рекомендательными функциями, однако рассматривает все основные проблемы жизни королевства. В частности, в нем обсуждаются проекты пятилетних планов экономического развития КСА, а также итоги их выполнения.

Судя по тексту «Основ системы власти в Королевстве Саудовская Аравия», в законодательном процессе участвуют Совет министров и Консультативный совет. В компетенцию законодательной власти, которую возглавляет также король, входит «разработка правовых норм и правил, отвечающих общим интересам, препятствующих проникновению зла в дела государства и соответствующих исламскому шариату» (ст. 58).

Государство Кувейт

После обретения независимости 19 июля 1961 г. впервые в стране были проведены выборы с целью избрания 20 членов Конституционной ассамблеи, которая должна была подготовить проект конституции. В 1962 г. эмир Абдаллах ас-Салем ас-Сабах одобрил представленный ему проект, ставший 11 ноября 1962 г. основным законом Государства Кувейт.

В этом документе говорится, что политический строй в Кувейте представляет собой «конституционную монархию» - «наследственный эмират семьи ас-Сабахов» (ст. 4). Правителем Кувейта, носящим официальный титул «Его величество эмир Государства Кувейт», может быть лишь прямой потомок Мубарака Ибн ас-Сабаха. Принадлежность роду Ас-Сабахов является обязательной и для

наследного принца, который назначается указом эмира с одобрения Национального собрания.

Династия Ас-Сабахов ведет свою генеалогию от Ас-Сабаха Первого, правившего в Кувейте в 1725-1756 гг.

Если в Саудовской Аравии все члены правящего семейства по мужской линии носят титул эмира, то в Кувейте - шейха, потому что в КСА главой является король, а его сыновья, братья и их потомство по мужской линии являются эмирами, т. е. принцами. В Кувейте же монарх имеет титул эмира, соответственно рангом ниже идут шейхи. Такая же система существует во всех эмиратах Залива.

Исторический опыт этой династии принципиально отличается от саудовской. Утверждение Ас-Сабахов у власти не было связано напрямую с религиозным фактором. Они не пре-

205

тендовали на родственную связь с Пророком Мухаммадом, не совершали военные походы для расширения территории своего государства.

Статус Ас-Сабахов особенно укрепился при эмире Абдаллахе ибн Сабахе ас-Сабахе (1866-1892 гг.), когда, благодаря искусному ведению дел с османскими владыками, он сумел получить титул наместника султана в Кувейте, который был частью Османской империи. В 1899 г. англичане вынудили эмира Мубарака ибн Сабаха ас-Сабаха (правил в 1896-1915 гг.) согласиться на установление британского контроля над Кувейтом.

Точное число членов семейства Ас-Сабахов по мужской линии неизвестно. По оценкам, оно колеблется в пределах 1 тыс. чел. С 3 декабря 1977 г. эмиром Кувейта является Джабир аль-Ахмад аль-Джабир ас-Сабах.

Статья 52 Конституции Государства Кувейт гласит: «Исполнительная власть принадлежит эмиру и Совету министров. Эмир осуществляет свою власть через Совет министров. Он назначает премьер-министра и его кабинет, которые несут перед главой государства коллективную и личную ответственность за политику государства и работу министров. Министры также подотчетны Национальному собранию».

Правительство определяет внутреннюю и внешнюю политику страны и обеспечивает ее проведение в жизнь. Отставка премьер-министра осуществляется декретом эмира и влечет за собой отставку кабинета. Отставка члена кабинета производится по его личной просьбе или по требованию не менее 10 депутатов.

Ключевые посты в Совете министров - премьер-министра (эту должность, как правило, занимает наследный принц) и глав важнейших министерств - занимают члены правящей династии.

С 1978 г. пост премьер-министра занимает Саад Абдаллах ас-Салим (с 2006 г. - глава государства). Он - выпускник известного военного училища Сэндхерст в Англии, был министром обороны в течение 17 лет - с 1961 г.

Нынешнее правительство Государства Кувейт сформировано в июле 1999 г. Всего в нем 15 министров. Члены семьи Ас-Сабахов заняли посты первого заместителя премьера, министра иностранных дел, заместителя премьера и министра

206

обороны, министра внутренних дел, министра нефти и министра финансов.

Во всех четырех провинциях и в крупных городах страны функционируют местные органы власти, которые находятся под прямым контролем правительства. Во главе каждой провинции стоит назначаемый эмиром и утверждаемый Национальным собранием губернатор (как правило, также представитель правящей династии), который имеет соответствующий чиновничий аппарат.

Муниципальные советы избираются, а председатели советов и их заместители назначаются правительством.

Органы власти в деревнях во главе со старостами (мухтарамы) избираются местными жителями. Старосты в своей должности утверждаются правительством, так как являются государственными служащими.

Правительство Кувейта утверждает стоящих во главе кочевых племен шейхов. Фактически должность шейха является пожизненной и передается по наследству.

«Система правления в Кувейте - демократическая, суверенитет принадлежит народу (аль-умме)-источнику всех властей» (ст. 6 конституции). В статье 50 конституции говорится, что система правления в Кувейте опирается на принцип разделения властей. «Законодательная власть принадлежит эмиру и Национальному собранию (Маджлис аль-умма)» (ст. 51). Без одобрения Национального собрания (НС) не может быть обнародован ни один закон. Но глава государства пользуется широчайшими полномочиями. Он утверждает все законы. Если эмир потребует пересмотра закона, уже одобренного НС, то последнее обязано подчиниться. В этом случае закон вторично обсуждается в НС, а затем поступает к эмиру, который обязан утвердить и опубликовать его в течение 30 дней.

Кувейтские историки утверждают, что идеи представительной власти в их стране начали пробивать себе дорогу еще в начале 20-х годов XX в., когда при эмире был сформирован первый Консультативный совет (Маджлис аш-шура), состоявший из 12 весьма уважаемых в стране людей. В 1938 г. было сформировано Законодательное собрание, сходное по своим функциям с современным парламентом. Однако этот орган просуществовал всего 6 месяцев.

207

Согласно конституции, однопалатный парламент- Национальное собрание- состоит из 50 депутатов, избираемых всеобщим, прямым и тайным голосованием. Председатель парламента избирается на первой сессии нового состава из числа депутатов. Срок полномочий НС определен в 4 года, но может быть и

продлен в законодательном порядке. Кворум для проведения заседания НС составляет не менее половины депутатов. Решения принимаются абсолютным большинством присутствующих.

Избирательным правом в Кувейте пользуются только мужчины. В выборах могут участвовать граждане Кувейта, имеющие такой статус в течение не менее 30 лет или въехавшие в страну до 1920 г., а также их дети мужского пола в возрасте 21 года и старше.

В результате в выборах в первый состав Национального собрания, которые состоялись 22 января 1962 г., имели право принять участие менее 10% тогдашнего народонаселения Кувейта.

Конституция страны не позволяет формировать правительство, в котором нет хотя бы одного члена НС. Кувейтский парламент имеет право обсуждать программу Совета министров, деятельность председателя правительства и других министров, *выяснять позицию правительства по тем или иным вопросам*, выработать рекомендации правительству, утверждать бюджет страны и т. д. Позиция НС учитывается при определении состава правительства. Так, в правительстве, сформированном в 1999 г., министром финансов стал шейх Ахмад Абдаллах ас-Сабах вместо занимавшего этот пост шейха Али ас-Салима ас-Сабаха, который подвергся резкой критике в парламенте.

Эмир обладает правом распустить Национальное собрание. За всю историю независимого Кувейта это случалось трижды. Впервые это произошло 29 августа 1976 г. в результате резких разногласий между НС и правительством. Парламентская система в стране была восстановлена только в 1981 г., когда был избран новый состав парламента.

3 июля 1986 г. указом эмира парламент был снова распущен. Свое решение эмир объяснил неразрешимыми противоречиями между парламентом и правительством, возникшими в обстановке «иностранных заговоров, поставивших под угрозу жизнь населения и богатство страны».

208

22 апреля 1990 г. был опубликован указ эмира о том, что будет избран Национальный совет (Аль-Маджлис аль-ватани), который, как было объявлено, «будет лишен недостатков Национального собрания и призван укрепить национальное единство».

10 июня 1990 г. состоялись выборы в новый совет, который начал работу 9 июля 1990 г. Но его работа была прервана нападением Ирака в августе 1990 г.

2 июня 1991 г. эмир распустил Национальный совет, а 27 августа того же года издал указ о восстановлении Национального собрания (НС), выборы в которое состоялись 5 октября 1992 г.

20 октября 1996 г. начал свою работу новый состав НС. Чтобы сблизить позиции законодательной и исполнительной властей, в состав правительства были введены 4 депутата НС. Тем не менее напряжение между ветвями власти сохранилось, что привело к отставке правительства 16 марта 1998 г.

Новый кабинет был сформирован 22 марта 1998 г. Однако в результате скандала, связанного с некоторыми ошибками, допущенными при публикации Корана и ряда других религиозных изданий, а также в связи с запросами депутатов по этому поводу к правительству, эмир принял решение распустить парламент и назначить дату новых выборов, которые и состоялись 3 июля 1999 г.

16 мая 1999 г. эмир принял решение предоставить женщинам-гражданкам Кувейта активное и пассивное избирательное право, начиная с 2003 г., когда состоятся очередные выборы НС.

25 мая 1999 г. был издан указ о внесении изменений в избирательное законодательство, расширяющих контингент избирателей в НС. Теперь эта статья имеет следующую формулировку: «Каждый кувейтеец, достигший 21 года по христианскому календарю, имеет полное избирательное право, за исключением иммигрантов, которые получили гражданство менее чем за 20 лет до этого».

Хотя политические партии в Кувейте запрещены, несколько политических групп (Исламское конституционное движение, Группа салафитов, Демократическая трибуна, Исламское шиитское движение и др.) действуют как партии де-факто, проявляя свою активность в основном в период выборов.

209

Выборы в Национальное собрание, а также муниципальные выборы проходят, как правило, в обстановке острой борьбы. В местных СМИ сообщается о подкупе избирателей и других нарушениях в ходе предвыборной кампании. Борьба идет между различными блоками, которые создаются на племенной основе в различных избирательных округах страны. Имеют место случаи «черного» пиара, когда распускаются слухи, порочащие отдельных кандидатов. Дело доходит до того, что сжигаются штаб-квартиры кандидатов, разрушаются их агитационные сооружения. Особенно часто это происходит вне столицы страны, где борьбу ведут представители различных племен.

Конституция страны гарантирует свободу печати и публикаций в соответствии с условиями и нормами, предусмотренными законом (ст. 37), а также право граждан на частные собрания без разрешения и предварительного оповещения властей; полиции не разрешается присутствовать на подобных собраниях (ст. 44).

Конституция узаконила право на создание в стране профсоюзов. В конце 1964 г. НС утвердило новое рабочее законодательство, которое разрешало учреждать профсоюзы по производственному принципу, а также предусматривало их объединение и возможность представительства в международных профорганизациях. Профсоюзы, объединенные в единый национальный профсоюзный центр-Федерацию профсоюзов Кувейта, играют важную роль в политической жизни страны.

Власти в целом поощряют активное вовлечение женщин во все сферы общественной жизни, кроме политической.

Статья 2 конституции гласит: «Ислам- государственная религия, шариат - один из основных

источников законодательства». Религиозная ситуация в Кувейте, однако, весьма сложная. Наряду с мусульманами-суннитами, в стране довольно много мусульман-шиитов. Кроме того, в стране довольно много приверженцев других религий (85% населения Кувейта составляют мусульмане, в том числе сунниты - 45%, шииты - 40%).

Кувейт, в противоположность Саудовской Аравии, всегда отличался веротерпимостью. В конституции страны записано: «Гражданам гарантируется свобода совести. Государство защищает свободу вероисповедания в соответствии с принятыми обычаями, если она не противоречит государственной политике и морали» (ст. 35).

210

Это обстоятельство наложило свой отпечаток на судебную систему в Кувейте. Судопроизводство в Кувейте при рассмотрении ряда гражданских дел, касающихся мусульман, опирается на шариат, остальные дела рассматриваются в рамках светского права, что вызывает серьезные возражения у исламистов, которые настаивают на том, чтобы вся общественная жизнь в стране, в том числе и судопроизводство, подчинялась только нормам шариата.

Низшей судебной инстанцией является суд первой ступени. Он объединяет судебные учреждения, правомочные рассматривать гражданские, уголовные дела, бытовые нарушения. Причем каждое судебное учреждение имеет отделения для рассмотрения дел мусульман-суннитов, мусульман-шиитов, немусульман и смешанных дел.

Высшей судебной инстанцией является Апелляционный суд, подразделяющийся на суд по уголовным делам и суд по гражданским делам.

В конституции (ст. 163) говорится: «Судья при вынесении решения не подчиняется никакой власти. Закон обеспечивает независимость суда». Прокуратура имеет право возбуждать дело, осуществлять судебный надзор за судами и контроль за выполнением кодексов и судебных решений. Вне компетенции прокуратуры находятся только дела, рассматриваемые органами государственной безопасности.

Общий надзор за работой судов по конституции возлагается на Высший совет. Существует также особый Государственный совет, который занимается вопросами административного судопроизводства и проблемами религиозно-юридического характера.

Королевство Бахрейн

Правящее в Бахрейне семейство Ааль Халифа имеет ода-ленные кровнородственные связи с кувейтской и саудовской правящими династиями. Основателем династии считается Ахмад Ибн Халифа, который вместе со своими соплеменниками перебрался в Бахрейн с западного побережья полуострова Катар и в 1783 г. изгнал персов со всей территории архипелага. Шейх Иса Ибн Али Ааль Халифа, пришедший к власти в 1869 г., ввел обычай, согласно которому наследным принцем становится старший сын правителя.

211

В 1971 г., когда Бахрейн приобрел независимость, шейх Иса Ибн Сальман Ааль Халифа, ставший правителем страны в 1961 г., принял титул эмира. В марте 1999 г. трон был унаследован его сыном Хамадом, который назначил наследным принцем своего сына шейха Сальмана.

В настоящее время семейство Ааль Халифа насчитывает, по некоторым оценкам, около 3 тыс. чел.

В 1972 г. была избрана Конституционная ассамблея, принявшая в 1973 г. первую Конституцию Бахрейна, вступившую в силу 3 декабря 1973 г. В основу правовой системы страны было положено британское обычное право с элементами шариата.

В соответствии с Основным законом в стране устанавливалась конституционная монархия. Во главе государства находится эмир - один из представителей клана Ааль Халифа. Наследный принц назначается указом эмира. Монарх назначает также председателя правительства (в настоящее время правительство возглавляет наследный принц) и состав кабинета министров, который является исполнительной властью.

Правительство состоит из 14 министров. Ключевые министерства (внутренних дел, обороны, иностранных дел и финансов) возглавляют, как правило, члены правящей династии.

В Бахрейне первые требования о создании законодательного органа были выдвинуты еще в 1938 г. В 50-е годы имело место заметное усиление политической агитации, которая выросла из суннитско-шиитских противоречий и трудовых споров. В Бахрейне появилась первая политическая партия в Заливе. В 1956 г. был сформирован Консультативный совет при правителе Бахрейна, а в 1970 г. - правительство. В том же году прошли выборы в Национальное собрание - законодательный орган.

В конституции провозглашался принцип разделения властей: было предусмотрено существование трех ветвей власти, где законодательную функцию должны были выполнять эмир и Национальное собрание (парламент). «Закон может быть издан только после того, как он будет утвержден Национальным собранием и одобрен эмиром», - гласила статья 42.

Бахрейнский парламент, приступивший к работе в декабре 1973 г., состоял из 30 депутатов, избранных населением в результате прямого тайного голосования, и 14 назначенных мо-

212

нархом. По конституции ему предоставлялось право контроля за правительством.

В парламенте были представлены основные политические силы того времени, в том числе Народный блок, возникший по инициативе Фронта национального освобождения Бахрейна. Левая фракция выступала в поддержку требований трудящихся, выдвигаемых на многочисленных митингах и забастовках в 1974-1975 гг. В обстановке усиливающейся политической нестабильности в стране правительство внесло в

парламент проект закона о национальной безопасности, существенно расширявший полномочия исполнительной власти и ущемлявший демократические свободы. Однако парламент отверг этот проект, и премьер-министр обратился к эмиру с просьбой принять отставку правительства на том основании, что Национальное собрание блокирует его работу.

26 августа 1975 г. эмир отправил правительство в отставку и распустил парламент, наделив законодательными функциями вновь сформированное правительство, которое сразу же ввело в стране чрезвычайное положение.

Спустя 17 лет эмир издал декрет №9, которым вместо парламента учреждался Консультативный совет, назначаемый эмиром, наделенный сугубо консультативными функциями.

После смерти эмира шейха Исы Ибн Сальмана Ааль Халифы 6 марта 1999 г. главой государства стал его сын Хамад ибн Иса Ааль Халифа. Он сразу же отменил чрезвычайное законодательство, действовавшее с 1975 г., выпустил на свободу политических заключенных, разрешил возвратиться на родину высланным деятелям оппозиции и вступил с нею в диалог. Было разрешено создание политических партий.

В феврале 2001 г. на всенародном референдуме была одобрена «Хартия национального действия», которая провозглашала Бахрейн королевством и вносила поправки в Конституцию 1973 г. Как заявил наследный принц, председатель правительства шейх Сальман Ибн Хамад Аль Халифа, «Бахрейн принял за образец американскую модель, которая предполагает диалог между народом и властью». Хартия предусматривает предоставление бахрейнцам основных гражданских прав и свобод, восстановление выборного парламента, учреждение независимых судебных инстанций и т. д.

213

В референдуме приняли участие 98,4% подданных, имеющих право голоса, в том числе женщины, которым были предоставлены избирательные права наравне с мужчинами.

По итогам референдума шейх Хамад ибн Иса Ааль Халифа провозгласил Бахрейн королевством и выразил надежду на «гармоничное сосуществование» демократии с королевским режимом.

14 февраля 2002 г. была опубликована новая Конституция, в которой, по сравнению с Конституцией 1973 г., полномочия законодательной власти существенно урезались в том, что касается контроля за действиями исполнительной власти. В частности, контроль за финансами переходил в ведение монарха, несколько ограничивались полномочия парламентариев в выдвижении проектов законов. Появились новые статьи, предоставляющие королю право издавать указы, в том числе касающиеся сферы экономики, имеющие силу законов, даже если с ними не согласны парламентарии.

В соответствии с новой конституцией, законодательным органом должно стать Национальное собрание, состоящее из Совета депутатов (Маджлис ан-нийаби) в составе 40 человек, из которых 37 избираются общим тайным голосованием, а три члена назначаются указом короля, и Консультативного совета (Маджлис аш-шура), состоящего также из 40 человек, но назначаемых указом короля. Председателя Консультативного совета назначает король своим указом, а председателя Совета депутатов - избирают депутаты из своего состава.

Согласно Конституции Бахрейна, парламент имеет право заслушать любого министра, если этого потребуют по крайней мере 5 депутатов (ст. 65), поставить вопрос о доверии министру, если этого потребуют 10 депутатов (ст. 66). Однако статья 67 запрещает постановку вопроса о доверии председателю правительства.

Законопроекты, поступающие в Национальное собрание, рассматриваются сначала в Совете депутатов, а затем передаются в Совет шуры. Если согласие не достигается, то собираются обе палаты вместе под председательством главы Совета шуры.

В этих положениях нового Основного закона государства представители политической оппозиции усмотрели противоречие содержанию «Хартии национального действия», в которой говорилось, что наряду с избираемым Советом, имеющим

214

законодательные функции, будет создан Консультативный совет, включающий в себя «опытных людей и специалистов», которые будут выступать только в качестве консультантов. Согласно же Конституции 2002 г., эти два Совета равны не только по численности, но и по функциям. В результате Консультативный совет «сможет заблокировать любой закон, который не устраивает правительство», считает оппозиция.

В ст. 23 конституции говорится, что каждый бахреинец «имеет право выражать свое мнение публично в устной или печатной форме в соответствии с условиями, которые определяет закон, не затрагивая, однако, при этом основ исламской веры, единства народа, что может вызвать раздоры и межконфессиональные противоречия». Разрешено создание политических объединений (джамаат). В 2002 г. было зарегистрировано 12 таких объединений.

В мае того же года впервые в стране были проведены муниципальные выборы, в которых приняли участие все политические организации, а в октябре - выборы в Национальное собрание.

Последние выборы в парламент проходили под лозунгом «Новый этап в национальном действии», в основе которого лежат «демократия, господство закона, порядка, предоставление большей роли институтам гражданского общества в модернизации».

«Мы пытаемся строить новую политическую культуру», - заявил один из политических деятелей Бахрейна. Он считает, что правительство проявило гибкость, учитывая потребность бахрейнцев в

самоорганизации, разрешив политическим обществам участвовать в предвыборной кампании, хотя и на индивидуальной основе. Этот деятель сообщил также о том, что было подготовлено 250 бахрейнцев для контроля за проведением выборов. В их подготовке участвовали ливанцы, иорданцы, марокканцы, ирландцы и американцы.

Судебная система в Бахрейне по своей структуре и функциям во многом схожа с судебной системой, существующей в Кувейте. Возглавляет эту систему Высший гражданский апелляционный суд.

Государство Катар

До обретения независимости политическая система катарского общества представляла весьма простую структуру:

215

шейх - правитель в городе, а более мелкие шейхи - правители в сельской местности. Они разрешали споры, выносили судебные решения. Власть осуществлялась на основе племенного права.

Основателем Эмирата Катар считается шейх Джасим Ааль Тани. Окончательно клан Ааль Тани утвердился в качестве правящего в Катаре после того, как в конце XIX в. катарцам удалось нанести поражение османской морской экспедиции, а затем уйти под протекторат Великобритании. В 1916 г. шейх Абдаллах Ибн Касим был признан британцами в качестве правителя Катара, что похоронило притязания на него со стороны бахрейнской династии Ааль Халифа, предки которой, как отмечалось выше, откочевали из Катара.

Непродолжительная история Катара насчитывает всего шесть правителей. Важной чертой династии Ааль Тани всегда считалась приверженность ваххабизму, хотя это обстоятельство сыграло меньшую роль в политическом развитии Катара, чем КСА, ввиду иной религиозной ситуации в этом государстве.

По утверждению специалистов, численность клана Ааль Тани составляла в середине 80-х годов около 20 тыс. чел.

Первая Временная конституция Катара была опубликована в 1970 г., т. е. еще до того, как Катар получил независимость. В 1972 г., когда власть в стране захватил шейх Халифа Бен Хамад Ааль Тани, в нее были внесены некоторые поправки.

Статья первая Временной исправленной конституции гласит: «Катар- независимое суверенное государство, его религия - ислам, исламский шариат - основной источник его законодательства, система правления в нем- демократическая, официальный язык - арабский, его народ - часть арабской уммы, все его граждане равны в правах и обязанностях, без какой-либо дискриминации на основе расы, пола или религии».

Эмир является главой исполнительной и законодательной ветвей власти. «В качестве главы Совета министров он возглавляет правительство, контролируя и координируя деятельность министерств» (ст. 33).

В ст. 34 говорится, что Совет министров руководит внутренними и внешними делами государства, он разрабатывает полный план экономического, социального и административного развития. Совет министров состоит из 14 человек. Первый Совет министров был образован 1 июня 1971 г. Основные

216

министерские посты традиционно занимают члены правящей династии.

Во Временной конституции 1970 г. (ст. 43) говорилось: «Должен быть сформирован Консультативный совет, который путем высказывания своего мнения обязан помогать Правителю и Совету министров в выполнении их соответствующих обязанностей...» Наряду с входящими по должности в состав Консультативного совета министрами, а также тремя членами, назначаемыми эмиром, двадцать членов должны были избираться. Однако эта система на практике так и не заработала.

Скорректированная в 1972 г. Временная конституция предусматривала, что численность Консультативного совета должна составлять 20 чел., которые назначаются указом эмира (ст. 41). Монарху предоставлялось также право назначать еще 4-х чел., если в этом возникает необходимость. В 1972 г. был сформирован первый Консультативный совет.

Консультативный совет, согласно ст. 40 Временной исправленной конституции, обсуждает все аспекты общественной жизни, а также бюджет государства, и высказывает свои рекомендации.

Проекты законов и указов, предлагаемые Советом министров, передаются на рассмотрение Консультативному совету. Только после этого они поступают к эмиру.

Декрет №10 от 1975 г. установил срок полномочий Консультативного совета 6 лет, а количество его членов увеличилось до 30 чел., назначаемых эмиром. В 1979 г. был утвержден новый внутренний регламент Консультативного совета, который также предусматривал назначение всех его членов.

В 1995 г. старший сын эмира наследный принц Хамад осуществил государственный переворот, что знаменовало собой переход власти к новому поколению, которое в меньшей степени, чем предшествующее, придерживается традиционалистских взглядов. Новый эмир настоял на внесении в конституцию следующей поправки: «Власть в государстве- наследственная по линии семейства Ааль Тани. Она переходит от отца к одному из его сыновей. Если же у него нет сыновей, то власть передается по выбору эмира одному из членов семейства Ааль Тани. Эмир назначает наследника престола своим указом».

Были предприняты некоторые шаги, направленные на наведение порядка в органах исполнительной власти, на усиле-

217

ние координации их деятельности. Так, в декабре 1999 г. был сформирован Высший комитет

координации и контроля во главе с наследным принцем, который должен изучать проекты, предлагаемые соответствующими министерствами, и осуществлять координацию действий этих министерств по реализации этих проектов.

Изменения затронули и Консультативный совет. В тексте Временной конституции в новой редакции (1996 г.) сказано: «Образуется Консультативный совет для того, чтобы доводить свое мнение до эмира и Совета министров при выполнении ими своих обязанностей. Консультативный совет состоит из 35 членов, назначаемых эмирским указом. Монарху предоставляется право назначать дополнительное неограниченное число членов, если он сочтет это необходимым для пользы дела».

Не имея парламента, эмир Хамад решил в качестве эксперимента образовать представительный Центральный муниципальный совет. Согласно изданному в 1998 г. положению о выборах в этот совет, катарские женщины наделяются пассивными и активными правами участия в выборах. Совет был избран в марте 1999 г. Женщин, правда, в нем нет.

Выборы в Центральный муниципальный совет были расценены наблюдателями как историческое событие для Катара, знаменующее собой первый шаг в сторону демократизации общественной жизни в стране.

16 ноября 1998 г. эмир Катара шейх Хамад Ибн Халифа Ааль Тани заявил о своем намерении создать комиссию для подготовки конституции, «среди основных статей которой будет формирование или создание избираемого совета из народа путем прямых выборов».

В июле 1999 г. указом эмира такая комиссия была создана. На нее возложена задача «подготовить проект постоянной конституции страны, которая соответствовала бы достижениям Государства Катар и отвечала бы устремлениям и надеждам, связанным с наступлением нового века». В эту комиссию вошли 6 членов правящей фамилии, в том числе министр иностранных дел и руководитель радио и телевидения в стране, а также нынешние и бывшие министры, видные юристы, религиозные деятели - всего 32 чел.

Перед комиссией была поставлена задача в течение 3 лет разработать проект Постоянной конституции.

218

На презентации комиссии эмир сказал: «Наша конституция должна строиться на наших арабских традициях, принципах нашей исламской религии. В ней должны быть выражены наши стратегические цели с учетом нашей принадлежности к региону Залива, арабскому и исламскому миру... История дает нам уроки, доказывающие, что народы, которые вооружены наукой и знаниями, внедрили демократию и уважают права человека, могут противостоять вызовам и трудностям, построить общество, взявшее в качестве своей программы свободу и ответственность при строительстве своих институтов».

В начале июля 2002 г. состоялось торжественное вручение проекта Постоянной конституции эмиру Катара. Шейх Хамад бен Халифа Ааль Тани при этом подчеркнул, что «конституция закладывает основы общества, организует ветви власти государства, воплощает народное участие, гарантирует права и свободы сынов отечества... Она опирается на принципы нашей исламской религии и наследие наших предков, поскольку ее статьи отражают цивилизационное понимание нашей идентичности, которой мы дорожим».

Председатель комиссии по разработке проекта Постоянной конституции д-р Аль-Халифи сообщил, что первая глава новой конституции гласит: «Государство Катар - арабское, исламское, его религия - ислам. Шариат является одним из основных источников законодательства. Катар неотделим от арабской уммы и от международного сообщества». Он также подтвердил информацию о том, что новая конституция закрепляет разделение трех ветвей власти, определяя право избранного Консультативного совета делать запросы министрам и наказывать их, при этом эмиру предоставляется право распускать парламент. Кроме того, она предписывает независимость судов. «Конституция, - сказал Аль-Халифи, - разграничивает исполнительную власть во главе с эмиром, которому помогает Совет министров, а также законодательную и судебную власти... Судебная власть является независимой, над ней нет другой власти, кроме закона; все люди равны перед законом в своих правах и обязанностях; справедливость - основа собственности». Он добавил также, что конституция «уравнивает граждан и прочих (имеются в виду иммигранты) перед законом», а также предоставляет женщинам право участвовать в выборах и быть избранными.

219

Аль-Халифи сообщил, кроме того, что 30 из 45 членов Консультативного совета будут избираться прямым тайным голосованием на общих выборах. Остальные будут назначаться указом эмира. Срок полномочий этого Совета - 4 года.

По словам Аль-Халифи, в новой конституции отдано предпочтение однопалатному парламенту, а не двухпалатному (как в ряде других стран), потому, что население страны невелико, а также потому, что «эмир пожелал, чтобы Совет был законодательным демократическим Советом». Проект конституции обеспечивает «многочисленные общие свободы: собраний, создания ассоциаций, прессы, печати, мнений и научных исследований, исповедания культов и идей», - сообщил председатель конституционной комиссии. Однако в нем ничего не говорится о многопартийности в стране, т. е. создание политических партий в Катаре будет по-прежнему запрещено.

Конституцию нельзя изменять в течение десяти лет. Внесение же изменений в конституцию должно осуществляться при согласии 2/3 членов совета, а также эмира.

Государство Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)

Готовясь к своему уходу, англичане постарались обеспечить свое политическое влияние в этом

регионе и в будущем. С этой целью они поддерживали лояльных им правителей, а также подготовили создание в 1971 г. федеративного государства, в которое вошли эмираты (Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Умм-аль-Кайвайн, Аджман и Фуджайра), составлявшие так называемый Договорный Оман - протекторат Великобритании. Это государство получило название Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). В феврале 1972 г. к нему присоединился еще один эмират - Рас-аль-Хайма.

Каждый из эмиратов, составивших новое государство, находится под управлением семейств, власть которых опирается на поддержку племенных конфедераций.

Правящее в эмирате Абу-Даби семейство Ааль Нахаян прослеживает свою генеалогию вплоть до начала XVII в., утверждая, что уже тогда шейхом Абу-Даби был основоположник их династии. С 1966 г. по настоящее время эмиром является шейх Заид Ибн Султан Ааль Нахаян. Поскольку Абу-

220

Даби - самый крупный и богатый эмират, его глава бессменно с 1971 г. является президентом ОАЭ. Наследником престола назначен его сын Халифа.

Семейство Ааль Мактумов стало правящим в Дубае еще в 1833 г. Правитель Дубая шейх Рашид Ибн Саид (1958— 1990 гг.) ввел Дубай в состав ОАЭ. После его смерти в 1990 г. эмиром был провозглашен его старший сын Мактум Ибн Рашид. Одновременно он занял пост премьер-министра ОАЭ. Наследным принцем объявлен не его сын, а брат - шейх Мухаммад Ибн Рашид, который одновременно является министром обороны ОАЭ.

Эмираты Рас-аль-Хайма и Шарджа управлялись с 1803 по 1866 гг. шейхом Султаном Ибн Ааль Касими. После его смерти эмират Рас-аль-Хайма отделился от Шарджи. В настоящее время Рас-аль-Хайма возглавляется шейхом Сакром Ибн Мухаммадом из рода Ааль Касими, наследником которого является его сын Халид Ибн Сакр.

Эмиром Шарджи с 1972 г. является шейх Султан Ибн Мухаммад.

Династия Ааль Мулла правит Умм-аль-Кайвайн с 1820 г., когда этот эмират стал британским протекторатом. С 1981 г. его главой является шейх Рашид Ибн Мухаммад Ааль Мулла.

Эмиром карликового эмирата Аджман с 1981 г. является шейх Хумайд Ибн Рашид Ааль Нуайми.

Нынешний правитель эмирата Фуджейра шейх Хамад Ибн Мухаммад (с 1975 г.) является вторым официальным эмиром.

Государство ОАЭ создавалось прежде всего как экономический и таможенный союз эмиратов (см. ст. 11 Временной Конституции 1971 г.). Предполагалась постепенная унификация законодательства с целью укрепления этого союза. В дальнейшем произошло углубление интеграции в рамках ОАЭ, и в настоящее время эмираты делегируют федеральным органам решение вопросов внешней политики, обороны и вооруженных сил, внутренней безопасности, финансов, электроэнергетики, образования, здравоохранения и др.

Институтами власти ОАЭ являются: Высший совет Федерации, Председатель Федерации и его заместитель, Совет министров Федерации, Федеральный национальный совет и Федеральный суд.

221

Верховным органом власти в ОАЭ, говорится в ст. 46 конституции, является Высший совет, «состоящий из правителей (либо их заместителей в случае их отсутствия) всех эмиратов, образующих Союз». Высший совет занимается выработкой общей политики во всех сферах, входящих в компетенцию федеральных органов, утверждает федеральные законы, в том числе ежегодный бюджет ОАЭ, ратифицирует международные соглашения и договоры, по предложению председателя Высшего совета утверждает назначение на должность председателя Совета министров ОАЭ и снятие его с этой должности, утверждает председателя и членов Федерального Верховного суда, а также принимает их отставку, осуществляет общий контроль за делами Федерации и выполняет другие функции в рамках конституции.

Высший совет собирается на свои заседания немедленно по требованию даже одного из его членов. Решения принимаются большинством в 5 голосов членов при условии, что в это большинство входят голоса Абу-Даби и Дубая. Меньшинство подчиняется решению большинства. Каждый эмират имеет один голос.

При Высшем совете создается Генеральный секретариат, занимающийся текущей работой.

Члены Высшего совета избирают Председателя Совета и его заместителя на срок 5 лет. Председатель Высшего совета ведет его заседания, а также при необходимости созывает совместное заседание Высшего совета и Совета министров ОАЭ. Он подписывает федеральные решения, законы и декреты, международные соглашения и договоры, а также представляет ОАЭ за рубежом.

Председатель Высшего совета после согласования с остальными его членами назначает председателя правительства и освобождает его от занимаемой должности. По предложению председателя Совета министров он назначает заместителя председателя Совета министров и министров, а также отправляет их в отставку.

Институтом исполнительной власти ОАЭ является Совет министров Федерации, который под контролем Высшего совета и его председателя занимается всеми внутренними и внешними делами Федерации. Он вносит проекты декретов и законов, а также проекты ежегодных бюджетов ОАЭ. Кроме того,

222

он контролирует исполнение решений федеральных судов, международных соглашений и договоров после их ратификации.

В Федеральное правительство ОАЭ входит 11 министров.

Ст. 68 Конституции ОАЭ предписывает создание Федеративного национального собрания (ФНС) из 34 представителей эмиратов: по 8 - от Абу-Даби и Дубая, 6 - от Шарджи и по 4 -от каждого из остальных эмиратов. Способ выбора представителей в ФНС оставляется на усмотрение каждого эмирата при условии, чтобы эти представители были гражданами соответствующих эмиратов, в возрасте не моложе 25 лет, не были судимы и являлись «достаточно грамотными». Не допускается совмещение членства в ФНС с министерским постом или какой-либо должностью в федеральных органах. Срок пребывания в членах ФНС - 2 года. По истечении этого срока данный член ФНС может быть вновь выбран на эту должность. Практически члены ФНС назначаются правителями эмиратов с учетом мнений своего ближайшего окружения из числа местной знати и улемов.

На свои сессии ФНС собирается раз в год в соответствии с указом председателя Высшего совета ОАЭ. Продолжительность ежегодной сессии ФНС не менее 6 месяцев. Допускается созыв ФНС на внеочередные сессии после согласования с председателем Высшего совета.

Бюро ФНС, состоящее из председателя, двух его заместителей и двух наблюдателей, избирается самими членами ФНС на весь срок полномочий Совета. ФНС имеет также свой секретариат.

Председатель Федерации с согласия Высшего совета Федерации может распустить ФНС и назначить сессию нового состава Собрания.

Конституция (ст. 89-92) наделяет ФНС консультативными функциями. ФНС может согласиться с проектами, обсуждаемыми в Высшем совете Федерации, вносить в них поправки или даже отклонить их. Однако Высший совет Федерации при вынесении своего решения по тому или иному проекту может проигнорировать мнение ФНС.

Если члены ФНС высказывают какие-то рекомендации по проектам законов, то председатель правительства обязан довести их до сведения Высшего совета Федерации. Правительство представляет на заседаниях ФНС сам председатель правитель-

223

ства или его заместитель, или, в крайнем случае, один из министров.

Судебная система ОАЭ состоит из Высшего федерального суда и федеральных судов первой инстанции.

Состав Высшего федерального суда включает в себя председателя и судей (не более пяти), назначаемых указом председателя Федерации с согласия Высшего совета Федерации. Срок пребывания председателя Высшего федерального суда и его членов в своих должностях не ограничивается. Основанием для освобождения их от занимаемых должностей, что входит в компетенцию только Высшего совета Федерации, может быть уход на пенсию, добровольная отставка либо нарушение закона.

Высший федеральный суд выполняет функции Конституционного суда, а также рассматривает дела, связанные с нарушениями закона, допускаемыми чиновниками федерального уровня, преступлениями, затрагивающими вопросы безопасности государства, и др. Решения Высшего федерального суда окончательны.

Федеральные суды выступают в качестве апелляционных судов по решениям местных судов, касающимся гражданских, уголовных и коммерческих дел. Причем решения федеральных судов в этих случаях являются окончательными.

На основании представления министра юстиции и согласия членов специальной комиссии, которых назначает Совет министров ОАЭ, Председатель Федерации может отменить или смягчить решения федеральных судов до вступления их в силу.

Генеральный прокурор Федерации назначается специальным федеральным указом с согласия Совета министров. Ему помогают несколько членов прокуратуры.

Положения Конституции Федерации, говорится в ст. 151, имеют приоритет над положениями конституций эмиратов-членов ОАЭ. Федеральные законы, принимаемые на ее основе, имеют верховенство над законами и решениями, принимаемыми властями эмиратов.

В эмиратах-членах Федерации продолжают действовать все законы, указы и распоряжения, изданные до принятия Конституции ОАЭ, кроме тех, которые изменены или отменены в соответствии с положениями данной Конституции. Они могут принимать необходимое законодательство при условии, что оно не вступает в противоречие с Конституцией.

224

Эмираты-члены Федерации имеют право создавать свои вооруженные силы, способные войти в оборонительную систему Федерации при наличии внешней угрозы. Каждый член Федерации при необходимости имеет право просить помощи со стороны федеральных вооруженных сил.

Члены Федерации обязаны ежегодно отчислять часть своих доходов в бюджет Федерации в соответствии с федеральным законом о бюджете.

Султанат Оман

Султан Омана- Кабус ибн Саид Ааль Саид- восьмой правитель Омана в династии Ааль Бу Саид, начало которой положил имам Ахмад Ибн Саид в 1744 г., создавший обширную империю, включавшую в себя не только Маскат и внутренние районы Омана, но и Занзибар в Африке. После смерти этого правителя империя распалась.

Прибрежная часть со столицей в Маскате управлялась сейидом, а внутренняя- ибадитским имамом. Впоследствии правители Маската стали называть себя султанами. Воссоединение прибрежной и внутренней

частей произошло только при нынешнем султানে Кабусе, пришедшем к власти в 1970 г. Правящая семья Ааль Бу Саид относительно невелика по численности - менее ста человек мужского пола.

Традиционно большинство населения Омана ведет оседлый образ жизни. Во внутренних районах страны проживают представители одной из шиитских сект (ибадиты). В прибрежных городах и селениях большинство жителей составляют мусульмане-сунниты. В этническом отношении население Омана представляет собой довольно пеструю картину, так как здесь традиционно живут выходцы из Ирана, Индийского субконтинента, а также из Африки.

Оман - абсолютная монархия. Султан обладает всей полнотой законодательной и исполнительной власти. Это нашло отражение в «Базовом статуте государства» - первой конституции государства, дарованной султаном своим подданным в 1996 г. В ст. 5 этого документа говорится о том, что в государстве «система правления - султанская (монархическая)». Власть будет наследоваться по мужской линии потомками сейида Турки Ибн Саида Ибн Султана. Кандидатура нового

225

монарха должна быть определена в течение трех дней после того, как трон станет вакантным.

Официальная пропаганда Султаната Омана подчеркивает, что с того момента, как в 1970 г. к власти пришел нынешний султан Кабус ибн Саид, социально-экономическое развитие страны существенно ускорилося. Что, в принципе, соответствует действительности. Значительно повысился общий уровень жизни населения, достигнуты заметные успехи в сфере экономики, практически на пустом месте созданы системы образования, здравоохранения и т. д.

Наряду с этим в Омани интенсивно создаются новые структуры и институты, которые внесли существенные изменения в организацию политической и общественной жизни страны, способствуя решению вопросов политической мобилизации населения и его консолидации под эгидой султанской власти, что для этой страны, где в течение многих лет шла гражданская война, является исключительно важным.

В 1981 г. султан декретировал учреждение Государственного консультативного совета из 45 членов, которых он сам назначил на двухлетний период: 17 - от правительства, 11 - от частного сектора и 17 - от провинций. Функции этой структуры сводились к выработке рекомендаций правителю по некоторым вопросам. На первом заседании этого Совета султан Кабус подчеркнул: «Совет должен также стать важным инструментом взаимодействия и интеграции взглядов и мнений его членов, а также обеспечивать сотрудничество и взаимодействие между правительством и гражданами с целью выполнения долга и обязательств на нынешнем этапе развития».

В 1983 г. число членов Совета было доведено до 55.

В 1990 г. султан реорганизовал этот институт, изменив порядок его формирования, хотя функции у него остались прежними. В новом Совете сохранялось представительство всех провинций, однако члены правительства уже в него не включались. Страна была поделена на 59 округов, каждый из которых рекомендовал трех своих представителей, султан же, в свою очередь, отбирал одного из них в Консультативный совет. В результате в его составе оказались в основном племенные лидеры и выходцы из богатых торговых семей.

В 1996 г. был обнародован декрет о создании Ассамблеи Омана, которая должна состоять из Государственного и Кон-

226

сультативного советов. Состав Госсовета (41 чел.) формируется указом султана из числа наиболее опытных чиновников, находящихся в отставке: бывших министров, замминистров, послдов, старших судей, высших офицеров, а также представителей интеллигенции, преподавателей университетов и бизнесменов. 82 члена Консультативного совета избираются прямым тайным голосованием. Причем как активным, так и пассивным избирательным правом наделены и женщины.

16 октября 1997 г. на всей территории султаната прошли выборы в Консультативный совет. Среди 736 кандидатов было выдвинуто 27 женщин. В состав Консультативного совета прошли две женщины. Среди назначенных указом членов Государственного совета - 4 женщины.

Ассамблея Омана - консультативный орган, срок полномочий которого 3 года, разрабатывает рекомендации султану и правительству по правовым, социальным и экономическим вопросам.

Исполнительную власть в стране осуществляет Кабинет министров, несущий коллективную ответственность перед султаном. Указы и декреты Кабинета должны быть утверждены султаном. Ныне Кабинет министров Омана включает в себя султана, который занимает посты премьер-министра, министра иностранных дел и министра обороны. Кроме того, в правительство входят специальный представитель султана, один вице-премьер, генеральный секретарь Кабинета и 27 министров.

Вся территория султаната разделена на 8 административных округов, которые, в свою очередь, подразделяются на дистрикты и провинции, общее число которых - 59. Главы этих административных единиц - вали - в своей деятельности подотчетны министру внутренних дел.

До 1974 г., когда был введен Уголовный кодекс, судебная система в Омани состояла из шариатских судов, в которых суд вершил религиозный судья - кади. В настоящее время судебная система существенно усложнилась. Она стала более специализированной, что породило большое количество инстанций, где слушаются судебные иски и ведутся разбирательства. Возросло количество судов.

Судопроизводство основано на шариате. Шариатские суды находятся в ведении Министерства правосудия, вакуфов и ис-

227

ламских дел. Всего к настоящему времени в стране насчитывается 45 судов этого типа, каждый из которых возглавляется, по крайней мере, одним судьей, имеющим ряд помощников. Шариатские суды уполномочены разрешать гражданские споры, а также рассматривать дела, связанные с незначительными правонарушениями, и некоторые категории тяжб в области имущественных прав.

Уголовное судопроизводство осуществляется по двум каналам, представленным полицейским ведомством и криминальными судами. К компетенции криминальных судов относятся дела, связанные с насилием и другими тяжкими нарушениями законности. Более мелкие правонарушения передаются на рассмотрение магистратных судов, которые считаются судами первой инстанции, или шариатских судов.

В судебную систему входит заседающий в Маскате Апелляционный суд в составе трех членов, который принимает к рассмотрению дела, поступающие из шариатских судов. Венчает всю эту систему Верховный суд, рассматривающий жалобы по делам, решения по которым в низших судебных инстанциях не удовлетворяют стороны. Решение суда высшей инстанции является окончательным, хотя теоретически есть возможность пересмотра дела султаном.

Судебную систему в Омане возглавляет султан, который лично назначает судей, контролирует прохождение дел особой важности. Все суды в стране подотчетны верховному правителю - султану.

Проблемы и противоречия политической модернизации аравийских монархий

Выстраивание новой системы международных отношений после исчезновения Советского Союза поставило аравийские монархии в качественно новые условия, требующие внесения существенных изменений в свою внутреннюю и внешнюю политику.

Крайне негативно, особенно в экономическом плане, на эту группу стран повлияла агрессия Ирака против Кувейта в начале августа 1990 г. и последовавшие за нею события, в результате которых они оказались в сильной военно-политической зависимости от США, чье военное присутствие здесь приобрело постоянный характер и стало фактически важнейшим,

228

если не решающим, фактором внутривосточного развития стран данного региона.

Процесс глобализации, охвативший и этот регион мира, сопровождается дальнейшей интеграцией аравийских монархий в мировую экономику и требует структурной перестройки их национальных экономик прежде всего с целью качественного изменения роли в них государства.

Как уже отмечалось, государство играет ведущую роль в экономической жизни аравийских монархий, являясь собственником основных природных ресурсов и большей части производственных мощностей, владея и напрямую руководя финансовыми институтами, выступая в качестве самого крупного работодателя и самого крупного потребителя товаров и услуг. В последнее время правящие элиты заявляют о переходе к политике приватизации некоторых сфер экономики и даже осуществили некоторые шаги в этом направлении.

Отдавая дань господствующим в настоящее время в мировой экономической мысли либеральным идеям, представители властных структур в аравийских монархиях заявляют о том, что государство намерено сконцентрировать свое внимание на создании стабильной внутриэкономической ситуации, внедрении соответствующего законодательства, осуществлении прогрессивного администрирования, выработке и проведении налоговой политики, поощряющей частный сектор брать на себя инициативу и активно участвовать в экономической жизни. При этом подчеркивается, что государство будет стремиться обеспечить контроль за выполнением заключенных контрактов, охранять собственность, сокращать бюрократию, покончить с коррупцией и пр.

На развитие политических процессов в аравийских монархиях глобализация оказывает влияние прежде всего в том плане, что она формирует новую доминанту ориентации общественного сознания. Происходит, хотя и крайне медленно и весьма противоречиво, трансформация основных элементов политической культуры местных обществ, в том числе моделей коллективной идентификации, способов политической лояльности системе со стороны народа, норм взаимодействия и поведения, способов разрешения конфликтов и моделей социализации. Постепенно меняются конфигурация и социокультурный профиль правящих элит.

229

Процессы, которые в последнее время имеют место в аравийских монархиях, называются, в том числе и правящими элитами этих государств, «модернизацией», призванной придать существующим здесь режимам более современный вид и сообщить им дополнительную жизнестойкость. Совершенно очевидно, что за этими процессами стоят набирающие силу в аравийских обществах круги, заинтересованные в демократических преобразованиях, в ослаблении позиций правящих династий в экономической жизни и в политике, в сужении сферы влияния традиционных институтов. В конечном счете, речь идет о переделе власти и собственности в пользу этих кругов.

Вполне естественно, наметившиеся тенденции вызывают нарастающее сопротивление традиционных институтов, прежде всего исламских. Особое значение имеет позиция улемов, которые не без основания опасаются, что модернизация лишит их возможности в известной степени контролировать политическую жизнь, законотворческие процессы, ослабив роль ислама в обществе в целом. При этом

улемы пытаются представить все происходящее как борьбу между сторонниками вестернизации, т. е. прежде всего отделения религии от государства, что, как они считают, означало бы утрату народом своей исламской идентичности, и защитниками исламских ценностей, в роли которых выступают, конечно же, улемы. Исламистские движения, которые, в принципе, выражают консолидированную позицию улемов, хотя в более бескомпромиссной форме, представляют для монархических режимов гораздо более серьезную опасность, чем так называемые «либералы». Причем опасность исламистов заключается не в том, что они могут захватить власть в стране, а в том, что они подрывают основы существующего в ней режима, ставя под сомнение его легитимность.

Примечательно, что традиционные (как исламские, так и племенные) силы стремятся использовать появляющиеся элементы демократизации общественной жизни в аравийских монархиях в своих целях, взяв под свой контроль возникающие там демократические институты.

Разрываясь между двумя потоками общественного сознания и сознавая потенциальные угрозы, которые таят в себе как стремление сохранить status quo, так и ускоренные темпы модернизации, правящие элиты (вовсе не отличающиеся внут-

230

рненной сплоченностью) в аравийских монархиях, с одной стороны, «подыгрывают» сторонникам демократических преобразований. Они все шире осваивают такие понятия, как права человека, представительные органы, политическое участие, и формируют определенные демократические институты, призванные создать хотя бы видимость движения от абсолютизма. Однако, с другой стороны, они всячески подчеркивают свою приверженность исламским ценностям и даже идут на определенные уступки исламистам, стремясь нейтрализовать таким образом их влияние на массы.

После событий 11 сентября 2001 г. в США аравийские монархии, прежде всего КСА, испытывают нарастающее давление со стороны Запада, особенно американской администрации, направленное на то, чтобы ускорить темпы модернизации. При этом предметом наиболее пристального внимания Запада являются исламские институты, которые, как там убеждены, напрямую связаны с международным терроризмом, а потому требуют коренного реформирования.

Позицию западных политиков можно понять. Однако складывается впечатление, что на Западе уже забыт печальный опыт Ирана, где форсированная под нажимом прежде всего США демократизация иранского общества, а также заигрывание некоторых кругов, особенно в Западной Европе, с радикальными исламистами явились одним из важнейших факторов Исламской революции 1979 г.

Глубокие политические потрясения на Ближнем и Среднем Востоке, которые неизбежно последуют (хотя и с определенным временным лагом) за начавшейся войной в Ираке, могут иметь катастрофические последствия прежде всего для аравийских монархий, политические системы которых, как было показано, отличаются большой противоречивостью и потому - исключительной хрупкостью.

Литература

Александров И. А. Монархии Персидского залива. Этап модернизации. М., 2000.

Бодянский В. Л. Современный Кувейт (справочник). М., 1971.

231

Васильев А. История Саудовской Аравии (1745 г.- конец XX в.). М., 1999.

Государство Кувейт. Справочник. Отв. ред. Е. А. Лебедев. М., 1990.

Егорин А. З., Исаев В. А. Объединенные Арабские Эмираты. М., 1997.

Исаев В. А., Филоник А. О. Султанат Оман. М., 2001.

Современная Саудовская Аравия. Справочник / Отв. ред. В. А. Исаев, А. О. Филоник М., 1998.

Яковлев А. И. Модернизация в странах Аравии: предварительные итоги XX в./Ближний Восток и современность. Выпуск двенадцатый. М., 2001.

Fouad al-Farsy. Modernity and Tradition. L.&N.Y.: Kegan Paul International Ltd, 1990.

The Persian Gulf States. A General Survey. Ed. Alvin J. Cottrell. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1980.

232

Р. И. БЕККИН. МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Природа мусульманского права

Исследователя, начинающего изучение мусульманского права, не может не смутить прилагательное «мусульманский», употребляемое в сочетании с существительным «право». Первая мысль, которая приходит в голову, указывает на то, что мы имеем дело не столько с правом, сколько с религиозной моралью, заключенной в оболочку права. Но так ли это на самом деле?..

В работах мусульманских и западных исследователей мы часто встречаем два термина: «шариат» и «фикх». Нередко оба этих слова употребляются в качестве синонимов для обозначения одного и того же понятия: мусульманское право. Однако при более глубоком изучении природы мусульманского права становится ясно, что шариат и фикх - не совсем одно и то же.

Следует особо подчеркнуть, что понятие «шариат» неоднозначно толкуется и среди самих мусульманских правоведов (факихов). В буквальном переводе с арабского «шариат» (араб. аш-шари'а)

означает «путь, тропа к источнику (дающему жизнь)», а глагол «шара'а», будучи одного корня с существительным «шариат», переводится как «предписывать, узаконивать» (Коран, 42: 13). Само слово «шариат» используется в Коране для обозначения указанного Аллахом прямого пути, позволяющего верующему попасть в рай (Коран, 45: 18). В этом значении синонимами шариата выступают такие слова, как ат-ташри', аш-шар' и аш-шир'а. Воспринимая данные слова в кораническом понимании исламского образа жизни, мы можем говорить о шариате как о религиозном законе - в том смысле, в котором это понятие употребляется в Библии. Когда Христос говорил, что пришел исполнить Закон (Евангелие от

233

Матфея, 5:17-18), он имел в виду именно комплекс правил поведения, соблюдать который предписано каждому верующему.

Согласно получившей распространение среди мусульманских правоведов точке зрения, в понятие «шариат» включаются положения догматики (ал-'ака'ид), вопросы исламской этики (ал-ахлак)¹, нормы, регламентирующие порядок исполнения религиозных обрядов верующими или, иначе говоря, их отношения с Аллахом ('ибадат), и, наконец, конкретные правила поведения, регулирующие отношения между людьми (му'амалат). При такой трактовке шариата, к фикху (в переводе с арабского -глубокое понимание, знание²), выступающему в качестве составной части шариата, относятся две последние категории норм: 'ибадат и му'амалат. А в 'ибадат и му'амалат, в свою очередь, входят как ясно выраженные положения Корана и сунны Пророка, так и нормы, выведенные мусульманскими правоведом путем толкования текста Священной Книги и хадисов⁴.

Вместе с тем, существуют другие варианты интерпретации соотношения понятий «шариат» и «фикх». Помимо упоминавшихся точек зрения, весьма распространены следующие взгляды.

¹ По мнению Рейнхарта, мусульманское право близко философии права Платона, основанной на этике, - в отличие от философии права Гегеля, где главенствующая роль отведена истории (см.: Reinhart A.K. Islamic Law as Islamic Ethics// Journal of Religious Ethics. - 1983. - Vol. 11. - P. 199). ,

² В Коране встречается 5 порода глагола «факиха» - тафакха в значении: «глубоко изучать, понимать религиозные вопросы» (Коран, 9:122).

³ Слово «сунна» в контексте шариата может иметь значение не только собрания преданий, содержащих сведения о действиях и высказываниях Пророка Мухаммада, но и традиций, обычаев предков, достойных подражания, относящихся к категории рекомендованных шариатом действий. В качестве синонима последних мусульманские правоведы зачастую употребляют термины «надб» и «суннат». Фактически подобное понимание сунны преобладало до тех пор, пока Аш-Шафи' и не определил сунну как модель поведения Пророка. В данной главе слово «сунна» будет употребляться исключительно в значении совокупности преданий о словах и поступках Пророка Мухаммада.

⁴ Хадисы - предания о высказываниях и действиях Пророка Мухаммада, в которых освещены религиозные и правовые аспекты жизни мусульманской общины (уммы). Совокупность хадисов составляет сунну.

234

Целый ряд правоведов считает, что шариат и фикх совпадают лишь частично - когда речь идет о бесспорных и ясных предписаниях Священной Книги и хадисов. Во всех же остальных случаях, - при наличии положений Корана и сунны, которые могут быть неоднозначно истолкованы, - таковые могут быть отнесены как к шариату, так и к фикху. Однако если в шариате они сохраняются в неизменном виде, то в фикхе мусульманские правоведы, соответствующим образом интерпретируя их, выводят новые правовые нормы. По мнению приверженцев данной точки зрения, в шариат входит религиозная догматика, этика и т.н. «практические» нормы ('ибадат и му'амалат), охватывающие вопросы культа и отношений между людьми, если они напрямую отражены в Коране и сунне.

Упомянутые «практические» нормы - как раз и есть сфера пересечения шариата и фикха, поскольку эти правила поведения входят не только в шариат, но и в понятие «фикх». Однако кроме однозначно понимаемых предписаний Священной Книги и сунны, касающихся регулирования культовых вопросов и отношений между людьми, фикх включает несравненно большее число норм, разработанных мусульманскими правоведом на основе толкования аятов (стихов) Корана и хадисов.

Например, в отношении лиц, имеющих право на получение наследства, в Коране недвусмысленно и вполне исчерпывающе сказано: «Завещает Аллах относительно ваших детей: сыну - долю, подобную доле двух дочерей. А если они (дети) -женщины, числом больше двух, то им - две трети того, что он оставил, а если одна, то ей - половина. А родителям его, каждому из двух - одна шестая того, что он оставил, если у него есть ребенок. А если у него нет ребенка и ему наследуют его родители, то матери - одна треть. А если есть у него братья, то матери - одна шестая после завещанного, которое он завещает, или долга. Родители ваши или ваши сыновья - вы не знаете, кто из них ближе вам по пользе, как установлено Аллахом...» (4:11)⁵. То есть это ясно выраженное предписание входит как в шариат, так и в фикх.

⁵ Здесь и далее аяты Корана приводятся в переводе академика И. Ю. Крачковского, - за исключением случаев, когда необходимы соответствующие уточнения.

235

В то же время, большинство коранических положений относятся исключительно к шариату, поскольку имеют не конкретный, а общий характер и, следовательно, нуждаются в интерпретации: «О вы, которые уверовали! Не пожирайте имущества ваших между собой попусту, если это не торговля по взаимному согласию между вами. И не убивайте самих себя...» (4:29). Очевидно, что данный аят, устанавливающий общие принципы ведения торговли, требует дальнейшего расширительного толкования.

На наш взгляд, последняя трактовка соотношения понятий «шариат» и «фикх» имеет не только важное теоретическое (позволяя более-менее четко разграничить религиозные и правовые аспекты мусульманского права, не проводя при этом между ними жесткой границы)⁶, но и практическое значение (поскольку больше соответствует потребностям текущей практики).

Другие правоведы полагают, что шариат и фикх- абсолютно разные понятия. В шариат, по их мнению, включаются положения Корана и сунны, не требующие специального толкования, т. е. имеющие прямой смысл. В то время как фикху отводится функция формулирования необходимых решений там, где заканчивается сфера действия прямых норм шариата. Иными словами, фикх является органичным продолжением и развитием в историческом контексте положений шариата⁷. При этом презюмируется, что шариат вечен и неизменен, в то

⁶ Стремление полностью освободить мусульманское право от религиозной «пуповины» выглядит, по нашему мнению, малообоснованным. Как нам представляется, тезис о том, что фикх проживет без шариата, а шариат невозможен без фикха, верен лишь частично. Фикх также не сможет существовать вне связи с шариатом. Правоведы будут свободно формулировать огромное количество новых норм, но в итоге фикх может пойти так далеко, что утратит связь с основами, источником своего происхождения (даже на формальном уровне), и перестанет быть собой, то есть мусульманским правом, превратившись в право, разработанное юристами-мусульманами.

⁷ Например, известный мусульманский историк, комментатор Корана и правовед Мухаммад ат-Табари (838 или 839-923), одним из первых давший определение понятию «шариат», считал, что последний состоит из правовых предписаний, содержащихся лишь в тексте Священной Книги.

236

время как фикх, будучи плодом человеческих усилий, может быть изменен с течением времени.

Развивая вышеприведенную точку зрения, некоторые правоведы считают, что все Божественные откровения, содержащиеся в шариате, являются для фикха лишь отправной точкой для формулирования конкретных правил поведения. Иными словами, шариат выступает в качестве идейного источника фикха. Схематично соотношение шариата и фикха выражается в виде дерева, где шариат представляет собой его корень, а фикх - крону с многочисленными ветвями.

Сторонником теории «корня и ветвей» является ведущий российский специалист по мусульманскому праву Л. Р. Сюкияйнен. Однако, признавая тот факт, что конкретные предписания Корана и сунны, регулирующие культовые вопросы, могут быть как частью шариата, так и фикха, Сюкияйнен, тем не менее, не включил раздел «'ибадат» в свой классический труд «Мусульманское право», ограничившись исключительно сферой взаимоотношений людей (му'амалат в узком значении):

«Разделение норм фикха на чисто культовые правила и нормы, регламентирующие поведение людей по отношению друг к другу,- пишет Сюкияйнен в обоснование подобного подхода, - оправданно не только в целях познания и классификации. Они коренятся в реальной жизни, поскольку у обеих указанных категорий норм - несовпадающие закономерности исторического развития и разные сферы применения, каждая из них отличается своей спецификой регулирующего воздействия на поведение, наконец, они имеют разный статус в исламе и могут существовать относительно самостоятельно друг от друга»⁸.

На наш взгляд, такой подход выглядит вполне убедительным, если речь идет о практике применения норм мусульманского права и их реализации в современном законодательстве различных стран. Однако при изложении основ мусульманского права предпочтительнее следовать классической традиции и включать в учебник по фикху не только нормы, касающиеся отношений между людьми, но и отношений человека с Алла-

⁸ Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. М., 1986. С. 17.

237

хом ('ибадат)⁹. В этом смысле указанным критериям соответствует монография Г. М. Керимова «Шариат: закон жизни мусульман» (М., 1999), с той лишь оговоркой, что по своему содержанию данная работа является пособием по основам (корням) фикха (усул ал-фикх), а не шариата. Существенным недостатком книги является бессистемность (с точки зрения мусульманской правовой традиции) излагаемых норм. То же самое можно сказать и о монографии М. Садагдара «Основы мусульманского права» (М., 1968)¹⁰.

Что касается трудов шиитских правоведов по основам фикха, то они, как правило, по своей структуре мало чем отличаются от работ факихов-суннитов. Так, классические шиитские произведения по усул ал-фикх обычно включают следующие разделы: 1) 'ибадат, куда входят те же вопросы, что и в трудах суннитов, посвященных данной категории норм, 2) 'укуд (договоры, регулирующие двусторонние сделки: купля-продажа, товарищество, брак, и др.), 3) ика'ат (добровольные обязательства: учреждение вакфа, списание долга, обеты, клятвы, и др.), 4) ахкам - отдельные предписания, не относящиеся к вышеперечисленным разделам (процессуальное право: свидетельские показания, присяга, и

⁹ К примеру, известный пятитомный труд египетского ученого 'Абд ар-Рахмана ал-Джазири (1882-1941) «Китаб ал-фикх 'ала мазахиб ал-арба'а» («Книга фикха в соответствии с четырьмя мазхабами») имеет следующую структуру: первый том посвящен вопросам, связанным с исполнением верующими культовых предписаний ('ибадат); второй и третий тома содержат информацию о договорах, одобряемых исламом (му'амалат); в четвертом томе речь идет о регулировании брачно-семейных отношений; и, наконец, в пятом томе излагаются основные положения мусульманского деликтного (уголовного) права. Некоторые исследователи выделяют также такие отрасли (фуру') фикха, как государственное право (властные нормы), судебное право и т. н. мусульманское международное право («сийар»).

¹⁰ Так, Садагдар произвольно делит мусульманское право на такие отрасли, как государственное, гражданское, уголовное и процессуальное право, полностью игнорируя порядок классификации правовых норм, принятый в самом фикхе. При этом отдельные группы норм отнесены к другим отраслям без достаточных на то оснований. Например, семейное право, которое Садагдар помещает в раздел «Гражданское право», в мусульманском праве формирует особую группу норм - т. н. «право личного статуса».

238

т. п.; вопросы деликтных обязательств, наследства, правовые аспекты оборота бесхозной земли, и др.)¹¹.

Рассмотрев, таким образом, основные точки зрения на природу мусульманского права, мы можем выделить следующие существенные различия между шариатом и фикхом:

1) В шариат входят как общие, так и конкретные предписания, содержащиеся в Коране и сунне и касающиеся религиозной догматики, этики, вопросов культа и правил взаимоотношений людей. Причем доля конкретных предписаний несравнимо мала по сравнению с долей общих. В фикх же входят конкретные, ясно выраженные положения Корана и сунны, касающиеся вопросов культа и отношений между людьми и не нуждающиеся в дополнительном толковании правоведов. Однако большую часть корпуса фикха составляют собственно правовые нормы, выведенные мусульманскими юристами на основе общих положений Корана и сунны.

2) Шариат совершенен, вечен и неизменен, в то время как фикх, будучи творением людей, обладает недостатками и потому может быть изменен согласно потребностям общества и велениям времени.

3) Источником шариата являются Коран и сунна, а источником фикха - Коран, сунна, а также специальные источники, разработанные мусульманскими правоведом.

4) Шариат, существуя вне времени и пространства, обязателен для всех мусульман. Нормы же фикха, выведенные мусульманским правоведом путем толкования положений Корана и сунны, связывают только его самого, и то лишь до тех пор, пока он с помощью иджитхада¹² не разработает другое правило поведения по аналогичному вопросу, отличающееся от ранее сформулированного.

Вышесказанное позволяет нам заключить, что мусульманское право (с акцентом на слове «право») - это фикх, а не шариат. Но выводы о правовой природе фикха были бы неполными без ответа на вопрос о том, является ли мусульманское

¹¹ Настоящая классификация была впервые предложена в классическом труде Наджм ал-Дина ал-Мухаккика ал-Хилли «Шара'и' ал-ислам фи маса'ил ал-халал ва-л-харам». ¹² Иджтихад - деятельность богослова или правоведа по выведению правовых норм по вопросам, прямой ответ на которые отсутствует в Коране и сунне, а также не сформулирован посредством иджма'.

239

право самостоятельной системой права в наши дни? К решению данной проблемы можно подойти как с теоретической (формальной), так и практической точки зрения.

Как известно, в каждой стране есть своя собственная правовая система, включающая всю совокупность правовых явлений (норм, учреждений, отношений, правосознания), существующих в ее рамках. При этом в правовых системах целого ряда стран присутствуют общие черты, которые позволяют отнести их к одной правовой семье¹³.

В учебнике «Теория государства и права» под редакцией В. М. Корельского и В.-Д. Перевалова приведены критерии, в соответствии с которыми несколько правовых систем различных государств можно объединить в одну правовую семью:

- 1) общность генезиса (возникновения и последующего развития),
- 2) общность источников, форм закрепления и выражения норм права,
- 3) структурное сходство, единство,
- 4) общность принципов регулирования общественных отношений,
- 5) единство терминологии, юридических категорий и понятий, а также техники изложения и систематизации норм права.

Используя данные критерии, попытаемся проанализировать, насколько правовые системы современных мусульманских стран могут быть сведены к единой правовой семье (или правовой системе в широком смысле) мусульманского права.

1. Правовые системы всех без исключения мусульманских стран связаны между собой исторически и имеют происхождение от правовой системы раннеисламской общины - государства, созданной Пророком Мухаммадом, - вне зависимости от степени влияния ислама на современную общественно-политическую жизнь в этих странах.

2. В большинстве конституций мусульманских стран в качестве источника законодательства провозглашен шариат. Несмотря на расхождения во взглядах между толками и отдель-

¹³ Термин «правовая семья» широко используется специалистами по теории права, однако вместо него вполне допустимо употреблять термин «правовая система» в широком значении, - в отличие от правовой системы в узком значении, представляющей собой систему права конкретно взятой страны.

240

ными учеными, существует перечень основных источников мусульманского права, признаваемый всеми правоведом. Кроме того, практически во всех мусульманских странах в качестве одной из главнейших форм реализации фикха выступает правовая доктрина.

3. Структура отдельной нормы права, а также деление на отрасли (фуру') и институты в

мусульманском праве различных стран не имеют существенных отличий.

4. В течение длительного времени (X–XVI вв.) мусульманскими юристами разрабатывались т.н. общие принципы мусульманского права¹⁴. Эти принципы, выведенные на основании конкретных норм мусульманского права, признаются всеми правоведами и обязательны для учета судами при вынесении ими решений.

5. На протяжении многих веков мусульманские юристы в различных государствах используют одни и те же понятия и категории. Нюансы сохраняются лишь при их толковании. В то же время, неизменной остается техника изложения норм права (прежде всего, в форме доктрины).

Исходя из вышеуказанных формальных признаков, мы можем вполне справедливо отнести мусульманское право к категории самостоятельных правовых семей - наряду с романо-германской (континентальной), англо-саксонской и социалистической. Причем такой статус отнюдь не исключает наличия у мусульманского права общих черт с иными правовыми семьями, - например, англо-саксонской, важнейшим представителем которой является Англия¹⁵.

¹⁴ Общие принципы мусульманского права - одно из важнейших достижений мусульманско-правовой мысли. Представляют собой ориентиры (но не нормы прямого действия!) для поиска необходимого правового решения. Являясь своего рода квинтэссенцией многовекового опыта мусульманских правоведов, 99 таких принципов вошли в «Маджаллат ал-ахкам ал-'адлийа» (гражданский и отчасти гражданско-процессуальный кодекс, принятый в Османской империи в 1869-76 гг.). В настоящее время общие принципы мусульманского права нередко провозглашаются в качестве основного источника законодательства мусульманских стран.

¹⁵ Многие ученые прошлого и современности проводили параллели между английским и мусульманским правом. См., например: Abdur Rahim. Muhammadan Jurisprudence. - Madras, 1911. - P. 77-115; Muhammad Ali. Religion of Islam. - Lahore, 1936. - P. 46; Gibb H.A.R. Mohammedanism. - Oxford, 1949. - Pp. 93-94, и др.

241

В Англии долгое время закон не играл существенной роли в правовой системе, выполняя вспомогательные функции. То же самое можно сказать и о мусульманском праве.

Прецедентная норма в английском праве включает в себя не только юридическое заключение по делу, но и аргументацию, мотивировку решения судом¹⁶. В мусульманском праве правовая норма также должна содержать в своей структуре обоснование ее принятия ('илла).

В Англии пусть и не в такой степени, как в мусульманском праве, велика роль доктрины. Однако, в отличие от мусульманских стран, в Англии под доктриной понимают не столько юридическую науку, сколько судебные комментарии и описание судебной практики.

Наконец, в английском праве так же, как и в мусульманском, нет деления права на публичное и частное (упрек, который часто ставят в вину мусульманскому праву, называя его по этой причине не обладающим необходимой для правовой семьи структурой). В Англии право делится на общее право и право справедливости¹⁷. В мусульманском - на 'ибадат (обряды), му'амалат (торговые сделки), 'укубат (деликтное) и право личного статуса (брачно-семейное право).

Как справедливо отмечают исследователи, в английском праве связь первоначальных элементов, деление на отрасли (отнесение их к общему праву и праву справедливости) имеет часто не рациональный, а традиционно-исторический характер. Например, к сфере права справедливости были отнесены споры о недвижимости, отношения доверительной собственности¹⁸, дела о торговых товариществах, вопросы наследства и

¹⁶ Сама сунна Пророка есть не что иное, как собрание незыблемых авторитетных прецедентов, с той только разницей, что здесь создателем прецедентов выступил Пророк Мухаммад, а в Англии аналогичную функцию выполняют суды.

¹⁷ Кроме того, в современном английском праве выделяются такие отрасли, как договорное, деликтное, право собственности и уголовное право (см.: Романов А. К. Правовая система Англии. М., 2002. С. 92).

¹⁸ Институт доверительной собственности также хорошо и давно известен мусульманскому праву.

242

др. К предмету же общего права относятся уголовные дела, гражданско-правовая ответственность и др. В мусульманском праве деление на отрасли также имеет в основе традиционно-исторический характер. Например, обязательный налог в пользу нуждающихся - закят относится к разделу 'ибадат, а гасб (насильственное завладение, узурпация чужой собственности, прав) почему-то отнесен не к деликтному праву ('укубат), что соответствовало бы логике российского законодателя, а к сфере му'амалат, т. е. гражданского права.

Список общих черт в английском и мусульманском праве этим не исчерпывается. Не случайно во многих мусульманских странах, бывших владениями Великобритании, английское и мусульманское право создали своего рода симбиоз, образовав, по сути, новую систему права: например, англо-мусульманское право в Индии. При этом в целом ряде государств обе правовые семьи успешно дополняют друг друга¹⁹.

Иными словами, мы убеждаемся в том, что мусульманское право представляет собой вполне самостоятельную систему права в широком значении или правовую семью, несмотря на свое религиозное происхождение.

Что касается «практических» аргументов в пользу самостоятельности мусульманского права как правовой семьи, то они были в свое время сформулированы Л. Р. Сюкияйненом и до сих пор не утратили своей актуальности. Поскольку большинство доводов противников признания мусульманского права в

качестве самостоятельной правовой семьи сводится к тому, что фикх неотделим от религии, Л. Р. Сюкияйнен обратил внимание прежде всего на этот аспект. По его мнению, именно санкционирование государством и придание им силы закона положениям Корана и сунны, а также выведенным на их основании нормам, - как раз и есть тот критерий, который позволяет отделить право от религиозной морали. В защиту своей точки зрения Л. Р. Сюкияйнен приводит следующие доводы:

1) Некоторые народы, принявшие ислам и воспринявшие его догматическую сторону, отказались от распространения на

¹⁹ Хорошим примером взаимодействия мусульманского права с другими правовыми системами является Восточная Африка, где возникла т. н. система права суахилийской культуры (на основе симбиоза норм мусульманского и обычного права местных племен).

243

них юрисдикции мусульманского права. Например, страны Тропической Африки, где большая часть общественных отношений регулируется обычным правом. Или более яркий пример- Турция, где после 1924 г. законодательство, основанное на нормах мусульманского права, было отменено и заменено европеизированным. В то же время ислам в этой стране сохранил свои позиции как главенствующая религия.

2) Формально мусульманское право имеет персональный характер применения, т. е. распространяется исключительно на приверженцев ислама. Однако в целом ряде государств мусульманское право регулирует отношения с участием немусульман. Например, уголовное законодательство Саудовской Аравии, Судана и др., включающее нормы мусульманского права, адресовано всем жителям этих государств, вне зависимости от их религиозной принадлежности. С другой стороны, не во всех странах мусульманское право распространяется на всех без исключения мусульман. Например, из сферы действия принятого в 1980 г. в Пакистане закона о закяте²⁰ и 'ушре²¹ исключаются мусульмане-шииты, поскольку данный нормативно-правовой акт был принят в соответствии с суннитской интерпретацией вопросов налогообложения.

К тому же, если бы фикх был религиозным правом, то как объяснить тот факт, что мусульманину дозволяется сначала следовать мнению одного правоведа, а впоследствии предпочесть точку зрения другого? Очевидно, что в случае с религиозным правом постановка подобных вопросов невозможна в принципе²².

Мусульманское право не может быть также отнесено ни к сфере морали, поскольку там происходит апелляция только

²⁰ Закят - налог в пользу нуждающихся членов мусульманской общины. Одна из пяти вероисповедальных обязанностей каждого мусульманина.

²¹ 'Ушр - десятина, налог с продуктов земледелия в размере 1/10, рассматриваемый иногда как разновидность закята.

²² Некоторые авторитетные мусульманские богословы прошлого подчеркивали светский характер права. Например, Ал-Газали рассматривал правоведение как науку, чуждую богословию// Goldziher I. Die Zâhiriten, ihr Lehrsystem und ihre Geschichte. Beitrag zur Geschichte der muhammedanischen Theologie. Leipzig, 1884. P. 128// цит по: Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1996. С. 185.

244

к этическим нормам, в то время как в фикхе - в первую очередь к правовым, ни к каноническому праву, регулирующему структуру церкви как института и вопросы управления религиозной общиной²⁴.

Таким образом, мы можем убедиться в ошибочности тезиса Рене Давида и других исследователей, считающих, что мусульманское право не играет самостоятельной роли, поскольку в нем не различаются обязательства человека по отношению к Аллаху и по отношению к другим людям²⁵. Как убедительно доказывает Л. Р. Сюкияйнен, мусульманское право не сливается с религией, хотя некоторые его нормы совпадают с религиозными правилами поведения. За счет санкционирования государством и воплощения норм и институтов мусульманского права в форме нормативно-правового акта религиозные нормы превращаются в правовые. Именно поэтому следует рассматривать мусульманское право, имеющее, бесспорно, религиозное происхождение и тесно связанное с догматикой, исключительно в правовом контексте.

На этом фоне такие системы права, как индусское или еврейское право, которые некоторые специалисты помещают в один ряд с мусульманским правом благодаря их религиозной основе, могут быть охарактеризованы нами в качестве правовых семей исключительно в историческом аспекте. Это объясняется тем, что государство (Индия и Израиль соответственно) по тем или иным причинам не придало многочисленным нормам, имеющим религиозную природу, юридического характера за счет их инкорпорирования в современное законодательство.

«Еврейская законодательная и судебная система, не базирующаяся на еврейском праве - действительность сложная

²³ То, что мусульманское право зачастую пытается ответить на вопрос, каким право должно быть, а не каким оно является на самом деле, отнюдь не противоречит правовой сущности фикха. Если мы обратимся к анализу других правовых систем, мы обнаружим, что любое право, по сути, представляет собой некую идеальную умозрительную конструкцию.

²⁴ Как известно, в исламе нет церкви как института.

²⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2003. С. 308.

245

и трудная в мире иудаизма в целом, и в мире Галахи²⁶ - в частности, - пишет в своем фундаментальном труде «Еврейское право» профессор Менахем Элон. - Угнетает ощущение оторванности этой системы от огромного культурно-правового богатства, задвинутого в дальний угол и почти не используемого, что не делает нам чести. И пусть никто не говорит, что такая действительность отражает проблему взаимоотношений религии и государства, Галахи и общества в целом, и в Израиле в частности. Таков общепринятый ответ - поверхностный и бездоказательный. Его цель - прикрыть основную причину запущенности и бездействия в этой области, а она заключается в непонимании огромной важности органической связи судебной-правовой практики сегодняшнего дня с великим наследием прошлого»²⁷.

Законодательство Израиля после обретения этой страной независимости стало развиваться без опоры на еврейское право. За последним была зарезервирована лишь сфера брачно-семейных и частично наследственных отношений²⁸, что определило его роль как национальной правовой системы прошлого, а не современности. Примерно то же самое произошло во многоконфессиональной Индии²⁹.

В то же время мусульманское право, практически забытое к середине XIX века, было возрождено усилиями мусульманских правоведов и в настоящее время регулирует целый ряд важных аспектов общественной жизни³⁰.

²⁶ Галаха - нормативная часть Талмуда, включающая совокупность норм, регулирующих отношения между людьми и Богом и людей между собой. Представляет собой некий аналог фикха в еврейском праве (Р. Б.).

²⁷ Элон М. Еврейское право. СПб, 2002. С. 125-126.

²⁸ Кроме того, в стране принят ряд законов, которые проистекают из общих начал еврейского права, однако их число незначительно.

²⁹ Подробнее об этом см.: Крашенинникова Н. А. Индусское право: история и современность. М, 1982.

³⁰ О роли мусульманского права в регулировании актуальных вопросов современности на примере финансовых отношений см., например: Исламские финансы в современном мире: экономические и правовые аспекты/ Под ред. Р.И. Беккина. М., 2004.

246

Источники мусульманского права

Изучением источников мусульманского права занимается специальная наука - 'илм усул ал-фикх-теория и философия фикха одновременно. В зависимости от того значения, которое им придает мусульманско-правовая доктрина, источники мусульманского права могут быть двух видов: 1) адилла ал-муттафак 'алайхи (источники, признаваемые всеми правоведом в качестве непререкаемых), 2) адилла ал-ахкам ат-мухталафа фиха (источники, вызывающие разногласия среди правоведов). К первой группе относятся Коран, сунна, иджма' и кийас, ко второй - все остальные источники (истихсан, истислах, истисхаб, 'урф, шариха ман каблана и др.).

Коран. Коран является Священной Книгой мусульман и содержит положения о необходимости следовать всем содержащимся в нем предписаниям³¹: «И это - Книга, которую мы ниспослали, благословенная; следуйте же за ней и будьте богобоязненны, - может быть, вы будете помилованы!» (6: 155).

Все мусульманские правоведы в той или иной степени разделяют тезис Аш-Шафи'и³² о том, что в Коране и сунне предусмотрены ответы на любые возможные вопросы: «...Мы не упустили в Книге ничего» (6:38). Незыблемость Корана в качестве главного источника права не подвергалась сомнению даже модернистами. Например, Мухаммад Икбал считал Коран достаточно динамичным для того, чтобы отвечать потребностям общества.

Согласно подсчетам специалистов, в Коране содержится около 300 аятов, включающих предписания, регулирующие различные аспекты человеческой деятельности³³. Из них во-

³¹ Слова Аллаха, которые Мухаммад высказывал от Его имени, содержатся также в ал-ахадис ал-кудсийа (Священных хадисах), - в отличие от ал-ахадис ан-набавийа (Пророческих хадисов), включающих информацию о действиях и высказываниях самого Пророка. Оба вида хадисов входят в сунну.

³² Подробнее об Аш-Шафи'и и шафи'итском мазхабе см. далее.

³³ Рахимуддин Кемаль считает, что таких аятов всего 200 (Kemal R. The Concept of Constitutional Law in Islam. - Hyderabad, 1955. P. 103), а Веси-Фицджеральд насчитал всего 80 правовых аятов (Vesey-Fitzgerald S.G. Nature and Sources of the Shariah// Law in the Middle East/ ed. Majid Khadduri and H.J. Liebesny. - Vol. 1. - Washington, 1955. P. 85-112). В то же время, Остророг относит к числу правовых 500 аятов (Ostrorog. The Angora Reform. - L., 1927. P. 19).

247

просам религиозного культа ('ибадат) посвящено примерно 120 аятов, а брачно-семейным и наследственным отношениям (право личного статуса) - около 70 аятов. Примерно столько же аятов касается правил ведения торговли. Деликтное право освещается почти в 30 аятах. То, что в современном мире принято относить к сфере международных отношений, затрагивается в 25 аятах. По десять аятов посвящено вопросам государственного устройства, судебного процесса и финансовым отношениям.

Право личного статуса наиболее подробно регламентировано в Коране, поскольку эта сфера жизни

человека не зависит от различий в условиях существования того или иного общества. Большинство же правовых проблем освещено сжато, Законодателем (Аллахом) даны лишь общие ориентиры, направления для деятельности правоведов. Кроме того, в Коране содержится много положений, которые не могут быть отнесены к какой-либо отдельной отрасли. Например: «И Он подчинил вам то, что в небесах, и то, что на земле, - все, нисходящее от него» (45:13).

При анализе аятов Корана, имеющих правовое содержание, необходимо соблюдать целый ряд условий. Существенную роль, например, играют причины ниспослания того или иного аята. Ниспослание Корана, по мнению мусульманских богословов, делится на две части: 1) ниспосланное само по себе, и 2) ниспосланное вследствие какого-либо события или вопроса.

По словам крупнейшего знатока истории ниспослания Корана Абу-л-Хасана ал-Вахиди: «Невозможно толковать ай-ат, не узнав связанной с ним истории и не выяснив все о его ниспослании»³⁴.

В своей книге «Совершенство в коранических науках» египетский правовед ас-Суйути приводит множество примеров, подчеркивающих важность учета условий ниспослания аятов Корана. Вот один из них, связанный с запретом на употребление вина:

«Передавали, что 'Усман ибн Маз'ун и 'Амр ибн Ма'дикариб говорили: "Вино- разрешено" и ссылались на

³⁴ Джалал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках. М., 2001. С. 114.

248

слова Всевышнего: "Нет греха на тех, кто уверовал и творил благое, в том, что они вкушают..." и далее до конца аята (5: 93). Однако если бы они знали обстоятельства его ниспослания, то не говорили бы так. Дело же было вот как. Когда было запрещено вино, люди спросили: "А как же те, что были убиты на пути Аллаха или умерли, но вино пили, а ведь оно мерзость?" - и тогда был ниспослан этот аят»³⁵.

Кроме того, при наличии в Коране общего положения, необходимо выяснить, есть ли в других аятах специальные предписания, которые могли бы конкретизировать содержащуюся в общем положении информацию. Например, в аяте 2 суры «Корова» сказано: «Предписано вам, когда предстанет к кому-нибудь из вас смерть, если он оставляет добро, завещание для родителей и близких по обычаю, как обязательство для верующих» (2:180). А в других аятах конкретно перечисляются группы лиц, которым причитаются определенные в этих же аятах доли наследования по закону (4:11-12, 176), - в отличие от наследования по завещанию, о котором идет речь в вышеприведенном аяте суры «Корова».

Мусульманскими правоведами выделяется пять видов коранических положений, на основании которых могут быть вынесены соответствующие правовые решения:

1) Насс (букв.: текст)- ясно выраженные (без аллегии) положения. Например: «Вору и воровке отсекайте их руки...» (5: 38);

2) Захир (букв.: очевидное значение) - положения, имеющие конкретное (специальное) значение, но которые, тем не менее, необходимо толковать расширительно. Например, основатель маликитского мазхаба Малик б. Анас³⁶ полагал, что под словом «мечети» в аяте: «... когда вы благочестиво пребываете в местах поклонения (мечетях)» (2:187) имеются в виду все мечети, а не только соборные (джум'а-мечети). Однако если период и'тикаф³⁷ затрагивает пятницу, то слово «мечети» следует понимать в значении джум'а-мечетей, чтобы лицо, на-

³⁵ Там же. С. 115.

³⁶ Подробнее о Малике б. Анасе и маликитском мазхабе см. далее.

³⁷ И'тикаф - период пребывания в мечети в течение длительного времени с целью поклонения Аллаху. Человек, пребывающий в состоянии и'тикафа, может покинуть мечеть только в силу крайней необходимости.

249

меревающееея посетить такую мечеть, не прерывало состояние и'тикафа;

3) Далил (букв.: указание). В Коране сказано: «А кто из вас не обладает достатком, чтобы жениться на охраняемых верующих, то - из тех, которыми овладели десницы ваши, из ваших верующих рабынь... Это- тем из вас, кто боится тяжести (зина³⁸)» (4:25). Иными словами, в данном аяте подразумевается, что если у человека достаточно средств и он не опасается совершить прелюбодеяние, то ему не следует жениться на рабыне;

4) Мафхум (букв.: то, что понятно). Также известно как мафхум ал-мувафака. Иногда подразделяется на ал-мафхум би-л-авла и ал-мафхум би-л-мусават. Например, в Коране содержится запрет повышать голос на родителей: «Если достигает у тебя старости один из них или оба, то не говори им - тьфу! И не кричи на них, а говори им слово благородное» (17:23). В более широком значении это положение означает запрет вообще плохо обращаться с родителями;

5) Шабах (букв.: сходство) - предписания, где помимо самого текста излагается причина их ниспослания. Например: «Скажи: "В том, что открыто мне, я нахожу запретным употреблять в пищу только мертвечину, или пролитую кровь, или мясо свиньи, потому что это - скверна, а также недозволенное мясо животных, заколотых не с призыванием Аллаха"» (6:145). Таким образом, в данном аяте не только запрещается употребление определенной группы продуктов питания, но и объясняется, почему данный запрет наложен.

Однако, принимая во внимание ключевое значение Корана как источника права, нельзя не согласиться с мнением Л. Сюкияйнена, что Коран и сунна сами по себе не содержат правовых норм, а включают, прежде всего, религиозные правила поведения, часть которых является источником конкретных

норм мусульманского права за счет признания их со стороны государства

Сунна. Сунна в значении совокупности преданий, содержащих сведения о действиях и высказываниях Пророка, является вторым по важности источником мусульманского права. Обоснование этому можно найти в Коране: «Кто покорился посланнику, тот покорился Аллаху» (4:80) и др. (4:59, 65; 59:7).

³⁸ Зина' - прелюбодеяние, совершенное лицом, состоящим в браке.

250

Однако не любое предание (хадис) может быть источником права. Важно, чтобы в тексте хадиса содержалось какое-нибудь правило поведения - для того, чтобы рассматривать его в качестве правового источника.

При анализе сунны необходимо учитывать такой аспект, как достоверность хадисов. После смерти Пророка было сфабриковано огромное число подложных преданий. Поэтому мусульманские ученые-собиратели хадисов вынуждены были разрабатывать соответствующие принципы проверки хадисов на достоверность.

Главным критерием является проверка личностей передатчиков хадиса, то есть выяснение того, насколько они заслуживают доверия. В качестве дополнительных можно назвать метод сравнения содержания хадиса с текстом Корана, а также сопоставление информации, содержащейся в преданиях, с реальными историческими фактами.

Выделяются следующие виды хадисов по степени важности и достоверности: 1) мутавафир («последовательно дошедшие»), передатчики которых многочисленны и сходятся друг с другом; 2) машхур («известные»), сообщаемые одновременно более чем двумя сподвижниками Пророка; 3) ахад («единоличные»), передаваемые со слов одного лица; 4) сахих («здоровые»), удовлетворяющие всем требованиям критики и не противоречащие другим хадисам; 5) хасан («хорошие»), не вполне безупречные, которые могут быть исправлены другими свидетельствами; 6) да'иф («слабые»), не выдерживающие строгой критики. Последние, в свою очередь, делятся на: 1) мурсал - не имеющие цепочки передатчиков (иснада), и 2) му'аллак - где есть пропуск в иснаде.

В соответствии с характером текстового материала, содержащегося в тексте (матн) хадисов, могут быть выделены следующие виды сунны:

1) ас-сунна ал-каулийа, передающая различные изречения Пророка;

³⁹ В конце IX в. общее число имевших хождение в среде суннитов хадисов превысило 600 000, в то время как шиитам на тот момент было известно около 1 500 000 хадисов// Курбони З. О. Ислам ва хукуки башар. Тегеран. 1989. С. 40-59.

251

2) ас-сунна ал-фа'алийа, зафиксировавшая поступки Пророка; и

3) ас-сунна ат-такририйа (сунна санкционирующая). Так, если Пророк наблюдал какие-нибудь явления и поступки людей и прямо не запретил их, данный факт может относиться к санкционирующей сунне.

Сунна может:

1) подтверждать то, что говорится в Коране (например, хадис, приведенный со слов Ибн Мас'уда, где речь идет о легитимности применения смертной казни в отношении мусульманина в трех случаях, дублирует ряд положений Священной Книги (2: 178-179, 5:45, и др.);

2) конкретизировать и разъяснять аяты Корана (например, в Коране сказано: «Вору и воровке отсекайте их руки...» (5:38), а в сунне уточнено, что руку надо рубить по запястье, а также указан тот необходимый минимум (нисаб), украв который человек может быть наказан соответствующим образом);

3) вводить новое правило поведения (установление закята ал-фитр, и др.);

4) ограничивать применение положений Корана с помощью так называемого метода ограничения свободного выбора (например, хадис о том, что тот, кто наследует по закону, не наследует по завещанию, фактически ограничивает действие уже упоминавшегося 180 аята суры «Корова», где речь идет только о наследовании по завещанию).

При решении различных правовых вопросов авторитет сунны не уступает авторитету Корана. Известный голландский исламовед Снук-Хюргронье обращает внимание на то, что в весьма распространенных в первые века хиджры публичных диспутах по правовым вопросам победа оказывалась за тем, кто мог привести в защиту своего мнения соответствующий хадис.

Иджма' ⁴⁰ (единодушное мнение, решение) ⁴¹. По мнению мусульманских правоведов, обоснование данного корня фикха

⁴⁰ В арабском языке слово «иджма'» - мужского рода, однако здесь - для удобства - мы будем употреблять его в женском роде.

⁴¹ Иногда в работах мусульманских правоведов отдельно выделяется такой источник, как мнения сподвижников Пророка. Если асхабы были едины по какому-либо вопросу, то их коллективное мнение обозначается термином «иджма'». Однако если между ними возникало разногласие, то для обозначения мнения каждого из них используется термин «ар-рай'». На наш взгляд, нет смысла выделять мнения асхабов в качестве независимого корня фикха и тем самым смешивать два других источника - иджма' и фетву (фатву).

252

содержится в тексте Корана: «О, вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь Посланнику и обладателям власти среди вас» (4:59). «А если кто отказывается от Посланника после того,

как стал ему ясен прямой путь, и он следует не по пути верующих...» (4:115). В качестве подтверждения важности иджма' мусульманскими правоведом также приводятся известные хадисы Пророка: «Моя община не может сообща впасть в заблуждение» и «То, что мусульмане считают хорошим, то и для Аллаха является хорошим».

Правоведы всех мазхабов признают за иджма' право выступать в качестве третьего по важности источника фикха, но расходятся во мнении при определении категории лиц, позиции которых подлежат согласованию. Соответствовать требованиям, установленным для муджтахидов (знатока шариата, компетентного высказывать самостоятельные суждения и выносить решения по различным правовым вопросам) может далеко не каждый правовед.

Доктриной сформулированы следующие качества, которыми должен обладать кандидат на звание муджтахидов:

- в совершенстве владеть арабским языком;
- верить в догматы ислама и следовать установленным религиозным предписаниям;
- знать наизусть Коран и основные комментарии к нему, а также обстоятельства ниспослания как целых сур, так и отдельных аятов;
- помнить около 3000 хадисов, включая не только матн (непосредственно текст хадиса), но и иснад (цепочку передатчиков);
- доказать свою авторитетность в диспутах и публичных выступлениях;
- разбираться в вопросах иджма' и в позициях различных правоведов в отношении одних и тех же вопросов (ихтилаф фукаха');
- владеть методикой интерпретации избираемых правовых материалов;
- быть специалистом в области применения кийаса;

253

- понимать цели шариата и следовать им при решении поставленных задач.

Для реализации иджма' требуется соблюдение следующих основных условий:

- 1) наличие нескольких муджтахидов;
- 2) их согласие или сходная позиция по рассматриваемому вопросу;
- 3) четко выраженное мнение каждого из муджтахидов.

В зависимости от способа выражения и доведения до сведения общественности различаются три категории иджма':

- 1) ал-иджма' ал-каули- общее решение, принятое при гласном обсуждении;
- 2) ал-иджма' ал-'амали - решение, которое не обсуждалось, но было принято, исходя из одинаковых решений при одинаковых обстоятельствах;
- 3) ал-иджма' ас-сукути- решение какого-либо одного правоведа, получившее широкую известность и против которого не было высказано явных возражений.

При этом, в отличие от прямо выраженной иджма', иджма' ас-сукути может быть впоследствии пересмотрена.

С помощью единодушного решения были выведены, например, такие правила поведения, как запрет употреблять в пищу не только мясо свиньи, но и свиное сало и жир; предоставление 1/6 части наследства бабке покойного и др.

Кийас (суждение по аналогии). С точки зрения западной правовой доктрины, кийас представляет собой не источник права, а метод заполнения пробелов в законодательстве.

Мусульманский правовед-суннит, применяющий кийас, должен сначала внимательно изучить явный и скрытый смысл всех положений, содержащихся в Коране и сунне, а уже затем подвергнуть тщательному анализу (активно используя метод абстрагирования) случай, требующий правового решения, и искать аналогию в Священной Книге или хадисах, а также в заключениях праведных халифов по различным вопросам. Кроме того, возможно проведение аналогии на основе достоверных, получивших широкую известность в обществе фактов.

Кийас включает в себя четыре элемента:

- 1) ал-асл (источник, основа). Модель решенного вопроса, с которым происходит сопоставление;
- 2) ал-фар' (ответвление, вывод). Модель решаемого вопроса;
- 3) ал-хукм (суждение). Запрет или предписание, содержащееся в Коране или сунне, а также других источниках по уже решенному вопросу;
- 4) ал-'илла (причина, условие). Обоснование суждения, на котором строится все сопоставление.

Еще халиф 'Умар I в письме-руководстве своему сподвижнику Абу Мусе ал-Аш'ари рекомендовал тому применять кийас. На это обращает внимание А. С. Боголюбов, напоминая о том, что на момент написания указанного письма Коран еще не был сведен в единый канонизированный текст, сунна только складывалась, а иджма' просто не существовала.

Кийас как один из корней мусульманского права сформулирован на основе индивидуального мнения (ар-рай'). Применение данного рационалистического принципа позволило соединить представления о праве населения Аравийского полуострова с правовой культурой жителей регионов, вошедших в состав мусульманского государства. Заслуга в разработке суждения по аналогии принадлежит Абу Ханифе - основателю ханафитского мазхаба⁴² и его учителю Хаммаду б. Аби Сулайману.

Однако со временем с кийасом произошло то же самое, что и с хадисами. Помимо того, что

широкое употребление кийаса давало простор для злоупотреблений со стороны судей, общее количество вынесенных суждений превысило «критическую массу». Один и тот же случай мог быть истолкован разными правоведами по-разному. В итоге, в последующие эпохи, начиная с XI—XII вв., применение кийаса было ограничено второстепенными правовыми вопросами, что привело к определенному застою в процессе нормотворчества мусульманских правоведов.

Кийас в той или иной степени признается всеми суннитскими мазхабами. К суждению по аналогии обращаются в том случае, когда Коран и сунна не содержат соответствующих ясных предписаний, а иджда' по данному вопросу не сформулирована.

В отличие от последователей суннитских правовых школ, шииты отрицательно относятся к кийасу. В частности, в одном признаваемом шиитами хадисе устами Пророка говорится:

⁴² Подробнее о ханафитском мазхабе см. далее.

255

«Мои приверженцы разделятся на 73 секты, и самой заблудшей будет та группа, которая будет решать вопросы на основе кийаса».

Истихсан. В переводе с арабского истихсан означает «предпочтение». Данный метод поиска правовых решений был разработан Абу Ханифой. Причина появления истихсана была связана с тем, что в ряде случаев применение кийаса могло привести к принятию решений, не соответствующих интересам людей и не учитывающих обстоятельств места и времени, т. е. всей совокупности фактов, которые необходимо принять во внимание при рассмотрении правовой проблемы. В связи с этим, при изучении нескольких правовых норм мусульманский правовед может отвергнуть ту, которая выведена на основании кийаса, и предпочесть другую, которая, по его мнению, наибольшим образом подходит для рассматриваемой ситуации. В таких случаях иногда говорится, что правовед выбирает между поверхностным (кийас захир) и скрытым кийасом (кийас хафи).

Классический пример применения истихсана приводит известный мусульманский правовед из Египта 'Абд ал-Ваххаб Халлаф. Им был рассмотрен случай, когда одно лицо учреждает вакф⁴³, предметом которого выступает участок обрабатываемой земли. При этом учредитель вакфа не оговаривает, что в круг охватываемых данным вакфом имущественных прав входит также в качестве сервитута право пользования водой для орошения и право прохода через территорию участка.

В такой ситуации все зависит от выбора кийаса. Если применить метод поверхностного кийаса, суть которого состоит в обнаружении формального сходства между двумя нормами с целью проведения аналогии, то рассматриваемый договор вакфа уподобляется договору купли-продажи земли. В соответствии с требованиями мусульманского права к условиям договора купли-продажи вышеперечисленные имущественные права (право пользования водой и право прохода) могут быть защищены, только если соответствующая оговорка включена в текст контракта.

⁴³ Вакф - имущество, изъятое из оборота в благотворительных целях. По условиям договора вакфа, учредитель вакфа (вакиф) передает определенное имущество под управление распорядителя (мутавалли') в интересах назначенных им выгодоприобретателей, которые могут пользоваться всем или частью дохода от вакфа.

256

Однако на данную проблему можно посмотреть с позиции анализа сущности договора вакфа. Тогда указанный договор можно будет сопоставить не только с договором купли-продажи, но и договором аренды. В последнем случае право прохода и право пользования водой могут войти в число связанных с вакуфной собственностью прав и подлежать правовой защите без необходимости делать соответствующую оговорку в контракте. Правовед, выносящий такое решение, исходит из того, что сущность договора вакфа состоит не в отчуждении права собственности, а в использовании переданного в вакф имущества в интересах бенефициариев (выгодоприобретателей). Поэтому он делает выбор в пользу более предпочтительного в такой ситуации договора аренды.

Кроме истихсана-предпочтения существует истихсан-исключение, когда правовед выбирает не ту норму, которую следует предпочесть при решении определенного дела, а ту, которую необходимо исключить, дабы не пострадали интересы людей.

Применение истихсана также возможно в случаях, когда кийас противоречит Корану, сунне, иджда' или обычаю ('уроф)⁴⁴.

Между тем, мусульманское право направлено на защиту далеко не всех интересов человека. Не подлежат реализации противоправные интересы, а также те, которые не отражают реальных потребностей людей. Важно также отметить, что правовед при возникновении правовой проблемы не должен слепо следовать решению по аналогичному вопросу, принятому на основе истихсана. Внимательно изучив аргументацию своего предшественника при выведении им правовой нормы, правовед должен самостоятельно решить вновь возникшую проблему.

Истислах (масалих мурсала). В переводе с арабского истислах означает «стремление к пользе». Данный метод был разработан основателем маликитского мазхаба - Маликом б. Анасом под именем «масалих мурсала» (араб. - «независимые полезные действия»), у шафи'итов же он получил название «истислах». В основе истислаха лежит теория о том, что му-

⁴⁴ Подробнее об особенностях обычая как источника мусульманского права см. далее.

257

сультанское право направлено на удовлетворение интересов человека. Поэтому при невозможности

вынесения решения с помощью главных источников - Корана, сунны, иджма' и кий-аса правовед должен прибегнуть к упомянутому методу.

В соответствии с мусульманской правовой доктриной, все интересы человека (в значении потребностей) подразделяются на три вида: 1) первичные нужды (дарурийат), 2) текущие потребности (хаджийат), и 3) стремление к комфорту (тахсинийат, или камалийат). К первым относятся пять защищаемых исламом ценностей - 1) религия, 2) жизнь, 3) разум, 4) честь и достоинство (а также продолжение рода), 5) собственность (имущество). Без удовлетворения этих потребностей человек не может полноценно существовать (еда необходима для поддержания жизни, одежда- для сохранения достоинства, и т. д.). Поэтому если человек ради реализации своих первостепенных интересов совершает преступление (например, кражу продуктов, чтобы утолить голод), то он либо вообще не наказывается, либо наказывается, но не так жестко, как предусмотрено законом. Ко второй категории относятся потребности, реализация которых значительно упрощает жизнь людей, позволяя им не заботиться о самом насущном. И, наконец, третью категорию составляют интересы, удовлетворение которых ведет к безбедному, достаточному образу жизни.

Однако при использовании истислаха важно учитывать следующее. Во-первых, вышеперечисленные интересы, подлежащие удовлетворению, не должны запрещать то, что разрешено Аллахом, и разрешать то, что запрещено Им⁴⁵. Кроме того, данные интересы должны быть реальными (масалих хакикийя), а не носить иллюзорного, вымышленного характера (масалих вахмийя), быть общими (масалих 'амма), а не частными (масалих хасса). Например, если правитель государства требует от правоведа вывести соответствующую норму для оправдания своих действий или удовлетворения личных интересов, то истислах не применяется. Другое дело, если речь идет об интересах всего народа, руководить которым поставлен данный правитель. При этом польза от вынесенного решения должна быть очевидной, необходимой и существенной.

⁴⁵ На этом основании презюмируется, что выносимое с помощью истислаха решение не должно касаться догматических вопросов.

258

Классическим примером применения истислаха является выведенное с помощью данного метода право мусульманского правителя облагать состоятельных подданных не только занятом, но и другими налогами (несмотря на то, что они могут быть не упомянуты в Коране и сунне), если того требуют интересы государства.

Сам Малик б. Анас рассматривал масалих мурсала (истислах) лишь как разновидность истихсана, но придавал последнему вторичность по сравнению с «независимыми полезными действиями». Иными словами, истихсан, по его мнению, не может применяться без масалих мурсала.

Истисхаб (презумпция неизменности состояния). Отвергая истихсан и с рядом оговорок признавая истислах, Аш-Шафи'и разработал метод истисхаб (в переводе с арабского -поиск связи, увязки). Суть данного метода заключается в том, что мусульманский правовед сопоставляет обстоятельства, сопутствовавшие возникновению той или иной правовой проблемы, в настоящее время, с обстоятельствами, имевшими место в прошлом. Иными словами, правовые решения, вынесенные применительно к конкретным обстоятельствам, могут иметь силу до тех пор, пока не появятся достоверные свидетельства, что указанные обстоятельства изменились. Например, в случае безвестного отсутствия человека в течение длительного времени все правила в отношении него остаются в силе, как если бы было достоверно известно, что этот человек жив, - до тех пор, пока не подтвердится обратное и не будет принято соответствующее решение суда⁴⁶.

На истисхабе основан такой важный демократический принцип, как презумпция невиновности.

Шари'а ман каблана (букв.- шариат тех, кто до нас) представляет собой правила поведения, переданные Аллахом пророкам и посланникам до Мухаммада, и о которых сохранились свидетельства в Коране или сунне.

Одной из причин признания шари'а ман каблана в качестве дополнительного источника права является недостаток-

⁴⁶ В 1915 г. в Османской империи были изданы два указа султана, предоставлявшие жене в случае длительного отсутствия или неизлечимой болезни мужа право требовать развода в суде. Важнейшим основанием для подобного иска выступал недостаток средств для содержания ее самой и детей.

259

ная развитость фикха на раннем этапе существования мусульманской общины. В связи с этим большая часть вопросов решалась на основе доисламских правовых норм.

По мнению многих правоведов, данному источнику права можно следовать, если не обнаружено ясных указаний в Коране и хадисах об их аннулировании. В то же время некоторые ученые считают, что исламский шариат аннулирует все, что существовало до него.

Фетва (фатва). Фетва признается мусульманскими правоведами в качестве дополнительного, но очень важного источника фикха. Фетва представляет собой богословско-правовое заключение, в котором дается толкование различным ситуациям с точки зрения шариата.

Наибольшим авторитетом среди мусульман-суннитов пользуются разъяснения по различным правовым вопросам, данные сподвижниками Пророка, - прежде всего праведными халифами. В последующие века, особенно после того, как в XI в. «врата» иджтихада для суннитов-правоведов были объявлены закрытыми⁴⁷, разработка фетв по текущим правовым вопросам на основании толкования главных

источников фикха -Корана и сунны, а также трудов предыдущих поколений юристов, была одним из основных направлений деятельности факихов. Данные ими фетвы часто служили основой для принятия властями мусульманских государств различных нормативно-правовых актов.

Фетва должна иметь письменную форму и не быть адресованной какому-либо конкретному лицу (хотя часто фетвы даются как раз по запросу определенных людей).

Фетва не является обязательной для лица, которое обратилось к правоведа с запросом, ни даже для самого правоведа- автора фетвы. Что касается фетв других правоведов по аналогичным вопросам, то мусульманину предоставляется право выбирать, какую фетву предпочесть, в соответствии с принципом: «Каждый муджтахид прав». Данный принцип, по мнению ряда правоведов, основывается на презумпции, что до начала работы муджтахида по выведению правовой нормы у

⁴⁷ То есть стало невозможным вынесение самостоятельных суждений по вопросам, касающимся основ мусульманского права (усул ал-фикх).

260

Аллаха нет решения как такового о действиях, подлежащих интерпретации. Решением Аллаха будет считаться тот вывод, к которому придет муджтахид путем толкования рассматриваемой ситуации. Поэтому считается, что каждый муджтахид по-своему выражает волю Аллаха и потому не может быть признан заблуждающимся.

Для того, чтобы иметь юридически обязательную силу, положения, содержащиеся в фетве, должны быть облечены в форму нормативно-правового акта.

Обычай. В работах многих мусульманских правоведов, а вслед за ними и их западных коллег слова «'ада» ('адат, обычай) и «'урф» рассматриваются в качестве синонимов⁴⁸. Однако между этими понятиями существует определенная разница. Термин «'урф» первоначально использовался мусульманскими правоведами для обозначения обычного права (не путать с неправовым обычаем!), господствовавшего на территории Мекки, Медины и прилегающих территорий и оказавшего существенное влияние на формирование фикха. Именно поэтому некоторыми мусульманскими мазхабами (прежде всего ханафитским) обычай был признан в качестве дополнительного источника права.

В то же время понятие «'адат» имеет более широкое значение. Под 'адатом понимается, прежде всего, комплекс традиционных норм и институтов, не получивших отражения в классическом мусульманском праве.

Кроме того, за «'адатом» закрепилось значение неправового обычая, который может частично совпадать с нормами мусульманского права или, как минимум, не противоречить им (например, уважение к старшим, ношение соответствующей национальной одежды, и др.). Термин «'адат» также употребляется для обозначения судебного процесса, осуществляемого в соответствии с обычным правом.

Очевидно, что 'адат в двух последних значениях (в качестве неправового обычая и суда, осуществляемого по обычаю) не может с формально-правовой точки зрения выступать источником мусульманского права. Что касается 'адата, понимаемого как обычное право народов, принявших ислам, то его

⁴⁸ Для обозначения обычая также употребляются арабские слова «'адл», «расм», «хакк».

261

нормы могут быть признаны в качестве дополнительного источника фикха, только если они не противоречат общим началам и принципам мусульманского права. Данное замечание тем более уместно, потому что нормы 'адата далеко не во всем соответствовали фикху. Например, такие обычаи, как ишкиль (захват имущества родственников или односельчан неисправного должника в обеспечение долга) и право родных убитого самим выбрать себе кровника, долго не могли быть изжиты на Кавказе, несмотря на активные попытки их искоренить со стороны властей и мусульманских правоведов⁴⁹.

Следует отметить, что в указанном регионе, а также в целом ряде других стран 'адат широко применялся наряду с мусульманским правом, зачастую противореча ему, в различных сферах правового регулирования, причем фикху была порой отведена гораздо более скромная роль, чем обычному праву⁵⁰. Более того, нормы мусульманского права в некоторых регионах могли быть реализованы, только когда становились частью местных обычаев.

Закон. Как сторонники, так и противники признания за законом статуса источника фикха не могут отрицать ту ключевую роль, которую он играет в правовых системах всех без исключения мусульманских стран. Вопрос даже не в том, признавать или не признавать закон в качестве одного из важнейших источников мусульманского права в наши дни. Главное -определить критерии, которым должен соответствовать закон, чтобы рассматриваться в качестве такового.

В законодательстве значительного числа мусульманских стран провозглашается, что все законы (включая Основной Закон- Конституцию) должны соответствовать шариату, либо содержится оговорка о том, что последний является источни-

⁴⁹ Примечательно, что каждое общество могло иметь свои собственные 'адаты. При этом, если лицо, находившееся под юрисдикцией одного общества, обращалось в суд, судивший по «чужим» 'адатам, его ждал крупный штраф.

⁵⁰ Так, к моменту присоединения Кавказа к Российской империи к компетенции фикха относилось лишь брачно-семейное и частично земельное право (вопросы частной собственности на землю, а также вакуфной собственности (собственности мечетей)). А в Индонезии 'адаты составляют основу семейного законодательства страны.

262

ком законодательства. Однако при более детальном изучении правовых систем таких стран оказывается, что существующие законы далеко не во всем соответствуют шариату (в т. ч. прямым предписаниям, содержащимся в Коране)⁵¹.

В связи с этим, для того, чтобы тот или иной нормативно-правовой акт мог быть признан в качестве источника мусульманского права, он должен, по меньшей мере, соответствовать следующим критериям:

1) не объявлять разрешенным то, что запрещено, и не запрещать то, что разрешено в Коране и сунне;

2) быть разработанным авторитетными мусульманскими правоведами (или при их непосредственном участии);

3) основываться на положениях Корана и сунны и достижениях мусульманско-правовой мысли (включая общие принципы мусульманского права);

4) быть направленным на защиту 5 основных ценностей ислама и интересов мусульман;

5) обладать соответствующим механизмом реализации содержащихся в нем положений на практике⁵².

Соответствуя вышеуказанным критериям, закон вполне может быть признан в качестве источника и одновременно формы реализации норм мусульманского права в наши дни.

Что касается кодификации, то этот процесс не следует рассматривать как фатальный для мусульманского права, как считал, например, Шахт⁵³.

⁵¹ Например, законодательство большинства мусульманских государств игнорирует кооранический запрет ростовщичества: «...Аллах разрешил торговлю и запретил рост» (2:275).

⁵² Последний критерий не должен показаться малозначительным, учитывая тот факт, что нередко принятый в соответствии с требованиями шариата закон не может быть полноценно реализован из-за коллизий с другими нормативно-правовыми актами, не основывающимися на нормах и принципах мусульманского права. Например, малазийский Закон об исламском банковском деле 1983 г. (подробнее об этом см.: Shariff M.I. Islamic Banking: How Developed is it in Malaysia Today? Is the Law Equipped for the Development of Islamic Banking? Judicial and Practical Issues// www.mlj.com.my)

⁵³ Справедливо отмечая, что мусульманское право скорее является методом и доктриной, чем кодексом, Шахт пришел к выводу, что кодификация может исказить его сущность (см.: Schacht J. Problems of Modern Islamic Legislation/ Studia Islámica. - 1960. -Vol. 13. - P. 108). Однако он, по нашему мнению, недостаточно учел то обстоятельство, что тот же закон может являться формой реализации взглядов мусульманских правоведов в той степени, в которой эту роль раньше выполняли их научные труды.

263

Противниками кодификации норм фикха приводятся примеры различных государств, где систематизация мусульманского права в форме кодификации способствовала его вестернизации. Например, такая отрасль, как право личного статуса, своего рода «святая святых» фикха, сохранившая свои позиции практически во всех мусульманских странах в относительно неизменном виде, подверглась в Иране в результате кодификации существенному влиянию западного права. В результате, по мнению иранского правоведа Мира Хоссейни, было создано своего рода «гибридное» семейное право, которое нельзя назвать ни мусульманским, ни западным. Автор делает вывод, что процесс кодификации и концепция единой правовой системы с государством, обладающим правом проводить законы в жизнь, чужда шариату.

На наш взгляд, мусульманское право, имея бесспорно оригинальную и с трудом поддающуюся кодификации структуру, больше выиграет, чем проиграет, от систематизации многочисленных, разбросанных по различным источникам и не нашедших адекватного применения в современном мире норм. Как гласит один из важнейших общих принципов мусульманского права: «Надлежит переносить причинение частного вреда ради предотвращения вреда общего».

В этой связи еще раз хочется подчеркнуть, что идея создания законодательства, основанного на достижениях мусульманско-правовой мысли, не будет выглядеть столь уж утопичной, если к процессу нормотворчества будет привлечен широкий круг правоведов различных толков, которые на основе единодушного решения (иджма') разработают соответствующие законопроекты⁵⁴.

⁵⁴ Так, если при разработке обязательных для всех стран международно-правовых документов могли договориться представители государств с различными политическими системами, то почему не могут прийти к согласию мусульманские правоведы, у которых гораздо больше общего?

264

Мазхабы (правовые школы)

По мнению целого ряда исследователей, первый (по времени появления и по значимости) мазхаб - это мазхаб самого Пророка Мухаммада, поскольку Пророк был первым, кто на основе толкования текста Корана стал выводить новые правовые нормы. Позднее, в годы правления праведных халифов Абу Бакра, 'Умара, 'Усмана и 'Али, господствовали мазхабы этих выдающихся сподвижников Пророка. Объясняется это тем, что последнее слово при решении важных правовых проблем оставалось за халифом.

В правление Омейядов мусульманские правоведы суннитского направления разделились на две группы: ахл ар-рай' (сторонников независимого суждения) и ахл ал-хадис (сторонников предания)⁵⁵.

Пытаясь ограничить волюнтаризм в толковании Корана и сунны, ахл ал-хадис опирались в своих суждениях на предания. Именно в период господства династии Омейядов начинается активная работа

собираателей хадисов. Некоторые омейядские халифы, стремясь, чтобы их незаконные, с точки зрения шариата, действия выглядели формально легитимными в глазах подданных, пытались использовать сунну Пророка в своих интересах. Были сфабрикованы многочисленные подложные хадисы. Опасаясь, что фикх может быть искажен, многие выдающиеся ученые того времени взялись за собирание преданий о поступках и действиях Пророка.

Сторонники предания старались избегать выносить решения по любым вопросам, если в их распоряжении не было соответствующих ясных положений Корана и сунны. Однако вскоре под воздействием объективных обстоятельств (появления новых вопросов, прямой ответ на которые отсутствовал в Коране и сунне) они вынуждены были признать иджма' и кий-ас в качестве источников мусульманского права, придав им фактически субсидиарное значение. При этом следует подчеркнуть, что разброс мнений в среде ахл ал-хадис был даже шире, чем среди сторонников независимого суждения. Сторонников предания еще называют мединской школой, поскольку их основная деятельность была сосредоточена в Ме-

⁵⁵ Однако сами основы деления ученых на эти группы были заложены еще во времена праведных халифов,
265

дине и ее окрестностях - регионе, в те времена изобиловавшим хадисами.

В то же время в Ираке, где получило распространение другое течение- ахл ар-рай'⁵⁶, преданий было не так много. Наряду с отсутствием в тех краях значительного числа асхабов (сподвижников Пророка) этот фактор способствовал появлению большого числа фальсифицированных хадисов. Опасаясь основывать свои выводы на подложных хадисах, сторонники независимого суждения предъявляли жесткие требования к их достоверности.

Полагаясь на то, что слова, сказанные Аллахом в Коране, имеют в своей основе конкретные причины, ахл ар-рай' стремились выявить эти причины и с их помощью вывести новые нормы. Этим методом пользовались еще сподвижники Пророка (в т. ч. праведные халифы) при вынесении решений. В целях развития механизма выведения новых норм правоведами -сторонниками независимого суждения моделировались различные ситуации. Вынесенные решения записывались. Постепенно стали собираться сборники подобных гипотетических казусов.

Впоследствии из числа последователей ахл ал-хадис и ахл ар-рай' сформировались все известные нам суннитские мазхабы . Так, например, основатель самого крупного по влиянию в современном мире ханафитского толка Абу Хани-фа, ученик величайшего богослова и знатока хадисов своего времени Хаммада б. Аби Сулаймана, был сторонником независимого суждения. Вплоть до середины IX в. представите-

⁵⁶ После завершения процесса формирования мазхабов понятие «ар-рай'» было поглощено более широким понятием «иджтихад». При этом мусульманская традиция приписывает возникновение термина «ар-рай'» халифу 'Умару б. ал-Хаттабу, который послал другого известного сподвижника Пророка 'Абдаллаха ибн Мас'уда в Ирак судьей, повелев судить «как видишь и полагаешь» (би-р-рай ва-н-назар). В соответствии с разъяснением халифа, под «ар-рай'» он понимал суждение по аналогии (кийас) и общественную пользу (маслаха) // Ислам. Энциклопедический словарь. М., Наука, 1991. С. 197. Таким образом, фактически отцами-основателями течения «ахл ар-рай'» можно назвать халифа 'Умара I и 'Абдаллаха ибн Мас'уда.

⁵⁷ В настоящее время в каждом толке существует деление на сторонников предания и сторонников независимого суждения.
266

лей ханафитского и маликитского мазхабов именовали ахл (асхаб) ар-рай'.

Однако до того, как в суннизме и шиизме окончательно оформились мазхабы, сохранившие свое значение до наших дней, в процессе развития толков произошли не только качественные, но и количественные изменения.

Согласно преданию, уже к началу III в. хиджры исчезло 500 мазхабов. Фактически же мы можем говорить примерно о 19 правовых школах, возникших в период с середины I до IV века хиджры. Назовем лишь некоторые из них.

Основатель мазхаба *ауза'итов* - имам Абу 'Амр 'Абд ар-Рахман б. 'Амр ал-Ауза'и (707-774). Получив образование в Мекке, Медине и Басре, имам вернулся в Сирию, где помимо прочего занялся исследованиями в области коранических наук. Сочинения Ал-Ауза'и «Китаб ас-сунан фи-л-фикх» и «Китаб ал-маса'ил фи-л-фикх» до наших дней не дошли.

Мазхаб ауза'итов получил распространение в Сирии и Андалусии (мусульманская Испания). Будучи последовательным сторонником течения ахл ал-хадис, Ал-Ауза'и признавал источниками права Коран и сунну, полагая, что положения, в них заключенные, должны восприниматься буквально, без какой-либо интерпретации. К таким источникам, как кийас и иджма', Ал-Ауза'и обращался лишь в исключительных случаях.

Ближе к концу IX века ауза'иты были вытеснены из Сирии шафи'итами. Согласно легенде, вновь назначенный кади Дамаска Абу Зур'а Мухаммад б. 'Усман, будучи шафи'итом, всеми возможными способами старался увеличить количество последователей данного толка. Так, он приказал выдавать сто динаров любому, кто выучивал наизусть главную книгу, излагающую правовые аспекты учения шафи'итов-«Мухтасар» («Краткий сборник») Ал-Музани. В итоге количество шафи'итов стало расти, а ауза'итов-уменьшаться. В Андалусии же последователей Ал-Ауза'и потеснили маликиты.

Если же взять за основу менее романтическую версию, высказанную Мукаддаси, то упадок школы

ауза'итов был вызван тем, что область их влияния была в стороне от общественной жизни халифата, - в те времена (при 'Аббасидах) Андалусия и Сирия были периферией исламского мира.

Однако сам Ал-Ауза'и продолжает и по сей день пользоваться авторитетом среди мусульманских правоведов. Некото-

267

рые его идеи нашли продолжение в воззрениях его учеников: Малика б. Анаса и Суфьяна б. Са'ида б. Масрука ас-Саури, которые также основали свои правовые школы.

Последний, проживая в городе Куфе, которая была центром сторонников независимого суждения, тем не менее продолжал оставаться последователем традиционалистов (ахл ал-хадис).

Отвергая попытки 'аббасидского халифа Ал-Мансура вмешиваться в судебные дела, Ас-Саури (ок. 714-777 или 778) отказался от его предложения занять должность кади Куфы. Скрываясь большую часть жизни от преследований со стороны властей, Ас-Саури так и не смог собрать значительное число учеников. Кроме того, как гласит предание, по просьбе Ас-Саури его добросовестный ученик 'Аммар ибн Сайф уничтожил все письменные труды имама после его смерти. Однако взгляды Ас-Саури дошли до нашего времени в изложении других мусульманских правоведов.

Ас-Саури рассматривал Коран и сунну в качестве главных источников мусульманского права, но также не исключал возможности обращения к иджма' в различных спорных ситуациях. В то же время он выступал категорически против применения кийаса и истихсана.

Основателем другого, впоследствии также исчезнувшего мазхаба, является имам Ал-Лайс б. Сад (712 или 713— 791). Центр деятельности последователей мазхаба Ал-Лайса находился в Египте. К сожалению, до нашего времени не сохранилось ни одной работы имама. Объясняется это, помимо прочего, тем, что во время занятий Ал-Лайса с учениками не существовало практики записывать его высказывания. Кроме того, отсутствие выдающихся учеников у имама позволило последователям Аш-Шафи'и сравнительно легко завоевать ведущие позиции в Египте и ослабить влияние его мазхаба.

Однако исчезновение ждало и гораздо более крупные и авторитетные толки. Например, в X-XIII вв. в мусульманском мире была широко распространена правовая школа *захиритов*. Основателем мазхаба является Да'уд б. 'Али ал-Исфাহани (815-883), получивший прозвище Аз-Захири (от арабского слова захир - очевидное, буквальное значение). Иногда захиритов называли также да'удитами - по имени основателя тол-

268

ка. Аз-Захири был учеником Аш-Шафи'и, но вскоре перешел к Ибн Ханбалу⁵⁹.

Главнейшими источниками права Аз-Захири признавал Коран и сунну. Однако он был сторонником буквального понимания содержащихся там положений, исключая любую возможность толковать их смысл рационально. Захириты признавали иджма' лишь в качестве единодушного мнения сподвижников Пророка.

Формально Аз-Захири отвергал кийас, однако применяемый им в отношении Корана и сунны принцип мафхум напоминал по сути данный метод. Захириты не признавали диспозитивных правил, отрицая право сторон изменять условия договора. Что касается такого рационалистического приема поиска правовых решений, как истихсан, то он захиритами однозначно отвергался.

При внимательном изучении захиритского мазхаба можно найти много общего в воззрениях Аз-Захири и Ибн Ханбалы.

Захиритский мазхаб получил распространение от Хорасана, где среди его сторонников было немало влиятельных людей, до Андалусии, где в конце XII в. в правление династии Альмохадов захиритский мазхаб был признан официальной правовой школой. Расцвету и развитию мазхаба на территории современной Испании способствовала деятельность выдающегося правоведа Ибн Хазма (994-1064). Во многом благодаря его активной научной и просветительской деятельности захиритский мазхаб просуществовал в Андалусии вплоть до начала XV в.

Свою школу основал и Ат-Табари (838 или 839-923), автор «Та'рих ар-русул ва-л-мулук» («История посланников и царей»). Данный мазхаб был назван *джариритским* - по имени отца Ат-Табари Ибн Джарира.

Будучи одним из лучших комментаторов Корана, Ат-Табари хорошо разбирался в области хадисоведения ('илм ал-хадис) и правоведения ('илм ал-фикх). По большому счету, различия между джариритами и шафи'итами были несущественны: многие важные аспекты своего учения Ат-Табари заим-

⁵⁸ Впоследствии захириты наиболее активно критиковали позиции шафи'итов.

⁵⁹ Подробнее об Ибн Ханбале и ханбалитском мазхабе см. далее.

269

ствовал у Аш-Шафи'и, мазхабу которого он следовал длительное время.

В настоящее время в мусульманском мире сохранили свое влияние 4 суннитских и 2 шиитских мазхаба⁶⁰.

Ханафитский мазхаб. Основатель мазхаба Абу Ханифа (699-767) родился в семье крупного иранского торговца шелком из Куфы⁶¹. В истории ислама Абу Ханифа известен не только как выдающийся богослов и правовед, получивший за свои знания почетное прозвище ал-имам ал-а'зам (великий имам), но и как необычайно богобоязненный человек.

По преданию, узнав, что в Куфе продают мясо украденных овец, Абу Ханифа 7 лет не ел баранину из-за боязни съесть запретное. Опасаясь обидеть невинных, имам наотрез отказывался от должности судьи, которую ему неоднократно силой навязывали правители. Так, примерно в 747-48 гг. Абу Ханифа вынужден был бежать в Мекку, не желая уступать требованиям наместника Ирака Ибн Хубайры, который

принуждал имама стать судьей г. Куфы⁶². Когда спустя несколько лет он вернулся в Куфу, 'аббасидский халиф Ал-Мансур предложил ему место кади или другую ответственную должность в столице халифата - Багдаде. Но Абу Хани-⁶⁰ Некоторые исследователи выделяют также в качестве самостоятельных правовых школ исма'илитский и 'ибадитский мазхабы. Однако еще в средние века при решении многих правовых вопросов последователи данных толков стали ориентироваться на джа'фаритский и другие мазхабы, а потому нет смысла рассматривать их отдельно.

⁶¹ Поскольку доктрина Абу Ханифы нашла значительное число приверженцев среди неарабов, представители разных мусульманских народов считают имама «своим». Например, Аксеки утверждает, что Абу Ханифа по происхождению турок (Akseki A. Hamdi. Islam dini, itikad, ibadet ve Ahlak. - Ankara, [б.г.], - С. 27). Другие исследователи полагают, что Абу Ханифа происходит из известной семьи в Кабуле, но родился в Куфе, куда вынуждены были переселиться его родители (Абдулхаким Шаръий Жужжоний. Развитие шариата в Афганистане: Автореферат на соиск. ученой степени кандидата юридических наук. Ташкент, 1997. С. 15).

⁶² Впоследствии многие выдающиеся мусульманские правоведы отказывались от места судьи и других важных административных должностей. Например, Малик б. Анас, ученик Абу Ханифы Зуфар ибн ал-Хундайл, и др.

270

фа вновь отказался, за что был брошен в темницу и выпорот. Вскоре имам умер.

У Абу Ханифы было много выдающихся учеников, благодаря которым до наших дней дошло его творческое наследие. Среди них выделяются Абу Йусуф, Зуфар ибн Худайл, Мухаммад ибн ал-Хасан аш-Шайбани.

Ханафиты однозначно признают Коран главным источником фикха. Что касается сунны, то последователи ханафитского мазхаба считают достойными доверия далеко не все хадисы, а только те, которые, помимо достоверности, обладают известностью. В качестве иджма' признается, прежде всего, единодушное мнение сподвижников Пророка по вопросам, ответа на которые не содержится ни в Коране, ни в сунне. Если же между асхабами не было достигнуто консенсуса, то Абу Ханифа путем логического анализа выбирал наиболее предпочтительное мнение какого-нибудь одного сподвижника. Кроме того, ханафитами допускается иджма' небольших групп авторитетных правоведов (т. н. локальная иджма').

Абу Ханифа и его ученики активно использовали кийас, а в случаях, когда применение кийаса могло нанести ущерб интересам человека, обращались к истихсану.

Благодаря признанию ханафитами за обычаем Сурф) статуса дополнительного источника права ханафитский мазхаб получил широкое распространение в мире. Большую роль в деле утверждения идей ученых ханафитского мазхаба оказало закрепление данного толка в качестве государственного⁶³ в трех крупнейших мусульманских государствах: Османской империи, Золотой Орде и империи Великих Моголов⁶⁴.

В наши дни значительное число последователей ханафитского толка проживает в Афганистане, Индии, Ираке, Паки-

⁶³ Признание того или иного мазхаба в качестве государственного выражается в назначении государством судей, придерживающихся определенного толка, и наложении на правоприменительные органы обязанности решать дела на основании взглядов правоведов одной и той же правовой школы.

⁶⁴ В XX в. в конституции и другие законы некоторых мусульманских стран вошли положения, указывающие на то, что источником законодательства является доктрина Абу Ханифы (например, Конституции Афганистана 1931 г. и 1964 г.)

271

стане, России, среднеазиатских республиках СНГ, Турции и других странах.

Основатель *маликитского мазхаба* Малик б. Анас. так же, как и Абу Ханифа, был торговцем шелком. Научная деятельность имама Малика была тесно связана с Мединой, откуда он был родом. Главное произведение Малика б. Анаса - «Ал-Мувагга'» («Расчищенная тропа»), представляющая собой сборник хадисов Пророка, а также высказываний и решений его сподвижников. Данное произведение дошло до нашего времени в редакциях Мухаммада аш-Шайбани и Йахьи ал-Лайси ал-Андалуси.

Маликиты признают Коран и сунну в качестве главных источников права, причем сунна рассматривается как продолжение Корана (в той ее части, где приведены предания, переданные со слов сподвижников Пророка из Медины). Хадис, переданный хотя бы одним асхабом, маликиты ценят выше, чем кийас. Кроме того, в качестве дополнения к сунне, своего рода коллективного хадиса, рассматривается т.н. 'амал - практика жителей Медины.

Основываясь на том, что многие из жителей современной ему Медины были потомками сподвижников Пророка или тех, кому довелось общаться с ним, Малик рассматривал обычаи и традиции жителей Медины своего времени как разновидность ас-сунна ал-фа'алийя, где зафиксированы поступки и действия Пророка, или ас-сунна ат-такририйя (санкционирующей сунны). Ссылка на мнения и решения асхабов-немединцев, а также выдающихся последователей сподвижников (таби'ун), приемлема в качестве дополнительного источника.

Основное отличие маликитского мазхаба от ханафитского- в границах применения такого источника, как иджма'. По мнению Малика, в понятие «иджма'» входит, прежде всего, коллективное мнение сподвижников Пророка, а потом уже остальных правоведов. Кроме того, как и Абу Ханифа, Малик отдавал предпочтение индивидуальному мнению асхабов перед своим собственным.

'Урф в качестве дополнительного источника права также признается последователями маликитского мазхаба.

В настоящее время маликитский мазхаб распространен в странах Северной и Западной Африки,

Бахрейне, Кувейте.

272

Шафи'итский мазхаб. Основателем шафи'итского мазхаба является Абу Абдаллах Мухаммад б. Идрис Аш-Шафи'и (767-820). Вся творческую деятельность Аш-Шафи'и можно условно разделить на два периода: 1) доегипетский и 2) египетский.

В начале первого периода Аш-Шафи'и являлся учеником Малика б. Анаса⁶⁵, а после смерти последнего в 795 г. прибыл в Мекку и вскоре был назначен правителем в Наджран. После того, как имам вынужден был оставить эту должность, он спустя некоторое время перебрался в Багдад, где самостоятельно занялся иджтихадом. В Багдаде и Ракке (резиденции халифа) он перенял многие положения ханафитского учения. В доегипетский период, известный также как «Ал-Мазхаб ал-кадим» («Старая школа»), ученики записали со слов Аш-Шафи'и книгу «Ал-Худжжа» («Свидетельство»), в которой излагались основные положения шафи'итского толка на тот период.

Египетский период в жизни Аш-Шафи'и начался, когда он примерно в 814-15 гг. из-за разногласий с халифом Ал-Ма'муном покинул Багдад и уехал в эту страну. Здесь, будучи уже самостоятельным муджтахидом, он учился у учеников имама Ал-Лайса. Данный период, называемый иногда «Ал-Мазхаб ал-джадид» («Новая школа»), характеризуется расцветом шафи'итского толка. Аш-Шафи'и продиктовал своим ученикам книгу «Ал-Умм» («Сущность»). В «Ал-Умм» были пересмотрены многие предыдущие воззрения имама по вопросам права.

Аш-Шафи'и принадлежит выдающаяся роль в деле систематизации источников мусульманского права (усул ал-фикх) и развитии соответствующей науки ('илм ал-усул).

Последователи шафи'итского мазхаба рассматривают Коран и сунну в качестве единого источника, при этом сунна выступает в качестве тафсира (толкования) к Корану.

Так же, как и Малик, Аш-Шафи'и безапелляционно принимал хадисы, исходящие от асхабов-мединцев. Главным условием приемлемости преданий имам считал их достоверность.

⁶⁵ Согласно преданию, Аш-Шафи'и выучил наизусть книгу своего учителя Малика- «Ал-Муатта'».

273

Аш-Шафи'и впервые сформулировал положение о том, что иджма' является источником фикха. Рассматривая единодушное мнение в качестве третьего по важности источника права, имам, тем не менее, полагал, что его применение возможно далеко не во всех ситуациях. Аш-Шафи'и безоговорочно принимал иджма' сподвижников Пророка и муджтахидов из Медины. Если же они не пришли к единодушному решению по какому-либо вопросу, то Аш-Шафи'и, подобно Абу Ханифе, выбирал то мнение, которое он считал наиболее соответствующим содержанию главных источников - Корана и сунны.

Кийас, который Аш-Шафи'и определил как трехчленный силлогизм, используется шафи'итами для вынесения решения на основе предыдущих корней фикха.

Аш-Шафи'и отвергал истихсан, считая, что те, кто его использует, узурпирует права Аллаха.

Учениками Аш-Шафи'и были впоследствии основатели самостоятельных толков Ахмад б. Ханбал, Да'уд аз-Захири, Абу Джа'фар ат-Табари.

Шафи'итский толк получил наибольшее распространение в Иордании, Ливане, Палестине, Сирии, странах Юго-Восточной Азии и Восточной Африки. В России последователи шафи'итского мазхаба проживают, в основном, в Чечне и Дагестане.

Ханбалитский мазхаб. Ханбалиты, в отличие от других правовых школ, далеко не сразу были признаны в качестве последователей самостоятельного мазхаба. Например, Ат-Табари не считал основателя толка Ахмада б. Ханбала (780-855) юристом. О признании за последователями Ибн Ханбала статуса правой школы говорится у Ал-Газали около 1107 г.

Имам Ахмад б. Ханбал аш-Шайбани получил известность прежде всего как знаток хадисов. По легенде, он знал наизусть более 1 миллиона преданий.

Всю жизнь Ибн Ханбал страдал за свои убеждения. Отказавшись признать теорию му'тазилитов о сотворенности Корана, он был заключен в тюрьму на 28 месяцев.

Имам Ахмад обучался у одного из выдающихся мусульманских юристов Абу Йусуфа, а также у Аш-Шафи'и. Однако, освоив искусство рационалистических приемов поиска необходимых правовых решений, Ибн Ханбал вскоре целиком посвятил себя собиранию и изучению хадисов. Он совершил большое

274

число поездок по территории Ирака и Аравийского полуострова, встречаясь со знатоками преданий. Ибн Ханбал является автором самого большого среди существующих сборника хадисов под названием «Муснад» («Опора»), в котором содержится около 40000 преданий, включая повторяющиеся.

Согласно Ибн ал-Джаузи, имам Ахмад не издавал фетв до тех пор, пока не достиг 40 лет.

Ханбалиты признают Коран и сунну в качестве главных источников права. Отрицая возможность рационального истолкования догматов веры, они отвергают как буквальное, так и аллегорическое толкование Священной Книги и хадисов.

Выступая в качестве последовательных сторонников чистоты исламского вероучения, ханбалиты делают акцент на сунне Пророка, объявляя ее главным критерием истинности веры мусульманина. Ибн Ханбал предпочитал при вынесении правового решения опираться на слабые (да'иф) хадисы, чем самому использовать кийас, называемый ханбалитами ал-кийас ад-дарура (араб. - аналогия по необходимости).

Как известно, не все деяния Пророка являются выражением его Пророческой миссии. Например, поведение Мухаммада в быту. Ханбалиты же рассматривают бытовые подробности, освященные

авторитетом сунны, в качестве одобряемых с точки зрения шариата действий и призывают следовать им.

Ханбалиты признают иджма' третьим по важности источником права, но, как считал Ибн Ханбал, доверия заслуживает только единодушное мнение сподвижников Пророка и последователей сподвижников. Иджма' же последующих поколений исламских деятелей и ученых таким авторитетом не обладают ввиду фактической невозможности единодушного решения разъехавшихся по различным городам и регионам огромного мусульманского мира богословов и правоведов. Однако в случае недостижения согласия между асхабами по какому-либо вопросу, индивидуальные мнения сподвижников также рассматриваются ханбалитами в качестве источника права. В этом смысле правовые заключения асхабов пользовались большим авторитетом, чем решения основателей мазхабов, включая самого Ибн Ханбала.

Помимо имама Ахмада, значительная роль в разработке и развитии идей ханбалитского мазхаба принадлежит Ибн ал-Джаузи (ок. 1116-1201) и Ибн Таймийе (1263-1328).

275

Во многом благодаря Ибн ал-Джаузи ханбалитский толк стал господствующим в Багдаде при халифе Ал-Мустади'. В своих ярких выступлениях Ибн ал-Джаузи призывал доносить на людей, порочащих репутацию Пророка.

Ибн Таймийа уделял большое внимание вопросам власти в мусульманском обществе. После его смерти ханбалитский толк стал утрачивать свое влияние. Многие ханбалиты были уничтожены монгольскими завоевателями за то, что оказывали им активное сопротивление словом и делом.

Проповедническая деятельность Мухаммада ибн 'Абд ал-Ваххаба (1703 или 1704-1787)- основателя салафитского призыва - позволила ханбалитскому толку как бы заново родиться. В своих воззрениях Ибн 'Абд ал-Ваххаб опирался на идеи, изложенные в трудах Ибн Таймийи.

Что касается *шиитов*, то среди них так же, как и среди суннитов, имело место деление на традиционалистов (ахбаритов, или ахбари) и рационалистов (усулитов, или усули)⁶⁶. Признавая в качестве главных источников права Коран и сунну, ахбари фактически ставили знак равенства между иджма' и мнением находящегося во главе общины имама. Усули придавали единодушному мнению больше значения, но также оставляли за имамом последнее слово при решении того или иного правового вопроса. Кроме того, усулиты, в отличие от ахбаритов, активно применяют четвертый корень фикха - 'акл (разум).

Примерно в одно время с суннитскими стали возникать шиитские правовые школы, среди которых наибольшее влияние приобрели джа'фаритский (имамитский) и зайдитский мазхабы.

Джа'фаритский (имамитский) мазхаб. Данный мазхаб назван по имени пользующегося авторитетом как среди шиитов, так и суннитов шестого шиитского имама Джа'фара ас-Садика (ок. 700-765). Не принимая участия в политической борьбе за власть в халифате⁶⁷, имам посвятил себя исследова-

⁶⁶ Речь идет об имаматах, составляющих большинство среди последователей шиитской ветви ислама.

⁶⁷ Иمامу Джа'фару удавалось поддерживать хорошие отношения и с Омейядами (халиф Хишам), и с 'Аббасидами (халиф Ал-Мансур).

276

тельской работе. Ему приписываются сочинения по различным отраслям знания, включая оккультные науки.

Ученики и последователи Джа'фара ас-Садика называют его автором особой богословской системы и разработчиком основ (усул) джа'фаритского мазхаба. Однако вопрос о роли имама в разработке правовых основ данного толка остается дискуссионным. В любом случае, дальнейшее развитие джа'фаритского мазхаба было бы немислимо без таких выдающихся правоведов последующих поколений, как Ал-Кулини (Ал-Кулайни), Ал-Кумми, Ат-Туси, Ал-Хилли и др.

Мухаммад б. Йакуб Абу Джа'фар ал-Кулини (ум. 941) является автором первого и наиболее полного сборника шиитских (имамитских) преданий (ахбаров⁶⁸) «Ал-Кафи фи 'илм-ад-дин» («Достаточное изложение религиозных основ»), состоящего из 30 томов и содержащего около 16000 хадисов. Ал-Кулини посвятил работе над данным трудом 20 лет. «Ал-Кафи» тематически разделен на две части: 1) усул - куда вошли предания, посвященные вопросам религиозной догматики, этики, имамата⁶⁹, и др., и 2) фуру' - правовые хадисы 'ибадат (пост, молитва, хадж и др.) и му'амалат (право личного статуса, сделки и др.).

Значительная роль в популяризации данной работы Ал-Кулини принадлежит другому выдающемуся богослову и правоведу Мухаммаду ат-Туси (995-1067), автору таких авторитетных сочинений, как «Ал-Истибсар фи ма ухтулифа фихи мин ал-ахбар» («Пояснение к расхождениям относительно (шиитских) преданий») и «Тахзиб ал-ахкам» («Дополнение к кораническим предписаниям»). Два данных труда, представляющие собой сборники хадисов, входят наряду с упоминавшимся «Ал-кафи» Ал-Кулини в число четырех сборников преданий, признанных

⁶⁸ Термин хабар (мн. ч. ахбар) является общим для суннитов и шиитов, равно как и термин «хадис». Многие суннитские богословы и правоведы используют термин «хабар» для обозначения преданий, восходящих к сподвижникам или последователям сподвижников Пророка, другие называют так все предания, содержащие информацию о словах и поступках Пророка Мухаммада (см.: Массэ А. Ислам. Очерк истории. М., 1982.- С. 171). Поэтому в дальнейшем термины «хадис» и «хабар» будут употребляться нами в качестве синонимов.

⁶⁹ Вопрос об имамате (праве на верховную власть в мусульманской общине) является ключевым в разногласиях суннитов и шиитов.

277

шиитами-имамитами в качестве канонических. Четвертым произведением в этом списке является

сборник Абу Джа'фара Мухаммада б. Али ал-Кумми, более известного под именем Ибн Бабуя (ум. 991), «Ман ла йахдуруху ал-факих» («Каждый законовед - для себя»), куда вошло более 9000 преданий⁷⁰.

Однако и после создания данных канонических трудов шиитские правоведы продолжали работу по сбору и систематизации хадисов. Но последующие сборники преданий не пользуются таким же авторитетом, как названные четыре.

На протяжении многих веков (вплоть до XIX в.) в среде шиитов-имамитов велись острые дискуссии между ахбаритами (традиционалистами) и усулитами (рационалистами). Борьба шла с переменным успехом, однако в итоге верх одержали рационалисты. Поэтому в определенном смысле можно утверждать, что джа'фаритский толк в его современном виде оформился лишь к концу XVIII века⁷¹. При этом среди шиитов-имамитов и в настоящее время есть ахбариты, но их число незначительно по сравнению с числом усулитов.

Джа'фариты признают Коран в качестве главного источника права, придерживаясь при этом аллегорического толкования текста Священной Книги⁷². Что касается хадисов, то последователями джа'фаритского толка признаются лишь те из них, которые переданы со слов родственников Пророка Мухаммада (ахл ал-байт).

Значительное влияние на методологию решения правовых вопросов джа'фаритами оказали шафи'иты⁷³. Джа'фариты-усулиты, как и шафи'иты, признают иджма'в

⁷⁰ «Ал-Истисбар» и «Тахзиб ал-ахкам» включают более 13 и более 5,5 тысяч хадисов соответственно.

⁷¹ Если обратиться к истории формирования суннитских мазхабов, то мы увидим, что борьба между традиционалистами (ахл ал-хадис) и рационалистами (ахл ар-рай') не носила столь же продолжительного характера (тем более внутри самих толков) и завершилась с началом периода таклида (традиции) и закрытием врат иджитхада в XI в. В отличие от суннитов, шииты-имамиты считают таклид в вопросах вероучения и отчасти права неприемлемым.

⁷² Имам Джа'фар ас-Садик считается основателем науки об аллегорическом толковании Корана.

⁷³ В свое время Аш-Шафи'и был обвинен халифом Ал-Ма'муном в склонности к шиизму (Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 295).

278

качестве источника права, однако отвергают кийас, применяя вместо него другой корень (асл) фикха - 'акл (разум).

По мнению специалистов, при решении частных вопросов права (фуру'), - в отличие от его основ (усул), - шииты-имамиты довольно близки суннитам. Данное обстоятельство позволило некоторым ученым рассматривать джа'фаритский мазхаб в качестве 5 суннитской правовой школы⁷⁴

Признание «правоверия» джа'фаритского мазхаба со стороны суннитов подтверждает тот факт, что это единственный шиитский толк, получивший в XVIII в. отдельное место для молитвы в ограде Ка'бы наравне с суннитскими мазхабами⁷⁵. Однако позиция джа'фаритов в вопросе об имамате и проистекающие отсюда расхождения с суннитами в вопросе толкования усул ал-фикх не позволяет причислить джа'фаритский толк к суннитским не только с догматической, но и с правовой точки зрения.

В наши дни последователями джа'фаритского мазхаба является большинство жителей Ирана, около половины населения Ирака. Шииты-имамиты проживают также в Ливане, Кувейте и др. странах.

Зайдитский мазхаб считается самым умеренным в шиизме. Данный толк назван по имени внука третьего имама шиитов Хусейна- Зайда б. Али (ок. 700-740), которого его сторонники признали как пятого имама. Зайд был знаком с такими учеными, как Абу Ханифа и Суф'иан ас-Саури.

Зайд возглавил борьбу с Омейядами, но вскоре в его стане произошел раскол, поскольку многие шииты не разделяли умеренных взглядов имама (он, например, в отличие от большинства своих сторонников, не считал первых халифов - Абу Бакра и 'Умара узурпаторами власти, рассматривая в качестве такового лишь 'Усмана). В итоге, оставшись с небольшим войском, Зайд погиб в сражении.

⁷⁴ Кроме того, тот факт, что Джа'фар ас-Садик, проживший всю жизнь в Медине, лояльно относился к суннитам, является дополнительным аргументом в глазах сторонников данной точки зрения.

⁷⁵ В 1924 г. будущий король Саудовской Аравии 'Абд ал-'Азиз ибн Са'уд захватил Мекку и объединил всех молящихся под руководством одного имама- вне зависимости от их принадлежности к тому или иному толку.

279

Имам Зайд сам преподавал и имел много учеников. Однако он не записывал свои фетвы и не оставил сборника преданий, авторитетным знатоком которых считался. Его высказывания собирались учениками и составили впоследствии книгу «Ал-Маджму' ал-кабир», куда вошли хадисы и фетвы, приписываемые Зайду, а также другим ученым-'Алидам. Составителем «Ал-Маджму' ал-кабир» выступил Абу Халид 'Амр б. Халид ал-Васити (ум. 889).

Среди других последователей имама Зайда следует отметить Ал-Касима б. Ибрахима ал-Хасани, одиннадцатого зайдитского имама; историка и знатока преданий Ахмада б. Мухаммада ал-Хамдани, написавшего кни у об имамате «Китаб ал-валайа ва ман равайахум Гадир Хумм»⁷⁶ («О наследовании верховной власти и о тех, кто рассказывал о деле Гадир Хумм»); и др.

Зайдиты признают Коран в качестве главного источника права. При этом они всегда считали существующий текст Корана полным, отличаясь тем самым от радикальных шиитов. Очень важным является отношение зайдитов к сунне. Зайдиты расходятся с последователями других шиитских мазхабов в том, что признают не только хадисы, переданные родственниками Пророка (ахл ал-байт), но и все другие

предания, заслуживающие доверия. Критический подход использовался Зайдом при изучении высказываний (аквал) имама 'Али. Зайд отбирал только те из них, которые, по его мнению, не вызывали сомнения с точки зрения достоверности, и рассматривал их как составную часть сунны.

Зайдиты считают иджма' третьим источником права (включая единодушные решения сподвижников Пророка). Что касается кийаса, то, формально не признавая его, зайдиты используют различные сходные с кийасом умозрительные конструкции. Четвертым источником права в зайдитском мазхабе является 'акл.

При решении правовых вопросов, не связанных с источниками (корнями) права, зайдиты, в основном, ориентируются

⁷⁶ Гадир Хумм - название пруда, около которого, согласно шиитскому преданию, Пророк Мухаммад объявил имама 'Али (наиболее почитаемую фигуру мусульманской истории среди шиитов) своим преемником и единственным духовным наследником. День пруда (йаум ал-гадир) отмечается шиитами как праздник.

280

на ханафитский мазхаб и, в меньшей степени, - на шафи'итский и джа'фаритский.

Зайдитский мазхаб был объявлен государственным Идрисидами (781-926), в Табаристане (863-928), Йемене (901—1962). В настоящее время данному толку следует большинство жителей Северного Йемена.

Как показывает история развития мазхабов, среди основных факторов, оказавших влияние на укрепление авторитета мусульманско-правовых школ, выделяются, прежде всего, два:

1) наличие выдающихся учеников у основателей толков, которые развили и популяризировали их идеи;

2) поддержка со стороны государства.

Однако последний фактор, на наш взгляд, не является определяющим. Например, ханбалитское учение долгое время не признавалось в качестве самостоятельного мазхаба правоведом других толков, а сами ханбалиты нередко преследовались властями (вплоть до почти полного истребления при монголах). Тем не менее, им удалось сохранить свое значение в качестве одного из четырех канонических суннитских толков до наших дней.

Уже более века в мусульманском мире наблюдается процесс консолидации мазхабов. Так, начиная примерно со второй половины XIX столетия, читая работы того или иного автора, иногда сложно установить, какого толка он придерживается. Данный процесс был обусловлен необходимостью разорвать порочные узы таклида⁷⁸, способствовавшие деградации мусульманского права, и сконцентрировать усилия мусульманских правоведов на работе по дальнейшему развитию фикха, утратившего к середине XIX века свое значение практически во всех мусульманских странах.

⁷⁷ Данное обстоятельство позволяет ряду суннитских правоведов при рассмотрении правовых вопросов изучать зайдитский мазхаб наряду с суннитскими.

⁷⁸ Таклид (араб. - следование) - зд.: следование авторитету муджтахидов какого-либо толка при разработке второстепенных вопросов (ФУРУ') фикха. После закрытия врат иджтихада в XI в. в суннитском исламе наступил период таклида, характеризующийся фракционностью мазхабов и застоём в развитии фикха. Мусульманское право стало развиваться в рамках толков на основе осмысления, толкования и переработки трудов предшественников.

281

Теперь мы можем утверждать, что усилия сторонников возрождения шариатских наук увенчались успехом: начиная со второй половины XX века мусульманское право стало завоевывать, казалось бы, навсегда утраченные им позиции. В наши дни нормы фикха оказывают порой существенное влияние на различные сферы общественной жизни в исламском мире. На этом фоне среди исследователей вновь возрос интерес к изучению мусульманского права, переставшего быть юридической антропологией, напоминающей, по выражению Снука-Хьюгронье, о кладбище. Однако, как и в прежние времена, далеко не всем удается постичь суть этого многогранного явления, которое как нельзя точно охарактеризовал выдающийся отечественный востоковед А. С. Боголюбов: «Что же касается самого мусульманского права, то в полном объеме оно было доступно лишь немногим. Право, как часть всего богословского комплекса, было вершиной, к которой стремились лучшие умы халифата, а затем и всего мусульманского мира. Овладевший этими знаниями становился человеком незаурядным и мог претендовать на преимущественное положение на всех поприщах общественной жизни. Именно знание права давало богословам тот общественный вес, что с ними должны были считаться правители всех рангов, вплоть до халифа. Влияние правоведов-богословов на все социальные процессы в халифате было столь велико, что их следует считать ведущей частью элиты, ибо именно ими разрабатывался и укреплялся тот идейный стержень, на котором держалось государство. Да и само мусульманское право следует считать явлением элитным, созданным искусственно относительно небольшой группой ученых и внедренным в широкие массы законодательным путем»⁷⁹.

Литература

Антология мировой правовой мысли в 5 тт. - Т. 1: Античность. Восточные цивилизации/Отв. ред. Л. Р. Сюкияйнен. М., 1999.

Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002

⁷⁹ Боголюбов А. С. Пресечение и наказание в мусульманском праве (VIII—IX вв.)// Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984. С. 217-222.

282

Боголюбов А. С. О месте кийас в ряду основ мусульманского права// Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Кр. сообщ. VI годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР. М.,

1970.

Боголюбов А. С. Пресечение и наказание в мусульманском праве (VIII-IX вв.)// Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984.

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности/ Пер. с фр. В. А. Туманова. М., 2003.

Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе/ Пер. с англ. М. Т. Степанянц. М., 2002.

Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь/ Под ред. С. М. Прозорова. - Вып. 3. М., 2001.

Ислам. Энциклопедический словарь/ Г. В. Милославский и др. М., 1991.

Керимов Г. М. Шариат - закон жизни мусульман. М., 1999.

Кныш А. Д. Ханбалитская критика суфизма (по материалам «Талбис Иблис» Ибн ал-Джаузи)// Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная науч. сессия ЛО ИВ АН СССР 1983-1984 гг. Ч.1. М., 1985.

Коран/ Пер. с араб. И. Ю. Крачковского. М., 1991.

Массэ А. Ислам. Очерк истории/ Пер. с фр. Н.С. Луцкой и Н. Б. Кобриной. М., 1982.

Мец А. Мусульманский Ренессанс/ Пер. с нем.. Д. Е. Бертельса. М., 1996.

Садагдар М. И. Основы мусульманского права. М., 1968.

Сахих аль-Бухари. Мухтасар (Полный вариант)/ Пер. с араб. В. Нирши. М., 2003.

Ас-Суйути, Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках/ Пер. с араб. Д. В. Фролова. Вып. 2. М., 2001.

Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. М., 1986.

Табатабаи, Мухаммед Хусейн. Шиизм в исламе/ Пер. с перс. Ф. А. Шафаи. - Кум: Всемирная ассамблея «Ахл-е байт», [б.г.].

Теория государства и права/ Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 2001.

Филипс, Абу Амина Биляль. Эволюция фикха. Исламский закон и мазхабы/ Пер. с англ. Т. В. Гончаровой. - Киев, 2001.

283

Халиков А. Г. Хадис как источник мусульманского права (суннитское направление): Автореферат дисс. на соиск. ученой степени канд. юр. наук. Душанбе, 1996.

Элон М. Еврейское право/ Пер. с иврита А. Белова (Элинсона), М., 2002.

Dutton Y. The Sources of Islamic Law. An Overview// www.muhammad.com

Nawaz M.K. A Re-examination of Some Basic Concepts of Islamic Law and Jurisprudence// Indian Yearbook of International Affairs. Madras, 1963. -Pp. 3-28.

'Абд ар-Рахман ал-Джазири. Китаб ал-фиус 'ала мазахиб ал-арба'а (в 5 тт.). -[Б.м., б.г.].

Кава'ид усул ал-фикх 'ала мазхаб ал-имамийа. - Тегеран-Кум, 2002.

Манна' ал-Каттан. Та'рих ат-ташри' ал-исламий. Ат-ташри' ва-л-фикх. -Эр-Рияд, 1996.

284

АЛЕК Д.ЭПШТЕЙН. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Формирование израильской государственности

Задачи и проблемы, стоявшие перед молодым Государством Израиль в 1948 году, были похожими на те, с которыми столкнулись другие страны, провозгласившие государственный суверенитет. Однако история становления демократии в Израиле не вписывается в какие-либо традиционные рамки и модели, принятые для анализа политических режимов в западных странах. С одной стороны, Израиль, наряду с Индией, остается одной из двух стран, получивших независимость после Второй мировой войны, сумевших установить и сохранить демократическую форму правления. Иными словами, из многих десятков стран, провозгласивших государственный суверенитет в течение последних шестидесяти лет, лишь Израилю и Индии удалось утвердить приоритет демократически избранных институтов власти, что весьма впечатляет, особенно учитывая тот факт, что обе страны находятся в состоянии перманентного военно-политического противостояния с окружающими их враждебными мусульманскими странами. С другой стороны, и в Израиле, и в Индии правящие партии бесценно сохраняли свое лидирующее положение на протяжении нескольких десятилетий, что весьма нехарактерно для либеральных демократий. Англичане покинули Индию в 1947 году, после чего правящей партией в стране стал Индийский национальный конгресс, впервые проигравший всеобщие выборы в 1967 году. Британский мандат на управление Палестиной закончился в 1948 году, после чего управление страной перешло к органам власти, доминирующее положение в которых занимали представители Рабочей партии Израиля. Гегемония Рабочей партии продолжалась двадцать девять лет - до 1977 года. Следует отметить и то, что и в Израиле, и в Индии (как и во многих других странах) пули убийц обрывали жизни законно избранных лидеров страны: ярко выражен-

285

ный политический характер убийств Ицхака Рабина, Индиры Ганди и ее сына Раджива наглядно продемонстрировал хрупкость демократической формы правления, которая многими в современном обществе теперь ставится под сомнение.

Вопреки распространенному мнению, израильское общество никогда не отличалось высокой степенью единства ни в вопросах внутренней, ни внешней политики. По данным опроса, проведенного Ашером Арианом в 1962 году, 26% израильтян выступали за развитие экономики страны по капиталистическому пути, в то время как 54% были сторонниками той или иной формы социализма. В вопросах внешней политики Израиль пытался лавировать между супердержавами, причем вопрос о

взаимоотношениях с Советским Союзом раскалывал общество не меньше, чем вопрос о путях урегулирования конфликта с арабскими странами. Пожалуй, едва ли не наиболее острым был вопрос о возможности заключения соглашения с Германией, и Д. Бен-Гурион, первый премьер-министр Израиля, пошел на это, несмотря на беспрецедентный размах антиправительственных демонстраций в стране. Враждебность Д. Бен-Гуриона по отношению к коммунистической идеологии и советскому режиму не помешала ему верить, что, несмотря на идеологические разногласия, благодаря новой политике Советского Союза в конце 1940-х годов политические контакты между двумя странами станут возможными. Он считал, что необходимо избегать любой конфронтации с Россией, и даже взвешивал возможность заключения военно-стратегического соглашения с СССР. Подобный прагматичный подход Д. Бен-Гурион демонстрировал и в отношении Великобритании. Несмотря на официальное признание Израиля Великобританией 27 апреля 1950 года, воспоминания о жесткой антиеврейской политике мандатных властей, в особенности после окончания Второй мировой войны, вызывали ожесточенные споры о возможности и целесообразности политического сближения с этой страной. Хотя во время Войны за независимость Д. Бен-Гурион твердо верил, что в этом политическом и военном конфликте Великобритания являлась «невидимым» врагом Израиля, в октябре 1956 года он пошел на проведение совместной с Великобританией военной операции против Египта.

Противоречия сложившейся в Израиле политической системы проявлялись еще и в том, что при наличии сильного ру-

286

ководителя с авторитарными склонностями наиболее важные вопросы внутренней политики решались путем переговоров и компромиссов между едва ли не всеми конфликтующими сторонами. При доминирующем положении Рабочей партии в парламенте (Кнессете), правительстве и в местных органах власти, почти все основные политические вопросы (в том числе о статусе религии в общественной жизни, о создании единой системы образования в стране, о путях формирования конституционного законодательства и т. д.) были урегулированы путем достижения взаимоприемлемых компромиссов между нею и другими политическими силами. Несмотря на господство Рабочей партии в хозяйственной жизни страны, в Федерации профсоюзов и во многих общественных организациях, в основе политической жизни страны лежали принципы многопартийности, регулярно проводились всеобщие выборы, существовала сильная судебная власть, в целом соблюдался принцип разделения властей, что позволяет говорить о существовании в Израиле демократической формы правления уже в первые годы после обретения страной государственной независимости.

Ведущая роль Рабочей партии в большинстве сфер общественной жизни не вызывала сомнений еще в догосударственный период. Созданная в 1930 году (после слияния партий *Ах-дун ха-авода* [«Единство труда»] и *Ха-поэль ха-цаир* [«Молодой рабочий»]) Рабочая партия заняла доминирующую позицию как в политике, так и в хозяйственной и управленческой сферах еврейской общины. Несмотря на достаточно большое количество партий, сложившихся на момент провозглашения независимости Израиля (в ходе состоявшихся в 1949 году выборов в Кнессет первого созыва электоральный барьер преодолели двенадцать партийных списков), политическая гегемония социал-демократов облегчалась отсутствием в стране единой оппозиции, которая бы могла на равных бороться с Д. Бен-Гурионом и возглавляемой им партией.

В первые годы государственной независимости Израиля оппозиция состояла из четырех групп партий, имевших различную идеологическую платформу. Речь идет (1) об объединившихся в 1948 году в партию МАПАМ просоветски настроенных левосоциалистических движениях *Ахдун ха-авода - Поалей Цион* («Рабочие Сиона») и *Ха-шомер ха-цаир*

287

(«Молодой страж»); (2) об объединившихся перед выборами 1949 года в единый блок (распавшийся уже перед выборами в Кнессет второго созыва в 1951 году) религиозных партиях сионистского (движения *Мизрахи* и *Ха-поэль ха-мизрахи*) и несионистского (движения *Агудат Исраэль* и *Поалей Агудат Исраэль*) толка; (3) о союзе заново объединившихся после раскола 1935 года членов Федерации Общих сионистов, именовавших себя «партией центра», и о близкой к ним по духу Прогрессивной партии; и, наконец, (4) о блоке правых партий, включавшем движение *Херут* («Свобода») и ревизионистов, в который вошли также многие бойцы действовавших в 1930-х - 1940-х годах военизированных организаций ЛЕХИ и ЭЦЕЛЬ. Слабость оппозиционных сил заключалась в их крайней разобщенности, вызванной непримиримостью их идеологических позиций и нежеланием идти на взаимное сближение, что лишало их возможности действовать совместно и образовать единый блок, который мог бы бросить вызов гегемонии Рабочей партии. В результате, в первые два десятилетия государственной независимости позиции Рабочей партии оставались незыблемыми. На всех выборах она получала наибольшее число голосов. После выборов в Кнессет в 1949 году она имела 46 мандатов (из общего числа в 120 депутатов), в 1951 году - 45, в 1955 году - 40, в 1959 году - 47. Подобная стабильность лидирующего положения Рабочей партии была особенно впечатляющей на фоне стремительного увеличения численности населения Израиля (выросшего за период с 1948 по 1958 гг. более чем в два с половиной раза) и изменения его социально-демографического состава, вызванного постоянным прибытием новых иммигрантов из стран диаспоры. Постоянная угроза существованию Государства Израиль и обусловленное ею ощущение внутренней сплоченности были, пожалуй, самыми сильными факторами, укреплявшими позиции Рабочей партии, ибо в условиях непрекращавшейся борьбы за существование любая попытка серьезно изменить расстановку политических сил воспринималась как покушение на стабильность в стране.

Следует отметить, что основные политические партии и движения сложились в Палестине еще в период британского мандата, поэтому можно говорить о том, что уже тогда в еврейском обществе сформировались принципы многопартийно-

288

сти и плюрализма. В каждом составе избиравшегося в годы мандата Национального собрания было представлено более десятка списков различных партий и движений; в состоявшихся в 1949 году выборах в Кнессет первого созыва участвовала двадцать одна партия. Однако полномочия центральных национальных учреждений еврейской общины признавались далеко не всеми; в частности, отношение к этим учреждениям представителей религиозных кругов и сторонников так называемого «ревизионистского» движения было весьма неоднозначным. Достаточно сказать, что в последних в период британского мандата выборах в Национальное собрание, состоявшихся в 1944 году, не участвовало более 32% представителей еврейской общины, имевших право голоса (из 300.018 человек, обладавших избирательным правом, в выборах приняли участие 202.448 человек). После провозглашения независимости Д. Бен-Гурион считал крайне важным добиться признания легитимности власти нового правительства в глазах всех групп населения страны. Исходя из этого, он стремился создать государственное устройство, характерными признаками которого были бы терпимость и готовность к сотрудничеству, невзирая на политические разногласия. Он понимал необходимость идти на компромисс с большинством партий, включая даже и радикальные религиозные, например, *Агудат Исраэль*. В результате такого подхода в Израиле первого десятилетия сложилась достаточно стабильная политическая система, основу которой составлял консенсус между парламентскими фракциями по некоторым наиболее важным проблемам, при одновременном сохранении разногласий по другим вопросам. Однако необходимо отметить, что, несмотря на то, что по многим сложным вопросам был найден компромисс, в большинстве своем они не были решены, а лишь «заморожены» на какое-то время, и впоследствии споры по ним вспыхивали с новой силой. В этой связи выделяется соглашение о статус-кво во взаимоотношениях между религией и государством. Несмотря на то, что по данным проведенных еще в шестидесятые годы опросов доля граждан, определенно относивших себя к светскому населению, более чем вдвое превышала процент религиозных, а 52% избирателей правящей Рабочей партии выступали за отделение религии от государства, оно так и не было проведено. По словам известного израильского политолога Эхуда Шпринцака,

289

имеет смысл говорить о том, что в первые годы в Израиле был достигнут лишь «оперативный», а не постоянный консенсус.

Помимо прочего, достигнутая политическая стабильность во многом была обусловлена отсутствием сильных независимых общественных движений вне партийной системы. Большинство учреждений, общественных организаций, групп лоббирования и средств массовой информации были связаны с самим правительством, с Федерацией профсоюзов и Еврейским агентством, или же с политическими партиями. Многие средства массовой информации также принадлежали тем или иным партиям. В этих условиях оппозиционные группы пытались достичь своих политических целей, не выходя за рамки существующего оперативного политического консенсуса. Деятельность неправительственных организаций в те годы была ограниченной, а движения социально-политического протеста возникали редко и не были долговечными. Ни состоявшаяся в 1951 году забастовка моряков, ни бурные демонстрации протеста во время обсуждения Кнессетом соглашений о репарациях с Германией в январе 1952 года, ни трехмесячная забастовка на заводе «Ата» летом 1957 года, ни волнения в Хайфском районе Вади-Салиб в июле 1959 года не привели к формированию новых социальных движений протеста, оставшись в истории Израиля как более или менее спонтанные кратковременные проявления общественного недовольства, не вызвавшие каких-либо серьезных изменений.

Для израильской модели политического устройства в формативный период государственной независимости характерна относительная слабость законодательной ветви власти и ее зависимость от правительства. Взаимоотношения между парламентом и правительством складывались таким образом, что реальный механизм взаимодействия этих двух ветвей власти во многом отличался от того, который предусматривался соответствующими законами. Коалиционные соглашения, заключаемые после каждых выборов между партиями, входящими в правительство, во многом определяли повестку работы Кнессета до следующих выборов, причем отдельные законы буквально «навязывались» меньшинством большинству. Заимствованный у англичан принцип коллективной ответственности, означающий, что решения правительства обязательны для всех входящих в него министров, привел к тому, что при голосовании в Кнессете депутаты от партий, входящих в коали-

290

цию, могли проголосовать против большинства в правительстве только при условии, что они были готовы покинуть коалицию и быть отстраненными от участия во власти. Создание широких коалиций, включавших большинство представленных в парламенте партий, явилось одной из основных причин, приведшей к тому, что на практике исполнительная власть господствовала над законодательной. Опыт деятельности таких коалиций показывал, что пока правительство опиралось на стабильное большинство депутатов Кнессета, именно оно, а не парламент, принимало все действительно важные решения.

Еще одной важной характеристикой израильской модели государственного устройства является гражданский контроль над армией и другими силовыми структурами. Несмотря на то, что проблемы обеспечения безопасности постоянно находились (и находятся) в центре внимания общества, отодвигая на

второй план важные социальные вопросы, контроль правительства и парламента за деятельностью силовых структур предотвратил опасность формирования в Израиле военного режима. После выборов в Кнессет первого созыва участие военных в списках кандидатов в члены парламента было запрещено, а число отставных военачальников среди депутатов в 1950-х-1960-х годах не превышало пяти. В первое десятилетие политической независимости Израиля сменились четыре начальника Генерального штаба армии (эту должность после довольно занимали Яков Дори, Игаль Ядин, Мордехай Маклеф и Моше Даян), причем назначения армейских командиров были и остались исключительной прерогативой гражданского политического руководства страны. Все это свидетельствует о высокой степени защищенности израильской демократической системы от опасности формирования военной олигархии, навязывающей свои методы управления всему обществу. Анализ электоральных предпочтений израильского офицерского корпуса, проведенный в 1965 году, не выявил принципиальных идеологических различий между политическими предпочтениями кадровых военных и гражданским населением: в армии, как и в обществе, представлены все существующие политические идеологии. Такой остается ситуация и в настоящее время.

Парадоксальным образом централизация государственной власти сочеталась в Израиле со сравнительно высокой степе-

291

ню готовности правительства передать отдельные полномочия в руки не зависящих от него структур. Например, Федерация профсоюзов и после 1948 года в немалой степени определяла политику в таких сферах, как здравоохранение, строительство и социальное обеспечение, обладая определенным влиянием на процесс принятия экономических решений. Еврейское агентство продолжало играть активную роль в организационном обеспечении массовой миграции и поселенческого движения, а также в отношениях с евреями диаспоры. Это же относится и к Земельному фонду, который продолжал заниматься приобретением земель и их управлением.

Важно отметить и то, что в Израиле никогда не существовало монопольного контроля правящей партии над прессой: даже в годы политической гегемонии Рабочей партии наряду с издававшейся ею с 1925 года газетой «Давар» («Слово») выходили и газеты ее политических противников и конкурентов: находившиеся правее Рабочей партии ревизионисты выпускали в 1938-1949 гг. газету «Ха-машкиф» («Наблюдатель»), а впоследствии- газету «Херут» («Свобода»), правоцентристская партия Общих сионистов издавала в 1935-1965 гг. газету «Ха-бокер» («Утро»), левосоциалистические партии *Ахдут ха-авода* и МАПАМ - соответственно газеты «Ла-мерхав» (в 1947-1971 гг.) и «Аль ха-мишмар» (в 1943-1995 гг.), коммунисты в 1947-1975 годах распространяли среди своих сторонников газету «Коль ха-ам» («Голос народа»). Иными словами, несмотря на то, что большинство читателей черпали информацию о происходившем в стране и мире из газет, придерживавшихся определенной партийно-политической линии, далеко не всегда это была линия правящей Рабочей партии, печатный орган которой конкурировал на рынке средств массовой информации со многими другими партийными и частными изданиями, среди которых выделялся остро критический независимый еженедельник «Ха-олам ха-зе» («Этот мир»). Представляется особенно важным подчеркнуть, что даже в эпоху господства партийной прессы различные, порой - диаметрально противоположные толкования происходящих событий в разных газетах способствовали формированию социально-политической полемики в стране: даже звуча громче остальных, голос газеты правящей партии «Давар» не заглушал сильно отличавшиеся от него голоса других газет.

292

При этом в Израиле нет и никогда не было Основного закона (Конституции), который бы гарантировал соблюдение гражданских прав в стране, и до относительно недавнего времени не было принято каких-либо законодательных актов в этой сфере, пусть и не имеющих конституционного характера. Большая часть юридических актов, обеспечивающих соблюдение прав человека в Израиле, базируется не на законах, принятых парламентом, а на прецедентных решениях Верховного суда.

Конституционное законодательство и правовая система

14 мая 1948 г., за несколько часов до окончания мандата Великобритании на Палестину, Народный совет, состоявший из тридцати семи сионистских лидеров, обнародовал Декларацию независимости Израиля и особым манифестом провозгласил себя Временным государственным советом - высшим законодательным органом создаваемого еврейского государства. Временный государственный совет отменил британские законы, ограничивавшие еврейскую иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль и продажу земли евреям. Временный государственный совет оставил в силе британские законы, действовавшие в Палестине на 14 мая 1948 г., ограничив это решение оговоркой, что это касается тех нормативных актов, которые согласуются с Декларацией независимости, с будущими законами и с изменениями, вытекающими из факта создания Государства Израиль и его органов власти, до тех пор, пока не приняты новые законы, отменяющие прежние.

Первым законом, принятым Временным государственным советом (19 мая 1948 г.), был Указ о правилах осуществления власти и судопроизводства, устанавливавший состав и обязанности Временного государственного совета и Временного правительства (так называемого «Народного правления») и утверждавший функции муниципалитетов и других органов местной власти и судебных органов в рамках их прежних полномочий. Уже в этом первом законодательном акте Израиль обратился к британской модели государственного управления, согласно которой парламенту теоретически принадлежит наивысший статус, но на практике правительство способ-

293

но контролировать его. С одной стороны, указ подчиняет исполнительную власть законодательной, которая определяет основы внутренней и внешней политики, принципы налогообложения и бюджетного финансирования. С другой стороны, в нем говорится, что если законодатели объявят чрезвычайное положение, то министры, входящие в правительство, будут иметь полномочия подписывать указы, приостанавливающие или ограничивающие действие принятых парламентом законов. Продолжающееся действие формально не отмененного до сих пор чрезвычайного положения укрепляет положение правительства Израиля по сравнению с органами исполнительной власти в западных странах, которые имеют право издавать указы только на основе законодательства, принятого парламентами, и контролируются ими.

18 ноября 1948 г. Временный государственный совет издал Декрет о выборах в Учредительное собрание на основе всеобщего равного избирательного права при прямом и тайном голосовании. Первые всеобщие выборы после провозглашения государственной независимости состоялись 25 января 1949 г. Первым законом, принятым Учредительным собранием, торжественное открытие которого состоялось 14 февраля 1949 г., был Закон о переходном периоде, заложивший юридическую основу законодательной и исполнительной власти Государства Израиль. Согласно этому закону, законодательный орган государства именуется Кнессетом, а Учредительное собрание провозгласило себя Кнессетом первого созыва. Было установлено правило, согласно которому каждый закон должен быть подписан премьер-министром, министром или министрами, на которых возлагается ответственность за его выполнение, а после этого - президентом государства.

Предполагалось, что Кнессет первого созыва составит проект Конституции Государства Израиль. Это соответствовало и внешнеполитическим обязательствам Израиля: согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г., после раздела Палестины «учредительное собрание каждого государства- еврейского и арабского- должно ввести демократическую конституцию». Решение о принятии конституции Учредительным собранием Государства Израиль было зафиксировано и в Декларации независимости страны. Еще в декабре 1947 г. правление Еврейского агентства поручило Иехуде Пинхасу

294

зну подготовить черновой проект, который мог бы стать основой для обсуждения будущей конституции еврейского государства. Два года спустя отдельные члены Кнессета первого созыва пытались добиться включения в Закон о переходном периоде параграфа, обязывающего Кнессет принять единый Основной закон, однако потерпели неудачу, прежде всего - из-за противодействия правящей Рабочей партии, бывшей едва ли не единственной нерелигиозной партией, выступавшей против конституции. Парадоксально, но среди противников принятия конституции Учредительным собранием был и д-р Зерах Вархафтиг, назначенный в 1948 г. председателем Конституционной комиссии Временного государственного совета.

Кнессет первого созыва не спешил с рассмотрением вопроса о принятии конституции. На протяжении полутора лет - с февраля 1949 по июнь 1950 г. - эта тема обсуждалась на девяти заседаниях. Аргументация сторонников принятия конституции сводилась к тому, что, во-первых, в ее отсутствие невозможен реальный контроль над деятельностью правительства, в том числе и в законотворческой деятельности, а во-вторых, она необходима для недвусмысленного определения границ полномочий государственных структур, прежде всего - силовых; именно конституция является обычно гарантом основных прав и свобод граждан.

Глава правительства Давид Бен-Гурион, выступая в Кнессете 20 февраля 1950 г., в свою очередь утверждал, что опасности, подстерегающие формирующуюся демократию, «реальны в государстве, имеющем конституцию, в такой же степени, как в государстве, конституцией не обладающем». Выступая против принятия конституции, депутат Кнессета Давид Бар-Рав-Хай утверждал, что сохранение принципов демократии зависит не от конституции, а от «сознания и уровня политической культуры народа»; в качестве примера противники конституции говорили об огромных различиях между законами и практикой при диктаторских режимах, существовавших в середине XX столетия в Германии и в России.

13 июня 1950 г. Кнессет большинством голосов утвердил компромиссное предложение депутата Изхара Харари, поддержанное, в том числе, правящей Рабочей партией. Принятое решение гласило: «Кнессет постановляет возложить на Комиссию по вопросам конституции, права и судопроизводства под-

295

готовку проекта конституции государства. Конституция будет построена таким образом, чтобы каждый ее раздел представлял собой основной закон. Разделы должны предоставляться Кнессету по мере завершения Комиссией своей работы и должны быть включены в конституцию государства». Данный компромисс позволил избежать резких столкновений между различными социальными и политическими группами в Израиле, что было крайне важно для государства, лишь за полтора года до этого провозгласившего свою независимость.

Первый из Основных законов был принят лишь восемь лет спустя после утверждения предложения И. Харари. Лишь в 1958 г., когда Кнессет третьего созыва уже приближался к концу своей каденции, был принят первый из действующих на сегодняшний день Основных законов- Основной закон о Кнессете. Впоследствии Кнессетом было принято еще десять Основных законов: о землях Израиля (1960), о президенте государства (1964), о правительстве (1968), о государственной экономике (1975), об армии

(1976), о Иерусалиме- столице Израиля (1980), о судопроизводстве (1984), о Государственном контролере (1988), о свободе деятельности (1992) и о свободе и достоинстве человека (1992).

Следует отметить, что хотя до начала 1990-х годов Кнессетом было принято девять Основных законов, ни один из них не привел к кардинальным изменениям в той сфере, которая относилась к компетенции данного закона. Выборы в Кнессет первого созыва прошли за девять лет до принятия в 1958 г. Основного закона о Кнессете, президент Израиля был впервые избран за шестнадцать лет до принятия в 1964 г. Основного закона о президенте государства, ведомство Государственного контролера сорок лет работало без определяющего его деятельности Основного закона (принят в 1988 г.). С принятием в 1968 г. Основного закона о правительстве не произошло практически никаких перемен в работе органов исполнительной власти, а с принятием в 1984 г. Основного закона о судопроизводстве - в органах власти судебной. Иерусалим был объявлен столицей государства немедленно после провозглашения независимости, девятнадцать лет спустя Восточный и Западный Иерусалим были объединены под израильским суверенитетом, однако прошло еще долгих тринадцать лет, пока в 1980 г. был принят Основной закон о Иерусалиме- столице Израиля.

296

Принцип подчиненности армии гражданским органам власти утвердился в Израиле задолго до того, как в 1976 г. был принят Основной закон об армии.

Иной была ситуация с Основным законом о свободе и достоинстве человека и Основным законом о свободе деятельности, принятыми в 1992 г. (второй из этих законов был принят в 1994 г. в новой редакции). До этого все принятые Кнессетом Основные законы относились к функционированию тех или иных государственных институтов, однако теперь появились Основные законы о гражданских правах личности. Кроме того, вторая редакция Основного закона о свободе деятельности включала и статью о том, что «Основные права человека в Израиле базируются на признании человека высшей ценностью, на святости и неприкосновенности его жизни и свободы. Уважение этих прав соответствует духу Декларации независимости Государства Израиль». До этого зафиксированные в Декларации независимости права на свободу вероисповедания и совести, а также отчетливо выраженный в ней принцип «полного общественного и политического равноправия всех граждан без различия религии, расы или пола», никогда не были повторены ни в одном из принятых Кнессетом законов. Именно поэтому в своих многочисленных выступлениях и статьях нынешний председатель Верховного суда Израиля Аарон Барак охарактеризовал эти законы как «существенное изменение в нашем конституционном строе, составляющее конституционную революцию». По мнению судьи А. Барака, с принятием этих законов «полномочия Кнессета ограничиваются; Кнессет теперь может далеко не все». В Израиле впервые был принят Основной закон, придавший юридическую силу Декларации независимости. Следует, однако, отметить, что фундаментальное положение «конституционной революции» попало во вторую редакцию Основного закона почти случайно. Принятой в либерально-демократических странах основательной подготовительной работы, предшествующей принятию столь важных законов, в данном случае проведено не было.

Важно отметить и то, что кроме отдельных «защищенных» статей Основного закона о Кнессете, Основного закона о правительстве и Основного закона о свободе деятельности, все остальные основные законы (включая Основной закон о достоинстве и свободе человека) могут быть изменены простым

297

большинством депутатов Кнессета. Кроме того, принцип отбора тех или иных законов в качестве «основных» вызывает небезосновательные сомнения. Например, такие важнейшие документы, как Закон о возвращении (1950), Закон о гражданстве (1952), Закон о государственном образовании (1953), Закон о равноправии женщин (1951) и другие, не имеют статуса «основных». Все эти проблемы серьезно ограничивают надежды на принятие полноценной конституции страны в обозримом будущем.

Надо сказать, что в то время, как в области общественного права британское мандатное законодательство было заменено на новое- израильское, в области частного, гражданского и коммерческого права турецкое и мандатное законодательство было сохранено в силе, что позволило израильским законодателям временно не заниматься вопросами, относящимися к этим сферам. Область частного права, регулирующая отношения между отдельными людьми, не считалась особенно важной в стране, где доминировала идеология коллективизма. Отцы-основатели государства надеялись, что благодаря воспитанию норм коллективизма и подчинения интересов личности интересам общества конфликты между отдельными частными лицами, характерные для буржуазного общества, не будут иметь определяющего значения в Израиле. Если, тем не менее, отдельные конфликты проявятся, то их можно будет разрешить вне рамок юридической системы - в производственных и сельскохозяйственных кооперативах (кибуцах), в партиях и т. п.

Область судопроизводства была одной из немногих сфер общественной жизни, где руководители еврейской общины в период британского правления не создали систему учреждений, альтернативную мандатной администрации. В переходный период между принятием решения о разделе Палестины и провозглашением независимости Израиля созданию системы судопроизводства будущего государства также не уделялось должного внимания. Руководство еврейской общины сконцентрировало большую часть усилий на организации исполнительных структур власти и создании боеспособной армии. В Декларации независимости Государства Израиль говорится о законодательной и исполнительной власти, но совершенно не упоминаются судебные органы. В Указе о правилах осуществ-

298

ления власти и судопроизводства также не были определены структура, полномочия и персональный состав судебной системы. Процесс формирования органов исполнительной и законодательной власти занял около трех лет; процесс формирования судебных органов был еще более длительным и продолжался фактически до 1953 года.

С конца мая 1948 г. министр юстиции Пинхас Розен подписал целый ряд указов о назначении судей, причем эти назначения получили как судьи, уже работавшие в судах подмандатной Палестины, так и адвокаты и общественные деятели, не имеющие судейского опыта. 30 июня 1948 г. был издан Указ о судах (правила переходного периода), восполнивший пробел, вызванный отсутствием главы о судах в Указе о правилах осуществления власти и судопроизводства. Этот Указ уполномочивал министра юстиции предлагать Временному правительству кандидатуры судей для назначения их в Верховный суд после утверждения Временным государственным советом. Тем самым фактически была определена система назначения судей, в соответствии с которой за министром юстиции, подобно лорд-канцлеру в Англии, сохранялось решающее слово в этом вопросе.

В августе 1953 г. Кнессетом был принят Закон о судьях, устанавливавший, что судьи всех инстанций назначаются Комиссией, состоящей из председателя и еще двух членов Верховного суда, двух министров, включая министра юстиции, двух депутатов Кнессета и двух представителей коллегии адвокатов. Создание комиссии, большинство членов которой были профессиональными юристами, а не политиками, ограничило вмешательство парламента и правительства в процесс назначения судей. Определяющим критерием при назначении судей являются их профессиональные качества. Закон о судьях также закрепил независимость - как структурную, так и личную, - судей от других органов власти.

Принятие в 1980 г. Кнессетом Закона об основах права в значительной степени освободило израильское законодательство от английского влияния. Закон об основах права предусматривает, что в случае, когда существующее израильское законодательство недостаточно или неприменимо, в своих решениях суд должен руководствоваться принципами свободы, справедливости, равенства и мира в духе наследия народа Израиля.

299

В настоящее время израильское правосудие основано, прежде всего, на Основном законе о судопроизводстве, принятом Кнессетом в 1984 г. (с поправками, внесенными в 1992 г.), Законе о судах от 1984 г. (с многочисленными дополнениями и поправками) и Законе об уголовном судопроизводстве (сводная редакция) от 1982 г.

Израильская судебная процедура во многом аналогична принятой в английском суде, с той разницей, что в израильском суде не бывает присяжных. Слушание дела ведется в форме прений между истцом и ответчиком или, в уголовном процессе, между обвинением и защитой, в то время как судья выносит решение на основании свидетельств и доводов, представленных в ходе слушания.

Верховный суд, заседающий в Иерусалиме, является высшей судебной инстанцией в стране. Так как в Израиле нет закона о Конституционном суде и не существует Конституционного суда как отдельной инстанции в структуре государственной власти, то согласно принятой практике, закрепленной в одном из положений Основного закона о судопроизводстве, согласно Положению, опубликованному в 1984 г. (с последующими исправлениями), функции контроля за доскональным соблюдением законов государственными институтами возложены на Верховный суд, выступающий в таком случае как Высший суд справедливости (БАГАЦ). В начальный период существования государства Высший суд справедливости рассматривал почти исключительно индивидуальные жалобы граждан по поводу нарушения их прав и свобод. С течением времени, однако, в Высший суд справедливости стали подаваться иски о соответствии принятых Кнессетом решений основным законам страны. Так, например, в 1981-1982 годах Верховный суд дважды отменял принятые Кнессетом законодательные акты, как не соответствующие Основному закону о Кнессете. В последние годы подобная практика стала повсеместной; более того, 24 сентября 1997 г. Верховный суд впервые признал одно из положений принятого Кнессетом закона «антиконституционным», чем окончательно утвердил себя в качестве Конституционного суда.

Действуя в качестве Высшего суда справедливости и рассматривая ежегодно тысячи исков граждан против решений органов государственной и муниципальной власти (по

300

состоянию на 30 сентября 2003 г. в Высшем суде справедливости в очереди на рассмотрение находилось 1.819 исков), Верховный суд Израиля внес огромный вклад в утверждение либеральных свобод и прав личности в стране. Такие важные права, как право на свободу печати, право на свободу совести, право на свободу митингов и демонстраций, до сих пор не зафиксированы ни в одном из израильских законов. Эти права защищены именно вердиктами Верховного суда, что позволяет оценивать высшую судебную инстанцию страны как основной гарант обеспечения прав и свобод граждан. Доступность Верховного суда, куда может обратиться каждый гражданин Израиля и житель контролируемой израильскими войсками территории, также является важнейшим позитивным фактором, которым невозможно пренебречь. Вместе с тем, многие общественные деятели критикуют Высший суд справедливости за его чрезмерный, по их мнению, «судебный активизм» и за вмешательство в вопросы политического и религиозного характера. Норма, устанавливаемая Верховным судом при рассмотрении конкретных дел, является обязательным руководством для судов низших инстанций.

Говоря о деятельности Верховного суда Израиля в качестве Высшего суда справедливости, необходимо отметить четыре особенности. Во-первых, Высший суд справедливости лишен права

предварительного конституционного контроля (которым обладают Конституционные суды в ряде европейских стран, как, например, во Франции, в Португалии и в Румынии); иначе говоря, судьи отказываются рассматривать степень легальности того или иного • законопроекта, имеющего те или иные шансы быть принятым Кнессетом, пусть даже он и прошел утверждение в предварительном, первом и/или втором чтении. В функции Высшего суда справедливости входит последующий конституционный контроль принимаемых законов, а не их предварительный экспертный анализ.

Во-вторых, Верховный суд не наделен функцией «абстрактного контроля», которая подразумевает возможность подачи запроса в суд о конституционности принятых законов и других нормативных актов независимо от их применения в конкретных правоотношениях. Подобным правом в отдельных странах наделяются высшие органы исполнительной власти в лице, как правило, президента или премьер-министра.

301

Израильский закон не наделяет кого-либо из руководителей законодательной или исполнительной ветвей власти какими-либо особыми полномочиями в вопросах конституционного права, что создает ситуацию, при которой все граждане страны имеют равные права подачи индивидуальной или коллективной конституционной жалобы.

Кроме того, в отличие от полномочий органов конституционного контроля в таких странах, как Франция и Австрия, судьи Верховного суда Израиля не могут инициировать рассмотрение вопроса о конституционности тех или иных решений, по собственной инициативе. Высший суд справедливости обладает исключительно правом конкретного (инцидентного) контроля, который предусматривает, что вопрос о конституционности закона или подзаконного акта ставится, рассматривается и решается только в связи с конкретным судебным разбирательством. В этом проявляется третья особенность принятой в Израиле системы: Высший суд справедливости подчиняется принципу «связанной инициативы», - иными словами, он не вправе рассматривать вопрос о конституционности нормативных актов, в том числе законов, по собственной инициативе.

Четвертой структурной особенностью конституционного правосудия в Израиле является то, что, в отличие от конституционных судов европейских стран, состав членов Верховного суда Израиля, осуществляющего конституционный надзор, практически не зависит от воли депутатов: в Комиссии по назначению судей, в которую входят девять человек, представлено лишь два депутата Кнессета.

Верховный суд Израиля (не в качестве Высшего суда справедливости) не рассматривает никакие, даже самые сложные и важные дела, в качестве суда первой инстанции; он также не допрашивает свидетелей. В его полномочия входит исключительно рассмотрение апелляций на решения судов низших инстанций. Он может также, рассмотрев дело, решить о проведении повторного судебного разбирательства в суде низшей инстанции.

Церемония открытия Верховного суда состоялась 13 сентября 1948 г., спустя четыре месяца после создания государства. Первыми пятью членами Верховного суда стали утвержденные в 1948 г. Временным государственным советом Моше

302

Змора, Ицхак Ольшан, Симха Асаф, Менахем Дункельблюм и Шнеур-Залман Хешин. В настоящее время в Верховном суде работают четырнадцать судей. Пост председателя Верховного совета Израиля последовательно занимали: Моше Змора, Ицхак Ольшан, Шимон Агранат, Йозель Зусман, Моше Ландой, Ицхак Кахан и Меир Шамгар. С 1995 г. во главе Верховного суда Израиля стоит Аарон Барак.

Органы репрезентативной власти

Президент.

Президент. Главой Государства Израиль номинально является президент. Способ его избрания, срок полномочий, статус и обязанности определяются Основным законом о президенте государства от 1964 г., с изменениями, внесенными в апреле и июле 1969 г., в 1996, 1999 и 2002 гг. В прошлом президент избирался на пятилетний срок простым большинством в ходе тайного голосования на специальном заседании Кнессета. В 1999 г. Основной закон о президенте был изменен и каденция президента страны была продлена до семи лет. При этом если в прошлом президент мог повторно баллотироваться и избираться на свой пост (а второй президент страны Ицхак Бен-Цви после своего избрания в 1952 г. переизбирался на высший государственный пост еще дважды: в 1957 г. и в 1962 г.), то принятая в 1999 г. пятая поправка к закону ограничила срок пребывания президента в должности одной каденцией. Процедура избрания президента осталась той же: десять и более депутатов Кнессета могут выдвинуть на этот пост любого кандидата. Президент наделен абсолютным судебным иммунитетом. Место пребывания президента - столица государства, Иерусалим.

До 1996 г. и начиная с 2003 г. одной из основных функций президента являлось и является возложение ответственности по формированию правительства на одного из членов Кнессета, как правило (но не обязательно)- лидера крупнейшей фракции в Кнессете. В 1996, 1999 и 2001 гг. глава правительства избирался прямым голосованием всех граждан страны, однако после принятия в 2001 г. третьей редакции Основного закона о правительстве президент был вновь наделен полномочиями по назначению премьер-министра. Президент также уполномочен принимать отставку правительства и принимать решение о роспуске Кнессета.

303

Согласно статье 11 Основного закона о президенте, в его функции входит также подписание

законов (за исключением трактующих его собственные полномочия); аккредитование дипломатических представителей государства и принятие верительных грамот иностранных дипломатов; подписание международных договоров Израиля после их ратификации Кнессетом; приведение к присяге судей и их отстранение от исполнения служебных обязанностей в определенных законом случаях; амнистирование и смягчение наказаний осужденным.

Президент может подать в отставку, направив соответствующее письмо председателю Кнессета. В случае, если президент государства по какой-либо причине (состояние здоровья, несоответствие должности, порочащее поведение и т. п.) не может далее исполнять свои обязанности, Кнессет, согласно статье 20 Основного закона, квалифицированным большинством в 3/4 голосов может принять решение об отстранении президента от должности. Согласно статье 23а Основного закона, в этом случае, как и в случае освобождения от должности президента или временного прекращения им выполнения своих обязанностей, последние переходят к председателю Кнессета.

Президентами Государства Израиль были: Хаим Вейцман (в 1948-1952 гг.), Ицхак Бен-Цви (в 1952-1963 гг.), Залман Шазар (в 1963-1973 гг.), Эфраим Кацир (в 1973-1978 гг.), Ицхак Навон (в 1978-1983 гг.), Хаим Герцог (в 1983-1993 гг.) и Эзер Вейцман (в 1993-2000 гг.). После досрочной отставки Эзера Вейцмана в июле 2000 г. президентом Израиля был избран Моше Кацав.

Парламент.

Парламент. Высшим законодательным органом государства является Кнессет (парламент), который представляет собой палату из 120 представителей, формируемую сроком на четыре года на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Основной закон о Кнессете от 1958 г. является одним из немногих действующих в стране законодательных актов, содержащих «защищенные» статьи. Хотя на протяжении 1958-2002 гг. в Основной закон о Кнессете было внесено 34 поправки, отдельные статьи этого закона могут быть изменены лишь квалифицированным большинством в 2/3 голосов членов Кнессета, причем (согласно статье 46 этого закона) данное большинство требуется на всех стадиях законодательного процесса. Речь идет, во-первых, о

304

статье 9(а), конкретизирующей процедуру переноса или отмены выборов, и о статье 44, касающейся невозможности отмены или временного аннулирования Основного закона о Кнессете в условиях чрезвычайного положения. Согласно статье 9(а) данного закона, «Кнессет не может продлить свои полномочия иначе, как по закону, который будет принят большинством, составляющим 80 голосов депутатов Кнессета, и только в том случае, если сложатся особые обстоятельства, не допускающие своевременного проведения выборов». Статья 44 гласит: «Независимо от любого другого решения, постановление о чрезвычайном положении не имеет силы изменить этот закон или временно аннулировать его положения или обусловить чем-либо его выполнение». Кроме того, согласно статье 4 закона, принципы проведения выборов (в законе они определены как «всеобщие, прямые и пропорциональные») могут быть изменены только квалифицированным большинством депутатов. Аналогичным образом, согласно статье 34 закона, для принятия решения о самороспуске Кнессета также необходимо квалифицированное большинство депутатов. Остальные статьи могут быть изменены простым большинством членов парламента.

Местопребывание Кнессета - Иерусалим. Каждый израильский гражданин, достигший 18 лет, обладает правом избирать (если суд не лишил его этого права на основании соответствующего закона), и каждый израильский гражданин, достигший 21 года, обладает правом быть избранным в Кнессет (если он не занимает одну из государственных должностей, оговоренных в Основном законе о Кнессете). Выборы в Кнессет регламентируются соответствующим Законом от 1969 г. и Законом о финансировании политических партий от 1973 г. Представительство в Кнессете пропорциональное: число парламентских мандатов пропорционально числу голосов, поданных за данную партию, причем вся страна является единым избирательным округом. Во избежание излишней фрагментации (достаточно сказать, что на всем протяжении истории страны в Кнессете было представлено не менее девяти партийных списков, а в Кнессете второго, одиннадцатого и двенадцатого созывов их число достигало пятнадцати), электоральный барьер, равный в ходе выборов в Кнессет первого - двенадцатого созывов одному проценту, был перед выборами в Кнессет

305

тринадцатого созыва, состоявшимися в 1992 г., поднят до полутора процентов, из-за чего каждый партийный список, представленный в Кнессете в настоящее время, базируется на фракции из как минимум двух депутатов. Для участия в выборах партия должна представить в Центральную избирательную комиссию, во главе которой стоит судья (в настоящее время — Михаэль Хешин), а членами которой являются представители политических партий, список своих кандидатов. Число парламентских мандатов, полученных партией, определяет, сколько первых кандидатов в ее списке становятся членами Кнессета. Квалифицированным большинством голосов Кнессет может принять закон о своем досрочном роспуске, установив дату выборов в Кнессет следующего созыва.

Основные обязанности Кнессета - рассмотрение и принятие законов (причем законодательная инициатива может исходить как от депутатов Кнессета, так и от правительства), утверждение правительства и его состава и парламентский контроль над его деятельностью. Важной является и репрезентативная функция Кнессета, который является единственным общегосударственным органом власти, непосредственно избираемым всеми гражданами страны.

Законодательная деятельность Кнессета осуществляется в соответствии с определенной процедурой. Выдвинутый на рассмотрение Кнессета правительственный законопроект должен пройти три чтения; законопроект, выдвинутый кем-либо из депутатов Кнессета (или группой парламентариев), должен пройти еще и так называемое «предварительное чтение». После первого чтения закон передается в соответствующую парламентскую комиссию для внесения поправок, которые рассматриваются на втором чтении; при третьем чтении окончательная редакция закона ставится на голосование. Зачастую законопроекты, утвержденных как минимум в первом чтении, но не прошедших окончательного утверждения, продолжается и в Кнессете следующего созыва; рассмотрение остальных законопроектов прекращается, и для их рассмотрения после очередных парламентских выборов они должны быть выдвинуты заново.

Каждое формируемое новое правительство должно получить доверие Кнессета, т. е. поддержку простого большинства

306

его членов. Доверие Кнессета должен получить и каждый новый министр, дополнительно назначаемый в состав правительства после его утверждения. Если правительство лишается доверия Кнессета (при принятии вотума недоверия), оно обязано уйти в отставку. Предложение о вынесении правительству вотума недоверия может быть внесено любой парламентской фракцией в любой момент и должно быть рассмотрено; как правило, все вносимые оппозицией предложения о вотуме недоверия рассматриваются раз в неделю.

Текущая работа Кнессета осуществляется на пленарных заседаниях, открытых для публики и прессы (если только Кнессет не решает заседать при закрытых дверях), и в двенадцати постоянных комиссиях (их существование предусмотрено статьей 13(а) Устава Кнессета) по парламентским вопросам; по иностранным делам и обороне; по финансам; по вопросам экономики; по внутренним делам и окружающей среде; по труду, социальному обеспечению и здравоохранению; по вопросам конституции, права и судопроизводства; по государственному контролю; по вопросам образования и культуры; по репатриации, абсорбции и связям с диаспорой; по вопросам статуса женщины; по науке и технологиям. Кроме этого, в парламенте существуют четыре комиссии, не имеющие статуса постоянных (по борьбе с наркоманией; по вопросам занятости иностранных рабочих; по обращениям граждан; по правам ребенка), а также комиссия по депутатской этике.

Заседания Кнессета ведутся на иврите, но депутаты-арабы могут выступить на родном языке; в этом случае предусмотрен синхронный перевод выступления на иврит. Члены Кнессета пользуются парламентской неприкосновенностью, включающей судебный иммунитет. Парламентская неприкосновенность призвана обеспечить членам Кнессета свободу и независимость, требуемые для выполнения обязанностей народного представителя. В случае, если Кнессет сочтет, что кто-либо из депутатов совершил правонарушение, которое не связано с выполнением им своих обязанностей в качестве члена Кнессета и которое должно стать предметом судебного разбирательства, он может (по представлению юридического советника правительства) лишить этого депутата судебного иммунитета применительно к данному правонарушению. Голосованию по этому вопросу на пленарном заседании Кнессета предшествует

307

голосование в комиссии по парламентским вопросам. Кнессет может также временно приостановить или даже лишить депутата его мандата (если член Кнессета не способен выполнять свои обязанности или осужден по суду за уголовное преступление). Место выбывшего члена Кнессета (отставка, временное приостановление членства, продолжительная болезнь, смерть и т. п.) занимает (временно или постоянно) кандидат, числившийся в списке соответствующей партии непосредственно за последним из кандидатов, прошедшим в Кнессет.

Официальный стенографический отчет о заседаниях Кнессета печатается правительственной типографией и издается в виде брошюры еженедельно. В последние годы протоколы пленарных заседаний Кнессета и его комиссий публикуются и в электронных средствах массовой коммуникации. Обнародование протокола закрытого заседания Кнессета запрещается.

Начиная с 1949 г. выборы в Кнессет состоялись шестнадцать раз.

Правительство.

Правительство. Исполнительной властью в государстве является правительство (третья редакция Основного закона о правительстве была принята Кнессетом в 2001 г.). Правительство несет коллективную ответственность перед Кнессетом и находится у власти до тех пор, пока пользуется доверием Кнессета (поддержкой простого большинства его членов). Глава правительства - премьер-министр, который должен быть членом Кнессета; другие министры не обязаны быть членами Кнессета, но должны быть гражданами Израиля, проживающими в стране. Согласно принятой в 1992 г. второй редакции Основного закона о правительстве число министров не должно было превышать восемнадцать, однако в настоящее время общее число министров законом не ограничено. Каждый министр ответствен за возложенные на него обязанности перед премьер-министром и, согласно принятым в 1981 г. поправкам к статьям 4 и 21(а) Основного закона о правительстве, может быть отстранен им от должности после того, как тот уведомит правительство о своем намерении. Министр может руководить министерством (или несколькими министерствами одновременно) или быть министром без портфеля; один или несколько министров могут быть заместителями премьер-министра.

Количество и сферы ответственности конкретных министерств не оговорены в законе. Если

некоторые министерства,

308

как, например, иностранных дел, обороны или финансов (эти три министерства, кстати, считаются наиболее важными), существовали на всем протяжении истории страны, то ряд министерств, существовавших в прошлые годы, впоследствии были расформированы (как, например, по делам почты; энергетики; экономики и планирования и регионального развития). С другой стороны, сравнительно недавно возникли министерства, не существовавшие в прошлом, как, например, Министерство туризма и Министерство по охране окружающей среды. Иногда путем слияния формировались новые, «укрупненные» министерства: национальных инфраструктур; промышленности, торговли и занятости; культуры, науки и связи. Причины подобных структурных реформ, как правило, вызваны внутривнутриполитическими партийными соображениями и не являются результатом заботы о повышении эффективности функционирования органов исполнительной власти.

После избрания Кнессета нового созыва или отставки правительства президент государства, проведя консультации с представителями парламентских фракций, поручает формирование нового правительства члену Кнессета, который пользуется поддержкой наибольшего числа членов Кнессета. Если попытка этого депутата сформировать правительство в тридцатидневный срок не увенчалась успехом, президент может либо предоставить ему дополнительный месячный срок, либо сразу же возложить обязанность сформировать правительство на другого члена Кнессета. Правительство считается сформированным, когда Кнессет выразит ему доверие, после чего министры официально вступают в должность.

Когда премьер-министр направляет президенту письмо о своей отставке, автоматически в отставку уходит все правительство. В случае смерти премьер-министра правительство считается ушедшим в отставку со дня его смерти. Если Кнессет выражает вотум недоверия правительству, председатель Кнессета должен официально уведомить об этом президента, после чего правительство считается ушедшим в отставку. Отставка правительства не влечет автоматически роспуска Кнессета. При отставке одного из министров премьер-министр может назначить нового министра либо взять на себя исполнение его обязанностей. При всех условиях до назначения нового министра ответственность за соответствующую-

309

щий портфель лежит на премьер-министре. В прошлые годы главы правительств неоднократно принимали решения об исполнении ими самими параллельно обязанностей министра обороны: на подобное «совмещение постов» в разное время пошли Давид Бен-Гурион, Леви Эшкол (до Шестидневной войны), Менахем Бегин (после досрочной отставки с поста министра обороны Эзера Вейцмана), Ицхак Рабин, Шимон Перес и Эхуд Барак.

Премьер-министрами Государства Израиль были: Давид Бен-Гурион (в 1948-1953 и 1955-1963 гг.), Моше Шарет (в 1954-1955 гг.), Леви Эшкол (в 1963-1969 гг.), Голда Меир (в 1969-1974 гг.), Ицхак Рабин (в 1974-1977 и 1992-1995 гг.), Менахем Бегин (в 1977-1983 гг.), Ицхак Шамир (в 1983-1984 и 1986-1992 гг.), Шимон Перес (в 1984-1986 и 1995-1996 гг.), Биньямин Нетаниягу (в 1996-1999 гг.) и Эхуд Барак (в 1999—2001 гг.). В феврале 2001 г. главой правительства страны был избран Ариэль Шарон (переизбран в январе 2003 г.).

Факторы преемственности и нестабильности партийно-политической системы

Среди многих политологов, занимающихся израильским обществом, до сих пор распространено мнение, согласно которому израильские избиратели стабильны в том, что касается их политических симпатий. Повторяющимся из книги в книгу утверждениям о высокой степени стабильности израильской политической системы можно противопоставить целый ряд индикаторов, свидетельствующих о том, что если израильский парламентаризм и отличает известное постоянство, то это «постоянство нестабильности».

Социологические исследования уже в середине 1970-х годов свидетельствовали о подвижности электоральных предпочтений. Опросы, проведенные коллективом под руководством А. Ариана, показали, что за период, прошедший с выборов 1965 года до выборов 1969 года, 25% опрошенных решили поддержать другую партию, для периода с 1969 по 1973 год эта цифра составляла 32%, а с 1973 по 1977 год-50%. При этом, однако, большинство избирателей не переходило из одного блока в другой, отдавая предпочтение иным партиям и движениям похожей политической ориентации. По-

310

ражение Рабочей партии на выборах 1977 года не было следствием массового оттока избирателей от социал-демократов к правому блоку *Ликуд* («Единство»): парламентская фракция *Никуда* увеличилась лишь на четыре человека, в то время как фракция Рабочей партии сократилась на девятнадцать мандатов. Оставшиеся пятнадцать мандатов получило созданное незадолго до выборов центристское Движение за демократию и реформы, и именно его успех- ставший, как показало время, пирровой победой (Движение просуществовало всего одну парламентскую каденцию) - предreshил падение Рабочей партии с пьедестала власти. С тех пор минуло четверть века, однако «маятниковое» голосование израильских избирателей стало еще более распространенным. Анализ результатов выборов 2001 года показывает, что премьер-министра Э. Барака поддержали менее половины тех избирателей, которые проголосовали за него на всеобщих выборах за год и девять месяцев до этого.

С 1981 по 2001 годы в Израиле состоялось семь электоральных кампаний, каждая из которых приводила к смене премьер-министра страны. Более того, каждый новый глава исполнительной власти в стране занимал этот пост не как наследник, а как антипод своего предшественника. Уход из политической жизни в ходе все не кончавшейся Ливанской войны бессменного (на протяжении почти тридцати пяти лет) лидера партии *Херут* и блока *Ликуд* Менахема Бегина привел к проведению в 1984 году очередных досрочных выборов, в результате которых пост премьер-министра занял председатель Партии Труда (в прошлом называвшейся Рабочей партией) Шимон Перес. Электоральное противостояние 1988 года привело к победе Никуда- с перевесом всего в один мандат, и пост премьер-министра занял Ицхак Шамир. В 1992 году Ликуд уступил Партии Труда двенадцать мандатов, в результате чего пост премьер-министра занял лидер лейбористов Ицхак Рабин. Четыре года спустя Биньямин Нетаньягу стал третьим лидером Ликуда, возглавившим исполнительную власть в стране. Период его правления ознаменовался беспрецедентным усилением внутриправительственных интриг. Многочисленные кризисы привели к следующим внеочередным выборам (они состоялись 17 мая 1999 года), которые Б. Нетаньягу проиграл ставшему незадолго до этого председателем Партии

311

Труда Эхуду Бараку. Однако пребывание Э. Барака на посту главы правительства оказалось еще более коротким, а промежуток между выборами сократился до года и девяти месяцев. 6 февраля 2001 года премьер-министром Израиля стал патриарх израильской политики, один из создателей и многолетних лидеров блока Ликуд Ариэль Шарон. Однако и он вынужден был назначить досрочные выборы менее чем через два года после своего избрания.

Следует отметить, что даже и в те периоды, когда парламент страны полностью отработывал свою четырехлетнюю каденцию, зачастую не только персональный состав, но и структура правительства менялись неоднократно. В представлении многих эталоном стабильности воспринимается начальный период государственности, когда общепризнанным национальным лидером был Давид Бен-Гурион. Однако и период его правления отличался известной нестабильностью: достаточно сказать, что за четырнадцать лет его правления (в 1949-1963 гг.) сменилось десять правительственных коалиций. Всего же за двадцать восемь лет своего бессменного правления социал-демократы стояли во главе семнадцати правительств, т. е. средний срок работы правительства не достигал и двадцати месяцев. За период с 1949 по 1977 год израильский парламент переизбирался восемь раз, и лишь в начале работы Кнессета седьмого созыва, сформированного в 1969 году, было создано правительство, проработавшее на протяжении всего четырехлетнего периода его работы. Во все остальные периоды на протяжении одной каденции Кнессета друг друга сменяли два, три, а в период работы Кнессета второго созыва - даже четыре правительства. Считать правительство, распадающееся каждые год и восемь месяцев, бастионом стабильности, пожалуй, едва ли возможно.

До конца отведенного законом срока не доработали шесть из пятнадцати созывов Кнессета, причем два из них (второй и четвертый) - еще в считающуюся «стабильной» эпоху Бен-Гуриона. В 1951, 1961, 1984, 1996, 1999, 2001 и 2003 гг. граждане Израиля принимали участие во всеобщих досрочных выборах.

В Израиле дважды за последние десять лет менялась система выборов. Выборы в Кнессет и прежде и ныне проходили и проходят по системе пропорционального представительства, однако в 1992 году была принята вторая редакция Основного

312

закона о правительстве, согласно которой в Израиле впервые в мире были введены прямые выборы главы правительства. Эти выборы дважды (в 1996 и в 1999 гг.) прошли параллельно выборам в Кнессет, а еще один раз (6 февраля 2001 г.) - отдельно от парламентских выборов. Вопреки ожиданиям, новая система не привела ни к повышению эффективности функционирования органов государственной власти, ни к прекращению непрерывных межпартийных торгов и скандалов. В марте 2001 года была принята в третьем, окончательном чтении третья редакция Основного закона о правительстве, отменившая прямые выборы главы исполнительной власти. Та легкость, с которой изменяются имеющие конституционный характер основные законы, также никак не свидетельствует о стабильности политической системы Израиля.

Более того, этим «зигзагом» изменения электорального законодательства не ограничились: перед выборами в Кнессет тринадцатого созыва был повышен электоральный барьер (с 1% до 1,5%), что привело к искажению волеизъявления избирателей. Из-за того, что целый ряд маленьких правых партий, среди которых *Тхия* («Возрождение») во главе с бывшим министром науки профессором Ювалем Неэманом, правоцентристская Новая либеральная партия во главе с бывшим министром финансов Ицхаком Модаи, а также списки во главе с раввином Моше Левингером, раввином Элизером Мизрахи и другие, не преодолели электорального барьера, многие десятки тысяч голосов сторонников правых и ультраправых сил не были засчитаны. В результате партии левого блока сумели добиться небольшого перевеса и сформировать летом 1992 г. правительственную коалицию, хотя большинство израильтян голосовало за партии и движения правой и правоцентристской ориентации.

Следует отметить, что в Израиле трижды создавались коалиционные правительства с участием социал-демократов и представителей правых сил, однако все три раза их сотрудничество оказывалось недолговечным. Первое такое правительство было создано Леви Эшколом накануне Шестидневной войны (1967 г.), однако оно распалось спустя три года из-за категорического отказа Менахема Бегина согласиться с предложенными Госдепартаментом США инициативами, предусматривавшими уход Израиля со значительной части занятых в ходе той войны территорий. Четырнадцать лет спустя, после

313

выборов 1984 года, создалась «ничейная» ситуация, когда каждая из двух крупных партий оказалась во главе коалиционного блока, насчитывающего 60 депутатов. В результате было создано правительство национального единства. В ходе предвыборной кампании 1988 года как Партия Труда, так и Ликуд объявили о невозможности повторного создания правительства национального единства. Однако результаты выборов выявили разницу всего лишь в один голос между двумя крупными партиями, тогда как каждая из них нуждалась по меньшей мере в семи партнерах, для того чтобы сформировать коалицию. В результате, несмотря на наличие принципиальных разногласий и отсутствие какого бы то ни было единства, две крупные партии - Партия Труда и Ликуд - вынуждены были вновь подписать соглашение о коалиционном сотрудничестве. Однако в 1990 году стремление председателя Партии Труда Шимона Переса вновь занять пост премьер-министра привело его к решению развалить правительство национального единства. Надежды Ш. Переса, однако, не сбылись, и после пятимесячного правительственного кризиса была сформирована узкая коалиция правых, правоцентристских и религиозных партий без участия социал-демократов, а И. Шамир сохранил пост главы правительства. В третий раз правительство национального единства было сформировано Ариэлем Шароном одиннадцать лет спустя, в феврале 2001 года. Оно просуществовало лишь год и девять месяцев, после чего внутривластные соображения предопределили решение председателя Партии Труда Биньямина Бен-Элизера развалить его. Простой подсчет показывает, что правительства с одновременным участием как правых, так и левых партий существовали в Израиле на протяжении одиннадцати лет. Этот опыт вполне достаточен для того, чтобы констатировать: несмотря на определенные плюсы, в целом такое правительство является малоэффективным. Желая сохранить единую коалицию, политические лидеры, исповедующие весьма и весьма различные взгляды, находят «общий знаменатель» путем отказа от сколько-нибудь решительных действий на каком бы то ни было направлении. Как результат, сторонники обоих политических лагерей, несмотря на большую популярность в обществе идеи надпартийного сотрудничества, выражают все нарастающее недовольство политическим курсом такого правительства.

314

Нестабильность израильской политической системы во многом зависит - и, вероятно, будет зависеть и далее - от состояния и уровня напряженности арабо-израильского конфликта. Фактически именно эта тема внешней политики во многом определяет и специфику внутривластной жизни Израиля, по-прежнему являющегося единственным демократическим государством на Ближнем Востоке.

Литература

- Бин-Нун А. Законы Государства Израиль. Иерусалим, 1993.
Вайц И. Становление израильского парламентаризма. Политические и идеологические дискуссии. Тель-Авив, 2001.
Воробьев В. Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности. М., 2001.
Воробьев В. Конституционно-правовая система Государства Израиль. М., 2002.
Гасратян С. История и идеология еврейского религиозного движения XIX-XX веков. Из предистории Государства Израиль. М., 1999.
Гасратян С. Религиозные партии Государства Израиль. М., 1996.
Герман Т. Выборы и поведение избирателей. Тель-Авив, 2000.
Государство Израиль в 80-е годы. Сборник статей под ред. Т. Карасевой. М., 1992.
Даути А. Становление государства и формирование нации; Яэль Энох, Алия и абсорбция: социологический анализ. Тель-Авив, 2001.
Зисерман-Бродская Д. Верховный суд Израиля и публичная дискуссия о его функциях. Иерусалим, 2000.
Карасова Т. Блок МААРАХ в партийно-политической системе Израиля. М., 1992.
Карасова Т. Правящая элита Израиля // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000,
Карасова Т. Типология основных израильских партий и блоков // Ближний Восток и современность (Москва), № 10, 2001.
Каспи Д. Средства массовой информации и политика. Тель-Авив, 1998. Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. Сборник статей под ред. А. Эпштейна и А. Федорченко. М., 2000.
Нойбергер Б. Истоки израильской демократии и этапы ее развития. Тель-Авив, 1998.

315

- Нойбергер Б. Проблема конституции в Израиле. Тель-Авив, 1998.
Нойбергер Б. Верховная власть Кнессета или приоритет правительства? Тель-Авив, 1998.
Нойбергер Б. Религия, государство и политика. Тель-Авив, 1998. Нойбергер Б. Политические партии в Израиле. Тель-Авив, 1998.
Общество и политика современного Израиля // Под ред. А. Эпштейна и А. Федорченко. Москва - Иерусалим, 2002.
Сакер Г. История Израиля, в трех книгах. Иерусалим, 1994.
Формирование судебной системы и внешнеполитической ориентации Израиля. Сборник статей под ред. А. Эпштейна. Тель-Авив, 2001.
Штереншис М. История Государства Израиль. Герцлия, 2003.
Эпштейн А. Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни Израиля // Ближний Восток и современность (Москва), №8, 1999.
Эпштейн А. и М. Урицкий. Кризис парламентаризма в Израиле // Ближний Восток и современность (Москва), №16, 2002.
Эпштейн А. Повторный триумф Ариэля Шарона. Анализ итогов выборов в Кнессет и перспектив тридцатого правительства Израиля // Ближний Восток и современность (Москва), №18, 2003.

316

А. Л. ЕМЕЛЬЯНОВ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ АФРИКИ

Формирование основ современных политических систем и политических культур стран Африки приходится на начало XX века, когда европейские метрополии установили эффективный контроль над территорией континента. До этого времени только три независимых африканских государства - Буганда, Мадагаскар и Эфиопия - достигли уровня развития, сопоставимого с европейским абсолютизмом, но по разным причинам доколониальные политические системы не стали структурообразующими в последующий период развития. В странах Африки южнее Сахары отсутствовал также и важнейший цементирующий фактор - мировая или относительно развитая местная религия, объединяющая подавляющее большинство населения. Синкретизм индивидуального и общественного сознания, отсутствие структурообразующего стержня (за исключением Эфиопии) предопределили относительную безболезненность привнесения и закрепления чуждых африканцам элементов европейской политической культуры и систем управления.

В результате синтеза традиционного и современного образовался феномен, не имеющий аналогов в истории, «колониальное общество», основные черты которого удачно выделила в 1970 году Н. Б. Кочакова, чье определение я беру за основу. Колониальное общество - специфический и, как правило, насильственно навязываемый вариант общественного развития, при котором привносимые извне современные (капиталистические) отношения «накладываются» на отношения, характерные для традиционных обществ. Результатом такого «наложения» при складывавшемся в этих случаях соотношении сил сторон оказывается насильственная (в большинстве случаев и всегда объективно неизбежная) ломка традиционных отношений и структур, неизбежная их трансформация. Более того, и сами привносимые современные отношения чаще всего приоб-

317

ретают искаженный, уродливый характер, весьма непохожий на «классические» формы современного развития. Эти взаимодействия затрагивали все сферы жизни общества и отличались многообразием.

В таком виде африканские общества обрели независимость, получение которой растянулось на первую половину шестидесятых годов. К этому рубежу африканские народы подошли неподготовленными. Но их неподготовленность была различной. Если Англия и Франция после Второй мировой войны начали формирование политических структур и экономических основ будущих независимых государств, то Бельгия, Испания и Португалия не уделяли достаточного внимания своим колониям. Нельзя утверждать, что метрополии делали это осознанно, но векторы исторического развития сложились таким образом, что интересы английских, французских политических элит совпали с интересами формирующейся африканской элиты, в то время еще единой.

Процесс подготовки колоний к независимости имел свои специфические черты. Если во Франции реформы автоматически распространялись на все колонии, то Англия подходила к каждой из них индивидуально. В 1945-46 годах все взрослое мужское население французских колоний наравне с жителями метрополии выбирало своих представителей в первое и второе Учредительное собрание, затем в парламент. И хотя голосование проходило по куриям, где 1-2% белых колонистов посылали в законодательные органы столько же представителей, сколько 98-99% коренного населения, это было революционным по своей сути нововведением. Впервые жители французских колоний были допущены к одному из важнейших элементов европейской политической культуры - прямому, тайному голосованию, в результате которого избранные из их же среды представители на равных со всеми остальными депутатами участвовали в работе парламента. В самих колониях были созданы выборные законодательные органы и сформированы правительственные советы. И хотя они обладали лишь правом советовать колониальной администрации, но было положено начало постепенного формирования основ будущих независимых государств. Была создана политическая элита, ее резерв и, что не менее важно, механизмы ее воспроизводства, напрямую не связанные и «де юре» не зависящие от традиционной знати.

318

Данная система показала свою эффективность, именно в ней находится одна из причин весьма прочных французских позиций в современной Африке, и даже Камерун и Мадагаскар, где произошли крупные антиколониальные восстания, являются лишь исключениями, подтверждающими правило. К середине 50-х годов все механизмы были настолько отлажены, что метрополия перешла к следующему этапу реформ - принятию в 1956 году «закона-рамки», по которому образовалась единая избирательная курия, право голоса получили женщины и молодежь, представительные органы получили право законодательной инициативы и возможность формировать ответственное правительство. Единственным серьезным ограничителем оставалось право французского губернатора наложить вето на любые решения. Правильность и своевременность принятых решений подтвердил референдум 1958 года, по результатам которого любая колония могла получить независимость. Данным правом воспользовалась только Гвинея, что во многом предопределило тоталитарный характер государства.

Великобритания избрала иной путь. Практически в каждой колонии начался конституционный процесс. Его суть заключалась в том, что принятие конституции сопровождалось референдумом, либо после ее утверждения проходили выборы с широким привлечением африканских масс в законодательные органы, чья деятельность также была ограничена губернатором. В отличие от французских колоний, англичане стремились учитывать уровень развития, политическую активность населения, его готовность к преобразованиям и некоторые другие специфические условия. К ним, в первую очередь, относились

значительная неравномерность развития политических структур (например, Уганды, где во многом была сохранена форма доколониального устройства, и Танганьики, на территории которой не было сколько-нибудь устойчивых государственных образований), наличие сложившихся многомиллионных народов, противостоящих друг другу (Нигерия), значительная по африканским меркам прослойка белого населения (Кения, Родезия). В большинстве колоний было принято от трех до пяти конституций. Их объединял лишь поступательный характер: каждая последующая давала африканцам больше прав и возможностей участвовать в политической и экономической жизни колонии, чем предыдущая. На полити-

319

ческую жизнь метрополий представители африканских элит не оказывали прямого влияния.

Естественный ход создания постколониальных политических и социально-экономических структур внутри колоний был прерван принятием ООН решения о деколонизации континента и объявлении 1960 года - годом Африки. Проект был внесен совместно СССР и США, что в разгар «холодной войны» было чуть ли не единственным примером столь тесного сотрудничества великих держав на международной арене. Причины, побудившие их объединиться в борьбе с колониализмом, хорошо известны. Необходимо обратить внимание на то, что все французские колонии получили независимость одновременно, в течение года, а у английских данный процесс растянулся на несколько лет, что полностью соответствовало английскому и французскому варианту формирования структур постколониального общества.

Получив независимость, молодые африканские государства формально разделились на страны социалистической и капиталистической ориентации. Но это деление было чисто внешним и выразилось, прежде всего, в области внешней политики. Глубинные процессы во всех государствах протекали весьма схоже. Их внешнее проявление в шестидесятые-первой половине восьмидесятых годов выражались в политическом плане в создание авторитарных и тоталитарных режимов, в экономическом - в национализации. Все это сопровождалось постоянными военными переворотами и их попытками, по частоте которых Африка уверенно обогнала все континенты и вплотную приблизилась к Латинской Америке. В основе же глубинных процессов этого периода развития стран Африки лежала незавершенность создания постколониальных структур в рамках колониального общества. В тех колониях, чьи метрополии (Бельгия, Испания, Португалия) не уделяли должного внимания данному процессу, полная неподготовленность к независимости привела к исходу европейцев (основных носителей экономической и технической культуры) и длительным кровопролитным конфликтам, в решении которых было вынуждено участвовать мировое сообщество (Ангола, Гвинея-Бисау, Демократическая Республика Конго, Западная Сахара, Мозамбик).

Привнесенная в рамках колониального общества европейская политическая культура (разделение властей, парламента-

320

ризм, всеобщее прямое, тайное голосование и т. д.) из-за силового волюнтаристского решения о деколонизации не имела достаточно времени для внедрения и закрепления в сознании широких африканских масс. Лишенная контролирующей и направляющей силы в виде колониальной администрации, европейская политическая культура не исчезла, а быстро синтезировалась с африканскими традициями, которые наполнили ее новым содержанием. Традиционной политической культуре был присущ авторитаризм, но авторитаризм специфический (так называемые «цари-жрецы»), который давал при определенных обстоятельствах легитимную, как с точки зрения элиты, так и народа, возможность свергать и даже убивать правителя. Европейская демократия была синтезирована с африканской традиционной демократией, которая была более близка и понятна подавляющему большинству африканского населения, но которая находилась на ином, более низком витке исторической спирали. В результате оставшиеся по форме европейскими демократические институты наполнились традиционной африканской общинной демократией с совершенно иной шкалой ценностей: уравнительность, трайбализм, геронтократия, клановость, клиентелизм, отсутствие толерантности. Некоторые лидеры молодых африканских государств открыто пропагандировали общинные ценности, противопоставляя их «западной» и «социалистической» демократии, непригодной для Африки. Синтез авторитарного и демократического, традиционного и современного стал одной из характерных черт политической культуры Африки шестидесятых-середины восьмидесятых годов.

На первых порах переход к однопартийности и сильной президентской власти воспринимался на уровне массового политического сознания как благо. В обществе была глубока надежда, что подобные режимы укрепят национальную государственность освободившихся стран, помогут консолидировать внутренние усилия для преодоления отсталости и подъема жизненного уровня населения, уменьшат влияние трайбализма на все стороны жизни общества и государства. Однако опиравшийся на однопартийность авторитаризм не укреплял доверие граждан к власти, а скорее разрушал его, ибо ему сопутствовали кумовство, поощрение клановости, разворовывание государственных ресурсов - явления, усугублявшие бедственное положение рядовых африканцев.

321

Другой характерной чертой, стоящей на грани политики и экономики, стали многочисленные военные перевороты, одна из причин которых, связанная с политико-религиозным сознанием элиты и масс, уже раскрыта. Другая, не менее важная - доступ к рычагам власти, служившей средством обогащения обладающих ею. Иногда в научной литературе сложившиеся в тот период социально-экономические отношения называют по аналогии с азиатскими государствами бюрократическим капитализмом. Это не

совсем верно. На Востоке доступ к власти был одним из основных способов обогащения, в Африке - единственным легальным. И дело здесь не столько в африканской специфике, сколько в уникальности сложившейся после деколонизации ситуации. Если в политическом плане метрополиям удалось что-то сделать, то в экономическом - почти ничего. Как показал опыт, профессиональные политики появляются гораздо быстрее профессиональных предпринимателей, менеджеров, финансистов. В получивших независимость африканских государствах их почти не было, а привлечение европейцев, американцев, азиатов противоречило не только политике африканизации, но и чаяниям народных масс.

Государство, а точнее государственный аппарат и связанные с ним предприниматели и компании, были единственной силой, которая могла уберечь экономику от полного развала. Отсюда - доступ к власти равнялся возможности для быстрого обогащения, в этом - основная причина череды военных переворотов, здесь лежит ключ к пониманию волны национализации, захлестнувшей континент, но эти процессы стали отправной точкой и причиной создания новой экономической и политической ситуации в Африке.

К середине восьмидесятых годов подавляющее большинство режимов на континенте были авторитарными или тоталитарными. Тоталитарным африканский авторитарный режим становится тогда, когда его действия направлены на уничтожение части своего населения по этническому, расовому, религиозному, классовому или любому другому признаку. Такие режимы не были единичными. От «классических» всемирно "известных" - в Центральноафриканской империи, в Уганде при Иди Амине - до идеального (в гегелевском понимании этого слова) социалистического государства Гвинея при Секу Туре, до побившего «рекорд» красных кхмеров Масаи Нгеми в ! 1-4372 1

322

Экваториальной Гвинеи, уничтожившего более трети своих подданных, и приблизительно столько же бежало от его власти за границу. Авторитарные и тоталитарные африканские режимы подпитывались также и противостоянием СССР и США на Черном континенте. Казалось, что политико-экономическая ситуация обрела определенную стабильность. Но в восьмидесятых годах начался новый этап развития африканских государств, который продолжается и по настоящее время, на начало XXI века. Внешнеполитические причины хорошо известны, нет смысла подробно останавливаться на них.

В результате резко сократились все виды помощи и содействия мирового сообщества Африке (за исключением Китая); энергетический, экологический кризисы, порожденные техногенной революцией, развитие наукоемких и высокотехнологических отраслей промышленности резко уменьшили заинтересованность промышленно развитых стран мира в африканском сырье, минералах и ресурсах. Кроме того, за четверть века в странах Черного континента появилась прослойка местных предпринимателей и менеджеров (хотя рынок капитала по-прежнему был относительно неразвит, а по мнению некоторых отечественных экономистов, отсутствовал), которые уже умели работать не только внутри страны, но и на международных рынках, которые имели солидные, по африканским меркам, свободные капиталы, из-за происхождения которых они не могли быть вложены за границей. Данную прослойку, которая стала заинтересована в политической и экономической предсказуемости государства и в которую входила значительная часть политической, управленческой, экономической и даже интеллектуальной элиты, уже не устраивали авторитарные режимы с постоянным страхом перед концентрацией экономической власти в частных руках. Таким образом, налицо были все необходимые внутренние и внешние, объективные и субъективные предпосылки для демократизации и приватизации.

По данным американских исследователей, реформирование госсектора охватило почти все страны Тропической Африки. В 1985-1988 годах приватизация была осуществлена в 19 странах (80 предприятий), ликвидация убыточных объектов - в 13 (78), реконструкция устаревших - в 15 (56), введение системы управления по контрактам - в 17 (54), сдача в арен-

323

ду - в 15 странах (16 предприятий). В 20 странах были приняты меры по усилению финансовой самостоятельности предприятий, в 14 - состоялось освобождение цен, в 12 - наблюдалось ужесточение системы мониторинга хозяйственной деятельности. Для стимулирования экономического роста была осуществлена либерализация рынка капиталов.

Но естественный процесс перехода к новой, рыночно ориентированной модели развития, сопровождаемый постепенной демократизацией политических структур, был нарушен вмешательством МВФ и МБРР. Навязанные некоторым африканским правительствам неолиберальные программы развития, апробированные в ряде европейских и азиатских государств, сводились к открытию страны внешнему миру, созданию свободного рынка и механизмов конкуренции, девальвации национальной валюты с целью сократить спрос на импортные товары и стимуляции местного производства, а также максимально возможному устранению государства из экономики.

Цель макроэкономической стабилизации, заключавшаяся в обеспечении бюджетного равновесия, при неизменности существующих доходов, а тем более при наблюдавшейся во многих африканских странах тенденции к их снижению, была достижима лишь путем сокращения государственных расходов, уменьшения импорта, девальвации национальной валюты и соответствующей корректировки внутренних цен. Все это неизбежно усиливало болезненность таких мер для большинства населения, прямо или косвенно повышало социальные издержки экономических перемен (упадок систем здравоохранения и образования вследствие сокращения их бюджетного финансирования, снижение реальных доходов населения, рост безработицы и т. д.). Аналогичный негативный эффект имели и некоторые аспекты структурной адаптации, предусматривающей рост частного сектора экономики, приватизацию

государственных компаний, переориентацию на ускорение развития экспортных производств за счет импортзамещающих, общую либерализацию условий хозяйственной деятельности. Но не были учтены цивилизационные, психологические и экономико-социальные особенности африканцев, более тесная связь народа и государства, предпочтение семейно-клановых и этнических связей индивидуальному обогащению, склонность подавляющего большинства населения вкладывать свободные финансовые средства не в банки, акции и

324

ценные бумаги, а в предметы престижного потребления, недвижимость, торговлю.

К середине девяностых годов даже представители МВФ и МБРР были вынуждены признать провал монетаристской модели развития, навязанной Африке международными финансовыми институтами. После десяти лет структурной корректировки и получения 170 млрд. долларов на цели развития, экономика стран южнее Сахары продолжала деградировать. С 1982 по 1992 год доход на душу населения ежегодно сокращался в среднем на 1,1% (среднегодовой прирост во всех развивающихся странах - 0,8%). В 1993 году ВВП всех африканских стран южнее Сахары, где проживало 600 млн. человек, был равен по своему объему ВВП Бельгии с населением 10 млн. 18 из 20 самых бедных стран находились в Африке, и они с каждым годом становились беднее. Их внешний долг с 1980 года возрос в три раза и превысил 180 млрд. долларов, что составило 110% от ВВП. Росло число стран, которым грозила политическая дезинтеграция.

Ни структурные реформы, ни насильственное внедрение демократии пока не оказали существенного влияния на политическую культуру народов Африки. Демократически избранные режимы продолжают управлять теми же методами, что и однопартийные, результаты многопартийных выборов контролируются, искажаются и даже фальсифицируются в пользу того или иного кандидата. В государствах, объявивших себя демократическими, всеми законными, и не только, способами ограничивается и подавляется деятельность политической оппозиции. И что самое главное - замена авторитарно-тоталитарных режимов на демократические никак не улучшила положение простого народа, кого называют электоратом. Методы и средства, используемые Западом, оказались неадекватными. Реформы могут иметь успех в независимом государстве только в том случае, если они проводятся по инициативе собственного правительства и при поддержке населения. Навязываемые структурные реформы могут быть осуществлены только при сотрудничестве с африканскими правительствами, против которых они по существу и направлены. Объем средств, выделяемых Западом на осуществление структурных реформ, явно недостаточен. Существующие в Африке демократические системы, основным признаком которых является многопартийность, сталкиваются с глубоко укорен-

325

нившимися проявлениями авторитарного правления и со слабостью социальной и экономической базы, на которой обычно покоится демократия.

Выход из сложившейся ситуации мировое сообщество и африканские лидеры видят в экономическом объединении Черного континента и в более тесном сотрудничестве с промышленно развитыми государствами. Идея образования Африканского союза (АС), призванного стать преемником Организации африканского единства (ОАЕ), была официально выдвинута Ливией на 4-й внеочередной Ассамблее глав государств и правительств стран-членов ОАЕ в Сирте в сентябре 1999 г. и одобрена большинством ее участников. В июле 2000 г. на саммите ОАЕ в Ломе (Того) был принят Акт об учреждении АС.

Организационная структура АС в известном смысле скопирована с интеграционных механизмов Европейского Союза. Предусматривается создание Ассамблеи глав государств и правительств, исполнительного совета, комитета постоянных представителей, а также семи специализированных технических комитетов, экономического, социального и культурного совета, panaфриканского парламента, суда союза, единых финансовых институтов - Африканского центрального банка, Африканского валютного фонда, Африканского инвестиционного банка. Местом пребывания штаб-квартиры АС определена Аддис-Абеба.

Среди декларируемых целей АС - защита суверенитета, территориальной целостности и независимости государств-членов, укрепление мира, безопасности и стабильности, ускорение политической и социально-экономической интеграции на континенте, поощрение демократических принципов и институтов, продвижение согласованных подходов африканских стран на мировой арене, создание необходимых условий для обеспечения достойной роли Африки в глобальной экономике.

В Акте об учреждении АС подтверждаются нерушимость доставшихся Африке в наследство от колониального периода границ, принцип мирного разрешения конфликтов, запрет на использование силы или угрозы ее применения в отношениях между странами-членами, подчеркивается необходимость содействия устойчивому развитию, продвижению экономической интеграции, координации политики субрегиональных ор-

326

ганизаций. Это возможно только на базе регионального сотрудничества и экономической интеграции, так как африканские страны слишком малы, чтобы самостоятельно решать экономические проблемы. Только в рамках АС можно эффективно использовать все ныне существующие формы глобального международного сотрудничества, в том числе установление принципа взаимозаинтересованности при определении целей и стандартов как для доноров, так и для получателей помощи, создание механизмов страхования и финансовых инструментов для снижения рисков деятельности

частного капитала в Африке.

В начале XXI века промышленно развитые государства вновь обратились к решению социально-экономических проблем африканского континента, попытались предложить пути выхода из системного кризиса, поддержав программу «Новое партнерство для развития Африки» (New Partnership for Africa's Development - NEPAD/НЕПАД), которая была принята в Лусаке в июле 2001 г. Ассамблеей глав государств и правительств стран-членов Организации африканского единства.

Долгосрочная задача НЕПАД - вывод региона на путь устойчивого экономического роста и развития. В документе на первый план выдвинуты борьба с бедностью и социальным неравенством, укрепление демократии и надлежащего управления, борьба с коррупцией, приобщение континента к информационной революции, новейшим технологиям на базе признания ведущей роли частного предпринимательства при счете ведущей роли государства в создании условий для экономического развития. Осуществление данной программы, по мнению ее авторов, позволит обеспечить в ближайшие пятнадцать лет достижение среднегодовых темпов роста ВВП на уровне не менее 7%. Потребность в этой связи в финансовых ресурсах оценивается в 64 млрд. долл. США, которые африканцы рассчитывают получить в основном из внешних источников.

Для координации практических шагов по реализации НЕПАД создан ряд органов, в т.ч. Исполнительный комитет (объединяет 20 стран континента) во главе с президентом Нигерии О. Обасанджо, Руководящий комитет в составе Алжира, Египта, Нигерии, Сенегала, Южно-Африканской Республики (ЮАР) (государств-инициаторов НЕПАД) и Секретариат, располагающийся в Претории, ЮАР. В целом африканское сооб-

327

щество демонстрирует конструктивный подход к вопросам осуществления программы НЕПАД.

В целях содействия реализации НЕПАД на саммите «Группы восьми» в Кананаскисе (июнь 2002 г.) был принят «План действий восьмерки по Африке». План действий состоит из двух частей- политического вступления и обязательств по содействию африканским государствам в решении стоящих перед континентом важнейших проблем обеспечения мира и безопасности, совершенствования деятельности структур государственного, административного и корпоративного управления, поощрения торговли, инвестиций, экономического роста и устойчивого развития, облегчения долгового бремени, развития образования и расширения использования информационно-коммуникационных технологий, укрепления здравоохранения и борьбы с ВИЧ/СПИД и другими опасными заболеваниями, повышения продуктивности сельского хозяйства, совершенствования использования водных ресурсов.

В плане подчеркивается, что этот документ - первый ответ «восьмерки» на программу НЕПАД, призванный заложить основу для будущего сотрудничества. Приветствуются взятые лидерами африканских государств обязательства по достижению провозглашенных в НЕПАД целей- укрепление демократии, надлежащее управление, обеспечение мира, решение социальных проблем - в качестве необходимого условия для искоренения бедности на континенте. Особо отмечается, что главная ответственность за реализацию данных задач лежит на самих африканцах. «Восьмерка», со своей стороны, готова поддержать их усилия, сосредоточив внимание на приоритетных областях.

Для плана характерна нацеленность на преимущественное развитие взаимодействия с теми странами, которые демонстрируют приверженность принципам «нового партнерства», а также реальные достижения в этой области. Выражается готовность учитывать в работе с африканскими партнерами критерии, которые будут применяться ими для оценки соответствия политики стран континента зафиксированным в НЕПАД целям в рамках создаваемого контрольно-мониторингового механизма- Комитета равноправного взаимного контроля. В то же время в план включено положение о том, что оказание гуманитарной помощи наиболее нуждающимся африканским государствам останется неизменным.

328

Реализация «Плана действий» будет напрямую зависеть от усилий самих африканских стран по укреплению демократии и выработке надлежащего экономического курса. Страны «восьмерки» не будут «просто давать Африке деньги», финансовое содействие будет увязано с процессами демократизации, борьбой с коррупцией, экономическим развитием, поддержанием усилий по установлению и укреплению мира в проблемных регионах, укреплением институтов власти, развитием свободной торговли и инвестиций. «Восьмерка» выразила поддержку созданию региональных вооруженных сил, которые сформируют африканские страны для предотвращения вооруженных конфликтов, договорилась предпринять новые усилия по облегчению долгового бремени беднейших стран Африки, ограничить бегство капиталов и утечку квалифицированных специалистов.

Мировое сообщество в начале XXI века отчетливо осознало, что континент стал тем элементом, который «выпадает» из формирующейся новой системы глобальных взаимоотношений и, если не принять принципиальных мер, будет тянуть назад все мировое развитие. Это- следствие как цивилизационных особенностей относительно недавнего исторического прошлого, так и системного кризиса, переживаемого большинством стран Африки, который, помимо экономической составляющей, охватывает практически все стороны жизни, весь комплекс социальных отношений, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом, поражая некогда стабильные и естественно воспроизводимые отношения между людьми как в процессах их жизнедеятельности, так и в способах и типах этой жизнедеятельности.

Причин данного кризиса - множество, даже простое перечисление субъективных и объективных займет немало места. Последние в значительной степени обусловлены тем, что глобализация «застала»

Африку в период перехода от традиционного к современному обществу, когда «старое» уже частично разрушено, а «новое» находится в зачаточном состоянии, что выражается в субъективности выбора моделей развития, которые, к тому же, навязывались извне. Одним из последствий столкновения традиционного и современного является ослабление роли государства или ее полное или частичное исчезновение, ослабление или утрата управляемости на всех уровнях и во всех звеньях, отрыв государственного аппарата и властвующих элит

329

от жизненных потребностей большинства населения, а соответственно, его отстранение от участия в управлении страной. По всему континенту происходят процессы дезинтеграции социальных групп, рост напряженности в межэтнических отношениях, отделение крестьян от земли, наемных работников - от производимой продукции, производства - от потребностей населения, значительное недоиспользование трудового потенциала, снижение пригодного для жизни пространства, деградация общественных нравов. Около половины населения Африки живет за чертой бедности.

К субъективным причинам кризиса относится плохое управление государством и экономикой, обусловленное в значительной степени nepoтизмом, коррупцией, в той или иной степени присутствующей повсюду (в подавляющем большинстве африканских стран она стала структурообразующим элементом), на протяжении значительного времени наблюдается рост теневой экономики, трайбализм активно воздействует на все сферы жизни, деградирует социальная инфраструктура, особенно здравоохранение и образование, отсутствует личная безопасность, население отстранено от правдивой информации, налицо снижение или стагнация средних доходов при одновременном углублении разрыва в доходах между верхними и нижними слоями, что ставит большие массы людей на грань физического выживания.

К историческим причинам можно отнести длительное изолированное существование континента, последствия евро-американской работорговли, лишившей Африку миллионов наиболее развитых в физическом и интеллектуальном плане мужчин и женщин, прервавшей естественный ход развития государств и народов, последствия векового колониального господства, неэквивалентный обмен с промышленно развитыми странами, выражающийся, прежде всего, в ножницах цен на сырье и готовую продукцию, приведший к утечке мозгов. К цивилизационным - особенностям менталитета африканцев, например, их тотальное недоверие ко всем нововведениям, что выражается в нежелании использовать общемировые достижения -африканцы не использовали колесо, плуг, обработанный камень, за две тысячи лет, до начала активных контактов с Европой, не произошло сколько-нибудь серьезных улучшений в агротехнике. На территории континента отсутствует доминирующая рели-

330

гия, а смесь элементов ислама, христианства с традиционными верованиями является дезинтегрирующим фактором, в отличие от объединяющей роли мировых религий в других цивилизациях. Отношения, характерные для традиционного общества, при развитии современного не отмирают, а причудливо трансформируются, изменяя и само современное. Например, за проигрыш или победу футбольной команды отвечает не тренер, а служитель традиционных культов. У африканских народов сохраняется высокий уровень рождаемости, что, при резком снижении смертности и увеличении продолжительности жизни, сводит на нет все небольшие достижения в социально-экономической области.

Свое отличие имеет и африканская элита. На протяжении веков в роли элиты выступали правители и вожди. И только с приходом на континент европейцев стал формироваться социальный слой людей, опирающихся на товарно-денежные отношения и правовые нормы современного общества. Он получил название «новая элита». Если в развитых государствах элита фактически олицетворяет и выражает интересы господствующего класса, то в Африке из-за незавершенности социальной дифференциации общества положение иное. Она здесь не промышленная аристократия, как в Европе и Северной Америке, не земельная, как в Латинской, а преимущественно бюрократы и политики, чья власть и доходы зависят почти исключительно от занимаемых постов. Если элита на Западе является олицетворением и носителем национальной культуры, то африканская взяла на вооружение чужеземную цивилизацию и стала ее проводником: она восприняла чужой язык, чужие обычаи и нравы, чужие идейные воззрения. Элита, естественно, пытается приспособить все это к местным условиям. Но остается фактом, что отправной пункт для нее - западная цивилизация. Новая элита в Африке возникла не в результате естественной эволюции, а как следствие вторжения чужеродной силы - колониализма, навязавшего силой Африке иной общественный строй и иную культуру - европейскую. Новая элита противостоит народу, но она и ведет его за собой. Народ живет пока в тесных рамках традиционных институтов и жестко регламентированных норм поведения. Новая элита не имеет ни таких институтов, ни таких норм. Она сама вырабатывает и те и другие и навязывает их народу. Отсюда - двойственность, которая пронизывает все стороны жизни и деятельности новой элиты.

331

Новая элита выдвигает и новое поколение политических лидеров, которые декларируют приверженность либерально-демократическим взглядам, созданию многопартийной системы. Вместе с тем политические лидеры несут на себе черты традиционных отношений, что проявляется в их религиозно-этнических связях, клиентелизме, nepoтизме. Будучи главами государств, руководителями правящих партий, идеологами, африканские лидеры наделяются большими полномочиями. В них переплетается авторитет власти и авторитет личности. Президент в Африке не только высшее должностное лицо, но и олицетворение государства, нации. Политические лидеры несут на себе черты традиционных отношений,

проявляющиеся в харизме, использовании во властных отношениях ритуалов, символов. В условиях политической нестабильности и тяжелого экономического положения лидеры вынуждены прибегать к периодическому чередованию автократии и ограниченного плюрализма, то «жестких», то «мягких» форм авторитарного правления. Это хорошо видно на примере процесса становления многопартийности. Политические лидеры, находящиеся у власти, пытаются управлять санкционированным ими же возникновением новых политических партий. Руководители государств стремятся законодательно ограничить их количество, мотивируя свои действия необходимостью учитывать специфику местных обществ (запрет создавать «нежизнеспособные» партии, партии этнорегиональные, партии деятелей прежних режимов, не обладающие первичными ячейками в подавляющем большинстве административных единиц, и т. д.).

В странах Африки южнее Сахары влияние традиций воздействует на все аспекты политической культуры. По мнению авторов исследования «Африка. Особенности политической культуры», оно проявляется:

- в особенностях отношений между властью и обществом, а также между властью и индивидом;
- в сохранении политического влияния вождей (в некоторых странах вожди имеют официальной статус, зафиксированный в конституциях);
- в превалировании группового политического сознания над индивидуальным, так как согласно традиции интересы отдельной личности подчинены интересам общества (большой семьи, племени, клана);

332

- в проявлениях трайбализма, остающегося важнейшим фактором политической жизни африканских государств;

- в распространении мифологизированного сознания, которое играет немаловажную роль в принятии политических решений.

Государство, воплощающее власть, господствует над обществом, в какой-то мере противостоит ему, препятствуя формированию институтов гражданского общества. Между государством и реальным обществом недостаточно сцеплений, много противоречий, так как государственные институты, заимствованные у метрополий, соответствовали только политической культуре элит. Рядовой африканец не понимал их сути и места в обществе и потому опасался и отторгал. Исторически сформировавшаяся многослойность оказала влияние на основные доминанты, ценности и смысловые характеристики современной политической культуры. Они состоят в следующем:

- ориентация на корпорацию, ценности традиционного коллектива (семьи, общины, племени и т. д.) при сохранении личного начала, определенной автономии индивида в конкретном социуме;

- особая роль мифологических мировоззренческих представлений, восприятие человека в тесной связи с животным и растительным миром как главного носителя жизни во Вселенной; антропологизм и антропокосмологизм африканской духовной традиции;

- гибридность, противоречивое сочетание элементов различных культурных систем: западной и африканской, восприятие (определение) африканца как маргинальной личности, «культурного гибрида», личности на стыке культур;

- формирование и развитие специфических культурно-экологических систем, особых социетарных образований на базе объединения неоднородных формационных и цивилизационных структур, например, родовой общины и современного капиталистического уклада, своеобразно воздействующих на политическую культуру, создающих гибридные политические субкультуры.

Образ мира, сложившийся в архаических пластах африканских культур и находящий свое выражение в мифологии, а также в знаковых текстах, системах ритуалов, обрядов, речи, верований и т. д., не потерял своего актуального значения и

333

продолжает оставаться основой миропонимания не только большинства сельского населения Тропической Африки, но и многих городских жителей. В этой свойственной общественному сознанию модели мира не все в одинаковой мере используется обыденным сознанием, однако именно на базе этой модели характерных для нее доминант формируется тот специфический угол зрения, который больше всего подходит африканской личности. Для ее включения в общецивилизационный процесс необходим определенный уровень развития как духовной, так и политической культуры африканских обществ в целом. Для этого необходимы перемены социального и культурного характера, которые будут постепенно формировать новые социальные слои, новые движения, новый тип личности. Будущая политическая культура и политические системы стран Африки зависят от того, насколько быстро континент сумеет выйти из кризиса, преодолет государственный и экономический хаос, создаст нормально действующую экономику с устойчивым развитием, что невозможно без помощи международного сообщества и усилий лидеров африканских государств и большей части населения Черного континента. Европейская и африканская политические культуры взаимно обогащают друг друга, получая толчок к дальнейшему развитию. Изолированная культура хиреет и гибнет, но, как показал опыт полувекового развития независимых государств Черного континента, простое заимствование чужих политических систем и институтов не дает желаемого результата. Новая африканская политическая культура должна стать органическим сплавом национальных достижений и иностранных заимствований.

Литература

Африка: кланы, классы, общество. Социальные мутации на исходе XX века. М., 1994.

Африка: особенности политической культуры М., 1999.
Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу. М., 1995.
Демократизация в Африке. 1980-1990 гг. М., 1997
Политические партии современной Африки. М., 1998.
Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму. М., 1996

334

Средний Восток и Центральная Азия

И. В. КУДРЯШОВА. ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (ЕГИПЕТ, ИРАН, ТУРЦИЯ)

Как известно, с начала 50-х годов XX в. изменения, происходившие в молодых независимых государствах, соотносились с западной моделью развития. Эта модель имела различные варианты, но все они строились вокруг таких переменных, как рационализация, индустриализация, социальная дифференциация, конкуренция, национальная интеграция, демократизация и участие. Так, по мнению известного американского политолога Д. Растоу, модернизация - это быстрое усиление контроля над природой в процессе интеллектуальной, технологической и социальной революции, а его коллеги С. Хантингтона - рационализация власти, дифференциация структур и повышение уровня политического участия. Урбанизация, распространение грамотности, экономический рост, влияние массовых коммуникаций представлялись факторами, совокупное действие которых должно было мобилизовать население и увеличить требования к деятельности правительства; политическое участие расценивалось как путь к современному политическому развитию и распаду традиционных структур.

Ряд исследователей, в частности, американский компаративист Л. Пай¹, предостерегали от автоматического приложения моделей, разработанных в русле традиции эмпирических исследований западного политического процесса, к анализу реалий новых государств, указывая на такие проблемные мо-

¹ Отличительные черты развития переходных обществ выделены им в статье «Незападный политический процесс» («Политическая наука», 2003, № 2).

335

менты, как соотношение экономического роста с национальным развитием и предпочтительность сильного лидерства в рамках однопартийной системы по сравнению с «разъединяющей и сеющей рознь» либеральной демократией. По существу, уже в середине 60-х был поставлен вопрос о критериях политического развития «незападных обществ», о правомерности связи категории развития только с демократическим типом политической системы. Например, тот же Хантингтон писал, что модернизация - дестабилизирующее явление, поэтому основная проблема заключается не в предоставлении свободы, а в поддержании стабильности и равновесности институциональной системы, ради которой необходимо сдерживать изменения и уровень социальной мобилизации. Однако в целом он, как и другие западные авторы, следует классической теории модернизации, рассматривая происходящие в мире глубокие изменения в русле перехода к демократии западного типа, убедительно, на его взгляд, демонстрирующей свои преимущества и способность в той или иной степени адаптироваться к различным культурным средам, которые благодаря прежде всего интенсивному экономическому развитию способны производить новые ценностные ориентации².

В рамках темы представляется важным отметить сохраняющие актуальность работы Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» и «Парадигмы эпохи после холодной войны», где он говорит о завершении западной фазы развития мировой системы и конфликтном, но не обязательно контрпродуктивном взаимодействии Запада и не-Запада в «продвижении» истории. В резкой, иногда провоцирующей форме ученый отражает реалии, отчетливо оформившиеся в конце 80-х - начале 90-х XX в., - завершение эпохи самоидентификаций в терминах прогрессистских идеологий либерализма (как политической стратегии сознательной рациональной реформы) и коммунизма, проступившую призрачность прежних идеалов «национального развития» и усиление конфликта Север-Юг. Собственно говоря, рост и фундаментализма, и национализма, и шовинизма, и «цивилизационизма» можно считать явлениями одного порядка, а именно поисками твердой основы в

² См., напр. Huntington S.P. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. - Norman, 1991.

336

стремительно и неопределенно меняющемся мире, основы, необходимой для разработки новых индивидуальных и коллективных социально-политических ролей. Как представляется, дальняя, подразумеваемая цель этих исследований в том, чтобы стимулировать выработку новой перспективы для знакомых явлений за пределами европоцентристского мышления. В таком ракурсе конфликт цивилизаций уже не кульминация разрушительного развития, но распад прежних и поиск новых концепций и путей самоидентификации.

Действительно, на рубеже веков модернизационный контекст существенно изменился: этатизм замещается принципами рыночного регулирования не только в экономике, но и в социально-политической

сфере; приватизация, либерализация и глобализация стимулируют развитие новых политических процессов. Для мусульманских политий отступление государства означает, учитывая нерешенность прежних проблем, колоссальное повышение нагрузки на политическую систему, не способную институционализировать возрастающее политическое участие. В этом контексте роль исламского фактора как естественного социокультурного регулятора модернизационных процессов многократно возрастает.

При исследовании данной проблематики важно определить, что имеется в виду под исламским фактором, - ислам демонстрирует богатый, иногда озадачивающий набор как интерпретаций, так и инструментальных функций.

В сущности, ислам и политика - словосочетание органичное. Это отнюдь* не означает, что, как часто говорят, «ислам и политика слиты воедино». Исламовед и политолог А. Игнатенко справедливо указывает: разделение на светское и духовное, власть и религию в нем присутствует. Об этом свидетельствует хотя бы то, что Аллах в Коране говорит о завершении религии с завершением ниспослания откровения, а после смерти Мухаммада в исламе происходят первые расколы, вызванные неурегулированными вопросами организации и передачи политической власти и светской жизни в общине.

Применительно к мусульманскому сообществу трудно говорить о политике без ислама. Как писал еще Т. Парсонс, «те, кого объединяет общая вера, составляют моральную общность (которую в современном мире мы называем церковью), изначально религиозную, но являющуюся также и мирской соци-

337

альной системой»³. В исламе это проявляется с особой полнотой, в нем есть и жизненные правила, экзистенциально соприкасающиеся с потусторонним миром, и установки для политической и общественной жизни (нагляднее всего это выражено в шариате).

В коллективной монографии «Ислам, глобализация и постмодерн» Ф. Холлидэй выделяет три основные формы политического присутствия ислама:

1) исламские народные выступления, которые бросают вызов светскому или «недостаточно исламскому» государству и борются за политическую власть. Это случай Ирана (1978-1979), а также Алжира, Туниса, Египта и в совершенно иных условиях- Афганистана⁴. Мишенью выступает модернизирующее и усиливающее централизацию государство;

2) ислам как инструмент государственной власти. Государство прибегает к исламу в целях легитимации власти и консолидации общества в очень широком диапазоне: от весьма символических заклинаний об исламской идентичности, что характерно для светских властей (насеровский Египет, Марокко, Фронт национального освобождения в Алжире, правящая партия Баас⁶ в Сирии и Ираке), до его использования в качестве важной части государственной власти и авторитета. Режимы, которые позиционируют себя как «исламско-легитимные», представляют собой весьма пеструю палитру: военные дикта-

³ Parsons T. Durkheim on Religion Revisited: Another Look at the Elementary Forms of Religions Life// Beyond the Classics? Essays in the Scientific Study of Religion/ Ed. C.Glock, P.Hammond. N.Y., etc., 1973. P.157

⁴ Движение «Талибан», контролировавшее 90% территории Афганистана, можно охарактеризовать скорее как традиционалистское, отстаивающее патриархальные нормы общественной организации и поведения и имеющее неопределенные политические воззрения, в том числе на государственное устройство страны.

⁵ Фронт национального освобождения Алжира был образован в 1954 г. в ходе борьбы за независимость страны; после победы революции преобразован в правящую партию мобилизационного типа. - Прим.авт.

⁶ Леоцентристская партия, созданная в 1947 г. в Сирии группой арабских интеллигентов, выдвинувших лозунг «Единство, свобода, социализм»; одна ветвь партии пришла к власти в Сирии, другая - в Ираке. '

338

туры (Ливия, Пакистан и в определенный период Судан), племенные олигархии (Саудовская Аравия), клерикальная диктатура (Иран);

3) ислам в конфессиональном или этническом конфликте используется для артикуляции интересов и идентичности групп- части более широкого гетерогенного политического сообщества (мусульмане и немусульмане, разные исламские секты, представители различных языковых и этнических групп). Это происходит, например, в Ливане, на Кавказе, между мусульманами и коптами в Египте, индуистской и мусульманской общинами в Индии; современная действительность создает новые контексты этого типа исламизма, в частности в Западной Европе (в рамках самоопределения новых диаспор), на Балканах. Коммунализм частично объясняет распространение исламистских идей среди палестинцев, занимающих подчиненное положение в фактически израильском обществе; в Алжире, где его можно интерпретировать как проявление враждебности арабов по отношению к кабилскому меньшинству, ориентированному на французский язык и более светские порядки; в Малайзии, где он выступает в качестве инструмента выражения этноконфессиональных интересов малайцев в противовес китайцам.

Таким образом, политические функции может выполнять не только так называемый «политический ислам», который, собственно говоря, для этого создан, но и ислам традиционный.

Политический ислам часто отождествляют с фундаменталистскими течениями последних трех-четырех десятилетий. Не вдаваясь в терминологические споры, которые ведут по этому поводу

отечественные и зарубежные востоковеды⁷, от-

⁷ Например, Л. Полонская различала такие проявления исламского религиозно-политического сознания, как традиционализм и реформаторство; последнее подразделяется на фундаментализм и модернизм - стремление сочетать ислам как традиционный образ жизни народа со светским подходом к решению социально-экономических и политических проблем, т.е. осуществить синтез западных и традиционных общественных институтов, в том числе через «исламскую демократию» и «исламский социализм»; по мнению А. В. Коровикова, два основных типа - это традиционалисты и фундаменталисты, с одной стороны, и модернисты - с другой, причем водораздел между ними - отношение к роли ислама: как к основе устройства общества или как к делу совести, фундаментализм он именует также возрожденчеством, исламом; А. Ш. Ниязи, характеризую среднеазиатские исламские движения (в первую очередь в Таджикистане), говорит о неприменимости к ним «классической схемы градации» (имеется в виду подход Л. Р. Полонской, наиболее распространенный среди российских исследователей) из-за отсутствия реформаторской тенденции в советский период и предлагает разделить их на умеренное традиционалистское, в основном аполитичное, и радикальное неотрадиционалистское (политизированное), используя как синоним последнего также термин «исламский радикальный неконформизм».

339

мечу лишь, что все идейно-политические направления в исламе выступают за возвращение к его основам (хотя по-разному трактуют это), более того, они частично пересекаются. Уместно более подробно остановиться на позиции известного американского специалиста по мусульманскому Востоку Дж. Л. Эспозито, который в своей типологии исламской политической мысли выделяет консервативное, неотрадиционалистское (или неорационалистское) и реформаторское (неомодернистское) направления (кстати, при различиях в понятийном аппарате по сути его подход схож с точкой зрения Л. Полонской).

К консервативному лагерю принадлежит большинство улемов, для которых религия адекватно и полно представлена в классических формулировках, разработанных богословско-правовыми школами на раннем этапе исламской истории. В принципе принимая *иджтихад*⁸, на практике они ратуют за толкование или применение традиционных исламских законов, а не их реинтерпретацию, способную привести к изменению, т. е. следуют за традицией. Это часть религиозного истеблишмента. Поскольку правящие режимы в мусульманских странах неизбежно используют ценности ислама в целях прежде всего легитимации и консолидации, они тем самым поддерживают этот истеблишмент- и, соответственно, влияние консерваторов. Современные фундаменталисты (неорационалисты) также активно выступают за возвращение к исламу и шариату и уважают классическое право, но не связаны им; они декла-

⁸ Деятельность богослова по самостоятельному изучению и решению вопросов богословско-правового комплекса.

340

рируют необходимость вернуться к основам религии и через *иджтихад* реинтерпретировать их в соответствии с современными условиями, поскольку, по их мнению, ислам самодостаточен и содержит все необходимые ответы на вызовы времени. Для реформаторов (неомодернистов) ранний исламский период также представляется нормативным, однако они более четко разделяют содержание и форму, т. е. принципы и ценности непреложного откровения и обусловленные историческими и социальными причинами институты и практики, которые могут и должны быть изменены, чтобы стать конкурентоспособными, в том числе путем сочетания с западными институтами⁹.

Судя по этой типологии, различные направления исламской мысли захватывают «чужие» области, что, собственно, во многом и обуславливает терминологическую путаницу. Т. е. современный фундаментализм, отрицая традицию, на самом деле использует ее элементы, по-своему оформляя иерархию ценностей. Традиция (у Эспозито - консервативное крыло) нужна ему для противостояния модернизации, губительным духовным и политическим последствиям «забвения» религии. С одной стороны, в чем-то он не чужд реформаторству (изменение в сторону универсализации концепции шариата и обращение к *иджтихаду*) - однако все это преподносится как обретение истинной, неискаженной традиции (достаточно вспомнить хотя бы концепцию «теодемократии» А. А. аль-Маудуди¹⁰ - халифат с избранием главы исполнительной власти- или принцип «*велейат-е факих*» аятоллы Хомейни, обосновывающий политическое руководство религиозного деятеля). В нем есть и вполне модернистские черты - сильная предрасположенность к развитию системной идеологии с элементами рациональности, использование современных политических институтов и практик. Модернизаторские начала усиливаются, как правило, при обретении фундаменталистами политической власти, в том числе на уровне местного самоуправления.

⁹ Esposito John L. Islam: The Straight Path. - N.Y., Oxford, 1998. P. 228-231.

¹⁰ А. А. аль-Маудуди - пакистанский религиозный деятель, разработавший ряд принципов радикального фундаментализма; в 1943 г. основал исламистскую организацию «Джамаат-и Ислами».

341

А как охарактеризовать тогда правящие мусульманские режимы, опирающиеся на шариат, например, Саудидов? Их ведь тоже иногда называют «фундаменталистскими». Действительно, само саудовское государство возникло на основе союза шейха Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и эмира области ад-Дир'ийя Мухаммада Ибн Сауда (XVIII в.), а основатель современного КСА Абд аль-Азиз Ибн Сауд использовал воинственных кочевников, воодушевленных идеей возрождения ислама, в борьбе против племенного сепаратизма и за централизацию управления. Но легитимность Ибн Сауда была в первую очередь традиционной - как потомка славного бедуинского рода, воина, справедливого судьи, «шейха шейхов». В государственном строительстве он придерживался концепции союза светской и духовной власти, что является традиционной чертой исламской политической концепции. В основу политической

системы Саудовской Аравии был положен принцип «общественного договора» (двойной клятвы верности), в соответствии с которым правитель управляет, а подданные подчиняются, основываясь на Коране и Сунне Пророка, его сподвижников и четырех праведных халифов. Улемы играют здесь роль стражей, следящих за тем, чтобы и правитель, и подданные выполняли взятую клятву и строили отношения на основе справедливости и шариата. Но одновременно не существовало и не существует механизмов, с помощью которых эту поддержку можно было бы ограничить или отказать в ней. Сегодня большая часть улемов (преподавателей, судей, ученых, имамов) являются государственными служащими; члены Комитета высших улемов, который возглавляет верховный муфтий, назначаются королем. Король, имеющий титул «защитника святынь», оберегает правоверных и святыни как *глава государства* и одновременно обеспечивает политическую гегемонию своего племени.

Однако сохранение абсолютизма и начатый модернизационный процесс привели к формированию фундаменталистской религиозной оппозиции «неоваххабитов» (в ее составе в основном учащиеся религиозных школ). С «историческими» ваххабитами их роднит лишь стремление подчинить все стороны жизни Корану и Сунне и вести вооруженный *джихад* против неверных и отступников. Борьба с многобожием сменилась выступлениями против нахождения неверных, прежде

342

всего американцев, на территории КСА и противодействием «деспотичному и марионеточному» режиму саудовской семьи. Вариативность ролей ислама подтверждает не только его востребованность в современном политическом дискурсе, но и открытость для различных интерпретаций. В 50-х - начале 60-х годов в ряде мусульманских стран¹¹ предпринимались попытки ограничения роли религии в общественной жизни и поощрения различных форм светского национализма, как локального (Египет, Судан, Тунис, Алжир), так и регионального (арабизм и баасизм) характера, что во многом было следствием длительного присутствия европейского колониализма. Хотя секуляризм не фигурировал в качестве явной цели, приоритет национализма лишил ислам универсальности, «замыкая» его в культурной и частной сферах. Этот ислам революционной демократии можно определить как националистический; корни же его уходят в исламское реформаторство. Государство стремилось активно использовать традиционные мусульманские ценности: помимо земельной реформы, национализации и социальных мер национализм, независимо от разновидности, включил в свой словарь историю ислама и его героев. Мишель Афляк, один из основателей партии Баас, говорил о пророке Мухаммаде как о пионере арабизма и арабского единства; Г. А. Насера часто уподобляли Салах ад-дину, чей военный гений объединил Египет и Сирию и одержал многочисленные победы над крестоносцами. Последний шах Ирана, осуществляя капиталистическую модернизацию страны под лозунгом «революции шаха и народа», считал государство представителем и защитником общества, а категорию «ислам» употреблял в цивилизационном, культурологическом плане. Первый президент Алжира А. Бен Белла, провозгласивший курс на социализм, говорил, что это «социализм действия, социализм с ясными целями, социализм, основанный на алжирской действительности, арабский и мусульманский социализм», и добавлял: «Мы верующие, но это не мешает нам быть революционерами»¹². Таким образом, политические и экономические преобразования санкционировались отчетливо выраженными в исламе принципами эгалитаризма и справедливости.

¹¹ В Турции, о которой речи пойдет ниже, ислам был отделен от государства в 20-е годы.

¹² Цит. по Ланда Р. Г. История Алжира. XX век. М., 1999. С. 151, 154.

343

Поэтому начальный этап революционного развития не исключал в принципе сотрудничества националистов с такими полярными силами, как коммунисты и исламисты («Свободные офицеры» и «Братья-мусульмане»¹³, Баас и коммунисты).

Российский исследователь Г. И. Мирский, касаясь взаимосвязи между исламом и нацией, исламом и этничностью¹⁴, говорит о наличии у арабов трех уровней идентичности: высшего, на котором они ощущают включенность в арабскую нацию, утверждающую свою историческую и культурную самобытность; среднего- чувства принадлежности к государственно оформленной общности; низшего - уровня локальной, патриархальной, клановой, сектовой идентичности. При этом политический ислам не противоречит ни одному из них (он может встретить сопротивление лишь религиозного меньшинства на третьем уровне), поскольку не требует разрушения уже сложившегося государства, а напротив, предполагает его усиление путем очищения от «западной скверны», социальной несправедливости и разложения. В Иране же, например, макроуровень идентичности практически совпадает с государственным патриотизмом¹⁵.

Взгляды большинства исламистов на национализм хорошо иллюстрирует позиция «классика» фундаментализма пакистанца А. А. аль-Маудуди. В 40-х годах всю концептуальную систему национализма он полагал иррациональной, поскольку она разрушает более важные глубинные связи между человеческими существами, разделяя человечество на расовые группы, возводя языковые барьеры внутри одного религиозного сообщества и проводя искусственные территориальные грани-

¹³ «Свободные офицеры» - организация офицеров среднего и младшего звена египетской армии во главе с Г. А. Насером, совершившая в 1952 г. антимонархическую национально-освободительную революцию; ассоциация «Братьев-мусульман» - первая современная фундаменталистская организация, созданная в Египте в 1928 (по некоторым данным, в 1929 г.) Х.аль-Банной и имеющая филиалы во многих странах.

¹⁴ В исламе в принципе существует единая мусульманская нация (*умма*) - понятие, близкое религиозной общине; представления о национальном гражданстве появились в мусульманских странах лишь

к концу XIX в.

¹⁵ См.: Мирский Г. И. Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия // «Полис». М., 1998. № 2. С. 79-81.
344

цы. По его мнению, национализм неизбежно ведет к войнам и агрессии, а ислам рассматривает всю планету как место обитания человечества, «растворяя» таким образом надуманные противоречия. Согласно идее национализма, выдвинутой Пророком, те, кто познали истину поклонения Аллаху, - одна нация, кто не познали - другая. Таким образом, есть два его вида: ислама и неверия. Однако в 60-е годы - десятилетие расцвета национализма - он призывает к созданию блока мусульманских государств, аргументируя: европейские страны, несмотря на отсутствие общей идеологии, движутся по направлению к объединенной Европе, развивая совместные экономические и политические институты. Мусульмане, перед лицом общих внешних и внутренних проблем, также должны объединиться, так как они верят «в одного Бога, одного Пророка и одну Книгу», поэтому «образование самостоятельных мусульманских национальных государств было неизбежным результатом исторического движения, который нельзя было изменить. Достоинно сожаления, что все эти мусульманские государства следуют одной и той же доктрине национализма, заимствованной у их западных хозяев... Они полностью не осознают значения революционного правления ислама, который может объединить их мусульманское население в одну *умму*, продвигать среди них добрую волю и кооперацию»¹⁶.

Страны, отвергнувшие западную модель в знак оппозиции неокOLONIALИЗМУ и избравшие социалистический тип модернизации (Египет, Сирия, Ирак, Алжир), испытывали в послереволюционный период значительные трудности. Местный частный сектор не желал инвестировать в национальную экономику, объем производства сокращался в связи с реорганизацией и утратой управленческих кадров и технологий, аграрная реформа осложнялась отсутствием агротехники и финансов, а общая политическая ситуация на Ближнем Востоке оставалась кризисной. Поэтому социалистический курс был во многом обусловлен прагматическими потребностями в надежном союзнике, в данном случае - СССР.

Земельная реформа, национализация, индустриализация, введение государственного контроля над религиозными институтами (судами, мечетями и управлениями неотчуждаемого

¹⁶ См.: Maududi S.A.A. Unity of the muslim world. Lahore, 1982. P. 19-34.

345

религиозного имущества - вакфами) расшатали традиционную патронажно-клиентельную систему, приведя общество в движение и «переадресовав» ожидания благополучия государству. Молодые военные режимы столкнулись с проблемой, которую сформулировали Д. Растоу и С. Хантингтон, - нестабильностью правительственных структур при увеличении социальной мобилизации по сравнению с экономическим развитием.

Для укрепления собственной легитимности и обеспечения политической поддержки масс национальные лидеры были вынуждены активнее обращаться к религиозным символам и языку - и в этом контексте классический пример представляет собой Египет (Г. А. Насер, А. Садат, Х. Мубарак). Насер, стремясь усилить свое лидерство в арабском мире и одновременно выбить оружие из рук «Братьев-мусульман», расширил рамки египетского национализма до общеарабского⁷, обосновывая это единым арабо-исламским наследием (кстати, личное отношение Насера к исламу было своеобразным: соблюдая мусульманские обряды и считая религию источником духовной силы, он в частных беседах признавался, что «в своей основе все религии представляют собой одно и то же» и что «нужно отдать Богу богово, а *раису* (главе государства) - кесарево»¹⁸). Государственный контроль над ведущим в мусульманском мире исламским университетом Аль-Азхар и Высшим советом по исламским делам (ВСИД) использовался для продвижения арабской социалистической идеологии и политики. Например, богословы Аль-Азхара издавали фетвы, доказывающие совместимость ислама и арабского социализма; этому же были посвящены публикации влиятельных религиозных деятелей в журнале ВСИД «Трибуна ислама».

«Исламский курс» социалистов вызвал резкое неприятие как консервативных арабских монархий, так и местных «Братьев-мусульман». Сейид Кутб, один из руководителей ассоциации, первым понял, что никакая независимая исламская концепция не сможет застолбить собственное политическое поле без размежевания с социализмом и национализмом и отрицания моно-

¹⁷ В 1958 г. Египет и Сирия объединились в одно государство - Объединенную Арабскую Республику; в 1961 г. Сирия вышла из ее состава.

¹⁸ Цит. по Борисов А. В. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX век). М., 1991. С. 80.

346

полии государства на политическую власть. Если в 50-е годы он был озабочен вопросами социальной справедливости и экономического развития, их разрешением в рамках «исламского порядка», то в начале 60-х оформил относительно отчетливые когнитивные границы радикальной фундаменталистской доктрины, опираясь при ее разработке на ряд теоретических принципов (в частности, концепции *хакимийи* и *джихада*¹⁹), выдвинутых в межвоенный период Аль-Маудуди. Власть почувствовала грозящую опасность: в 1965 г. «Братья» были обвинены в подготовке покушения на президента, прошли широкие аресты, ряд лидеров, включая С. Кутба, были казнены. Тем не менее организацию уничтожить не удалось, и через несколько лет она вновь возникла на политической арене.

Тяжелейший удар делу арабского единства и антиимпериализма, основным источникам

легитимности насеровского режима, нанесло поражение в войне 1967 г., когда Израиль удвоил свою территорию. Глубина национального унижения была велика: египтяне и израильтяне смотрели друг на друга через Суэц. Внутриполитическую ситуацию осложняли большой материальный ущерб, временное закрытие Суэцкого канала и экономическая стагнация из-за неэффективности огромного госсектора, объявленного «общенародной собственностью»²⁰. Война выявила всю противоречивость «демократической кооперативной социалистической модели»: популистская интеграция и корпоративные образования не имели автономной организации, упор был сделан на принципы справедливости и производную от них политику распределения.

После смерти Насера в 1970 г. власть перешла к А. Садату, которому как личности было далеко до «героического ли-

¹⁹ *Хакимийя*- принцип всевластия Аллаха, который понимается в современном фундаментализме как необходимость восстановления целостной космической исламской системы, ибо Вселенная управляется одним-единственным законом, который связывает все ее части в гармоничную и упорядоченную последовательность; *джихад* понимается в исламе как революционная борьба за возрождение ислама, его объявление на практическом уровне подразумевает вступление индивида в новое сообщество (мир веры), которое отвергает все законы старого (мира неверия).

²⁰ В 1965 г. госсектор давал 85% промышленной продукции, а также охватывал транспорт, финансовую сферу и внешнюю торговлю.

347

дерства» предшественника: на высшем уровне руководства возник своеобразный вакуум легитимности. Экономические проблемы и оппозиция со стороны насеристов и марксистов, выступавших против введения рыночных механизмов, объективно подталкивали его к опоре на ислам. После достаточно успешной войны с Израилем в 1973 г., которая была объявлена «священной войной за веру», египетский президент стал строить мечети, увеличил количество исламских программ в СМИ и исламских дисциплин в школах, широко использовал язык ислама в публичных выступлениях, разрешил деятельность «Братьев-мусульман» и суфийских орденов, поддержал исламские студенческие организации. С 1974 г. он стал сворачивать связи с Советским Союзом, восстановил отношения с США, взял курс на реприватизацию экономики и поощрение частного сектора, воскресил многопартийную систему²¹ и в 1977 г. посетил Иерусалим, где официально заговорил о мире; в 1979 г. при посредничестве США был заключен сепаратный Кэмп-Дэвидский мирный договор, предусматривавший уход Израиля с Синайского полуострова²². Как отмечает российский исследователь А. Б. Борисов, стремление привлечь к национальному развитию собственную буржуазию, как и при Насере, не увенчалось успехом: она предпочитала вкладывать деньги в сферы с быстрым оборотом капитала - торговлю, сервис, подряды; дело осложнялось тем, что частные производители были связаны с государственными предприятиями, производственные мощности которых (а не требования рынка) предопределяли объемы выпускаемой продукции. Либерализация внешней торговли вызвала приток дешевых заграничных потребительских товаров, что нанесло урон местной легкой промышленности и повлекло за собой образование отрицательного внешнеторгового сальдо. Страна оказалась в ситуации фи-

²¹ При Насере в Египте действовала одна партия - Арабский социалистический союз, созданная в 1962 г. как массовая партия мобилизационного типа; Садат инициировал ее дробление на три фракции и преобразовал центростов в Национально-демократическую партию (НДП) - «партию власти». Позднее по его инициативе был создан еще ряд партий.

²² Это решение стоило Садату жизни: в 1981 г. он был убит активистами отпочковавшейся от «Братьев-мусульман» организации «Аль-Джихад».

348

нансового кризиса: дефицит платежного баланса возрос с 68 млн. долл. в 1970 г. до 1360 млн. долл. в 1975 г., бюджетный дефицит достиг в 1976 г. 5840 млн. долл., собираемость налогов была низкой. Заявление Садата в 1977 г. о намерении отменить государственное субсидирование цен на продукты питания и другие товары первой необходимости, оставляющее значительную часть населения без средств к существованию, вызвало массовые стихийные выступления и было отменено. Усилилась социальная дифференциация: в 1975 г. в Египте насчитывалось 500 миллионов (до 1952 г. - 8), а 90% населения оказалось за чертой бедности²³. Приземленное или, точнее, вполне земное отношение Садата к нуждам страны, то есть попытки найти реальные решения насущных проблем и более конкретные источники опоры, чем «революционный народ», фактически перечеркнули идеологические и политические поиски первого этапа.

Идейно-политическая либерализация и последовавшие за ней в самом конце 70-х - начале 80-х годов рост авторитаризма, подавление инакомыслия, борьба с интеллигенцией, а также сотрудничество с Западом, Кэмп-Дэвид и укрепление позиций ислама резко усилили египетских фундаменталистов, как умеренных, так и радикальных. Помимо традиционного для развития религиозной мысли возвращения к основам с целью осмысления новых реалий и требований (фундаментализм в таком случае, как правило, уравнивается модернизмом), огромную роль в этом усилении сыграли резкие социокультурные изменения, особенно в ситуации увеличивающейся дифференциации, растущего разнообразия образов и стилей жизни под влиянием как внутренних политических и экономических процессов, так и благодаря воздействию иных цивилизационных и культурных образцов. Это:

²³ См.: Борисов А. В. Арабский мир: прошлое и настоящее. М., 2002. С. 145-147.

²⁴ К 1981 г. у Садата кроме неформального звания «Старейшина египетской семьи» были должности

президента, премьер-министра, главнокомандующего вооруженными силами, главного шефа полиции, главного шефа юстиции, председателя НДП, уполномоченного по всем военным и экономическим вопросам и делам национальной безопасности.

349

- Кризис норм и ценностей. С одной стороны, его стимулирует отход определенных социальных групп и даже иерархов от традиционного образа жизни и действий, причем в этом процессе определяющим является усиление значения рациональных компонентов в целом и «приспособление» официальных религиозных деятелей к подобным изменениям, затрагивающим культурные основы цивилизации; с другой - неуспех «новых» идеологий и утрата смысла внешнеполитических концепций (например, Движения неприсоединения). Переход к модели рационального «человека экономического» не сопровождался установлением адекватных систем ценностей и идеальных защитных структур и, соответственно, психологическим консенсусом. Кризис национальных самосознаний, соотношенных с их сугубо государственным измерением, привел к кризису национализма как идеологии освобождения и мобилизации, который был усугублен внутренним социальным расслоением. В то же время спонтанные, солидаристские и трансцендентные идеологии в очень большой степени «смыкаются» с эгалитарными началами ислама. На этом фоне уже не подъем национального чувства, а усиление религиозного «мы» выступает ответом на дестабилизацию социокультурной среды.

- Неудача экономического развития как социальной стратегии. Форсированная модернизация сопряжена с острыми конфликтами интересов. Социальные группы, наиболее значительные по численности, сразу же входят в конфликт с последствиями индустриальных преобразований (прежде всего -слои, либо слишком резко приобщенные к индустриализации, либо исключенные из производственной сферы). Внедрение новой модели взаимоотношений с государством при отсутствии компенсаторных механизмов сопровождается социальной дезорганизацией, резким усилением маргинальности, препятствует выработке интегративных символов и структур и одновременно расширяет нишу фундаменталистской индоктринации. Попытки правящих элит использовать силу исламских символов, укрепить статус-кво через контроль над культурной продукцией (через бюрократию, масс-медиа, школы и часто мечети) усиливают позиции «параллельного» ислама, что выглядит парадоксальным лишь внешне: такие действия, по существу, не корректируют социальной политики и, следовательно, не сдерживают процессов дезорганизации.

350

- Неэффективность правящих элит и снижение легитимности. Прежде всего это выражается в неспособности найти и утвердить «работающую» в мусульманских сообществах систему ценностных координат, способную предложить моральные и интеллектуальные ориентиры для трансформации поведения и действия, разработать некую философскую перспективу. При отсутствии политической инфраструктуры формальных институтов, в рамках которых могли бы разрешаться конфликты, правящие элиты часто устанавливают режим националистической диктатуры, но новая легитимность возникает только при наличии эффективности.

- Прагматические политические интересы. Реальный ход политических событий последних десятилетий засвидетельствовал возможность эксплуатации исламистского проекта, низводимого в целях пропаганды до набора популярных лозунгов, политиками разных ориентаций. При этом возможно как формирование «под себя» новых структур, так и использование уже существующих, особенно обладающих массовой политической поддержкой.

- Внешний фактор, который опирается как на принцип -миссионерского экспансионизма в фундаменталистской идеологии, так и на возможность использования исламистов в реализации внешнеполитической и экономической стратегии влиятельных субъектов мировой политики²⁵. Отдельно следует выделить такую «внешнюю причину», как усиление в 90-х годах глобализационных процессов, которые, помимо экономических и человеческих издержек для развивающихся стран, влекут за собой наступление массовой культуры, прежде всего американской, которая пропагандирует определенный образ жизни. В таком контексте обращение к «чистому исламу» выступает ответом цивилизации (культурной сущности) на угрозу своему существованию.

²⁵ Имеется в виду как международная деятельность исламистских сил (помощь в создании и финансировании организаций и лагерей, посылка добровольцев и т. д.) и исламских фондов (организация различных видов помощи мусульманам), так и использование исламистов через «третью сторону» (например, «Зеленый интернационал») для давления на руководство отдельных стран в целях принятия решений, благоприятствующих национальным интересам тех или иных держав.

351

Новому египетскому президенту Х. Мубараку, разработавшему и осуществившему в 80-х-90-х годах программу структурных реформ (развитие инфраструктуры, государственная поддержка предпринимательства, постепенная денационализация госсектора (за исключением ряда стратегических производств, в том числе нефтедобычи), благоприятствование иностранным инвестициям и др.), удалось значительно улучшить экономическую ситуацию. В 90-х гг. экономическое развитие Египта приобрело устойчивый характер; рост ВВП увеличился с 1,9 проц. в 1990 г. до 5,7 проц. в 1998 г., обогнав прирост населения (1,6 проц. в год), а темпы роста сельскохозяйственного производства достигли 3,2 проц. При проведении реформ учитывался социальный фактор (85 проц. жителей имеют возможность приобретать по фиксированным ценам хлеб, масло и сахар), создавались рабочие места для молодежи. Однако и сегодня доход на душу населения составляет менее 1 тыс. долл. в год, что предопределяет относительную узость внутреннего рынка².

В политической сфере Мубарак продолжил прерванный процесс политической либерализации, одновременно жестко отвечая на акции насилия исламских экстремистов, резкий рост которых начался после возвращения боевиков из Афганистана и Пакистана в 1992 г.²⁷, и на стычки между коптами и мусульманами (в руководящих органах - правительстве и НДП стал соблюдаться конфессиональный баланс). Ограничивалась и деятельность умеренной оппозиции, в том числе через контроль выборов в органы законодательной власти. Такой курс обеспечивает пропрезидентским политическим силам доминирующие позиции. После успешных для блока умеренных исламистских организаций (Ассоциация «Братьев-мусульман», Социалистическая партия труда и Либерально-социалистическая партия) выборов 1987 г. - он получил 60 мест в Народном собрании из 454, став крупнейшей оппозиционной группой, в 1990 г. парламент был досрочно рас-

²⁶ См.: Борисов А. В. Арабский мир: прошлое и настоящее. С. 148— 150.

²⁷ В борьбе с экстремистами использовались трибуналы, а после массовых убийств иностранных туристов в 1997 г. - армия; в 1995 г. боевики организации «Аль-Гамаа' аль-исламийа» организовали очередное покушение на Мубарака в Аддис-Абебе.

352

пущен и принят новый Закон о выборах. В соответствии с ним был снят восьмипроцентный порог для прохода партии в парламент и отменены ограничения на выдвижение независимых кандидатов с сохранением положения об организации и проведении выборов под «наблюдением» Министерства внутренних дел. Неудивительно, что НДП получила в 1990 г. 348 мест, в 1995 г. - 417, в 2000 г. - 38g.

Партии оппозиции в Египте не являются влиятельными участниками политического процесса и представляют собой выстроенные «под лидера» организации, члены которых связаны отношениями личной лояльности и преданности; «партийность» кандидата мало влияет на электоральный выбор. Исключение - исламисты, которые, несмотря на недемократический избирательный закон (в 2000 г. был к тому же расширен контроль судей за ходом голосования) и действующее более 20 лет чрезвычайное положение, позволяющее использовать трибуналы для борьбы с политическими противниками и допускающее приостановку деятельности партий и печатных изданий, сумели, выступая в качестве независимых, получить в 2000 г. 17 депутатских мандатов (в 1995 г.- 1). В выборах обычно участвуют от 40 до 50% населения. В целом египетская партийная система находится под плотной государственной опекой²⁸.

Рост темпов экономического развития объективно способствует увеличению политического влияния национальной буржуазии и среднего класса, которые будут требовать либерализации и сокращения государственного вмешательства. Однако в условиях сегодняшней подчиненной узкогрупповым интересам глобализации этот процесс, как представляется, может носить противоречивый характер, так как египетской экономике выгодно сохранение государственных компенсаторных механизмов²⁹.

Сегодня исламисты остаются наиболее значимой оппозиционной силой Египта, хотя, казалось бы, проводимый правительственный курс должен суживать их базу и, соответственно, влияние: это повышение экономической эффективности в

²⁸ В 2002 г. на съезде НДП сын президента Г. Мубарак был избран членом генерального секретариата и ответственным за политическую ориентацию НДП.

²⁹ См.: Володин А. Г., Широков Г. К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 150-153.

353

сочетании с выраженной социальной ролью государства, поддержание жестковластных тенденций для сохранения эффективности системы, дозированная политическая либерализация с косвенным включением умеренных фундаменталистов³⁰ в политический процесс, шаги по урегулированию этноконфессиональных противоречий, противодействие финансированию исламистских структур и внесение раскола в их ряды, жесткое подавление акций насилия, постепенный перевод частных мечетей под контроль государства, принятие законов с целью контроля за выборами руководства профсоюзов³¹, выдача имамам специального разрешения для чтения проповедей, борьба с исламистскими центрами за рубежом и др. Однако позиции «неформального» ислама в обществе и политике сохраняются, более того, из маргинального явления он стал частью «мейнстрима»: об исламском образе жизни заботятся люди с разной социальной принадлежностью, достатком, уровнем образования, возрастом и полом. Они активно посещают группы изучения Корана, мечети и частные ассоциации, занимающиеся благотворительностью и религиозным образованием, покупают кассеты с записями проповедей популярных имамов. В результате исламская идентичность выражается не только в формальной религиозной практике, но и в таких социальных и экономических учреждениях, как медицинские службы, детские сады, юридические услуги, исламские банки и компании. После некоторого спада вновь усиливается присутствие исламистов в профсоюзах и выборных студенческих советах университетов.

Представляется, что основная причина этого феномена -неолиберальный характер современных глобализационных процессов и объективный рост открытости национальных политических систем. Можно согласиться с отечественными

³⁰ Как правило, к умеренным относят тех, кто выступает за постепенную и легальную исламизацию «снизу», к экстремистам - сторонников использования теоретически обоснованного насилия; граница между ними проходит также через их отношение к *такфиру* (буквально «обвинение в неверии» - на уровне всего общества, правящего режима, правителя или рядового мусульманина), который отвергают умеренные.

³¹ В середине 90-х годов исламисты в Египте контролировали около половины профсоюзов.

354

учеными А. Г. Володиным и Г. К. Широковым в том, что вызов переходному обществу таит симбиоз наиболее активных проявлений глобализации и реальной политизации массовых слоев населения, кумулятивный эффект которых резко повышает нагрузку на институты и механизмы политической системы. К исламу как выраженному политическим интересом прибегают уже не только «обездоленные» - слои, связанные с традиционными укладами, не только интеллигенция, техническая и гуманитарная, озабоченная «запрограммированной второсортностью» собственной страны и угрозой потери культурной идентичности, не только молодежь, остро чувствующая социальную несправедливость, но и во все больших масштабах само государство. Собственно говоря, именно исламская идея создает адекватную современным переходным условиям концепцию социетального сообщества и условия, необходимые для поддержания его внутренней солидарности при высокой степени социальной напряженности. Как отмечает российский политолог С. Э. Бабкин, во многом возвращение правящих элит к ценностям ислама было вынужденным и вытекало из господствующей в них точки зрения на традиционные функции ислама - легитимизационную, интегрирующую и коммуникативную, благодаря которым ислам представлялся им единственным средством сохранения стабильности общества и правящих режимов. Как ни парадоксально это звучит, но официальный ислам (контролируемый и направляемый сегодня через Аль-Азхар, Управление верховного муфтия и Министерство по делам вакуфов) по ряду важных вопросов близок исламскому фундаментализму: это, например, произвольная интерпретация Корана (в Египте - последовательно доказываемая связь ислама с национализмом, социализмом и частной инициативой), наведение мостов между светской юриспруденцией и шариатом, отношение к культурному единству *уммы* как основе экономической интеграции и политического сотрудничества между мусульманскими странами, оправдание насилия в случае угрозы смуты или безвластия, борьба против светской интеллигенции, отношение к семье, поддержка мусульманских движений (Афганистан, Босния, Чечня) и организаций. Поэтому можно предположить, что противостояние между государством и умеренными исламистами при условии устойчивого экономического роста и социального развития,

355

ведущего к сужению инфраструктуры экстремистов, институционализируется и станет фактором развития политической системы и постепенного преодоления фрагментации; при этом само присутствие политического ислама позволит отстаивать принцип сильного государства и социального равновесия перед натиском неолибералов.

Опасность безоглядного следования западной модели развития продемонстрировала другая крупная исламская страна - Иран. С первой половины 60-х до второй половины 70-х гг. темпы его экономического роста были одними из самых высоких в мире: за 15 лет ВВП вырос в 13 раз, а доход на душу населения - в 8 и достиг 1600 долл.; в конце 70-х годов Иран по социально-экономической структуре общества опережал Грецию и несколько отставал от Португалии и Испании, капиталистический уклад был и системообразующим, и господствующим³². Однако население не смогло адаптироваться к стремительным социально-экономическим изменениям и жесткому «авторитаризму модернизации» (в стране, несмотря на демократические традиции³³, не были осуществлены сколько-нибудь значительные политические реформы, но образовалась ощутимая угроза утраты национальной идентичности и самостоятельности). Поэтому антишахский фронт был очень широк - от противников «вестернизирующей модернизации»³⁴ («лишние» крестьяне, ремесленники, мелкая буржуазия, духовные лица) до сторонников альтернативной - революционно-коллективистской модернизации, приверженцев политической либерализации и национальных меньшинств, чьи права были принесены в жертву принципу «единой иранской нации». Попыткой общества обрести новое равновесное состояние ста-

³² См.: Иранская революция 1978-1979. Причины и уроки. М., 1989. С. 15-23.

³³ В Иране была установлена личная диктатура шаха, тогда как еще Конституция 1906 г ограничивала его власть меджлисом и предусматривала принцип разделения властей; шах считался главой исполнительной власти, а высшим духовным сувереном - двенадцатый Шиитский имам.

³⁴ Известный американский политолог-востоковед Дж. Эспозито приводит в своей книге «Ислам: прямой путь» меткое выражение одного иранского интеллектуала, назвавшего этот процесс «Westoxification» или «Weststruckness».

356

ла народная революция 1978-1979 гг., которой исламские религиозные деятели сумели, несмотря на внутривнутриполитическую борьбу, дать организационные рамки и идеологию.

Консолидация исламского режима, существующего без малого четверть века, не позволяет говорить о его воздействии на мусульманский мир в прошедшем времени. Это делает весьма актуальным анализ социально-политических и экономических рычагов «практического исламизма», идейно-политическая платформа которого основана на трех основных постулатах:

- принцип «*вেলাят-е факих*» (руководство богослова-законоведа, замещающего или представляющего «сокрытого» шиитского имама), который позволяет создать исламское государство в современном мире даже при отсутствии наследника Пророка³⁵;

- дихотомическое видение мира, разделенного на угнетателей и угнетенных (интересы последних, причем не только мусульман, защищает исламская революция);

- националистический по сути, хотя и панисламистский по форме призыв к борьбе против сатанинских сил, Запада и Востока (сверхдержав), стремящихся к господству над «третьим миром».

По мнению Ф. Холлидэя, призыв Хомейни к джихаду³⁶ носил, скорее, оборонительный, а не агрессивный характер и имел целью не обращение мира в ислам, а защиту мира ислама от порабощения и разложения извне. При этом принцип «экспорта исламской революции», восходящий к коранической идее прозелитизма, выражал не только свойственное революциям стрем-

³⁵ Аятолла Хомейни считал, что в период «сокрытия» справедливый *факих* обладает авторитетом, равным авторитету Пророка и имамов, хотя он уравниен с ними не в святости, а в функциях по руководству страной; поскольку исламское законодательство неизменно, *факих* способен правильно применить его и соответственно имеет легитимное право на власть (См.: Хомейни Р. М. Исламское правление. Алматы, 1993. С. 42-45).

³⁶ «Большой джихад», по Хомейни, это борьба за истину, которая скрыта под несколькими вуалями - вожделием, тщеславием, высокомерием, любовью к власти, эгоизмом; его завершение открывает путь «малому джихаду» - плодотворной деятельности в мировой политике, очищению общества от упадка, коррупции и тиранических правительств.

357

ление к распространению «передового опыта», но и попытку создать единый антиимпериалистический и антикоммунистический исламский фронт, поддержать боевой энтузиазм и солидарность внутри страны и давние и опять-таки по сути националистические притязания Ирана на лидерство в регионе. Кстати, как отмечает российский востоковед А. А. Алиев, Ирак видел в своем конфликте с Ираном «олицетворение борьбы с персидским национализмом, а не проявление религиозной войны»³⁷.

В ходе исламизации страны республиканские выборные органы власти- президент и парламент- получили вышестоящих «теократических двойников», формируемых без участия избирателей, - Верховное религиозно-политическое руководство (*рахбар*) и Наблюдательный совет. Преемственность высшей власти должно было обеспечить Собрание экспертов, наделенное правом выбора нового духовного руководителя или Руководящего совета. Полностью исламизирована была судебная система. Широкие административные, полицейские и идеологические полномочия получила такая военно-политическая организация, как Корпус стражей исламской революции; возможно, его существование восполнило отсутствие сильной массовой партии, которую трудно было создать прежде всего из-за выраженной фрагментации шиитского духовенства³⁸.

Однако основной фактор эффективности режима- состояние экономики. Принципы исламской экономической системы разрабатывались многими теологами-фундаменталистами, и ни один из них не выступал против принципа свободной конкуренции и предпринимательства. Пока богатство приобретает «легальными путями» (более или менее намеченными в Коране и позднее разработанными мусульманскими законооведами), государство не имеет права вмешиваться или лишать человека неотъемлемого права частной собственности. Как писал А. А. Маудуди, «зло в экономической системе начинается, когда естественный эгоизм человека переходит пределы умеренности; он развивается благодаря другим амораль-

³⁷ Алиев А. А. Иран vs Ирак: история и современность. М, 2002. С. 594.

³⁸ Подробнее о теократической политической системе ИРИ см.: Иранская революция 1978-1979. С. 276-312.

358

ным привычкам и получает дальнейшую поддержку от изначально неполноценной политической системы³⁹ («то есть капиталистической или социалистической. - Прим. авт.). Известный шиитский авторитет аятолла М. Б. ас-Садр допускал сосуществование частной, государственной и общественной собственности, реабилитированное «духовностью и моральным смыслом», и полагал, что освобождение экономики от ростовщического процента может обеспечить безостановочный цикл продуктивной деятельности, направляемой божественными законами.

Основной проблемой для Ирана стал, таким образом, вопрос не о радикальной реорганизации экономики, а о степени государственного контроля и планирования (экономическое развитие страны осуществлялось в экстраординарных условиях постреволюционного периода войны с Ираком с 1980 по 1988 гг.). Собственно говоря, разногласия в высших эшелонах власти по этому поводу отражали противоборство в среде самой иранской буржуазии. Выход из кризисной ситуации, обострившейся в 1987 г., был найден в создании Совета по принятию решений, целесообразных для исламского строя, задачей которого стало улаживание разногласий между парламентом, правительством и Наблюдательным советом. При этом исламское правление, как одно из главных предписаний ислама, получило приоритет над другими предписаниями, даже молитвой, постом и хаджем, и обрело право расторгнуть любое соответствующее шариату соглашение, если оно будет противоречить интересам государства или ислама. Поставив во главу угла понятие «целесообразности» (букв. «интереса»-*маслахат*), аятолла Хомейни не только укрепил власть *рахбара*, но и снял любые исламские ограничения, касающиеся действий государства, примирив религиозно-идеологическую норму и рациональность.

Принцип интереса, или целесообразность, сделал шиитских аятолл одновременно фундаменталистами и модернистами. Необходимость преодоления послевоенного упадка заставила бывшего президента А. А. Хашеми-Рафсанджани (1989-1997) выступить за экономическую либерализацию и расширение

³⁹ Maududi S.A.A. The economic problem of man and its islamic solution. Lahore, 1978. P. 13.

359

экономических и политических свобод . Свидетельством увеличения экономического потенциала

явился рост ВВП среднегодовыми темпами, равными 4,5-5% (2002-2003 гг. - 7%), хотя этого, как считает известный ирановед А. З. Арабаджян, недостаточно для превращения Ирана в промышленно развитую по среднемировым меркам страну. В целом специалисты полагают, что, поскольку Ирану, стране с открытой экономикой, высокой долей внешней торговли в ВВП, капиталоемкими ведущими отраслями промышленности - нефтяной, нефтехимической, металлургией, энергетикой, с очень молодым населением, постоянно нуждающемся в новых рабочих местах, требуются крупные инвестиции и современные технологии, которые могут предоставить только высокоразвитые страны, логика его экономического развития при любом режиме обусловит продолжение модернизации и либерализации режима.

Во второй половине 90-х годов в политической сфере ИРИ проявились тенденции к демократизации. Как правило, их связывают с именем президента М. Хатами (с 1997 г.), но демократический потенциал несет в себе сама республиканская система страны с такими по сути современными социальными институтами, как парламент, выборы (в том числе - по особой процедуре - *рахбара*), многопартийность (в основном в форме религиозно-политических группировок, что свидетельствует о продолжении процесса дифференциации элит)⁴¹, самостоятельный суд, надзирающий за соответствием политических и юридических решений духу ислама, гражданские свободы. Выборы носят альтернативный характер: например, в 2000 г. 290 мест в парламенте оспаривали 6083 кандидата (513 женщин), прошедших через утверждение Наблюдательным советом⁴². К президентским выборам 2001 г., приведшим к повторному избранию Хатами (более 80% голосов), Наблюдательный совет допустил

⁴⁰ Например, в сентябре 1991 г. в Тегеране была созвана Международная конференция по правам человека.

⁴¹ Подробнее об иранской партийной системе см.: Вагин М. В. Президент М.Хатами и его концепции «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций» // Иран: ислам и власть. М., 2001. С. 107-110.

⁴² См.: Мамедова Н. М. Тенденции демократизации во внутривнутриполитической жизни Исламской Республики Иран // Иран: ислам и власть. С. 52.

360

814 кандидатов (47 женщин; многие из них подчеркивали, что совершили этот шаг, чтобы обрести уверенность в себе, продемонстрировать возможности женщины в обществе).

М. Хатами, безусловно, открыл новое направление в иранской политической мысли. Он фактически поборол «детскую болезнь левизны», выраженную в концепции «экспорта революции», и обосновал идею широкого диалога, носящего многоуровневый характер:

- во-первых, это диалог цивилизаций как попытка достичь взаимопонимания и найти ответ на проблемы, стоящие перед всеми цивилизациями (мир и безопасность, человек и природа, семья, мораль);

- во-вторых, обращение к мусульманским странам с призывом создать на основе общего наследия и интересов необходимые условия для установления взаимного доверия в рамках двусторонних и многосторонних отношений (ОИК) как «первой и самой главной стратегической задачи в деле обеспечения безопасности», сформировать систему охватывающих весь исламский мир организаций содействия развитию;

-в-третьих, развитие плюрализма в самом иранском обществе, включая «столкновение самых разных, прямо противоположных точек зрения» (естественно, с учетом исламских норм, ограничивающих некоторые свободы личности). Свобода для Хатами - это свобода мысли и самовыражения, которая только и позволяет достичь умеренности, сбалансированности и рациональности целей. При этом диалог, чтобы быть эффективным, должен быть в состоянии подняться от уровня терпимости до уровня широкомасштабного политического сотрудничества.

Касаясь соотношения между традицией и развитием, иранский лидер подчеркивает, что разрушение традиции означает распад идентичности и что без возврата к традиции и переоценки достигнутого невозможно прийти к новому состоянию («новой эпохе»). В этом контексте он выдвигает идею «исламского гражданского общества», восходящего исторически и теоретически к Медине времен Пророка и основанного на коллективном самосознании мусульман. В центре внимания в нем находится забота о духовных и эмоциональных потребностях людей, уважаются их права (включая представителей других конфессиональных групп), невозможна личная или

361

групповая диктатура; его члены вправе контролировать управление страной и требовать отчета от правительства. Исламское общество, таким образом, представляется источником справедливого и рационального в политической системе, а ислам - легитимным средством продвижения новых политических идей. В перспективе такая позиция позволяет преодолеть рамки видения как «классических» фундаменталистов, так и «классических» модернизаторов, нацеленных на заимствование западных политических и экономических институтов.

Отвергая изоляционизм, иранский мыслитель считает, что ограничения и цензура не могут быть опорой исламской системы и что главная задача состоит в воспитании у людей иммунитета к культурному наступлению Запада. Именно с этой целью следует разрешить «столкновение самых разных, прямо противоположных точек зрения в нашем обществе», что обеспечит в будущем развитую и гибкую систему взглядов в рамках исламской идеологии⁴³. Таким образом, идея диалога обращена не только «вширь» - к миру, но и «вглубь» - к самим иранцам. При этом именно исламская уникальность, проистекающая из понимания высшего духовного смысла жизни и постоянного духовного усовершенствования, должна

обеспечить уверенные позиции исламской цивилизации в диалоге. Можно сказать, что Хатами верит в победу ислама в результате соревнования с Западом - но не в результате войны с ним.

В реальной жизни в сегодняшнем Иране продолжается противоборство между консерваторами и реформистами, принимающее форму и уличных выступлений, и политических скандалов, и показательных судебных процессов над «отступниками». О противоречивых тенденциях в политическом процессе свидетельствует ход парламентской кампании в феврале 2004 г.: Наблюдательный совет отстранил от участия в выборах более трети заявленных кандидатов, в основном представителей реформистских партий (в том числе 80 членов прежнего меджлиса), что в четыре раза превышает соответствующий показатель прошлых выборов. При явке 50,6% две трети мест получили консерваторы; ряд реформистских партий призвал к бойкоту голосования. Однако в стране не наблюдалось

⁴³ См.. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. Гл. 2, 3, 9, 10.

362

массовых протестов, что, как представляется, определено несколькими факторами. Это разочарование в ходе и темпах реформ (ответственность и подотчетность власти, гражданские права и свободы), обострение внешнеполитической угрозы со стороны США и в целом их дискредитирующие идею демократии действия, относительно благоприятная благодаря высоким ценам на нефть экономическая ситуация, которая ослабляет социальное недовольство, слабая деятельность реформистов в массах.

Но как бы ни развивались события, кто бы ни пришел к власти на следующих президентских выборах, можно констатировать, что радикальный исламский режим сумел преодолеть структурные противоречия шахской модернизации и предложить свой подход к системной трансформации, продемонстрировав не только устойчивость, но и способность к эволюции в сторону реформаторства- и к этому его привели в первую очередь государственные масштабы ответственности во внутри- и внешнеполитической сферах. В конце концов, если ключевые цели модернизации заключаются в национальном единстве, стабильной власти и равенстве (Д. Растоу), то исламская формула вполне позволяет двигаться в этом направлении.

И, наконец, несколько слов о Турции, которую Хантингтон назвал «расколотой изнутри», имея в виду противоречивость ее национальной идентичности. Как известно, в результате кемалистской революции стратегическим направлением реформ стали секуляризация (отделение ислама от государства, национализация большинства вакуфов, упразднение шариатских судов, запрещение суфийских орденов), европеизация и этатизм, проявлявшийся прежде всего в экономике. Власть монополизировала созданная Ататюрком массовая Народно-республиканская партия (НРП), действовавшая в режиме мобилизационного постосвободительного авторитаризма. После Второй мировой войны доктрина Трумэна и план Маршалла способствовали демократизации страны и отходу от политики этатизма. Однако это тут же привело к росту оппозиции (исламисты, левые силы, курдские сепаратисты), ослаблению позиций НРП и дестабилизации политической системы. На арену вышла армия, считавшая себя хранительницей традиций кемализма, и с 60-х годов в политическом развитии страны начался период, который Г. И. Мирский точно охарактеризовал как

363

«военно-гражданский маятник», то есть чередование периодов прямой военной интервенции (1960, 1971, 1980), опекунской демократии и плюралистического гражданского правления. Армии всякий раз удавалось «разрулить» кризисную ситуацию, но не решить основную проблему модернизации - достижение равновесия между экономической, социетальной и политической подсистемами.

Последняя турецкая Конституция 1982 г., подготовленная военными властями, усилила, как указывает отечественный политолог Б. М. Ягудин, роль исполнительной власти в лице надпартийного президента и кабинета министров. Были также приняты законы о политических партиях и о парламентских выборах, приведшие к воссозданию многопартийности к 1987 г. С тех пор на выборах в парламент соперничают четыре основные политические силы: правые либералы (Партия отечества и Партия верного пути), левоцентристы (Демократическая левая партия (ДЛП) и НРП), исламисты (Партия добродетели, впоследствии- Партия благополучия (Рефак), Партия добродетели (Фазилет), Партия справедливости и развития) и ультранационалисты⁴⁵.

Неолиберальная модернизация, начатая в 80-е годы, то есть превращение экономики в открытую конкурентную систему, привела к свертыванию предпринимательской деятельности государства (в 1985 г. вложение инвестиций распределялось между госсектором и частным сектором в соотношении 56,0 и 44,0, а в 1999 г. - 28,2 и 71,8%) и, соответственно, государственного патернализма. Повышение интенсивности основной отрасли экономики - сельского хозяйства сопровождалось появлением лишних рабочих рук и ростом миграции в города. Необходимость постоянного создания новых рабочих мест обрекала страну на преимущественное развитие трудоемких отраслей и предприятий, а наличие хронической безработ-

⁴⁴ В 1960 г. - массовые волнения студенчества и интеллигенции, вызванные репрессиями правящей Демократической партии в отношении оппозиции; в 1971 г. - экономическая неэффективность и рост фракционной и забастовочной борьбы; в 1980 г. - разгул экстремизма, нехватка продовольствия, сырья и электроэнергии, огромная инфляция.

⁴⁵ См.: Ягудин Б.М. Эволюция парламентаризма в Турции/Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001. С. 193-195.

364

тицы на уровне 12-20% позволяло поддерживать низкий уровень заработной платы. Ситуацию осложняли высокий среднегодовой прирост населения и «обратные стороны» тесного сближения с Западом:

предельно высокий уровень военно-полицейских расходов (от 4 до 6% ВВП), а также выплата процентов по огромному внешнему долгу (111,2 млрд. в 1999 г.) Широкие масштабы приняла миграция населения в зарубежные страны, прежде всего в ФРГ⁴⁶.

И вновь, как в Иране в 70-е годы, резкое изменение положения традиционалистских слоев привело к усилению исламистских сил. Наибольшую поддержку им оказывают сельская периферия и социальные маргиналы города, но не только: среди их сторонников - средние городские слои, университетская молодежь, молодая турецкая технократия, воспринимающая фундаменталистскую идеологию не вопреки, а вследствие своей вестернизованности, националисты. В 1995 г. на парламентских выборах победила Партия благоденствия (ПБ) и было сформировано коалиционное правительство во главе с Н. Эрбаканом. Как пишет российский ученый С. Б. Дружиловский, «ее концепция преобразований в турецком обществе строилась на том, что последние сто лет в развитии Турции, в течение которых она следует в фарватере западной политики, были трагической ошибкой. За это время она не стала передовой державой, но приобрела такие пороки, как проституцию, наркоманию, алкоголизм, неизвестные ранее болезни, одновременно утратив любовь, доброту, правдивость, альтруизм, поэзию. При этом ПБ выступала за дальнейшую индустриализацию страны, но считала, что развитие экономики должно осуществляться с учетом интересов всего турецкого населения, справедливо распределяясь по всем регионам страны. Свою цель партия формулировала как построение индустриального общества, где будут доминировать чувства товарищества и взаимопомощи»⁴⁷. Такая постановка вопроса очень близка к позиции М. Б. ас-Садр, который видит главный порок западной цивилизации в доминировании материального

⁴⁶ См.: Уразова Е. И. Некоторые особенности и перспективы развития Турции // Мусульманские страны у границ СНГ С 63-68.

⁴⁷ Дружиловский С. Б. О' теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция) // Ислам и политика. М., 2001 С. 63.

365

интереса и отсутствию у индивида позитивных прав и свобод и считает, что оптимальное сочетание личного и общественного интересов может быть найдено только в исламской системе, которая гарантирует и индивиду, и обществу их права и обеспечивает первому духовное и материальное достоинство в общинном социуме⁴⁸.

Поскольку это правительство находилось у власти всего около года, у него не было времени переломить негативные тенденции в экономике, хотя некоторые действия можно назвать успешными: получение внутренних займов на несколько миллиардов долларов, оживление приватизации, небольшой рост промышленного производства.

В 1997 г. под давлением военных правительству Эрбакана пришлось уйти в отставку, однако исламисты зарегистрировали новую Партию добродетели, которая вышла на третье место в досрочных парламентских выборах. В 2002 г. ухудшение экономической ситуации, коррупция властных структур, безработица, проблемы с лидерством в ДЛП, а с внешней стороны - осложнение отношений Турции с Евросоюзом и кризисы вокруг Ирака привели к распаду правящей коалиции во главе с левоцентристами и победе на внеочередных выборах Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Р. Т. Эрдоганом (34,2% голосов). Популярности партии не повредил тот факт, что Эрдоган привлекался к административной ответственности за публичное чтение религиозных стихов; более того, парламент утвердил некоторые изменения в конституции, касающиеся ограничений к кандидатуре на пост премьер-министра: выражение «лица, привлеченные к ответственности за идеологическую, анархическую деятельность» было заменено на «лица, привлеченные к ответственности за террористическую деятельность». Таким образом, впервые в истории Турции исламисты создали однопартийное правительство; исламистская элита, перестав быть периферийной, закрепились на национальном политическом уровне.

Вряд ли стоит сегодня ожидать радикальных изменений в турецкой политике - укрепившиеся демократические тенденции (позволившие ПСР легально прийти к власти) и в то же время сдерживающая роль армии (заставляющая их быть очень осмот-

⁴⁸ As-Sadr M B. Ibid. - P. 24-26.

366

рительными) позволяют достичь определенного равновесия между исламистами и сторонниками прозападной ориентации. Однако «перевес» также возможен: во-первых, в Турции не было достигнуто подлинной секулярности, относящейся к сфере общественных институтов, иными словами, автономии индивида, основывающейся на гарантиях его прав и свобод; во-вторых, усилить мусульманское самосознание может внешний фактор - ситуация в Ираке и вопрос о членстве в ЕС и, в меньшей степени, помощь исламских режимов; в-третьих, исламские принципы совместимы с экономическим ростом. В любом случае для национального политического развития чрезвычайно важно, что демократический процесс не оказался прерванным - как представляется, это заставляет традиционалистскую элиту следовать установившимся правилам игры при принятии решений. Одновременно «исламская оболочка» вряд ли будет помехой Турции в ее активном стремлении к освоению Закавказья и Центральной Азии, которые она считает, следуя принципам пантюркизма, зоной своих стратегических интересов.

Проведенный в «исламском контексте» краткий анализ нескольких десятилетий независимого политического развития Египта, Ирана и Турции, - политий с разной выраженностью исламской составляющей в культурном наследии, но очень значимых для мусульманского сообщества; подводит нас к определенным выводам. Египет, лидер арабского мира, пытающийся сочетать две параллели - секулярности

и исламизма в рамках институциональной либерализации, фундаменталистский Иран, в котором шиизм с XVI в. служит укреплению государственности и независимости страны, почти светская, почти западная Турция, вызывающая почтительное внимание азиатских соседей, - все они в кризисные моменты обращаются к исламу в поисках оснований политической легитимности и национальной идентичности, по-своему интерпретируя его. Ответ же на вопрос, почему в конкретных сообществах начинает преобладать то или иное понимание ислама, кроется не столько в самой религиозной традиции, сколько в интересах и нуждах тех, для кого язык ислама становится единственным возможным ответом на вызовы времени, то есть современности, вошедшей в жизнь мусульманских стран. С точки зрения верующих мусульман политические, общественные, экономические и другие институты понимаются как неразрывно свя-

367

занные с исламом. Поэтому в случае выбора любой модели развития вопрос в мусульманском сообществе стоит не о том, должна Ли религия придавать смысл функционированию государственных и социальных структур, но о том, в какой степени и в каких темпах это будет происходить, какие цели ставит санкционированная религией власть.

Многообразие политического выражения исламской цивилизационной доминанты показывает, что традиция отнюдь не статична и что она способна активно «помогать» в достижении равновесного состояния общества. Религия - не только инструмент мобилизации групповых интересов. Политический процесс воспринимается через такие когнитивные структуры, как идеология, национализм, этничность или религия. Они состоят из разделяемых смыслов, ожиданий и общего социального знания и дают акторам ценностно-заряженное восприятие себя и других, что в результате влияет на их стратегический выбор. Именно когнитивные структуры придают смысл борьбе интересов в сфере распределения власти и ресурсов. Поэтому некорректно считать ислам в политике абсолютным противовесом любой рациональной программе развития, чем-то единообразным и застывшим, феноменом, который следует контролировать, сдерживать и в конечном счете подавлять, или продуктом иностранного влияния.

Литература

Борисов А. В. Арабский мир: прошлое и настоящее. М., 2002.

Иран: ислам и власть / Под ред. Н. М. Мамедовой, М. Санаи. М., 2001.

Ислам и политика / Под ред. В. Я. Белокреницкого, А. З. Егорина. М., 2001.

Мусульманские страны у границ СНГ / Под ред. В. Я. Белокреницкого, А.З. Егорина. М., 2001.

Esposito J.L. Islam: The Straight Path. N.Y., Oxford: Oxford Univ.Press, 1998.

368

С. Б. ДРУЖИЛОВСКИЙ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ИРАНА И ТУРЦИИ

Сегодня и в Иране, и в Турции у власти находятся представители политического ислама, однако политсистемы этих двух государств существенно отличаются друг от друга. Вызвано это, прежде всего, тем, что к власти исламисты в этих странах пришли разными путями, и то, что шиитские лидеры, возглавившие победоносную политическую революцию в Иране, могли себе позволить достаточно легко, их турецкие коллеги, пришедшие к власти парламентским путем, пока позволить себе не могут. Тем не менее, общность исторической судьбы двух рассматриваемых государств, их географическая близость и значимость в региональной политике делают сопоставление их политических систем вполне обоснованным и крайне интересным.

После свержения шахского режима и победы исламской революции в Иране новое иранское руководство предприняло попытку привести политическую систему страны в соответствие с концепцией «исламской модели развития», которая до этого мало кем рассматривалась как возможная альтернатива существующим в современном мире моделям общественно-политических систем. Абсолютное большинство западных исследователей полностью отвергало саму возможность каких-либо конструктивных решений на этом направлении политического развития. Но в самих мусульманских странах идея исламского пути развития находила много приверженцев, которые не переставали доказывать, что в исламской доктрине есть все необходимое для успешного развития мусульманских народов.

Лидер иранской революции аятолла Р. Хомейни был одним из таких убежденных проповедников возможности исламского пути развития. Еще задолго до революции в своей книге «Исламское правление» он порвал с традиционным подходом

369

исламских богословов к вопросу о власти и заявил, что высшее духовенство не только может, но и обязано до прихода посланника Аллаха двенадцатого имама Махди возглавить экономическое, политическое и духовное возрождение правоверных народов. Хомейни считал, что у мусульманских народов есть все необходимые предпосылки для такого возрождения: природные, исторические, культурные, геополитические, демографические, религиозные. В последующие после победы исламской революции двадцать пять лет существования Исламской Республики Иран религиозно-политическое руководство этой страны сделало немало для наполнения понятия «исламская модель развития» практическим содержанием.

Сегодня, признавая те достижения, которых достигла ИРИ в своем социально-экономическом и политическом развитии, можно попытаться выделить те новации, которые отличают современный Иран

именно как исламское государство, и проследить влияние этих новаций на развитие политической системы в этой стране.

Важнейшим источником для такого исследования является Конституция ИРИ. Разработанная специальной конституционной ассамблеей и одобренная на всенародном референдуме 30 марта 1979 г. иранская конституция представляет собой оригинальный документ, существенно отличающийся от известных основных законов, принятых в других странах. В свое время, консультируя членов конституционной ассамблеи, аятолла Р. Хомейни настаивал на том, чтобы она была «на сто процентов исламской». В целом с этой задачей творцы новой иранской конституции справились достаточно успешно.

Уже в преамбуле конституции записано, что она создана «на основе исламских установлений» и что исламское правление в Иране будет основываться на принципе «Велаяте факих» (правление авторитетного шиитского правоведа), со ссылкой на суру Корана, где сказано, что «дела вершатся улемами, точно выполняющими повеление бога о дозволенном и недозволенном». Принцип «Велаяте факих» провозглашает не только ведущую роль факиха (рахбара) в определении политической линии исламской республики, но и верховенство ислама во всех государственных структурах и ветвях власти, то есть в исламских советах, как органах местного самоуправления, Наблюдательном совете, как главном контрольном органе, рас-

370

сматривающем все принимаемые парламентом законы на предмет их соответствия исламской конституции и исламским канонам, в Совете экспертов, состоящем исключительно из представителей духовенства, в функции которого входят выборы главы государства- рахбара и предварительный отбор кандидатов в депутаты парламента страны, а также в шариатских судах, имеющих монополию на отправлении правосудия в этой стране.

Основополагающей статьей конституции является ст. 4, которая гласит, что «все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах». При этом подчеркивается, что «эта статья приоритетна по отношению к другим статьям конституции, а также законам и установлениям». Причем заключение по поводу соответствия исламским нормам выносится «факихами» (исламскими правоведами) Совета по охране конституции и исламских норм¹.

Все последующие статьи иранской конституции изложены строго в соответствии с исламскими представлениями о законности и принципах функционирования государства и общества. Таким образом, очевидно, что Конституция ИРИ не только декларирует основные принципы построения исламской республики, но и гарантирует неуклонность их выполнения.

Реализуя записанные в конституции исламские нововведения, руководство ИРИ проделало громадную работу, принесшую свои результаты. Был создан новый государственный аппарат, в котором главенствующее место занимают представители высшего шиитского духовенства. Коренным образом изменена система судопроизводства, где духовенство сегодня играет решающую роль. Деятельность высшей законодательной власти в стране - меджлиса - контролируется на предмет соответствия конституции и исламским нормам Наблюдательным советом, центральное место в котором занимают шесть авторитетных исламских правоведов. Работа исполнительной власти находится под пристальным вниманием рахбара. Все это позволяет исламскому руководству достаточно уверенно управлять

¹ Конституция Исламской Республики Иран (на русск.яз). В сб. «Весна свободы», М., 1994, сс. 64, 65, 71.

371

многомиллионным государством, не прибегая к традиционным для большинства стран методам, таким, например, как опоре на одно- или многопартийную политическую систему.

Тем не менее, исламский Иран имеет свою историю партийного строительства, которая внесла определенный вклад в становление новой политсистемы в этой стране. Эта история подразделяется на несколько этапов.

Сразу же после победы исламской революции и уничтожения шахского режима в стране была разрешена многопартийность, и спектр действовавших в это время в стране политических партий был достаточно широк - от левых прокоммунистических до чисто исламских, с преобладанием партий либерально-буржуазного толка.

Ведущая партия иранских исламистов, получившая название Партии исламской республики (ПИР), созданная ближайшими сторонниками Хомейни, на первых порах пыталась доказать преимущества своей платформы политическими методами, активно используя подконтрольные ей средства массовой информации и свои позиции в органах государственной власти. Однако вскоре стало ясно, что определенная, причем значительная часть населения не разделяет установку этой партии на тотальную исламизацию всех сторон жизни иранского общества, что проявилось как в активизации неисламских политических группировок, так и в расколе в самой ПИР, в которой возникли серьезные разногласия.

Увидев, что однородный политический спектр в условиях иранской действительности создать не удастся, Хомейни принял решение распустить все политические партии, мотивировав это тем, что в исламском государстве речь может идти о существовании только одной партии- партии Аллаха, или «Хезболла», а все добропорядочные граждане должны стать ее членами. Таким образом, вплоть до смерти Хомейни в 1989 г. легальные политические партии в ИРИ практически не функционировали. Но впоследствии различные политические группировки начали возникать на базе парламентских фракций, и к середине 90-х годов складываются условия для возрождения многопартийности, однако к этому времени все

вновь возникающие партии в обязательном порядке стали подчеркивать свой исламский характер, что проявляется прежде всего в их названиях, например «Ассоциация борющегося духовенства»,

372

«Моджахеды исламской революции» и т. п. Вместе с тем, практически все современные партии ИРИ отражают интересы трех политических группировок в руководстве страны: это реформаторы, ведомые нынешним президентом Ирана С. М. Хатами, прагматики, лидером которых выступает бывший президент страны Х. Рафсанджани, и консерваторы, которых неформально возглавляет нынешний глава государства, преемник Хомейни на посту рахбара, А. Хаменеи. Особняком стоит партия либеральной иранской буржуазии - Движение за свободу Ирана, которая находится в неофициальной оппозиции к нынешнему режиму и подвергается постоянным нападкам с его стороны, хотя и имеет возможность действовать легально.

Известно, что исламизации подверглась не только политическая, но и экономическая система страны. В экономике Ирана реализован целый ряд исламских принципов, которые придают ей существенное своеобразие, а в определенном смысле и уникальность. Здесь наряду с таким достаточно распространенным сегодня явлением, как беспроцентные банки, существенную роль играют исламские фонды, сочетающие в себе как экономические, так и социальные функции, поскольку они одновременно являются и крупнейшими холдинговыми компаниями, и источником благотворительности для многочисленных категорий «обездоленных», забота о которых объявлена приоритетным направлением в политике исламского государства. Уникальным представляется создание института созидательного джихада, в котором также чисто экономические задачи, связанные с быстрым подъемом иранских окраин и оживлением нерентабельных отраслей экономики, сочетаются с решением проблем трудоустройства неквалифицированных рабочих, сокращения безработицы, широкой мобилизации населения на реализацию экономических проектов, имеющих общегосударственное значение. При этом следует отметить особую роль исламского государства в развитии экономики, где ему принадлежат и им контролируются главные ее секторы и направления, а экономическое развитие имеет плановый характер. По мнению иранского руководства, такая политика должна обеспечить принцип социальной справедливости и возможно более справедливое распределение доходов среди иранского населения.

373

Этой цели подчинена и социальная политика ИРИ в целом. В частности, Конституция ИРИ, объявляя частную собственность священной, одновременно декларирует, что эта собственность должна быть нажита честным трудом и не приобретается за счет ущемления собственности других граждан, и не быть результатом спекуляций. ИРИ одна из немногих, а возможно, и единственная страна мира, в которой все высшие государственные чиновники и их ближайшие родственники в обязательном порядке заполняют декларацию о своем имущественном положении в момент вступления в должность и после своей отставки.

Своеобразную исламскую специфику приобрела внешняя политика ИРИ. Несмотря на определенные корректировки во внешнеполитическом курсе, иранское руководство неизменно придерживается нескольких главных направлений в своей международной политике, которые определяют ее исламский характер. Во-первых, как это зафиксировано в ст. 3 конституции, приоритетный упор делается на «установление братского союза со всеми мусульманами». Во-вторых, это всемерное распространение идей исламской революции. В-третьих, это «бескорыстная поддержка борьбы угнетенных против угнетателей всего мира». Не все эти направления одинаково успешно реализуются во внешней политике ИРИ. Временами иранскому руководству приходится даже отказываться от каких-то внешнеполитических императивов или по-другому их интерпретировать. Так произошло в свое время с лозунгом «Ни Восток, ни Запад», который постепенно утратил свою первоначальную «чистоту», или с таким направлением во внешней политике ИРИ, как «экспорт исламской революции», которое в последующем утратило свой первоначальный смысл и было интерпретировано как «экспорт идей исламской культурной революции». Однако в целом внешняя политика Ирана по-прежнему имеет ярко выраженную промусульманскую направленность, и Иран активно откликается на все инициативы, связанные с оживлением исламского фактора на международной арене.

Наиболее радикальными и глубокими в послереволюционный период были общественные преобразования в ИРИ, которые во многом предопределили специфику общественно-политического развития современного Ирана. Коренные ново-

374

ведения были осуществлены в системе образования, культуре, досуге, бытовых и семейных отношениях. Изменилась сама социальная структура Ирана в результате демографического взрыва, вследствие которого за 15 послереволюционных лет население страны практически удвоилось, достигнув к 1993 г. 60 млн. чел.².

В результате в социальной области иранское руководство смогло обеспечить известную стабильность, используя при этом прежде всего исламские методы воздействия на общественные процессы в Иране. Так, за счет упора на исламскую солидарность и направления значительных средств на развитие национальных окраин удалось снять остроту национального вопроса, который еще в начале 80-х годов стоял настолько серьезно, что казался неразрешимым. Следует отметить, что в соответствии с конституцией в иранском парламенте по одному депутатскому мандату зарезервировано за представителями неисламских конфессий, существующих в Иране и в значительной степени совпадающих с исповедующими их национальными меньшинствами. Речь идет о христианах, иудеях, зороастрийцах и халдеях.

Режим сумел обуздать политическую оппозицию, но при этом не делает ставку на полное искоренение инакомыслия в стране. На первых порах, борясь за право руководить после-шахским Ираном, духовенство широко применяло методы подавления и дискредитации своих внутренних и внешних противников. Но даже в эти смутные, кровавые годы оно апеллировало ко всему иранскому народу и особенно той его многочисленной части, которая игнорировалась шахским режимом в период «Белой революции» и даже получила от духовенства специальное название «мостазефин» (обездоленные). Исламский режим всячески инспирировал и поддерживал те мероприятия, которые приобрели всенародный характер, будь то массовые кампании по обличению США или Израиля, Запада или Востока, захват американского посольства, ирано-иракская война или массовое движение против публикации книги С. Рушди.

Постепенно такие общественные мероприятия стали охватывать всю социальную сферу: кампания по переходу на но-

² «Третий взгляд», № 20, 1993, с. 9.

375

шение исламской формы одежды, борьба с проституцией, алкоголизмом и наркоманией, борьба с неграмотностью, развитие системы образования и здравоохранения. Только на первый взгляд может показаться, что эти меры носили исключительно популистский характер. На самом деле они представляли собой эффективный способ вовлечь в процесс общественных преобразований исламские массы и убедить каждого, что он ценный, равноправный и полезный член общества.

Исламскому руководству удается достаточно успешно контролировать молодежное движение страны, хотя на этом направлении оно сталкивается, пожалуй, с самыми большими трудностями. Осуществив реформу школьного, профессионального и высшего образования, исламское правительство изыскало средства для введения всеобщего школьного обучения, расширило контингент обучающихся в вузах и открыло десятки новых университетов и профессиональных училищ в различных городах страны. Только за период с 1989 г. по 1996 г. количество студентов в иранских университетах возросло с 447 тыс. до 1,3 млн. чел.³

Наибольшие споры вызывает сегодня вопрос о положении женщин в Иране. Действительно, первые шаги иранского правительства в отношении женского населения расходились с западным представлением об их роли и месте в цивилизованном обществе. Так, например, иранское руководство ввело запреты на профессиональную и образовательную деятельность иранок, запретив им работать судьями, геологами, археологами, занимать руководящие должности, заниматься спортом, пением и театральным искусством. В 1982 г. в ИРИ был принят уголовный кодекс, согласно которому женщина могла быть приговорена к различным жестоким видам телесных наказаний, включая побитие камнями. Это дало основание критикам исламского режима заявить о его средневековом менталитете и патологической жестокости. Однако, как известно, в последующем практически все ограничения на профессиональную деятельность женщин в Иране были сняты, а жестокость соответствующих законодательных положений редко проявлялась в повседневной практике. Важным решением правительства

³ «Эттелаат», 3.03.1997.

376

стал запрет каких-либо проявлений самосуда над женщинами даже в случае нарушения ими исламских законов.⁴

Начиная с 90-х годов наблюдается постоянное повышение внимания иранского правительства к роли и месту женщин в обществе. Всячески поощряется широкое их* участие в таких сферах, как научные исследования, литература, искусство и даже спорт. Известно, например, что Иран стал организатором проведения II Олимпийских игр женщин мусульманских стран в декабре 1997 г.

Вместе с тем очевидно, что женский вопрос в Иране не исчерпал себя. Потребуется еще немало времени и усилий для приведения в соответствие возможностей и реального потенциала женского населения страны с тем местом, которое оно занимает ныне в иранском обществе. Однако нет сомнений в том, что иранское руководство будет решать этот вопрос, отталкиваясь от исламских представлений о роли и месте женщин в исламском государстве.

Большие изменения претерпели культура и творчество в ИРИ. Главным итогом исламских преобразований в этой сфере явилось то, что в Иране подорвано доминирование западной массовой культуры, которая всячески культивировалась в этой стране в период шахского правления. Но при этом не образовался вакуум. Исламисты попытались возродить и раскрыть многие элементы и направления национальной, прежде всего исламской культуры. Особое внимание уделяется популяризации поэтического наследия средневекового Ирана. Поэтический дар в Иране сегодня ценится и поддерживается. Опубликовано поэтическое наследие аятоллы Р. Хомейни. Не скрывает своих поэтических наклонностей нынешний президент Ирана С. М. Хатами.

Иран переживает кинематографический бум. Сегодня в этой стране ежегодно выпускаются десятки полнометражных художественных и документальных фильмов, которые не только пользуются популярностью в самом Иране, но и неоднократно становились лауреатами самых престижных международных кинофестивалей.

Возрождается национальная музыка и театр, литература и изобразительное искусство, различные виды национального

⁴ Iran Focus, vol.3, N 6, June, 1990, p. 3.

377

спорта и конкурсы чтецов Корана. Одновременно существуют прямые запреты на публичное прослушивание западной эстрадной музыки, западные танцы, запрет кинофильмов, пропагандирующих секс, насилие, есть ограничения в использовании Интернет, хотя все более очевидным становится требование иранской молодежи и студенчества снять все запреты на культурные международные обмены. Учитывая призывы нынешнего президента ИРИ к мировому сообществу приступить к «диалогу цивилизаций», можно ожидать, что культурные обмены Ирана будут постоянно расширяться при доминировании собственно исламской культуры.

Таким образом, можно констатировать, что за двадцать пять лет своего существования исламский режим в Иране сумел осуществить ряд неординарных общественно-экономических и политических преобразований, которые дают основание говорить о проявлениях специфической исламской модели развития и исламской политической системы.

Что касается политической системы Турции, то она, с одной стороны, строится на кемалистских принципах, выдвинутых основателем Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком в 20-х годах XX столетия, а с другой, - на новых принципах, связанных с ориентацией Турции на присоединение к Европе и союз с США после II мировой войны. Таким образом, можно говорить о двух региональных политических моделях: одной, ориентированной на мусульманские традиционные ценности (Иран), которые составляют политическую основу государства, и другой (Турция), где традиционные мусульманские ценности были модернизированы государством и политической элитой и отделены от политической системы, хотя и могли оставаться в той или иной степени в политической культуре страны.

Кемалистские принципы включали в себя так называемые «шесть стрел»: республиканизм, революционность, народность, национализм, этатизм и лаицизм. В момент своего появления в 20-е годы прошлого столетия каждый из этих принципов заключал в себе серьезную политическую составляющую, способствующую выживанию и возрождению турецкой государственности после распада Османской империи. Так, республиканизм означал отстранение от власти султана, олицетворявшего собой уничтоженную Османскую империю. Ре-

378

волюционность свидетельствовала о тех методах, которыми пользовались кемалисты для достижения своих целей. Народность означала провозглашение надклассового характера турецкого государства, а также то, что кемалисты солидаризировались с демократическими принципами развития новой Турции - то есть выборностью представительных органов власти, разделением ветвей власти, равенством мужчин и женщин в политической и социально-экономической сферах и т. п. Национализм указывал на статус турок как единственной системообразующей нации. Так, в соответствии с первой республиканской конституцией все граждане, проживавшие на момент ее принятия на территории Турции, объявлялись турками.

Лаицизм означал уничтожение халифата, отделение мечети от государства и школы от мечети. Этатизм провозглашал определяющую роль государства в развитии экономики, политики и культуры.

Вслед за провозглашением этих принципов были проведены государственные и общественные преобразования, создавшие новый облик турецкого государства: уничтожение султаната и халифата, учреждение светской республики, создание парламента - Великого Национального Собрания Турции, избрание пожизненным президентом М. Ататюрка, введение однопартийной системы в лице Народно-республиканской партии (НРП), закрытие дервишеских орденов и их монастырей, выдавливание ислама из политической жизни страны, введение европейской одежды и головных уборов, преследование компрадоров и подавление всех проявлений национальных движений, прежде всего армян, греков и курдов, переход с арабского на латинский алфавит, а также на христианское летоисчисление и европейскую неделю с выходным днем в воскресенье, а не в пятницу, как было прежде; национализацию основных отраслей экономики и т. п.

Сложившаяся политическая система достаточно успешно просуществовала до конца II мировой войны. После ее окончания Турция стала перед выбором дальнейшего пути развития, и этот выбор был сделан в пользу всесторонней интеграции с Западом.

В 1952 г. Турция становится членом НАТО, в 1963 г. - ассоциированным членом ЕЭС. Этот выбор потребовал изменений и корректировок в политсистеме Турции. Прежде всего

379

это касалось усиления роли частного сектора в политике и экономике страны и, как следствие, введения в стране многопартийности.

Этот процесс начался с отмены закона военного времени «О национальной защите», ликвидировавшего в стране все демократические права и свободы, и образования новой Демократической партии (ДП), выделившейся из состава НРП. В 1950 г. ДП победила на парламентских выборах, сменила безраздельно правившую до этого НРП и в течение 10 лет управляла страной.

В последующем эволюция многопартийной системы привела к деградации либерально-буржуазных партий как кемалистского, так и демократического толка и усилению влияния партий исламистских и националистических. В связи с этим можно говорить о серьезно возросшем влиянии политического ислама на формирование новой расстановки политических сил в Турции. В Турции, так же, как и в соседнем Иране, в последние десятилетия имели место попытки теоретического обоснования «исламской модели» и накоплен определенный опыт ее практического применения.

Представление о теоретических изысканиях турецких исламистов может дать программа запрещенной ныне Партии благоденствия, лидер которой Н. Эрбакан осужден и до конца жизни лишен политических прав. Принятая на первом съезде Партии благоденствия в 1985 г., эта программа утверждает, что последние сто лет развития Турции были трагической ошибкой. За это время она не стала передовой державой, но приобрела такие пороки, как проституция, наркомания, алкоголизм, неизвестные ранее болезни, одновременно утратив любовь, доброту, правдивость, альтруизм, поэзию. Программа выступала за дальнейшую индустриализацию страны, но при учете того, что развитие экономики должно осуществляться с учетом интересов всего турецкого населения, справедливо распределяясь по всем регионам страны. Программа нацеливала на создание индустриального общества, где будут доминировать чувства товарищества и взаимопомощи. В программе содержался призыв к свободе совести и мысли, а также к разработке законов, которые «обеспечивали бы общественный порядок, не жертвуя правами и свободами». Особое значение придавалось заботе о семье как «основе нации», охране ее от

380

«вредных материальных и моральных факторов», совместному воспитанию детей⁵.

Экономическая программа ПБ была изложена ее лидером Н. Эрбаканом в книге «Справедливый экономический порядок», в которой действующая в стране экономическая система была охарактеризована как «рабский порядок», пораженный пятью вредоносными микробами: процентом, несправедливыми налогами, режимом обмена валюты, монетным двором и банковской системой. «Когда мы придем к власти, - писал Н. Эрбакан, - мы сразу начнем преобразования, которые избавят Турцию от этих микробов»⁶.

Во второй половине 90-х годов турецкие исламисты получили первую, хотя и ограниченную возможность на практике применить некоторые положения исламской модели развития. Речь идет о кратковременном (июль 1996-июнь 1997 гг.) периоде пребывания у власти в качестве премьер-министра лидера ПБ Н. Эрбакана. Это стало возможным после успеха ПБ на парламентских выборах 1995 г., по итогам которых она вышла на первое место, получив 21,4% голосов избирателей. Победа исламистов произошла на фоне экономического упадка в стране и нежелания Европейского Союза ускорить процесс принятия Турции в эту организацию в качестве постоянного члена.

Турецкие исламисты предложили программу социально-экономического возрождения страны, опираясь на культурно-исторические традиции и духовные ценности ислама. В частности, Н. Эрбакан отказался от привлечения внешних займов и стал привлекать займы внутренние, несколько оживил программу приватизации, перенес акцент на продажу мелких и средних государственных предприятий, обеспечил некоторое ускорение промышленного развития за счет предприятий, работающих на отечественном сырье, при этом снижение импортных поставок привело к стабилизации валютных резервов. В то же время правительству Н. Эрбакана не удалось переломить негативную тенденцию в экономическом развитии, и многие турецкие и зарубежные обозреватели оценивали пери-

⁵ Refah Party 1-st Congress, June 30, 1985, pp. 4, 6, 11.

⁶ Цит. по Уразова Е. И. К оценке роли исламских идей и капиталов в турецкой экономике. В сб. «Ближний Восток и современность», вып. 9, М, 2000, с. 225.

381

од его правления как год провалов, ошибок и некомпетентности. Справедливости ради следует отметить, что пришедшее на смену светское правительство М. Йылмаза еще более усугубило существовавшие экономические проблемы.

В области внешней политики Н. Эрбакан демонстративно пошел на отход от одностороннего прозападного курса предшествовавших турецких правительств. Известно, что свой первый зарубежный визит он, в отличие от всех своих предшественников, спешивших посетить одну из влиятельных европейских стран или США, совершил в Исламскую Республику Иран. В то же время в качестве главного внешнеполитического приоритета Н. Эрбакан предложил противопоставить мусульманскую восьмерку в составе Турции, Ирана, Пакистана, Бангладеш, Малайзии, Индонезии, Египта и Нигерии существующей семерке развитых капиталистических государств⁷. В 1997 г. такая организация была создана, хотя после отставки Н. Эрбакана она не проявляла какой-либо видимой активности.

В июне 1997 г. по требованию военного руководства Турции Н. Эрбакан вынужден был подать в отставку, а деятельность его партии была запрещена.

Новый всплеск активности политического ислама в Турции пришелся на парламентские выборы 2002 г., когда турецкие исламисты, объединившись в новой Партии справедливости и развития (ПСР), одержали убедительную победу и сформировали однопартийное правительство во главе с Реджепом Т. Эрдоганом. Новое правительство принципиально дистанцируется от экстремистских лозунгов, провозглашенных в свое время Н. Эрбаканом, заявляет о своей приверженности основным принципам кемализма и желанием как можно быстрее привести Турцию в Европу, однако зарубежные обозреватели не без оснований заявляют, что такая позиция турецких исламистов вызвана, прежде всего, желанием избежать судьбы своих предшественников, многие из которых сегодня осуждены и полностью отстранены от участия в политической жизни страны. При этом ПСР должна в определенной степени учитывать позицию старейшей социал-демократической Народно-республиканской партии, которая на последних выборах также прошла в парламент и образова-

⁷ International Politic, N 1, 1998, p. 21.

382

ла там свою фракцию, хотя и не участвует в работе нынешнего турецкого правительства.

Значительную роль в функционировании политической системы Турецкой Республики до последнего времени играла армия. Традиция участия военных в политике имеет глубокие корни, В Османской империи каста военных была синонимом государства. Однако в османский период главной задачей армии была война на внешних границах Турции. Со времен К. Ататюрка армия повернулась лицом к внутренней политике и стала гарантом стабильности турецкого общества. В то же время сам К. Ататюрк считал, что армия в Турции должна стоять в стороне от политики. С целью осуществления этого принципа военным было запрещено вступать в политические партии или образовывать свои собственные. Военнослужащие, состоящие на действительной военной службе, не могут также избираться депутатами парламента или занимать гражданские административные должности. Вместе с тем и при жизни К. Ататюрка, и в последующий период армия направляла многих своих представителей в различные звенья государственного аппарата. Отставные военные всегда имели значительное представительство как в ВНСТ, так и в исполнительных органах власти. Но главное, что указывает на особое место армии в политической жизни Турции, это ее готовность изменять конституционный строй в кризисных для страны ситуациях. По крайней мере трижды (в 1960, 1971 и 1980 гг.) после II мировой войны армия решительно вмешивалась во внутригосударственные дела и совершала захват власти в стране.

При этом надо иметь в виду, что турецкие военные всегда вмешивались в политику только после того, как хотя бы одна из влиятельных сил в обществе или в политическом руководстве страны «давала сигнал» к такому вмешательству. Отказ военных надолго узурпировать власть после совершаемых ими переворотов является для турок убедительным свидетельством того, что генералитет не собирается разрушать устои гражданского общества, а лишь помогает ему двигаться по верному пути. Поэтому следует учитывать, что новое вмешательство военных в политическую жизнь Турции всегда возможно. Отставка Н. Эрбакана с поста премьер-министра под давлением военных в 1997 г. может служить этому убедительным доказательством.

383

В то же время очевидно, что позиции военных в органах, принимающих политические решения, за последние годы существенно ослабли. Впервые после 1960 г. гражданские руководители сумели конституционно подчинить себе все высшие посты в государстве. Сегодня судьба генералитета решается в парламенте, правительстве и канцелярии гражданского президента страны, а не руководством генерального штаба, как это было ранее. Против усиления влияния военных выступают сегодня все социал-демократические партии, исламисты и партии националистического толка Турции. В качестве мощной внешней силы, выступающей за ограничение влияния турецких военных, выступают руководящие органы ЕС, которые требуют лишить турецкий генералитет права вмешиваться в политическую жизнь страны. И хотя у военных остается такой важный рычаг воздействия на государственные дела, как Совет Национальной Безопасности, а также симпатии некоторой части населения, верящей в незыблемость кемалистских принципов, отстаиваемых армией, серьезной социальной базы для поддержки нового военного переворота в стране уже нет. Даже в случае принятия военными решения о новом вмешательстве в государственные дела проблема последующей передачи власти в руки нового гражданского правительства может оказаться политически неразрешимой, а переход к прямому военному правлению на долговременной основе в Турции теперь вряд ли возможен. Таким образом, парламентаризм в Турции имеет уже слишком долгую историю и прочные традиции, чтобы быть просто «отмененным» по чьему-то желанию, даже если это желание такой мощной силы, как армия.

В заключение следует сказать, что политическая система и Турции, и Ирана переживают сегодня период существенной трансформации, которая связана, прежде всего, с усилением политического ислама в жизни этих государств. Можно констатировать, что исламская модель развития становится реальностью, хотя и не получившей пока широкого распространения в качестве основы общественного и государственного устройства мусульманских стран. В то же время, увлечение Западом идеей всемирной глобализации без учета особенностей развития и справедливых требований других, в частности, исламских государств, может со временем спровоцировать серьезные антизападные процессы на Востоке и распространение опыта иранских и турецких исламистов на другие страны.

384

Литература

Восточный мир: опыты общественной трансформации (сборник статей) / Под ред. М. С. Мейера, А. М. Петрова. М., 2001.

Дружиловский С. Б. Исламская Республика Иран на рубеже 80-90-х годов. М., 1994.

Дружиловский С. Б. Социально-политическая история Ирана (конец 70-х - 80-е годы). М., 1989.

Дружиловский С. Б. Турецкая Республика в 80-90-е годы. М., 1998.

Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.

Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., 2001.

Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия. М., 1992.

365

В. М. АХМЕДОВ. АРМИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Опыт новейшей истории Ближнего и Среднего Востока, в особенности арабских стран, показывает, что развитие социально-политических процессов в них после достижения независимости объективно

способствовало усилению роли военных в политической сфере, а наиболее существенные изменения в содержании и структуре политической власти в этих странах происходили в большинстве случаев при прямом использовании или активном участии национальных вооруженных сил. Именно поэтому в данной главе нам представляется целесообразным комплексно оценить роль армии в политическом процессе стран Ближнего Востока.

Свергнув в 1952 г. королевский режим в Египте, армия и сегодня представляет собой современный и динамично развивающийся подлинно общенациональный (и не только военный, но и своеобразный политический) институт. Революция 1952 г. в Египте оказала серьезное влияние на настроения офицерского корпуса Ирака, где созданная по типу египетской армейской организация «Свободные офицеры» подготовила и осуществила в июле 1958 г. антимонархический политический переворот. Вообще военные в Ираке сыграли одну из основных ролей в формировании с начала 20-х годов XX века самостоятельного Иракского государства, что во многом предопределило позиции армии в общественно-политической структуре страны на все последующее время. В Йемене решению осуществить свержение монархического строя во многом способствовало то обстоятельство, что ряд офицеров прошли подготовку в египетских и иракских военно-учебных заведениях. Именно они составили костяк возникшей в конце 50-х годов подпольной армейской организации «Свободные офицеры», сыгравшей решающую роль в антимонархической революции 26 сентября 1962 г. В Сирии с момента завоевания политической независимости в апреле 1946 г. национальные вооруженные силы яв-13-4372 3

386

ляются одним из ключевых элементов политической системы страны. Однако если в 50-60-е годы XX в. армия в этой стране играла по большей части дестабилизирующую роль в обществе, то после прихода к власти в САР Х. Асада сирийские вооруженные силы превратились в мощный оплот государственной власти и сегодня играют ключевую роль в поддержании внутривластной стабильности и защите национальных интересов страны. В отличие от других арабских государств, и в этом проявляется одна из специфических черт политической системы этого государства, национальная армия Ливана так и не смогла стать важной политической силой и опорой государственной власти. В значительной степени это объяснялось непростой этноконфессиональной обстановкой в стране и особенностями геополитического положения Ливана в раскладах ближневосточного конфликта. Так, христианские политики Ливана боялись, что мусульмане смогут воспользоваться сильной армией для захвата власти и установления «авторитарного» режима, как это было в других арабских странах. Мусульмане же со своей стороны опасались, что в большинстве своем христианское армейское руководство будет преследовать свои узкоконфессиональные интересы. На деле же большинство ливанских политиков и традиционных лидеров видели угрозу своей «удельной» власти в лице сильной государственной армии. Поэтому функции армии в Ливане сводились, по сути, к выполнению полицейских полномочий. Она играла роль своеобразного буфера между различными этноконфессиональными группами в ливанском обществе, не будучи самостоятельной политической силой.

Процесс создания национальных вооруженных сил в Саудовской Аравии также имел свои особенности. В стране, где определяющее влияние на весь уклад жизни общества и развитие политических процессов оказывает ислам и родоплеменные отношения, создание регулярных вооруженных сил сталкивалось со значительными трудностями и осуществлялось очень медленными темпами. Основатель молодого Саудовского государства король Абдель Азиз Ибн Сауд хорошо понимал преимущество современной, хорошо обученной, дисциплинированной и технически оснащенной армии над вооруженными формированиями бедуинских племен, составлявших в начале 30-х годов опору власти. В то же время правящая династия Саудилов, при-

387

нимая во внимание ту важную роль, которую военные играли в арабских странах, опасалась политической активности собственной армии, возможности совершения в стране военного переворота.

Действительно, в 60-70-х гг. в вооруженных силах случались оппозиционные выступления, часть офицерского корпуса находилась под влиянием левых взглядов, что служило источником постоянной тревоги для властей. Для охраны режима с конца 50-х годов на базе бедуинского ополчения - так называемой «белой гвардии» - создается Национальная гвардия, оснащенная современным вооружением и квалифицированными кадрами. Специальным указом короля 1960 г. военнослужащим запрещается заниматься политической деятельностью. В целях превращения армии в надежную опору власти вступивший в 1964 г. на трон король Фейсал инициирует пополнение офицерского корпуса выходцами из правящих семей, которые должны были составить костяк новой военной бюрократии.

Выход армии на политическую арену в странах Арабского Востока после обретения ими независимости детерминировался необходимостью усиления централизованного государственного правления для решения сложных социальных проблем и обеспечения ускоренного преодоления экономической отсталости.

Как правило, военные перевороты и другие акции силового вмешательства армии в политику являлись следствием обострения социально-экономических и политических противоречий в обществе в целом. При этом роль армии была далеко не однозначной.

Так, в ряде случаев приход к власти военных мог инициировать проведение глубоких социально-экономических преобразований в обществе, в других - становился тормозом на пути прогресса страны. Таким образом, военные перевороты представляли собой на самом деле социальные революции,

осуществленные в форме переворотов. Многие западные исследователи рассматривают арабские армии в качестве необходимого средства для создания правительств, способных выполнить программу государственного строительства и мобилизовать народ на решение поставленных задач.

Процесс политического развития Сирии в XX веке неоднократно подвергался испытаниям, связанным с вмешательст-

388

вом военных в политическую жизнь общества. Пожалуй, ни в какой другой стране арабского мира вооруженные силы не играли такой доминирующей роли в политической жизни. При этом результаты подобного вмешательства оказывались весьма противоречивыми.

Армия то поддерживала отживший порядок и режим, то начинала радикальные реформы. Вооруженные силы в Сирии являлись фактором дестабилизирующим и одновременно стабилизирующим обстановку в стране, символом национального единения и одновременно, как это ни парадоксально, - национального разобщения.

В период колониального правления в Сирии (1920-1946 гг.) военные были одиозным *символом* и инструментом французской политики разобщения населения страны по конфессиональному признаку. На этом этапе военные скорее способствовали не сплочению, а разобщению сирийского общества на конфессиональной основе. После обретения национальной независимости в 1946 году к военным продолжали относиться с подозрением и антипатией из-за их негативной прежней роли в национально-освободительном движении в период французского мандата.

Однако вскоре в результате перевода армии под контроль сирийского национального руководства в вооруженных силах произошли радикальные перемены. Постепенно прекратив быть символом иностранного господства и национальной разобщенности, сирийская армия превратилась в один из важных государственных политических институтов и стала опорой национальной независимости страны.

В Ираке в начале 1920-х годов офицеры с большим воодушевлением создавали монархию, ломая старую политическую систему, унаследованную от турецкой власти. В 1958 г. с не меньшим энтузиазмом офицерский корпус сверг королевский режим и установил республику.

В Судане процесс формирования национальных вооруженных сил проходил в условиях борьбы центральной власти и ее армии против так называемой Народно-освободительной армии сепаратистского движения на Юге за сохранение территориальной целостности страны.

В Египте выход армии на политическую арену был обусловлен сложившейся к началу 50-х годов обстановкой в стра-

389

не, где национально-освободительное движение не имело авторитетного политического руководства. Нужен был авангард, готовый пойти на риск в борьбе за свержение монархии. Существовавшие в тот период политические партии и организации в силу своей аморфности, слабой организованности и недостаточного авторитета в массах не могли им стать. С одной стороны - в войсках были очень сильны националистические настроения, с другой - постоянные попытки властей использовать армию в качестве орудия прямого подавления выступлений населения привели к непосредственному соприкосновению военных с политическими событиями, а потом и к непосредственному участию в этих событиях.

Таким образом, приход к власти военных являлся следствием фактического отсутствия в арабском обществе иной реальной социальной и политической силы, либо недостаточной способности существующих правящих групп к политическому лидерству на этапе обострения внутривнутриполитических и социальных противоречий. Нередко привлечение армии к решению внутренних проблем обращалось именно против тех, кто активно втягивал военных в интриги вокруг власти. Превращаясь в один из «центров силы», армия становилась организатором целого ряда политических переворотов и военных мятежей. При этом внутри самих вооруженных сил формировалось несколько противоборствующих лагерей, как на идеологической/политической, так и этноконфессиональной основе. В действительности военные перевороты часто являлись результатом соперничества различных этнических, религиозных, классовых, политических и земляческих группировок, которые были широко представлены в офицерском корпусе и в значительно меньшей степени были характерны для гражданских правящих элит. В Ираке в 30-х гг. активно действовали так называемые «пан-арабисты», иракские националисты, курдские патриоты. Движущими силами переворота 1936 г. были две последние группы, в антирежимных акциях 1937-1938 и мятеже 1941 г. участвовали сторонники панарабизма. В Сирии в первые годы после обретения независимости в 1946 г. из-за принятой ранее французами системы рекрутирования офицерский корпус сирийской армии характеризовался высокой степенью конфессионального дисбаланса. Поэтому офицеры- выходцы из национально-религиозных меньшинств, как правило, были активными участ-

390

никами многих военных переворотов в САР. Так, офицеры -представители различных этноконфессиональных меньшинств играли видную роль в каждом из трех переворотов 1949 года. Хусни Аз-Заим, Сами Хинауи и Адиб Шишекли по национальности были курдами или курдами-метисами (наполовину курдами).

В то же время необходимо отметить, что на практике соперничество военных группировок традиционно происходило в рамках армейской системы, а их представители, не согласные с политикой высшего армейского командования или существующей государственной (политической) властью,

выступали, как правило, от лица всей армии и апеллировали к единству вооруженных сил, к сохранению их особого профессионального облика. История первых десятилетий республиканского правления в Ираке и Сирии свидетельствует, что ни одна политическая сила в стране не имела шансов прийти к власти и сохранить ее без твердой опоры на армию. Не стали исключением и пришедшие к власти в этих странах лидеры Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Действительно, с первых дней независимости во многих арабских странах военные располагали значительным влиянием в руководстве страны. Это объяснялось тем, что зачастую на местах реальная власть концентрировалась в руках армейских командиров, решавших не только военные, но и государственные и политические вопросы. К тому же, армия в этот период служила фактически единственным поставщиком кадров в государственно-административный аппарат, поэтому она быстро превращалась в важнейший элемент новой элиты, контролирующей государственный, партийный и хозяйственный аппарат. В послереволюционном Египте вооруженные силы превратились в один из столпов режима. Именно из офицерской среды вышли все президенты республики - М. Нагиб, Г. А. Насер, А. Садат и нынешний глава государства Х. Мубарак. При Г. А. Насере правящий режим в Египте во многом оставался военным. Практически все посты руководителей губернаторов провинций и глав египетских дипмиссий занимали представители армии или полиции. Несмотря на то, что после арабо-израильской войны 1967 г. руководящая роль военных в обществе несколько ослабла, к 1973 г. военные восстановили свои властные позиции, и их влияние на политическую жизнь Егип-

391

та было чрезвычайно высоким. После отстранения алжирскими военными от власти бывшего президента страны Ш. Бенджадида в 1991 г. в Алжире формально была установлена парламентская республика. В то же время, вне зависимости от персональных перемещений в руководстве страной, главным звеном принятия решений была и остается армейская верхушка. К концу 80-х- началу 90-х годов армия в Сирии превращается в наиболее мощный «центр силы» общества и государства. Реальная сила военных в САР исключительно высока. По сути, страной в этот период руководит своеобразная «партия военных». Такому положению армии в сирийской политической системе способствовал не только субъективный фактор в лице Хафеза Асада, но и ряд важных объективных причин. Участие армейских частей в подавлении антигосударственного мятежа «Братьев-мусульман» в 1982 г. продемонстрировало самой армии и всему обществу, что вооруженные силы являются не только инструментом обороны национальной территории, но и могут быть успешно использованы для подавления внутренней оппозиции и защиты режима. Не случайно ближайшее окружение Х. Асада, участвовавшее в формировании политического курса, выработке и принятии государственных решений, составляли преимущественно военные: министр обороны, начальник Генштаба, его заместители, командующие наиболее крупными и боеспособными воинскими соединениями, руководители спецслужб. По сложившейся при Х. Асаде традиции в государственном и партийном аппарате более или менее ответственные посты занимали действующие или отставные высокопоставленные военные, а также лица, тесно связанные с армией и спецслужбами родственными или иными связями. Особенно заметно действие данного механизма на уровне глав администрации провинций. Вообще, губернаторства в Сирии служат своеобразной кузницей кадров для правящей элиты. Таким образом, на рубеже 90-х годов влиятельные представители сирийского генералитета приобрели значительную личную самостоятельность, сформировали свой «круг влияния» во властных структурах общества. Усилившийся контроль военной элиты над обществом позволял ей оказывать всевозрастающее влияние на политику государства, еще больше укреплять социально-политические позиции своих представителей во властных государственных структурах. Ут-

392

верждение у власти в ряде ближневосточных государств так называемых «авторитарных режимов», нацеленных на модернизацию, не встречало, как правило, активного противодействия со стороны широких слоев населения. В условиях острой борьбы за власть между различными политическими группировками, порождавшими политическую нестабильность, тяготение различных слоев населения к установлению сильной авторитарной власти только усиливалось. Привилегированные слои общества видели в армии эффективное средство подавления выступлений оппозиционно настроенных или просто недовольных групп населения, фактор стабилизации политического положения в стране на консервативной основе. В условиях обострения этноконфессиональных противоречий, роста социальной напряженности, которыми обычно сопровождался процесс ускоренного экономического развития в этих государствах, армия нередко выступала с позиций защитника и носителя национально-исторических и культурно-религиозных традиций и ценностей. Когда в начале 1959 г. в Судане была установлена диктатура военных и ликвидированы завоеванные народом еще в колониальный период буржуазно-демократические свободы, широкие массы населения страны восприняли это событие с безразличием. Во-первых, предыдущий политический режим парламентского типа себя полностью дискредитировал. Во-вторых, лидеры традиционных политических партий и религиозных сект, за которыми привыкло идти большинство населения на протяжении многих предыдущих десятилетий, не выступили против военного режима.

С другой стороны, опыт военного правления в Судане (1958-1964) показывает, что военный режим оказался не в состоянии предложить программы улучшения условий жизни большинства населения и в результате оказался свергнут.

Внутриполитическая роль армии в различных арабских государствах неодинакова и определяется в первую очередь уровнем развития конкретной страны и характером политического режима в ней. Приход к

власти военных в Египте, Сирии, Ираке и ряде других арабских стран оказал на определенном этапе позитивное воздействие на их развитие. Утверждение военных на властном поприще содействовало укреплению внутривластной стабильности и ликвидации внутренней междоусобицы, положило начало осуществления прогрессивных социально-экономичес-

393

ких преобразований в обществе и инициировало глубокие изменения в общественной жизни и сдвиги в политической структуре общества, укрепило позиции нарождавшихся новых социальных сил. Армия обеспечивала занятость избыточной рабочей силы, сдерживая тем самым рост безработицы, а также принимала активное участие в выполнении планов развития. С другой стороны, по мере роста национальной экономики вооруженные силы отвлекали на себя немалую часть экономически активного населения, сдерживая тем самым развитие новых, высокотехнологичных отраслей производства. Служба в армии для выходцев из сельских местностей и маленьких городов, представителей этноконфессиональных меньшинств была не только престижна, но и давала гарантированный материальный достаток, а также возможность сделать карьеру и приобрести определенный статус в обществе. В целом, армия привела к власти представителей мелкобуржуазных и средних слоев арабского общества. Действительно, значительная часть офицерского корпуса в 50-е годы была представлена выходцами именно из этих слоев, являвшихся носителями националистических настроений различного толка, что обусловило ее роль в политической системе арабских стран. Для многих выходцев из мелкобуржуазных слоев города и деревни, мелкого чиновничества, разночинной интеллигенции идеи об особой роли военных становились весьма привлекательными. Подобные теории находили благоприятный отклик в широких военных кругах, особенно среди молодых офицеров, которые искренне верили в то, что гражданские правительства с их институтами представительной демократии вряд ли способны обеспечить проведение необходимых социальных преобразований в рамках стабильности и конституционного порядка, обезопасить эти страны от угроз внутренней междоусобицы и внешней агрессии. Действительно, на каком-то этапе армия внесла определенный положительный вклад в процессы социально-экономического развития. Наряду со своими основными функциями военные участвовали в решении проблем ликвидации неграмотности, оказания медицинской помощи, строительства дорог, различных объектов инфраструктуры и т. п. Армия спланировала выходцев из различных социальных и этно-конфессиональных групп населения в особый, сценарированный единой дисциплиной организм, а военная служба объективно придавала им новое политическое и идеологическое качество. В результате вооруженные силы вы-

394

ступали как особая и в определенной мере самостоятельная социально-политическая сила. Армия приобретала черты довольно замкнутой корпорации со своими собственными общественными интересами, как правило, не всегда демократическими.

Сегодня социальный состав арабских армий все больше формируется за счет рекрутирования в вооруженные силы молодежи из малообразованных, бедных слоев и наиболее преданных власти групп населения. Во многих арабских странах карьера военного все еще является прибыльной по сравнению с другими профессиями, которые имеют возможность получить выходцы из сельских местностей и периферийных районов. В то же время молодежь из столичных городских центров, особенно с университетским дипломом, сегодня гораздо сдержаннее относится к службе в армии и к военной карьере. Действительно, по мере экономического роста и появления обширной прослойки среднего класса высококвалифицированные рабочие и служащие начинают получать зарплаты большие, чем у военных. Интересно, что сегодня такие же проблемы характерны и для израильской армии с ее типологически совершенно другой политической системой.

В будущем, по мере развития новых высокотехнологичных производств, арабские армии непременно столкнутся с проблемой подготовки высокообразованных, квалифицированных и технически грамотных специалистов. Этот вопрос уже сегодня достаточно остро стоит в арабских монархиях Персидского залива. В вооруженных силах этих стран имеется значительный резерв высокооплачиваемых должностей, на замещение которых власти вынуждены приглашать иностранных специалистов.

С другой стороны, даже если по ряду причин исторического развития какой-либо арабской страны армия получала определенную автономию, она, в конечном счете, объективно способствовала и влияла на выбор той или иной модели социально-экономического развития в соответствии с интересами определенного класса или определенных классов. В качестве важного института государства в этих арабских странах армия всегда служила и служит материальным орудием в руках правящей элиты для утверждения в обществе порядков, выгодных тем или иным социальным силам. В постреволюционных Египте, Сирии, Ираке армия отражала интересы тех социаль-

395

ных слоев и политических групп, которые пришли к власти на волне военных переворотов и революций. При этом, наряду с функциями сохранения национальной независимости и государственного суверенитета, за армией законодательно закреплялись политические задачи: защита целей баасистской революции (единство, свобода и социализм) в Сирии и охрана социалистических завоеваний народа в Египте. Священным долгом армии в ЙАР провозглашалась защита религии и отечества. За годы правления президента Х. Мубарака в Египте армия неоднократно использовалась в качестве надежной силы для подавления выступлений оппозиции. В феврале 1986 г. военные решительно подавили бунт полицейских из состава сил безопасности. Исключительно высокую роль сыграли вооруженные силы в Сирии в борьбе

правительства с исламской оппозицией в лице «Братьев-мусульман» в 1982 г. В первой половине прошлого столетия в Ираке при короле Фейсале I, создание сильной национальной армии было ключевым элементом политики дворца. Формирование регулярных иорданских вооруженных сил было обусловлено необходимостью охранять режим династии Хашимитов от тех, прежде всего внутренних политических сил, которых по той или иной причине могла не устраивать власть эмира Абдаллы Бен Аль-Хусейна и его потомков, получивших эмират под свой контроль в результате соответствующих договоренностей с Великобританией. Военные в Марокко всегда играли особую роль в стране, являясь одной из опор королевского режима. Особое внимание монарх уделял поддержанию верноподданнических настроений среди генералитета и старшего офицерства. На льготных условиях военным давали возможность заниматься предпринимательской деятельностью в наиболее выгодных хозяйственных сферах. Правящая династия Саудовской Аравии никогда не выпускала из-под своего контроля силовые ведомства. И сегодня высшее руководство вооруженными силами и другими силовыми структурами полностью находится в руках королевской семьи.

Действительно, в большинстве ближневосточных государств вооруженные силы играли важную роль в поддержании внутренней безопасности. Однако в политическом плане лояльность и преданность армии больше соотносилась с правящим режимом, нежели нацией в целом. Как правило, лидеры

396

арабских государств стремились не допустить тесного сближения армии с народом, за исключением тех случаев, когда вооруженные силы создавались для обеспечения идеологических задач (Сирия, Ирак, Иран). Роль армии как важного института политической системы в арабских странах определялась также через наделение главы государства (президента или монарха) широкими военными и внешнеполитическими полномочиями, прежде всего в таких основополагающих вопросах, как объявление войны и мира, всеобщей мобилизации, военного или чрезвычайного положения и т. д. Как правило, глава государства в арабских странах является верховным главнокомандующим, и в этом качестве осуществляет кадровую политику на всех высших военных постах в государстве, что имеет первостепенное значение для установления им прямого контроля над армией. Сирийский президент, главнокомандующий Х. Аль-Асад - выходец из военной среды - осуществлял личный контроль над всеми или менее значимыми перемещениями в армии и спецслужбах, часто выезжал в войска и не жалел времени на встречи с офицерским и рядовым составом армии. Король Марокко является одновременно верховным главнокомандующим и начальником Генерального штаба. После прихода к власти в Иордании Абдаллы Бен Аль-Хусейна, который провел на действительной военной службе около 20 лет, в армии начали профессионально служить члены королевской семьи. Наследный принц и фактический глава государства Саудовской Аравии Абдалла Бен Абдель Азиз возглавляет Национальную гвардию - наиболее дееспособную в военном отношении силовую структуру королевства. Глубокая вовлеченность армии в гражданскую деятельность, обусловленная многоукладностью ближневосточных обществ и переходным характером их развития, имела свои определенные временные рамки.

В 70-80-е годы во многих арабских государствах начались обычно контролируемые «сверху» процессы социально-экономической либерализации, сопровождавшиеся, как правило, изменениями в политических системах этих стран. В результате волевые методы правления и меры силового администрирования стали все чаще входить в противоречие с комплексными проблемами общественно-экономического развития, расширяющимися международными экономическими связями.

397

Арабские правители все больше стремились контролировать деятельность армии, пытаясь ограничивать ее влияние на внутреннюю и внешнюю политику своих государств. Применительно к реалиям арабских стран это означало поиск эффективных средств, способных удержать армию от захвата власти путем военного переворота и превратить вооруженные силы из основного соперника в надежного союзника власти. В этих целях арабские руководители использовали ряд приемов и методов, из которых наиболее распространенными и общими для всех арабских стран являлись два правила, следуя которым политики надеялись добиться поддержки армии: индивидуальное материальное стимулирование и финансовая поддержка армии в целом. Высший командный состав армии старались поддерживать высокими окладами и специальными привилегиями. Как правило, военные в арабских странах имели значительно большее влияние, чем их коллеги на Западе, в вопросах использования расходных статей национального бюджета и получения финансовой помощи от государства. Закупки современного дорогостоящего вооружения зачастую осуществлялись с учетом интересов отдельных представителей военной элиты и были призваны удовлетворить самолюбие арабских лидеров, поддержать национальный престиж, продемонстрировать военную силу перед лицом региональных угроз. При этом в значительно меньшей степени принимались во внимание реальные потребности страны в этих вооружениях и возможности национальных вооруженных сил освоить их надлежащим образом. Характерным примером этого могут служить арабские монархии Персидского залива, шахский Иран, Турция. Так, по некоторым данным, со времени окончания первой войны в Персидском заливе и вплоть до начала второй половины 90-х годов государства Ближнего Востока затратили на закупку вооружений 20% своего ВВП и 55% всех бюджетных расходов. В период с 1986 по 1993 гг. только страны ССАГПЗ закупили оружия на 82,5 млрд. долл. США, что составляет 31% стоимости всех мировых продаж вооружений. Показателен в этой связи пример самого крупного импортера вооружений на Ближнем Востоке - Саудовской Аравии. В период с 1984 по 1998 гг. общая стоимость всего импортированного в королевство оружия превысила 150 млрд. долл. США. Только за 1995 -1998 гг. этот

показатель составил 67,8 млрд. долл.

398

США. При этом показательно, что стоимость всего оборонного заказа 1991-1997 гг. была запланирована в размере 32,2 млрд. долл. США, а на деле составила 67,8 млрд. долл. США. В период с 1972 по 1997 гг. стоимость поддержания обороноспособности королевства в процентном отношении к ВВП и доля затрат на импорт вооружений в общем объеме всего импорта КСА увеличились с 11% до 15% и с 8,8% до 40% соответственно. За то же время количество находящихся на военной службе (в процентном отношении на 1000 человек экономически активного населения) сократилось с 12% до 9%. Ориентация ближневосточных стран на увеличение военных расходов непременно сказывается на приоритетах их внешней политики. Так, Сирия в 70-80-х годах позиционировала себя как прифронтовое государство, сражающееся против Израиля, и на этом основании получала финансовую помощь от стран Персидского залива. Так же действовал и Ирак, который представлялся защитником арабов от иранской угрозы. Мотивация закупок арабскими монархиями Персидского залива дорогостоящего оружия в США и Великобритании определялась прежде всего стремлением их руководителей заручиться политической поддержкой западных держав в обеспечении безопасности государств ССАГПЗ и защиты правящих там режимов. При этом практически игнорировались вопросы создания эффективной военной инфраструктуры, способной обеспечить рациональное использование военной техники и вооружений. Так, ОАЭ, приобретая за рубежом истребители нового поколения, зачастую не располагают соответствующими аэродромами и собственными пилотами, способными управлять этими современными машинами.

Предпринимавшиеся арабскими политиками на протяжении последних десятилетий шаги по отводу военных от активного участия в политической жизни дали определенный положительный результат. Сегодня только о двух лидерах арабского мира- президентах Египта и Ливии можно сказать, что своим высоким положением они обязаны службе в армии. При этом сами Х. Мубарак и М. Каддафи уже давно оставили военную карьеру. Иорданский монарх Абдалла, хотя и является кадровым военным, но правит как политический преемник своего отца. И только наименее развитыми арабскими странами, такими как Йемен и Судан, где система организация вла-

399

сти более типична для периода арабской истории конца 50 -начала 70-х гг. XX века, правят военные лидеры.

С другой стороны, политика задабривания армии не только ставила военных в зависимость от политических решений власти, но и делала саму власть зависимой от прихотей и настроений офицерского корпуса.

В Египте президент Мубарак жестко пресекал любые попытки отдельных представителей высшего военного командования чрезмерно усилить собственное влияние. Для упрочения своего контроля над армией он продолжал начатую еще А. Садатом практику регулярного тасования военных кадров высшего звена. С целью обеспечения надежных условий, препятствующих спонтанному вмешательству военных в политическую жизнь и превращению армии в силу, полностью зависящую от правящего режима и объективно заинтересованную в проводимых им экономических и политических реформах, Мубарак последовательно осуществлял курс на деполитизацию вооруженных сил, размывание «надклассового» характера военной касты, ослабление ее самостоятельной роли. Законодательство Египта запрещает военнослужащим заниматься политической деятельностью и принимать участие в работе каких-либо политических партий и организаций. В качестве главного средства осуществления подобной политики практиковалось широкое вовлечение военнослужащих в экономическую жизнь Египта. Правительство предоставляло разнообразные экономические и правовые льготы в предпринимательской деятельности военным. В результате к началу 90-х годов военные преобладали в совместных с иностранным капиталом предприятиях оборонного профиля, сотрудничали с частным капиталом в других отраслях экономики. Подобные же задачи и приблизительно схожими методами решал в Сирии покойный президент Х. Аль-Асад. Начав в 90-е годы кадровую реформу в армии и спецслужбах, Х. Асад стремился одновременно выполнить несколько важных задач; укрепить властные позиций клана Асадов, создать благоприятные условия для бесконфликтного продвижения во властные структуры своего сына и вероятного преемника на президентском посту Башара Аль-Асада, постепенно очистить руководящие кадры в армии и спецслужбах от сторонников бескомпромиссного варианта решения арабо-израильского конфликта и лиц, замешанных в не-

400

благовидных делах, способных скомпрометировать имидж Сирии в глазах мирового сообщества.

Действительно, без глубокой реформы армии и спецслужб нельзя было серьезно рассчитывать на успешное осуществление планов Х. Асада по постепенному адаптивированию Сирии к новой международной обстановке и ожидать эффективного разрешения сложных внутриэкономических проблем. По существу, Х. Асад приступил к формированию нового кадрового «эшелона власти» в расчете на то, чтобы в случае возникновения нового кризисного этапа для внутренней и внешней политики САР быть готовым встретить его в обстановке относительной стабильности. С другой стороны, Асад отклонил поступающие к нему в начале 90-х годов предложения о департизации вооруженных сил и органов безопасности, поскольку в условиях Сирии (в отличие от Египта) армия, и особенно спецслужбы, были единственной силой, на которую президент мог опереться в кризисной для режима ситуации.

В Алжире, где долгое время сдерживающим армию фактором была правящая партия Фронт

национального освобождения, появление в армейском руководстве нового поколения офицеров, получивших в отличие от выходцев из старых армейских структур (Армии национального освобождения) хорошее современное образование, сделало возможным принятие в середине 90-х годов решения о постепенной профессионализации армии. Во многом такой шаг был продиктован опасностью исламизации алжирской армии, с учетом активной пропагандистской деятельности исламистов в вооруженных силах и ненадежности состава призывников. Однако сам факт принятия подобного решения означал в перспективе постепенное самоустранение армии из политики. Во многих арабских странах устанавливались особые формы контроля над армией с тем, чтобы сбалансировать ее роль как единственного внутривнутриполитического «центра силы» и не допустить усиления армейского влияния на общество. Наиболее общей для всех стран региона формой такого контроля служит увеличение военных ведомств и служб безопасности, призванных ограничить возможности регулярных частей и одновременно каждой из таких служб влиять на важнейшие процессы в государстве. Лидер ПНА Я. Арафат как-то пожаловался, что в Сирии имеется 14, а в Египте 12 таких служб, в то время как в ПНА только

401

6 служб, способных обеспечить защиту главы администрации. На самом деле, как известно, в распоряжении Я. Арафата находится 12 военизированных организаций, которые соперничают, а иногда даже сражаются друг с другом.

Конечно, в армиях и спецслужбах независимых и развитых арабских государств существует более крепкий порядок и дисциплина. Однако и там действует тот же принцип количественного увеличения специальных служб. Их деятельность часто дублируется и отличается невысокой степенью координации. Они постоянно конкурируют между собой и следят друг за другом. В то же время эти силы строго ранжированы с учетом степени лояльности и близости к власти - от наиболее аполитичных и многоконфессиональных подразделений до элитных служб, тесно связанных с режимом общинными и этноконфессиональными узлами и политическими интересами. Эти элитные группы подвергаются усиленной идеологической обработке и имеют значительно больше привилегий, чем обычные службы безопасности. Характерной особенностью элитных подразделений является то, что они скорее могут быть использованы для подавления внутренних беспорядков, чем для защиты государства от внешнего противника, так как на них можно с большей уверенностью положиться в борьбе с повстанцами, имеющими, как правило, различную религиозную и этническую принадлежность.

Так, в Саудовской Аравии армия в значительной мере находится под контролем Национальной гвардии, сформированной, в отличие от обычных армейских подразделений, исключительно по родоплеменному принципу. До недавнего времени в Национальную гвардию рекрутировались только выходцы из двух саудовских провинций: Ан-Нежд и Аль-Хасса. В стране, где очень сильны племенные и земляческие отношения, принцип племенной солидарности имеет реальное звучание, а клановые и племенные связи сохраняют свое значение и во многом продолжают определять судьбу военнослужащего. Созданная в 1956 г. на основе так называемой ополченческой «Белой Армии», Национальная гвардия подчинялась непосредственно королю до 1962 г., когда король Фейсал назначил ее командующим наследного принца Абдаллу. Основными задачами Национальной гвардии являются: обеспечение безопасности и политической стабильности в королевстве, защиты ос-

402

новных жизненно важных объектов страны (нефтепромыслов, религиозных святынь), обеспечение безопасности и быстрое реагирование на возникновение конфликтных ситуаций в пограничных районах и другие. Одновременно в королевстве имеются Силы береговой охраны и пограничные войска, относящиеся к Министерству внутренних дел. В конце 90-х годов в Национальной гвардии служило немногим более 100 тыс. человек, притом что регулярная саудовская армия насчитывала 120-130 тыс. человек. Наряду с Национальной гвардией в КСА действуют Специальные силы безопасности, подчиняющиеся непосредственно министру внутренних дел принцу Наифу. Они были созданы в 1979 г. после известных событий в Мекке, во время которых силы Национальной гвардии показали себя не с лучшей стороны. Данное подразделение особенно усилилось в 90-х годах. В состав этих сил входят: десантная дивизия, дивизия дворцовой охраны и полк морских пехотинцев. Наряду с функцией охраны режима они призваны для борьбы с терроризмом и воздушным пиратством. Отдельные подразделения Специальных сил безопасности имеются в каждом крупном городе и провинции королевства.

Аналогичные структуры имеются и в Сирии. Десятитысячный отряд Республиканской Гвардии вместе с полком президентской охраны осуществляют физическую охрану президента и его ближайшего окружения, а также обеспечивают безопасность тех районов Дамаска, где расположены президентский дворец, офисы и жилые помещения сотрудников президентской администрации. Специальные Силы-элитное подразделение командос общей численностью от 10 до 15 тысяч человек. В состав этого подразделения входят от 8 до 10 отдельных полков и 14 воздушно-десантных дивизий. Во время внутривнутриполитического кризиса в 1984 г. Специальные Силы предотвратили попытку захвата сирийской столицы мятежными войсками. Указанные подразделения укомплектованы преимущественно выходцами из алавитской общины, абсолютно лояльными и лично преданными президенту и его семье, с которыми их связывают общие этноконфессиональные корни.

В Иордании, после того как в 1967 г. национальные вооруженные силы, подстрекаемые радикально настроенной частью палестинских военнослужащих, выступили против мо-

403

нархии, армия оказалась под плотной опекой спецслужб. А своей главной опорой в вооруженных силах режим сделал так называемый Бедуинский корпус, подчинявшийся непосредственно управлению общественной безопасности при МВД, а не генеральному штабу. На руководящие посты в армии были поставлены представители северокавказских общин, зарекомендовавшие себя особой преданностью и лояльностью королевской семье и связанные с ней родственными узами.

В Ираке система органов безопасности была чрезвычайно высоко развита, отличалась сложной структурой и широкой специализацией. Действительно, иракский подход к армии и силовым структурам проявился в создании самостоятельных подразделений вооруженных сил и военизированных организаций с отдельным командованием, подчиняющихся лишь высшему руководству. Поскольку курдов в регулярную армию не брали, в Ираке были созданы лояльные режиму курдские вооруженные формирования. В то же время в составе регулярных сил был довольно значительный процент шиитов, отдельные представители которых служили на генеральских должностях. Регулярная армия, где уровень лояльности президенту был невысоким, контролировалась отрядами Республиканской гвардии. Ее подразделения располагались в столице, а также рядом с местами дислокации наиболее боеспособных армейских дивизий. Специальная Республиканская гвардия обеспечивала охрану внутренних районов Багдада, а также осуществляла контроль за местами расположения Республиканской гвардии и полков президентской охраны. В начале 80-х гг. так называемая «партийная милиция» Баас насчитывала около 50 тысяч человек. При этом характерная для Ирака милитаризация общественно-политической жизни в целом не претерпела больших изменений. Однако политическая сила армии была нейтрализована и ее прежде авангардная политическая роль фактически перешла к разветвленному аппарату госбезопасности.

В Ливийской Джамахирии в 1988 г. власти в соответствии с ранее принятым законом о «вооруженном народе» фактически распустили армию и полицию, заменив их так называемыми формированиями вооруженного народа. Таким образом, армия оказалась лишённой монопольного права выполнять функции обороны страны. В Иране наряду с регулярными войсками существуют отряды Стражей исламской революции

404

(КСИР) и милицейские подразделения Басидж. Обе эти структуры идеологически лояльны и преданны правящему режиму, особенно его консервативной части. В случае внутривнутриполитических кризисов эти силы могут быть использованы как партийная милиция.

Непомерное расширение силовых структур и служб безопасности ближневосточных государств объяснялось стремлением властей снизить свою зависимость от каждой из этих служб в процессе принятия управления государством. С другой стороны, расширение аппарата спецслужб вело к увеличению военных расходов, которые тяжелым бременем ложились на бюджет государства, снижению возможности властей контролировать и координировать деятельность этих ведомств. Это также негативно отражалось на процессе сбора, анализа и подачи информации, в том числе разведывательного характера, т. е. на чисто профессиональных задачах, которые должны выполнять эти ведомства. Основной упор в работе добывающего и информационно-аналитического подразделений этих ведомств стал делаться на получение информации, которая могла понравиться властям и скомпрометировать коллег по «цеху». Значительная часть времени тратилась не столько на добычу объективной информации, сколько на сбор компроматериалов о собственных вооруженных силах, поведении и настроении офицерского корпуса.

Сегодня в большинстве стран региона армия постепенно уступает спецслужбам свою прежнюю функцию контроля за внутривнутриполитической обстановкой в стране. Действительно, для обеспечения внутренней безопасности требуются специальная техника и оборудование, особые профессиональные навыки, которыми армия не владеет. С другой стороны, кадровые военные сами предпочитают держаться подальше от подобной деятельности, опасаясь быть втянутыми во внутренние политические конфликты, что не только будет отвлекать армию от выполнения ее прямых функциональных обязанностей по обороне государства, но и может вызвать враждебное отношение в обществе к вооруженным силам и, как следствие, привести к расколу в собственных рядах. Именно поэтому сегодня и возрастает роль специальных служб и органов безопасности в общественно-политической жизни арабских стран, в том числе и с точки зрения усилий власти по деполитизации национальных вооружен-

405

ных сил. К тому же опыт последних десятилетий показывает, что наибольших успехов армия смогла добиться в ликвидации лишь тех внутренних конфликтов, в основе которых лежал этноконфессиональный фактор (Ирак, Сирия, Алжир, Турция). Однако ясно, что окончательное урегулирование таких конфликтов может быть достигнуто только на основе политического решения. В тех случаях, когда ситуация в большей степени определяется политическими и идеологическими факторами, нежели военными, армия оказывается неспособной сохранить внутреннюю стабильность в государстве.

К примеру, в Ливане национальные вооруженные силы не принимали никакого участия в событиях гражданской войны 1970-1980-х гг. После вывода Израилем своих войск из южных районов Ливана в мае 2000 г. власти этой страны до сих пор не разместили национальные вооруженные силы в этих районах. Конечно, реальные возможности ливанской армии являются весьма ограниченными, особенно на фоне военного присутствия в Ливане сирийских войск и наличия там многочисленных местных военизированных формирований. В Иране во время революционных событий 1978-1979 гг. военные отказались стрелять по демонстрантам. Накануне революции офицерский корпус оказался политически расколот и деморализован в результате нерешительной политики шаха и уверенности многих представителей высшего командного звена

в победе исламской оппозиции.

В процессе укрепления своего контроля над армией арабские руководители уделяли особое внимание вопросам кадровой политики. Система повышений и назначений в арабских армиях в значительно большей степени зависела от степени политической лояльности и преданности властям, нежели от деловых качеств и способностей офицеров. Подобная тенденция присуща в той или иной степени большинству армий мира, однако в силу большой политизированности армий на Арабском Востоке и их сравнительно большей роли в политических процессах она приобретала там подчас гипертрофированный характер. В итоге офицерский корпус оказывался разделенным на профессионалов и просто лояльных властям офицеров. Таким образом, политические ожидания и властные приоритеты режима брали верх над соображениями эффективности и профессионализма армии. На ключевые позиции в армии выдвигались также и те, кто был связан с властью особыми отношениями, базирующимися на этноконфессиональной, кровнородственной и земляческой общности. Специальные части, сформированные на общей этнической и конфессиональной основе, использовались в качестве элитных сил и размещались в наиболее важных местах страны: недалеко от столицы и резиденции правителя. В Ираке элитные части формировались из суннитов, проживающих на родине Саддама Хусейна. Такая же практика существует и в Сирии, где эти подразделения укомплектованы в основном выходцами из семейного клана Асадов. По-другому обстояли дела в Иордании, где власть всегда опиралась на высокопрофессиональные части, которые не сильно отличались от остальных армейских подразделений. В то же время регулярная иорданская армия в основном комплектовалась из жителей восточного берега р. Иордан, где число палестинцев было традиционно небольшим. С другой стороны, в Египте религиозная принадлежность не являлась определяющим фактором в вопросах кадровой политики в армии. В условиях поликонфессиональной политической системы Ливана и наличия там многочисленных военизированных этноконфессиональных группировок роль армии как надежной опоры центральной власти была крайне ограниченной. В Турции, где государственное строительство осуществляется на принципах национализма и светского характера власти, процесс рекрутирования в армию происходит на универсальной основе. Выступая против образования самостоятельных курдских национальных формирований, турецкие власти, тем не менее, при наборе в вооруженные силы, как правило, не делают различия по этническому признаку между различными категориями населения даже в периоды обострения борьбы с курдскими сепаратистами.

406

С другой стороны, практически все ближневосточные армии, за исключением иранской, стремятся не допустить проникновения в офицерский корпус радикально настроенных исламистов. Печальный опыт египетского президента А. Садата показывает, что любые просчеты здесь могут очень дорого стоить властям. На самом деле военные, как правило, не разделяют воззрений радикального ислама. В какой-то степени это объясняется тем, что еще в 50-60-е годы XX в. революционное офицерство в арабских странах было более восприимчиво к советским теориям. По сравнению с другими слоями населения офицеры были лучше образованы, чаще выезжали за границу и поэтому имели больше возможностей познакомиться с идеями социализма и социал-демократии и их носителями. Присущий профессиональным военным прагматизм и патриотизм также способствовал постепенной трансформации идеалов традиционного арабского общества. К тому же проводящиеся в большинстве арабских армий периодические кадровые чистки существенно снижают в офицерском корпусе число приверженцев радикального ислама и заставляют их искать работу в другом месте.

Общим для большинства арабских армий является также частая ротация их высшего командного состава. Такая политика продиктована главным образом опасениями властей, что длительное пребывание генералов на одной и той же должности может привести к нежелательному упрочению связей и установлению клиентских отношений со своими подчиненными, и, как следствие, укреплению независимости генералитета от политических властей. Офицеров, заподозренных в недостаточной политической лояльности и преданности режиму, без лишних разговоров просто увольняют. Не приветствуется также инициативность и умение брать на себя принятие решений в рамках своих функциональных обязанностей, особенно на уровне низшего и среднего звена офицерского корпуса. Это ведет к определенной замкнутости молодых офицеров, созданию атмосферы взаимной подозрительности и недоверия (особенно в спецслужбах), нежеланию делиться идеями и информацией друг с другом и вышестоящим начальством. Прежде всего это негативно отражается на профессиональной стороне арабских армий - степени их боеготовности, затрудняет координацию различных подразделений и проведение совместных операций, особенно в боевых условиях.

407

Одним из важных элементов политики властей по налаживанию сотрудничества с армией служат личные отношения арабских лидеров с национальными вооруженными силами. Как уже указывалось выше, президенты Египта Х. Мубарак и Сирии Х. Асад командовали в свое время военно-воздушными силами в своих армиях. Иорданский монарх Хусейн имел высшее военное образование (он окончил Британскую военную академию) и также уделял много внимания армии и нуждам военных. Даже таких гражданских лидеров, как С. Хусейн и Я. Арафат, часто можно увидеть в военной форме, и не только во время военных парадов. То же можно сказать и о молодом поколении арабских руководителей. Король Иордании Абдалла командовал войсками спецназа и, возможно,

военных. Даже таких гражданских лидеров, как С. Хусейн и Я. Арафат, часто можно увидеть в военной форме, и не только во время военных парадов. То же можно сказать и о молодом поколении арабских руководителей. Король Иордании Абдалла командовал войсками спецназа и, возможно,

408

военных. Даже таких гражданских лидеров, как С. Хусейн и Я. Арафат, часто можно увидеть в военной форме, и не только во время военных парадов. То же можно сказать и о молодом поколении арабских руководителей. Король Иордании Абдалла командовал войсками спецназа и, возможно,

продолжил бы свою успешную военную карьеру, если бы не стал монархом. Сирийский президент Б. Асад - врач по образованию - когда потребовали обстоятельства, сумел быстро освоить профессию военного и завоевать авторитет и поддержку в армии.

В арабских монархиях Персидского залива, главным образом в Саудовской Аравии, наличие членов правящих королевских династий на высших постах в армии и спецслужбах являлось своеобразным контрольным механизмом, обеспечивающим лояльность армии и подчеркивающим ее роль как хранителя государства. С другой стороны, правители этих государств стремились деполитизировать военных и передать основные рычаги управления в государстве гражданским политикам. Ярким примером подобной политики явилось то, что после первой войны в Персидском заливе лидеры стран ССАГПЗ фактически сорвали выполнение положений Дамасской декларации, согласно которым сирийские и египетские воинские контингенты должны были обеспечивать внешнюю безопасность арабских монархий в этом районе, и отдали предпочтение не арабским и мусульманским войскам, а военным специалистам и советникам из США и Великобритании и их вооруженным силам. Возможно, с точки зрения руководителей государств Совета Сотрудничества, присутствие на их территории арабо-мусульманских воинских контингентов создавало больше политических проблем, нежели выгод, в области внешней обороны.

Подобная политика хотя и не устраняет в теоретическом плане проблему лояльности национальных вооруженных сил, приносит на практике свои плоды; офицерский корпус стран ССАГПЗ, как правило, далек от политики и не принимает участия в политической жизни страны. Процессы либерализации и демократизации в арабских странах носят затяжной характер и не всегда отличаются последовательностью.

Длительное правление в ряде арабских государств так называемых «авторитарных режимов» в значительной мере обусловило фактическое отсутствие в них институтов граждан-

409

ского общества и на долгое время затормозило появление подлинно демократических институтов. А осуществляемые в ряде стран псевдодемократические процедуры не могут заменить утвердившуюся в обществе авторитарную практику. И хотя в большинстве государств Арабского Востока социально-экономические преобразования 1970-1980-х годов подточили основы авторитаризма и сделали маловероятным установление прямого правления военных, неразвитость демократических институтов и слабость правового государства в них предопределяют тот факт, что армия и силы госбезопасности продолжают осуществлять контроль над развитием основных внутриполитических процессов с целью сохранения правящих режимов и поддержания политической стабильности в государстве, являясь одной из важных составляющих политической власти в обществе. К тому же эскалация напряженности в зоне арабо-израильского конфликта и рост исламистских настроений в регионе затрудняют проведение подлинно демократических преобразований, способных изменить сложившуюся в обществе авторитарную практику.

С другой стороны, от позиции военных, их поведения во многом зависит и дальнейший ход процессов модернизации, судьбы самих арабских режимов в непростой для многих из них момент смены правящих элит и перехода общества от «авторитарного режима» правления, для которого было характерно практически абсолютное доминирование армии в общественно-политическом развитии страны, к началу процесса либерализации и демократизации общества.

В самой армейской элите, прежде всего ее обновленной части, растет убеждение, что старые авторитарно-бюрократические инструменты вряд ли способны в изменившихся условиях обеспечить внутреннюю безопасность государства и что корпоративные интересы вооруженных сил не должны противоречить задачам всего общества по утверждению новой демократической политической системы и активному вовлечению широких масс в управленческий процесс.

Анализ развития событий на Ближнем Востоке с точки зрения приобретших международный характер конфликтов свидетельствует о том, что отношения между государствами региона, несмотря на различные многосторонние формы взаимодействия, в своем концентрированном виде все еще пред-

410

ставляют собой отношения между национальными «центрами силы» и детерминируются в первую очередь параметрами национальной мощи государств. После войны в Ираке в условиях слома всей прежней структуры международных отношений на Арабском Востоке и обострения межарабского соперничества за лидерство в регионе данная тенденция, очевидно, будет только усиливаться, по крайней мере до тех пор, пока на Ближнем Востоке не будет создана эффективная система безопасности. В этой связи роль армии как важного инструмента в обеспечении национальной обороны и проведении внешней политики государства будет, несомненно, расти. Политическая история стран Арабского Востока XX столетия свидетельствует, что арабские армии, как правило, сталкивались с серьезными проблемами в выполнении вышеуказанных функций. В качестве положительных примеров их действий можно упомянуть отдельные операции египетских и сирийских войск во время арабо-израильской войны 1973 г., присутствие сирийского воинского контингента в Ливане (с 1976 г.), действия йеменских вооруженных сил по объединению страны, сражение иранских войск во время войны с Ираком и ряд других.

В условиях изменения баланса сил в регионе создается опасность того, что ряд ближневосточных лидеров, видя неэффективность национальных армий в обеспечении защиты государства, а также принимая во внимание большие затраты на поддержание обороноспособности традиционными средствами, могут активизировать закупки компонентов для создания и производства оружия массового поражения (ОМП), поддержку деятельности региональных экстремистских организаций, использование противоречий великих держав на Ближнем Востоке в своих интересах. А это значит, что проблематика, связанная с ролью

вооруженных сил в политической жизни государств Арабского Востока, остается актуальной и сегодня, особенно в условиях сохраняющегося арабо-израильского противостояния, а также и в постконфронтационный период, особенно с учетом расширяющегося процесса радикализации религиозно-политических течений в регионе.

411

Литература

- Армия и власть на Ближнем Востоке. М., 2002.
Вооруженные силы и военная экономика стран Азии. Информационно-аналитический справочник. М., 2000.
Мирский Г. И. Третий мир: общество, власть, армия. М., 1976.
Федоров В. А. Армия и модернизация в странах Востока. М., 1999.
Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy. L, 2002.
Intelligence News-Letter., n. 353, 1999.
Janes Intelligence Review. March, 1995; april, 1999.
Middle East Review of International Affairs. V.5, n.1, March, 2001.
Yanovitz M. The Military in the Political Development of the Nations. Chicago, 1964.
Zisser E. The Syrian Army: Between the Domestic and the External Fronts.

412

Ю. П. ЛАЛЕТИН. ГОСУДАРСТВО И ПЛЕМЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АФГАНИСТАНА

В настоящее время, когда создается новая афганская государственность, с особой остротой встает вопрос о местной политической традиции - системе взглядов на афганское государство, сформировавшейся в ходе 254 лет его существования и ее сочетаемости с механизмами функционирования современных политических систем и политических режимов, адаптированных к реальности модернизированных современных обществ. Корни афганской государственности уходят глубоко в историю Афганистана. Они тесно связаны с особенностями пуштунских племен, главы которых создали прототип афганского государства в 1747 г. В самом общем виде основными особенностями афганского государства в течение всего периода его существования были: слабость центральной власти, фактическая независимость пуштунских племен, местничество и приверженность особым группам, складывающимся в результате родственных отношений и связей «патрон - клиент». Эти черты традиционной государственности придают уникальный характер политической системе афганского общества вплоть до самого современного этапа его существования.

Особенности политической организации пуштунских племен и их влияние на структуру общества и государства в Афганистане

Племя как социальная группа, отличающаяся по происхождению, культуре, языку и обычаям, представляет собой древнейшую форму социальной организации, основанной на особенностях хозяйства, кровнородственных связях и клановой системе. Такая социально-политическая организация, не смотря на ее кажущуюся архаичность, оказывается очень живучей: племена адаптируются к новым условиям и находят

413

свое место в условиях классового общества и слабого государства. Афганские племена до сих пор остаются вооруженными организациями, военно-политическими объединениями ряда родов и возвысившихся над родом семейно-родственных групп - кланов, в которых общая легендарная генеалогия выполняет функции элемента политической и идеологической надстройки.

В этой связи необходимо отметить, что племя является универсальной социальной организацией, которая регулирует все стороны общественной жизни. Племя как социально-политическая организация особенно эффективно при сравнительно небольшой численности населения. Такая социально-политическая структура сохраняется дольше всего у горных народов в силу того, что горный ландшафт позволяет компактно проживать на определенной территории лишь небольшому количеству людей, которые могут лишь в весьма ограниченной степени заниматься земледелием и поэтому сосредотачиваются в своей хозяйственной деятельности в основном на скотоводстве. Скотоводство предполагает примитивные орудия труда, которые не требуют длительного изготовления, развитого разделения труда при его производстве и т.п. В целом кочевое хозяйство как бы консервирует племенную структуру, поскольку не позволяет по-иному разделить население. Все эти обстоятельства, а также географическая изолированность, прежде всего от центральной власти, делают племя наиболее подходящей формой социальной организации в определенных географических/пространственных условиях. Таким образом, горы как часть ландшафта, скотоводство как форма хозяйственной организации и племя как социально-политическая структура оказываются тесно связаны между собой и взаимно обуславливают друг друга. Преобладание у афганцев скотоводства объяснялось горным характером населенной ими территории, недостатком земли, пригодной для обработки, и засушливым климатом. Сочетание всех этих факторов вело к сохранению традиционных политических институтов. Более того, в высокогорных районах возможен процесс ретрибализации, т.е. восстановления племени как социально-политической структуры при существовании в стране в целом достаточно модернизированной и современной политической системы.

414

Следует отметить, что племенное деление характерно не только для пуштунов, но и для всех остальных этносов Афганистана, за исключением таджиков, осуществляющих самоидентификацию по месту проживания (герати, лагмани и т.п.). Однако у пуштунов племенная идентичность всегда превалировала над этнической. Неслучайно поэтому, что даже режим талибов в Афганистане апеллировал не столько к пуштунам в целом, сколько к отдельным пуштунским племенным группам, причем к одной из них (гильзалям) даже в большей степени, чем к другим.

Объединения афганцев называются племенами также потому, что мироощущение их членов сходно с миропониманием представителей кочевых племен. Согласно представлениям кочевников, мир не имеет границ и центра. Соответственно, специфика мировосприятия кочевых племен состоит в игнорировании любых, прежде всего государственных границ, что крайне затрудняет формирование современного типа государственности в стране, населенной в основном такими племенными образованиями.

Местное сообщество (кау́м) и институт хана

Для властных отношений внутри племенных групп характерна ацентрированность. В племенах власть не носит институционального характера, поскольку каждый афганец связан с предком по отцовской линии, принадлежа особую группу, или местному сообществу, называемому *кау́м*, то есть племени, клану, профессиональной, религиозной, этническим группам, деревенскому сообществу или просто расширенной семье. Власть хана - главы племени - в таком обществе зависит от консенсуса внутри каума. Таким образом, властными центрами, существующими независимо и параллельно от любой государственной власти и выступают каумы.

Каум формируется, прежде всего, и преимущественно, на базе территориальной общины, или территориального клана. Вместе с тем в силу задержки политического развития афганского общества на стадии перехода от протонародности к народности значительную роль в нем продолжают играть кровнородственные связи. Еще одной важной характеристикой каума являются отношения патронажа. Иными словами, каум

415

объединяет в себе свойства клана и клиентелы. С этой-то группой в первую очередь и идентифицирует себя афганец, то есть он предан больше сообществу, чем его главе.

Данные характеристики каума как основной составной части политической организации традиционного афганского общества определяют все стороны жизни племени, в том числе особенности такого важнейшего института власти, как институт хана. Последний базируется на генеалогии и патронаже.

О значении кровнородственных отношений в жизни современного афганского общества свидетельствует тот факт, что наследование и родство по отцу влияет на многие сферы бытия племени. Назовем лишь некоторые нормы и установления. Во-первых, статус человека зависит от положения предка, а не от экономического благосостояния конкретной личности. Любой из претендентов на высокий статус и власть должен иметь предка с высоким статусом. Во-вторых, старший сын наследует больше, чем другие братья. За старшим сыном признается лидерство. В-третьих, принцип наследования «по отцу» ведет к тому, что женщин редко выдают замуж на сторону. Большая часть женщин выходит замуж внутри клана, и практически все - внутри племени. В-четвертых, организация поселения у кочевых племен (и пространственная, и структурная) основана на племенной иерархии и привязана к доминирующей линии наследования, представители которой проживают обычно в центре поселения.

Таким образом, в качестве хана каум воспримет лишь того, чьи предки были ханами. Но этим дело не ограничивается. Помимо генеалогии властные отношения основаны также на патронаже, когда престиж и власть пропорциональны распределяемому личному богатству. Это явление составляет неотъемлемое свойство племени и сопровождает последнее на всем протяжении его существования. Именно оно представляет собой суть каума. С давних времен в афганских племенах тот получает больше влияния и обретает большую власть, кто больше дает, раздает, распределяет, или, хотя бы, просто отдает часть того, что получил, тем самым обретая больше сторонников - «клиентов». Своей щедростью и необходимостью тем, кто в нем нуждается, хан должен всегда показывать, что он -единственное лицо, достойное выполнять функцию правителя.

416

Соответственно власть необязательно дается человеку на всю жизнь. Как гласит афганская поговорка, «нет хана без *достархана*» (то есть без скатерти, без накрытого стола). В этом состоит суть важнейшего положения «кодекса чести пуштуна» *паштунвала* (буквально «пуштунство», «статус пуштуна») - гостеприимства, выступающего принципом организации власти. Каждый глава семьи имеет *худжру* - дом для гостей, являющийся средством, благодаря которому глава в конкуренции с другими главами семей добивается власти и влияния внутри клана и племени. Если его худжра признана каумом, то он может стать ханом. Последний должен обеспечивать других едой, выступать в качестве посредника в племенных спорах и защищать интересы племени перед лицом государства. Ясно поэтому, что вождь клана, племени в глазах зависимых от них крестьян и скотоводов был не столько эксплуататором, сколько естественным покровителем, защитником перед лицом всяких «чужаков» (других племен, государства и т.п.). Неудивительно, что земельная реформа, начавшаяся в Афганистане в декабре 1978 г. именно в «зоне племен», была обречена на провал: крестьяне сами от государства землю не брали. Таким образом, хан в племени и до настоящего времени выполняет функции властителя и посредника. Его задача - объединять ряд семейных единиц племенного общества в более или менее единое социально-политическое поле. Таким образом, процесс обретения власти в Афганистане можно условно разделить на четыре этапа: 1) накопление

богатства; 2) накопление числа зависимых; 3) накопление престижа и влияния; 4) генеалогическая легитимация.

В XIX в. руководителя племени стали выбирать из определенного рода (старшего, или ханского, называемого *ханхель*, или *сар-хель* (сар - «голова»)). Поэтому принцип патронажа служит основой выявления тех, кто стремится к влиянию, институционально не закрепленному. Таких ханов может быть несколько в одной племенной группе.

В результате к XIX в. в Афганистане слово «хан» приобрело два значения:

- 1) глава племени (в таком значении оно используется и у таджиков);
- 2) влиятельный в племени человек.

Второе значение выражается в том, что у племён дуррани, проживающих вокруг Кандагара, ханом называется любой

417

землевладелец, а у гильзаев - человек, чей авторитет выходит за пределы его хозяйства.

В начале XX в. появляется новый политический институт - *малик* (по-арабски «король»), или *арбаб* («господин»), представляющий собой хана, признаваемого государством в качестве руководителя племени в деревне и включенного в государственную администрацию. Малик выступает официальным посредником между государством и деревней, его задача - представлять племенное сообщество в отношениях с другими сообществами и государством.

Такой хан или малик является носителем коренящейся в самом сообществе публичной власти, отличной от государственной. Безопасность, спокойствие и устойчивость такого общества достигаются центростремительным характером организации всех сторон общественной жизни, в которой важное значение имеют связи внутри сообществ (каумов) и кланов. В итоге социальное взаимодействие тяготеет к подобным центрам негосударственной власти, которые выступают неформальными центрами организации социально-политического пространства, в рамках которого развиваются отношения патронажа отдельных сильных личностей, способных эффективно защитить корпоративные интересы. Такая сеть отношений создает вокруг лидера группу поддержки, которая действует независимо от каких бы то ни было современных политических институтов и политических программ.

Данными обстоятельствами во многом определяется политический и общественный климат в стране: массы тяготеют не к идеям, политическим программам и политическим институтам, а к племенным лидерам. Вокруг сильных личностей в соответствии с их престижем неминуемо складываются как поле притяжения, так и отношения зависимости и преданности, что ведёт к неизбежному политическому соперничеству. Таким личностям верит население. Например, А. Масуд распространил влияние Джамиат-е ислами (Исламского общества Афганистана) своим личным авторитетом в высокогорные районы Гиндукуша (Бадахшан, Тохар, Кундуз и Баглан).

Для группы, складывающейся вокруг лидера, характерно безусловное подчинение ему и даже преклонение перед ним. Изменение взглядов лидера означает одновременно и изменение взглядов и политической ориентации всех подконтроль-

418

ных ему людей. Поэтому позиция местных авторитетных лиц оказывает сильное влияние на ситуацию в стране. Именно эти люди определяют отношение населения той или иной местности к любым решениям и действиям властей или иных сил общенационального масштаба. Отсюда ясно, что для реализации любых политических, экономических или социальных инициатив центральной власти нужна в первую очередь поддержка со стороны локальных традиционных лидеров.

Замкнутые сообщества и кланы со своими независимыми и специфическими устоями повседневной жизни традиционно представляют собой наиболее серьезную преграду на пути эффективного государственного строительства в Афганистане, поскольку в стране главенствуют не политические факторы, а отношения родства и патронажа. На эту сеть накладываются такие виды традиционного личностного взаимодействия, как учитель и ученик в среде богословов и духовенства, а также *пир* и *мурид* в суфийских орденах. Эта особенность традиционных структур определяет дробность и разъединенность общества, а также линии расколов внутри всех политических партий. Разумеется, главную роль в этом процессе играют каумы, ибо они пронизывают политическую систему и все общество в целом, как бы проходя «насквозь» через политические партии и объединения, превращая их во всего лишь надстройку над собой.

Образование племенами своего государства привело к распространению главного института - каума - на общенациональный уровень. Все три попытки разрыва с прошлым и образования государства в Афганистане (формирование племенной федерации в 1747 г., переворот 1978 г. и победа моджахедов в 1992 г.) проходили под знаком универсальной идеологии (соответственно, национализма, марксизма, фундаментализма), но те национальные формы, которые принимали эти универсальные идеологии, свидетельствуют о необыкновенной живучести структуры племенных групп, формируемых принадлежностью к местным сообществам. Афганское государство времен Захир-шаха и Дауда также оставалось трайбалистским. Каум оказался встроенным в современные государственные институты, что предполагало не только получение материальных благ (посты; денежные, но необременительные должности; освобождение от налогов и воинской повинности), но и гаран-

419

тию неизменности правил управления местным сообществом, которые определяли и будут

определять функционирование государства.

Каум не собирается уступать своих позиций и на современном периоде развития афганского общества. Более того, он отлично приспосабливается к меняющейся ситуации. Так, в 1963-1973 гг., в условиях периода конституционного развития афганской государственности, лидеры каумов стали использовать новые формы политической деятельности: они становились депутатами парламента и прибегали к созданию политических партий, что открывало перед структурами племенной власти новые источники политических ресурсов и новые возможности получения средств на политическую деятельность.

В то время депутаты из провинций повсеместно приезжали в Кабул в качестве представителей своего местного каума для получения льгот и привилегий, поскольку государство казалось могущественной силой, которая должна предоставить им как можно больше выгоды. Выборы четко отразили линии племенного раздела внутри афганского общества, в котором есть преданность только семье, и где важнейшим фактором остается патронаж. Лояльность населения была адресована отнюдь не государству. Новая современная стратегия каума состояла в установлении выгодных отношений с институтами государства. Этим объясняется, в частности, и борьба различных фракций внутри афганской коммунистической партии. Сети отношений, основанные на патронаже и личных связях, оставались прочными, вне зависимости от существования серьезных политических разногласий внутри, либо между политическими партиями. Например, фракция Народно-демократической партии Афганистана Парчам (называемая также «королевской коммунистической партией») была связана с королевским сообществом Афганистана. Такие отношения составляют основу социальной организации современного Афганистана: более двух третей населения имеют между собой какие-либо племенные связи, а остальную треть жителей объединяют семейные узы и семейные взаимные обязательства.

Соответственно, вряд ли станет исключением и избранная 18 сентября 2005 г. нижняя палата афганского парламента, называемая *Вулуси джирга* (Народное собрание). Политические аналитики отмечают её фрагментированный характер: депута-

420

тами стали лидеры многих кланов, групп, партий и фракций. Все они намерены активно защищать интересы стоящих за ними группировок. Около половины (120 из 249) мест получили лидеры традиционного племенного/кланового типа в лице полевых командиров.

Институт полевых командиров возник практически у всех этнических групп в конце 70-х годов XX в., когда в Афганистане вспыхнула гражданская война, продолжавшаяся более 20 лет. В этих новых условиях лидеры каумов прибегли к созданию вооруженных отрядов. Совершенно очевидно, что делать это могли только те, кто имел средства и мог перераспределить их в пользу своих сторонников. Полевыми командирами становились либо сами традиционные лидеры, либо командиры, действовавшие под их руководством. Авторитет многих полевых командиров отражает укорененность местной иерархии. Даже если вооруженный отряд создавался человеком, который принадлежал к не очень высокой ступени племенной иерархии, но был успешен, вокруг него формировалась своя группа поддержки из родственников и зависимых людей. Как правило, это были бывшие военнослужащие афганской армии, которые и так обычно составляли неформальные группы влияния в своих населенных пунктах. Таким образом, институт полевых командиров великолепно вписался в традиционную структуру афганского общества. Полевые командиры получали ресурсы извне, как со стороны партий моджахедов, так и режима Народно-Демократической Партии Афганистана (НДПА), что создало базу для сохранения старых и формирования новых каумов. В 1990-х гг. в условиях фрагментации афганского общества и распада государства как политического института полевые командиры обрели полную власть над территориями, которые они контролировали.

Новыми источниками доходов полевых командиров стали поступления от занятий наркобизнесом. Полевые командиры контролировали и до сих пор контролируют производство опиума-сырца практически во всех 28 (из 34) наркопроизводящих провинциях, организуют транзит наркотиков, распределяют между собой маршруты транспортировки, переманивают друг у друга наркокурьеров, организуют нападения на наркокараваны конкурентов. Зачастую именно этот фактор становится первопричиной вооруженных столкновений, которые

421

имеют сейчас место в Афганистане. Неэффективность в борьбе с наркопроизводством вызвана в том числе тем, что сокращение финансовых поступлений вызовет негативную реакцию полевых командиров, что скажется на стабильности центральной политической власти и положении населения в стране.

Достаточно велики и средства, получаемые полевыми командирами извне. Им начали раздавать деньги американцы еще в октябре 2001 г., чтобы заручиться их поддержкой в борьбе с талибами и «Аль-Каидой» и использовать афганские вооруженные формирования для наземных действий с целью минимизации американских потерь. В настоящее время такая политика ориентирована на усиление лояльности традиционных лидеров по отношению к центральной власти, а также на создание благоприятного отношения пуштунов к антитеррористическим операциям. Стремлением предотвратить выступления полевых командиров против Коалиционных сил и правительства Х. Карзая вызвано и принятие мер против тех из них, кто, по информации западных спецслужб, замешан в производстве наркотических веществ и наркотрафике. Подобная тактика, с одной стороны, признает силу полевых командиров, что способствует стабилизации афганского общества, а с другой - усиливает этот

традиционный институт политического влияния, что отнюдь не способствует укреплению позиций центральной власти.

О силе полевых командиров свидетельствует сравнение возможности их и государства аккумулировать доходы. В то время как внутренние доходы афганского государства в 2004 г. составляли 200 млн. долл., доходы полевых командиров - несколько миллиардов. Сумма налогов, которая могла быть собрана в Афганистане в 2003 г., оценивалась примерно в 500 млн. долл., из которых в бюджет правительства попало только около 80 млн. В 2002 г. лишь менее 10% доходов, полученных в Гератской и северных провинциях, поступило в государственную казну. Не подлежит сомнению и военное превосходство полевых командиров, поскольку Национальная армия Афганистана и полиция только формируются. Всё рассмотренное выше позволяет понять, почему так силен и устойчив институт полевых командиров и почему с таким трудом идет разоружение незаконных военных формирований и формирование современных институтов политической власти в Афганистане.

422

Наиболее влиятельные традиционные лидеры еще в 1960-х гг. и в период афганской гражданской войны начали создавать политические партии. Однако наибольшего расцвета эта деятельность достигла в период подготовки к парламентским выборам 2004-2005 гг. К примеру, к июню 2005 г. количество зарегистрированных политических партий достигало восьмидесяти. Связь партий с традиционными лидерами обуславливает их персонификацию и формирует фракционность. В партиях доминируют отдельные деятели, а не идеологии или политические программы. Наличие нескольких влиятельных фигур ведет к фракционности, острому политическому соперничеству и расколам. Так, крупнейшая партия страны «Исламское общество Афганистана» разделилась примерно на десять фракций, часть из которых была преобразована в новые партии. Таким образом, за последние 40 лет институт традиционных лидеров успел принять три новые формы: лидеры каумов стали выступать в роли депутатов, полевых командиров и руководителей современных политических партий.

Подобно кауму, столь важный для племени институт хана при создании афганцами государства стал характеризовать властные отношения во всем социуме, так как падишах являлся лишь первым среди равных ханов дуррани. Анализ статуса лидера племени дает возможность судить о весьма своеобразном статусе афганского государственного правителя. Руководителя афганского государства до событий 1978 г. можно рассматривать как племенного вождя-хана, самофинансирующегося общественного слуги, использующего свое богатство и влияние на благо общины и поддерживающего равновесие и взаимодействие на более высоком уровне между различными социальными и этническими группами в масштабах страны. То есть и в современном Афганистане до 1978 г. руководитель страны использовал исторический опыт ханского руководства и его ролевые функции, *то* есть был властителем, которому общество временно делегировало власть над общественными группами и который одновременно выполнял функции посредника между ними.

Выполнение функций патрона по отношению к различным общественным группам внутри страны вынуждало афганское руководство становиться клиентом зарубежных стран. Таким образом, афганская государственная элита действовала

423

как этнически стратифицированная иерархия посредников между державами, предоставлявшими ресурсы, и группами, получавшими благодеяния патрона. Вызванная этим политическая фрагментарность, как населения, так и элиты, означала, что элита старого режима не имела ни политической, ни организационной базы для отпора оппозиции. Структура старого режима навязывала модель этнической стратификации разнородным и фрагментированным местным сообществам. Подобное положение дел сохранялось также и в годы гражданской войны, когда противоборствующие стороны имели каждая своих патронов. И в настоящее время центральное правительство, этнорегиональные элиты и полевые командиры выступают, с одной стороны, клиентами, получающими ресурсы извне, а с другой - патронами, распределяющими их внутри государства между различными политическими силами, племенами, кланами и т.п.

Постепенное разложение «ханского государства» и возрастающее противопоставление госаппарата и армии племенам связаны, в частности, с укреплением позиций городской буржуазии, усилением ее влияния на государственную власть и одновременным ослаблением воздействия на нее племенной организации. Однако социальные потрясения последней четверти XX в. не только вернули все на круги своя, но и укрепили прежний традиционный порядок вещей.

Помимо собственно института хана, единство и выживаемость племени обеспечивается также такими дополнительными чертами этого института, как примат родственных отношений, жесткость социальной структуры и иерархии, выражающаяся в том, что лишь члены племени участвуют в джирге и только пуштуны имеют привилегию носить оружие. Также к этим дополнительным чертам можно отнести безусловное подчинение младшего старшему и рядового члена общества -руководителю, наследование только по мужской линии, отсутствие браков женщин с мужчинами вне клана или племени, наличие кодекса чести как основополагающего идеологического регулятора.

Существование в рамках племени собственной независимой от государства системы социального регулирования, основанной на традиции (и, как правило, включающей элементы господствующей религии) означает, что племя выполняет

424

функции, альтернативные функциям государства. Таким образом, государство для членов племени

становится бесполезным, так как все его основные функции (поддержание социального порядка, организация хозяйственной жизни, оборона, разрешение спорных вопросов и т.п.) племенная организация выполняет более эффективно, чем государственная власть, причем со значительно меньшими финансовыми и организационными затратами. Данное обстоятельство весьма существенно для кочевых и горских народов, обладающих довольно ограниченными экономическими ресурсами. Соответственно в племенном самосознании любая, а не только иноэтническая, государственная власть выступает как чуждая и, практически всегда, как враждебная сила.

С точки зрения пуштуна, государство находится на периферии, где распадается привычный для него мир. Племя же рассматривается пуштуном как созданная еще при сотворении мира социально-политическая организация, то есть если государству нельзя противостоять, то от него надо дистанцироваться, сохраняя свою, «племенную» обособленность.

Подчинение горских племен (там, где оно удавалось) всегда сопровождалось широкомасштабными и длительными военными операциями. Объясняется это в том числе и тем, что племя способно образовывать временные, однако достаточно эффективно функционирующие в тех или иных целях вооруженные отряды - ополчения.

Военная организация афганского общества

Племенная организация афганцев всегда имела черты военного братства, причем каждое отдельное племя противостояло остальным, как враждебная, соперничающая единица. Племенной военной союз представляет собой довольно типичную картину для кочевых племен, вынужденных восполнять свои хозяйственные потери угоном скота у соседей или грабежом земледельческих районов, то есть формируют военную разбойно-паразитарную традицию. Однако у афганцев мы находим более высокие формы военной организации, непосредственно сросшейся с племенной организацией, предпосылкой чему выступил целый ряд обстоятельств.

425

Во-первых, непрерывные завоевания на начальном этапе существования афганского государства сохранили племенную структуру в качестве средства противостояния государству. Иерархичность племен обеспечивает наилучшую военную организацию. Пуштунские племена всегда занимали привилегированное положение по отношению к другим этносам, занимаясь, в основном, такими, "с их точки зрения, достойными видами деятельности как война, грабеж, охрана караванов и т. п.

Во-вторых, бедные области Афганистана с его малопригодными для земледелия почвами и засушливым климатом были не в состоянии обеспечить достаточного пропитания местному населению, в то время как рядом располагались густонаселенные, богатые земледельческие долины верхней Индии, которые представляли собой заманчивый объект для грабежа. Подобная ситуация вызывала у кочевников стремление к военному присвоению прибавочной стоимости в ущерб хозяйственной деятельности. В зависимости от общей обстановки в Индии, афганские племена подчиняли своей власти целые области пограничных индийских территорий, либо ограничивались кратковременными налетами или продавали свои услуги в качестве наемных солдат на службе индийских правителей и князей.

В-третьих, Афганистан располагался на древнейших торговых путях между Индией, с одной стороны, и Центральной Азией (Туркестаном) и Персией, - с другой. В этой связи вызванные необходимостью смены пастбищ постоянные перекочевки из района Сулеймановых гор к Амударье привели к тому, что афганские кочевники стали торговыми посредниками между рынками упомянутых регионов. Естественно, что такая караванная торговля нуждалась в защите и тщательной охране, соответственно, в отдельную группу выделились племена, сопровождавшие караваны.

Превращение Афганистана в «перекресток Азии» привело к тому, что важнейшие торговые пути, связывающие Индию с Афганистаном, оказались под контролем наиболее воинственных племен. Особая роль войны как вида «хозяйственной» деятельности способствовала сохранению (у афридиев, вазинов и др. племен) или медленному разложению (у юсуфзаев и др.) родоплеменной организации.

426

В результате родовое объединение афганцев непосредственно переходит в военное, основной ячейкой которого является улус, включающий все мужское боеспособное население племени и находящийся под командованием племенного вождя и старейшин. Каждый крупный племенной вождь имеет под рукой несколько десятков мелких, освобожденных им от несения повинностей и налогов, но связанных с ним военным союзом. Элементами военной организации выступают лашкар - ополчение боеспособных мужчин для защиты района расселения племени и бадрага (конвой) - вооруженное сопровождение проходящих через территорию племени грузов и людей.

Все эти процессы вызвали необходимость поддержания наряду с патриархальной семьей - типичной формой всякого скотоводческого хозяйства - и сильной военной власти руководителя племени. Укреплению племени как военной единицы способствовали также наводнение в последние 20 лет XX в. «зоны племен» оружием и необходимостью защиты посевов опиийного мака.

«Кодекс чести»

Во многом благодаря большому значению военной организации афганские племена смогли сохранить свои собственные формы организации и даже в настоящее время остаться более или менее независимыми не только в Афганистане, но и в Пакистане. Они представляют собой самостоятельную историческую, этническую и культурную общность. Их политически-правовая независимость находит свое выражение в автономном от государства и сохраняющем высокую значимость для афганских племен

кодексе традиционных правовых установлений паштунвала. О стойкости и актуальном функционировании социально-политической племенной структуры свидетельствует и территориальность пуштунского нормативного порядка: такие племена, как мангалы, дзадзи (джаджи), дзадран (джадран), моманды и др., всегда весьма ревностно относились к своим территориальным правам, оказывая упорное сопротивление установлению государственного контроля над районами, которые они считают исконно им принадлежащими. Закрепление территории за тем или иным племенем свидетельствует о серьезной эволюции племенной организации у афганцев.

427

В связи с ролью среди афганских племен традиционных обычаев и общественно-правовых актов, сконцентрированно выраженных в паштунвала, остается вопросом, в какой степени ислам вытеснил и заменил его во внутреннем социальном порядке пуштунских племен. Думается, что ислам, сосуществуя с традициями, оформленными в *адате*, пока не достиг доминирующего положения над ними, а является, помимо безусловно почитаемых у пуштунов присущих ему моральных норм, скорее системой понятий, через которую пуштуны могут выразить свою общность на более высоком идеологическом уровне, но к выражению которой прибегают лишь в особых обстоятельствах (как, например, иностранное вмешательство). Однако «адат» даже в этих обстоятельствах практически остается незатронутым. Например, хотя кровная месть порицается муллами в их проповедях и запрещается правительством, она, тем не менее, законна и даже почетна в глазах народа. *Бадал* - кровная месть - является одним из основополагающих положений паштунвала. А предусмотренный традиционным правом запрет наследования по женской линии прямо противоречит исламу. Использование ислама сильными афганскими правительствами с целью навязывания племенам своих представлений о системе правления в стране, границах с другими национальностями и т. п. нельзя признать до конца эффективными. Достаточно вспомнить политику эмира Абдуррахмана в отношении некоторых племен Пакистана и результаты действия пуштунских племен в Кашмире, которые привели лишь к временной и далеко не полной их мобилизации для достижения политических целей. Следовательно, религиозные моменты в самосознании пуштунов тесно переплетены с этническими и даже клановыми.

Еще одним подтверждением этого стала неудача попыток исламской фундаменталистской оппозиции вовлечь племена в орбиту своего влияния. В «зоне племен» ее роль была очень невелика. Все дело в том, что исламский фундаментализм по своей сути противоречит племенному образу жизни, разрушает племена, вводя, в частности, право наследования по женской линии, универсальные представления поверх клановых и этнических перегородок и т. д. Никаких исламских комитетов в зоне расселения племен не существовало, руководители племен просто не допустили бы их создания на своей территории.

428

Вследствие этого основными районами действия фундаменталистской оппозиции были Кабульская провинция и северные районы, где вооруженная борьба носила особо ожесточенный характер, в то время как активных боевых действий в «зоне племен» не велось. В «полосе племен», как и встарь, действовали (и действуют) отряды племенного ополчения, возглавляемые главами племен, причем их действия ограничены строго территорией расселения своего племени. Заняты они были, как и прежде, контролем над дорогами, организацией засад, нападением на автомашины.

Легкость установления власти талибов в пуштунских районах обусловлена тем, что применительно к ним фундаментализм этого движения, характерный и для пакистанской «Джамиат-е улема-е ислам», на которую они ориентировались, на практике в большинстве случаев оказался не разрушением традиционной структуры и патриархальных устоев, а, наоборот, средством их сохранения.

В целом, иерархию власти на племенном уровне контролируют лидеры племен, а не мусульманское духовенство. В пуштунских племенах в Афганистане суннитские религиозные лидеры имели и имеют слабую институциональную базу, хотя и пользуются широким уважением у населения. Более того, в племенах муллы не пользуются теми привилегиями, которые есть у пуштунов. В частности, муллы не имеют права голоса на джирге. А среди кочевых племен муллы, подобно членам профессиональных групп (ремесленникам, торговцам), являются аутсайдерами. Концепция отсутствия посредника между богом и людьми выступает вообще характерной чертой суннитского ислама. Сунниты считают, что человечество должно жить по законам Корана, сунны и шариата, но нет никакого посредника, осуществляющего контакт между землей и небесами. Статус суннитского духовенства среди пуштунских племен в связи с этой неопределенностью их положения весьма во многом зависит от сотрудничества с лидерами племен или с государством. На племенном уровне в Афганистане нет организованного духовенства. Иерархия религиозных деятелей возникает только на уровне племенных групп и городов, она лишь формально связана с властью старост деревни, помогая им контролировать соплеменников и интерпретировать традиционный закон в их интересах. Представители религиозной

429

иерархии, интегрированной в госаппарат и являющейся своеобразным посредником между центральной и племенной властью, выступают одним из элементов государственной структуры, во взаимодействии с которыми находятся племена.

Взаимоотношения с государством

В целом государство и пуштунские племена являются взаимопроникающими социально-политическими феноменами. Племена находятся во взаимосвязи - противодействии с государством не как с

неким монолитом, а с его составными частями. Иными словами, в Афганистане, как, например, и в Северном Йемене, сложилось особое политическое образование - симбиоз государства и племен (как самостоятельных «политических» единиц и форм организации политического пространства), или, точнее, как отмечалось выше, государство продолжало сохранять черты племенного объединения. Государственная власть, по сути, не достигла племен. Исторически сложился дуализм власти - центрального правительства и племен, обладавших известной долей самоуправления. Государство и племя не смогли подавать одно другому, в итоге стали поддерживать и опираться друг на друга. Концептуально находясь в отношениях противостояния, на практике афганское племя и государство диалектически связаны как части целого и настолько же противоречиво взаимодействуют, поскольку по сути своей и в своих элементах разнородны. Конкретно это проявлялось в том, что племена обладали особыми отношениями с Кабулом, ревностно ограждали свой жизненный уклад, будучи способными быстро мобилизоваться для его защиты. Районы, населенные пуштунами, составляли известный политический противовес Кабулу. Попытки центральных властей посягать на полунезависимый статус племен приводили к серьезным социальным потрясениям, порою принимавшим масштабы и характер национальных катаклизмов. Отсюда слабость центрального правительства и неудачи его реформ. Сохранение племенной структуры тормозило любые новшества, генерировавшиеся Кабулом.

Контроль центральной власти был настолько слабым, что в ряде районов даже не было местных органов власти, административные функции выполняли ханы племен и главы кланов, опираясь не только на силу, но и на авторитет и тра-

430

диционные нормы. В провинциях ханы борются за расширение своего патронажа, стремятся быть судьями в местных конфликтах.

Можно выделить три социально-политических типа племенной организации пуштунов, для которых характерны различные уровни и формы взаимоотношений с центральной властью. К первому типу относится наименее политизированная и наиболее эгалитаристско и антигосударственно ориентированная организация пуштунских племен, в которой роль *джирги* (совета, буквально «круг») является определяющей, роль вождя ограничена консенсусом джирги, от которого зависит сохранение лидерского статуса за тем или иным представителем племени (дзадзи, часть племен вазиров, афридиев и др.). В организации второго типа роль джирги отходит на второй план по сравнению с ролью вождя, приобретающей наследственный статус. Вожди этого типа активно использовались центральной властью для регулирования ситуации в племенах путем облечения их правами сбора налогов с соплеменников и транзитных торговцев от имени правительства, прямого субсидирования и пожалования земельных участков. К этой группе относится часть племен дуррани, юсуфзаев, момандов и др. Третий тип племенной организации - кочевнический, для которого характерен низкий статус вождя и вообще отсутствие сколь-нибудь постоянного центра власти в группах, превышающих по размеру семью. К ним относятся часть гильзаев, дуррани, афридиев и др.

Подобная неравномерность изживания у различных пуштунских племен и кланов родоплеменных институтов и традиций вызвана неравномерностью социального и экономического развития в сочетании с особенностями политического бытия. В изолированных труднодоступных горных районах традиционные отношения и нормы обычного права паштунвала сохраняли значительную устойчивость. В районах, примыкавших к крупным экономическим и административным центрам, изживание традиционных институтов происходило гораздо быстрее. В наши дни их пережитки сохранились здесь, как правило, только на уровне групп семей, объединенных происхождением (или именем) общего предка и осознанием общности происхождения с другими, аналогичными группами.

431

Социологи и этнографы, изучавшие особенности разложения и трансформации родоплеменных отношений в пуштунском обществе, в зависимости от силы и устойчивости сохранившихся пережитков традиционных институтов, нередко делят пуштунов Афганистана на «детрибализованных» и «трибализованных» (деление это бытует и в сознании многих представителей пуштунской интеллигенции). К трибализованным относят пуштунов полосы племен, протянувшейся вдоль границы с Пакистаном. Следует отметить, однако, что даже в тех районах Афганистана, где детрибализация зашла весьма далеко, пережиточные представления о существовавшей клановой и племенной общности и в наши дни оказывают весьма серьезное влияние на политические настроения пуштунского населения.

Сами пуштуны именуют два типа социальной организации, на которые племена начали делиться с начала XX в., как *нанг* и *каланг*. «Нанг» (чувство чести, честь) преобладает среди горных племен и означает следование традициям и обычаям, предписываемым «паштунвала». Хозяйство в таком обществе основано на пастбищном скотоводстве, население проживает в небольших деревнях и одиночных поселениях. Эгалитарное и не имеющее руководителя племя не подпадает под большую государственную систему (в этом плане важно существующее в сознании афганцев деление на *ягестан* - «земля племен», буквально «земля повстанцев» и *хукумат* — «правительство») и состоит из ряда родственных групп, в которых очень высока степень родственной самоидентификации. Население неграмотно, происходит устная передача традиций. «Каланг» (дань, налог) распространен среди равнинных пуштунов, в среде которых происходит размывание и отмирание обычаев «паштунвала». Хозяйство основано на орошаемой земледелии и собственности на землю. Население проживает в больших деревнях, наблюдается тенденция к урбанизации. Иерархически организованное сообщество возглавляется ханом и включено внутрь больших систем,

общественный статус его членов определяется в большей степени материальным положением или сферой городских занятий (служба в армии, полиции, административном аппарате и т. п.). Население грамотно, осуществляется письменная передача знаний.

В целом можно говорить о превращении рода в клан, что свидетельствовало о переходе этноса на новую ступень разви-

432

тия. Если в племени существует только род, то превращение рода в клан (на уровне благородных родов) указывает на возникновение племенного объединения и формирование протонародности, в рамках которой сосуществуют клан и род. В основе клановой солидарности и взаимопомощи лежат кровнородственные отношения (по мужской линии до седьмого колена), которые на социально-психологическом уровне подкрепляются верой в духов предков, бытовой обрядностью, изустной историей и т. п. Пренебрежение кем-либо из членов клана традициями солидарности и взаимопомощи делает его человеком, не заслуживающим уважения. В свою очередь, клан обеспечивает коллективную защиту каждому из его членов, в том числе и от произвола отдельных представителей государственной власти.

Переход афганцев к началу XVIII века к оседлости и земледелию и закрепление определенной территории за тем или иным племенем означало складывание народности, когда клан дробится на большие семьи, на базе которых возникает территориальная (соседская) община, а в ее рамках - территориальный клан.

Собственностью общины, то есть принадлежащими всем ее членам, считались лишь пастбища, пустоши и леса. Коллективное пользование ими, а также ирригационными сооружениями и мельницами в значительной степени уступило свое место частному долевному пользованию. Если крупные магистральные каналы и остаются в совместном владении, то поступающая по ним вода и мелкие оросительные сооружения являются частной собственностью. Жители деревни совместно трудятся над сооружением и ремонтом крупных ирригационных сетей, прокладыванием дорог, строительством оборонительных укреплений. Коллективная обработка земли у племен отсутствует, обычай передела земли (*веш*) к концу XIX в. фактически прекратил свое существование. Даже пастбища у кочевников находятся в собственности индивида или группы индивидов. Вполне возможно, что кочевые племена осели на земле, чему в немалой степени способствовало выращивание опионого мака. По крайней мере, по свидетельству очевидцев, к концу XX в. прекратились сезонные перекочевки в Пакистан. Мельчайшей социальной клеткой в племенах давно является малая хозяйственная семья, хотя низкий уровень производительных сил и объективно сложные условия хозяйственной

433

деятельности в «зоне племен» сохраняют необходимость в объединении их усилий для совместного противостояния экономическим трудностям.

Процессы в афганском этносе носили, таким образом, многоплановый характер становления протонародности и превращения ее в народность.

Ослаблению племенной организации способствовала и переселенческая политика афганских эмиров.

Попытка М. Дауда нарушить баланс между племенами и центральной властью в пользу последней во многом способствовала дестабилизации политической ситуации. Но в условиях войны и всеобщего разрушения, вынудивших племена самоизолироваться, на первый план стала выступать военно-племенная организация. Некоторые крупные кланы и племена, наиболее удаленные деревни в условиях войны усилили и даже заново воссоздали свои самоуправленческие воинские атрибуты: джиргу как высший орган политической и военной власти и вооруженное ополчение всех мужчин. Так, в 1981 г. в районе Кандагара началось движение местных собраний (джирг).

Племена, которые поддерживали отношения с правительством НДПА, формировали на своей территории так называемую милицию (*малиши*). Кабульское руководство не создавало в этих районах собственные структуры власти. Основными задачами милиции были защита ее районов от моджахедов и охрана дорог, используемых правительственными силами. Отряды малишей, как правило, противостояли моджахедам, принадлежавшим к враждебному племени. Их отношения с правительством были похожи на связи между отрядами моджахедов, действовавших на афганской территории, и партиями оппозиции в Пешаваре: милицейские формирования могли менять свою лояльность в зависимости от собственной выгоды, но не поддавались внешнему контролю.

В настоящее время племена у афганцев утрачивают черты кровнородственного коллектива. Они оказались удобной формой для занятия наркобизнесом, который делает членов племени объединением людей, занятых одним делом. В 1989 г., по данным госдепартамента США, на территории Афганистана было произведено около 650 т опиума-сырца (по сравнению с 41,5 т в 1984 г.), и по этим показателям Афганистан вышел на второе место в мире после Мьянмы (Бир-

434

мы). Производство опиума в Афганистане непрерывно росло на протяжении всего периода 90-х годов XX века. Еще в 1991 г. Афганистан вышел на первое место в мире по выращиванию опиумного мака, когда преимущественно в зонах, контролируемых отрядами моджахедов, было выращено 2400 т опиума. В 1994 г. в Афганистане произведено 3000 т, то есть на 500 т больше, чем в Мьянме и Лаосе. В 1997 г. собрано 2805 т опиума-сырца, в 1998 г. - 2700 т, в 1999 г. — 4580 т с площади 80 тысяч Га (75% мирового объема), что адекватно примерно 460 т героина, а в 2002 г. - 3400 т. Приграничные районы оказались чуть ли не

сплошной полосой плантаций и пунктов по производству наркотиков. Выгоднейшее производство, контрабандная транспортировка и торговля наркотиками превратила внешне традиционные пуштунские племена в военно-политические образования, весьма напоминающие дисциплинированные мафиозные корпорации.

Сохранению Афганским государством черт союза племен во многом способствовало влияние особенностей пуштунского племени на политическое развитие страны.

Сохранение Афганским государством в 1747-1978 годах черт племенного союза

Важнейшей предпосылкой формирования государства явилось то, что знать некоторых афганских племен уже в XVI - первой половине XVII вв. заняла важное место в иерархической системе управления территориями государств, в границы которых в эту эпоху входили области современного Афганистана (государства Шейбанидов, Великих Моголов и Сефевидского Ирана). Внутри пуштунского этноса выделились привилегированные кланы, обязанные своим возвышением не столько положению в традиционной системе родоплеменного деления, сколько связям с сефевидским двором. Например, Сефевиды сделали вождем племени абдали Асадулла-хана Попользая (род. 1558 г), главу клана садозаев, к которому принадлежал и основатель Афганского государства Ахмад-шах Дуррани. Садозаи получили в связи с этим ряд привилегий: их представителей нельзя было, например, предать смертной казни за совершенные ими проступки или преступления; на них не распространялись законы кровной мести.

435

Образование государства ханами племен

На фоне ускоренного социально-экономического развития пуштунских земледельческих поселений названные обстоятельства привели к тому, что знать абдали после развала империи Надир-шаха Афшара (1736-1747) сумела создать в восточных районах этой империи собственное государство, главой которого стал вождь племенного объединения. После гибели Надир-шаха афганские контингента его армии, во главе которых стояло несколько ханов из племени абдали, захватив часть артиллерии и шахской казны, двинулись к Кандагару. Здесь около мазара Шир-Сурх в октябре 1747 г. собралась джирга наиболее влиятельных и могущественных ханов всех основных кланов племени абдали. После нескольких заседаний они избрали шахом молодого военачальника Ахмад-хана. В этом государстве абдалийские ханы, стоявшие у его колыбели, прочно заняли первое место, что обеспечило им в будущем руководящее положение в афганской державе. Их привилегированное положение подчеркивалось переименованием всех абдали в *дуррани* (*дурр* - «жемчуг»). Принятие Ахмад-шахом титула *дурр-и дурран* («жемчужина жемчужин») указывало также на то, что сам шах среди дурранийских ханов является лишь «первым среди равных», что полностью соответствует известной формуле европейского средневековья. Для дуррани шах был, прежде всего, вождем племени (этим, в частности, объясняются невиданные в других странах Востока простота и демократизм в общении с ним дуррани, а также афганцев других племен, о чем пишут все путешественники). Ханы дурранийских племен стремились обеспечить за собой постоянное решающее влияние на государственные дела и участие в управлении государством. Они получили важнейшие государственные, придворные и военные должности, закрепленные за их семьями. Например, должность визиря, который был вторым после шаха лицом в государстве, получили наследственно ханы рода бамизаев племени попользаев. Вообще, из знати этого племени назначалась большая часть высших чиновников, в частности *ишиагаси* - глава придворного ведомства, церемониймейстер, «главный докладчик» и *мирухур-баши* (великий конюший) (последняя должность закреплена за ханами клана исхакзаев). Даже в конфликтных ситуациях шах не мог изменить установленной процедуры. Видную роль в государстве

436

играли и многие ханы остальных племен дуррани, в особенности баракзаев. Из вождей афганских племен Ахмад-шах образовал постоянную джиргу в столице, с которой он совещался о важнейших государственных делах. Собрав в столице ханов крупнейших афганских племен (и прежде всего ханов дуррани) вместе с их дружинами, он, видимо, надеялся держать их под постоянным наблюдением, чтобы иметь возможность решительно пресекать попытки неповиновения. Однако фактически владыками построенной заново столицы стали ханы дуррани, поскольку в окрестностях Кандагара находились поселения их племени. Поэтому Тимур-шах сразу по вступлении на престол перенес столицу в Кабул. Роль дурранийских ханов в политической жизни и привилегированное положение дурранийских племен, на которые они опирались, дали основание историкам именовать государство Ахмад-шаха и его преемников «Дурранийской державой». Само это название отражает такую особенность данного государства, как его формирование на племенной основе.

Использование племенных институтов и налоговые послабления

В афганских землях империи Дуррани сразу не мог быть создан феодально-бюрократический аппарат и имело место постепенное приспособление для нужд молодой афганской державы сохранившихся у афганцев органов родового строя, поскольку племенная знать не располагала еще достаточной силой, чтобы уничтожить освященные вековыми традициями социально-экономические порядки. Поэтому ханы племен преобразовали и адаптировали к новым условиям старые родоплеменные институты, совместив военную организацию, гражданское устройство и племенное начало в формах, всецело отвечавших их интересам.

В частности, высший надпарламентский орган власти в Афганистане - *Лойя джирга* - имеет своим прообразом джиргу племени. Она выступает в качестве важного элемента государственного строя Афганистана со времени образования Дурранийской державы и до наших дней. *Лойя джирга* созывалась королями и президентами для решения наиболее важных вопросов, связанных с престолонаследием, принятием конституций, объявления войны и т.п. Однако *Лойя джирга* имела не

437

периодический, а чрезвычайный характер, т. е. ее созывы были приурочены к какой-либо конкретной проблеме, требующей совместного решения. Состоявшаяся 10-21 июня 2002 г. чрезвычайная *Лойя джирга* определила состав Переходной администрации во главе с Хамидом Карзаем, получившим президентские полномочия с правом принятия законодательных актов. С 14 декабря 2003 г. по 4 января 2004 г. проходили заседания конституционной *Лойя джирги*, на которой была принята Конституция Афганистана. Согласно последней, *Лойя джирга* созывается для решения следующих вопросов: 1) принятие решения по вопросу независимости, национального суверенитета, территориальной целостности и высших интересов страны; 2) внесения поправок в Конституцию; 3) в случае, если парламент, в порядке, прописанном в статье 69 Конституции, выдвинул обвинения против президента.

В большинстве своем афганские племена были освобождены от уплаты государственных налогов (или уплачивали подати весьма необременительные), за что обязаны были, как при Надир-шахе, выставлять в войска по всаднику с каждого плуга. Отряды этих войск составлялись из людей определенного клана и находились под начальством своих ханов и вождей. Главы кланов командовали более крупными подразделениями, вожди подразделений кланов - более мелкими отрядами, а шах, являвшийся в то же время верховным вождем дуррани, считался главнокомандующим всеми дурранийскими войсками. Эти войска, получившие название «ханской конницы», наряду с наемной гвардией самого шаха представляли собой основную силу афганской армии, лишь 30% численности которой приходилось на регулярные части. Дружины ханов и ополчения племен, составлявшие по численности большую часть вооруженных сил империи, никогда полностью не подчинялись власти шаха и были весьма слабо связаны между собой.

В части уплаты налогов в особо привилегированное положение было поставлено племя дуррани. Оно было освобождено от племенного налога, налога со скота, садов, виноградников, подымной подати и, кроме незначительного сбора с мельниц и на содержание мирабов и кедхуда, не платило ничего. Сказанное в значительной мере относится и к другим афганским племенам.

438

В некоторых случаях отдельные племена были обязаны выплачивать шахам дуррани определенную дань, но, как правило, она носила чисто символический характер. Например, восточные гадуны посылали шаху ежегодно лошадь, одного-двух соколов и маленькую сумму звонкой монетой. Но даже в тех случаях, когда шахи взимали с племен в виде налога некоторые суммы денег, половину их удерживали в свою пользу ханы. Иногда же весь налог, собиравшийся с племени и всего того района, где это племя обитало, отдавался в *джагир* (пожалование) ханам племени за их службу в армии или при дворе шаха. Так, племя мухаммедзаев в конце XVIII в. насчитывало около 20 тыс. семей; с района, где находились их поселения, в год взималось 3 *лакха* (300 тыс.) рупий; налог этот был отдан в джагир их хану Гулам Мохиуддин-хану, приближенному Тимур-шаха. В ряде случаев сбор налогов в областях, населенных афганскими племенами, возлагался на местных ханов, присваивавших себе часть налогов, а у банну, марватов, отчасти у юсуфзаев - даже до половины. Отдача на откуп ханам права взимания налогов с племени во многом способствовала превращению ханов из родовых вождей в территориальных владык.

Власть ханов

Превращение ханов из родовых вождей в территориальных владык объясняется тем, что административное деление территории, занятой племенами, было проведено так, что земли каждого клана и крупного подразделения образовывали отдельную административную единицу, во главе которой уже в качестве правителя и представителя государственной власти был поставлен вождь соответствующего клана или подразделения. Таким образом, афганские племена управлялись своими наследственными или выборными ханами и джиргами (советами старейшин).

Под непосредственной властью шаха, осуществлявшейся через назначенных им правителей, находились в основном *вилайаты* (области или провинции), населенные неафганцами. Подобно тому, как в племенах пуштуны занимали привилегированное положение по отношению к непуштунам, так и в стране территории, населенные пуштунами, имели особый статус. Таким образом, «лоскутный» характер империи Дуррани

439

проявлялся не только в сфере национальной, культурной, языковой, но и в сфере административной.

Помимо сбора налогов на ханов возлагалась ответственность за безопасность горных проходов и дорог, за вывод населения подвластных им территорий на *бегар* (общественные работы). Кроме того, им поручали набор воинов в армию шаха. За выполнение этих функций ханам племен давали джагиры, и они становились вассалами шаха, обязанными ему несением службы.

В результате всех этих процессов ханы, которые были одновременно вождями своих племен, военачальниками, правителями и сборщиками податей, во многих случаях сохраняли фактическую независимость. В пределах своих владений ханы обладали всей полнотой власти, являясь там полными хозяевами.

Подобное всевластие афганских ханов предопределялось тем, что власть их носила двойственный характер, имела как бы двойную легитимность. С одной стороны, ханы облакались шахами властью над населением определенных областей и районов, превращаясь тем самым в вассалов шаха и представителей центрального правительства на территории своего племени, в результате чего происходило включение феодальной верхушки племен в административный аппарат державы Дуррани. В то же время ханы оставались патриархальными вождями своих племен и родов, их авторитет осящали традиции родоплеменного строя. Укреплению влияния ханов способствовало и то, что они сосредотачивали в своих руках помимо гражданской и военную власть, так как имели собственные дружины и командовали племенными ополчениями, а также обладали судебной властью. Кроме того, при полукочевом характере хозяйства большинства афганцев власть хана усиливалась тем, что он был организатором и руководителем перекочевков.

В итоге, хотя внутренняя жизнь племени все еще в значительной степени регламентировалась положениями обычного (родового) права афганцев, ханы племен все больше и больше забирали в свои руки действительную власть, маскируя ее пережитками ушедшего в прошлое родового строя. Иными словами, речь шла о независимости ханов не только от шахов, но и от традиционных институтов. С ослаблением власти шахов Дуррани крупнейшие из этих ханов племен превращались

440

в фактически самостоятельных владетелей. Одним из них в конце правления Тимур-шаха был Мансур Али-хан, правитель Баджура, населенного афганцами племени торкланри. Во всех вопросах внутреннего управления он был полностью независим - собирал в свою пользу налоги и пошлины, что давало ему до 1 лакха (100 тыс.) рупий в год, творил суд и расправу. Он обязан был лишь выставлять по требованию шаха воинский отряд, численность которого не была точно определена. К началу XIX в. этот племенной вождь превратился в фактически независимого князька, который был неограниченным владыкой над несколькими десятками тысяч подданных. Такими же независимыми князьками стали хан Дира и сеид Кунара.

Сказанное относится не только к афганским племенам, но и к части хазарейцев, находившихся под властью хакимов Бамиана и Кандагара, а также аймаков, подчинявшихся наместнику Герата. Вожди аймаков собирали налоги со своего племени, содержали за свой счет вооруженные дружины, творили суд над своими соплеменниками с правом жизни и смерти. Хотя они правили от имени шаха, их никто не контролировал в вопросах управления собственным племенем. С хазарейцев налоги также собирались местными хазарейскими ханами, ревниво оберегавшими это свое право от всякого вмешательства со стороны хакимов и чиновников.

Будучи подлинными хозяевами положения на местах, вожди афганских племен имели лишь одну существенную обязанность - несение воинской службы. Однако они выполняли ее лишь в той мере, в какой она представлялась выгодным и прибыльным делом для них самих. Таким образом, государство Ахмад-шаха напоминало союз племен и было весьма непрочным, а власть этого государства была фактически ограничена силой и влиянием вождей важнейших афганских племен, в первую очередь дуррани. В отношении их он не обладал сколько-нибудь действенными средствами принуждения, поскольку сами они располагали преобладающей военной силой. Оставался путь лавирования и компромисса. «Мир и согласие» между шахом и вождями крупнейших афганских племен могли быть сколько-нибудь прочными лишь при условии известного совпадения интересов обеих сторон, которое проявилось главным образом на почве завоевательных походов. Грабительские внешние войны были одинаково выгодны и шаху и знати. Успешная

441

война пополняла казну шаха, что в свою очередь позволило ему создать хорошо оплачиваемую наемную гвардию. Набранная не из афганцев, а из таджиков и кызылбашей, она служила известным противовесом «ханской коннице» дуррани и являлась непосредственной военной опорой. Первая же военная неудача влекла за собой заговоры и восстания в самом Афганистане. Отказаться от походов и завоевательных войн значило для Ахмад-шаха обречь себя на бессилие в самом Афганистане, стать игрушкой в руках баракзайских ханов, вождей самого могущественного из дурранийских кланов. Так оно и произошло с его преемниками.

Особое положение племен

Привилегированное положение ханов, закрепленное в структуре государственного устройства, предопределило и особое положение племен в стране и тем самым фактическое двоевластие в лице центра и племен. Незавершенность разложения племен и становления народности, задержка на стадии протонародности обусловлены рядом причин:

- 1) наличием кочевого скотоводства как основы хозяйственной деятельности многих афганских племен;
- 2) устойчивым характером патриархальной деревенской общины в оседлых землевладельческих районах;
- 3) постоянным соседством оседлой и кочевой части населения, что консервировало исторически сложившееся разделение труда между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами;
- 4) медленным оседанием кочевников на земле;
- 5) политическим преобладанием афганской племенной знати.

Использование родоплеменных институтов вследствие указанных процессов послужило причиной

консервации оставшегося к середине XVIII в. деления на племена и роды. В результате государство, являющееся, по сути, альтернативой племени, в Афганистане взяло на себя племенной этноним, сохранило и закрепило некоторые черты племенной структуры, став тем самым орудием трайбализма. В итоге государство во многом сохраняло черты племенного образования, что и обусловило самостоятельность входивших в его состав племен (в

442

племенном объединении племена как раз и сохраняют независимость).

Подобное развитие событий не могло не обусловить слабость государства. Клановая система стала особенностью центральной власти. В целом государство оказалось опирающимся на неадекватную ему узкоэтническую и клановую базу племенной военной организации.

В свою очередь, слабость позиций руководства страны в условиях очень высокого этнического разнообразия толкала его к опоре на своей собственный клан. Тем самым круг замкнулся.

Особому положению племен и их автономии от центральной власти способствовал еще ряд обстоятельств. Во-первых, естественная изолированность районов их расселения, создаваемая горами, горными долинами и пустынями.

Во-вторых, родоплеменная организация афганцев представляла собой своеобразную, но совершенно определенную хозяйственную и административно-политическую систему, в рамках которой замыкалась деятельность основных масс афганцев. Раздел земли и воды, разверстка и взимание налогов и различных единовременных сборов, вербовка и набор в армию и т. д. производились по племенам. Каждое из афганских племен занимало свою строго определенную территорию с пастбищами, пашнями, укрепленными замками - *кала*, служившими резиденцией главам племенных подразделений - ханам и маликам.

Все эти процессы обусловили неустойчивость положения садозайских шахов и относительную слабость их власти. Зависимость шахов от отдельных племен и родов и неполная подчиненность центральной власти вели к тому, что афганские шахи не имели возможности вмешиваться в их дела. Показательны некоторые факты, характеризующие взаимоотношения садозайских шахов с племенами, занимавшими земли в районе Хайберского прохода. Чтобы держать его открытым, шахи, подобно правителям ранее существовавших государств, предпочитали откупаться от этих племен ежегодной выплатой крупных денежных сумм. При садозаях они получали до 130 тыс. рупий в год.

И все же контроль властей над Хайберским проходом не был прочным. Местные афганские феодалы, опираясь на силу

443

окрестных племен, нередко нарушали движение караванов. Вожди племен постоянно взимали пошлины с торговых караванов, а то и грабили их.

О большой силе племенных отношений говорит и следующий факт. Когда Ахмад-шах задумал основать новый город взамен разрушенного Надир-шахом Кандагара и клан попользаев предоставил часть своих земель для будущей столицы, то постройка велась общими усилиями племени, и подобно тому, как в дурранийской деревне каждое племенное подразделение населяло отдельную ее часть, имеющую своего особого старшину, так и в Кандагаре каждое подразделение отстроило и заселило свой отдельный квартал.

Ханы племен ревниво оберегали свою независимость от покушений со стороны шахской власти. Особенно это касается малых племен, проживающих на всем протяжении пакистанской границы, а иногда и за ней: джадран, мангал, тани, тури, момандов, мамудов, сафи, шинвари и других. Эти племена никогда не принимали власти государства. Рост феодального землевладения знати афганских племен, которая, как уже отмечалось, сохранила в своем распоряжении вооруженные силы и располагала почти бесконтрольной властью на территориях, занимаемых этими племенами, таил в себе зародыш неизбежных сепаратистских тенденций.

И эти тенденции не замедлили проявиться, что вызывало децентрализацию Дурранийской державы. В землях некоторых афганских племен, как указывалось выше, в конце XVIII в. создавались мелкие феодальные владения, такие как Дир у юсуфзаев, Лальпур у момандов и др. В землях других племен (прежде всего у дуррани) имел место переход значительной части государственного земельного фонда и шахского домена в руки местных феодалов, что также значительно ослабляло экономическую базу государства садозаев. Особенно интенсивно шло расхищение государственного земельного фонда в Кандагарской области, где уже к 1793 г. дурранийские сардары захватили почти половину всех облагаемых налогом земель, причем в казну шаха шло в 2 раза меньше, чем джагирдарам. Велики были владения джагиров также в Герате.

Центральную власть, опирающуюся лишь на одно племя, подрывали мятежи дурранийских ханов и вождей других афганских племен. Даже против Ахмад-шаха ханы неоднократно

444

поднимали восстания. Кроме того, как и всякое феодальное государство, разросшееся путем завоевания, держава садозаев расшатывалась восстаниями покоренных народов.

При слабом экономическом развитии разобщенность завоеванных Ахмад-шахом территорий крайне затрудняла сколько-нибудь прочное их объединение. Большим препятствием к централизации была замкнутость отдельных афганских племен, продолжавших при сохранении фактической самостоятельности жить своими узкими местными интересами.

Противоборство центральной власти и ханов племен

Разумеется, шахи не могли мириться с подобным ходом событий и боролись с сепаратизмом ханов племен. В борьбе за укрепление власти шахи Дуррани могли опереться на гвардию, на разноплеменную (преимущественно ирано-таджикскую) служилую бюрократию и мусульманское духовенство, которые зависели от их милостей, и, наконец, на верхушку индийских купцов, участвовавших в финансировании завоевательных предприятий афганских шахов. Однако всех этих сил было явно недостаточно, чтобы противостоять ханам афганских племен. Это обстоятельство вынуждало шахов Дуррани искать обходные пути к упрочению своего положения и власти.

Ахмад-шах, стремясь ослабить ханов могущественного клана баракзаев, выделил из него род ачакзаев. Гильзаям, одному из крупнейших племен, он запретил иметь вождя племени, а над отдельными кланами этого племени ставил правителями преданных ему сардаров - дуррани. Чтобы не допустить усиления власти правителя хаттаков, Ахмад-шах главе (раису) этого племени хакиму Акоры противопоставил хана Тери, дав ему также звание хакима, тем самым оба эти правителя были поставлены в одинаковое положение. До этого хаким Акоры считался старшим и хан Тери находился у него в подчинении. Ахмад-шах сделал также попытку противопоставить могущественным сардарам дуррани ханов восточно-афганских племен. С этой целью было создано искусственное образование, известное под именем «бар-дуррани», т. е. «верхние», или «горные», дуррани, в которое вошли юсуфзаи, таркланри, моманды, хаттаки и некоторые другие восточно-афганские племена.

445

Однако эта попытка не могла, конечно, решить вопроса подчинения ханов афганских племен центральной власти.

После смерти Ахмад-шаха в Афганистане продолжался рост крупного феодального землевладения ханов афганских племен и расхищение ими государственных земель. В то же время усилилось сопротивление покоренных народов афганским завоевателям. В итоге влияние центральной власти, особенно в отдаленных провинциях, постепенно слабело. В результате всех этих процессов Афганистан распался на ряд фактически независимых феодальных владений. Большая часть горных афганских племен сохраняла самостоятельность, управлялась по своим обычаям: ханами у одних племен, советами старейшин (джиргами) у других.

Почти весь XIX в. продолжалось собирание афганских земель. Решительную борьбу за преодоление раздробленности повел эмир Абдурахман-хан. Только при нем в конце XIX в. Афганистан сложился как централизованное государство в современных границах. Он безжалостно расправлялся с непокорными племенами.

При Абдурахмане была значительно увеличена регулярная армия, он запретил ханам иметь постоянные вооруженные отряды, возложив на них обязанность лишь в случае войны предоставить ему конных и пеших ополченцев. Однако еще к началу гражданской войны 1928-1929 гг. основную оборонительную силу Афганистана составлял союз племен. К началу восстания боеготовность племенных ополченцев мало чем отличалась от боеготовности афганской регулярной армии, но численность их была неизмеримо большей: если в афганской армии по штату насчитывалось около 23 тысяч человек, а в действительности армия не превышала 10 тысяч, то по британским оценкам племена могли выставить 100 тысяч человек. Отсюда ясно, что Абдурахман-хану не удалось окончательно подорвать силу знати афганских племен, ханы которых были носителями феодального сепаратизма. Он должен был считаться с их интересами, что ограничивало значение его централизаторских мероприятий. Хань, хотя и ограниченные системой налогов, оставались лидерами своих племенных образований. На местах власть по-прежнему оставалась в руках местного хана. Даже при формировании армии новобранцы записывались в особые, различающиеся по племенному при-

446

знаку роты, причем командование этими ротами было возложено на вождей соответствующих племен. Подобное положение дел было вызвано в том числе и тем, что в основе своей национальное сознание Абдурахман-хана не столько даже оставалось пуштунским, сколько определялось принадлежностью к дурранийской группе пуштунских племен и, более конкретно, к трехсоттысячному баракзайскому клану, из которого он был родом. Этим объясняется то, что именно баракзаи, став ядром регулярной армии эмира, сохраняли право на свой племенной суд, значительные налоговые льготы. Баракзайские мужчины пользовались ежегодными денежными пособиями, а женщины, выходя замуж, получали от эмира в приданое 100 рупий.

Для содержания пограничной охраны в виде прямого подкупа племенам выделялись значительные денежные суммы, что одновременно способствовало консервации их военной и социальной организации.

Попытки Амануллы-хана ограничить самостоятельность племен (у ханов отобрано право сбора налогов, сокращены им субсидии и урезаны их привилегии) не могли не вызвать сопротивление племен, что явилось одной из основных причин кризиса 1928-1929 гг. Причем особую роль сыграло население Хоста, которое состоит из племен юсуфзаев, мангал и джадран, всегда поставлявших цвет племенного ополчения в афганскую армию, но вместе с тем необычайно ревниво отстаивавших свою независимость от центральной власти. В 1913 г. в ответ на попытку произвести насильственный рекрутский набор племена Хоста подняли восстание и сумели настоять на выполнении всех своих требований. Снятие налоговых льгот вызвало восстание в Хосте в 1924 г.

После потрясений гражданской войны 1928-1929 гг. восстановление в стране власти афганцев в

лице Надир-шаха было обеспечено поддержкой племен. Он обещал афганцам вернуть положение господствующей и привилегированной народности. Были восстановлены субсидии вождям афганских племен, они снова были наделены привилегиями. Как гражданская бюрократия, так и высший командный состав армии рекрутировались почти исключительно из представителей знатнейших афганских родов. Набор в войска был произведен по племенному принципу. Часть афганских племен была освобождена от

упла-

447

ты налогов, некоторые племена получили правительственную субсидию. Для особо отличившихся вождей племен устанавливалась пожизненная пенсия. О силе вооруженных формирований племен говорит, например, тот факт, что еще в 40-50-х годах XX в. население Кунара дважды громило правительственные войска, когда те приходили выполнять распоряжения Кабула.

Подобное развитие событий свидетельствует о том, что интеграционистская политика, проводимая в отношении «зоны племен» с конца XIX в., не могла не иметь своих особенностей по сравнению с другими регионами страны. Более медленные темпы интеграции были обусловлены, в частности:

1) естественными географическими факторами и особенно сильным вооруженным сопротивлением племен, вызванным более длительным, чем у других народов Афганистана, сохранением у горных приграничных пуштунов элементов военно-племенной организации;

2) намеренной консервацией кабульскими режимами этих элементов с целью превращения «зоны племен» в заслон на пути колониальной Англии;

3) пуштунской этнической общностью правящей династии в Кабуле и ханской верхушки племен, которая облегчала многочисленные компромиссы между ними и дала этим ханам возможность, в конечном счете, влиться в буржуазно-помещичий блок дореволюционного Афганистана;

4) учетом возможности ухода части населения за «линию Дюранда» в случае недовольства политикой Кабула, что нередко вынуждало власти идти на уступки племенам.

В результате длительного противостояния центральной власти и верхушки племен сложился своего рода баланс сил. Однако в 50 - 70-е годы XX века произошло дальнейшее укрепление центра. В это время власти достигли значительных результатов в решении проблемы интеграции племен. Позиции Кабула по отношению к пуштунской родоплеменной знати существенно окрепли с конца 50-х годов, когда масштабная финансовая помощь из-за рубежа позволила укрепить регулярную армию. Военная помощь афганской армии и военно-воздушным силам впервые создала ситуацию, при которой племена перестали представлять реальную опасность для центрального правительства. Укрепление вооруженных сил, со-

448

проводимое важными экономическими мероприятиями, позволило постепенно вытеснять военные формирования племен. Тем более, что экономическая помощь, осуществляемая через афганскую бюрократию, усилила контроль правительства над экономикой. В результате некогда противостоявшие государственной власти племенные союзы были раздроблены, а их военные формирования заменены регулярной армией, чем объясняется прекращение после второй мировой войны восстаний племен.

Все это позволило распространить на районы племен общегосударственные административно-судебные, налоговые (включая расширение круга лиц, подлежащих прямому налогообложению), воинские и другие установления, включив тем самым эти районы в единую для всего государства систему административно-территориального управления. Значительно укреплен госаппарат. Последовательно проводилась линия на назначение на руководящие посты в местных органах власти не ханов племен, а подчиненных центру чиновников (губернаторов, окружных, уездных, волостных начальников), которые наряду с утверждавшимися ими старостами деревень постепенно заняли командные высоты в районах расселения племен.

С другой стороны, с целью уменьшения влияния ханов власти привлекали лидеров племен и их родственников на государственную и военную службу, предоставляли им места в парламенте, держали некоторых из них заложниками в столице, наделяли земельными угодьями вне пределов «зоны племен», направляли молодежь на учебу. В результате ранее могущественные ханы племен вошли в состав и растворились в буржуазно-помещичьей и бюрократической верхушке, перестав существовать как особый элемент социальной структуры. Использовались и такие методы, как противопоставление одних племен другим, игра на многочисленных противоречиях и т. д.

Были ликвидированы налоговый и судебно-правовой иммунитет на территориях племен, а также урезаны их привилегии. Многие традиционные институты, в том числе джирги, стали придатками государственного аппарата и никакой самостоятельной власти на местах уже не имели.

Ослаблению независимости племен способствовала также постройка шоссейных дорог по всей стране. Расширилось до-

449

рожное строительство и в «зоне племен». Предприняты были меры по ограничению ношения оружия, содействию переходу кочевников на оседлость, укреплению внутриторговых связей. В районах племен увеличилось число начальных общеобразовательных школ. Активизировал деятельность правительственный Департамент по делам племен, отделы которого функционировали в составе местных органов власти большинства провинций, в первую очередь на юге страны.

В результате всех этих процессов роль восточных приграничных племен значительно ослабла.

Однако государство так и не смогло достичь полной концентрации всей власти на территории

«зоны племен». Каждое пуштунское племя, каждый клан продолжали занимать свою строго определенную территорию с пашнями, пастбищами, источниками воды и укрепленными замками (кала), служившими резиденцией глав племен и их подразделений (ханов и маликов). Губернатором провинции, территорию которой населяли те или иные племена, обычно назначался знатный сардар-дуррани.

Значительная часть горных пуштунов в приграничных провинциях Кунар, Нангархар, Пактия и Заболъ продолжала находиться под сильным влиянием местных авторитетов (маликов, старейшин, мулл), некоторые из приграничных племен (хугиани, шинвари, мангал, джадран, джаджи, ахмадзаи, тани и др.) сохраняли полувоенные отряды для защиты своих традиционных территорий, пастбищ, лесных участков и горных проходов, имели значительную степень автономного управления на уровне деревень и даже волостей. Даже в наши дни существуют административно-территориальные единицы, население которых состоит из клана того или иного племени. В провинции Пактия, например, в середине 80-х годов границы 16 из 23 административно-территориальных единиц совпадали с территориями расселения пуштунских племен или их кланов: уезд Джаджи (основное население - джаджи), уезд Тани (основное население - тани), уезды Важе-Джадран и Спера (основное население - джадран), уезд Муса-хель (основное население - клан муса-хель племени мангал), уезд Джани-хель (основное население - клан джани-хель племени мангал) и др. В провинции Нангархар уезд Махмандара и волость Лальпур заселены момандами, уезд Назиан - шинвари и т. д. После па-

450

дения режима талибов на карте страны появились новые уезды и даже провинции, совпадавшие в районе расселения тех или иных этнических групп. В частности, округ Хост был преобразован в провинцию, а в начале 2005 г. была создана провинция Панджшер.

Неполной была и экономическая интеграция «зоны племен» в общеафганские рыночные связи: хотя практически все ее районы были в той или иной степени охвачены процессами общественного разделения труда и специализации в рамках Афганистана, население провинций, непосредственно примыкающих к «линии Дюранда», в своем экономическом развитии больше ориентировалось на пакистанские рынки. В связи с этим в сознании части оседлых жителей этих пограничных районов, а также кочевников - *убури* (т. е. транспограничных), не утвердилось прочное представление об их принадлежности к Афганистану, существовали представления о межгосударственном положении их племенных территорий. Нередко в ответ на притеснения властей местные жители покидали свои деревни и уходили в районы пограничных племен, за «линию Дюранда». Транспограничная солидарность пуштунов, сложившаяся в древний обычай под влиянием близкого соседства, экономических связей и этнической общности, закреплена в неписаном «кодексе чести». Эта солидарность часто проявлялась в ходе борьбы афганских и зарубежных пуштунов против центральной власти, угнетателей и колонизаторов в форме взаимного укрыательства преследуемых властями беглецов, обеспечения их кровом и продовольствием, а также военной поддержки.

Учитывая эти характеристики «зоны племен», афганские режимы проявляли крайнюю осмотрительность в выборе средств воздействия на племена при возникновении конфликтных ситуаций. Предпочтительной всегда считалась тактика компромиссов (а не использование силы), противопоставление племен и их частей друг другу, посреднические услуги для решения спорных проблем с привлечением авторитетов из числа маликов и духовных лидеров, членов правительства и даже главы государства. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, фактор силы всегда находился на одном из самых высоких мест в шкале традиционных ценностей приграничных пуштунов, и поэтому правительство Афганистана только тогда

451

пользовалось их уважением, когда имело за собой прочные военные тылы.

Таким образом, можно говорить о том, что к 70-м годам XX в. племена продолжали представлять собой определенную силу. Вместе с тем они стремительно теряли свой особый статус, а верхушка племен - привилегии, что не могло не вызывать сопротивления вождей. В результате подобной политики, нарушившей соотношение сил центра и племен в пользу первого, возник еще один, хотя и не основной, очаг противоречий в и без того крайне нестабильной и взрывоопасной обстановке. Заметим, что в итоге разразилась гражданская война, разрушившая государство и возродившая военную организацию племен и их фактическую самостоятельность. Таким образом, все вернулось чуть ли не к тому, с чего начиналось Афганское государство. Вместе с тем, в попытках укрепиться оно пережило за последние 100 лет почти все формы политического режима - абсолютистскую монархию Абдурахман-хана, конституционную монархию Амануллы-хана, парламентскую монархию Захир-шаха, республику советского типа при НДПА, исламский режим моджахедов и теократию талибов. В настоящий момент оно вновь стоит на пороге перемен. Современное афганское государство переживает период становления президентской республики, основанной на принципах демократии. Однако вряд ли и на этот раз удастся обойтись без племенных институтов. По крайней мере, слабость нынешнего правительства во многом вызвана тем, что большинство его членов, кроме Исмаил-хана и еще нескольких человек, долгое время прожили за границей и не имеют опоры в традиционном афганском обществе.

Заключение

Исследование особенностей Афганского государства на протяжении почти двух с половиной веков позволяет прийти к выводу о сохранении им целого ряда особенностей союза племен. Можно выделить:

1. Черты Афганского государства, вызванные распространением на общество и государство свойств племен. • Устойчивые местные сообщества каумы, формируясь на основе родственных отношений и связей

«патрон-клиент», оказались распространены на все об-

452

щество и всю политсистему, составив базовую единицу афганского социума. Эти сообщества и приверженность лидеру определяют позицию любого человека, независимо от его принадлежности к каким-либо партиям и занимаемого положения.

- Подобно тому, как в племени хан распределяет и перераспределяет богатство, так и руководство страны выступало распределителем ресурсов.

- В племени пуштун занимает привилегированное положение по отношению к непуштунам. А в стране привилегированным статусом стали обладать уже целые племена по отношению ко всем остальным этносам.

- Поскольку достойными видами деятельности пуштуны считали все, что связано с оружием, то военное дело стало их привилегией. Они занимали руководящее положение в армии, которая формировалась по племенному принципу.

2. Особенности Афганского государства, обусловленные положением племен.

- Подобно тому, как племенем управляет хан, так и Афганское государство было создано ханами, закрепившими за собой важнейшие посты, и управлялось одним из них. До 1978 г. власть принадлежала ханам дуррани, потом перешла к гильзаям, а во второй половине 90-х годов XX в. оказалась у представителей южных племен- талибов. Государство взяло себе племенной этноним и стало орудием трайбализма. Были использованы племенные институты (например, джирги), племена имели налоговые послабления.

- Во многом благодаря большому значению военной организации племена смогли остаться более или менее независимыми не только в Афганистане, но и в Пакистане. Племена в значительной степени обладали (и продолжают обладать) автономией и самоуправлением, что проявляется в сохранении высокой значимости кодекса традиционных правовых установлений паштунвала. На протяжении всей истории Афганистана племена сохраняли контроль над своей территорией и, располагая вооруженными формиро-

453

ваниями, фактически составляли политический противовес Кабулу, что позволяет говорить о дуализме власти- центрального правительства и племен. Образовался уникальный симбиоз государства и племен. (О силе племен говорит и то, что на территории современного Пакистана британцы в конце XIX в. создали существующую и поныне особую зону, где пуштунские племена сохраняли самоуправление. Здесь не действуют пакистанские законы, жизнь регулируется традиционными правилами и представлениями. Горцы не платят налогов в казну, но должны платить пошлину за ввоз товаров или продуктов на свою территорию). • Как и в племенном объединении, ханы сохраняли в Афганистане (и в Пакистане) всю полноту власти над районами расселения племен. Власть государства на племена фактически не распространялась.

Литература

Босин Ю. В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М., 2002.

Ганковский Ю. В. Империя Дуррани. М., 1958.

История Афганистана. Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1982. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 2. М., 1966.

Пластун В. Пуштуны и их роль в политической жизни // Азия и Африка сегодня. М., 1995, № 10.

Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.

Рейснер И. М. Вступительная статья // М. Г. М. Губар Ахмад-шах- основатель Афганского государства. М., 1959.

Рейснер И. М. Независимый Афганистан. М., 1929.

Akbar S. Ahmed. Pukhtun Economy and Society. Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society. L, 1980.

Dupree L. Afghanistan. Princeton, 1980.

Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul and Its 12.

Dependencies in Persia, Tartary and India. L, 1815.

Roy O. Islam and Resistance in Afghanistan. Cambridge, 1986.

454

С. И. ЛУНЕВ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Становление государственности в республиках региона

Распад Советского Союза впервые в истории привел к образованию национальных государств на территории Центральной Азии. Становление государственности до сих пор не завершилось в регионе в реальном политико-правовом смысле. В результате произвольно проведенных в советское время границ между республиками естественные границы расселения народов были рассечены административными, обретшими в 1991 г. статус государственных.

Советская форма государственности объединяла этносы, на протяжении длительного исторического периода находившиеся в весьма сложных отношениях друг с другом. В результате ее распада исторические противоречия между этносами и бывшими советскими республиками или их субрегионами стали проявляться в открытой форме. Несовпадение этих границ с ареалами расселения крупных этносов нередко

служит причиной межнациональных конфликтов: на юге Казахстана - между казахами и узбеками; в Оше и Узгене - между киргизами и узбеками; в Самарканде, Бухаре, в Ленинабадской области (ныне- Согдийской) Таджикистана- между узбеками и таджиками; в Каракалпакии - между узбеками и каракалпаками; в оазисах Амударьи- между узбеками и туркменами; а также между русскими и казахами в Северном Казахстане. Независимость объединила в государства национальные, религиозные и культурные общности, весьма далекие друг от друга. Потенциально это создает основу для всеобщего регионального конфликта, связанного с возможностью пересмотра существующих границ.

Ни одно из государств Центральной Азии не является этнически однородным. В последние годы существования СССР лишь в Туркмении и Узбекистане доля населения титульной

455

национальности составляла около 70%. В Таджикистане этот показатель составлял около 60%, в Кыргызстане - около 50% и около 40% - в Казахстане. Эмиграция русскоязычного населения, правда, повысила эти доли.

Именно из Центральной Азии исходит основное направление миграции в Россию. Среди всех вынужденных мигрантов в РФ (включая выехавших из российских территорий) на долю выходцев из этого региона приходилось 40-45% в 1992-1993 гг. и более 70% в 1994-1997 гг. Уже к 1997 г. в Центральной Азии проживали только 9 млн. русскоязычных (в 1990 г. в регионе насчитывалось 9,7 млн. лишь русских). На рубеже веков поток миграции ослаб, хотя и продолжается. Постепенный (но довольно быстрый) процесс уменьшения русских диаспор в Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане представляется необратимым. Русская диаспора составляет всего 1,1% населения Таджикистана (согласно переписи 2000 г.), 4% - Узбекистана и 3% Туркменистана (по оценкам на 2005 г.). Русские просто и не имеют никаких перспектив в условиях явной дискриминации (в бытовом плане более глубокой, чем в Прибалтике).

Увеличивается значение узбекского населения, уже весьма заметного во всех государствах. Особенно это видно на примере той же Ферганской долины, где около 1 млн. человек узбеков проживает в Согдийской области Таджикистана и 500 тыс. - в Ошской области Кыргызстана (а всего доля узбеков составляет около четверти населения обеих стран). Наименьшее число узбеков проживает в Казахстане, но и там растет их численность в южных районах. Что касается самого Узбекистана, то там уже проживает около 45% населения всего региона.

Внутри Советского Союза Средняя Азия рассматривалась как единый экономический регион. Ему отводилось особое место в межрегиональном разделении труда с упором на поставки сырья; многие жизненно важные ресурсы и продукты направлялись в район из России, что предопределило конфигурацию современных транспортных путей; в экономических связях не учитывались административные границы, ставшие ныне государственными. Таким образом, экономическое пространство региона было единым, что вступает в противоречие с современным статусом независимых государств.

456

Даже в советский период внутренняя экономическая дифференциация Центральной Азии была весьма велика. Безусловным экономическим лидером к моменту распада СССР являлся Казахстан, дававший в 1991 году почти половину валового внутреннего продукта (ВВП) региона. Узбекистан производил около трети регионального ВВП, а остальное приходилось, почти равными долями, на оставшиеся три республики. В 1991 г. Центральная Азия занимала по доходу на душу населения одно из первых мест в Азии (не считая Восточную Азию). Она была сопоставима с Турцией и Ираном, существенно опережая Китай и очень существенно - Индию и Пакистан. Даже с учетом наступившего после 1991 года экономического спада в большинстве государств Центральной Азии, соотношение ВВП/население в этом регионе является более благоприятным, чем у большинства соседей (не говоря уже о социальной инфраструктуре). Страны Центральной Азии располагаются в порядке убывания ВНП на душу населения в такой последовательности: Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан (официальные статистические цифры по Центральной Азии по периоду 1992-2006 гг. вызывают определенные сомнения; очень большой разрыв существует и в оценках экспертов, некоторые из которых гораздо выше оценивают душевой доход в Туркменистане и Узбекистане).

Масштабы экономики Центральной Азии невелики. На Центральную Азию приходилось даже в 1991 г. 0,4% мирового ВВП- при почти 1% мирового населения. Центральная Азия как новый претендент на самостоятельную роль в мировом хозяйстве находится далеко не в худшем положении. Лидер по полноте набора ресурсов и объемам добычи полезных ископаемых - Казахстан. Его минерально-сырьевая база включает самый широкий в регионе набор полезных ископаемых (топливных, рудных, неметаллических), и уровни добычи по большинству видов достаточно велики уже сейчас. Богата и минеральная база экономики других стран Центральной Азии: в Узбекистане есть газ и золото, в Туркмении газ, в Кыргызстане и Таджикистане - золото и уран. Возможности экономического восстановления республик связаны почти исключительно с добычей и транспортировкой сырья.

В первой половине 90-х годов произошло резкое падение ВВП центральноазиатских республик (от 15-20% в Узбекиста-

457

не до 50-70% в Кыргызстане). В Таджикистане вообще произошел обвално-катастрофический спад: ущерб от гражданской войны оценивался в миллиарды долларов. Наблюдалось снижение как промышленного производства (в Казахстане в 1995 г. оно составляло половину от уровня 1990 г., в Кыргызстане - одну треть, а в Узбекистане - три четверти), так и сельскохозяйственного (в Казахстане и

Кыргызстане - почти наполовину). Произошло существенное падение реальных доходов населения (так, большинство экспертов оценивало сокращение за пять лет душевого дохода в Казахстане в два-три раза). Во второй половине десятилетия центральноазиатским странам удалось остановить падение. Во всех республиках стал наблюдаться прирост ВВП, особенно заметный в начале XXI века, но пока на уровень 1990 г. по масштабам ВВП вышел только Казахстан. Для остальных республик ежегодный рост экономики в период с 1990 г. по 2003 г. был отрицательным: для Таджикистана - минус 6,5%, для Кыргызстана - минус 2,4%, для Туркменистана - минус 1,3%, для Узбекистана - минус 0,5%.

Центральная Азия была фактически «вытолкнута» из Советского Союза. В 1991 г. за сохранение СССР на референдуме проголосовало подавляющее большинство населения Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана (только в Туркмении цифра была не так высока - 80% населения). Провозглашение независимости центральноазиатскими странами в конце 1991 г. было отчасти вынужденным. Получение суверенитета потребовало от правящих элит проведения ряда мер по закреплению и легитимизации собственного положения, поддержанию жизнеспособности экономики и социальной системы, замене коммунистической идеологии национальной, определению своего места в мировом сообществе и международном разделении труда и т. п.

В основе расформирования Советского Союза лежало представление, что, отделившись от других республик, Россия сможет избавиться от непосильного финансового бремени. Предполагалось, что к тому же она сможет избежать демографического давления; использовать в своих интересах весь производственный и научно-технический потенциал и на этой основе ускорить темпы экономического роста; избежать традиционалистских влияний на общественно-политические процессы в обществе и ускорить переход к «открытой» политической

458

системе и правовому государству. Этими постулатами руководствовалась и внешняя политика России в первой половине 1990-х годов. Практические действия РФ (подписание Беловежских соглашений за спиной центральноазиатских стран, начало радикальных экономических реформ без какого-либо согласования с ними, ориентация внешней политики исключительно на Запад, создание отдельных вооруженных сил и т. п.) наглядно показали, что новые руководители страны считали Центральную Азию бесперспективной. Российская внешняя политика почти демонстративно игнорировала государства региона. Многие в российской элите не разделяли подобные воззрения, но именно «атлантисты» определяли внешнюю политику России на том этапе.

Особенности внешнеполитического поведения РФ на первом этапе привели к тому, что осуществление правящими элитами региона всех вышеупомянутых мер мыслилось на основе «отъединения» от России. Отсюда - введение национальных языков, ограничение кооперационных связей с РФ, прямой выход со своей продукцией на мировой рынок, вступление в различные международные организации и т. п. Одним из последствий отъединения стал глубокий экономический и социальный кризис, охвативший все страны Центральной Азии.

В регионе нередко бытовали неверные представления о механизме воспроизводства в советской экономике, положении на мировом рынке, роли русского и русскоязычного населения в соответствующих республиках, последствиях роста национализма и возрождения ислама. В интеллектуальных кругах Средней Азии издавна существовало представление об ограблении центром союзных республик, в том числе из-за системы цен, существовавших в Советском Союзе. Реальная же картина, если считать в мировых ценах, была обратной. В 1991 г. дотации из общесоюзного бюджета составляли 44% бюджета Таджикистана, 42% - Узбекистана, 34% - Кыргызстане, 23% - Казахстана, 22% - Туркмении. Некоторые считают даже эти цифры заниженными. По словам президента Кыргызстана А. Акаева, все 70-80-е годы республика получала прямые ежегодные субсидии на уровне 10% ВВП, а в 1991 г. - 13%. А общие субсидии (включая косвенные) он оценивает в размере 30% ВВП. Прямые централизованные дотации Узбекистану к началу 90-х годов составляли 20% ВВП республики,

459

не считая отмеченного скрытого субсидирования. Именно резкое сокращение прямых и косвенных дотаций со стороны России привело к падению инвестиций и сокращению ассигнований на социальную сферу в регионе.

Недооценивался тот факт, что за годы советской власти возникла тесная взаимозависимость всех республик. К моменту распада СССР на долю других советских республик приходилось 81% товарооборота Туркмении, 89% - Казахстана, 90% - Узбекистана, 99% - Киргизии. Сокращение этих связей вызвало падение производства в Центральной Азии.

Не оправдались надежды на широкую международную помощь и активный приток иностранного капитала. Хотя Запад экономически поддержал образование суверенных государств Центральной Азии, это содействие было относительно невелико. Что же касается притока иностранного капитала, то его сдерживали политическая нестабильность, неясность перспектив развития этих стран, их географическое положение, слабость рыночной инфраструктуры и т. п.

За последнее время республики Центральной Азии стали сильно различаться по самым разнообразным параметрам, включая политические, социально-экономические и культурно-цивилизационные. Отличаются и динамика, и вектора развития. В этих условиях нерешенность массы вопросов (этнические, пограничные, водные, транспортные и т. д.), связанных с советским наследием и чрезмерно быстрым распадом СССР, неизбежно провоцирует конфликты.

Внутриполитическое развитие региона

Демократические институты власти не получили особого развития в Центральной Азии. Практически во всех странах существуют авторитарные (в большей или меньшей степени) режимы. В рамках существования консервативных патерналистских режимов нет реального общественного контроля над осуществлением политического курса. Участие населения в политической жизни можно назвать «иллюзорным»: в условиях внешней псевдодемократической риторики и наличия определенных демократических институтов население формально участвует в политическом процессе, но не оказывает на него никакого воздействия. Законодательные органы, как правило,

460

также не в состоянии контролировать и координировать политическую линию.

Автохтонное население в городах в основном является гуманитарной интеллигенцией, неквалифицированными рабочими, представителями сферы услуг и торговли. Часть гуманитарной интеллигенции (в первую очередь, за счет традиционных клановых связей) оказалась инкорпорированной в национальную элиту, часть вошла в оппозиционные национальные движения (и соответственно подвергается репрессиям), а большинство не оказывает существенного воздействия на политический курс своих стран.

Центральноазиатские власти в целом настороженно относятся к местному студенчеству, учитывая, что происходит резкое падение уровня жизни молодежи и «волнообразный» рост безработицы. Так, после студенческих волнений в Ташкенте в начале 1992 г. из столицы были депортированы иногородние студенты (в областных центрах были специально открыты новые вузы). Власти пристально наблюдают и за настроениями мелких лавочников и торговцев, понимая, что они - потенциальный резерв фундаментализма (как это было в Иране в 1979 г.).

Еще большие опасения элит вызывают позиции сельских жителей (чья численность, за исключением Казахстана, увеличилась за годы независимости в связи с процессами деурбанизации). Наиболее плодородные земли Центральной Азии, естественно, - самые густонаселенные: в Ферганской долине средняя плотность населения в целом составила 100 человек на 1 кв. км, а в ее «узбекской» части - 300 человек. Совершенно отчетливо просматривается аграрная перенаселенность, когда в наиболее плодородных районах на 1 человека приходится всего 0,25 акров земли, а численность населения существенно опережает рост сельскохозяйственного производства. При этом следует учитывать и катастрофическое положение с водоснабжением. Парадоксально, но факт: смягчающим фактором является монокультура хлопка в этих районах (так, около 3/4 сельскохозяйственных площадей Андижанской области занято этой культурой). Много критических (и справедливых) стрел было выпущено в адрес царских властей, стремившихся к распространению хлопчатника в Ферганской долине, а также советских властей, уже навязывавших монокультурную ориен-

461

тацию сельского хозяйства. Но в настоящий момент для местных властей это - просто панацея: возделывание хлопчатника требует затрат труда на порядок выше, чем фруктовых, овощных и зерновых культур. Попытка Узбекистана сократить площади под хлопчатником сразу вызвала резкий рост безработицы, в результате чего власти республики осознали, что переориентация сельского хозяйства приведет лишь к колоссальному усилению социальной напряженности.

В той же Ферганской долине уже возникает классический пример социальной напряженности в условиях перенаселенности (любые попытки какого-либо правительства проводить политику планирования семьи вызовут лишь резкое недовольство населения) и земельного голода. В результате власти, опасаясь социального взрыва, пытаются ограничивать политическую активность сельского населения (в Узбекистане, например, не была зарегистрирована Свободная Дехканская Партия).

Частное предпринимательство довольно слабо развито в Центральной Азии, за исключением сельского хозяйства. Около четверти всех земельных угодий в Казахстане и Кыргызстане принадлежит фермерам. Правда, количество фермеров значительно меньше в других республиках. В городе частное предпринимательство, как правило, является мелким и сконцентрировано в сфере услуг. Практически во всех республиках частный бизнес может успешно работать лишь при наличии теснейших связей с государственными органами и вхождении в элиту на клановых принципах. Крупный и средний капитал представлен в основном государственными или иностранными компаниями. Правда, в последнее время сформировалась активная бизнес-элита в Казахстане, которая стала требовать предоставления ей права существенно воздействовать на политическое развитие страны.

Таким образом, в реальной практике фактически лишь позиции самой элиты определяли политический курс. «Конструкция» элиты Центральной Азии отличается большим своеобразием. Она имеет «пирамидальную» форму; ее доля в населении выше, чем в «европейских» республиках бывшего СССР; она намного более диверсифицирована, с одной стороны, и опирается на патриархально-клановую систему (в Узбекистане - в меньшей степени), с другой. В результате в Цен-

462

тральной Азии элита представляет единое целое - от руководства страны до мелкого начальника на местах, и смена ее подразумевает полное изменение состава руководящих работников на всех уровнях.

Оппозиция оказалась довольно слабой. К тому же она расколота на демократическое и исламистское крылья. Если в Таджикистане (с оговорками) и Кыргызстане старые элиты во многом оказались отстраненными от власти (в ряде областей они ее сохранили и сейчас пытаются добиться

общегосударственного реванша), то в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане они ее сохранили. Но для легитимизации своего положения и привлечения поддержки снизу коммунистическая элита была вынуждена оперировать националистическими идеями и принципами.

Средства массовой информации региона часто работают в условиях жесткой цензуры. В Узбекистане, например, долгое время не было зарегистрировано ни одной газеты, учредителем которой являлся бы журналистский коллектив или физическое лицо: только властные структуры получили такое право. В последнее время, правда, здесь появилось несколько формально свободных изданий, ряд из которых - частные. Еще более сложным является положение туркменской прессы. По мнению оппозиции, в Кыргызстане (с конца 90-х годов) и Казахстане по политическим причинам проходят судебные преследования газет. В Казахстане также существует тенденция очевидной подчиненности прессы чиновникам различных уровней. В начале века позитивные перемены произошли в Таджикистане, где существенно возросло количество независимых СМИ. Здесь появились также частные теле- и радиостанции.

Во многих странах Центральной Азии запрещено распространение основных российских газет, регулярно отключается российское телевидение.

Политическая власть и политическое лидерство

Ограничений на деятельность -оппозиционных партий долгое время не было только в Кыргызстане, где действуют десятки партий. При этом на парламентских выборах 2000 г. подавляющее большинство мест получили независимые кан-

463

дидаты (73), а относительного успеха добились лишь Союз демократических сил (12 мест) и Коммунистическая партия (6).

Ход проведения парламентских выборов 2005 г. и их результаты вызвали в стране волну протеста, закончившуюся «тюльпановой революцией» и смещением Аскара Акаева с поста президента. Итоги выборов были отменены Верховным судом Киргизии, а новые были проведены в два тура в начале 2006 г. Победу одержали проправительственные кандидаты, а оппозиция заявила, что результаты голосования были сфальсифицированы. Наблюдатели от ОБСЕ также указали на многочисленные нарушения, манипуляции со списками избирателей и неполное соответствие выборов международным демократическим стандартам.

Еще в начале 1990-х годов в Узбекистане было отказано в регистрации партии «Бирлик» («Единство») и Демократической партии «Эрк», представлявших реальную оппозицию. При этом президентские структуры не мешали, а даже поддерживали создание квазипартий, имитируя наличие партийной оппозиции. Согласно закону о политических партиях, принятому в декабре 1996 г., в Узбекистане разрешена деятельность только Национальной Демократической партии (президент Ислам Каримов вышел из ее состава в 1996 г., чтобы подчеркнуть свой надпартийный статус), «Прогресса Отечества», Социал-демократической партии «Справедливость» и «Национального возрождения». Все организации полностью поддерживают президента страны. В 1998 г. была зарегистрирована новая организация - «Самоотверженные», чья платформа мало отличалась от НДПУ. В ходе опроса жителей Ташкента в 1999 г. выяснилось, что 60% респондентов не смогли назвать хотя бы три партии республики. На парламентских выборах 1999 г. НДПУ из 250 мест получила 48, «Самоотверженные» - 34, «Прогресс Отечества» - 20, «Справедливость» - 11, «Национальное возрождение» - 10. В 2003 г. Ислам Каримов выступил с критикой существовавших партий, обвинив их в аморфности и безликости. Осенью этого года появилась новая организация - Либерально-демократическая партия Узбекистана, которая объявила, что привлечет к участию в политической жизни «передовых» предпринимателей. В партию насильно стали записывать сотрудников государственных учреждений. Новый фаворит выиграл парламентские

464

выборы, проведенные в декабре 2004 г. - январе 2005 г., и получил 41 из уже только 120 мест. Прежнему лидеру, Национальной Демократической партии Узбекистана, досталось 32 места, «Самоотверженным», которые объединились с «Прогрессом Отечества» - 17, «Демократическому национальному возрождению» - 11, а «Справедливости» - 9. Остальными парламентариями стали представители общественных организаций и местных органов управления.

Перед парламентскими выборами 1999 г. в Казахстане, помимо партии Нурсултуна Назарбаева «Отчизна», были зарегистрированы три оппозиционных организации: Республиканская народная партия (возглавляемая бывшим премьер-министром Акежаном Кажегельдиным, считавшимся наиболее опасным конкурентом президента), «Прогресс» и «За честные выборы», а также Коммунистическая партия. По мнению западных наблюдателей, власти всячески препятствовали деятельности оппозиционных организаций и преследовали активистов. По новому закону о партийной деятельности (принят в июле 2002 г.), было зарегистрировано семь партий. Основные оппозиционные партии в этот список не вошли. В 2003 г. в ежегодном послании народу Н. Назарбаев объявил о своем стремлении к либерализации системы государственной власти. Отмечалась необходимость укрепить позиции политических партий и неправительственных организаций (в этих целях предполагается принять новые законы); разработать новый закон о СМИ, ограничивающий вмешательство государственных органов в их деятельность; демократизировать избирательную систему и ввести практику выборов органов местного самоуправления.

На парламентских выборах 2004 г. в Казахстане были зарегистрированы уже 12 партий. Из 77 мест большинство досталось «Отчизне» (42 места). Аграрная партия Казахстана - Гражданская партия Казахстана (блок АИСТ) получила 11 мест, Республиканская политическая партия Асар («Всем миром»), возглавляемая

старшей дочерью Н. Назарбаева Даригой- 4, Демократическая партия «Ак Жол» («Светлый путь»)- 1, Демократическая партия Казахстана - 1 (партия отказалась от этого места, заявив о фальсификации выборов), независимые кандидаты (в большинстве связанные с государственными организациями) - 18.

465

Единственная официальная партия Туркменистана- Демократическая партия во главе с Сапармуратом Ниязовым. Оппозиционные партии запрещены и действуют за границей. Туркменские спецслужбы арестовывают политических оппозиционеров даже в Москве.

Последние выборы в туркменский парламент (меджлис) в декабре 2004 г. стали первыми выборами, проведенными без международных наблюдателей. Все 50 победителей, принадлежавших к Демократической партии, заранее получили поддержку президента Ниязова. По закону, принятому в конце 2003 г., права парламента стали еще более урезанными. Высшим законодательным органом стал однопалатный Народный совет («Халк Маслахаты»), состоящий из 2500 делегатов (избирается лишь часть представителей), который получил право распускать меджлис. Парламент потерял возможность вносить любые изменения в Конституцию страны, объявлять о проведении референдумов или новых выборов.

В Таджикистане основной партией является Народно-демократическая партия (президент Эмомали Рахмонов вошел в нее в марте 1998 г., а в апреле был избран ее председателем), созданная по образцу КПСС. На парламентских выборах она получила 65% мест. Второе место заняла Коммунистическая партия Таджикистана (20% мест), третья, с 7,5% мест - «Партия Исламского Возрождения Таджикистана» (ранее — Движение исламского возрождения). Эта партия, как и Партия политического и экономического обновления, Демократическая партия, «Лали Бадахшон», «Растохез», входила ранее в Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО).

В феврале-марте 2005 г. состоялись последние выборы в нижнюю палату парламента. Народно-демократическая партия Таджикистана (НДПТ) получила 74,9% голосов избирателей и завоевала 51 место (из 63). Вновь второе место заняла Коммунистическая партия Таджикистана (КПТ) (5 мест и 13,6% голосов), а третья - Партия Исламского возрождения (2 места и 8,9% голосов). Таджикская оппозиция и представители международных организаций заявили о многочисленных грубых нарушениях в ходе выборов. В верхней палате (депутаты разных уровней избирают 25 членов, 8 человек назначает президент, 1 место отведено бывшему президенту) 29 депутатов состоят в НДПТ, а 2 - в КПТ (3 парламентария являются незави-

466

симыми). Официально действуют также Аграрная, Социал-демократическая и Социалистическая партии, Партия экономических реформ. Несколько политических организаций, таких как Партия народного единства, Партия справедливости, Прогрессивная партия, не были зарегистрированы.

Следует отметить, что не во всех центральноазиатских республиках соблюдается независимость судебной ветви власти. В Туркмении и Таджикистане судьи Верховного суда назначаются президентом. В Узбекистане существует то же правило, но судей должен утвердить двухпалатный парламент. В Киргизии судьи Верховного суда назначаются парламентом по рекомендации президента.

Возникновение практически во всех республиках региона сильной президентской власти обусловлено как экономическими факторами (необходимостью радикальной реорганизации промышленности, преодоления разрыва между традиционным и современным секторами в агросфере и т. д.), так и потребностями национальной элиты в консолидации, проведении приватизации и закреплении тем самым своего влияния в условиях новой модели общественного развития. Необходимо учитывать длительное и устойчивое существование в регионе «коллективистского» вектора развития, как и везде на традиционном Востоке (в отличие от Запада с его ориентацией на индивидуализм).

Биографии президентов стран Центральной Азии достаточно схожи. Нурсултан Назарбаев, бывший член Политбюро ЦК КПСС, стал президентом Казахстана в 1990 г. (избран в 1991 г.), в 1999 г. был переизбран на второй срок на семь лет. Аскар Акаев стал президентом Кыргызстана в 1990 г. и выигрывал выборы в 1991 г., 1995 г. и в 2000 г. (в этом году он получил 74% голосов). Сапармурат Ниязов, бывший член ЦК КПСС, был избран президентом в 1990 г., в 1992 г. переизбран (на безальтернативной основе, получил 99,5% голосов). «По просьбе народа» было принято решение о пожизненном президентстве С. Ниязова. В 2003 г. было обнародовано постановление туркменского парламента «Об избрании пожизненного президента нейтрального Туркменистана великого Сапармурата Туркменбаши пожизненным председателем Халк Маслахаты (Народного совета)». Таким образом, если С. Ниязов, под давлением международной общественности, будет вынужден

467

покинуть свой нынешний пост, то ему легко будет изменить политическую систему и ввести некое подобие «вестминстерской модели». Можно предположить, что с этим сценарием было связано заявление С. Ниязова, сделанное в 2005 г., о возможности проведения в стране уже в 2009 г. президентских выборов и о необходимости создания многопартийной системы. Ислам Каримов, бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, был избран президентом в 1990 г., переизбран на второй срок в 2000 г. (получил почти 92% голосов). В январе 2002 года в Узбекистане прошел референдум об увеличении срока полномочий президента до 7 лет, и И. Каримов получил возможность пребывать у власти до 2020 г. Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов моложе своих коллег. В 1992 г. он был избран председателем парламента Таджикистана (институт президентства был упразднен). После окончания гражданской войны и возвращения Таджикистана к президентской форме правления Э. Рахмонов был избран президентом (1994

г.). В Таджикистане решения властей по полномочиям президента полностью напоминают ситуацию в Узбекистане. В сентябре 1999 г. был продлен срок президентских полномочий до семи лет, а в июне 2003 г. (как было решено на референдуме по внесению изменений в Конституцию страны) он был вновь сокращен до пяти лет, но теперь Э. Рахмонов получил право оставаться на своем посту еще длительное время (ранее срок пребывания на посту президента был ограничен).

Наиболее откровенно акцентируют авторитаризм своих режимов президенты Узбекистана и Туркменистана. В Узбекистане совершенно открыто ориентируются на модель предоставления населению минимальных политических прав при больших экономических (хотя степень экономической свободы также очень низка). Авторитарные методы управления мешают активно развивать различные отрасли экономики. Однако сбалансированный курс властей пока сдерживает широкомасштабные социальные волнения. Туркменский президент С. Ниязов (Туркменбаши) установил культ собственной личности и отвергает во имя «стабильности» любые претензии на политические свободы. Парламентские выборы осуществлялись здесь на безальтернативной основе.

Режим личной власти и установление восточной деспотии в Туркменистане самым негативным образом сказались

468

как на экономике, так и на положении жителей республики. Резкий рост цен на углеводороды, в условиях почти монопольного положения газа в экономике, позволил добиться неплохих показателей по такому параметру, как ВВП на душу населения. Однако развитие газовой отрасли не привело к устойчивому положению в экономике и социальной сфере. Обращает на себя внимание очень высокий уровень бедности и безработицы в Туркменистане (соответственно 58% и 60%). По данным Программы развития ООН (ПР ООН), которая достаточно доверяет ненадежной национальной статистике, разрыв между 10-процентной самой высокодоходной группой населения и 10-процентной самой низкодоходной группой составляет 12,3. По индексу человеческого развития, исчисляемого ПР ООН, Туркменистан опустился на 97 место в мире. Существенно ухудшилось качество жизни среднего жителя республики. Государственные доходы в Туркменистане на душу населения превышают этот показатель в Узбекистане почти в 6 раз, однако они расходуются практически исключительно на непроизводительное строительство и сомнительные проекты. Катастрофическая ситуация сложилась в культурной сфере. Были закрыты все творческие союзы, Академия наук. Был запрещен ввоз в страну любой иностранной литературы, в том числе газет и журналов. В 2005 г. были закрыты библиотеки, поскольку, по словам президента, туда «все равно никто не ходит». Сносятся здания театров (например, Русского театра). Происходит самое резкое снижение уровня образования на постсоветском пространстве (студенты учатся теперь три года). Можно говорить о деградации, пауперизации и люмпенизации туркменского общества.

Роспуск парламента в Казахстане в марте 1995 г., провозглашение Н. Назарбаева президентом до начала следующего века свидетельствовали, что данная республика также пошла по пути укрепления режима личной власти. Запад остался крайне недоволен «недемократичностью» президентских выборов в 1999 г. (по просьбе парламента они были перенесены с 2000 г.), и его представители даже не прибыли на инаугурацию Н. Назарбаева, который набрал почти 82% голосов. Лидеру оппозиции А. Кажегельдину было отказано в регистрации в качестве кандидата в президенты. Впоследствии против него было возбуждено уголовное дело, и он был заочно приговорен

469

к 10 годам заключения (казахстанские власти пытались добиться его выдачи сначала от России, а потом от США, куда он выехал). Был осужден и приговорен к тюремному заключению и лидер оппозиционного движения «Демократический выбор Казахстана» - Галымжан Жакиянов.

На последних президентских выборах, проведенных в декабре 2005 г., Н. Назарбаев набрал уже 91,1% голосов (единый кандидат от оппозиции Жармахан Туякбай получил лишь 6,6% голосов). Согласно казахстанским законам, президент обладает очень большими полномочиями: только он может стать инициатором конституционных поправок, назначать и смещать правительство, распускать парламент, назначать административных глав регионов и городов. Провозглашенная ранее демократизация страны слегка откладывается, политические реформы, по новому заявлению Н. Назарбаева, растянутся на период до 2011 г.Ц

Попыток переноса выборов или их отмены долгое время не было только в Кыргызстане (А. Акаев не случайно получил прозвище «мечтатель»). Однако с 1999 г. и здесь начались преследования оппозиционеров: бывший вице-президент, председатель оппозиционной партии «Ар-Намыс» («Достоинство») Феликс Кулов и лидер партии «Эркиндик» Т. Тургуналиев были арестованы.

По существу, только в Казахстане и в Кыргызстане важную роль играет законодательная ветвь власти. Так, в 2003 г. потерял свой пост премьер-министр Казахстана Имангали Тасмагамбетов (в котором видели преемника Н. Назарбаева), во многом из-за того, что ему не удалось найти общий язык с парламентом.

Особую роль в системе власти играют клановые интересы. В Узбекистане президент И. Каримов смог добиться паритета ведущих клановых сил (так, полностью отстраненные от власти в советское время представители «рашидовского» клана были возвращены им на важные посты) и проводит регулярную перетасовку кадров из различных регионов республики, что позволяет, с одной стороны, добиваться стабильности общества, а с другой стороны, укреплять позиции самого президента. Следует учитывать также, что в Узбекистане значительно сильнее, чем в других республиках, размыта родоплеменная и

клановая структура.

472

Началось отступление Киргизии от процесса демократизации, а революция 2005 г. не привела пока к новым позитивным переменам. Попытки нового президента К. Бакиева (на выборах, проведенных летом 2005 г., он набрал 88,6% голосов) и премьер-министра Ф. Кулова (в парламенте за его кандидатуру голосовали 55 депутатов, против - 8) добиться стабильности в республике до сих пор не принесли результатов. Регулярно вспыхивают новые волнения, криминал откровенно рвется во власть, существует реальная опасность победы охлократии. На место «лидера демократизации» в Центральной Азии выдвинулся Казахстан.

В принципе в условиях социально-экономической отсталости настоящая демократия возникнуть, как правило, не может. На постсоветском пространстве за внедрение рыночной экономики и проведение необходимой технологической и структурной модернизации заплатили высочайшую социальную цену. По-видимому, в свою очередь, это стало и одним из факторов, воспрепятствовавших полноценному внедрению либеральных ценностей и эффективному функционированию экономической системы. При огромном количестве бедных и небольшом числе представителей среднего класса процесс демократизации неизбежно должен затухать. Демократия и экономическое процветание являются по существу синонимами. В Европе, колыбели демократии, ее развитие всегда было непосредственно связано с социально-экономическим прогрессом. В случае же регресса даже здесь, в условиях достаточно устойчивого и эволюционно единого процесса, наблюдалось попятное движение в сторону авторитаризма, диктатуры и даже тоталитаризма.

Отказ от учета клановых интересов ведет в Центральной Азии к весьма тяжелым последствиям, что наглядно продемонстрировал пример Таджикистана. В течение практически всего советского периода в республике у власти находился «ходжентский» клан, представляющий северные районы. Сюда вкладывались основные инвестиции, что привело к тому, что Ленинабадская (Согдийская) область со столицей в Ходженте (бывший Ленинабад) является наиболее развитым районом Таджикистана. В руках «гармского» клана (области к востоку и западу от Душанбе, Вахшская долина) были торговля и силовые структуры, «бадахшанского» (Горно-Бадахшанская ав-

473

тономная область) - культура, образование и наука. «Кулябский» клан (бывшая Кулябская область) контролировал преступный мир. Осенью 1991 г. в Таджикистане прошли выборы, вновь принешие победу ходжентцам, которые взяли в союзники кулябцев. Уже в мае 1992 г. начались выступления против властей «исламско-демократической» оппозиции, объединившей остальные кланы. В декабре началась настоящая гражданская война, приведшая к гибели более 100 тыс. человек за несколько месяцев. Решающую роль в победе ходженто-кулябских сил, взятии Душанбе (декабрь 1992 г.) и Гарма (февраль 1993 г.), оплота оппозиции, сыграли добровольцы и военнослужащие Узбекистана. Принимая решение об участии своих войск в гражданской войне в Таджикистане, Ташкент руководствовался опасениями роста религиозного радикализма в Центральной Азии (и того, что таджикская оппозиция принесет воинствующие исламские идеи в Узбекистан). Его резкое недовольство вызвали также бегство узбеков из Таджикистана (они составляли две пятых населения Ленинабадской области) и усиление борьбы таджиков Узбекистана за воссоединение с Таджикистаном.

Однако после объявления независимости республики ленинабадская элита оказалась отстраненной от власти. В ходе гражданской войны она сыграла важную роль в победе Э. Рахмонова. Однако клан так и не получил ключевых постов в новом правительстве, что привело к росту напряженности в области и плавному переходу значительной части населения в оппозицию к Центру. В свою очередь, уже к концу 1993 г. Душанбе взял область под свой контроль. В декабре представители ходжентского клана предприняли неудачную попытку сместить Э. Рахмонова с поста Председателя Верховного Совета и вновь ввести должность президента (впоследствии Э. Рахмонов согласился на последнее предложение и, как отмечалось, победил на президентских выборах в ноябре 1994 г.). Лидеры ленинабадской элиты в результате ответных действий лишились постов даже в своей области. Абдулмалик Абдулладжонов, бывший премьер-министр страны, лидер ходжентского клана, был вынужден эмигрировать сначала в Россию, а затем в США (А. Абдулладжонов до сих пор считается основным претендентом на пост главы государства). Постепенно кулябцы получили все основные посты в

474

стране, включая и Ленинабадскую область. Земляки Э. Рахмонова в 1996 г. возглавляли 13 из 18 министерств, в том числе все силовые и хозяйственно-финансовые. Уже в начале того года «проузбекские» силы Таджикистана (к которым относят население Ленинабадской области, узбеков и «обузбеченных» таджиков - например, локай) создали военное объединение и организовали бунт против засилья кулябцев. В мае в самом Ходженте начались волнения, перекинувшиеся на второй по величине город области Ура-Тюбе. Душанбе пришлось удовлетворить требование митингующих снять кулябцев с руководящих постов в области.

В декабре 1996 г. в Москве Э. Рахмонов и лидер ОТО С. А. Нури подписали соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, согласно которому 30% мест во всех руководящих органах власти отдавалось ОТО. Лидеры оппозиции постепенно интегрировались в структуру власти. Зато ходжентский клан опять не получил никаких постов. В результате в области вновь несколько раз происходили вооруженные столкновения с президентскими войсками. Особенно ожесточенный характер они имели в ноябре 1998 г., когда вооруженные отряды «ходжентцев» проникли в Ленинабадскую область с

территории Узбекистана. Главным требованием было предоставление выходцам из области 40% мест в центральных руководящих органах. Мятеж был подавлен, но напряженность сохраняется.

Процессы исламизации и проблемы радикализма

Еще большую опасность для центральноазиатских властей представляет распространение исламского радикализма. В начале 90-х годов поиск единой национальной идеологии в местных условиях привел к возрастанию роли ислама. В апреле 1992 г. И. Каримов совершил хадж в Саудовскую Аравию (его примеру последовали и другие центральноазиатские руководители). В Таджикистане было 17 официально существовавших мечетей. Как только были сняты запреты, их число быстро увеличилось до 2000. В Узбекистане в каждом кишлаке и в каждой городской махалле (микрорайоне) появилась мечеть. В одном Намангане их число составило 1300. За три года в Туркмении количество мечетей увеличилось с 16 до 163.

475

Меньший рост религиозного самосознания происходил в Казахстане и Северной Киргизии. Отношение «северных» киргизов к религии характеризует тот факт, что 90% прихожан мечетей в Бишкеке - узбеки, хотя они составляют 1,5% жителей столицы, а Коран был переведен на казахский язык лишь в 1992 г. Правда, исламские организации Казахстана активизировали свою деятельность в последнее время (в некоторых из них преобладают чеченцы и уйгуры).

Исламизация объективно выталкивала наверх слои, которые выступают против местной элиты, сложившейся еще в советский период. Резко активизировали свою деятельность исламисты в Бухаре, Самарканде, Ферганской долине, где их организации практически сразу стали действовать и как политические организации. В Намангане местные имамы создали «исламское ополчение». Именно в этом городе базировалась партия «Адолат» («Справедливость»), сходная с «Братьями-мусульманами». В декабре 1991 г. партия организовала массовые митинги и демонстрации, в ходе которых, в частности, критиковалась кадровая политика Центра. В ходе посещения Намангана И. Каримов убедился, что «Адолат» контролировал всю обстановку в городе, а центральная власть не имела никакого авторитета. Интересно отметить, что известный чеченский террорист Салман Радуев обучался именно в Намангане в тот период. Активно действовала и радикальная Исламская партия возрождения, создавшая свои филиалы в Узбекистане и Таджикистане. Мусульманские радикалы Казахстана пытались спровоцировать беспорядки в Алма-Ате. Ваххабизм (который представляет позднюю редакцию ханбализма, наиболее жесткого мазхаба, отстаивающего абсолютно буквальное понимание канонов) стал теснить ханафитское течение (весьма мягкое), существующее в Центральной Азии' 13 веков (70% мусульман мира придерживаются именно его).

Осознание угрозы собственным интересам вынудило местную элиту проводить выборочную политику, поддерживая умеренных исламистов и сдерживая и даже подавляя экстремистские силы. Согласно Конституции Узбекистана, принятой в декабре 1992 г., в республике было запрещено создание религиозных организаций, проповедующих религиозную вражду, а также военизированных объединений и политических партий, образованных по религиозному признаку.

476

В Узбекистане и Таджикистане была запрещена Исламская партия возрождения (большая часть ее сторонников в Таджикистане ушла в Афганистан). В 1999 г. деятельность партии в Таджикистане была вновь легализована, а в Узбекистане она находится в глубоком подполье. В республике была запрещена и деятельность партии «Адолат» (часть ее членов была арестована, а часть - эмигрировала) и базирующейся в Коканде партии «Человечность и милосердие». Началась депортация из Узбекистана десятков священнослужителей из Саудовской Аравии, которые были особенно активны в Ферганской долине. По данным Министерства внутренних дел Узбекистана, именно саудовские миссионеры принесли в Ферганскую долину ваххабизм, и в 90-е годы после специальной обработки (включавшей подкуп, подарки, распространение пропагандистской литературы, применение методики вовлечения молодежи в тоталитарные секты) от 5 до 10% ее жителей стали придерживаться этого направления. После начала борьбы местных властей с ваххабитами саудовские миссионеры превратили в свой центр Ошскую область Киргизии и Шымкентскую (Чимкентскую) область Казахстана, откуда литература и деньги продолжали направляться в Узбекистан.

Получившие специальную подготовку в Пакистане и Афганистане мусульманские экстремисты вновь активизировали свою деятельность в Ферганской долине в 1997 г. В Намангане ими была даже совершена целая серия убийств милиционеров и представителей администрации. В город были введены внутренние войска и прошли массовые аресты. Весной 1998 г. начались процессы по делам радикалов, которые обвинялись в ведении религиозной пропаганды, в попытках подрыва конституционного строя, в хранении и ношении огнестрельного оружия. Большинство обвиняемых выезжало в Саудовскую Аравию или прошло специальную подготовку в Пакистане, Афганистане и Таджикистане. Одновременно в Узбекистане был принят новый Закон «О свободе совести и религиозных организациях», жестко ограничивавший возможность легального распространения идей радикального ислама, требовавший официальной регистрации мечетей (в Намангане, например, 60% храмов не были нигде зарегистрированы) и религиозных организаций. После проверки реги-

477

страции в Узбекистане число мечетей сократилось более чем в 2 раза.

Преследуемые Ташкентом исламские радикалы нашли убежище в приграничных с республикой областях Киргизии и Таджикистана. В ответ на это Узбекистан закрыл границу с Таджикистаном, а на

территории Киргизии узбекские спецслужбы начали арестовывать исламистов. Эти спецслужбы получили здесь право проводить видеосъемки в мечетях, обыскивать и допрашивать даже граждан Киргизии (а некоторые из них были арестованы и вывезены в Узбекистан). Позиция Бишкека, не выражавшего протестов, понятна: на юге страны в последнее время также резко активизировались исламские радикалы. Еще весной 1998 г. после разоблачения подпольной группы из мусульманских государств, которая переправляла в свои страны несовершеннолетних граждан республики для подготовки их в качестве религиозных боевиков, было объявлено, что вся деятельность ваххабитов будет пресекаться.

В феврале 1999 г. экстремисты осуществили террористический акт в Ташкенте. От взрывов бомб погибли 16 человек, более 120 получили ранения. В ответ власти арестовали 2 тыс. человек. Некоторые члены партии «Эрк» были выданы Узбекистану Украиной. Более 40 человек было арестовано в Киргизии и Казахстане. Перед судом предстало 22 человека, непосредственно участвовавших в осуществлении террористического акта.

Действия узбекских исламистов летом 1999 г. привели к обострению ситуации уже во всей Центральной Азии. С 1992 г. сотни жителей Ферганской долины бежали из Узбекистана в Таджикистан, где присоединились к таджикской оппозиции. После февральских событий 1999 г. этот поток еще более усилился. Исламисты обосновались в Гармском районе, на границе с Киргизией. Попытки таджикского правительства провести их депортацию не увенчались успехом, поскольку район контролировался ОТО. В августе 1999 г. отряды узбекских радикалов (среди которых находились и террористы из ряда других стран, в том числе бывшие бойцы ОТО) предприняли попытку прорваться в Узбекистан через территорию Киргизии. Операция была организована Исламским движением Узбекистана, созданным в 1996 г. и провозгласившим в качестве своей главной цели «создание исламского халифата

478

на территории Ферганской долины». Боевики (по некоторым сведениям, до тысячи человек) были остановлены, но им удалось обосноваться в Баткенском и Чон-Алайском районах Киргизии. В заложники были захвачены сотни военнослужащих (включая командующего внутренними войсками республики) и мирных граждан (в том числе и японские геологи). Бишкек был вынужден обратиться за военной помощью к России и Узбекистану. Террористы были вытеснены в Таджикистан. В 2000 г. события вновь повторились, что вынудило элиту Киргизии еще более ужесточить отношение к исламским радикалам. По ряду сведений, и в 2003 г. некоторые военизированные отряды Исламского движения Узбекистана продолжали находиться в горных районах Киргизии.

Эта организация, чья штаб-квартира находилась до января 2002 г. в Кандагаре (Афганистан), тесно связана с такими международными и региональными террористическими организациями, как «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения), «Ихван аль-Муслимун» и др. После начала операции США в Афганистане она во многом потеряла свое значение, поскольку ее многие отряды были разгромлены (численность бойцов упала до 300 человек). Большая часть уцелевших боевиков укрылась в Пакистане. Однако, по заявлениям узбекских властей, Исламское движение Туркестана, как оно стало именоваться, наряду с другими международными террористическими и религиозно-экстремистскими организациями, с 2004 г. начало готовить новые террористические акты на территории Узбекистана.

В новом веке особую активность в республике стал проявлять филиал партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», созданной в 1953 г., провозглашающей ислам своей идеологией и также ставящей цель создания исламского государства. Существенный рост влияния филиала происходил, несмотря на жестокие репрессии со стороны властей (только в 2000–2003 гг. около 4000 сторонников этой партии были осуждены в Узбекистане за распространение экстремистских идей). В отличие от Исламского движения Туркестана, партия объявила о «ненасильственном» джихаде, однако при этом ее деятельность прямо направлена против христиан и иудеев. «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» активно действовала также в Таджикистане, в южной Киргизии и южном Казахстане (подавляющее большинство членов - этни-

479

ческие узбеки). Власти Таджикистана и Киргизии также предпринимали репрессивные меры против членов партии, но несравненно более мягкие, чем в Узбекистане.

Именно «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (наряду с Исламским движением Туркестана и религиозной организацией «Акрамия») была обвинена узбекскими властями в организации беспорядков в Андижане в 2005 г., в ходе подавления которых погибло, по официальным данным, почти 200 чел. (по информации международных правозащитных организаций, их число значительно больше). В докладе международной комиссии по расследованию событий в Андижане (в ее состав вошли дипломаты Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России и стран Центральной Азии) отмечалось, что подготовка к терактам проводилась на юге Киргизии под руководством иностранных инструкторов (киргизские власти отрицают данную информацию). Западные СМИ и лидеры заявляют, что андижанские события были просто социальным протестом населения, однако в ходе расследования выяснилось, что организаторы ставили задачу повторения беспорядков в Фергане, Самарканде и Ташкенте, а их конечной целью было создание исламского государства в Узбекистане. Бесспорно, социальные моменты (появление огромного слоя малообразованных безработных молодых людей) сыграли свою роль в андижанских событиях, как, впрочем, и в целом в распространении идей радикального ислама в Центральной Азии.

С 2005 г. продолжается дальнейший процесс укрепления в регионе позиций исламистских организаций, и прежде всего «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Антиправительственные листовки, изготовленные членами движения, регулярно изымаются в Таджикистане. Более того, «Хизб ут-Тахрир»

начала вести пропагандистскую деятельность в Северной Киргизии. Президент К. Бакиев открыто выразил свою обеспокоенность по этому поводу. Решением Верховного суда республики организация была признана незаконной как экстремистская (вне закона были поставлены также «Исламское движение Туркестана», «Организация освобождения Туркестана» и «Восточно-туркестанская партия», названные террористическими движениями).

Партия Исламского Возрождения Таджикистана всегда имела прочные связи с движением «Талибан». Эта и другие исламские организации, входившие ранее в Объединенную

480

Таджикскую Оппозицию, резко активизировались в начале нового века, что свидетельствует о возможности радикалов укрепить свои позиции в Таджикистане.

Исламский фактор не играет основополагающей роли в Туркмении, но и здесь действуют радикальные исламисты. Весьма активна фундаменталистская турецкая секта «Нурджулар» (пытающаяся действовать и в России), которая направляет студентов на учебу в Турцию (правительство этой страны пытается ограничить влияние секты).

За последнее время в центральноазиатских странах был принят ряд новых законов, направленных на дальнейшее ограничение экстремистской и террористической деятельности. Существенно активизировалась деятельность Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Совета по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Страны региона поддержали операцию США в Афганистане; в Киргизии и Узбекистане появились военные базы США и других стран, входящих в антитеррористическую коалицию.

Однако сейчас политический ислам уже есть на юге Казахстана и Киргизии, исламисты играют очень важную роль в Таджикистане и представляют реальную силу в Узбекистане. В этом плане весьма возможно постепенное, анклавное превращение республик региона в исламские страны. Хотя в регионе ислам играет пока меньшую роль, чем региональные, клановые, племенные и родовые интересы, разочарование в реформах и ухудшение жизни ведут к усилению его значимости. Основной вопрос: исламисты каких течений будут постепенно инкорпорироваться во власть? Приход радикалов и экстремистов не только вызовет катастрофические потрясения в Центральной Азии, но и будет прямо угрожать всем сопредельным странам, и в первую очередь России.

Литература

- Акаев А. Открытый разговор. М., 1998.
- Бушков В. И., Микульский Д. В. «Таджикская революция» и гражданская война (1989-1994). М., 1995.
- Жуков С. В., Резникова О. Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.
- 481
- Звягельская И. Д., Наумкин В. В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия и Закавказье). М., 1999.
- Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. Под общей редакцией Е. М. Кожокина. М., 1998.
- Каримов И. Стабильность и реформы. Статьи и выступления. М., 1996.
- Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. М., 2001.
- Лунев С. И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999.
- Мансуров Т. А. Казахстан и Россия. Суверенизация. Интеграция. Опыт стратегического партнерства. М., 1997.
- Приоритеты казахской дипломатии на рубеже веков. Под общ. ред. Е. А. Идрисова. М., 2000.
- Узбекистан: обретение нового облика. Под общ. ред. Е. М. Кожокина. М., 1998.
- Центральная Азия: пути интеграции в мировое сообщество. М., 1995.
- After Empire: The Emerging Geopolitics of Central Asia. Ed. by J. C. Snyder. Wash., National Defense University Press, 1995.
- Central Asia and the World: Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and Turkmenistan. Ed. By M. Mandelbaum. N. Y.: Council on Foreign Relations Press, 1994.
- Central Asia. Conflict, Resolution, and Change. Ed. by R. Z. Sagdeev and S. Eisenhower. Wash.: CPSS Press, 1995.
- Ethnic Challenges Beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum. Ed. by Yongjin Zhang and Rouben Azizian. Oxford: Macmillan Publishers in association with St Anthony College, 1998
- 482-

483

Часть 2. ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

484-

485

Южная и Юго-Восточная Азия

Л. Б. АЛАЕВ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИНДИИ

Довольно успешное функционирование демократической системы в Индии представляет собой своего рода политологическую загадку. Индийская действительность как будто бы опровергает ряд постулатов политической теории, хотя, как мы увидим ниже, она лишь заставляет их несколько модифицировать.

Загадка индийской демократии

Принято считать, что демократия укореняется при нескольких условиях, среди которых: достаточно высокое экономическое развитие, высокий уровень материального обеспечения основных масс населения, значительный процент грамотных, наличие значительного так называемого «среднего класса», вытекающее из всего этого наличие широкой прослойки политически активного населения.

Индия не удовлетворяет многим из этих критериев. Несмотря на развитие современных форм производства, бизнеса, высоких форм культуры половина жителей никогда не училась в школе, подавляющая их часть живет в условиях натурального хозяйства, на грани физического выживания (а многие - за этой гранью), в мире без электричества, телевидения, элементарных знаний об окружающем мире. 30% населения (т. е. 300 млн. чел.!) находится ниже черты бедности, 29% не знакомы со средствами массовой информации, т. е. никогда не видели газет, не слышали радио и не смотрели телевизора. Очень яркий пример: о произведенных Индией в 1998 г. ядерных испытаниях, всколыхнувших, казалось бы, весь мир, 46% процентов опрошенных в ходе одного из обследований ничего не слышали.

486

Современные классы (буржуазия, рабочий класс, чиновничество, состоятельные крестьяне, владельцы мелких предприятий, мелкие торговцы) также составляют в сумме около трети населения. Они образуют «современную Индию», которая активно участвует в мировой торговле, прорвалась в космос, вышла на первое место в мире по экспорту программного обеспечения и т. п. Но эта Индия как бы не имеет ничего общего с «традиционной Индией», с остальными двумя третями.

Казалось бы, демократическая система, основанная на всеобщем избирательном праве (им пользовались все жители с 21 года, а с 1989 г. активное избирательное право было предоставлено лицам старше 18 лет), в таких условиях не может существовать. Основной массе населения просто не до политики. Этот вывод подтверждается обследованиями. На прямой вопрос о том, интересуетесь ли вы политикой, большинство населения отвечают отрицательно (см. табл. 1). На другой вопрос: «Следили ли вы за политическими событиями по средствам массовой информации?» ответили положительно в эти же годы в США - 91%, в Великобритании - 92%, в Японии - 88%, во Франции - 56%, в Индии - 24,5%.

Таблица 1 Сравнение выраженного интереса к политике в разных странах (в%% к опрошенным)*

	Большой интерес	Умеренный интерес	Отсутствие интереса	Не знают
США, 1956	39	55	6	-
Великобритания, 1966	24	44	32	—
Франция, 1953	36	36	28	—
Ливан, 1971	62		38	—
Япония, 1960	17	35	45	3
Япония, 1961	8	45	47	—
Япония, 1966	23	41	34	3
Индия, 1961	36		52	12
Индия, 1967	11	14	65	-

* Источники: *Eldersveld S., Bashiruddin A.* Citizens and Politics: Mass political Behavior in India. Chicago, 1978. P. 43, 176-177 ; *Goel M.L.* Political Participation in a Developing Nation: India. N.-Y., 1975.

487

P. 17; *Smock D., Smok A.* The Politics of Pluralism: A Comparative Study of Lebanon and Ghana. N.-Y., 1975. P. 134; *Richardson B.* The Political Culture of Japan. Berkeley: 1974. P. 48. Цит. по *Зубов А. Б.* Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990. С. 162.

Казалось бы, и участие в политической жизни Индии должно характеризоваться примерно такими же числами. Однако же это не так. За время независимости в Индии состоялись 14 раундов выборов в парламент (в нижнюю палату - Лок Сабху) и более 120- в Законодательные собрания штатов, причем в них принимали участие по 60-70% избирателей. Несомненно, что такая высокая явка обеспечивается не «продвинутой» частью населения, а именно теми неграмотными и необеспеченными массами, которым, казалось бы, не до политики. Итоги выборов показывают, что, в общем и целом, люди голосуют сознательно: их симпатии к той или иной партии меняются в зависимости от ее деятельности, происходят смены правительств.

О сознательности участия в выборах говорит и такой факт: правильно назвали депутата от своего округа в Лок Сабхе в 1967 г. - 5 0%, а в 1971 г. - 67% опрошенных. 69% мужчин знали имена двух или более кандидатов, баллотировавшихся в их округе на последних выборах. С другой стороны, большинство опрошенных в 1977 г. не знали имен Джавахарлала Неру и Индиры Ганди, одних из самых известных в мире индийских политиков.

К парадоксам индийской политической культуры относится и восприятие коррупции. С одной стороны, как и во всех восточных странах, коррупция составляет важный встроенный элемент во всем процессе политической и экономической жизни. Представляется вполне естественным, что люди добиваются постов и власти, чтобы обогатиться. Но, с другой стороны, элиту потрясают коррупционные скандалы, очень похожие на те, что происходят в странах западной развитой демократии. Обвиненные в коррупции министры уходят в отставку, подвергаются судебным преследованиям. Наиболее яркий пример: в октябре 2000 г. был приговорен к заключению в тюрьму на (на тот момент) четыре года бывший (правда, бывший) премьер-министр Нарасимха Рао за то, что подкупал мелкие партии во время из-

488

бирательной кампании 1993 г., чтобы обеспечить их поддержку Конгресса. Мягкость приговора объяснялась «большими заслугами бывшего премьера перед народом Индии».

Индийская демократия настолько не укладывается в схемы мирового политического развития, что ряд ученых заявляют, что ее просто нет, потому что ее не может быть. Несколько лет назад сторонниками такого подхода для Индии было выработано понятие «парламентский авторитаризм»¹. Последующие события показали то, что индологам было всегда ясно: в Индии функционирует именно демократическая система, хотя и весьма своеобразная.

Как можно объяснить ее возникновение и сохранение?

Исследователи обращают внимание на то, что в Британской Индии в колониальный период были заложены некоторые основы демократической системы.

Нельзя сказать, что англичане имели четкий план демократизации колониального режима. Каждый шаг на этом пути делался с большой неохотой и под сильным давлением индийского общественного мнения или даже под непосредственным воздействием подъемов национально-освободительного движения в 1905-1908, 1919-1922 и в 1930-1933 гг. Но сейчас, по прошествии многих лет, административные реформы в Британской Индии 1909, 1919 и 1935 гг. приобретают вид логических действий колонизаторов по выращиванию индийской политической элиты и приобщению ее к демократическим ценностям и процедурам.

Другим наследием колониального периода, сыгравшим свою роль в сохранении демократии, является бюрократическая система. «Индийская гражданская служба» (Indian Civil Service), созданная англичанами в середине XIX в., представляла собой тесно спаянный корпоративными интересами и идеалами «честной администрации» корпус нескольких сот (затем их стало ок. 2 тыс.) высокопоставленных и высокооплачиваемых чиновников. Их называли «стальным каркасом» британского режима в Индии. К 1947 г. индийцы составляли более половины кадров Индийской гражданской службы. Именно это дало им возможность перехватить административ-

¹ Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 321-359.

489

ные функции у покидавших Индию англичан. Раздел на Индию и Пакистан сопровождался ужасающей резней, но он вообще привел бы к небывалому хаосу, если бы не крепкая административная система. И в дальнейшем высшая бюрократия играла стабилизирующую роль во время серьезных политических кризисов в Индии, что позволяло канализировать социальные конфликты через демократические процедуры. А то, что политическая элита Пакистана не смогла сохранить демократию в Пакистане - не вина чиновников.

Однако факторов колониального наследия недостаточно, чтобы объяснить индийский феномен. Английская политика была примерно одинаковой во всех колониях. Однако она принесла плоды в смысле утверждения демократии лишь в Индии. (Можно констатировать ее некоторые успехи также в Малайзии и на Цейлоне, но в этих странах сегодняшние политические системы еще дальше от западноевропейских образцов, и их особенности также отражают в большей степени местные условия, чем общее колониальное наследие.) Даже в соседних с Индией «осколках» прежней Британской Индии - Пакистане и Бангладеш-политическое развитие пошло по совершенно другому пути.

С другой стороны, упомянутые выше мероприятия колонизаторов по «воспитанию демократии» относились только к провинциям Британской Индии, т. е. не затрагивали территории вассальных княжеств. В подавляющем большинстве из них до вхождения в Индийский союз сохранялся автократический восточно-феодальный режим. Однако с самого начала функционирования Конституции 1950 г. не замечено

существенного различия в электоральном поведении населения бывших княжеств и бывших провинций.

Таким образом, неизбежен вывод, что социально-психологический строй индийского (именно индусского) общества сыграл в данном случае решающую роль.

В чем же особенность этого строя, препятствовавшая эволюции в сторону авторитаризма? Если попытаться ее кратко сформулировать - это необычайная разобщенность, гетерогенность общества, отсутствие его сплоченности.

В Индии проживают 12 крупных народов, имеющих собственные языки и развитую культуру, помимо нескольких сотен мелких народов и племен. В конфессиональном отношении население Индии подразделяется на индусов (82,4%), мусульман

490

(11%), христиан (2,4%), сикхов (2,0%), буддистов (0,7%), джайнов (0,5%). Остальные придерживаются разного рода анимистических культов. Казалось бы, принадлежность подавляющего большинства населения к одной религии (индуизму) должна служить сплачивающим фактором. Однако индуизм - широкое понятие, охватывающее бесчисленное количество разнообразных культов, обрядов, образов жизни. Между этими культурами нет вражды и соперничества (что и привело к появлению представления об их единстве), однако до последнего времени не было и сотрудничества. В Индии существуют и укрепляются силы, стремящиеся превратить индуизм в единую религию, наподобие ислама, и сплотить всех тех, кого можно назвать «индусами», на основе неких общих ценностей. Под влиянием их пропаганды такое сплочение происходит, однако до его завершения еще далеко.

Дело в том, что индусы разбиты на множество каст, каждая из которых имеет собственную идентичность, выражающуюся в особых формах почитания богов, в специфических легендах и мифологии, в разных формах исполнительского искусства (песнях и танцах) и т. п. Главное же, касты составляют иерархическую систему, и соперничество между ними за место в этой системе составляет иногда главное содержание их «политической жизни».

Недавнее обследование выделило 4635 «общин» (каст и племен) среди населения Индии. Этому числу не следует полностью доверять, так как каждый исследователь пользуется своими критериями различения общностей. Касты делятся на подкасты, которые реально существуют как отдельные общности. Некоторые ученые говорят о 15 000 каст.

Кастовая система разобщает общество. Но кастовое сознание сглаживает социальные противоречия. Данное обстоятельство имеет определенные благотворные последствия. Если бы индийский традиционный образ мыслей разрушился, то в Индии произошел бы грандиозный социальный катаклизм, сравнимый с десятью Иранами. Если каждый индиец будет думать, что он ничем не хуже другого, и потребует свою долю, то это, возможно, будет значительный социальный прогресс, но в экономическом и политическом отношении страна будет отброшена на столетие назад.

Получается, что иерархическая кастовая структура благоприятствует процессу модернизации. Происходит верхушечная,

491

элитарная модернизация, при которой большинство населения остается на уровне выживания, но сохранение традиционного социального строя обеспечивает вполне приемлемый уровень социальной стабильности. Видимо, лишь продолжающимся господством кастового сознания («каждому - свое») можно объяснить то, что классовые конфликты не обостряются, что люди не бунтуют, даже находясь в нечеловеческих, с нашей точки зрения, условиях. Это дает время на вызревание предпосылок будущего гражданского общества.

Существует тенденция объяснять некоторую пассивность или «миролюбие» индийцев, сравнительно низкий накал социальных конфликтов влиянием идей ненасилия, пропагандировавшихся М. К. Ганди в период национально-освободительной борьбы. Однако эти идеи давно уже не пользуются в Индии сколько-нибудь широкой известностью. Истоки отмечаемого явления лежат глубже - в принципиальном удовлетворении индийца своим положением.

Сохранение высокой доли неграмотности, низкий по сравнению с другими развивающимися странами уровень и темп урбанизации являются показателями уровня развития. Но надо посмотреть на эти показатели и как на симптомы более глубокой реальности: люди все еще социально закрепощены, все еще привязаны к своей общине и касте, где им не нужны новые горизонты и умение читать и писать.

Сказанное выше не означает, что в Индии наблюдается полная социальная гармония. Крестьянские движения, упорные стачки рабочих, борьба, часто кровавая, неприкасаемых за свои права - все это происходит почти непрерывно. Речь идет только о том, что по сравнению с другими странами, если принять во внимание отчаянное положение огромных масс населения, немыслимое почти во всех иных развивающихся странах, эти конфликты значительно смягчены.

Гражданское общество предполагает, в частности, высокую степень структуризации: существование массы добровольных объединений: партий, профсоюзов, всевозможных общественных организаций, - которые отстаивают на политической арене свои интересы. Такого гражданского общества в Индии нет. Но традиционная по происхождению структуризация общества на первичные аскриптивные группы служит удачным заменителем гражданского общества.

492

Индийская демократия не является «хрупкой», как некоторые считают. Она зиждется на двух, хотя и разнородных, но прочных основаниях - на пробуржуазных модернизированных слоях и традиционных

ценностях. А. Б. Зубов в ряде работ развивает мысль о том, что демократия воспринимается в Индии (и на Востоке в целом - поскольку воспринимается!) не по мере модернизации сознания, а непосредственно традиционным сознанием, и я с ним согласен. Другое дело, что такое восприятие видоизменяет сам объект восприятия, но об этом уже говорилось. И уж совсем иное - то, что второе основание представляет собой огромный, медленно тающий айсберг. Но опасность перевернуться, связанная с таянием, еще очень далека.

Определенным доказательством этого мнения служат данные о соотношении приятия демократии (как бы свидетельство модернизации сознания) и положительного отношения к кастовым ценностям (как бы свидетельство традиционалистского мышления) (см. табл. 2)

Если верить этим данным, именно те индийцы, которые активно включены в функционирование демократических институтов, придают касте большее значение, чем те, кого эти институты не очень интересуют.

Таблица 2. Соотношение участия в политике и приверженности к кастовым ценностям (данные 1967 г.)*

	Сторонники политических партий	Не сторонники каких-либо партий	% от всех опрошенных
Безразличны к кастовой системе	38	38	9,7
Положительно относятся к касте	47	33	22,6
Считают, что кастовая система необходима	57	24	32,5
Считают, что кастовая система крайне необходима	67	17	35,3

* Источник: *Eldersveld S., Bashiruddin A. Citizens and Politics: Mass political Behavior in India. Chicago: 1978. P. 92. Цит. по: Зубов А. Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990. С. 317. 493*

Система власти в Индии

По Конституции 1950 г. в Индии введена так называемая «вестминстерская система». Главой государства является Президент, который имеет широкие полномочия, но действует «по совету премьер-министра». Реальная власть сосредоточена в руках премьер-министра, который обязан иметь большинство в нижней палате парламента. Выборы происходят по мажоритарной системе, т. е. побеждает тот кандидат, который набрал голосов больше, чем любой иной соискатель, вне зависимости от явки избирателей и процента набранных голосов. Кандидатов выставляют партии, могут также выставляться независимые кандидаты. Мажоритарная система приводит к тому, что процент голосов, отданных за ту или иную партию, не совпадает с процентом мест в палате, полученных этой партией. Незначительные подвижки в процентном соотношении набранных голосов могут приводить к кардинальным изменениям в распределении мест в парламенте². Парламент осуществляет тесный контроль над исполнительной властью. При коалиционной политике это особенно очевидно. Отказ поддержать правительство даже одной из мелких партий коалиции чреват отставкой правительства.

Индия официально определена в конституции как «Союз штатов», таким образом, она представляет собой федерацию. Хотя в целом федеральные власти имеют решающие прерогативы в управлении страной, штаты сохраняют значительную автономию. Там избираются свои Законодательные собрания, которые таким же образом образуют штатовские правительства во главе с главными министрами. Президент (т. е. реально федеральное правительство) назначает в штаты губернаторов, которые являются представителями центра на местах. Назначаются также главы округов (дистриктов) и начальники областей (тахсиллов - на севере, талуков - на юге). Все эти лица являются членами Индийской административной службы (Indian Administrative Service, преемницы колониальной Индийской гражданской службы). Их жизнь подчиняется твердым правилам: каждый год - повышение зарплаты; каждые три года -

² В последние десятилетия ни одна из партий не получает в Лок Сабхе абсолютного большинства, поэтому возникают коалиционные правительства, поддерживаемые рядом партий (до 25). 494

продвижение по службе; в 55 лет - выход на пенсию. На уровне деревни или группы («блока») деревень центральную власть представляют «чиновники по развитию» (грам-севаки). Постепенно развивается также местное самоуправление, строящееся снизу - на уровне деревни, тахсила и дистрикта. Создается, таким образом, прочная сеть из властей различных принципов легитимизации (см. табл. 3).

Эта система хорошо работает при доминировании одной партии. Штатовские правительства избираются по всем демократическим нормам, но при этом подчиняются партийной дисциплине и по серьезным проблемам не противоречат желаниям центра. Административная вертикаль также формируется Президентом, т. е. федеральным правительством. Местное самоуправление, в свою очередь, старается быть

в ладу с правящей партией, поскольку от нее зависит решение многих насущных вопросов.

Таблица 3. Соотношение трех систем власти в Индии

Уровни власти	Парламентская система	Административная система	Органы самоуправления (Панчаяти радж)
Федеральный центр	Парламент Премьер-министр Правительство	Президент	
Штат	Законодательное собрание Главный министр Правительство	Губернатор	
Дистрикт (зила)		Коллектор	Зила паришад
Тахсил/ Талук		Тахсилдар	Панчаят самити
Блок деревень		Грам-севаки	Панчаят

Доминантно-партийная система

Доминантная партия образуется на определенном этапе становления демократии во многих странах. Такими партиями на протяжении долгого времени были ХДС-ХСС в Германии, Христианско-демократическая партия в Италии, Либерально-

495 демократическая партия в Японии и ряд других. Эти партии постоянно безальтернативно приходили к власти по результатам очередных выборов. Считалось, что их победа естественна и заранее предопределена. Доминантная партия обычно стоит в середине партийного спектра, ей оппонируют левая и правая оппозиции, однако ни та, ни другая оппозиции недостаточно сильны, чтобы бросить такой партии серьезный вызов. Она пользуется значительной поддержкой во всех слоях населения и пытается представить себя как выразителя всех, самых разных интересов, как общенациональную силу.

Доминантно-партийная система отличается от однопартийной не только тем, что в первом случае оппозиция наличествует и играет существенную роль, но главным образом тем, что правящая партия не сливается с государством. Лидер парламентской фракции (он же - премьер-министр), как правило, не является председателем партии или ее генеральным секретарем. Партийные функционеры не включаются в правительство, не выдвигаются в главные министры штатов. Часто они даже не депутаты законодательных органов. Положение во властной вертикали более престижно, чем в партийной иерархии.

Доминантная партия- это действительно «партия власти», но не в том смысле, который это выражение приобрело в России. Не она создается властью, а она создает власть. Хотя, как говорилось, существуют оппозиционные партии, но честолюбивые и властолюбивые люди стремятся действовать не вне, а внутри доминантной партии. Это единственный путь выдвинуться и удовлетворить свои амбиции. Таким образом, партия сама себя поддерживает. В оппозицию уходят те, кто по тем или иным причинам отторгается партией.

Индийский национальный конгресс (ИНК) являлся типичной доминантной партией в течение всего периода Неру и некоторое время после этого, что видно из числа собиравшихся им голосов в различных слоях индийского населения (см. табл. 4).

Среди его активистов (200-300 чел.) сельские жители составляли 28%, служащие - 24%, предприниматели - 25%, интеллигенты - 18,5%.

При этом руководство партии оставалось высококастовым. Партия побеждала, выставляя в качестве кандидатов представителей высоких каст. Например, в населении штата

496

Махараштра брахманы составляют 16%, «небрахманы», т. е. средние касты- 66%. Но в парламенте 45,9% депутатов-конгрессистов от этого штата представляли высшие касты и лишь 10,5%-средние.

Таблица 4. Процент голосовавших за основные партии Индии в 1960-е годы*

Слои населения	Конгресс	Джана сангх	Сватан-тра	Объед. соц. партия	Народно-соц. партия
Предприниматели	47	7,7	1,7		
Землевладельцы	46,1	8,1	8,4		
Сельскохоз. рабочие	44,3		5,9		
Квалифицир. рабочие	39,2				8,3
Неквалифиц. рабочие	42,6	4,9		5,5	
Безработные	29,4	8,8		6,9	
Дипломированные специалисты	39,5	13,2		7,9	

* *Источник. Kothari R. Politics in India Delhi: 1970, p. 211*

Размывание доминантно-партийной системы

Политическую историю независимой Индии можно представить как постепенное преобразование доминантно-партийной системы в иную, существо которой можно пока что определить лишь предположительно.

Чтобы в какой-то мере понять этот процесс, кратко проследим эту историю.

1947-1964 - период Неру. Доминирование партии Индийский национальный конгресс. Она неизменно побеждает на выборах в центре и в штатах и по существу не обязана учитывать мнение левой и правой оппозиции.

497

1965-1977- первое премьерминистерство Индиры Ганди. Начинается эрозия доминантного положения конгресса. В 1967 г. он терпит поражение в ряде важных штатов и теряет абсолютное большинство в Лок Сабхе. В 1969 г. - еще одно болезненное поражение на местных выборах. К 1971 г. Индира Ганди, проведя ряд популистских мероприятий, сумела восстановить престиж свой и партии и снова получить абсолютное большинство. В том же году Индия помогла Бангладеш завоевать независимость и тем самым «развалить» Пакистан, что сделало Индиру национальным героем. Но к 1974 г. этот ресурс повышения привлекательности был исчерпан. Эрозия доминирования ИНК проявляется и в том, что в штатах появляются свои местные «конгрессы», а затем происходит первый раскол правящей партии. Пытаясь сохранить власть, Индира вводит Чрезвычайное положение, отправляет лидеров оппозиционных партий в тюрьму, откладывает очередные парламентские выборы. Однако в 1977 г. все же их проводит и терпит сокрушительное поражение.

1977-1979- впервые конгресс оказывается в оппозиции. К власти приходит конгломерат партий, назвавший себя Джаната парти. Эта разношерстная компания оказывается неспособной к управлению, разваливается, и конгресс во главе с Индирой Ганди снова приходит к власти.

1980-1989- второе премьерминистерство Индиры Ганди и период Раджива Ганди. Убийство Индиры в 1984 г. вызвало волну симпатии к новому лидеру конгресса, сыну убитой Радживу, и он выигрывает выборы с беспрецедентно высоким результатом, получая две трети мест в парламенте. Однако и эта волна оказалась недолговечной. Проблемы страны - бедность и сепаратизм - не решались. Кроме того, начались коррупционные скандалы.

1989-1991 - второе поражение конгресса. У власти снова конгломерат партий, которых объединяет только антиконгрессизм и антикоррупционная риторика. Страна попадает в отчаянное экономическое положение, но, возможно, это не сыграло бы решающей роли, если бы не убийство Раджива во время избирательной кампании, вызвавшее новую волну симпатии к семье Неру-Ганди.

1991- 1996- снова конгресс у власти. Премьер-министр Нарасимха Рао начинает экономическую реформу, которая вы-

498

водит страну на путь динамического экономического развития, но сопровождается ростом имущественного неравенства и широкого недовольства. Члены правительства снова оказываются погрязшими в коррупции. Все большее значение в политической борьбе приобретает вопрос о индусско-мусульманских противоречиях. Основная оппозиционная партия Бхаратия Джаната парти (БДП) строит свою пропаганду на лозунгах «защиты» индусского большинства от мусульман и христиан и необходимости «сплочения» индусов.

1996-1998 - чехарда неконгрессистских правительств, опирающихся на непрочные

левоцентристские или правоцентристские коалиции.

1998 -2004- правление коалиции во главе с БДП. Либерализация экономики продолжается вопреки предвыборным обещаниям БДП. Индия добивается впечатляющих успехов в экономическом развитии, но разрыв между «современной Индией» и «традиционной Индией» все увеличивается. Реформы и развитие не приносят улучшения жизни многим сотням миллионов.

На выборах 2004 г. коалиция во главе с БДП терпит тяжелое поражение. К власти снова приходит ИНК (при поддержке ряда левых партий). Однако эта смена политических сил у кормила власти не является результатом серьезного сдвига в настроениях избирателей. Победа ИНК достигнута, главным образом, благодаря удачной коалиционной политике (привлекли на свою сторону 12 партий) и грамотному распределению избирательных округов между своими союзниками, в то время как БДП растеряла союзников (ее поддержали только 9 партий вместо прежних 24). Мажоритарная система выборов позволила ИНК одержать крупную победу, несмотря на то, что количество поданных за него голосов сократилось по сравнению с предыдущими выборами на 2,4%. Впрочем, БДП также потеряла 1,5% прежних избирателей. Таким образом, политическое будущее Индии остается неопределенным.

Особенности индийской политической культуры

Велика роль семейственности и харизмы в изначальном значении этого слова, а именно особых качеств некоей личности, исходящих свыше и передаваемых по наследству. Этим

499

объясняется сохраняющаяся ведущая роль семьи Неру в индийской политике. Его харизма «передалась» не только его дочери, но и ее сыну, а затем даже вдове последнего. «Фактор Сони Ганди», по мнению обозревателей, сыграл свою роль в победе конгресса в 2004 г.

Многие политические партии представляют собой группы, объединяющиеся вокруг лидера и не имеющие четких социальных позиций. Это патронаты или конгломераты патронатов, постоянно меняющие свои позиции и союзников в зависимости от конъюнктуры. Личностные отношения между лидерами играют иногда определяющую роль в ориентации партий.

Помыслы политиков лежат в области погони за личной выгодой, поэтому коррупция пронизывает все их действия. Перекупка депутатов и переход их по этой причине из одной фракции в другую, торговля министерскими портфелями (на уровне штатов), привлечение в партию криминальных элементов - все это широко распространено.

Указанные выше черты политической жизни не являются особенностью Индии. Они характерны для всех «восточных демократий».

Собственно индийскими особенностями можно считать роль в политическом процессе кастового и конфессионального фактора.

Особенно специфичным и особенно трудным для учета является фактор касты. Для грубого его анализа можно ограничиться выделением трех сил: брахманы (от 9% населения на севере до 2-3% - на юге), средние (небрахманские, но «чистые») касты (32- 53%), неприкасаемые (22-10%, в среднем -17%). (Сумма не составляет 100%, поскольку оставляем в стороне высшие касты, помимо брахманов, а также мусульман, христиан, племена и пр.). Брахманы традиционно монополизируют (в колониальный период - в тех пределах, конечно, которые позволяли им колонизаторы) сферы образования, интеллигентских профессий, администрации.

Средние касты, преобладающие численно, монополизируют земельную собственность, в некоторых случаях способные повести за собой все население деревни (с исключениями, о которых ниже), начали бороться за свое участие в престижных сферах жизни с брахманскими кастами.

500

Неприкасаемые своим положением изгоев противопоставлены всем остальным кастам. В то же время, как униженные и эксплуатируемые, они имеют общие интересы со средними кастами: чтобы добиться улучшения своего социального положения, им надо поставить под вопрос идеологическую основу кастовой системы и в этом смысле основу индусской цивилизации- учение о четырех варнах (так называемую *чатур-варню*), которым будто бы предопределены их судьбы в этом мире. И одновременно - так как их угнетают и унижают главным образом землевладельцы из средних каст- неприкасаемые объективно противостоят последним и могут быть использованы в качестве союзников брахманов.

Один из конкретных вопросов, по которому идет постоянная борьба между этими тремя группами каст, - вопрос о резервировании мест для средних каст на государственной службе и в высших учебных заведениях. Лидеры средних каст считают, что именно их касты имеются в виду в тех статьях конституции (ст. 15.4; 16.4; 340), где предусматривается забота государства о «других отсталых классах» (other backward classes) помимо «зарегистрированных каст» (т. е. неприкасаемых) и «зарегистрированных племен». Конечно, на практике средние касты ни в какой специальной защите не нуждаются, но им хочется получить привилегии.

Правительства Дж. Неру и Индиры Ганди не торопились предпринимать какие-либо меры по претворению в жизнь данных статей конституции. В прессе шла полемика: кого именно следует считать «отсталыми классами».

В 1977-79 гг. Правительство Джаната парти, в котором одну из ключевых ролей играл Чаран Сингх - признанный лидер землевладельцев из средних каст, - дало ход работе Комиссии Б. П. Мандала, назначенной еще И. Ганди, для изучения этого вопроса. Комиссия представила свои предложения в 1980 г.

Она рекомендовала зарезервировать за средними кастами примерно 27% мест на службе и в университетах, имея в виду, что общая доля зарезервированных мест (вместе с местами для неприкасаемых и племен) не должна превышать 50%. Для высших каст это было бы страшным ударом, потому что они привыкли иметь свободный доступ к образованию и чиновничьим должностям. Но к тому времени власть сменилась, и ни Индира Ганди, ни Раджив Ганди не стали ссориться с высшими кастами.

501

Решение затруднялось тем, что в Индии отсутствует кастовая статистика. В переписях, начиная с 1941 г., фиксируется только членство в кастах и племенах, занесенных в специальные списки (schedules), разные для каждого штата. Таким образом, сколько именно в Индии «отсталых», никто не знал. Обратились к данным переписи 1931 г., прикидывая, как изменилось соотношение каст к 1980-м годам³. Для осуществления рекомендаций нужно было иметь точные данные по штатам. Шли бесконечные споры.

Снова сменилась власть в Дели (правительство В. П. Сингха в 1989-90 гг.), и снова привилегии для средних каст стали фактором политической борьбы. Правительство объявило о принятии рекомендаций Комиссии Мандала.

Индуские коммуналисты поняли, что наступил решающий час. Они должны добиться единства индуской общины любой ценой, иначе она будет расчленена по кастовым группам, каждая со своими привилегиями, и им никогда не прийти к власти. Они сумели обострить индуско-мусульманские противоречия до невиданного с 1947 г. накала, отодвинуть в сознании индусов вопрос о резервировании на второй план и даже овладеть властью. Но большинство штатов успели принять соответствующие законы о резервировании, так что борьба внутри индуской общины еще продолжится.

Кастовый фактор на общеиндийском уровне раньше играл меньшую роль, поскольку все политические лидеры были брахманами: и в ИНК, и в Хинду Махасабхе, и в Компартии. Конгресс имел преобладание, поскольку его поддерживали также меньшинства - мусульмане и неприкасаемые.

Но подъем средних каст привел к дифференциации. Конгресс долго сохранял позиции там, где переориентировался на средние касты (Махараштра). Но в Северной Индии появилась партия средних каст (Лок Дал). В штатах возникли местные партии, также ориентированные прежде всего на средние касты. Там конгресс мог сохранять позиции, только вступая в коалиции с ними (Панджаб, Андхра Прадеш, Тамилнад).

³ В отечественной литературе см. расчеты по переписи 1931 г. в статье Л. Б. Алаева, Т. Н. Загородниковой. Кастовый состав населения Индии // Восток, 1993, № 1, с. 121-130

502

Демократическая система вообще повышает значение уже имеющихся групп солидарности. Мажоритарная система относительного большинства еще усиливает значение комбинаций каст. Каждый избирательный округ имеет свое «кастовое лицо».

Считается, что роль касты особенно велика при выборах в штатовские Законодательные собрания, поскольку на таких выборах избирательные округа мельче и близко совпадают с границами политической эффективности той или иной касты. На общеиндийском уровне значимы группы каст.

Кастовый фактор - наиболее яркое проявление групповой солидарности, характерной и для других становящихся демократий. Превалирует не индивидуальный выбор, а оглядка на то, как голосуют другие, прежде всего кастовый лидер. Смена лидером политической ориентации приводит к массовому изменению характера голосования всей группы. Поэтому тактика партий - привлечь на свою сторону лидера⁴.

Каждая партия, выдвигая кандидата на выборах в том или ином округе, занимается «кастовой арифметикой». Возникают самые причудливые комбинации, иногда немыслимые в собственно кастовом обществе. Что это: партии используют комбинации каст или касты используют партии, чтобы провести своих людей, - решить бывает нелегко.

Конфессиональный фактор играет значительную роль в политике во многих странах. В Индии он имеет свои особенности. Основная коллизия заключается в противостоянии индуского большинства и мусульманского меньшинства. Последнее (напомним, 11% населения) - 110 млн. чел. Чтобы подавить такую массу, нужны невероятные усилия, обострение отношений между конфессиями прямо ведет к гражданской войне. Индуские шовинисты (их называют в Индии коммуналистами) по существу ведут дело именно к этому. Если у них пока не получается устроить всеиндийский мусульманский погром, то это объясняется особенностями индуизма как религии, о которых уже говорилось. В отличие от ислама индуизм не сплавивает, а разобщает массы, не может

⁴ Но при этом нельзя педалировать его роль, нельзя озвучивать, что главное - это ориентация лидера. См. А.К. Datta. Politics in Village India // Tropical man, vol. III. Leiden, 1972.

503

служить знаменем их мобилизации, потому что многолик, и любой выдвинутый им лозунг будет не только привлекать, но и отталкивать. Даже лозунг защиты коровы, наиболее приемлемый для цели мобилизации индуских масс, отталкивает часть неприкасаемых. Попытки создания нового, боевого, политически пригодного индуизма делаются уже более ста лет. Идет пропаганда *Хиндутвы* («Индускости»), которая претендует на роль национальной идеологии. (Впрочем, в чем состоит Хиндутва, нет полной ясности даже среди ее идеологов). Несмотря на электоральные успехи последних лет Бхаратия Джаната парти, нельзя сказать, что идеи индуского коммунализма овладели массами. Именно потому, что содержащиеся в нем принципы эгалитаризма неприемлемы для традиционного сознания.

Проблемы настоящего и будущего

Доминантно-партийная система, по-видимому, ушла в прошлое. Начиная с 1989 г. оформились две коалиции партий, сменяющие друг друга у власти. Происходит ли созревание двухпартийной системы? На этот вопрос нельзя пока ответить определенно. Обе коалиции весьма аморфны и текучи. Основные игроки на политической арене - Индийский национальный конгресс и Бхаратия Джаната парти - как будто бы имеют четкие противоположные идеологии. Первая ассоциируется с западничеством, прогрессивностью, секуляризмом, вторая - с почвенничеством, религиозностью, с призывами найти «индийский путь» и построить «Индусское царство» (*Хинду раштра, Рам раджья*) Но их союзники, в сущности говоря, обеспечивающие им победы, часто весьма далеки от идеологий этих ведущих партий. Да и ведущие партии предпочитают не слишком афишировать свои различия.

Впрочем, можно отметить такое характерное для двухпартийных демократий явление, как преемственность политики. Когда-то достаточно популярное мнение, что демократия не годится для такой страны, как Индия, совершенно исчезло. Все партии - за демократию, хотя, конечно, «свою», не «западную». Оппозиция во времена Неру резко выступала против лозунгов социализма. Сейчас ее наследники ничего против социализма не имеют. Демонтаж системы государственного ре-

504

гулирования экономики, переход к либерализации, т. е. отход от «курса Неру» в экономической политике, начала именно партия Индийский национальный конгресс, а БДП, критикуя либеральные реформы как капитуляцию перед МВФ, МБРР и мировым империализмом и провозглашая *свадешу* (можно перевести как «опора на собственные силы»), придя к власти, эти реформы продолжила. Наблюдается полная преемственность и во внешней политике сменяющихся властей.

Происходит регионализация политики. Чуть ли не в каждом штате имеется местная партия, ставящая во главу угла прежде всего интересы штата. Часто именно она доминирует на местном уровне. Это явление отмечается уже давно. Но раньше такая партия не выходила за пределы своего штата. На выборах в Законодательное собрание штата она побеждала, но на выборах в парламент избиратели голосовали за кандидатов одной из общеиндийских партий. В 70-80-е годы казалось, что федеральная и штатовская политика совершенно разъединились. В ходе парламентских и штатовских выборов ставились разные проблемы, и в борьбе участвовали разные силы.

Сейчас положение изменилось. Оказалось, что нельзя вести политику на федеральном уровне, не учитывая позиций местных партий. Последние завоевывают все больше мест в Лок Сабхе, образуют в ней солидные фракции, вступают там в альянсы с партиями общеиндийского статуса и кардинальным образом влияют на формирование (или свержение) федеральных правительств. Дело может дойти до того, что штатовские партии начнут определять федеральную политику. Помимо прочего, это наполняет новым содержанием индийский федерализм.

Новым является также появление сильных партий, представляющих интересы низших каст и неприкасаемых. Это Самаджвади парти («Социалистическая партия»), Бахуджан самадж парти («Партия большинства общества») и другие. В некоторых штатах они приходят к власти (в союзе с другими). Особенно сильны позиции таких партий в Уттар Прадешесамом населенном, центральном, в значительной мере ключевом штате Индии.

Возможно, что индийский вариант модернизации окажется очень удачным - если темп пробуждения масс останется столь же низким до того времени, когда откроются новые, неизвестные сейчас перспективы. А может быть, политиче-

505

ская активность масс станет расти по экспоненте. Тогда единственной альтернативой останется установление «индусской» диктатуры во главе со святым.

Впрочем, сейчас этой альтернативе препятствует не только «благоприятное» сочетание образа жизни и пассивности масс, но и неготовность к этой роли индуизма.

В настоящее время нет сил, которые серьезно угрожали бы индийской демократии. Ни левацкие (ультрареволюционные), ни коммуналистские (индуистские) силы не пользуются поддержкой масс. Армия не играет политической роли, и нет признаков того, что она политизируется. Раздающиеся в Индии время от времени возгласы об угрозе демократии - это просто политический прием одной партии против другой, своего рода профилактика. Реальной угрозы демократической системе не было ни в 1975 г., когда оппозиция пыталась свергнуть И. Ганди, ни в 1977 г., когда эта оппозиция пришла к власти, ни в 1980 г., когда на выборах победили силы, объявленные их противниками «авторитаристскими».

«Хрупкость» индийской демократии - понятие теоретическое, использование его может быть полезно в аналитических целях. Но в политическом прогнозировании следует, наверное, исходить все-таки не из процесса таяния айсберга, а из его абсолютных размеров. Что же касается «вспышек насилия», то они порождаются, как правило, не «добуржуазной средой», а, напротив, более продвинувшимися в формационном отношении элементами.

Литература

Алаев Л. Б. Индийские идентичности в условиях модернизации. - Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. Учебное пособие. М., МГИМО, 1999, с. 112-150.

Алаев Л. Б., Зубов А. Б. Доминантно-партийная система и личностные ориентации индийских избирателей. - Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.

Девяткина Т. Ф. Индийский национальный конгресс (1947-1964). М., 1970.

Индия: кодекс поведения политических партий и кандидатов. Предисл., пер. с англ. и комм. Э. Н. Комарова. -

Восток. 1995 № 5.

506

Современные концепции политического развития Индии. М., 1983. Чичеров А. И. Индийский национальный конгресс в 60-е годы: политико-идеологические и социально-классовые черты // Индия 1983. Ежегодник. М., 1986.

Шарма М. П. Государственный строй Индийской республики. М., 1958. Юрлова Е. С. «Неприкасаемые» в Индии. М., 1989.

507

А. Г. ВОЛОДИН. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИНДИИ

Современная Индия принадлежит к числу тех немногих переходных обществ, где укоренилась и в течение почти 60 лет - правда, с небольшим перерывом - действительно функционирует система политического представительства, что дает веские основания называть эту страну «крупнейшей демократией мира». Успех «демократического эксперимента» в условиях сложно-составной социальной структуры (включая, разумеется, ее национально-этнические, конфессиональные, сословно-кастовые, субрегионально-локальные и др. элементы) в конечном счете определяется историческим опытом индийской цивилизации и искусным управлением индийской элиты общественно-политическими процессами, особенно на этапе независимого развития.

Политические институты современного общества не возникают сами по себе: их становление есть результат длительного развития индустриально-капиталистического способа производства, гражданского общества и среднего класса как социального пространства бытования системы политического представительства. Данный процесс в его классической форме, т. е. в регионе Северо-Западной Европы, покрывает период с начала XIV по конец XVIII - начало XIX вв. Именно в эту эпоху формировался *человек современный* и складывалась политическая демократия как пространство и среда его повседневной жизнедеятельности. Однако в Индии этот процесс имел свои содержательные особенности, что и составляет содержание настоящей главы, ибо структурно-функциональное описание политических институтов есть домен правовой науки и смежных с ней дисциплин.

Индия, надо признать, существенно отличается от других древних цивилизаций Востока по ряду важных параметров. *Во-первых*, этой цивилизации с незапамятных времен был внутренне присущ *плюрализм* социальной структуры в ее широком

508

толковании¹. Полицентризм индийского общества, начиная с классического периода, фактически подготовил почву для последующего критического усвоения идей и ценностей, сформированных за пределами Индостана, включая концепцию политического представительства.

Во-вторых, и до британского колониального завоевания цивилизационный субстрат южно-азиатской цивилизации отличался от аналогичных состояний других доиндустриальных древневосточных обществ (китайского, иранского и т. д.). Строго говоря, древнеиндийская государственность и ее восприимчивость в средние века имели слабоцентрализованный характер². *В-третьих*, известный динамизм социально-экономической жизни придавало развитие коммерции и торговли, особенно в преддверии колониального завоевания³. Экономические процессы выносили на поверхность общественной жизни новые группы - торговцев и предпринимателей (точнее- протопредпринимателей), объективно заинтересованных в устранении всяческих перегородок поступательному развитию общества, которое уже на исходе доколониального периода имело более или менее выраженный анклавно-дуалистический характер⁴. Наконец, наличие в различных частях индостанского субконтинента довольно развитой духовно-интеллектуальной (брахманической) традиции создавало *потенциальные* предпосылки развитию гражданских отношений уже в конце доколониального периода.

И все же начало институционализации системы политического представительства в Индии положил колониальный период. Уже первая фаза этого времени обозначила некий водо-

¹ Напомню: в научной литературе принято различать социальную структуру общества в *узком* смысле (т. е. структуру социально-классовую или, как теперь принято писать, социально-профессиональную) и в *широком* понимании, т. е. как всю совокупность *неполитических* связей и взаимодействий, реально существующих в социуме (национально-этнических, конфессиональных, социо-лингвистических и т. п.).

² На эту особенность развития государства на Индостане обратили внимание отечественные историки, в частности Д. Н. Лелюхин.

³ Роль индийских коммерсантов и негоциантов в международных «играх обмена» в свое время ярко описывал Ф. Бродель.

⁴ Данный тезис был концептуально обоснован в конце 70-х годов В. И. Павловым.

509

раздел, начиная с которого буквально все элементы традиционного индийского общества оказались втянутыми в сферу влияния экономических, политических, культурных и идеологических форм, управлявших жизнью в наиболее развитой стране тогдашнего мира, Великобритании. Главное в эволюции колониального общества, несомненно, состояло в принудительной интеграции Индии в систему отношений мирового капиталистического хозяйства. В свою очередь, это означало, что становление на Индостане новых экономических, социальных и институциональных связей было результатом не столько спонтанной эволюции (т. е. социально-экономической и культурной преемственности), сколько внешнего влияния. И это влияние не исчерпывалось однозначными определениями.

Начиная со второй половины XVII - начала XIX вв. траектория политического развития Индии формировалась не только под влиянием экономической ипостаси системы метрополия- колония, но и как результат демонстрационного эффекта духовно-интеллектуального общения с индустриальными обществами Запада. С одной стороны, в индийской политической жизни проявилась крайняя ограниченность масштабов возникших на национальной почве индустриально-капиталистических отношений. Дополнительным ограничителем проникновения в массовое сознание ценностей и ориентаций европейской буржуазной культуры стали имманентные традиционному индийскому обществу социально-институциональные связи (общинные, кастовые, конфессиональные и т. п.). Неспособность «периферийного» капитализма в форсированном режиме преобразовать на индустриальный/современный лад все обширное индоостанское пространство имело следствием дезинтеграцию различных сфер и уровней жизнедеятельности индийского общества. Фактически имело место его расслоение на два различных по численности сегмента (олицетворявших стадийно различные системы производительных сил), из которых один выражал в перспективе новые, буржуазные формы общественного сознания, политической культуры и социальной активности. Постоянное взаимодействие и взаимовлияние двух этих систем мироощущения оказывало всевозрастающее влияние на характер и содержание индийской политической жизни.

С другой стороны, колониальное завоевание «привело» в Индию идеи Ренессанса и Просвещения, которые, будучи крити-

510

чески осмыслены интеллектуальной элитой колониального общества, стали мощным фактором институционально-правовых преобразований второй половины XIX в., или первой политической модернизации Индии. Политика колониальных властей, и прежде всего экономические преобразования, создавала объективные условия для появления «новых» социальных сил, в первую очередь среднего класса. Последний, уже в 20-е годы прошлого века, составил руководящее ядро национального движения. Именно средний класс еще в период колониализма стал главным «локомотивом» развития гражданских отношений и основным строительным материалом гражданского общества в Индии.

Создание буржуазно-колониального государства значительно ускорило интеграционные процессы, причем не только на территории британской Индии, но и во многих княжествах, которые, нередко вопреки воле их правителей, вовлекались в круговорот общеиндийской (при всей условности данной дефиниции) экономической, политической и культурной жизни. Усилиями колониальных властей, преследовавших, разумеется, свои имперские цели, был создан современный общенациональный административно-бюрократический аппарат, достаточно подготовленный (после его постепенной и вынужденной «индианизации») к сохранению территориального единства Индии и поддержанию поступательности процесса ее государственно-политической интеграции.

Развитие системы коммуникаций, а в широком смысле - промышленной инфраструктуры как выражения потребности участия в региональном и отраслевом разделении труда интенсифицировало миграционные потоки на всей обширной территории Индостана, уплотнило социальное общение между жителями различных регионов субконтинента. Возникновение единой и весьма развитой для той поры системы коммуникаций не только было мощным стимулятором объединения и лишило реального смысла дихотомию британская Индия - княжества, но и, делая каждый из регионов частью мировой системы, сообщало дополнительные импульсы интеграции общеиндийской.

Потребности колониального управления были сильной мотивацией для создания и активного распространения унифицированной европейской системы образования с ориентацией на профессиональную подготовку, прагматический рацио-

511

нализм, оптимизацию решений, жесткое ощущение универсальной ценности времени. Можно без преувеличения констатировать: современная европейская система образования, успешно внедрявшаяся в стране с весьма продолжительной и глубокой интеллектуальной традицией, стала одним из ускорителей и экономического роста, и развития вглубь и вширь гражданских отношений.

Начавшееся в 70-е - 80-е годы XIX в. оформление общественных организаций, а в 1885 г. - учреждение партии Индийский национальный конгресс (ИНК) заложили основы развития институционального пространства современного (т. е. массовидного) политического процесса в виде политических партий, ускорило конституирование общеиндийской политической элиты, определенно стимулировало интеграционные процессы в сфере политической культуры и политического сознания⁵. Безусловно, данный процесс стал самостоятельным фактором, ускорившим становление гражданских отношений, так сказать, сверху, от области политических отношений. Видимо, можно констатировать иное, нежели в Западной Европе, соположение экономических и политических мотиваций в формировании гражданского общества и становлении современной политической системы в Индии, большую идеологизированность данного процесса в переходных обществах.

Формирование гражданского общества и институтов политической системы в колониальной Индии было значительно осложнено характером межконфессиональных отношений на индоостанском субконтиненте. Размежевание формировавшегося гражданского общества на религиозно-общинной основе сделало невозможным существование единого полицивилизационного образования, нации-государства (индусов и мусульман), поскольку: 1) была опосредованно подтверждена классическая западноевропейская парадигма гражданского общества: понятие «нация-государство» обрело в Западной Европе полное и всестороннее развитие главным образом потому, что Нидерланды, Франция, Англия, Германия и т. д. были

составными частями единого цивилизационного пространства. На Индостане же от-

⁵ Процессы политической интеграции развивались в диалектическом единстве с тенденциями становления других форм групповой солидарности: этнической, классовой, конфессиональной, деноминационной, локальной и т. п.

512

существование единого, - несмотря на несколько веков сожительства индусов и мусульман и кое-где явно выраженные элементы межконфессионального синтеза, - цивилизационного субстрата, основной несущей конструкции гражданского общества, исключило возможность существования государства на полирелигиозной основе; 2) слабая выраженность в социально-историческом опыте народов Индостана информационного поля, делающего поступки людей осмысленными и целенаправленными, имела следствием формирование у значительной части населения субконтинента моделей политического сознания, политической культуры и социальной активности под определяющим влиянием первичных, религиозно-общинных форм связи, тогда как собственно социальные потребности, результат приобщения к определенной сфере (и схеме) экономической деятельности, в общей поведенческой парадигме и личности и коллектива играли второстепенную роль⁶; 3) в колониальный период гражданское общество (а может быть, точнее: гражданские отношения) переживало начальный период становления в условиях, когда процесс дифференциации социума и общественных отношений под влиянием включения Индии в мировую систему только-только намечался. В то же время в Западной Европе происходило развертывание собственных (имманентных) закономерностей уже самоопределившихся подсфер общественных отношений (экономики, политики, культуры и искусства, науки, религии и т. д.). Институциональное развитие западной цивилизации имело следствием складывание правил, регулировавших деятельность экономических, политических и иных институтов, их взаимопроникновение, что, в конечном счете, обеспечивало количественно новый уровень саморазвития западноевропейской системы, повышало ее жизнеспособность. Данную траекторию, естественную и неизбежную, Индии пред-

⁶ Естественно, что в Западной Европе данное информационное поле складывалось в процессе передачи от поколения к поколению установок и ориентаций, последовательно вырабатывавшихся и отшлифовывавшихся Античностью, Христианством, Возрождением, Реформацией, Просвещением и другими эпохами, процессами и явлениями, в конечном счете утвердившими индустриально-капиталистический способ производства и его проявления в качестве альфы и омеги жизнедеятельности *новоевропейской* цивилизации

513

стояло пройти уже в период суверенитета, в уплотненные мировыми процессами сроки.

Несомненно, политическая модернизация в период колониализма была внутренне противоречивой. Однако она постепенно подтачивала, особенно в городах, основы традиционной власти (религию, общину, касту), тем самым создавая духовные предпосылки для развития современного человека, базовой единицы открытого политического процесса. Человек современный, первичный элемент политики как наиболее массового общественного явления, во всех исторических условиях был «строительным материалом» для политической системы открытого типа, для формирования буржуазных основ социума.

Становление в Индии общественных институтов индустриально-капиталистического типа опережало конституирование классов буржуазного общества и одновременно подталкивало данные процессы.

Следствием сознательного воздействия метрополии были достаточно развитые формы политического процесса в Индии уже в колониальный период. Первоначальная институционально-правовая основа политического процесса была подготовлена созданием централизованного аппарата административного управления, промышленной и транспортной инфраструктуры и учебных институтов различных ступеней (включая университеты), введением буржуазных процессуальных норм в деятельность правовых учреждений и т. д. Кумулятивное действие этих факторов способствовало распространению идей и ценностей капиталистического общества на Индостане.

Перенос политических институтов метрополии на индийскую почву, а равно и распространение в колониальном обществе сведений о жизни тогдашней буржуазной Европы формировали предпосылки творческого осмысления концепций, которые в Европе XVIII- начала XIX вв. стали платформой движений за создание наций-государств. Усвоение политических идей Запада стало реальным потому, что, говоря словами Р. Б. Рыбакова, «идеологическое развитие Индии стало частью мирового процесса, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

⁷ Рыбаков Р. Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981, с 9.

514

Безусловно, колониальное государство стало ареной «выяснения отношений» различных социально-политических сил, и, по мере «взросления» различных элементов профессионально-классовой структуры индийского общества, это государство было принуждено адаптировать свою деятельность к вновь возникавшим явлениям и процессам на субконтиненте. Эволюционность процесса политической модернизации и адаптивности институтов колониального государства, в конечном счете выразившая «геном» британской цивилизации и британского колониализма, - эти два базовых фактора медленно, но верно подвели Индию к естественно-ненасильственной рецепции системы представительства интересов, уже тогда эффективно функционировавшей в метрополии. Специфику пути Индии к демократии вряд ли стоит абсолютизировать, поскольку каноническая «площадка» парламентаризма, Великобритания, стала таковой после нескольких веков преобразований, социальных движений, а также принятия ряда

избирательных законов, постепенно расширявших человеческое пространство политической системы.

Не будем забывать: у политической модернизации в Индии были солидные социально-экономические основания. Уже в последней четверти XIX в. в отдельных частях британской Индии активно формировались очаги индустриально-капиталистического развития. Районообразующими ядрами модернизации стали крупные города- Калькутта, Бомбей, Мадрас, Ахмадабад, Канпур, Карачи, Нагпур и т. д. В их социально-профессиональной структуре все более заметную роль начинали играть общности современного типа: предбуржуазные предпринимательские элементы, т. н. профессиональный класс (юристы, медики, преподаватели), госслужащие, численно растущий (хотя и сохраняющий рудименты традиционной культуры и психологии) рабочий класс и т. д. Эти образования - и этот тезис аргументированно отстаивается индийскими историками- составили строительные материал для индийского среднего класса, основной несущей конструкции и системы политического представительства, и полноценного гражданского общества.

Социальные науки, изучающие Индию, неизбежно сталкиваются с необходимостью ответить на вопрос: насколько традиционные социально-институциональные связи, в частно-

515

сти кастовая система, совместимы с современными политическими институтами, партиями, выборами и т. п.? На мой взгляд, подход к сбалансированному ответу на поставленный вопрос был впервые, по крайней мере в отечественной индологии, обоснован Г. Г. Котовским в коллективной работе «Касты в Индии»⁸. Традиционное общество, силой тысячелетней традиции навязывая человеку нормы социальной дисциплины, всесторонне регулирует его общественное поведение. Возникает, таким образом, легитимность патримонильно-патриархального типа, если следовать традиции М. Вебера. Вследствие множественности кастовых группировок (социологи называют подобные образования кластерами), которых в каждом крупном национально-лингвистическом районе насчитывается около 200 основных (и множество неосновных групп каст), традиционный индийский социум предстает как бесчисленная совокупность замкнутых микроструктур, функционирующих по отношению друг к другу в режиме взаимного отталкивания и притяжения. На поверхности политической жизни, таким образом, наблюдаются конфликты полицентристского типа, соперничество традиционных общностей стимулирует развитие начал плюрализма, тогда как внутри-кастовые сцепления выступают своеобразным аналогом отношений классовой солидарности в индустриально-капиталистическом обществе.

Однако, замечу попутно, существует естественный предел гибкости и адаптивности кастовой системы. К данному пределу политической жизнестойкости эта система приближается по мере нарастания целостности социально-экономической структуры страны, уплотнения горизонтальных связей (и, следовательно, снижения самооценности механизмов простого воспроизводства), на базе которых развиваются средний класс и гражданское общество. Процесс политической модернизации имеет следствием эволюционное преобразование традиционных жизненных установок и олицетворяющих их социально-институциональных связей тогда, когда его темпы, масштабы и направленность определяются квалифицированными действиями власти, сознающей необходимость перемен в условиях опережающего развития

⁸ Касты в Индии. М., 1965.

516

внешнего мира⁹. Всегда и везде в переходных обществах существует своеобразное правило корректировки законов политической модернизации под воздействием демографических процессов. Однако верно и обратное утверждение, согласно которому демографическая динамика не остается неизменной и вынужденно подчиняется условиям, в которых существует данное общество. Сбалансированное развитие различных секторов хозяйства и систем производительных сил, как показывает опыт Индии в годы суверенитета, способно определенным образом сбалансировать негативные последствия «демографического взрыва».

Становление современных политических институтов на Индостане определялось не только прогрессом экономической, политической и социально-культурной модернизации «туземного» населения. Важную роль в политических процессах играла конкретная деятельность правящих кругов Великобритании в отношении Индии. В начале 80-х годов определились новые тенденции имперской политики в Индии. Либералы-прагматики во главе с назначенным кабинетом У. Э. Гладстона в 1880 г. вице-королем Рипоном отстаивали целесообразность максимального расширения колониального «блока власти» за счет формировавшихся «туземных» частнопредпринимательских элементов, интеллигенции, других сегментов средних слоев города, т. е. появлявшегося среднего класса. Определенным итогом двух, так сказать, встречных процессов (подъем антибританских настроений в Индии и либерализация имперской политики) стало образование в 1885 году, не без ведома и согласия колониальных властей, партии Индийский национальный конгресс, представлявшей собою и предохранительный клапан политического инакомыслия, и средство точного информирования англо-индийских властей о положении в стране.

⁹ Забегая вперед, отмечу: подобная политическая воля была исчерпывающе продемонстрирована правящим истеблишментом Индии, начиная с завоевания суверенитета в 1947 г. Сознательное преобразование традиционных институтов и форм мировидения массовых слоев населения стало одним из важных направлений деятельности правящих кругов Индии во главе с Джавахарлалом Неру. После его кончины в 1964 г. преемственность стала основой государственного политического курса.

517

Без риска преувеличения можно сказать: после создания конгресса значительно укрепились связи

между различными группами интеллектуальной элиты («туземных джентльменов», как их было принято называть в британской историографии), а в круг тем постоянного обсуждения постепенно вовлекались проблемы колониального управления (т. е. отношения метрополия - колония), налогово-финансовой политики, социального развития и культурно-религиозной жизни. Национальный конгресс, таким образом, быстро превращался в общенациональный политический форум, деятельность которого объективно стимулировала становление общеиндийского сознания и способствовала приобщению к политике не затронутых ею ранее слоев населения.

В начале XX в. на различных уровнях общественного процесса (общеиндийском, провинциальном, местном) развивалась довольно сложная и противоречивая реакция на меняющиеся внешние и внутренние условия существования индийского социума. И на каждом уровне формировалась своя модель политических отношений, свои принципы, субъекты и объекты политической «игры», свои политические представления и возможности их реализации.

Значительную роль в становлении современной политической системы Индии сыграла Первая мировая война. Во-первых, она значительно ускорила темпы экономической модернизации, поскольку размещение английских военных заказов на индийских предприятиях дало толчок форсированному развитию промышленности на современной основе. В свою очередь, экономические процессы способствовали развитию на фабрично-заводской основе рабочего класса, усилили его концентрацию в городах и потенциально повысили его восприимчивость к идеям национализма и к участию в политике.

Развитие основ политического представительства было зафиксировано в Законе об управлении Индией («реформа Монтегю-Челмсфорда»), принятом английским парламентом в 1919 г. Среди прочего, Закон 1919 г. предполагал ослабление контроля Британского Раджа (колониального государства) над политической жизнью в провинциях, т. е. начался процесс политической децентрализации. Помимо этого, становились более представительными законодательные органы: имущие слои Индии получили ограниченный доступ к системе государственного управления,

518

а реформа Монтегю-Челмсфорда объективно стала предтечей далеко идущих конституционных преобразований, прежде всего Закона об управлении Индией 1935 г.

Дальнейшее расширение социального пространства политики, которая в Индии начала превращаться в массовое общественное явление, обострило «социальный заказ» на деятелей, умеющих понимать социальную психологию широких слоев индийского народа и преобразовывать их интересы в непосредственные политические действия. Именно такими необходимыми качествами обладал Мохандас Карамчанд Ганди (1869-1948).

М. К. Ганди сумел соединить два основных потока, образовывавших национальное движение под управлением Индийского национального конгресса, - средние слои и мелкобуржуазные элементы (т. е. формировавшийся средний класс), с одной стороны, и массы индийского крестьянства - с другой. М. К. Ганди пытался - и весьма успешно - решить двуединую задачу: использовать их социальный потенциал и приобщить к современной политике, ее задачам, символам и технологиям. С помощью теории ненасилия и идеи национального согласия (консенсуса) во имя высших целей М. К. Ганди и его соратникам (основным среди которых, безусловно, был Дж. Неру) удалось осуществлять тщательно выверенные, строго дозированные антиколониальные акции. С помощью этих акций и политической стратегии и тактики «давление - компромисс - давление» лидерам национального движения удалось привести Индию к независимости, избежав, таким образом, насильственных сценариев, отличавших завоевание суверенитета в Алжире, Вьетнаме, Индонезии и многих других колониальных и зависимых странах.

Немаловажными для политического будущего Индии были сдвиги 20-30-х годов в расстановке партийных сил в Великобритании: в 1924 г. к власти пришло первое лейбористское правительство во главе с Р. Макдональдом. Лейбористы вскоре предложили свою версию колониальной политики. Руководители этой партии видели, что после войны в империи усилились центробежные тенденции. В то же время заинтересованность экономических элит колоний в сотрудничестве с метрополией ничуть не уменьшилась, поскольку операции на емком английском рынке приносили набирав-

519

шей силу «периферийной» буржуазии немалые выгоды. Все эти обстоятельства учитывали лейбористы, выступившие с новой концепцией социализации империи, создания Британского содружества наций.

Существо этой концепции выражали следующие положения. Первое: Британская империя со временем может превратиться в содружество суверенных народов, пользующихся помощью равноправных партнеров. Объединяющая политическая сила нового образования виделась в общности государственного устройства (представительная демократия) и политических традиций (конституционализм). Второе: концепция социализации предполагала усиление (в духе идей лейборизма) государственного интервенционизма в экономику зависимых стран с целью сознательной экономической модернизации и снижения радикализма политических требований в колониях, усиления «горизонтальных» связей между различными территориями империи. Третье: логика социализации должна была естественным образом привести к самоуправлению, правда, его осуществление откладывалось на неопределенное время.

Концепция социализации империи фактически облегчила развитие конституционного процесса в колониальной Индии, кульминационным пунктом которого по праву считают Закон об управлении Индией 1935 г. (вступил в силу 1 апреля 1937 г.).

Осуществленные по закону мероприятия (дальнейшее развитие системы политического представительства, «индианизация» колониального государственно-административного аппарата, децентрализация политической власти) фактически поощряли ненасильственное разрешение противоречий по поводу государственной власти между метрополией и колонией.

Правда, прошедшие в 1937 г. выборы в провинциальные законодательные ассамблеи были организованы по куриальному принципу, что необратимо осложнило отношения между двумя основными конфессиональными общностями- индусами и мусульманами. Помимо этого, разъединительные процессы активно поощрялись имущей верхушкой и политической элитой мусульманского сообщества, опасавшихся, что переход власти от англичан к индийцам будет иметь следствием тотальный контроль индусов над экономикой и политикой в но-

520

вообразованном государстве. Таким образом, раздел Индостана был предопределен.

Вторая мировая война, в частности быстрое военное продвижение японцев в Юго-Восточную и Южную Азию, по-новому поставила вопрос о завоевании суверенитета: отказ от дальнейших конституционных реформ мог вполне увенчаться массовыми беспорядками и неопределенностью перспектив Британского Раджа. Поэтому «военный кабинет» весной 1942 г. командировал в Индию миссию британских политиков во главе с левым лейбористом Стаффордом Криппсом. Новые английские предложения содержали некоторые новые идеи. Впервые за Индией было признано право на образование доминиона (в обозримый период после окончания войны). Британцы были вынуждены согласиться с самостоятельной разработкой индийцами конституции страны и с утверждением порядка избрания высшего законодательного института страны коллегией выборщиков-депутатов провинциальных собраний/ассамблей. За высшим законодательным органом было признано право сношений с метрополией в процессе передачи власти.

В 1944 г. с участием политической и экономической элит был разработан «Бомбейский план», который представлял собой стратегию развития Индии на долгосрочную перспективу после завоевания суверенитета (как минимум на 15-20 лет). Вокруг этой программы сформировалось согласие основных социально-политических сил общества относительно базовых целей развития страны и средств их достижения. Главной же триединой задачей было: создание общенационального производственного комплекса, формирование гражданского общества на основе среднего класса, как основной и наиболее активной части населения, построение устойчивой и постоянно воспроизводящейся системы политического представительства. Фактически к моменту обретения независимости в Индии было создано правовое государство со всеми подобающими данному образованию политическими и правовыми атрибутами. Можно сказать, что это государство выступило генератором современного политического процесса, с одной стороны, и объективно возложило на себя функции «трансформатора» социальной структуры до уровня, необходимого для функционирования институтов и практик индустриального общества, - с другой.

521

* * *

В социальных науках уже устоялась точка зрения, согласно которой основу социального пространства современной политики как массового общественного явления составляет средний класс. Его численность в современной Индии, по экспертным оценкам, составляет около 250 млн. человек, т. е. около четверти всего населения страны. Именно данная общность стабилизирует политическую систему, поскольку средний класс, по определению нобелевского лауреата Дж. Стиглица, «исторически выступал несущей конструкцией общества, управляемого силой закона и авторитетом демократических ценностей»¹⁰. «Курс Неру», основы которого были заложены в «Бомбейском плане» и который, с некоторыми видоизменениями (несмотря на явное неприятие личности первого премьер-министра Индии некоторыми социально-политическими силами страны), продолжает оставаться идейной основой стратегии развития, предполагал именно «вращивание» среднего класса, культивирование его ценностей и ориентаций.

Воздействие современных экономических процессов не повлекло за собой полного индустриально-капиталистического преобразования всего социального пространства экономической системы, хотя в период независимости происходило постоянное расширение современных форм хозяйствования, вовлечение в сферу их влияния новых массовидных групп населения. В отличие от экономики, политика, пронизывающая все сферы человеческой жизнедеятельности, активно вовлекала в свой водоворот массы индийцев (об этом, пусть косвенно и неполно, свидетельствует восходящая динамика активности избирателей: доля участвующих в выборах граждан превышает 60%). На последнем обстоятельстве следует остановиться более подробно.

Давно и справедливо подмечено: для общественной жизни переходных обществ характерна инверсия¹¹. Иными словами, речь идет об опережающих темпах развертывания социально-политических процессов по отношению к их, так сказать, материальной подоснове, т. е. динамике социально-экономичес-

¹⁰ Stiglitz G. *Globalization and its Discontents*. L., 2002, с 154.

¹¹ Подробнее см.: *Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы*. М., 1974.

522

кой структуры. Важным итогом почти 60-летнего независимого развития Индии стало неуклонное (можно даже сказать: эволюционное, не скачкообразное) повышение уровня политизации населения. Правда, данный процесс имел свои особенности в индийских штатах и пока не привел к появлению в общенациональном масштабе *человека политического*, т. е. рациональной личности, индивидуального

субъекта политических отношений, опирающегося на самостоятельное понимание собственных интересов. Пока процессы политической социализации выражаются в использовании населением существующих политических технологий с целью заставить правящие круги считаться с их нуждами и интересами, впрочем, в самой общей форме.

Парадигма политической модернизации Индии имеет циклический характер, поскольку она напрямую связана с избирательными циклами, которые фиксируют перегруппировки социально-политических сил и выдвижение новых групп истеблишмента на руководящие позиции в обществе.

Несомненно, избирательный процесс ускоряет политическую социализацию: ранее инертные слои населения овладевают современными технологиями политического участия, в их сознание постепенно проникают представления о способности человека и группы повлиять на деятельность правящего класса. Таким образом, политический процесс в Индии объективно выполняет функцию превращения подданного в гражданина. Есть и обратная сторона электорального процесса и политической социализации в Индии. Прежде всего это - повышение нагрузки на политическую систему, которая воспроизводится на несравненно более высоком, чем на Западе, уровне имущественного неравенства¹². Можно утверждать: основной вызов государству - это реальная политизация массовых слоев населения, устойчивый процесс, развивающийся, строго говоря, с 1952 г., т.е. с первых всеобщих парламентских выборов в независимой Индии.

¹² Справедливости ради заметим: потенциально высокий уровень социальной напряженности имеет тенденцию к «разрядке», поскольку темпы экономического роста в стране в последние 8-10 лет варьируют в диапазоне 5-6% и более. Созданные в годы суверенитета механизмы распределительной политики весьма *успешно справляются* с задачей снижения социальной напряженности в обществе.

523

Процесс массовой политизации испытывал за последние пять десятилетий и ускорения, и боковые и даже попятно-возвратные движения. На наш взгляд, процесс политической социализации в Индии подталкивался двумя группами факторов. Первое: естественной диверсификацией постколониального индийского общества, дифференциацией *его структур* и функций под влиянием обстоятельств индустриально-капиталистического развития. Второе: раскрепощением населения под воздействием открытости политической системы, начиная с завоевания суверенитета¹³. Политический процесс, если можно так сказать, развивался волнообразно, тогда как сами «волны» подхлестывались пятилетними или четырехгодичными избирательными циклами. В отличие от переходных обществ с непродолжительной политической традицией, в Индии каждые новые всеобщие выборы дополнительно вовлекают в политику массовые слои населения. Адаптация в политической системе предполагает, что «вновь прибывшие» формируют в себе новые качества, в том числе более высокие и дифференцированные претензии к государственной власти по сравнению с предыдущим периодом, т.е. с дополитической стадией существования массовых слоев электората.

Главное противоречие современного индийского общества, полагаем, состоит в вынужденном воспроизводстве политической системы на исключительно высоком уровне реальной либо потенциальной социальной напряженности. Потенциал конфликторегулирования у таких институтов, как каста, отнюдь не беспределен; и обостряющиеся социальные противоречия готовят ему новые испытания. На поверхности общественной жизни данное противоречие выступает как конфликт между качественно почти не изменившимся потенциалом политической системы (учет демографической динамики здесь весьма уместен) и растущими притязаниями к государству и власти со стороны массовых слоев народа.

Данные противоречия уже не могут быть, как прежде, эффективно нейтрализованы с помощью традиционных социально-институциональных матриц (религии, общины и проч.). Еще в начале 80-х годов прошлого века авторитетный в Индии

¹³ Впрочем, следует отметить, что интенсивность и темпы политизации корректировались *наличием социально-институциональных* механизмов традиционного индийского общества.

524

социолог Х. К. Паранджапе, в частности, писал: «Секрет прочности британской и некоторых других западных демократий заключается в том, что их правящие классы осознали необходимость своевременных компромиссов, и поэтому они (политические системы развитых стран. - А. В.) всегда находятся на шаг впереди революции. Мне кажется, что индийские имущие классы не способны сопрягать свои интересы с категорией долгосрочной перспективы»¹⁴.

Разумеется, мнение индийского ученого не свободно от полемической заостренности. Верно, однако, и то, что в политической системе Индии, несмотря на ее гибкость и пластичность, наличествуют «узкие» места: прежде всего следует иметь в виду так и не устраненное противоречие между поступательно развивающейся социализацией народа, с одной стороны, и отстающим мышлением политического класса - с другой.

Хорошо известно: социальная напряженность создает трудности для функционирования политической системы, угрожает целостности общества. Социальная напряженность неотделима от фрагментации социума, от его недостаточной горизонтальной интеграции, от относительной слабости среднего класса и неразвитости гражданского общества. Однако подобные дефиниции едва ли приложимы к нынешнему индийскому обществу. Устойчивый экономический рост, отработанный механизмы социального распределения его результатов, многочисленный (в абсолютных цифрах) средний класс - эти и многие другие факторы требуют более точной оценки состояния гражданского общества в Индии. Поэтому методологически более точной мне представляется дефиниция «поляризованное» гражданское общество,

адекватно передающая и «продвинуто» индустриально-капиталистических процессов, и наличие мощного пласта натурально-традиционных производительных сил и их социальных носителей. Таким образом, механизм смягчения социальной напряженности и преодоления фрагментации зависит от комплекса политических и экономических факторов, заслуживающих более подробного рассмотрения.

Сохранение политической системы в равновесном состоянии напрямую зависит от пластичности партийной системы, от

¹⁴ «Seminar», New Delhi, 1980, №251, с. 31.

525

ее способности (через последовательные перегруппировки сил) переместиться на более высокий уровень равновесия, консолидировать фрагментированные группы в целостности более крупного порядка. Однако, как отмечал еще во второй половине 70-х годов американский исследователь Д. Б. Розенталь, самое действенное средство стабилизации партийно-политической системы - это структурные преобразования в индийском обществе: последовательные аграрные реформы, расширение системы социальных услуг и облегчение доступа к ней низших слоев населения, приобщение сельской бедноты к кооперативному движению, политическая децентрализация через систему панчаятов и т.д.¹⁵ Вышеперечисленные задачи актуальны для Индии и в начале третьего тысячелетия.

Агрегирование интересов как средство преодоления социальной фрагментации характерно не только для Индии, но и для более развитых политий, в частности Италии. В сфере политических отношений можно наблюдать некую обобщенную тенденцию: речь идет о компенсации политическими средствами внутренней разобщенности переходных обществ.¹⁶ Впрочем, в процессе преодоления фрагментации возникают и определенные различия. Так, в Италии, т. е. в обществе с более диверсифицированной и четкой социальной структурой, формируется двухблоковая «антифрагментационная» модель (в центре которой располагаются правоцентристский и левоцентристский полюса притяжения), тогда как в Индии все социально-культурное и идейное многообразие общества начинает укладываться в три формирующихся полюса- традиционно-консервативный (БДП и союзники), национально-элитаристский (ИНК и тяготеющие к этой партии силы) и левоцентристский (включая коммунистов). Более сложный характер формирующейся в Индии партийно-политической структуры (по сравнению, например, с Италией) в конечном счете связан с тем обстоятельством, что привычная для развитой политической жизни оппозиция правые - левые как бы накладывается на ха-

¹⁵ Rosenthal D.B. *The Expansive Elite*. Berkeley, 1977, с. 159-305.

¹⁶ На наш взгляд, и Италию, с учетом сохраняющейся дихотомии *север - юг*, можно рассматривать как «продвинуто» модель переходного общества.

526

рактерную для переходного общества дихотомию традиционализм - современная политическая культура¹⁷.

Наконец, на жизненный тонус современного индийского социума активно влияет стратегия развития, последовательно осуществляемая политическим классом страны с 1947 г.

В 90-е годы в научной литературе нередко друг другу противопоставляются личности и поведенческие модели М. К. Ганди и Дж. Неру. Такого рода взгляды, некритически воспринимающие текущую политическую конъюнктуру Индии, являются, на мой взгляд, дилетантскими. Проблема взаимоотношений двух лидеров национального движения, несомненно, заслуживает специального внимания. Они- представители различных политических субкультур. Говоря конкретнее, Ганди и Неру выражали мысли и чувства, так сказать, традиционного и современного сегментов одного и того же общества.

В научном обиходе общества, подобные индийскому, принято называть дуалистическими/поляризованными. Ганди ясно представлял себе степень влияния в обществе прослойки крупных предпринимателей. В общесоциальных целях он пытался побудить верхушку бизнеса к умеренности в потреблении и, применяя современную терминологию, к системному восприятию индийского общества. Логическим итогом данных усилий стала идея добровольного самоограничения частнособственнических классов¹⁸. Таким образом, Ганди небезуспешно своим примером и своей деятельностью «вращивал» комплекс социальной ответственности в индийском предпринимательском сословии.

Поверхностны и представления об идейной и культурной ограниченности Дж. Неру. Первый премьер-министр Индии взвешенно и трезво смотрел на интериоризацию политической демократии и системы представительства в иерархически

¹⁷ См.: Володин А. Г., Широков Г. К. *Индия 90-х годов: политическая экономия «второй республики»*. - Индия и мир. М., 2000, с. 113-119.

¹⁸ Гандистская концепция самоограничения в начале третьего тысячелетия обретает второе дыхание: она выполняет функцию поддержания целостности индийской цивилизации. Отсутствие аналогичного комплекса идей в России, в частности, делает поведение отечественной политической системы труднопрогнозируемым.

527

стратифицированное, глубоко поляризованное общество. Реализм этот, надо признать, рельефно проявился в модели Неру-Махаланобиса, ставшей альфой и омегой стратегии независимого развития Индии. Среди ее опорных политических принципов целесообразно выделить следующие положения.

1. «Подмораживание» экономического роста с целью предотвратить отрыв т. н. современного сектора (олицетворявшего индустриально-капиталистические уклады хозяйства) от сектора натурально-традиционных производительных сил в условиях поступательного развития процессов политизации и наличия политической системы открытого типа. Эволюционный подход к модернизации социально-экономической структуры позволил сохранить ресурсный потенциал (запас прочности) политической системы и избежать неконтролируемого нарастания социальной напряженности в обществе.

2. Политически акцентированное стремление сохранить социальное равновесие в индийском обществе. Гибкая подстройка к расстановке социально-политических сил зримо проявилась, например, в конце 60-х годов, когда государство, национализировав 14 крупнейших частных банков, облегчило доступ к дешевому кредиту для мелкого и среднего предпринимательства, наиболее массовой базы поддержки политической системы Индии. В то время действия правительства Индиры Ганди помогли расширить социальное пространство политической системы, укрепить основы политического представительства в Индии.

3. Создание в процессе экономического роста завершено общенационального воспроизводственного комплекса и развитие в экономической системе связей горизонтального типа. Решение данной общеэкономической задачи стимулировало формирование среднего класса, носителя идей, ценностей и институтов гражданского общества.

При оценке социальной эффективности институтов политического представительства в Индии необходимо помнить: их устойчивое функционирование объективно создает благоприятные условия для социализации и адаптации к законам политической системы низших слоев традиционно-иерархического общества, подвергающихся процессам политической и экономической модернизации.

528

Социальная эффективность политических институтов в Индии напрямую зависит от выполнения по крайней мере трех предварительных условий:

1. Наличия традиции объединения основных социально-политических сил во имя совместного исполнения крупного общенационального проекта.

2. Способности политического класса концептуально сформулировать основные цели и задачи развития общества на средне- и долгосрочную перспективу.

3. Умения правящих групп своевременно вносить коррективы в текущую государственную политику.

Рост фундаменталистских настроений в сопредельных странах, попытки утвердить однополярное строение мира, настойчивое навязывание неолиберальной модели глобализации- эти и другие обстоятельства определенно осложнили внешние условия воспроизводства политической системы Индии. Однако важным ресурсом жизнеспособности индийской цивилизации однозначно является умение критически усваивать любой опыт, и положительный, и отрицательный. Такого рода качества позволяли Индии находить выход из самых серьезных испытаний.

529

В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН ЮЖНОЙ АЗИИ

В соответствии с принятым определением Южноазиатского региона в его состав входят два весьма крупных по населению государства с преобладанием мусульман- Пакистан и Бангладеш, а также Мальдивская Республика (300 тыс. жителей). Иногда в Южную Азию включают Афганистан, хотя он принадлежит, по большинству параметров, к Западноазиатскому (Ближне-Средневосточному) ареалу.

Особую актуальность изучению особенностей политического устройства Пакистана и Бангладеш придает острая международная ситуация в регионе. Индия с преимущественно немусульманским, более чем миллиардным населением является его подлинным центром. «Обрамляющие» ее с северо-запада и востока Пакистан и Бангладеш выступают нередко оппонентами Индии. Наиболее глубоки противоречия между Индией и Пакистаном, восходящие к периоду образования в 1947 году двух независимых государств на месте британской колонии. В основе споров лежала проблема, имеющая непосредственное отношение к рассматриваемой здесь теме, а именно, могут ли религия (в частности, ислам) и связанная с ней культура служить основой нации, национальной идентичности, определяя существенные черты политической системы и характера современного государства. Теоретические разногласия оказались сопряжены с проблемой определения судьбы одного из княжеств, входивших в состав колониальной Индии - Джамму и Кашмира. Большинство населения в нем составляли мусульмане, но решением правителя оно было присоединено к Индии. Как следствие, его международный статус до сих пор остается не проясненным. Отношения между двумя государствами на протяжении всего периода их существования были напряженными или прохладными, трижды прерывались военными действиями, а также короткими пограничными кон-

530

фликтами. Новая война таит серьезную угрозу из-за обретения Индией и Пакистаном ядерного оружия (испытано в мае 1998 года), а также баллистических и тактических ракет.

Материал, представленный в данной главе, распадается на три части. В первой коротко освещается история ислама в Индии и формирование мусульманского потока в движении за освобождение от колониального господства. Вторая часть посвящена особенностям политической системы в Пакистане и Бангладеш. Наконец, в третьей рассматриваются характерные черты политической культуры в двух этих странах. Цель данной главы состоит в том, чтобы выделить то главное, что отличает политическую систему и политическую культуру в Пакистане и Бангладеш от соответствующих явлений в других странах Азии, и прежде всего в Индии, с которой у них имеется в анализируемом плане много общего.

Ислам в политической истории и культуре Индии

Первое появление ислама на территории Индии (нынешней Южной Азии) обычно относят к 712 году, когда войска Умейядского халифа под командой Мухаммада бин Касема нанесли поражение Радже Дахиру, индусскому правителю Синда, государства, расположенного в среднем и нижнем течении р. Инд. Хотя синдская область Макран еще раньше, уже в конце VII века, при халифе Муавия, вошла в состав арабo-мусульманского государства. Утверждение власти арабов над низовьями Инда привело к созданию там страны ислама (дар уль-ислам) с характерным для них порядком обложения специальным налогом (джизьей) иноверцев, их оттеснением на задний план и созданием тем самым благоприятных условий для обращения местного населения в новую религию.

Этап окраинного, анклавного господства мусульман в Индии завершился к началу второго тысячелетия н. э. Утвердившиеся к тому времени на горных плато к северо-западу от Индо-Гангской равнины тюрки-мусульмане из Средней Азии распространили свою власть сначала на области в среднем течении Инда (Панджаб), а затем и на Двуречье Ганга и Джамны, вплоть до Бенгалии, а на юго-востоке до Гуджарата и Декана. Разрушительные походы Махмуда Газневи в начале XI века сопровождались безжалостным истреблением святынь

531

индуизма, но распространению ислама содействовало не только насилие и покровительство властей, но и прозелитская деятельность духовных руководителей мусульман, в первую очередь из числа суфиев, таких как Моинуддин Чиштия, Шейх Фаридуддин, Низамуддин Аулия и др. Власть мусульманских правителей над Индией с 1206 года осуществлялась из центра в Дели, расположенного в водоразделе между бассейнами Инда и Ганга. На протяжении трех веков главное мусульманское государство было известно как Делийский султанат, а с 1526 года как империя Великих Моголов. Последнюю основал выходец из Средней Азии Захируддин Бабур. При его внуке Акбаре границы империи раздвинулись, в нее входила уже не только Северная, но и большая часть Южной Индии. Акбар пытался примирить ислам и индуизм, пропагандировал их синтез в виде изобретенного им кодекса «дин-и-иллахи» (божественная религия), но неудачно. Его реформы вызвали консервативно-возрожденческую реакцию мусульманской общины и позднее привели к усилению строго исламского характера власти, особенно при последнем из могущественных могольских правителей падишахе Аурангзебе (1658-1707 гг.).

Со смертью последнего империя вступила в полосу длительного кризиса. С середины XVIII века она стала ареной соперничества европейских держав - Англии и Франции, а затем колонией первой из них. Впрочем, формально власть Великих Моголов была упразднена только в 1858 году, после подавления Сипайского восстания.

Таким образом, на протяжении почти тысячелетия ислам оставался в Индии господствующей политической силой. Государство Моголов в XVI-XVIII веках составляло важное звено в цепи восточных «пороховых империй» (Османской, Сефевидской). Северная Индия прочно входила в ареал арабo-персидской «высокой культуры», а среди представителей ее господствующих слоев заметное место занимали среднеазиатские тюрки и афганцы.

Хотя мусульмане, ряды которых неуклонно пополнялись за счет местного населения, в начале-середине XIX века составляли не более пятой части жителей, их представительство в высших слоях местного общества было тогда, скорее всего, преобладающим, или в крайнем случае паритетным с немусульманами, прежде всего индусами. Последние, однако,

532

раньше приобщились и лучше приспособились к британским колониальным порядкам и к концу столетия оттеснили мусульман на задний план.

Это вызвало у представителей мусульманской общины чувство протеста и стремление компенсировать потери. Английские власти, исходя из своих интересов, поддерживали приобщение мусульманской элиты к европейскому образованию, предоставив ей льготы политического характера. В 1905 году они разделили Бенгалию (самую крупную и старейшую из своих провинций) на мусульманскую и индусскую по преобладающему составу населения, в 1906 году согласились с инициативой образования Мусульманской лиги как организации, отдельной от функционировавшего с 1885 года общендийского Национального конгресса, а в 1909 году по первому конституционному акту Морли-Минто выделили мусульман в особую избирательную курию.

Последовавшее в годы Первой мировой войны и сразу после нее объединение всех политических сил Индии с целью добиться от англичан наибольших уступок на пути к самоуправлению вызвало затяжной кризис в рядах Мусульманской лиги. Из него она стала выходить только в 1937 году, после проведения выборов в законодательные провинциальные собрания. Победа на них представителей Индийского национального конгресса (ИНК) заставила мусульманскую элиту искать способы консолидации. Главным

идеологом этой линии стал известный поэт и философ Мухаммад Икбал, а политиком, благодаря которому в основном она увенчалась успехом, был Мухаммад Али Джинна, получивший еще до образования Пакистана от своих сторонников титул «каид-и-азам» (великий вождь).

В годы Второй мировой войны Джинна сумел воспользоваться выгодной ситуацией, созданной длительным тюремным заключением руководства ИНК во главе с Махатмой Ганди и Джавахарлалом Неру, и укрепил позиции и авторитет Мусульманской лиги. Долгое время остававшаяся элитной организацией, Лига в 1944-46 годах превратилась в достаточно массовую партию, использующую в своих целях в том числе и лево-популистские лозунги исламского социализма.

В 1940 году на ее сессии в Лахоре была принята резолюция, призывающая к образованию двух мусульманских государств на

533

северо-западе и востоке Индии. С этого времени обретает популярность название Пакистан («страна чистых»), а сама резолюция фигурирует как пакистанская. В 1946 году требованием Лиги становится раздел Индии на два доминиона-Пакистан и Хиндустан. Исчерпав аргументы против, на отделение Пакистана в конце концов соглашается и руководство Конгресса. В августе 1947 года происходит расчленение колониальной империи с образованием Индийского Союза и Пакистана.

Уход англичан был поспешным и плохо подготовленным. Раздел привел к перемещению из Индии в Пакистан и обратно 12-15 миллионов людей. Жертвами межобщинных стычек и погромов, сопровождавших рождение новых государств, стали, по разным оценкам, от 250 тыс. до 1 млн. человек.

Осенью 1947 года начались столкновения между индийскими и пакистанскими вооруженными отрядами в Кашмире. Заключенное с помощью ООН в самом начале 1949 года перемирие закрепило раздел княжества на индийскую (три четверти населения) и пакистанскую части, но за ним не последовало проведение плебисцита и решение спора мирным путем. Кашмирская проблема продолжала отравлять отношения между двумя соседями вплоть до 1965 года, когда Пакистан попытался засылкой диверсантов дестабилизировать положение в индийской части Кашмира, но натолкнулся на решительный отпор со стороны Индии.

Рожденный как отколовшееся и окраинное государство, Пакистан испытывал все трудности связанного с этим положения. Они увеличивались из-за разорванности страны на два «крыла» - Западный Пакистан отделяли от Восточного 1500 км индийской территории. Существенным был к тому же разрыв в культуре, быте и историко-литературных традициях населения западной и восточной частей страны. Географо-экономическая и культурно-историческая разобщенность создали фон, благоприятный для политических настроений в пользу обособления Восточной Бенгалии от Пакистана. Первые всеобщие выборы, проведенные поздней осенью 1970 года, показали популярность идей отделения, и уже в марте 1971 года ее сторонники провозгласили создание Народной Республики Бангладеш.

В конце того же года Пакистан вступил в крайне неудачную для себя войну с Индией. Она закончилась расколом стра-

534

ны, образованием Бангладеш и оформлением нынешней геополитической конфигурации в Южной Азии.

Характерно, что ислам не смог сыграть роль идейной силы, достаточной, чтобы сплотить созданное «во имя его» государство. Вместе с тем нельзя отрицать немалое значение, которое он имеет как одна из основ национально-государственной идеологии, в первую очередь в Пакистане, но также и в Бангладеш.

Особенности политической системы

Главной чертой в обоих государствах остается авторитаризм, слабость демократических норм и принципов. Некоторые особенности авторитарного политического устройства прямо связаны с наследием колониального времени.

Система колониального управления не могла, собственно, быть иной, кроме как авторитарной. Вместе с тем колониальные порядки в Индии в 20-40-х годах XX века считаются менее жесткими, чем установленные к тому времени Францией в Индокитае и Голландией на островах Малайского архипелага, в нидерландской Индии.

Вместе с тем и англичане в Индии прибегали к жестким средствам борьбы с оппозицией и подавления антиправительственных выступлений. Среди известных примеров периода после окончания Первой мировой войны - расстрел участников мирного митинга в г. Амритсар в Пенджабе в 1919 году, физическая расправа с участниками антибританских общеиндийских кампаний в начале 1930-х годов, и особенно в 1942 году. Помимо методов подавления массовых выступлений, англо-индийские власти использовали различные формы преследования политических лидеров и партийных функционеров, от арестов до осуждения по суду на длительные сроки тюремного заключения. Власть не гнушалась иногда прибегать к пыткам на допросах и варварским наказаниям типа порки розгами. Символом беспощадного преследования противников колониального режима стала тюрьма из камер-одиночек на Андаманских островах (разрушенная, впрочем, в конце 1930-х годов).

В карательных целях англо-индийская администрация в экстренных случаях использовала регулярные армейские час-

535

ти. Причем дабы избежать проявления чувств симпатий рядового состава к населению, для

подавления гражданских свобод, как правило, использовали подразделения, состоящие из набранных по контракту жителей удаленных от места их применения районов страны. Особой надежностью отличались солдаты-гуркхи из соседнего формально независимого Непала.

Наряду с армией англичане создали разветвленный аппарат полиции. Именно он выполнял основные задачи по поддержанию порядка и спокойствия. Действия полиции зачастую выходили за регламентированные рамки и отличались неприкрытым произволом.

Излишне говорить, что колониальный авторитаризм характеризовался отсутствием адекватного механизма выявления политической воли населения. Но определенные шаги в этом направлении англичане предприняли.

Уже говорилось об акте 1909 года, введившем элементы выборности и известном как реформа Морли-Минто, по имени министра (государственного секретаря) по делам Индии и вице-короля. В соответствии с ним к выборам в т. н. индийские советы, консультативно-законодательные органы при центральной и провинциальных администрациях, допускалась узкая прослойка состоятельных и образованных индийцев (не более процента от всего взрослого населения). В конце 1919 года вступил в действие новый конституционный акт Монтэгю-Челмсфорда, расширявший электоральный корпус при выборах в провинциальные законодательные советы до 5 млн. человек (около 3 проц. взрослого населения), но до выборов в центральное законодательное собрание допускалось впятеро меньшее число жителей. Последняя колониальная конституция, Закон об управлении Индией 1935 года, предоставлял активное избирательное право уже 30 млн., или примерно 15 процентам взрослых жителей.

Английские власти постепенно вводили и другие элементы демократического устройства- исполнительная ветвь отделилась, хотя и не полностью, законодательная, значительную самостоятельность приобрела судебная власть.

Основные положения конституционно-парламентской политической системы получили дальнейшее развитие в Пакистане и Бангладеш. Первая Конституция Пакистана была принята в 1956 году. При этом страна из доминиона превращалась в ис-

536

ламскую республику парламентского типа, сохранявшую членство в Британском Содружестве наций. Пришедшие к власти в 1958 году военные отменили первую конституцию и в 1962 году объявили о введении конституции президентской республики с широким использованием института непрямых многоступенчатых выборов. Она просуществовала до 1969 года.

В 1973 году парламент принял третью конституцию, которая не отменена до сих пор. Однако в нее в разное время вносилось 15 поправок, ряд которых вводили существенные изменения формы и типа действующей политической системы.

Единственная Конституция Бангладеш принята в ноябре 1972 года, однако часть многочисленных поправок к ней также фиксировала как серьезные перемены в механизме правления, вызванные чередованием гражданских и военных режимов, так и меняющиеся предпочтения государственной идеологии.

По сравнению с Индией, элементы авторитаризма в политической системе Пакистана и Бангладеш значительно заметнее. Если взять «идеальную» сферу, т. е. конституционное устройство, то в Индии, как и, к примеру, в США, была очень скоро после завоевания независимости разработана конституция, в целом выдержавшая проверку временем. Конституция 1950 года- *объемный и* тщательно разработанный документ, содержащий изложение основных принципов демократического порядка, прав человека и гражданских свобод. Отправляясь во многом от Закона об управлении Индией 1935 года, индийская конституция вводила принцип всеобщего избирательного права, прямого и тайного голосования в парламент (нижнюю палату), ответственного перед ним правительства, наделяя в то же время определенными существенными полномочиями избираемого косвенным путем (голосами парламентариев) президента и формируемую опосредованно высшую палату парламента. При этом главной причиной усложнения политической системы был множественный регионально-языковой (этнонациональный) состав Индии и ее построение на принципах федерации централизованного вида, без права выхода формируемых федерацией штатов из ее состава.

В Конституцию Индии 1950 года за более чем полвека было внесено свыше 100 поправок. Некоторые из них отражали особенности идеологических установок господствующих в

537

стране политических сил, но в основном они носили корректирующий и уточняющий характер.

В области реальной политики Индия оставалась примером самой крупной демократии в мире, где 13 раз проводились всеобщие выборы, из них 8 раз - очередные, по истечении пятилетнего срока работы парламента. Лишь в 1975-77 годах вместо предусмотренных конституцией норм политической жизни действовали правила чрезвычайного положения. Высокой оставалась политическая активность населения - в выборах принимали участие 50-60% имеющих право голоса.

В политической системе Индии партии и их лидеры играют главную роль. Иначе обстоит дело в Пакистане и Бангладеш. Как боковые, отклоняющиеся ветки на дереве южноазиатской демократии, их отличает гипертрофированное значение неполитических сил, прежде всего военной и гражданской бюрократии. Исторически это объясняется менее развитыми традициями политической жизни и борьбы в регионах, образовавших Пакистан и Бангладеш.

Кроме того, мусульмане северо-запада Индии (прежде всего панджабцы и пуштуны) охотно

рекрутировались колониальными властями в армию, и к моменту обретения независимости удельный вес военных среди представителей верхних и средних слоев был в Пакистане выше, чем в Индии. То же самое справедливо и в отношении гражданской бюрократии. Хотя среди политических деятелей колониальной Индии мусульмане составляли заметную часть, существенно, кстати, превосходившую их долю в населении, количественно слой политиков был невелик. Впрочем, пакистанская элита первых лет независимости по большей мере состояла как раз из них, причем в основном это были эмигранты из непкистанских районов Индии (главным образом из городов Дели, Лакнау, Хайдерабада и Бомбея), но затем они уступили первенство местным по происхождению чиновникам-бюрократам и военным.

Уже в середине 1950-х годов в Пакистане образовался военно-гражданский бюрократический «комбайн» (блок, или альянс), оттеснивший профессиональных политиков на второй план. Судебная власть оказалась в подчиненном положении, хотя и сохранила определенную независимость и самостоятельное значение. К управляющей элите примкнула и наиболее

538

преуспевающая часть деловых людей, торговцев и промышленников - пакистанские «олигархи», или, как их там тогда называли, «монополисты».

Военно-гражданский альянс осуществляет прямое или косвенное управление Пакистаном до сих пор. Из 59 лет суверенного развития военный и полувойенный (военно-гражданский) режимы существовали на протяжении 32 лет, а на существование гражданско-демократической политической системы пришлось 27 лет, т. е. соотношение примерно 50:50.

Существенной представляется также направленность перемен, и с этой точки зрения выделяются три крупных периода. Первый охватывает два начальных десятилетия, когда эволюция шла от переходной системы «учредительной демократии» к становлению «просвещенного авторитаризма» через короткий (два с половиной года) этап парламентской демократии. Второй период, начавшийся с кризиса военно-авторитарной системы, включает непродолжительный (пять лет) эксперимент с парламентским демократизмом при сохранении авторитарного существа власти и 11 лет исламизированного военного правления, которое три последних года (с 1985 по 1988) дополнялось фасадом квазипарламентской демократии, следствием проведения выборов на непартийной основе. Последний период (после гибели в авиакатастрофе в августе 1988 года генерала-диктатора М. Зия-уль-Хака) характеризуется преобладанием демократических черт (что соответствует и общемировой тенденции, «третьей демократической волне»).

Однако, несмотря на четыре раза проведенные выборы, суть политической системы кардинально не изменилась. Это стало особенно ясно после того, как в октябре 1999 года военные вновь, уже в четвертый раз, взяли на себя непосредственное управление страной. По прошествии трех лет, осенью 2002 года, прошли выборы в парламент. Однако существо власти не изменилось, т. к. военно-бюрократический альянс сохранил, условно говоря, контрольный пакет акций. Вместе с тем, в политико-юридической форме произошли изменения, которыми нельзя пренебрегать. Участие в выборах дало населению возможность реализации своих гражданских прав. Военные вынуждены делить власть с политиками и политическими партиями. Появилась перспектива дальнейшей демократизации системы управления страной.

539

При этом, разумеется, не следует забывать о дозированной уступке, на которые до последнего времени соглашались власть предержащие. Выборам октября 2002 г. предшествовало создание определенных, необходимых с их точки зрения предпосылок. В июле 2001 года генерал Мушарраф провозгласил себя президентом, а в апреле 2002 года состоялся референдум по вопросу о продлении на пять лет его президентских полномочий. Несмотря на невысокую явку и бойкот референдума основными политическими силами страны, процедура легитимации властного положения генерала и возглавляемого им режима была доведена до конца.

За выборами 2002 г. последовала полоса длительного закулисного торга. Партии, поддерживающие президента, хотя и сумели получить большинство мест в парламенте, но столь незначительное, что это затруднило решение юридических коллизий, связанных с введением в текст действующей Конституции 1973 г. поправок, существенно усиливающих роль президента и «встраивающих» в политическую систему новый орган - Совет национальной безопасности. Последний должен обладать контрольно-наблюдательными функциями и состоять из занимающих высшие военные и гражданские посты чиновников.

В политической системе Бангладеш много общего с пакистанской. Некоторые причины этого уже назывались. Помимо традиций колониального периода немалую роль сыграла и общая политическая судьба на протяжении четверти века, с 1947 по 1971 год. Одним из следствий пребывания Восточной Бенгалии в составе Пакистана было привлечение восточнобенгальцев к службе в вооруженных силах. Это делалось для того, чтобы несколько уменьшить отставание тогдашнего Восточного Пакистана в плане вовлеченности его представителей в бюрократический корпус, в том числе военный.

После достижения независимости преобладающими группами влияния в Бангладеш оказались функционеры ставшей правительственной партии «Авами лиг» (Народная лига) и участники сопротивления пакистанским военно-карательным силам из «мукти бахини» (армии освобождения). На вооруженные силы, как в Индии первых лет суверенитета, обращалось мало внимания, к старой бюрократии относились с подозрением, как к неизбежному злу. Преобладающие позиции ока-

540

запись у политического класса, весьма разношерстного по идейно-партийным ориентациям.

Экономические трудности, наступившие, в частности, в связи с тем, что Индия, как главный спонсор Бангладеш, не обладала достаточной мощью, способствовали вызреванию условий для бунта военных. Среди последних выделялись участники войны за освобождение в 1971 году и не участвовавшие в ней офицеры-бенгалцы, служившие в тот период в Западном Пакистане. Количественно последняя группа превосходила первую, но радикально настроенные элементы были и там, и там. После кровавой расправы в августе 1975 года с отцом нации (бангабандху) Муджибур Рахманом и его семьей военные в течение ряда лет приноравливали под себя политическую систему. Они увеличили втрое расходы на армию и ее количественный состав, укрепив свою «базу власти» и расширив военно-бюрократический слой.

Подобно тому, что было в Пакистане, вслед за первым переходным этапом господства профессиональных политиков в Бангладеш установилась система преобладания бюрократов из армейской и гражданской (прежде всего судебной) службы. При этом там сложилось более благоприятное для гражданских чиновников соотношение между ними и военными. Что объясняется, в частности, иной геополитической функцией страны. В отличие от Пакистана, который с конца 1970-х годов приобрел благодаря «сочлененности» с Афганистаном новую значимость в геостратегии глобальной холодной войны, Бангладеш ее потерял после окончания культурной революции в КНР и смерти Мао Цзэдуна в 1976 году, завершения Вьетнамской войны и сокращения советско-американского противостояния в Индийском океане. В то же время исключительно острая проблема нищеты, традиционно характеризующая Бангладеш (самую густонаселенную из крупных и бедных стран мира), привлекла к ней внимание международных экономико-благотворительных организаций и усилила роль местной бюрократии, помогающей реализовать их программы.

Вызывает поэтому даже некоторое удивление то обстоятельство, что из 34 лет независимости на военное правление в стране приходится 15 лет, т. е. соотношение приблизительно то же, что в Пакистане, - примерно 50:50. Логично, между тем, что правление военных в Бангладеш никогда не принимало

541

форму жесткого военного правления пакистанского типа. Гражданско-демократический фасад, за исключением относительно коротких интервалов после переворотов 1975 и 1982 годов, «обволакивал» власть военных. Правители из числа военных стремились быстро осуществить трансформацию в гражданских руководителей. Они активно занимались при этом партийным строительством, инициируя создание организаций, которые сохраняли в дальнейшем ведущее или заметное место в партийно-политической системе.

Из 19 лет гражданского правления три с половиной года приходится на начальный, «учредительный» период, а оставшиеся - на последний этап, наступивший после того, как армия в 1990 году отказалась поддержать своего «выдвиженца» генерала-президента Х. М. Эршада и «ушла в барак», предоставив политическим партиям соревноваться за власть на выборах 1991, 1996 и 2001 годов.

Характерные черты политической культуры

Та часть общей культуры, которая опосредует политическую деятельность, считается политической. В рассматриваемых нами мусульманских обществах главным культурообразующим фактором служит религиозный. Ислам к тому же, по общему мнению, теснее других религий связан с политикой и потому в весьма значительной степени определяет политическую культуру. Немалое значение имеют в то же время и этнические, регионально-языковые особенности культуры. Если религия играет в основном консолидирующую роль, то этнические факторы - дифференцирующую. Впрочем, и религия, в частности, такая, как ислам, не только объединяет, но и разбедняет. Ибо в исламе существует деление на два главных исторически сложившихся направления - суннизм и шиизм - и множество сект, суфийских орденов и религиозно-доктринальных сообществ.

Однако если не придавать большого значения внутрисламским различиям, Пакистан и Бангладеш относятся к числу весьма однородных в конфессиональном отношении государств. Мусульмане составляют 97% пакистанцев и 88% бангладешцев. Среди меньшинств в Пакистане первое место занимают христиане, проживающие главным образом в провинции

542

Панджаб, в ее деревнях и городах локального значения. Они - потомки представителей низших каст, обращенных в христианство (главным образом, католичество) миссионерами, занимавшимися активной прозелитской деятельностью в последние десятилетия колониального управления Индией. В северных и западных районах Синда обитают низкокастовые индусы, часть которых за последнее время преуспела в торговле. Высококастовых индусов на территории Пакистана почти не осталось. Резко уменьшилось после вступления страны на путь исламизации число парсов-огнепоклонников, входивших в деловую элиту и выехавших главным образом на Запад.

В Бангладеш основную массу немусульманского населения составляют индусы различных каст, главным образом низших. Основная их часть проживает в пограничных с индийскими штатами Западной Бенгалия и Ассам северных и северо-западных округах. В периоды обострения индусско-мусульманских отношений на субконтиненте и проведения властями Пакистана и Бангладеш политики «поощрения ислама» наблюдалась массовая эмиграция индусов в Индию. Их доля к 1971 году упала до 13% по сравнению с 18% в 1961 году. При светском режиме Муджибур Рахмана в 1972-75 годах она несколько выросла, но впоследствии сократилась до 11 процентов. Другие религиозные меньшинства - буддисты и христиане - вместе составляют 1% населения. Обе религии распространены главным образом среди жителей горных

районов области Читтагонг на восточной границе республики с Мьянмой (Бирмой) и индийскими штатами Мегхала и Трипура. Среди горных племен, сохранивших отчасти верность и анимистским культам, выделяются своей численностью чакма.

При почти абсолютной конфессиональной гомогенности Пакистан отличает сложный этнический и регионально-лингвистический состав населения. В первом приближении страну легко представить состоящей из четырех регионов, границы которых в основном совпадают с современными провинциями. Крупнейшая из них по населению - Панджаб (около 60%), далее Синд (несколько более 20%), Северо-Западная пограничная провинция (примерно 15%) и Белуджистан (5%). Две первые провинции расположены в долине реки Инд и ее притоков: Панджаб - в северной и центральной части, а Синд -

543

в южной. Две другие охватывают горную и пустынную местность к западу от Инда : на севере - СЗПП, а в центре и на юге - Белуджистан. Для основной части жителей провинций родными языками являются соответственно панджаби, синдхи, пушту и балучи, и они относят себя, как правило, к панджабцам, синдхам, пуштунам и белуджам. В то же время этническое самосознание находится нередко в подчиненном положении по отношению к исламской и общепакистанской идентичности (самоидентификации), а также к более дробной, локально-субэтнической. Закреплению этнической идентичности и ее превращению в национальную, помимо государственной политики, препятствует относительно слабое развитие письменной и литературной традиции на родных для большинства населения языках. Исключение составляет язык синдхи, сохраняющий значение средства обучения в школах Синда. В остальных регионах на начальной и средней ступенях используется урду - персизированный вариант североиндийских диалектов, получивший распространение среди образованных мусульман Могольской и Британской Индии. Носителями этого языка в Пакистане являются переселенцы из Индии и их потомки, именуемые мухаджиры (т. е. совершившие хиджру, переселение в религиозных целях, подобное тому, что на заре ислама совершили сторонники пророка Мухаммеда, ушедшие вслед за ним из Мекки в Медину). Они составляют большинство жителей крупнейшего пакистанского города Карачи (13 млн. человек), находящегося в устье Инда, в провинции Синд, а также ряда других больших синдских городов.

Особую регионально-лингвистическую группу составляют, по установившемуся в последние десятилетия мнению, носители языка сирайки, который считается диалектом панджаби, но имеет много общего и с синдхи. На сирайки говорит примерно 14% населения, проживающего главным образом в южных районах Панджаба. Выделение сирайки превращает панджабцев из абсолютно преобладающей лишь в крупнейшую этническую группу. Сложность этнолингвистического состава населения Пакистана на этом не исчерпывается, но здесь представляется излишним входить в дальнейшие детали. Интересно, что Бангладеш характеризуется однородностью по обоим базовым основаниям, причем этническое единство даже превосходит конфессиональное. К бенгальцам при-

544

надлежит 99% населения (на иных языках говорят только представители горных племен). Заметную категорию населения в «пакистанский» период (в 1947-71 годах) составляли так называемые бихари, урдуязычные переселенцы из районов Северной Индии, же мухаджиры, названные по имени соседней с Бенгалией провинции Бихар. В ходе борьбы за независимость Бангладеш бихари оказались в стане ее противников, и постепенно практически все они перебрались в Пакистан (проблема бихари долгое время оставалась весьма болезненной в пакистано-бангладешских отношениях).

Помимо религиозного и этнического факторов, на политическую культуру оказывают влияние общие экономические и социальные условия, грамотность и образование, гендерные различия.

Пакистан и Бангладеш относятся к странам Востока с крупным населением и слабым экономическим потенциалом. Число жителей в Пакистане приближается к 160 млн. (6-е место в мире), а в Бангладеш превысило 130 млн. (9-е место). Оба они относятся, по классификации Всемирного банка, к странам с низкими доходами (менее 756 долл. США на душу населения по обменному курсу валют).

Причем Бангладеш принадлежит к группе наименее развитых государств. Нищенское существование (менее 1 долл. в день на человека) влечит там 30% населения, а к бедному (менее 2 долл. в день) относится почти 80% жителей. Три четверти бангладешского населения проживает в деревнях в условиях крайней скученности и антисанитарии. Грамотным является половина мужского населения старше 15 лет и 30% женского.

Впрочем, за последнее время в традиционно, еще с колониальных времен, крайне тяжелой socioэкономической ситуации в Бангладеш (стране, которую давно уже характеризуют афоризмом «Слишком много людей на слишком малой площади») наметились некоторые позитивные сдвиги. В 1990-е годы немного снизилась доля исключительно бедного населения, возросла занятость. В пересчете на покупательную способность местной валюты душевой доход страны составляет примерно 1500 долл., что также исключительно мало, но позволяет понять, каким образом люди имеют возможность сводить концы с концами.

545

Политическая культура в деревнях Бангладеш сильно отличается от культуры в городах, особенно крупных, к числу которых относится столица Дхака (Дакка), главный портовый город Читтагонг, а также Кхулна, Маймансингх, Раджшахи и некоторые другие. Жители деревень в основном неграмотны, заняты замледиением и подсобными к нему занятиями. Они, как правило, предрасположены к одобрению патернализма со стороны власть предержащих, высоко ценят систему деревенского самоуправления

(деревенских советов, панчаятов), бюрократическую опеку, распределительные методы решения экономических проблем. Военные правители страны не раз использовали эту особенность деревенской политической культуры, легко добиваясь массового одобрения своих действий на референдумах и безальтернативных президентских выборах.

В городах, кроме немногочисленных элитных (буржуазно-бюрократических) групп, проживают лица, имеющие современную профессию- служащие, преподаватели, врачи, юристы, журналисты. Их отличает относительно высокий уровень образования и культуры, в том числе политической. Довольно значителен в ряде городов удельный вес студенчества, которое по традиции весьма активно участвует в политической жизни. К социальной категории, которая может быть мобилизована для участия в политических акциях, относятся городские торговцы, прибегающие в этом случае к хартамам (закрытию магазинов и лавок).

Политическая агитация среди рабочих сдерживается фактором изнурительного труда, на который они вынуждены соглашаться в условиях переизбытка рабочей силы. Труд бангладешца - один из самых дешевых в мире, что привлекло в страну международный капитал и позволило ему создать, вкупе с местным, значительную индустрию по изготовлению и экспорту одежды. Трудовой люд в городах, рассредоточенный в основном по малым и мельчайшим заведениям, остается «горючим материалом», который нередко используется в политических целях.

Для политической культуры Бангладеш, наряду с массовыми митингами, демонстрациями и различного рода манифестациями, характерно использование методов насилия, провоцирование бесчинств, погромов и беспорядков. Особенно часто последние происходят в разгар предвыборной борьбы и во

546

время проведения выборов. Традиционным для страны стало бойкотирование работы парламента проигравшими партиями. Они обычно обвиняют победившую сторону в грубой подтасовке результатов, не признают их и призывают сторонников к уличным, внепарламентским формам протеста, иногда перерастающим в побоища, за которыми следуют аресты и судебные разбирательства. Все это дестабилизирует обстановку, свидетельствуя о невысоком уровне политической культуры парламентско-демократического типа.

Положение в Пакистане во многом, но не во всем, сходно с бангладешским. Его отличает более развитый индустриальный потенциал. Годовой душевой доход по валютному курсу в 2005 году составил 670 долл. Пакистанский доход с учетом паритета валют превысил 2000 долл. По сравнению с бангладешскими, показатели Пакистана примерно на четверть выше.

Грамотность среди мужского населения Пакистана приближалась к 60%, а среди женского- к 30%. Существенные различия в грамотности и образованности мужчин и женщин отражают характерную для Пакистана ведущую роль мужчин в общественной жизни. Женщины, однако, не лишены возможности участвовать в общественных и политических делах. Но они при этом зачастую выступают в роли «заместителей» мужчин или их «наследников». Таков путь в политику вдовы и дочери З. А. Бхутто - Нусрат и Беназир. И хотя Беназир Бхутто рано превратилась в крупного и самостоятельного политика, она старалась строго соблюдать все предписания и ограничения, которые ислам и основанная на нем семейно-бытовая культура накладывают на женщину. В роли «заместителей» мужчин выступают и лидеры двух крупнейших партий Бангладеш - Хасина Вазед, дочь Муджибур Рахмана, и Халеда Зия, вдова генерала Зияур Рахмана.

Добавим, что положение женщины в пакистанской или бангладешской семье может быть весьма различным, от полностью подчиненного до равноправного. Жена, как правило, пользуется авторитетом как хозяйка дома, но главное как мать, и чем больше у нее детей, особенно сыновей- тем больше уважение.

Замкнутость женщин на семье, с сопутствующими ей обычаями женского затворничества, характерна для всего мусульманского мира, но в одних его частях она выражена более,

547

в других - менее сильно. В Пакистане также наблюдаются различия по регионам и этническим группам. Более всего она заметна у пуштунов и западных панджабцев, на севере и северо-западе страны.

Деревенская политическая культура в Пакистане отличается во многом теми же свойствами, что и в Бангладеш. Сельский люд, а также скопившиеся на окраинах больших и средних городов мигранты из деревень склонны «откликаться» на патерналистскую риторику, высоко ценят харизматических лидеров нации и тяготеют к обычаям прямой, непосредственной демократии. Это широко использовали и военные, и гражданские руководители Пакистана, в особенности З. А. Бхутто, в 1971-1977 годах.

Сельское население, занятое в основном земледелием, торговлей и ремесленным трудом, в массе слишком бедно и забито, чтобы интересоваться политикой национального масштаба. Однако оно проявляет интерес к политическим баталиям, протекающим на местном уровне. Сельский избиратель рассматривает выборы и в парламент, и в органы местного самоуправления (последние проходили в Пакистане регулярно с первых) с прагматической точки зрения. Он ждет, что выбранный им представитель добьется определенных льгот и преимуществ, и потому наибольшие шансы на выборах имеют выходцы из местной элиты, к которой относятся с экономической точки зрения богатые землевладельцы, купцы и торговцы, а с социальной - старейшины племен и кланов, главы сект, суфийских орденов и т. п.

Характерным свойством социальной психологии пакистанских, как и бангладешских, широких масс служит фатализм в восприятии жизни. На нем зиждется глубокая их религиозность, уверенность, что все происходит по воле Аллаха. Эту черту массовой психологии активно используют религиозно-политические

партии и организации. Их офисы и штаб-квартиры находятся в крупных городах, а также в отдельных чисто религиозных центрах.

Спектр религиозно-политических движений в Пакистане весьма широк. В нем можно выделить пять на сегодня главных потоков. Первое представлено консервативно-реформистским течением «Джамаат-е ислами» (Исламское общество), основанным мауланой (ученым богословом) А. А. Маудуди. Сход-

548

ное с распространенным в арабском мире движением «Братьев-мусульман», оно может быть охарактеризовано как фундаментализм или исламизм, как идеология борьбы за очищение и торжество ислама и построение подлинно исламского государства.

Во главе второго направления стоят улемы (богословы) суннитской школы деобанди (по названию города в Северной Индии, где в 1860-х годах обосновался главный центр религиозного обучения). В отличие от первого, с его идеями возврата к фундаментальным ценностям предков, второе принадлежит к традиционалистским идеологиям, ставящим целью не преобразование, а сохранение чистоты законов ислама (шариата) и борьбу с их нарушителями и отступниками. Главная политическая организация улемов-деобанди - «Джамиат-е улама-е ислами» (Сообщество исламских богословов). Наибольшую известность последователи этого течения приобрели в 1990-е годы в качестве духовных наставников и учителей афганских талибов.

Третье направление, как и второе, является традиционалистским. Во главе его находятся улемы суннитской школы барелви (по названию города в Индии, где в конце XIX века была основана их главная семинария, дар-ул-улум). Традиционализм улемов-барелви более терпим и консервативен, чем улемов-деобанди. Они мирятся с обычаями народного, низового ислама и признают распространенные среди мусульман Пакистана, Индии и Бангладеш ритуалы поклонения гробницам (мазарам) местных святых. В этом аспекте они смыкаются с суфизмом, так как почитаемые святые принадлежали обычно к различным суфийским орденам. Для третьего направления характерна борьба не столько за чистоту, сколько за распространение ислама. Отсюда следует, что немусульмане являются главным объектом его нападков. Головная политическая организация барелви - «Джамиат-е улама-е Пакистана» (Сообщество пакистанских богословов).

Четвертое течение часто характеризуется как ваххабитское. Однако оно отличается от арабского (саудовско-арабийского) приверженностью его сторонников не ханбалитскому, а ханафитскому толку (фикху, юридической школе) в суннитском исламе. Сближает их, между тем, пуританская мораль, ориентированность на джихад (усилия во имя веры) и

549

единение всех правоверных мусульман. Если три первые течения сложились политически в основном в 1940-е годы, то пакистанские ваххабиты, «Ахл-уль-хадис» (Люди предания), организовались в 1960-х годах и заявили о себе в полной мере лишь позднее, после образования в Лахоре (главном городе Панджаба) в начале 1980-х годов группы «Дават-валь иршад» (Призыв и наставление).

Пятое направление, в отличие от названных выше суннитских, объединяет приверженцев шиизма и сложилось в начале 1980-х годов после объявленного военными властями введения мер по исламизации. По имени основной шиитской юридической школы - джафария - их политическая организация получила название «Техрик-е нифаз фикх-е джафарий» (Движение за утверждение джафаритского фикха). Возникнув как движение в защиту прав шиитов, это течение приобрело отчасти наступательно-реформаторский характер под влиянием успехов шиитской (неошиитской) идеологии в Иране и популярности среди мусульман Пакистана идей и самой фигуры имама Хомейни.

В рамках пяти основных потоков и за их границами функционирует значительное число менее крупных, а также производных, «дочерних» групп и организаций. Существенная часть из них относится к категории экстремистских, террористических. В 1980-90-е годы в Пакистане развернулась межсектантская война между боевыми организациями суннитов-деобанди и шиитами, а также между деобанди и барелви. От заказных убийств, нападений и погромов пострадали несколько тысяч человек.

Пакистан, включая находящуюся под его контролем часть бывшего княжества Джамму и Кашмира, стал также базой подготовки и тылового обеспечения террористов, действующих в индийском штате Джамму и Кашмир. С 1989 по 2005 год там погибло, по официальным индийским данным, свыше 35 тысяч человек. Согласно оценкам противоположной стороны, число жертв превысило 80 тысяч. Главными «материнскими» организациями для кашмирских боевиков являются «Джамаат-и ислами», «Джамиат-е улама-е ислами» и «Даватваль-иршад». Боевые организации, число и названия которых претерпевали изменения под влиянием конъюнктурных обстоятельств, входят в «Объединенный фронт джихада», но

550

действуют самостоятельно. Наиболее активные и одиозные группы - «Харкат уль-муджахедин (Движение борцов за веру), «Джайш-е мухаммад» (Армия Мухаммада) и «Лашкар-е таиба» (Ополчение чистых)- были запрещены властями Пакистана осенью 2001-зимой 2002 года. Как этими, так и другими мерами преследования (арестом 2 тысяч исламистов и осуждением отдельных лидеров) удалось существенно ослабить, но не искоренить экстремистский ислам. Впрочем, такой задачи власти, очевидно, и не ставили. Экстремизм тесно связан с исламорадикализмом, который остается важнейшей частью политической культуры Пакистана.

В исламские тона окрашены и другие составляющие партийно-политической системы страны. Ее стержень- партия Мусульманская лига- опирается на ислам как на фундамент пакистанской идеологии. А

последняя использовалась всеми сменявшими во времени друг друга «партиями власти», как бюрократическими, так и политическими.

Религия служила одним из оснований не только национализма, но и социализма с местной спецификой. Последний стал знаменем созданной в конце 1960-х годов Пакистанской народной партии, организации З. А. Бхутто и его политических наследников.

Мусульманский национализм, исламский социализм и пакистанская идеология - таковы основные формы присутствия нерадикального ислама в политической культуре Пакистана. Они вполне согласуются с представлениями о светском, секулярном характере государственного устройства и либерально-демократических политико-юридических моделях.

Ввиду отмеченной ранее сложности регионально-языкового, этнического состава населения, в отдельных частях страны популярностью пользуются партии национального (субнационального) типа - пуштунские, прежде всего «Авами нэшнл парти» (Народная национальная партия), сидхские, например, «Джай Синд» (Да здравствует Синд), белуджские «Балучистан нэшнл парти» (Национальная партия Белуджистана). Важное место занимает партия мухаджиров, «Муттахида кауми махаз» (Объединенный национальный фронт). Но и в идеологии этих партий ислам играет определенную, пусть и неявную роль, ввиду того, что религиозное и этническое самосознание в среде пакистанских мусульман тесно связано между

551

собой. Протест регионально-лингвистических партий вызывает ощущаемая ими дискриминация со стороны центра, где доминируют представители крупнейшего панджабского этноса.

Некоторые черты культуры политической борьбы, характерные для Бангладеш, отличают и Пакистан. Среди них сочетание парламентских и внепарламентских ее форм, распространенность уличных митингов и шествий, забастовок рабочих и харталов торговцев.

Пакистан отличает традиционно более низкая, чем в Бангладеш (и в Индии), степень участия населения в выборах. Это, вероятно, отражает разочарованность масс в электоральных процедурах, постепенно сложившуюся благодаря манипулированию выборами и подтасовке их результатов. Особенно заметно участие снизилось в 1990-е годы, когда свое активное избирательное право использовали лишь 30-40 процентов взрослого населения (в Бангладеш и Индии- 50-60 процентов). Наиболее низким коэффициент участия остается в глубинных районах и среди женщин. В городах население и более грамотно, и более политически активно, но и там распространены апатия и недоверие к властям.

Между тем по степени образованности, в том числе знанию английского языка, пакистанская интеллигенция мало чем отличается от индийской. Весьма высок уровень подготовки государственной бюрократии, как военной, так и гражданской. Лица свободных профессий и чиновничество населяют главным образом крупнейшие города-столичную агломерацию Исламабад-Равалпинди, многомиллионные Карачи и Лахор, а также провинциальные столицы - Пешавар и Кветту. Однако образованный слой численно весьма невелик и в большей мере, чем индийский, ориентирован на связи с диаспорой, прежде всего в США и Великобритании. Для примера, в первой из этих стран проживает 2 млн. выходцев из Индии и около полумиллиона - из Пакистана, т. е. разница составляет примерно четыре раза, при различии в общей численности жителей, равном семи.

Обращаясь еще раз к политической культуре Бангладеш, надо заметить, что идеологическую ее основу составляет бангладешский национализм, сложившийся на базе мусульmano-бенгальской идентичности. При этом исламский элемент отличает бангладешскую политическую общность от индийско-

552

бенгальской, а бенгальские язык и историко-литературные традиции отделяют ее от пакистанской. Такому положению соответствуют два основных потока в партийно-политической системе республики. При этом один из них опирается в большей степени на мусульманский, а другой- на бенгальский компоненты. Первый представлен Бангладешской националистической партией Халиды Зия, а также Народной партией бывшего президента генерала Х. М. Эршада. Второй поток возглавляет «Авами лиг» во главе с Хасиной Вазед.

Определенные позиции имеет и политический ислам. Он представлен главным образом партией «Джамаат-е ислами», идеологически близкой к одноименным организациям в Пакистане, Индии и индийском Кашмире. От лица традиционалистского исламизма в «пакистанский» период выступала партия «Низам-е ислами» (Исламское устройство), а на современном этапе - «Ислами окийо джоти» (Партия исламского единства).

Заключение

Образовавшиеся в результате распада колониальной британской империи в Индии в 1947 году и раскола Пакистана в 1971 году (Мальдивы освободились от английского протектората в 1965 году) мусульманские государства Южной Азии отличают некоторые специфические черты как политической системы, так и политической культуры. Для структуры власти в них характерны преобладание элементов авторитаризма, господство бюрократии, самостоятельная политическая роль армии. Хотя конституционное устройство и Пакистана, и Бангладеш основано на британской так называемой вестминстерской модели демократии, в обеих странах, особенно Пакистане, проявлялось тяготение к президентской форме правления. В карликовой Мальдивской республике такая власть установлена законодательно.

В политической культуре велико значение ислама. Он является официальной религией в

соответствии с конституциями. В Пакистане государство по основному закону должно оказывать содействие в отправлении культа, обучении и воспитании в религиозном духе. Ислам служит в Пакистане главным элементом государственной идеологии, а в Бангладеш - одним из них. Верность исламу и его ценностям декла-

553

рируют большинство основных партий и общественных организаций.

Заметную роль в обеих странах, в особенности Пакистане, играют и чисто религиозные партии. Придерживаясь доктрин фундаменталистского (консервативно-реформаторского) типа, некоторые из них занимают видное место в выходящем за национально-государственные рамки радикальном исламе, или интернациональном ислализме. Его цель и лозунг - джихад, священная борьба как усилие по утверждению веры. В широкое толкование джихада входят как насильственные, диверсионно-террористические, так и мирные, просветительско-проповеднические способы деятельности. Дифференциация исламистских организаций на мирные и экстремистские - сложная задача, так как грань между ними зачастую размыта, а характер активности меняется под влиянием различных обстоятельств.

Таким образом, политическая культура рассматриваемых стран с преобладающим мусульманским населением густо окрашена в исламские тона, а система власти по сути авторитарна. Эти особенности, по всей видимости, не претерпят коренных изменений в будущем, что однако не исключает попыток продвижения по пути модернизации и демократизации.

Литература

Апаев Л. Б. Индийские идентичности в условиях модернизации / Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М., 1999.

Белокреницкий В. Я. Ислам и власть, опыт Пакистана / Ислам и исламизм. М., 1999.

Белокреницкий В. Я. Пакистанский исламорадикализм - эволюция и связь с региональным терроризмом / Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М., 2001

Захожая А. Н. Бангладеш: становление и развитие государственности. М., 1984.

Плешов О. В. Ислам и демократия. Опыт Пакистана. М., 1997. Пучков В. П. Политическое развитие Бангладеш. 1971-1985. М., 1986.

554

Сумский В. В. Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш. М., 1987.

Шерковина Р. И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане М., 1983.

Энциклопедия Пакистана. Ред. Ю. В. Ганковский. М., 1998.

Ahmed A. S. Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. L., 1997.

Bose S., Jalal A. Modern South Asia: History, Culture, Political Economy. L., N.Y., 1998.

Jalal A. Democracy and Authoritarianism in South Asia. Cambridge, 1995. Murshid T. M. State, Nation, Identity: Ideology and Conflict in Bangladesh / Region and Partition. Bengal, Punjab and the Partition of the Subcontinent. Karachi, 1999.

Pakistan. Founder's Aspirations and Today's Realities. Ed. H. Malik. Karachi, 2001.

Saifuddin A. The Roles of Religion and National Identity in Bangladesh. Abo, 2000.

555

Л. М. ЕФИМОВА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СТРАН ЮВА: МАЛАЙЗИЯ, ИНДОНЕЗИЯ, СИНГАПУР

В политических системах стран Юго-Восточной Азии переплетаются элементы западных либерально-демократических моделей и самобытные традиции национальных политических культур. Наиболее ярким примером сочетания западных и восточных черт служит политическая система современной *Федерации Малайзии*.

Федерация Малайзия по своему государственному устройству является конституционной монархией. Но сама монархическая форма правления отличается значительным своеобразием, отображающим исторические особенности складывания этого государства.

Государственное устройство современной Малайзии наглядно отражает историю образования страны. Когда в конце XVIII века англичане появились на Малаккском полуострове, здесь не существовало единого государства, а были мусульманские княжества, возглавляемые суверенными правителями. Княжества, расположенные на севере полуострова на границе с Сиамом, рассматривались сиамскими королями как находящиеся в вассальной зависимости от них. Хотя сами малайские правители не всегда разделяли эту точку зрения, время от времени они посылали к сиамскому королевскому двору «золотой цветок» - искусно сделанные из золота и серебра цветы, служившие в те времена символом признания могущества соседа.

Первым территориальным приобретением Англии в этом районе был остров Пинанг и лежащее напротив него побережье султаната Кедах, полученные Британской Ост-Индской компанией в 1785 году за военную помощь султану Кедаха. В 1824 году между Англией и Голландией - двумя соперничавшими колониальными державами - был заключен договор, по которому Голландия уступила Англии город и форт Малакку и

556

все зависимые от нее территории на полуострове в обмен на английское владение на Суматре.

Затем колониальная экспансия Британии распространилась на все малайские княжества. Одновременно англичане начали закрепляться и на севере острова Борнео (Калимантан). В 1841 году английский авантюрист Джеймс Брук в обмен на военную помощь, оказанную им султану Брунея, получил под свое управление территорию Саравака и титул раджи. Саравак был превращен во владение «белых

раджей» из семейства Бруков, которые продолжали оставаться подданными британской короны. В 1888 году Саравак и Сабах (еще одна территория Северного Калимантана) стали английскими протекторатами, а в 1946 году - коронными колониями Англии.

Независимое государство Малайская Федерация было создано в 1957 году в составе девяти княжеств полуострова и коронных колоний Пинанг и Малакка. В 1963 году к нему присоединились колонии Англии на Северном Калимантане, а также Сингапур, правда, через два года вышедший из федерации. Так образовалась современная Федерация Малайзия.

Ныне действующая конституция вступила в силу одновременно с провозглашением независимости Малайской Федерации 31 августа 1957 года. В связи с образованием Федерации Малайзии 16 сентября 1963 года в конституцию были внесены дополнения - Акт о Малайзии. Он не изменил существа Конституции 1957 года.

Государственное устройство современной Федерации Малайзии отличается значительным своеобразием. Страна представляет собой федерацию 14 территорий, расположенных на полуострове Малакка с прилегающими островами, а также на северной части острова Калимантан. Границы федеральных единиц сложились в процессе их исторического формирования. Национальные меньшинства никак не выделяются территориально.

Все федеральные единицы называются штатами, но их статус неодинаков. Девять из них, находящиеся на Малакском полуострове, являются княжествами (султанатами), в которых и сегодня сохраняется полуфеодалная система управления.

Малайские княжества возглавляют пожизненные правители, власть которых имеет наследственный характер. В семи

557

княжествах они именуются султанами, в княжестве Перлис правитель называется раджа, в султанате Негери-Сембилан - главный правитель (Янг ди-Пертуан Бесар). Дело в том, что Негери-Сембилан в переводе означает «девять государств», и это княжество представляет собой сложившееся к концу XVIII века объединение более мелких княжеств, каждое из которых имеет своего наследственного правителя. Поэтому главный правитель Негери-Сембилан осуществляет власть как от своего имени, так и от имени глав княжеств, вошедших в Негери-Сембилан. Он избирается правителями самых крупных из этих княжеств. После его смерти они выбирают наследника из числа его потомков мужского пола. Если они посчитают их по каким-либо причинам (состоянию здоровья, возрасту) не подходящими для наследования власти, то избирается другое, более подходящее лицо, в первую очередь из братьев покойного правителя или из дядей со стороны отца и т. д. Только после того, как будут исчерпаны эти возможности, выбор может пасть на какого-либо другого кандидата.

Малайские султаны не обладают абсолютной властью в своих княжествах. Как и в других штатах Малайзии, в княжествах на основе всеобщих выборов избираются законодательные ассамблеи и формируются правительства во главе с министрами. Основные направления внутренней и внешней политики страны разрабатываются и реализуются центральным правительством во главе с премьер-министром. Тем не менее, малайские султаны играют важную роль в политической жизни страны. Они обладают рядом привилегий и прерогатив. Среди особых прав султанов наиболее важное - избрание верховного главы государства.

Как уже говорилось, Федерация Малайзия - конституционная монархия. Но пост монарха - не наследственный. Избирать короля и быть избранным на этот пост имеют право только правители девяти малайских княжеств. Конференция правителей (Совет правителей) избирает из своего состава сроком на пять лет конституционного монарха, возглавляющего всю федерацию. Одновременно с Верховным правителем также из глав султанатов избирается его заместитель, который осуществляет обязанности монарха, когда последний не в состоянии это делать.

На пост главы государства избирается обычно самый старший по возрасту в порядке очередности, Но нельзя по-

558

вторно избирать султана королем, пока правители всех княжеств не побывают на этом посту. Первым верховным главой стал правитель княжества Негери-Сембилан, вступивший на этот пост 3 августа 1957 года.

Влияние традиционной политической культуры проявляется также и в том, что Верховный правитель имеет самый высокий социальный статус и ранг в стране. За ним следует его жена, затем султаны и губернаторы. Верховный глава может быть отстранен от власти только решением совета султанов. Монарх выполняет представительские функции главы государства, советуясь с парламентом и правительством.

Совет правителей, помимо избрания главы государства, также дает советы при назначении судей, генерального прокурора, членов избирательной комиссии и комиссии государственной службы, которая ведает назначениями на административные должности и перемещением государственных служащих. Совет принимает или отвергает законы, касающиеся вопросов, связанных с изменением границ княжеств.

Правители княжеств пользуются на своих территориях особыми привилегиями. Они юридически неприкосновенны. Им также принадлежат все права, прерогативы и полномочия главы религии в своем султанате. Исключительной прерогативой султанов являются вопросы, связанные с национальными обычаями и традициями. Султаны поддерживают и регулируемую систему социальной организации в своем княжестве.

Конституция Малайзии, наряду с отмеченными элементами традиционной политической культуры, санкционирует деятельность в стране также принципов и институтов либерально-демократической модели западного образца. Согласно конституции, власть делится на законодательную, исполнительную и судебную.

Высшим законодательным органом Федерации Малайзии является федеральный парламент, который состоит из сената и палаты представителей. Председатель сената и спикер палаты представителей определяют дату начала сессии парламента, а Верховный правитель объявляет о его созыве. Парламент вырабатывает и утверждает законы, распространяющиеся на всю территорию страны. Он контролирует финансовую деятельность правительства и является местом выражения общественного мнения по вопросам, имеющим общенациональное значение.

559

Сенат состоит из 68 членов, 40 из которых назначаются Верховным правителем за выдающуюся общественную деятельность, заслуги в своей профессии, коммерции, промышленности, сельском хозяйстве, культуре и службе на благо общества или в качестве представителей национальных меньшинств и лиц, защищающих интересы коренных народов. Назначаются также два представителя от федеральной столичной территории. Остальные 26 членов сената - по два от каждого султаната и штата - избираются на их законодательных ассамблеях. Председатель сената и его заместитель выбираются из числа сенаторов. Срок деятельности сенатора - три года. Сенатором может стать гражданин Малайзии не моложе 30 лет.

Палата представителей полностью выборная. Спикер и его заместители избираются членами палаты представителей. Возрастной ценз палаты представителей - 21 год.

Парламент функционирует в течение пяти лет со дня первой сессии, после чего считается автоматически распущенным. Затем в течение 2-3 месяцев должны быть проведены всеобщие выборы в палату представителей.

Исполнительная власть реализуется правительством. Главой исполнительной власти является премьер-министр. Он должен обладать малайзийским гражданством по закону, а не иметь его путем регистрации или натурализации, а также быть членом палаты представителей, а не сената. Премьер-министр председательствует на заседаниях правительства, координирует его политику и административную деятельность министерств и ведомств. Он «дает советы» монарху при назначении судей, членов Избирательной комиссии, Комиссии государственной службы и других высших чиновников.

Верховный правитель назначает кабинет - Совет министров, состоящий из премьер-министра и не установленного конституцией числа министров, которые обязательно должны быть членами парламента (палаты представителей или сената). Министры назначаются «по совету» премьер-министра.

Как правило, правительство формирует партия, получившая большинство на всеобщих выборах и способная обеспечить себе поддержку в палате представителей. Лидер партии назначается премьер-министром. Если же этот лидер теряет доверие большинства членов палаты представителей, то либо

560

кабинет уходит в отставку, либо он просит, чтобы Верховный правитель распустил парламент (фактически палату представителей). Конституцией предусмотрено, что монарх может не согласиться с этим в том случае, если существует возможность создания иной партийной коалиции, способной получить вотум доверия в парламенте.

Судебная власть представлена Верховным судом страны, Высшим судом Малайи (для территорий Западной Малайзии, расположенных на Малаккском полуострове) и Высшим судом Борнео (для территорий Восточной Малайзии, расположенных на этом острове). В стране действует также сеть низших судов. Существует и система шариатских судов, решающих дела по вопросам брачно-семейных отношений исключительно среди мусульман.

Суд обладает правом толковать конституцию и законы, объявлять федеральные законы и законы султанатов и штатов недействительными, если они не соответствуют конституции или федеральным законам, а также объявлять незаконными те или иные действия правительства. Суды юридически независимы и не входят в систему Министерства юстиции.

Избирательная система Малайзии имеет формально демократический характер. Всеобщие выборы в парламент проводятся раз в пять лет. Выборы прямые, всеобщие, равные и тайные. Все граждане страны, включая женщин, имеют право голоса. Согласно конституции, в стране существует постоянно действующая Избирательная комиссия. Ее целью является охрана, наблюдение и поддержание демократического процесса в стране путем проведения справедливых выборов. Избирательная комиссия - независимый орган, председатель и члены которой назначаются Верховным правителем после консультаций с Советом правителей.

В управлении отдельных султанатов также прослеживается переплетение традиционных и либерально-демократических институтов. Как уже отмечалось, девять султанатов представляет собой конституционные монархии. Наряду с наследственным правителем, который неизменно является представителем малайского этноса, в каждом султанате имеется своя конституция и демократические органы власти - законодательные ассамблеи. Законодательные ассамблеи состоят из одной палаты. Они осуществляют законодательные акты по во-

561

просам, которые не зарезервированы федеральными законами и конституцией всей страны. Если возникает противоречие между законами султаната или федеральным законодательством, преобладает

федеральный закон.

Остальные четыре федеральные территории (кроме особого столичного округа) возглавляются назначаемыми губернаторами. Губернаторы могут принадлежать к некоренным этносам Малайзии. Их права меньше, чем права султанов-малайцев. Они не входят в Совет правителей, не участвуют в выборах Верховного правителя. В остальном власть в штатах построена по такому же образцу, как и власть в султанатах.

Население Малайзии крайне неоднородно по своему религиозно-этническому составу. Около половины составляют мусульмане, представленные в своем большинстве малайцами, некоторыми выходцами из Южной Азии и арабских стран. Лица китайского происхождения придерживаются буддизма, конфуцианства, даосизма, христианства. Среди индийцев есть приверженцы не только ислама, но и индуизма, сикхизма, христианства. Различных племенных культов придерживаются аборигенные этносы-семанги, сенои, джакуны, народы Северного Калимантана. Численность сторонников анимистических культов в последнее время идет на убыль в результате распространения ислама. Большинство мусульман проживает в Западной Малайзии, в Восточной они уступают по численности христианам и анимистам.

В Конституции Малайской Федерации (1957 г.), а также в Акте о Малайзии (1963) содержатся статьи, отмечающие большое значение религии для духовной жизни народа и запрещающие дискриминацию на конфессиональной основе. Согласно конституции, государственная религия в Федерации Малайзии - ислам, однако ислам объявлен официальной религией в Западной Малайзии и не является таковой для Восточной. Гарантируется свобода отправления и других религиозных культов, но сурово карается пропаганда иных верований среди мусульман.

Религия не отделена от государства. Однако в стране не существует лица, которое выступало бы в качестве единого для всей федерации главы ислама. Духовная власть над мусульманами в отдельных султанатах признается за султанами, а в штатах, где нет наследственных правителей - за главой го-

562

сударства, Верховным правителем. В компетенцию властей федеральных территорий Западной Малайзии, где ислам объявлен государственной религией, входит контроль за тем, как там претворяется шариат. Каждой из официально признанных религиозных общин дозволяется свободно распоряжаться своей собственностью, создавать и содержать благотворительные и миссионерские организации, учебные заведения. Государственные органы могут оказывать финансовую помощь конфессиональным учреждениям и одновременно контролировать их доходы и расходы.

При султанах и губернаторах действуют советы по вопросам ислама, иногда и адата. Таким советом (маджлисом) руководит муфтий.

Значительной спецификой отличается партийная система Малайзии. Здесь имеется около 30 политических партий. Характерной чертой служит разделение основного числа политических партий по этническому принципу. Крупнейшими партиями малайской общины являются Объединенная малайская национальная организация (ОМНО)- самая большая и влиятельная партия страны, базирующаяся на идеологии национализма, Исламская партия Малайзии (ПАС), основывающаяся на исламе, а также некоторые менее заметные партии. Интересы китайской общины отражают Китайская ассоциация Малайзии (КАМ), связанная с крупной китайской буржуазией, Партия демократического действия (ДАП), сформированная из представителей демократических кругов, и некоторые другие. От имени индийской общины выступает Индийский конгресс Малайзии (ИКМ). Ряд партий действует на межэтнической основе, выдвигая требования равенства всех этнических групп и общей демократизации страны. К ним относятся Партия справедливости, Народная партия и другие.

Правящей партией с момента провозглашения независимости неизменно остается ОМНО. Она опирается на блок поддерживающих ее политику партий, объединенных в рамках Национального фронта (13 партий, представляющих все конфессиональные и этнические группы страны). Оппозицию правящему блоку составляют исламская ПАС, Партия справедливости, Народная партия и ряд других. Как и в Национальном фронте, в оппозиции представлены все конфессии и этносы Малайзии.

563

Малайзия- многонациональная страна. Ее этнографическая карта отличается пестротой. Одной из главных особенностей этнической структуры малайзийского населения является отсутствие ведущего этноса, который составлял бы абсолютное большинство.

Первое место по численности занимают малайцы, не составляющие и половины всего населения страны. На их долю падает около 48% всего населения. На втором месте по численности стоят китайцы - около 32%. Выходцы из стран Южной Азии, которых обычно называют индийцы, насчитывают примерно 8,5%. На долю всех остальных этнических компонентов малайзийского населения приходится примерно 10,9%. Сюда относятся многочисленные народности Северного Калимантана (даяки, кадазаны, дусуны, баджао и другие), автохтонные народности Малаккского полуострова- семанги, сенои, джакуны. Чтобы укрепить позиции коренного населения, в 1971 году малайцы, народности Северного Калимантана и автохтонные жители Малаккского полуострова были объединены в единую группу коренных жителей под названием бумипутра (сыны земли).

Малайцы и другие коренные жители считаются гражданами Малайзии по закону. Автоматически гражданство страны получило также небольшое число лиц китайского происхождения, родившихся в Малакке и Пинанге. Остальное взрослое немалайское население должно получать гражданство путем регистрации и натурализации.

Для достижения большего сплочения полиэтнического и поликонфессионального общества страны, с целью создания в конечном счете единой малайзийской нации, в 1970 году была обнародована национальная идеология Рукунегара (основы государства). Она включает пять принципов: веру в бога, преданность монарху и государству, уважение конституции, соблюдение законов, достойное поведение и выполнение норм морали. Провозглашается равенство граждан перед законом, запрещаются действия, задевающие чувства граждан других национальных групп, декларируется веротерпимость, несмотря на признание ислама государственной религией.

Серьезной проблемой в жизни современной Малайзии является сохраняющаяся разница в уровнях жизни между различными этноконфессиональными группами, доминирование

564

немалайцев во всех наиболее прибыльных областях экономики. Бумипутра отстают от представителей других национальностей по уровню доходов. Для достижения фактического равенства основных этносов власти осуществляют политику по искоренению диспропорций в их развитии и степени участия в социально-экономической и политической жизни посредством различных мероприятий как экономического, так и политического характера. Конституция страны резервирует специальные права и привилегии бумипутра в отношении владения землей, государственной службы, получения образования, приобретения акций предприятий и т. д. Таким образом, своеобразие ситуации состоит в том, что для обеспечения реальной социально-экономической и политической демократии государству приходится идти на такие формально недемократические шаги, как сохранение политического преобладания бумипутра, ограничение политических прав китайцев и индийцев.

Элементы политической системы Малайзии находят отражение в национальной символике, прежде всего национальном флаге. Флаг Федерации состоит из 14 расположенных вдоль полотнища горизонтальных красных и белых полос одинаковой ширины. Они символизируют равноправное членство в Федерации 13 штатов и федеральной столичной территории. Правый верхний угол флага занимает синий прямоугольник, означающий единство народов страны. На нем символ ислама - полумесяц и звезда с равными 14 лучами, по числу федеральных единиц. Звезда и полумесяц желтые - цвет правителей княжеств. Среди элементов, составляющих герб страны, присутствуют национальные цвета федеральных территорий, малайская символика - кинжалы-крисы, национальный цветок Малайзии - хибискус (китайская роза).

В политической системе современной *Индонезии* внешние проявления специфических черт национальной политической культуры менее заметны. Однако и здесь традиции оказывают немаловажное воздействие на политическую структуру и политические процессы.

Республика Индонезия провозгласила свою независимость 17 августа 1945 года, сбросив ярмо голландского колониализма. В настоящее время она превратилась в крупное государство с 220-миллионным населением, заняв по числу жителей четвертое место в мире (после Китая, Индии, США).

565

Индонезия представляет собой полиэтническое и многоконфессиональное государство.

В этническом отношении число больших и малых народов, по оценке разных ученых, колеблется от 100 до 367. Крупнейшие этносы проживают на Яве и прилегающих островах - яванцы (46,2% населения страны), сунданцы (13,1%), мадурцы (6%), на Суматре - малайцы (5,5%), минангкабау (3,9%), батаки (2,4%), ачехцы (1,5%), на Калимантане - банджары (1,5%), даяки (1,4%), на Сулавеси - макасары (1%), тораджи (0,9%). На Западном Ириане проживают папуасы (0,9%). Подавляющее большинство индонезийских народов обладают многими общими чертами в языке, культуре, образе жизни, имеют общее историческое происхождение. Все этносы в основном проживают компактными группами на своей исконной территории, однако в результате миграционных процессов на некоторых островах Индонезии образовались целые колонии переселенцев из других мест, в первую очередь с перенаселенной Явы.

Среди некоренных народов особое место, как по численности, так и по роли в жизни страны, занимают китайцы (до 6% всего населения). Китайские торговцы и мореплаватели посещали индонезийские острова уже много веков назад, но особенно интенсивно китайское население стало увеличиваться с середины XIX века. Составляя малую долю жителей, китайцы, тем не менее, контролируют значительную часть экономики промышленности, торговли, сферы денежного обращения.

С первых дней в суверенной Индонезии проводится политика равноправия всех народов и этнических групп, вне зависимости от их численности и уровня развития. Общенациональным языком является индонезийский, основанный на базе языка малайского этноса, составляющего лишь 5,5% всего населения страны, но исторически превратившийся в средство межнационального общения на архипелаге. Все индонезийские правительства активно пропагандируют идею единой индонезийской нации, однако процесс ее складывания еще далек от завершения.

В религиозном отношении подавляющее большинство индонезийцев причисляют себя к приверженцам ислама (87,5%). В стране имеются христиане — протестанты (6%), ка-

566

толики (3,6%) и приверженцы прочих христианских учений (0,8%), а также индуисты (1,8%), буддисты (1,3%), конфуцианцы (0,8%), анимисты (1,4%).

Конфессиональная принадлежность в основном коррелируется с этнической. Так, мусульманами являются главным образом представители крупных этносов - яванцы, сунданцы, минангкабау, малайцы, ачехцы. Христианство исповедуют более малочисленные народности - амбонцы, тоба-батаки, тораджи, а также часть местных китайцев. Индуизм распространен главным образом среди балийцев, буддизм и

конфуцианство- среди китайцев. Родоплеменных анимистических верований придерживаются даяки, папуасы.

Еще в период подготовки к провозглашению независимости страны были заложены основы индонезийской государственности с учетом национальной самобытности.

Стремление отразить национальную специфику в модели независимой индонезийской государственности нашло отражение в речи лидера национально-освободительного движения и первого президента страны Сукарно «Рождение Панчасила» и принятой 18 августа 1945 года первой и ныне действующей Конституции Республики.

Панчасила (пять принципов) декларировались в качестве «философской основы» национальной индонезийской государственности. Первый принцип - монотеизм (вера в единого бога) - возглашал равенство всех существующих в стране религий, свободу вероисповедания, утверждал религиозную основу национальной государственности. Индонезийская специфика состояла в том, что эта религиозная основа не связывалась ни с одной из имеющихся в стране религий, в том числе и с исламом. Такая формулировка первого принципа была направлена против стремления части мусульман страны исламизировать индонезийское государство, сделать ислам государственной, привилегированной религией.

Второй принцип- гуманизм (или интернационализм) -говорил о миролюбии индонезийского государства и неприятию шовинизма. Третий принцип- национализм подразумевал создание независимого единого государства и построение единой нации. Четвертый принцип - демократия (или народность) - предполагал, что управление страной должно базироваться на волеизъявлении народа, широком обсуждении перед

567

принятием решений. Пятый принцип - социальная справедливость подчеркивал стремление обеспечить благополучное существование для всего народа. Принципы Панчасила вошли в преамбулу Конституции 1945 года и составили ее идейную основу.

Конституция 1945 года объявляла независимую Индонезию унитарным государством, президентской республикой с системой выборных представительных органов, декларировала основные права и свободы граждан (равенство перед законом, свободу слова, собраний, вероисповедания и т. п.), то есть содержала важнейшие элементы западной либеральной демократии. Но имелись и существенные отличия от западной модели. Конституция не провозглашала прямо принципа разделения властей - законодательной, исполнительной и судебной. Прерогативы президента включали широкие законодательные и исполнительные полномочия. К тому же, согласно статье 33 конституции, экономика страны должна создаваться совместными усилиями на основе «семейности», то есть в интересах не только отдельных собственников, но и всего народа при руководящей роли государства. Эти положения конституции отразили сугубо индонезийские подходы к функционированию государственно-политической и экономической систем, вытекающие из традиций жизни и деятельности деревенской общины. На это прямо указывал Сукарно.

Высшим представительным органом власти является Народный консультативный конгресс (НКК), В лице этого органа народ осуществляет свой суверенитет. Его членами могут быть граждане Индонезии, достигшие 21 года, верующие в бога, хорошо владеющие индонезийским языком, признающие принципы Панчасила. НКК состоит из депутатов Совета народных представителей (парламента) и, согласно поправкам 2002 года к Конституции 1945 года, членов Совета представителей регионов (СПР). НКК наделен правом принимать и изменять конституцию, определять генеральный курс государственной политики. Срок деятельности НКК - пять лет.

Совет народных представителей (парламент) формируется на основе всеобщих выборов. Он утверждает бюджет страны и представляемые правительством законопроекты. Совет представителей регионов формируется из равного числа представителей от каждой провинции, избираемых посредством всеоб-

568

щих выборов. Он участвует в обсуждении вопросов, связанных с развитием провинций страны.

До недавнего времени президента и вице-президента Индонезии избирал НКК. Однако согласно принятым в 2002 году поправкам, президент и вице-президент отныне избираются непосредственно народом на всеобщих выборах, сроком на пять лет. Президентом Республики может быть только гражданин Индонезии.

По конституции при президенте создается Высший совещательный совет, наделенный правом давать консультации президенту по его запросам, а также вносить свои предложения правительству относительно тех или иных проблем. Совет формируется президентом из представителей политических партий, функциональных групп. В последние десятилетия этот орган не играет важной роли в политической жизни страны.

Президент Республики Индонезии имеет широкие законодательные и исполнительные полномочия. Именно он управляет государством. Президент наделен правом издавать по согласованию с парламентом законы и утверждать постановления правительства. Ему принадлежит важная роль в формировании законодательных органов власти. С согласия парламента президент объявляет войну, заключает мир и договоры с другими государствами. Он может объявлять в стране чрезвычайное положение. Являясь главой исполнительной власти, президент единолично решает вопросы назначения и снятия с постов министров правительства. Президент является верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами страны,

назначает послов и консулов, обладает правом амнистии и помилования, присвоения званий и почетных знаков отличия.

В случае смерти президента, отказа его от должности или невозможности исполнять обязанности до истечения срока полномочий его заменяет на оставшийся период времени вице-президент. Перед вступлением в должность президент и вице-президент приносят присягу перед НКК или парламентом.

Возглавляемый президентом кабинет министров наделен правом издавать с согласия парламента законы. Назначаемые президентом министры возглавляют правительственные департаменты (министерства) и оказывают президенту помощь в его деятельности. Правительство Республики Индонезии и отдельные его члены неподотчетны парламенту.

569

Судебная власть в стране осуществляется Верховным судом и другими судебными органами. Члены Верховного суда назначаются президентом, Они должны быть гражданами Индонезии и иметь высшее юридическое образование. При Верховном суде действует Генеральная прокуратура во главе с генеральным прокурором, назначаемым президентом.

Верховному суду принадлежит право высшего надзора за деятельностью остальных судебных органов страны. В качестве суда последней инстанции Верховный суд наделен правом рассматривать кассационные жалобы на приговоры и решения, вынесенные нижестоящими судами. Верховный суд имеет также консультативные функции: он дает свои заключения президенту или правительству страны по вопросам, связанным с толкованием конституции, и другим юридическим проблемам. Верховный суд и все остальные суды в осуществлении своей юридической деятельности формально независимы от исполнительной власти.

В Республике Индонезии действует также система мусульманских шариатских судов. Она представлена судами нескольких ступеней. Низшая ступень - суд кади при приходе той или иной мечети, средняя - окружные шариатские суды, высшая - Верховный шариатский суд. На Яве и Калимантане сфера исламской юрисдикции ограничена решением брачно-семейных отношений, в остальных местностях дополнена разбором тяжб о наследстве, а также вопросов, связанных с вакфами - средствами либо имуществом, пожертвованными отдельными лицами или государством на религиозные и благотворительные цели.

В административном отношении Республика Индонезия состоит из 32 провинций и одной особой территории, на которой расположена столица страны - Джакарта. Власть в провинции возглавляет губернатор и провинциальный Совет народных представителей. Губернатор провинции назначается президентом при предварительном обсуждении его кандидатуры с местным Советом народных представителей. Губернатор является государственным должностным лицом, не несущим ответственности перед провинциальным Советом народных представителей. Губернатор утверждается сроком на пять лет. Ему помогает вице-губернатор, также назначаемый президентом. Губернатором и вице-губернатором могут быть индонезийские граждане

570

не моложе 35 лет, обладающие необходимой подготовкой, поддерживающие принципы Панчасила и Конституцию 1945 года, не связанные прямо или косвенно с запрещенными организациями.

Провинциальные Советы народных представителей избираются посредством всеобщих выборов сроком на пять лет. Они наделены правом утверждать бюджет провинции и решать другие вопросы, связанные с управлением провинции.

Избирательная система Индонезии предоставляет право голоса всем гражданам страны не моложе 17 лет или вступившим в брак до 17 лет.

Несмотря на то, что основная масса индонезийского населения считает себя мусульманами, в стране нет государственной или официальной религии. Конституция гарантирует свободу вероисповедания и отправления культов. Однако религиозная основа индонезийской государственности, закрепленная первым принципом Панчасила, автоматически исключает свободу совести и атеизм.

Национальная символика Республики Индонезии несет на себе отпечаток традиционных ценностей и представлений, а также самобытных черт политической культуры и политической системы. Государственный флаг состоит из двух горизонтальных полос - красной и белой. Эти цвета традиционно считаются цветами малайских народов.

Национальный герб изображает мифическую птицу Гаруду, являющуюся символом творческой энергии и созидания. На распростертых крыльях Гаруды имеется по 17 перьев, хвост птицы состоит из 8 перьев, грудь Гаруды покрыта 45 чешуйками. Эти цифры символизируют дату провозглашения независимости - 17 августа 1945 года. Грудь Гаруды покрывает щит, символизирующий борьбу и защиту. Он разделен на пять секций - по числу принципов Панчасила.

Центральная секция щита с золотой звездой на черном поле символизирует первый принцип - веру в единое божественное всемогущество, монотеизм. На боковых секциях - двух красных и двух белых (соответствующих цветам национального флага) - изображены: голова быка, по индонезийскому поверью связанная с национальным самосознанием, славой и могуществом (принцип национализма); дерево варингин (индийская смоковница), считающееся у индонезийцев священным и

571

знаменующее принцип демократии и народного суверенитета; замкнутая цепь, состоящая из круглых и квадратных звеньев, олицетворяющих женское и мужское начало и означающих неразрывное

единство людей (принцип гуманизма и интернационализма); ветки риса и хлопка, означающие пищу и одежду и выражающие благосостояние народа (принцип социальной справедливости).

В лапах Гаруда держит ленточку, на которой начертано: «Единство в многообразии» - слова индонезийского средневекового поэта, ставшие девизом унитарного индонезийского государства, население которого имеет ряд национальных, языковых, культурных и других различий.

В Индонезии действует многопартийная система. До 1998 года было разрешено существование только двух политических партий, а также «партии власти» Голкар, которая формально политической партией не считалась. С уходом президента Сухарто в отставку в стране начался бурный процесс формирования политических партий и организаций. К началу XXI века в Индонезии было зарегистрировано 48 партий. Многие из них базировались на исламе, ряд организаций - на других религиях, а также на принципах Панчасила, национализме.

В качестве наиболее массовых и влиятельных выделились семь партий. Среди них - Голкар, который тоже официально превратился в политическую партию, лишенную прежних привилегий, а также Индонезийская демократическая партия борьбы, отколовшаяся от Демократической партии Индонезии и возглавляемая дочерью первого президента Индонезии Сукарно Мегавати Сукарнопутри. В число влиятельных партий входит Демократическая партия Индонезии.

В стране, которая обладает самым крупным в мире мусульманским населением, возникло более десятка исламских партий, так или иначе связывающих свои идеологические и программные установки с догматами мусульманской религии. Наиболее влиятельной и активной стала Партия национального мандата (ПНМ), созданная и возглавленная одним из лидеров крупной религиозно-просветительной организации мусульманского модернизма Мухаммадийя, профессором социологии и политологии университета Гаджах Мада в Джокьякарте Амином Раисом. Свою политическую Партию национального пробуждения (ПКП) образовали и деятели самой

572

большой в Индонезии религиозно-просветительной организации Нахдатул Улама (Возрождение улемов). В отличие от Мухаммадийи, Нахдатул Улама придерживается традиционного индонезийского ислама, нередко смешанного с доисламскими культурно-религиозными традициями. Духовным руководителем религиозно-просветительной организации и вновь созданной политической партии ПКП являлся Абдурахман Вахид. Партия национального пробуждения не связывает напрямую свою идеологию с исламом, положительно относится к принципам Панчасила, которые хотя и провозглашают религиозную основу индонезийской государственности, тем не менее не ассоциируют эту религиозность ни с какой конкретной религией, придерживаясь религиозного плюрализма и свободы вероисповедания. ПНП объявила себя открытой для вступления приверженцев разных религий. В свою очередь, руководство Нахдатул Улама разрешило участникам этой религиозно-просветительной исламской организации становиться членами любой, не обязательно мусульманской партии.

В Индонезии имеется значительное число общественно-политических организаций и группировок, выступающих за превращение страны в исламское государство.

Политическая система *Сингапура*, на первый взгляд, наиболее соответствует западной либерально-демократической модели. Однако за формально демократическим фасадом довольно явственно прослеживаются авторитарные традиции, присущие политической культуре конфуцианской цивилизации.

Сингапур является суверенным государством с республиканской формой правления. Бывшая коронная колония Великобритании, Сингапур в 1959 году получил статус «самоуправляющегося государства» под опекой Англии, 16 сентября 1963 года вошел в состав Федерации Малайзии, а 9 августа 1965 года, выйдя из состава Малайзии, провозгласил себя самостоятельным государством. Официальное название - Республика Сингапур.

Население страны насчитывает 4,2 млн. человек. Это полиэтничное государство, в нем живет более двух десятков народов, которые обычно объединяются в четыре основные группы: китайскую, малайскую, индийскую и «прочие».

Жители Сингапура принадлежат к разным вероисповеданиям. Около 56% составляют буддисты и даосисты, в боль-

573

шинстве своем китайцы. Мусульмане составляют 16%, среди них преобладают малайцы. К христианской конфессии принадлежит 10% населения, приверженцы индуизма составляют 4% населения.

Статус Сингапура как независимого государства закреплен Конституцией Республики Сингапур. Основу конституции до 31 марта 1980 года составляли следующие документы: Акт о независимости Республики Сингапур 1965 года; Конституция Сингапура времен пребывания в составе Федерации Малайзии, а также отдельные положения Конституции Малайзии, действующие в условиях Сингапура. 31 марта 1980 года был опубликован переизданный текст Конституции Республики Сингапур, в который вошли и некоторые положения Конституции Малайзии.

Сингапур провозглашается суверенной светской республикой. Конституцией утверждается принцип равенства граждан независимо от национальной принадлежности, происхождения и вероисповедания. Правительственная политика в национальном вопросе направлена на формирование общесингапурского самосознания при сохранении культурных традиций отдельных этносов, составляющих население города-государства. Наряду с этим конституция республики узаконивает положение сингапурских малайцев как коренных жителей острова, но, в отличие от Малайзии, предоставляет им привилегии лишь в области

образования. Малайский язык объявлен государственным, однако английский, китайский и тамильский имеют статус официальных языков.

Согласно конституции, все граждане, достигшие 21 года, независимо от пола, национальности, вероисповедания, образования и размеров дохода, имеют право избирать и быть избранными. Выборы всеобщие и прямые, при тайном голосовании.

Сингапур- парламентская республика. Однопалатный парламент является высшим органом государственной власти. Срок полномочий парламента - пять лет.

Работу парламента возглавляет его председатель (спикер). Парламент избирает президента республики сроком на четыре года. Президенту помогает вице-президент.

Функции президента- формального главы государства носят в основном символический характер, поскольку все его конституционные права осуществляются правительством.

574

Полномочия главы государства в формировании правительства на практике имеют номинальное значение. Право назначения президентом гражданских и военных чиновников также лишено реального смысла, поскольку это делается правительством, хотя и от имени главы государства. Такие важные права президента, как роспуск парламента, досрочный перерыв сессии, издание указов и т. п., осуществляются правительством, хотя и от имени главы государства.

Согласно конституции, президент утверждает лидера партии большинства на посту премьер-министра. Премьер-министр назначает своего заместителя и министров. Назначения утверждаются главой государства. Премьер-министр и его кабинет несут коллегиальную ответственность перед парламентом.

Канцелярия премьер-министра вырабатывает общеполитический курс правительства, координирует работу министерств и управляет местной администрацией. Она осуществляет проведение выборов, рассматривает вопросы, связанные с религией.

Высшим судебным органом страны является Верховный суд. Его члены назначаются президентом после согласования с премьер-министром. Верховный суд и судьи формально независимы от исполнительной власти. Генеральная прокуратура во главе с генеральным прокурором утверждается президентом после согласования с премьер-министром.

В Сингапуре зарегистрировано 20 политических партий. Однако с момента провозглашения независимости и до настоящего времени доминирует единственная партия - Партия народного действия (ПНД). Все другие партии находятся на периферии политической системы и не оказывают заметного влияния на ее функционирование.

Государственный флаг Республики Сингапур состоит из двух равных горизонтальных полос - красной и белой (малайская цветовая символика). В верхнем левом углу - белый полумесяц, в серпе которого по кругу располагаются пять белых звезд. Они символизируют нарождающуюся нацию, озаренную идеалами демократии, мира, прогресса, справедливости и равенства. Национальный герб изображает щит, на красном поле которого расположен белый полумесяц и пять звезд. С левой стороны щит поддерживает лев - символ Сингапура, а с пра-

575

вой- тигр, символизирующий исторические связи острова с Малайзией. Под щитом синий стяг, на котором по-малайски начертан девиз: «Процветай, Сингапур»

Специфика формирования и функционирования политической системы Сингапура состоит, прежде всего, в том, что процесс демократизации общественной жизни контролируется сверху. Государство продолжает оставаться главным инициатором преобразований на экономическом, политическом и социальном уровнях, в том числе и в строительстве гражданского общества. Развитие демократии происходит в рамках формально многопартийной системы при фактическом доминировании одной партии - ПНД. Официальная идеология Сингапура построена на противопоставлении азиатских ценностей, традиционного гуманизма технократизму Запада, отчуждению личности и дегуманизации всей жизни.

В обществе наблюдается переплетение демократических идей с сохраняющимися элементами традиционной, в первую очередь конфуцианской, политической культуры. При этом многонациональный состав населения страны побуждает идеологов к выбору универсального в традиционном наследии, что не входило бы в конфликт с основными ценностными ориентациями других этноконфессиональных групп.

Таким образом, сложившаяся в Сингапуре государственно-политическая система, имея большое формальное сходство с западными либерально-парламентскими демократиями, по целому ряду функциональных параметров весьма заметно от них отличается.

Литература

Гуревич Э. М. Политическая система современного Сингапура. М., 1984.

Гуревич Э. М. Сингапур: идеология успеха. Юго-Восточная Азия: идеология и религия. М., 2001.

Другов А. Ю. Индонезия в 2001 году. Юго-Восточная Азия в 2001 г. Актуальные проблемы развития. М., 2002.

Ефимова Л. М. Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии (1965-1992). М., 1992.

576

Цыганов В. А. Развитие политической системы Малайзии при Махатхире Мохаммаде. Юго-Восточная Азия в 2000 г. Актуальные проблемы развития. М., 2001.

Справочники.

Индонезия. Справочник. М., 1983. Малайзия. Справочник. М., 1987. Сингапур. Справочник. М., 1988.

Восточная Азия

Л. М. ГУДОШНИКОВ. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КИТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX И НАЧАЛЕ XXI вв.

К середине XX века на территории Китая образовалось новое государство - Китайская Народная Республика, объединившая всю материковую часть страны, за исключением колониальных анклавов Гонконга (Сянган) и Макао (Аомэнь). Вне компетенции властей КНР осталась лишь островная провинция Тайвань с прилегающими к ней большим архипелагом Пэнхуле-дао (Пескадорские острова) и другими прибрежными островами, относящимися в этой провинции. Кроме того, войскам потерпевшей поражение в гражданской войне партии гоминьдан (Национальная партия, или, в другом переводе, Националистическая партия) удалось удержать две небольшие группы островов у побережья континентального Китая, административно входящие в провинцию Фуцзянь (Цзиньмэнь и Мацзу). Проблема возвращения Китая колониальных анклавов была решена лишь в конце XX в., на протяжении последних десятилетий которого политическими институтами Гонконга и Макао было пройдено определенная трансформация, усилившая роль местных элит в управлении колониями, что в конечном счете способствовало ликвидации прежнего статуса территорий.

Политические институты Китайской Народной Республики начали формироваться еще до провозглашения нового государства и в значительной мере были основаны на опыте освобожденных районов в период революционных войн китайского народа, с последующим широким привлечением опыта СССР.

Китайская Народная Республика, выйдя из политических структур освобожденных районов, которые фактически составляли второе государство на территории страны, конституировалась как республика советского типа. Для таких рес-

578

публик характерно формальное верховенство представительных органов над всеми другими органами государства, которое выражается в образовании этих органов представительными и подотчетностью последним; объединение представительных органов в иерархические системы со строгим подчинением нижестоящих вышестоящим, осуществление многих полномочий представительных органов более узкими составами или исполнительными структурами, поскольку сессии их редки, а подавляющее большинство депутатов не оставляет основной работы.

Все республики советского типа по государственному режиму - партократические государства, что означает фактическую принадлежность власти центральным и местным структурам правящей партии. В партократических государствах советского типа могут существовать и некоммунистические партии, которые однако не играют сколько-нибудь существенной роли в политической жизни страны и не являются политической оппозицией.

Своеобразие политических институтов провинции Тайвань выразилось в том, что эвакуировавшиеся на остров органы центральной власти уже не существующего государства и центральные органы правившей в нем партии Гоминьдан (ГМД) долгое время рассматривали себя в качестве политических структур, распространивших свою власть на всю территорию Китая. Они провозгласили себя правопреемниками Китайской Республики, созданной в результате Синьхайской революции 1911-1912 гг., и закрепили за провинцией название всего государства. Китайская Республика на Тайване в течение более двух десятилетий продолжала представлять Китай в ООН. Формально на Тайване продолжила свое действие вступившая в силу в декабре 1947 г. Конституция Китайской Республики. Однако действие этой конституции было ограничено созванной еще на территории материкового Китая первой сессией Национального собрания в 1948 г. Этой сессией были приняты т.н. Временные правила на период подавления мятежа, приостановившие действие ряда важнейших положений Конституции 1947 г., предоставившие президенту (а им бессменно до смерти был Чан Кайши) практически неограниченные полномочия. За Временными правилами последовал изданный на их основе уже на Тайване в 1950 г. Декрет о чрезвычайном положении, которым запреще-

579

лась организация и деятельность политических партий, кроме правящего Гоминьдана и фактически союзных с ним двух мелких антикоммунистических партий - Младокитайской и Демократического социализма. Полномочия высших выборных государственных органов как бы замораживались на неопределенное время, однако при этом они в каких-то пределах продолжали действовать. Так, раз в шесть лет, как и предусмотрено конституцией, собиралось Национальное собрание. Им в 1954 г. были продлены президентские полномочия Чан Кайши. То же повторилось и на последующих сессиях: третьей (1960 г.), четвертой (1966 г.) и пятой (1972 г.). На шестой сессии (1978 г.) Президентом был избран сын Чан Кайши Цзян Цзин, а седьмая сессия (1984 г.) продлила его полномочия. Лишь в 1990 г. был избран первый президент не из семьи Чан Кайши и даже не эвакуант с континента. Этот пост занял Ли Дэньхуэй, избранный в 1984 г. вице-президентом Тайваня. Смешивший его кандидат от оппозиции Чэнь Шуйбянь (избран в 2000 г. и переизбран в 2004 г.) тоже уроженец Тайваня.

При своем формировании, несмотря на наличие сравнительно демократической Конституции 1947

г., установившийся сначала в районах, контролируемых Гоминьданом, а затем в провинции Тайвань, политический режим сразу обрел зримые партократические черты, которые сохранялись почти в течение всей второй половины столетия. Такому положению немало способствовало то обстоятельство, что Гоминьдан в 20-е гг. прошлого века реорганизовывался с помощью советников-коммунистов из России и до недавнего времени некоторыми политологами, и на Тайване и вне его, относился к партиям ленинского типа, т. е. к партиям с высокой степенью централизации и политической организованности, с присущим единым революционным духом (при этом марксизм-ленинизм не обязательно должен быть идеологией таких партий).

И действительно, в материковой части Китая, а совсем недавно и на Тайване, иерархии правящих партий строились параллельно соответствующим административно-политическим структурам. До поражения Гоминьдана на президентских выборах 2000 г. и в той, и в другой частях Китая лидер правящей партии являлся главой государства (применительно к Тайваню - главой региона, который однако может рассматриваться как государство де-факто). Существа дела не меняет то обстоя-

580

тельство, что и на основной территории КНР, и на Тайване в отдельные периоды эти посты занимались разными лицами, а в КНР одно время пост главы государства упразднился совсем. В КНР и сейчас решение всех важнейших вопросов правительственной политики находится в ведении узких партийных руководящих органов - Политического бюро ЦК Компартии Китая (КПК) или его Постоянного комитета, а на Тайване, до недавнего прошлого - Центрального Постоянного комитета ГМД. Аналогичным образом партийные структуры влияют и на местные дела, однако на Тайване это влияние снизилось еще до раскола партии и поражения ГМД на президентских выборах, т. к. уже во 2-й половине 90-х гг. ГМД утратил ряд постов выборных глав местных администраций и депутатских мандатов в представительных органах на местах вплоть до того, что в некоторых из них было утрачено стабильное ранее большинство ГМД.

Что касается КПК, то эта партия еще с времен установления ее власти в освобожденных районах издавала и продолжает издавать директивные акты, непосредственно регулирующие деятельность государственных органов¹, практикуется и издание совместных партийно-государственных постановлений. Должно быть отмечено, что и прежнее законодательство Китая было отменено направленной на места в феврале 1949 г. партийной директивой «Об отмене гоминьдановской Полной книги шести отраслей права² и установлении принципов юстиции освобожденных районов». Более того, в течение многих лет не только в освобожденных районах, но и в КНР обычной практикой было вынесение судебных решений после получения указаний партийных комитетов.

Продолжая сравнение политических институтов двух частей Китая в течение полувекового периода, следует отметить,

¹ Из наиболее свежих примеров принятое ЦК КПК в июле 2002 г. Положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов. См. «Жэньминь жибао», 25.07.02.

² Имеется в виду официальный Свод законов Китайской Республики («Люфа цюаньшу»), в числе разделов (отраслей) которого конституционное право, гражданское право, гражданско-процессуальное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, административное право (в том числе земельное, финансовое и т. д.).

581

что партократия была лишь одной из слагающих существовавших там политических систем. В течение долгого времени эти системы были не только партократическими, но и военно-контрольными. Первые лица партийной иерархии одновременно возглавляли вооруженные силы. В КНР на значительный период времени закрепились в политической системе возникшие в качестве временных органов в последний период гражданской войны военно-контрольные комитеты. Система военного контроля повсеместно возродилась и расширилась в годы «культурной революции» 1966-1976 гг., когда практически были подвергнуты слому конституционный государственный аппарат страны и уставные органы партии и общественных организаций. В свою очередь на Тайване в период военного противостояния с КНР большие полномочия, далеко выходящие за пределы его компетенции, получил штаб Тайваньского гарнизона.

Режимы по двум сторонам Тайваньского пролива были долгое время и мобилизационными, сохраняя некоторые их остаточные черты и сейчас. Тайвань находился в мобилизационном режиме, ожидая вторжение с материка и строя при Чан Кайши нереальные планы возвращения всего Китая под власть ГМД. КНР с момента своего образования находилась в постоянном мобилизационном режиме в силу противостояния США (в том числе и военного противостояния в Корее), а затем и Советскому Союзу. Кроме того, мобилизации всех ресурсов и сил народа требовали различные амбициозные программы руководства КПК и КНР. Разумеется, в таких условиях ни на Тайване, ни в КНР серьезного значения развитию демократических институтов не придавалось. На Тайване, например, был как бы заморожен персональный состав парламентских учреждений (к ним в то время относились Национальное собрание, Законодательная палата, Палата контроля), сформированный еще в 40-е гг. Лишь в 1969 г. были проведены дополнительные выборы Национального собрания, затем доизбирались и члены двух указанных выше палат. Но только с начала 90-х гг. выборы этих учреждений стали проводиться целиком тайваньским электоратом.

Провозглашенная в 1949 г. Китайская Народная Республика обрела конституцию через 5 лет после официального ее провозглашения. В течение же первого пятилетия ее существования временной

Конституцией КНР считался основной документ

582

Единого народно-демократического фронта- Общая (точнее: Совместная) программа Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). Вместе с тем к конституциеобразующим актам того времени следует отнести и принятые пленарной сессией НПКСК Закон об организации Центрального народного правительства, Постановления о государственном флаге, перенесении столицы государства в Пекин (с возвращением ему исторического наименования), а также о новом летоисчислении. До принятия в 1953 г. Закона о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей различных ступеней на местах созывались конференции представителей всех слоев населения (конференции народных представителей), делегаты которых в большинстве своем не избирались, а делегировались общественными организациями или назначались местными народными правительствам и военно-контрольными комитетами. Законом о выборах устанавливалась многостепенная избирательная система с немалыми ограничениями по классовому принципу и с неравным представительством городского и сельского населения. Однако созданные в соответствии с этим законом представительные органы часто не функционировали даже в течение одного законодательного срока- с 1957 г. началась череда сменявших друг друга деструктивных политико-идеологических кампаний, венцом которых явилась «культурная революция», превратившая первую Конституцию КНР, принятую в 1954 г. впервые созданным Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП), в фиктивный документ.

Конституция КНР 1954 г. была построена по модели Конституций СССР и тогдашних стран народной демократии. Согласно конституции страна провозглашалась «государством народной демократии, руководимым рабочим кланом и основанном на союзе рабочих и крестьян» (ст. 1). Конституция закрепляла сложившуюся в политической практике руководящую роль КПК в государстве и ее руководство Единым народно-демократическим фронтом, т. е. фактическую монополию этой партии на власть.

Политической основой государства провозглашались массовые представительные организации типа Советов, впервые появившихся в России еще в период революционных бурь начала прошлого века. В Китае они были названы собраниями

583

(съездами) народных представителей. В отличие от прежних конференций представителей всех слоев народа, собрания по закону становились полновластными органами на местах, однако не были полномочны создавать свои постоянно действующие органы. Функции таких органов возлагались на их исполнительные органы- народные комитеты (местные народные правительства). В отличие от конференций собрания были полностью выборными органами, при этом непосредственно электоратом избирались только низовые собрания народных представителей, остальные - путем многостепенных выборов.

Вместе с тем должно быть отмечено, что по своему содержанию Конституция КНР 1954 г. в тот конкретный исторический момент была прогрессивным нормативным актом. Однако ее проведение в жизнь ограничивалось рядом факторов, в том числе давлением экстремистских сил, стремившихся к насаждению культа личности, диктаторских методов правления, милитаризации государственной и общественной жизни. Как уже отмечалось выше, с конца 50-х гг. страну стали лихорадить следовавшие одна за другой деструктивные политические кампании, в ходе которых осуществлялся отход от коренных положений конституции. Ее важнейшие нормы отменялись партийными директивами, даже без формального штампования этих действий соответствующими органами государства. Так, создание народных коммун, в процессе которого была ликвидирована система конституционных органов власти на селе, было осуществлено на основании решения узкого партийного органа - Политбюро ЦК КПК. Начавшийся в 1958 г. период «коммунизации» и «большого скачка» (авантюристической попытки одним махом «войти в коммунизм») характеризовался общим снижением роли представительных органов. Выборы не проводились с 1958 по 1964 г., были годы, когда не созывались даже сессии ВСНП. А в ходе «культурной революции», как уже отмечалось, основанный на конституции государственный механизм КНР был ликвидирован. Прошли годы, полные драматических событий, прежде чем страна усилиями реформаторов в руководстве КПК смогла вернуться к стабильной политической системе, основанной на конституции и законах.

На Тайване в аналогичный исторический период действие Конституции Китайской Республики 1947 г. было существенно ограничено в отношении центральных органов, однако там еще

584

с начала 50-х гг. стали избираться местные представительные органы и главы местных администраций. В ходе этих выборов беспартийные кандидаты стали со временем конкурировать с кандидатами от ГМД. Однако вплоть до середины 80-х гг. местные выборы в действительности были лишь формой подкрепления политического господства ГМД, служили легитимизации авторитарного правления. Контроль ГМД за процессом подготовки и проведения выборов делал их в подавляющем большинстве случаев «выборами без выбора». Однако с позиций сегодняшнего дня можно констатировать, что сама практика проведения выборов даже в условиях существовавшего тогда на острове режима, хотя и слабо, но способствовала появлению реальной возможности для инакомыслящих деятелей выступать в качестве противовеса кандидатам от правящей партии. Выборы помогли сформировать основу для выхода на арену политической борьбы оппозиционных партий, создав тем самым необходимые предпосылки для начала процесса либерализации режима.

Партократические режимы в КНР и на Тайване на всем протяжении отдельного развития этих

частей Китая, вплоть до ликвидации партократического режима на Тайване, допускали существование других, кроме КПК и ГМД, политических партий. Так, в КНР к началу 50-х гг. сложилось 8 так называемых демократических партий, которые никогда не были оппозицией в отношении КПК³, хотя некоторые из них в свое время претендовали на положение «третьей силы», например, нынешняя Крестьянско-рабочая партия в 20-е гг. так и называлась «третьей партией», в 40-е гг. пыталась на подобное положение выйти Демократическая лига. В 1999 г. демократические партии были объединены в рамках уже упоминавшейся выше организации Единого фронта - НПКСК, и в общем никогда не скрывалось, что все эти партии «принимают руководство» КПК. Общеизвестно было и то, что некоторое количество членов этих партий

³ Известным исключением является период «необыкновенной весны» 1956 г. (8 мая-7 июня), когда в ходе санкционированной властями критической кампании в печати лидеры ряда демократических партий выступили с явными претензиями на реальную власть вплоть до объединения всех демократов в единую оппозиционную партию, способную бросить вызов коммунистам; высказывались и предложения передать демократам всю полноту власти в отдельных провинциях страны и т. п.

585

одновременно состоит в КПК. Формула о многопартийном сотрудничестве под руководством КПК закреплена в действующей Конституции КНР⁴.

На Тайване с введением чрезвычайного положения вне запрета оказались только деятельность правящей партии ГМД и двух уже упоминавшихся мелких партий- Младокитайской и Партии демократического социализма. Существование этих двух партий было в достаточной степени формальным, однако ими выдвигались кандидаты в местные представительные органы, а затем и на дополнительных выборах- в парламентские учреждения. В ряде случаев они получали соответствующие мандаты - об этом заботился и ГМД, и тогда заинтересованный в том, чтобы представлять существующий на Тайване режим в качестве многопартийного. Но реальная многопартийность возникла на острове лишь во 2-й половине 80-х гг. В 1986 г., еще в период действия чрезвычайного положения и вопреки формальному запрету, была организована по-настоящему оппозиционная ГМД Демократическая прогрессивная партия (ДПП), а с отменой чрезвычайного положения в 1987 г. процесс образования новых партий приобрел бурный характер- в течение последующего десятилетия их число перевалило за 70, а в августе 2001 г. была зарегистрирована 95-я партия - Союз солидарности Тайваня. Одно время на политической арене острова на положение «третьей силы» претендовала Новая партия (НП), отколовшаяся от ГМД. На выборах в декабре 1995 г. она получила значительное число мест (21) в Законодательной палате, однако на последующих парламентских выборах количество полученных ею мандатов уменьшилось, а в 2001 г. ей удалось провести только одного своего кандидата в законодательный орган. Накануне президентских выборов 2000 г. произошел новый и более значительный раскол когда-то могущественного Гоминьдана, из которого выделился сначала Циньминьдан (Первая партия народа, или Родная партия народа) во главе с бывшим видным деятелем ГМД и единственным избранным электоратом губернатором провинции Тайвань Сун Чуюем (Джеймсом Суном), а затем и Союз солидарности Тайваня (сокращенно Тайлянь), образование которого было поддержано как бывшим президентом

⁴ Подробнее см. Степанова Г. А. Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999.

586

и бывшим председателем ГМД Ли Дэнхуэем, так и нынешним президентом Чэнь Шуйбяем, избранным от ДПП, а затем и занимавшим пост ее председателя. ГМД перестал быть партией большинства в парламенте, но продолжает удерживать там положение ведущей оппозиционной партии. Вместе с тем, как показали состоявшиеся одновременно с парламентскими 26 января 2002 г. выборы глав администраций уездов и городов провинциального подчинения и следовавшие за ними выборы глав администраций городов уездного подчинения и волостей и депутатов городских и уездных собраний, ГМД продолжает удерживать определенные позиции во властных структурах на местах. Так, ему удалось получить дополнительное место на выборах глав администраций уездно-городского уровня, а на выборах глав низовых административных постов из 319 таких постов он завоевал 225 (71%), превысив прежнее число избранных от этой партии глав местной исполнительной власти на 6 мест⁵. ДПП в настоящее время обладает самой многочисленной парламентской фракцией, которая однако не составляет большинства в Законодательной палате (89 мест из 225). После парламентских выборов тогдашний председатель партии Се Чжантин высказался за блокирование партии, например, с Тайлянем, поскольку их де объединяет политика неприятия пекинской формулы «Одно государство, две системы». Разумеется, отсутствие большинства в парламенте у президентской ДПП сильно осложняет проведение законодательных инициатив Чэнь Шуйбяня. Но, так или иначе, можно констатировать установление на Тайване многопартийной системы, которое произошло мирно, без резкой конфронтации в обществе и под патронажем партии ГМД, некогда обладавшей полной монополией на власть.

По-иному выглядит сейчас многопартийность в КНР, определяемая упомянутой выше формулой о многопартийном сотрудничестве под руководством КПК. Демократические партии считаются в КНР «участвующими во власти». Формально нынешний уровень такого участия демократов и «беспартийных демократических борцов» в настоящее время ниже, чем в первые годы КНР, когда некоммунисты занимали половину постов заместителя председателя Центрального народного правительства, значительное число постов членов Админист-

⁵ Taipei Journal, 2001, No 47, p. 1-2.

587

ративного совета, пост председателя Верховного народного суда, министерские посты и даже один из вице-премьерских постов. Конечно, в таком выдвижении демократов и беспартийных на руководящие посты превалировало стремление создать в общественном лице страны и мира представление о правительстве КНР тех лет как о коалиционном, чем желание поделить власть с демократами. На деле все важнейшие вопросы министерства или иного центрального ведомства решались партийной группой руководства, в которую министр-некоммунист не входил. В настоящее время представители демократических партий и беспартийные демократы не являются первыми лицами в центральных органах государства и местных властных структурах, однако немалое их количество работает заместителями высоких должностных лиц (одно время некоммунист был даже заместителем Председателя КНР), есть они и среди заместителей Председателя Верховного народного суда, заместителей генерального прокурора Верховной народной прокуратуры, заместителей министров, вице-губернаторов провинций и заместителей председателей автономных областей (районов), ответственных работников судебных, прокурорских, контрольных и ревизионных органов; лидеры демократических партий и видные беспартийные демократические деятели являются заместителями председателя и членами Постоянного комитета ВСНП. Если оценивать сегодняшнее положение некоммунистических политических деятелей в целом, то можно констатировать, что их политический вес возрос при правлении Дэн Сяопина и нынешнего поколения руководства КПК, и не только за счет расширения участия некоммунистов в различных ветвях власти, но в большей степени за счет установления политического обычая предварительных консультаций с демократическими партиями и деятелями до принятия важнейших государственных решений. Более того, у них запрашивается мнение по документам, намечаемым для обсуждения и принятия на съездах КПК или пленумах ЦК КПК, проектам решений по крупным вопросам политики и кадровым назначениям, проектам важнейших законов и других нормативных актов. В некоторых случаях политические деятели-некоммунисты становятся инициаторами крупных политических акций, например, усиления парламентской и научной дипломатии, или же важнейших экономических проектов, на-

588

пример, создания экономической зоны освоения дельты реки Янцзы и т. п. Во всем этом просматривается поиск коммунистами взаимодействия и, возможно, компромисса с социальными слоями, не воспринимающими полностью коммунистическую идеологию, но согласными со «специфически китайским социализмом», т. е. развитием различных форм собственности под государственным контролем. Но, конечно, в основном и главным работа КПК с демократическими партиями и беспартийными демократическими деятелями является важнейшей составной политики сплочения китайского народа, лежащей в основе стабильного развития страны, недопущения антинародных эксцессов типа «культурной революции».

Важнейшей из задач в деле обеспечения политической стабильности явилось восстановление разрушенного «культурной революцией» конституционного строя страны. Первым актом в этом процессе была замена конституционно-правовым документом политической декларации экстремистских сил, названной Конституцией КНР 1975 г., которая ни по каким параметрам не подходила под понятие основополагающего закона страны. Требовалось восстановить действие основных положений Конституции 1954 г. Это произошло в 1978 г. путем принятия третьей (по формальному отсчету) Конституции КНР. Авторы этой конституции вернули государственный механизм почти полностью к положениям Конституции 1954 г. Более того, она ввела в политическую систему страны постоянно действующие органы собраний народных представителей- постоянные комитеты, правда, первоначально они вводились лишь для уездных и вышестоящих собраний. В дальнейшем система постоянных председателей СНП была введена на волостном уровне (ранее их функции исполняли главы низовых администраций). Важно также отметить, что принятый вслед за Конституцией 1978 г. новый Закон о выборах от 1 июля 1978 г. отменил ограничения для участия в выборах по классовому признаку, однако оставил неравное представительство городского и сельского населения. Важным нововведением явилось и установление системы выборов на альтернативной основе, т. е. число кандидатов в депутаты должно превышать число подлежащих избранию депутатов. У избирателей появилась возможность выбора своих представителей, правда, из числа лиц, стоящих на одинаковой политической платформе.

589

Вместе с тем в государственную структуру продолжали входить порожденные «культурной революцией» в качестве местных правительств «ревкомы», присутствовали и иные рудименты трагического десятилетия 1966-1976 гг. Все это нужно было устранить, и поэтому долгая жизнь Конституции 1978 г. не была уготована. Уже в последующие два года в нее были внесены существенные поправки (в том числе исключение из органов власти «ревкомов»), а в 1980 г. вместе с поправками было принято решение о выработке новой конституции. Такая конституция была принята в 1982 г. Основываясь на первой конституции КНР и восстанавливая образованные ею институты, новая конституция вместе с тем развивала и обогащала политическую структуру страны. В этой Конституции, как никогда ранее, много места было уделено Единому фронту, который при этом стал именоваться «патриотическим», а не «народно-демократическим» (как в 1954 г.) или «революционным» (как в 1978 г.). Таким образом, нашла конституционное закрепление принятая в 1979 г. формулировка состава Единого фронта, допускающая в его состав патриотов, не стоящих на социалистических позициях, но являющихся «сторонниками объединения Родины», т. е. воссоединения с КНР Тайваня и колониальных анклавов в Сянгане и Аомэне. С политикой

территориальной интеграции Китая было прямо связано и введение в конституцию статьи об особых административных районах, режим которых «с учетом конкретных условий устанавливает Всекитайское собрание народных представителей» (ст. 31).

Существенные изменения были внесены и в государственную структуру, выразившиеся в следующих основных моментах: 1) восстановление упраздненного Конституцией 1975 г. поста Председателя КНР; 2) предоставление Постоянному комитету ВСНП обширных прав в области законодательства; 3) образование центрального военного совета КНР, который, как заранее было установлено, совпадает по персональному составу с Военным советом (точнее, Военной комиссией) ЦК КПК; 4) восстановление волостного звена органов власти и управления, ликвидированного в ходе «коммунизации» села; 5) установление сроков, ограничивающих пребывание некоторых высших должностных лиц на своих постах; 6) установление несовместимости членства в постоянных комитетах собраний народных представителей (включая ПК ВСНП) с заня-

590

тием административных, судебных и прокурорских должностей; 7) учреждение в составе правительств различных ступеней системы ревизионных органов для усиления контроля над финансами и финансовой деятельностью. Конституцией КНР 1982 г. были восстановлены основные автономные права национальных районов, ранее содержавшиеся в первой конституции страны, в том числе право на издание положений об автономии и отдельно действующих положений (местных законов, учитывающих национальную специфику), на формирование местных отрядов общественной безопасности и особые финансовые права. Вместе с тем конституцией впервые установлено положение, согласно которому председатели автономных областей, начальники автономных округов и автономных уездов должны быть гражданами тех национальностей, которые осуществляют территориальную автономию (ст. 114). В целом Конституция 1982 г. была существенным шагом вперед по сравнению со своими предшественницами 70-х гг., а в некоторых отношениях превосходила и первую конституцию страны. Однако в основном она была скорее восстановительным, чем реформаторским документом. Такое свое значение она получила лишь с принятием поправок 1988, 1993 и 1999 гг., которые, правда, лишь сравнительно в небольшой мере касались политических институтов, но вносили существенные изменения в общественный строй государства, систему управления экономикой. Первыми конституционными поправками 1988 г. были легализованы частные хозяйства и аренда земли. Поправками 1993 г. закреплялась система регулируемой государством рыночной экономики, именуемая «социализмом с китайской спецификой». Из конституции исключены положения, закреплявшие плановую систему хозяйства, что означало существенный отход от командно-административной системы управления экономикой. К моментам, относящимся к политической системе, можно отнести закрепление во введении конституции формулы «многопартийное сотрудничество под руководством КПК», которая однако ничего принципиально нового не содержала, и изменение срока полномочий собраний народных представителей уездного уровня, который стал пятилетним. Унификация сроков полномочий этого уровня представительной власти с вышестоящими создает определенные удобства для властей при организации выборов, являющихся многостепенными.

591

Наиболее значительным из следующей серии поправок (1999 г.) в части общественного строя страны явилось возведение частного сектора в статус «важнейшей составляющей социалистической рыночной экономики». Это положение, однако, ни в коей мере не отменяет государственного контроля в отношении частных и индивидуальных хозяйств. Наоборот, конституция подчеркивает направление государством их деятельности, наблюдение и контроль со стороны государства. Из поправок 1999 г. в части, касающейся политической системы, следует, прежде всего, отметить новый первый абзац ст. 5, предусматривающий управление страной согласно закону и становление КНР в качестве правового государства. Поправка отражает быстрое нарастание в стране большого пласта разнообразных правовых норм. Реформа права считается в КНР важным направлением политической реформы. В связи с этим нельзя не отметить еще одну из конституционных поправок 1999 г. - шестую (по общей нумерации 17-ю). Суть ее в исключении понятия «контрреволюционное преступление» из китайской правовой терминологии. Теперь в конституции говорится о подавлении «предательской и прочей преступной деятельности, подрывающей безопасность государства» (ст. 28). Таким образом, карательная политика государства переводится в более цивилизованное русло, уменьшается возможность необоснованных репрессий.

В 2004 г. в Конституцию КНР был внесен ряд поправок, коснувшихся ее Введения и нескольких статей. Так во Введение были внесены новые установки КПК относительно «трех представительств» (т.е. партия представляет весь народ, объективные потребности развития производительных сил и передовой китайской культуры) и «гармоничного развития материальной, политической и духовной культуры». Там же дана более широкая формулировка состава Единого фронта, позволяющая включить в него в качестве «строителей дела социализма» предпринимателей и лиц, занятых посреднической деятельностью, управленческий и технический персонал, работающий по контрактам на предприятиях иностранного капитала и т.п. Новая редакция конституции устанавливает обязательную компенсацию при изъятии или реквизиции (временном отчуждении) земли и иного частного имущества в общественных нуждах. Рядом статей конституции усиливается поддержка частной собственности и ее развитие.

592

В ст. 33 Конституции, открывающей главу об основных правах и обязанностях граждан, вставлено такое положение: «Государство уважает и защищает права человека». Это положение было сочтено в Китае

«важным прорывом в развитии прав человека в условиях социализма». При этом подчеркивается, что на протяжении довольно длительного времени в КНР права человека были запретной зоной в идейно-теоретической области.

К представительско-церемониальным функциям Председателя КНР добавлено «осуществление деятельности по делам государства» (ст. 81), которое очевидно будет расшифровываться последующим законодательством. Далее установлен одинаковый пятилетний срок полномочий для собраний народных представителей всех уровней (ранее у низовых представительных органов он был трехлетним). Наконец в название последней 4-ой главы Конституции введен в качестве одного из символов КНР государственный гимн - «Марш добровольцев», установленный резолюцией пленарной сессии НПКСК еще в сентябре 1949 г.

В последние два десятилетия XX века целый ряд изменений, связанных с политическими реформами, был внесен в действующую на Тайване Конституцию Китайской Республики 1947 г. Началом политических реформ на Тайване следует считать отмену в 1987 г. чрезвычайного положения. Одновременно был принят Закон о национальной безопасности, в котором, в частности, содержались положения, отменяющие юрисдикцию военных судов в отношении гражданских лиц, изымающие из ведения военных властей осмотр прибывающих на остров багажа и грузов, устанавливающих регулярную иммиграционную систему для въезда и выезда с территории Тайваня.

В январе 1988 г. на острове вошел в силу Закон о собраниях и демонстрациях, согласно которому собрания и демонстрации разрешались повсеместно, за исключением территорий и зданий администрации Президента, исполнительной и экзаменационной палат, судебных учреждений, международных авиационных и морских портов, важнейших военных объектов, а через год, в январе 1989 г., Президентом был промульжирован принятый Законодательной палатой Закон о народных организациях, регулирующий деятельность профессиональ-

593

ных, социальных и политических организаций. В качестве политической партии законом признавалась политическая организация, чьей целью является назначение кандидатов на выборах и подходящая для регистрации по другим критериям. При этом признавались лишь организации национального (т. е. фактически всетайваньского) масштаба, но не региональные. В регионах острова могут создаваться лишь отделения партий. Политическим организациям специальной статьей закона запрещено получение пожертвований от иностранных организаций или организаций, основными членами которых являются иностранные организации или корпорации. Законом создавался позднее отмененный особый орган при Исполнительной палате по надзору за политическими партиями, наделенный правом их роспуска.

Важной вехой на пути начального этапа политических реформ на Тайване стала состоявшаяся в Тайбэе 28 июня - 6 июля 1990 г. Конференция по национальным проблемам, главной задачей которой было высветить весь спектр мнений политиков различных направлений по вопросам конституционной реформы. Участниками конференции был достигнут консенсус по следующим вопросам: во-первых, относительно отмены Временных правил на период национальной мобилизации для подавления мятежа; во-вторых, об отставке до 31 декабря 1991 г. старейших парламентариев, избранных в Национальное собрание, Законодательную и Конституционную палаты в конце 40-х гг.; в-третьих, о прямых выборах губернатора Тайваня и мэров Тайбэя и Таосюна. Кроме того, большинство участников конференции высказались за сохранение предложенной еще Сунь Ятсеном системы разделения пяти властей (законодательной, исполнительной, судебной, экзаменационной и контрольной), а также за введение так называемых «общенациональных округов» при выборах в Национальное собрание и Законодательную палату, мандаты в которых распределяются пропорционально полученному политическими партиями числу голосов на выборах. Затем эти рекомендации стали претворяться в жизнь.

Так, уже в апреле 1991 г. Национальное собрание Тайваня отменило. Временные правила на период национальной мобилизации для подавления мятежа. Тогда же была принята первая серия дополнительных статей конституции, которые, прежде

594

всего, регулировали новый порядок выборов, которые теперь были ориентированы на электорат тайваньского региона и зарубежных китайцев с тайваньскими паспортами. Выборам Национального собрания второго созыва, которые прошли в декабре 1991 г., предшествовало постановление Совета великих судей Палаты юстиции (аналог Конституционного суда) от 21 июня 1991 г., которым предписывалось членам парламентских учреждений, сформированных в конце 40-х гг., уйти в отставку до 31 декабря 1991 г.

При выборах как Национального собрания, так и Законодательной палаты предусмотрено представительство от женщин. Вместе с тем, в отличие от первоначального текста конституции, не предусмотрено представительство от монгольских аймаков и Тибета. Выборы представителей от зарубежных китайцев в указанные органы происходят по образцу избрания депутатов от общенационального округа, т. е. в зависимости от успеха партий на выборах.

Дополнительными статьями 1991 г. предусматривались и новые нормы избрания Палаты контроля, однако в 1992 г. новой серией дополнительных статей избрание членов Палаты контроля было заменено их назначением Президентом с согласия Национального собрания. Палата контроля перестала быть «третьим рукавом» парламентской власти, как раньше ее называли.

Дополнительные статьи 1992 г. были приняты Национальным собранием 27 мая указанного года и на следующий день промульжированы Президентом. Эта серия дополнительных статей существенно углубила конституционную реформу. Статьями 1992 г. менялся статус Национального собрания, функции

которого в прошлом ограничивались внесением изменений в конституцию и избранием Президента и вице-президента. Сессии Национального собрания стали как минимум ежегодными (ранее обычно собирались раз в 6 лет), с заслушиванием посланий Президента, их обсуждением и принятием рекомендаций. С 1996 г. депутаты Национального собрания стали избираться на четыре года (ранее на 6 лет). Дополнительные статьи 1992 г. предрешили избрание Президента и вице-президента всем электоратом региона, начиная с 1996 г. Срок полномочий этих высших должностных лиц был сокращен с 6 до 4 лет при сохранении права на переизбрание еще на один срок.

595

Дополнительные статьи 1992 г. предусматривали возможность отзыва Президента и вице-президента. Вместе с тем был изменен порядок формирования Палаты юстиции и Экзаменационной палаты, для назначения персонального состава которых теперь не требуется согласия Национального собрания. Очень важной конституционной новеллой явилось положение о том, что на Совет великих судей, кроме ранее установленных полномочий по толкованию конституции и законов, были возложены функции конституционного трибунала для рассмотрения дел о роспуске политических партий, деятельность которых угрожает существованию Китайской Республики на Тайване или «свободному, демократическому конституционному порядку». Таким образом, отменялся существовавший ранее административный порядок запрещения партий.

В 1994 г. была принята новая серия конституционных поправок, и вместе с тем принятые ранее поправки были как бы кодифицированы – сведены вместе с новыми в единый документ из 10 дополнительных статей. Новыми поправками был прежде всего решен вопрос о способе избрания Президента и вице-президента. Установлено, что эти высшие должностные лица будут избираться прямым голосованием тайваньского электората, включающего зарубежных китайцев с тайваньскими паспортами, однако, чтобы принять реальное участие в выборах, они должны в день голосования находиться на «свободной территории», т. е. в тайваньском регионе. Поправками 1994 г. значительно увеличены права Президента в отношении смещения и назначения ряда важных должностных лиц. Теперь для этого не требуется согласия премьера Исполнительной палаты, тогда как раньше подпись премьера на актах о назначениях и смещениях была обязательной. Поправками 1994 г. вводились должности спикера и вице-спикера Национального собрания, однако созыв последнего возлагался на Президента республики, хотя вместе с тем предусматривалась возможность созыва собрания и спикером, если будет поставлен вопрос об отзыве или отрешении от должности Президента или вице-президента.

Поправки 1994 г. были последними, принятыми Национальным собранием, в котором депутаты от ГМД обладали необходимым для внесения изменений в конституцию квалифицированным большинством. После выборов 1996 г. ГМД, ос-

596

тавшись партией большинства в Национальном собрании (183 из 334 мандатов), не мог уже безраздельно контролировать конституционный процесс. Все последующие поправки в конституцию вносились путем достижения консенсуса между партией большинства и оппозицией.

Очередные конституционные поправки имели место в 1997 г. Им предшествовала Конференция по национальному развитию (23-28 декабря 1996 г.), на которой было достигнуто согласие между ГМД и ДПП по ряду конституционных вопросов. Главным достижением этого форума явился консенсус партий по вопросу назначения главы правительства (премьера Исполнительной палаты) Президентом без согласия Законодательной палаты (в то же время Законодательная палата может сместить премьера вотумом недоверия, но только раз в год) и о перестройке провинциального управления, в результате которого правительство провинции фактически низводилось до положения департамента Исполнительной палаты. Одной из серии поправок 1997 г. было аннулировано право Палаты контроля инициировать в Национальном собрании процедуру импичмента Президента и вице-президента, это право передано Законодательной палате. Одновременно зафиксирована численность последней – 225 членов, при этом способ их избрания остался прежним, при одновременном увеличении квот представительства от административно-территориальных единиц и «общенационального округа», аборигенов, зарубежных китайцев. Особо оговорено представительство женщин (не менее 10% от общего числа депутатов). В положение о неприкосновенности членов Законодательной палаты было внесено существенное изменение: отныне законодатели не могут быть подвергнуты аресту или задержанию без разрешения палаты только во время сессий. Однако, как и прежде, разрешение не требуется в случае ареста или задержания на месте преступления. Некоторые изменения в конституции коснулись Палаты юстиции в отношении численности великих судей и срока их полномочий, отдельного бюджета Палаты и т. д.

На провинциальном уровне представительный орган – собрание заменено назначаемым Президентом консультативным советом. Президент же назначает и губернатора, которые ранее (правда, только раз) избирался электоратом провинции.

597

Последняя серия поправок в действующую на Тайване Конституцию была принята 24 апреля 2000 г. Они касались в основном статуса Национального собрания, в том числе и порядка его формирования. Теперь он в конституции определяться не будет, а отнесен к текущему законодательству. Численность Национального собрания ограничивается тремястами депутатами. Полномочия же его сводятся к голосованию по принятию предложенных Законодательной палатой поправок к конституции и изменений территории государства. Кроме того, Собрание обсуждает предложения Законодательной палаты об

отрешении от должности Президента или вице-президента и проводит голосование по этому предложению, которое для его воплощения в жизнь должно собрать две трети голосов депутатов Собрания.

В результате поправок 2000 г. Национальное собрание лишилось полномочий по утверждению персонального состава Палат юстиции и контроля и Экзаменационной палаты. Они перешли к Законодательной палате. Не предусматривается и заслушивание собранием посланий Президента о положении государства, это также теперь осуществляется Законодательной палатой. От собрания к Палате перешло и право избрания вице-президента республики в случае, если этот пост станет вакантным. Конституционной новеллой является и положение третьего абзаца ст. 1-й Дополнительных статей в редакции 2000 г. о том, что депутаты самостоятельно собираются на сессию в течение десяти дней после утверждения результатов выборов и продолжительность сессии не может превышать одного месяца. Новой редакцией статей не предусмотрены должности спикера и вице-спикера.

Однако Национальному собранию и с поправками конституции в 2000 г. не была суждена долгая жизнь. Основные политические партии Тайваня пришли к 2005 г. к единому мнению об архаичности этого института. На единственной сформированной в соответствии с поправками 2000 г. ad hoc (т. е. по определенному поводу) сессией национального собрания 7 июня 2005 г. было принято решение о ликвидации этого органа. Законодательная палата стала таким образом единственным органом, осуществляющим законодательные функции для всего тайваньского района.

Упразднение Национального собрания вызвало внесение в дополнительные статьи конституции положений о новых пол-

598

номочиях Законодательной палаты, в которые добавлены функции, перешедшие от Национального собрания, прописан новый порядок формирования Экзаменационной палаты, Палаты юстиции и Палаты контроля и т. д.

Как свидетельствуют результаты последних парламентских выборов (2000 и 2004 гг.), не давших большинства ни одной из партий, путь межпартийного компромисса может надолго остаться нормой политической жизни Тайваня.

Так или иначе, мы можем говорить о Тайване как регионе Китая, в котором установилась политическая система, в целом отвечающая стандартам многопартийности, обеспечивающим политический плюрализм. Что касается материковой территории КНР, то здесь о политическом плюрализме можно говорить лишь как о будущем страны, поскольку для этого еще не создано организационно-политических предпосылок, да и само это понятие не входит в политический инструментарий руководства страны и его идеологов. Однако явью сегодняшнего дня стал далекий от «единой линии» прошлых лет плюрализм мнений в науке, литературе и искусстве. Теоретически нельзя исключить его перерастания в политический плюрализм, который может подпитываться и плюрализмом форм собственности. Можно предположить, что в будущем, с ростом экономического могущества Китая, дальнейшим развитием многосекторальной экономики вопрос, о политическом плюрализме так или иначе возникнет. Однако сейчас реформы в политической сфере диктуются главным образом прагматическими интересами. Поэтому на первое место выдвигается административная реформа - широкий комплекс мероприятий по совершенствованию аппарата управления и улучшению его кадрового состава. Наряду с укрупнением центральных ведомств и преобразованием их задач в задачи макроэкономического регулирования в КНР с 90-х гг. были предприняты важные шаги по созданию регулярной системы государственной службы, включающие набор на службу по результатам экзаменов, периодические аттестации госслужащих, их дополнительное обучение и повышение квалификации, иерархию рангов и должностей и т. д. Здесь в некоторых моментах проявляется определенное сходство с системой гражданской службы на Тайване. Но есть и немало различий. Так, в КНР не предусматривается формально независимой и политически нейтральной экзаменационной

599

(кадровой) ветви власти. Однако и на Тайване существование этой ветви власти ставится под сомнение, т. к. фактически формированием корпуса гражданских служащих занимается Кадровая администрация Исполнительной палаты. В КНР в системе Государственного совета, т. е. правительства, функционирует Министерство кадров (Министерство по делам персонала). Согласно официальным нормативным актам КНР, экзамены дополняются проверкой по политическим, экономическим и моральным качествам, а кандидатуры на руководящие посты рассматриваются соответствующими комитетами КПК. Не является политически нейтральным и подбор руководящих кадров на Тайване. Известно, например, что совсем недавно большинство среди высших государственных чиновников составляли члены ГМД.

В целом, как представляется из сравнения политических институтов материковой части КНР и Тайваня, нельзя делать однозначные выводы о высокой степени динамичного развития демократии на Тайване и консервации политической системы прошлых лет в КНР. Действительно, интересы сохранения социально-политической стабильности в материковом Китае в период важнейших социально-экономических преобразований не подвигают руководство этой страны на большие преобразования в области политической системы. Но такие преобразования, пусть небольшими шагами, но идут. В КНР, как уже отмечалось выше, давно уже не являются безальтернативными выборы представительных органов, а последними - глав администраций и их заместителей. Отошло в прошлое и единое голосование по принимаемым представительными органами решениям и при выборах руководителей различного ранга, в том числе и самых высоких. Сделаны серьезные шаги по созданию большого пласта необходимых законов и других нормативных актов, которые в дальнейшем помогут создать систему управления страной, целиком

опирающуюся на правовые нормы.

Сравнивая эволюцию политических институтов материковой части КНР и Тайваня, нельзя переоценивать молодую демократию на острове, не так давно вступившую во второе десятилетие своего существования. У нее немало своих проблем, и не все политические события там можно отнести к достижениям демократии. Следует отметить, что даже живущие вне Китая

600

диссиденты из КНР не считают, что тайваньский опыт во всем пригоден для материкового Китая (в частности, в таком духе высказывался известный правозащитник Вэй Цзишэн). А побывавший на Тайване во время одной избирательной кампании лидер сянганской оппозиционной Демократической партии Мартин Ли высказал очень критические замечания относительно ее проведения, отметив, среди прочего, что в Сянгане нельзя представить таких открытых форм подкупа избирателей, как бесплатное их угощение. Как мы знаем и из российского опыта, большой опасностью для молодых демократий является наступление на представительные органы и исполнительную власть, а также и другие ветви власти, криминальных структур, а местами и сращивание последних с властями. Известно, например, что в местном депутатском корпусе, избранном в 1994 г., по официальным данным полиции, более трети членов представительных органов имели криминальные связи или привлекались к суду за уголовные преступления. Были сообщения и о том, что несколько членов мафиозных организаций избирались в парламентские учреждения даже по спискам ГМД.

Именно необходимость обороны от проникновения криминала во власть вызвала приостановление конституционными поправками 1997 г. неприкосновенности парламентариев в межсессионные периоды. Такую же направленность имеет пока не реализованное соглашение ГМД и ДПП об отмене выборов глав администраций в низовом звене, которое считается особенно засоренным людьми с криминальными связями (1996 г.). В том же году был принят законодательный акт-Положение о борьбе с организованной преступностью, установивший запрещение регистрации в качестве кандидатов на выборах лиц, имевших судимости за участие в преступных организациях. При этом теперь уголовной ответственности подлежат и лидеры преступных формирований, не принимавшие личное участие в уголовнонаказуемых действиях.

Оценивая эволюцию политических институтов Тайваня в контексте реформирования всего регионального общества, важно подчеркнуть, что мирный переход от военно-авторитарного режима к многопартийной демократии не был лишь проявлением собственной политической воли правившей в то время партии ГМД. На эту партию оказывалось достаточно ощутимое давление как извне - со стороны оппозиционных

601

сил, так и изнутри- со стороны молодой интеллектуальной элиты партии, впитавшей вместе с образованием на Западе либерально-демократические политические ценности. Важным фактором давления на «твердолобых» в ГМД были и студенческие выступления за демократизацию политических институтов острова. Не на последнем месте было и давление на правящую элиту Тайваня со стороны США, которых всегда шокировали зримые тоталитарные черты в режиме тайбэйских союзников. США легко мирились с этими чертами в период противостояния с КНР, однако они стали мешать США после установления дипломатических отношений с материковым Китаем и перевода американо-тайваньских отношений в разряд неофициальных. Тайвань, к тому времени окрепший экономически, стал больше интересовать США как своего рода витрина либерально-демократических ценностей в Восточной Азии. Однако главной составляющей условий, обеспечивших демократизацию Тайваня, модернизацию его политических институтов, явились глобальные перемены, начатые перестройкой в СССР. В контексте этих глобальных перемен смягчилась конфронтация материковой части КНР с Тайванем, что также явилось важнейшей предпосылкой исторических перемен на острове. Опять-таки важно подчеркнуть, что политическим реформам в китайской провинции-отшельнике предшествовал значительный экономический прогресс, осуществленный в условиях монопартийного режима.

Нельзя не отметить, что с приходом к власти на Тайване лидера оппозиции Чэнь Шуйбяня усилились выступления за независимость Тайваня, нараставшие с продолжением его президентского срока. Это не могло не вызвать соответствующей реакции со стороны властей КНР. В марте 2005 г. сессия ВСНП приняла Закон КНР о недопущении раскола страны (в китайских СМИ на русском языке обычно именуется Законом против сецессии), настороженно оцененный на Тайване.

Закон декларирует осуществление мирного воссоединения страны путем поэтапного проведения равноправных консультаций и переговоров на основе принципа «одного Китая» в интерпретации КНР. Он призывает официально поставить точку в ситуации враждебности вокруг берегов Тайваньского пролива и выработать план развития отношений между материковой частью страны и островом.

602

Таким образом Закон о недопущении раскола страны юридически оформил курс и политику правящей в КНР компартии Китая и китайского правительства на решение тайваньского вопроса. По словам члена ПК Политбюро ЦК КПК, председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного Совета Китая Цзя Циньлиня, Закон о недопущении раскола страны, создавая правовую основу курсу КНР для решения тайваньского вопроса, будет поощрять связи соотечественников по обе стороны Тайваньского пролива и содействовать им, а также двусторонним экономическим и культурным контактам, способствовать осуществлению прямых контактов между берегами пролива, защищать законные интересы тайваньских соотечественников.

Политическими институтами КНР и Тайваня не ограничиваются существующие на территории Китая формы политической организации общества. В 1997 и 1999 гг. под суверенитет Китая вернулись колониальные анклавы Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь) в качестве особых административных районов (ОАР). Их политические институты были первоначально отработаны по модели Гонконга и в целом в настоящее время аналогичны, и за редкими исключениями, которые касаются в основном органов юстиции, одноименны. Самоуправление ОАР основывается на отличных от материковой части КНР институтах, в том числе и на перешедших, в несколько модифицированном виде и в ряде случаев под другими наименованиями, из колониального прошлого. ОАР обладают в составе КНР широкой автономией, и из их компетенции исключены только иностранные дела и вопросы обороны, относящиеся к исключительному ведению центра. Однако в ведении ОАР оставлены вопросы визового режима и неправительственных внешних связей. ОАР являются самостоятельными таможенными территориями и свободными портами. Во внутренних делах компетенция ОАР ограничена лишь определенными правами Центра в назначении высших должностных лиц районов и некоторыми его контрольными функциями в отношении принимаемого в ОАР законодательства. Политические институты ОАР закреплены в Основных законах, принятых Всекитайским собранием народных представителей в 1990 г. для Сянгана и в 1993 г. для Аомэня. Законы вступили в действие соответственно в 1997 и 1999 гг. Для обоих ОАР Основными законами устанавливались неиз-

603

менность в течение 50 лет социальной и экономических систем регионов и образа жизни их населения. Высшими должностными лицами ОАР являются главы их администраций, унаследовавшие большую часть функций британского и португальского губернаторов. Главы администраций назначаются Центральным народным правительством, т. е. Государственным советом КНР, из кандидатур, отобранных специальными полномочиями из числа постоянных жителей ОАР. По представлению глав администраций ОАР Государственным советом назначаются и руководители главных правительственных структур Сянгана и Аомэня. Вместе с тем судебные органы регионов целиком формируются местными властями. Выносимые судами ОАР решения не могут быть обжалованы в судебные органы КНР. В каждом из ОАР КНР созданы свои суды окончательной инстанции.

Согласно Основным законам ОАР, главы администраций ОАР являются не только главами правительств, но и главами представляемых ими регионов. Они подписывают законопроекты, прошедшие Законодательные советы, которые без подписи главы администрации законами не становятся; ими принимаются решения о помиловании или смягчении наказания. Главы администраций ОАР пользуются правом отлагательного вето в отношении принятых Законодательными советами актов и даже имеют право роспуска этих советов (правда, ограниченное одним разом за срок полномочий). Главы администраций возглавляют Административные советы, ранее существовавшие при губернаторах (в Макао этот орган назывался Консультативным советом). Эти советы являются совещательными органами, но главы администраций запрашивают их мнение при выработке важных политических решений. Несогласие советов с мнением глав администраций ОАР должно мотивироваться в протоколах. Из объема нормотворческой деятельности Законодательных советов изъяты только вопросы обороны и иностранных дел. Вместе с тем на территорию ОАР особыми перечнями распространено действие ряда законов КНР, которыми регулируется установление столицы страны, введение общепринятого летоисчисления, государственная символика КНР, ее национальные праздники и гражданство, дипломатические и консульские иммунитеты и привилегии, вопросы территориального моря и прилегающей зоны (только в условиях чрезвычайного положения на ОАР могут быть распространены

604

другие законы КНР). В остальном ОАР опираются на законы, принятые их Законодательными советами, а также на нормативные акты прежних властей регионов, не противоречащие основным законам. Законы ОАР направляются на регистрацию в ПК ВСНП, и последний обладает правом возвращения законов, в случае, если он после определенной процедуры установит, что какой-либо конкретный закон не соответствует положениям Основного закона в части, касающейся дел, входящих в компетенцию центрального правительства, и о взаимоотношениях между центральным правительством и ОАР. Возвращенный закон утрачивает силу. В связи с осуществлением законодательной власти следует отметить, что избирательные системы в ОАР КНР построены так, что ни Законодательный совет, ни любой другой представительный орган электоратом не избирается. Избранные населением в округах депутаты составляют в Законодательных советах явное меньшинство по сравнению с депутатами, избранными от функциональных (профессиональных) организаций и комиссий выборщиков, однако в дальнейшем число избираемых в округах депутатов будет неуклонно увеличиваться. Формирование нынешних избирательных систем в ОАР диктуется современной политической обстановкой, стремлением держать обстановку под контролем как, прежде всего, властей ОАР, представляющих главным образом интересы крупного капитала, так и центральных властей КНР, заинтересованных в общественном спокойствии в бывших колониальных анклавах, постепенности происходящих там процессов. Гонконг и Макао должны оставаться «курочками, несущими золотые яйца». Исполнительная власть в ОАР является господствующей.

При передаче ОАР под суверенитет КНР весь корпус служащих Гонконга и Макао, включая полицейских и судебных приставов, в принципе был оставлен на прежних должностях при сохранении жалования, выслуги лет и иных льгот. ОАР продолжают выплачивать в прежнем размере пенсии отставным служащим или их семьям. Власти ОАР по-прежнему используют в качестве служащих британцев,

португальцев и других иностранцев, как имеющих удостоверения постоянных жителей ОАР, так и не имеющих их, если иное не предусмотрено законом (ряд ответственных должностей, согласно закону, могут занимать лишь китайские граждане, не имеющие права проживать

605

за границей, т. е. такие должности не могут, например, занимать жители Гонконга с британскими заморскими паспортами).

ОАР, как уже отмечалось выше, наделены правом подписывать международные соглашения неполитического характера (например, в области экономики, транспорта, связи, туризма и т. д.), участвовать в международных форумах, таких как «Китайский Сянган» или «Китайский Аомэнь». При этом, с разрешения правительства КНР, ОАР сохраняют членство в международных организациях, где они уже состоят, если даже КНР не является их участником. Представители правительств ОАР могут в качестве членов делегаций правительства КНР принимать участие в дипломатических переговорах, имеющих непосредственное отношение к представляемым ими районам. Более того, правительство КНР, согласно Основным законам ОАР, предоставляет полномочия правительствам ОАР вести переговоры и подписывать соглашения о безвизовом режиме с соответствующими государствами региона.

Для организации в ОАР консульских и других учреждений иностранных государств, включая полуофициальные, требуется разрешение правительства КНР. При этом сохраняются ранее созданные в ОАР консульские и другие учреждения государств, установивших дипломатические отношения с КНР. В соответствии с соглашением между правительствами РФ и КНР от 27 июня 1997 г. Генконсульство РФ в Сянгане продолжает осуществлять консульские функции и в Аомэньском ОАР. Учреждения государств, не установивших дипломатические отношения с КНР, преобразуются в полуофициальные. В ОАР допускается и существование учреждений государств, которые КНР не признала, однако лишь в качестве «народных», т. е. неправительственных.

Накануне возвращения Гонконга в зарубежных СМИ высказывалось мнение о том, что Сянганский ОАР в составе КНР может явиться своего рода локомотивом демократизации всего Китая. Однако демократические позиции Гонконга в реальности не так велики. В Гонконге действительно были восприняты высокие британские стандарты защиты имущественных и личных прав. Но если рассматривать демократию как участие в управлении и политической жизни, то ее в колониальном Гонконге не было. Гонконгом правил губернатор, опираясь на чиновничество и советы, состоящие из лиц, назначенных губер-

606

натором или входивших в состав соответствующих коллегий и по должности, и лишь в немногих случаях путем непрямых выборов. Некоторые подвижки в избирательной системе колонии начались лишь после Совместного китайско-британского заявления (декларации) по вопросу о Гонконге 1984 г. В 1985 г. в Законодательный совет были введены выборные члены от организаций бизнеса и профессиональных групп. Принятый ВСНП в 1990 г. Основной закон Сянганского ОАР предусмотрел постепенное увеличение числа членов Законодательного совета, избираемых электоратом района. В 1991 г. часть членов этого совета и была избрана путем прямых выборов. В 1992 г. назначенный последним губернатором Гонконга видный деятель консервативной партии Великобритании Кристофер Пэттен объявил, вопреки прежним китайско-британским договоренностям, о введении прямых выборов Законодательного совета колонии еще до ее перехода под суверенитет КНР. Но нормы формирования сянганского парламента, предусматривающие постепенное увеличение числа его членов, непосредственно избираемых электоратом, были уже зафиксированы в законодательстве КНР, и заявление Пэттена Пекин справедливо расценил как вмешательство во внутренние дела КНР. Это вызвало серьезный кризис в китайско-британских отношениях. Выборы «по Пэттену» все же состоялись в 1995 г. Однако Китаем было заранее объявлено о прекращении полномочий избранного тогда состава Законодательного совета, а вместе с тем и нижестоящих представительных органов, с момента перехода Сянгана под суверенитет КНР, т. е. с 1 июля 1997 г. Полномочия Законодательного совета перешли к заранее сформированному специальной коллегией выборщиков Временному законодательному совету, в составе которого оказалось немало членов «пэттеновского» совета, а также и некоторых ранее баллотировавшихся в его состав кандидатов. 1 июля 1997 г. были распущены также собрания города, региона (сельских местностей) и районов. На их место были назначены сокращенные в четыре раза временные представительные органы, в которые вошли и члены собраний, сформированных при колониальном режиме. В дальнейшем предполагается постепенно ввести избрание представительных органов всех уровней прямым голосованием электората. Полномочия представительных органов в прежнем Гонконге касались довольно

607

узкого круга вопросов, и эта их компенсация пока сохраняется и вряд ли скоро изменится. Обещанное сохранение в течение половины столетия образа жизни бывшей колонии предполагает и неизменность существующих в ней политических институтов, их минимальную модификацию.

В декабре 1999 г. вслед за Сянганом вернулся под суверенитет Китая и Аомэнь. Его возвращение не было осложнено конфликтами КНР с бывшей метрополией, как в сянганском варианте. Законодательный совет Макао, сформированный в 1997 г., продолжал функционировать уже в качестве одноименной легислатуры Аомэньского ОАР. Из 23 его членов 16 были избранными путем прямых или косвенных выборов (по 8 человек), 7 назначены губернатором. На очередных выборах, которые состоялись в начале 2001 г., число мест для депутатов, избранных путем прямых выборов, возросло до 10 (из 27), а в 2005 г. достигнет 12 (из 29).

Как уже отмечалось выше, различия в политических институтах двух ОАР КНР - Сянган и Макао, касаются главным образом судебных органов и других органов юстиции. Это различие определяется практически полной независимостью ОАР от центра в области организации судостроительства и в судопроизводстве. Существовавшие в колониях виды судов перешли в ОАР, и при этом, в отличие от колониальных времен, их решения не могут быть обжалованы выше судов окончательной инстанции самих районов. Различия двух ОАР в системах юстиции определяются и их принадлежностью к различным правовым системам: в Сянгане сохраняется система прецедентного права англо-саксонского типа, тогда как в Аомэне действует привнесенная из Португалии континентальная система права, основанная на кодексах законов. Главной задачей при подготовке возвращения Аомэня в этой области явилась локализация права, прежде всего перевод законодательства с португальского на китайский язык и ввод в действие кодексов уже в китаезычном варианте. Первый китаезычный кодекс (это был административно-процессуальный) был введен в действие с 1 марта 1995 г., а последние (гражданский и гражданско-процессуальный) с 1 ноября 1999 г., как раз накануне возвращения территории под суверенитет Китая. Несколько позднее, 29 декабря того же года, ПК ВСНП отменил 12 законов Макао, противоречащих Основному закону ОАР.

608

Аналогичный, но совсем не идентичный процесс локализации прежнего права и адаптации его к особой автономии прошел и в Сянгане. Вскоре после Совместного китайско-британского заявления по вопросу о Гонконге в рамках созданной тогда китайско-британской группы связи состоялись консультации по вопросам локализации и адаптации законодательства Гонконга. Но еще до начала консультаций британский парламент в 1985 г. специальным законом под названием «Акт о Гонконге» предоставил короне, т. е. британским властям и легислатуре Гонконга (губернатору и Законодательному совету), право производить изменения в законах Соединенного королевства и Гонконга с целью подготовки передачи территории под суверенитет КНР. Двумя актами британского правительства в 1986 и 1989 гг. подобные полномочия были предоставлены и «губернатору в Совете» (имелся в виду административный совет). В течение последующих нескольких лет были приняты 5 локализованных ординансов (т्योंли) и свыше 70 актов на уровне правительственных постановлений, в которых главным образом изменялась колониальная терминология. Одновременно с 1989 г. началось принятие законодательства в двуязычном варианте при аутентичности английского и китайского текстов.

Однако переходный период 1984-1997 гг. нельзя со стороны правотворческой деятельности оценить однозначно. По сообщению сянганской «Дагун бао» (05.02.97), в период с 1985 по 1996 гг. британская сторона без согласования с китайской стороной и без использования механизма китайско-британской группы связи выработала 184 закона и положения (фалюй т्योंли) и изменила редакцию различных актов в 845 случаях (включая в это число многочисленные изменения одного и того же акта). Еще больше было разработанных вновь и измененных подзаконных актов - только с 1992 по 1996 гг. было издано 289 новых актов и в более чем 1000 актов внесено 1826 изменений. Часть этих изменений вытекала из объективных потребностей развития территории, другая нарушала договоренности Совместного заявления. Поэтому в Китае к ранее действовавшему праву Сянган относят законодательство, принятое либо употреблявшееся там по состоянию на 19 декабря 1984 г. (дата подписания Совместного заявления). Это не значит, что все принятые потом нормативные акты отверга-

609

лись с порога, но возможность их применения в районе должна была подтверждаться соответствующими органами.

Незадолго до возвращения Сянган под суверенитет Китая ПК ВСНП принял специальное постановление, регулирующее применение прежнего законодательства в ОАР (23.02.97). Этим постановлением прежде всего подтверждались положения Основного закона Сянганского ОАР о сохранении не противоречащего этому закону старого права, действовавшего в регионе. В приложениях к постановлению перечислялись нормативные акты, действие которых полностью или частично прекращалось. Кроме того, ПК ВСНП постановил, что правовое регулирование внешних связей Сянганского ОАР должно ориентироваться на общегосударственные законы и отвечать признанным Центральным народным правительством нормам международного права и его международным обязательствам. При этом теряют силу любые положения об особых правах в Сянгане Великобритании и других стран или регионов Британского содружества наций. Вместе с тем устанавливалось равенство китайского и английского языков в качестве официальных и подтверждался принцип использования английского права, если применяемые его установления не ущемляют суверенитет КНР и не противоречат Основному закону ОАР.

Все это позволяет сделать вывод о том, что при воссоединении Сянган с КНР в целом удалось сохранить прежнюю правовую систему, построенную на нормативной базе англосаксонского типа (так же, как португальскую правовую систему континентального типа, в случае с Аомэнем). Поскольку эта система работает, а общественно-экономический строй региона будет оставаться неизменным в течение ряда десятилетий, короткая жизнь ей не уготована. Конечно, британские судебные прецеденты будут постепенно заменяться местными, произойдут и какие-то изменения в статутном законодательстве. Однако система норм, регулирующих положение Сянган как крупнейшего международного финансового, торгового и судоходного центра, не может быть подвергнута крупным изменениям из чисто прагматических соображений.

Но между Аомэнем и Сянганом существуют не только различия, определяемые разными правовыми системами при сходных политических. Характеризуя положение Аомэня на-

610

кануне его передачи КНР, последний португальский губернатор Макао в 1991-1999 гг. генерал Васко Рочи Виейра подчеркнул, что Макао - это «не Гонконг в миниатюре, это нечто иное». Если у Гонконга основу составляет «экономика и стремление сохранить ее, то в Макао - это его культура и уникальность. Я думаю, что китайцы будут уважать это... Я действительно уверен, что Пекин стремится, чтобы Макао управляли местные деятели, а он не будет вмешиваться. И я уверен, что жители Макао хотят сохранить свое многообразие, свою уникальность... Даже в конце переходного периода Макао все же будет чем-то отличаться от Китая». Будет ли так, покажет будущее. Пока же мы можем констатировать, что на территории Китая действуют три различных политических системы (при четырех системах правовых): Китайской Народной Республики, являющейся республикой советского типа; Китайской Республики на Тайване, не признаваемой мировым сообществом президентско-парламентской республикой, совершившей переход от однопартийной диктатуры к многопартийной демократии, особых административных районов, самоуправляющихся единиц с отличными от материковой части страны политическими институтами.

Но пройдут годы, а может быть и десятилетия, и все равно встанет вопрос об интеграции всех существующих на территории Китая политических систем. Предвидеть ход этого процесса пока еще трудно. Однако ясно, что главной доминантой этого процесса будет развитие политических институтов материковой части КНР. Сейчас политическое руководство КНР озабочено прежде всего сохранением социально-политической стабильности, и такая его позиция не может не встретить должного понимания при реалистическом взгляде на сложившуюся ситуацию. Поэтому трудно ожидать в ближайшем будущем серьезных изменений в политической системе КНР, которая, как представляется, не исчерпала своих возможностей в эффективном обеспечении экономического прогресса государства, его модернизации, поддержании высокого авторитета своей страны в мировом сообществе.

611

Литература

- Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР (50-60-е годы) М., 1980.
 Гражданское законодательство КНР (Сб. Нормативных актов). М., 1997. Гудошников Л., Кокарев К. Политическая система Тайваня. М., 1999.
 Делюсин Л. П. Политическая реформа и проблемы демократии в Китае. М., 1993.
 Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1997.
 Егоров К. Л. Представительная система Китая: история и современность. М., 1998.
 Конституция КНР (Конституции социалистических государств), т. 1. М., 1987.
 Конституция Китайской Республики (1947). Тайбэй, 1998. Политическая система КНР: 100 вопросов и ответов. Пер. с кит. М., 1990.
 Степанова Г. А. Система многопартийного сотрудничества в КНР. М., 1999.
 Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М., 1994.

612

Л. М. Гудошников. ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОГО ПРАВА В XX И НАЧАЛЕ XXI вв. КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИФИКИ КИТАЯ

Первые шаги по модернизации традиционного китайского права имели место еще в последние годы династии Цин. Так, накануне свергнувшей монархию Синьхайской революции 1911-1912 гг. была проделана большая работа по совершенствованию основного источника цинского права - *Дацин люйли* (Законов Великой династии Цин), приведению его норм в соответствие с новыми реалиями китайского общества. Из свода законов были исключены наказания палочными ударами, а все меры физического воздействия, предусматривавшиеся в качестве санкций по гражданским делам, заменялись системой штрафов. Одновременно было исключено и большое количество устаревших положений, сдерживавших развивающийся рыночный оборот. В модернизированном виде *Дацин люйли* существовал в качестве свода законов, к которому обращались суды, и после падения империи Цинов - во многих своих положениях он действовал до 5 мая 1931 г., т. е. до вступления в силу двух последних книг Гражданского кодекса Китайской Республики.

Первым Кодексом законов, принятым в республиканском Китае после Синьхайской революции, было Уголовное уложение 1912 г. Первоначально оно состояло из 411 статей. В 1928 г. в него был внесен ряд изменений и оно было переименовано в Уголовный кодекс (УК). Позднее этот кодекс действовал в редакции 1935 г. и состоял из 357 статей. Уложение и УК вобрала в себя много прогрессивных по тем временам положений уголовного права. Например, в ст. 10 Уложения в принципе отрицалось назначение наказания по аналогии. В кодексе отсутствовали безусловно неопределенные санкции, были достаточно подробно решены вопросы уголовной ответственности, субъективной стороны преступления, соучастия и

613

т. д. УК включал статьи о досрочном освобождении, телесные наказания не предусматривались. Почти целиком заимствованный из уголовного законодательства Японии, Франции, Бельгии, Германии и Нидерландов, этот кодекс внес в уголовное право Китая много новых идей и институтов. В области же гражданско-правовых отношений, как уже отмечалось выше, продолжали действовать относящиеся к гражданскому праву положения *Дацин люйли*. Вместе с тем был принят ряд важных для предпринимателей законов, регулирующих имущественные отношения в некоторых специальных областях, например Горнопромышленный устав 1914 г., Лесной устав 1915 г.

Большую роль во внедрении положений буржуазного права в практику сыграл Верховный суд, выполнявший в те годы определенные нормотворческие функции. Своими решениями он приспособлял законодательство Цинской династии к потребностям буржуазии и таким же путем заполнял многочисленные пробелы гражданского законодательства, ссылаясь при отсутствии законов и обычаев на принципы права. При этом в качестве принципов права применялась европейская буржуазная правовая доктрина. Таким образом, западные правовые идеи оказывали определенное влияние на судебную практику. Они нашли благодатную почву в сравнительно развитых приморских районах страны. Что же касается более отдаленных провинций, то в них судебные чиновники продолжали творить суд в соответствии с местными обычаями и цинским законодательством.

В последующие два этапа реформы национального права, т. е. в периоды до конца 20-х, а затем до середины 30-х гг., в кодификационных работах возобладали стремления в большей степени учитывать особенности национальной правовой культуры, правосознания китайского народа, специфику мышления юристов страны. В частности, это выразилось в том, что законодатели стали постепенно вводить в нормативные акты чисто китайские понятия, которые были легко отброшены в самом начале кодификационных работ.

Так, Уголовный кодекс 1928 г. вернулся к трактовке соучастия, принятой в *Дацин люйли*, предусматривающей преимущественный анализ субъективной стороны преступления. При этом к главным преступникам относились автор идеи преступления и подстрекатель, даже если они физически не участ-

614
вовали в совершении преступления. Эти положения о соучастии были в дальнейшем развиты в УК 1935 г., в частности подстрекатель привлекался к уголовной ответственности и в том случае, если исполнитель не совершил никаких действий для реализации преступных целей.

Уголовный кодекс 1935 г. в регламентации наказаний посчитал возможным восстановить в современной форме традиционный для Китая институт выкупа наказаний (ст. 41). Так, если имелись препятствия для исполнения приговора (по личным качествам осужденного или его семейного положения, а также иных причин), приговор мог быть обращен в штраф из расчета от одного до трех юаней за один день тюремного заключения или уголовного ареста.

Все упомянутые кодексы в соответствии с вековыми традициями Китая устанавливали повышенную уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и честь родственников. В своих нормах кодексы определяли родственников прямой восходящей и боковой восходящей линий, и посягательство на жизнь и здоровье каждого из них подробно регламентировалось в нормах Особой части. Ограничение применения смертной казни к лицам моложе 18 лет не распространялось в случае умышленного убийства ими родственников по прямой восходящей линии.

Характерно, что Кодекс 1935 г. вернулся в некоторых вопросах к регулированию отношений по дореволюционному законодательству, отмененному Уголовным уложением 1912 г. Так, например, в Кодексе Цинов предусматривалась уголовная ответственность за посягательство на нормальное функционирование хозяйственных связей- продуктообмен, перевозку и поставку сельхозудобрений, семян, сырья и оборудования, подделку и присвоение торговых марок и т. д. Уложение 1912 г. отказалось от уголовной ответственности за правонарушения в этой сфере, посчитав необходимым наказывать правонарушителей в рамках гражданского права. Однако, как показала практика, гражданский оборот в Китае не достиг той степени свободы, когда его функционирование полностью обуславливается экономическими интересами, не допускающими какого-либо волевого вмешательства извне. Поэтому Кодекс 1935 г. вернулся к наказуемости деяний, препятствующих в той или иной форме свободному движению интересов

615
на уровне горизонтальных хозяйственных связей. Надо отметить, что внеэкономическое волевое давление оказалось весьма эффективным в период интенсивного развития в Китае капиталистических отношений. Вековые традиции господства и подчинения возобладали в Китае над энергией капиталистического предпринимательства.

Проект Гражданского кодекса Китайской Республики был разработан к концу 1925 г. Однако последующие бурные события в стране (национальная революция 1925-1927 гг.) помешали его принятию. Окончательный проект кодекса был принят по частям в 1929-1930 гг. и полностью вступил в действие в мае 1931 г. Гражданский кодекс (ГК) Китайской Республики был разработан с ориентацией на соответствующий Кодекс Японии и Германское гражданское уложение (ГГУ). Иначе говоря, гоминьдановские законодатели пошли по пути рецепции европейского гражданского права (как известно, и японский ГК был составлен под сильным влиянием ГГУ). Вместе с тем, гоминьдановский ГК имел свои определенные особенности. Так, с точки зрения общей формы и отдельных институтов он выглядел несколько упрощенным, примитивизированным - многие его положения не были разработаны столь подробно и тщательно, как в японском ГК и ГГУ. Характерно, что в китайский ГК прямо включались отсылки к некоторым нормам обычного права, причем в ряде случаев не исключалось прямое применение обычая против закона.

В целом гоминьдановский ГК регулировал имущественные отношения в общей форме. Многие вопросы промышленной и торговой деятельности им не охватывались, и это требовало разработки отдельных законов, которые в совокупности позволяли говорить о появлении в Китае торгового права. Среди актов торгового права, принятых до начала антияпонской войны (1937-1945 гг.), можно упомянуть о принятых в 1929 г. Положении о торговых товариществах, Законе о купеческих гильдиях, Законе о биржах,

Законе о страховании, Законе о товарораспорядительных документах. За этими актами последовало законодательство о товарных знаках и ценных бумагах (1930 г.), Закон о банках (1930 г.), Земельный закон и Временное положение о патентах (1932 г.), Положение о торговых портах (1933 г.), Законы о несостоятельности и страховых предприятиях (1935 г.). Параллельно с каждым законом

616

принималось подробное положение или Правила о порядке его применения.

На конец 20-х - начало 30-х гг. приходится всплеск гоминьдановского трудового законодательства. После антикоммунистического переворота 1927 г. гоминьдановцы дополнили репрессивные методы разработкой трудового законодательства, должного придать своему режиму более респектабельный вид. Приказом Чан Кайши были введены в действие Временные правила работы арбитражных комиссий и правила урегулирования конфликтов между рабочими и предпринимателями для Шанхая (май 1927 г.). По образцу этих региональных правил были изданы соответствующие акты и в других городах. По мере расширения территории, подвластной Нанкину, стали разрабатываться и общегосударственные акты. Одним из первых был выработан Закон об урегулировании конфликтов между рабочими и предпринимателями. В течение полутора лет он действовал экспериментально и окончательно был утвержден лишь после ряда изменений в марте 1930 г. Закон предусматривал строгую обязательность обращения к услугам примирительной или арбитражной комиссии. Нарушивших это правило штрафовали или даже подвергали тюремному заключению. В период разбирательства конфликта не разрешались забастовки. В то же время предпринимателям запрещалось во время разбирательства конфликта объявлять локаут или увольнять рабочих.

В 1928 г. нанкинские власти опубликовали Фабричный закон. В этом законе нашли отражение такие важные вопросы условий труда, как рабочее время, минимум заработной платы, договоры о найме, трудовое страхование, условия труда женщин и детей и другие. Однако следует отметить, что гоминьдановское законодательство об условиях труда и найма являлось скорее декларацией, чем правовым актом. Кроме того, оно даже формально не распространялось на значительную массу рабочих, занятых на мелких предприятиях, в кустарно-ремесленных мастерских, мелких лавках и т. п. Закон вступил в силу только в 1931 г., но некоторые его статьи было решено ввести в действие лишь после «созревания соответствующих условий». Позднее фабричный закон был дополнен целым рядом законодательных актов, детализировавших отдельные стороны труда и найма. В 1930 г. был опубликован Закон о кол-

617

лективных договорах, в 1931 г. - Положение о технике безопасности, а в 1936 г. - Закон о минимуме заработной платы. При всей его декларативности гоминьдановское трудовое законодательство нельзя оценивать однозначно негативно. Оно было и законодательным закреплением требований, выдвигаемых китайским рабочим классом.

В целом законодательство Китая в довоенный период было довольно полным и подробным во всех его отраслях, оно непрерывно уточнялось или дополнялось. Основные гоминьдановские законы были сведены в *Люфа цюаньшу* - Полную книгу шести законов (или шести отраслей права), куда вошли законодательные акты, сгруппированные по следующей системе: конституционное право, гражданское право, гражданско-процессуальное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, административное право (трудовое, финансовое и земельное право включалось и включается сейчас на Тайване в этот раздел). Однако реальные результаты усилий гоминьдана модернизировать правовую систему страны оказались незначительными. Последовательному проведению в жизнь новых законов препятствовала раздробленность страны. Юрисдикция гоминьдановского правительства не распространялась с началом японской агрессии на Северо-Восточный Китай и приморские районы, оккупированные захватчиками. Различные группировки милитаристов не признавали по-настоящему власть нанкинского правительства и издавали собственные законы на подвластных им территориях. Вдобавок Китай почти весь этот исторический период сотрясала гражданская война, вызвавшая к жизни особый вид правотворчества - законодательные акты освобожденных районов.

Освобожденные районы в Китае стали создаваться с осени 1927 г. после разрыва союза Компартии с Гоминьданом. Сначала эти районы назывались Советскими (*Сувэйай цюй*). С первых лет своего существования они находились под руководством Компартии Китая, но в течение ряда лет не имели общих органов власти, управления и суда. Лишь в 1931 г. такие органы были созданы на состоявшемся в ноябре 1931 г. в Жуйцзине (провинция Цзянсу) Всекитайском съезде Советов. Съезд образовал Центральный исполнительный комитет (ЦИК) и Совет народных комиссаров (СНК) Китайской Совет-

618

ской Республики (КСР). Оба эти органа имели право издавать законы. Одновременно был образован Верховный суд. Местными органами власти провозглашались Советы депутатов, которые формировали исполнительные комитеты. В новоосвобожденных и прифронтовых районах вся власть сосредотачивалась в руках революционных комитетов. Местными судебными органами в советских районах Китая являлись судебные отделы местных советских правительств (так обычно называли исполнительные комитеты).

На I Всекитайском съезде Советов был утвержден проект Основной конституционной программы КСР и приняты законы о земле и труде. Земли милитаристов, помещиков и «кулаков», а также храмовые земли подлежали конфискации и распределению между трудящимися крестьянами, бедняками и середняками. Батраки и красноармейцы обеспечивались землей наравне со всеми. «Кулакам» вместо конфискованной предоставлялась земля худшего качества. У всех указанных категорий эксплуататоров,

кроме «кулаков», конфисковывалось все имущество; у «кулаков» - только лишний скот и сельскохозяйственные орудия. Законом подтверждалось право крестьян на куплю-продажу и сдачу в аренду земли.

Закон о труде устанавливал на предприятиях 8-часовой рабочий день для взрослых и 4-6-часовой для подростков, еженедельный оплачиваемый день отдыха, ежегодные отпуска для всех лиц наемного труда, равную плату за равный труд, и предусматривал осуществление специальных мероприятий по охране труда женщин и подростков, введение системы коллективных договоров и социального страхования, а также свободу деятельности профсоюзов.

Основная конституционная программа КСР была принята на II Всекитайском съезде Советов в 1934 г. Она провозгласила демократические свободы для трудящихся, национальное равноправие, равноправие мужчин и женщин. Одновременно было провозглашено право всех народов Китая на самоопределение вплоть до государственного отделения и создания самостоятельных государств. Была безоговорочно признана независимость Внешней Монголии.

Первым нормативным актом, принятым ЦИК КСР, явилось Положение о браке от 28 ноября 1931 г., вскоре замененное более совершенным Законом о браке (8 апреля 1932 г.).

619

Оба законодательных акта провозглашали свободу брака и развода, объявляли об упразднении заключения брака по воле родителей, запрещали куплю-продажу невест и многоженство (в Законе о браке говорилось и о запрещении полиандрии -многомужества), а также воспитание невест в семьях будущих мужей.

Дважды принимались и нормативные акты по вопросам судопроизводства, второй из которых отменял первый, а именно: Временные правила об организации судебных отделов и судопроизводстве (9 июня 1932 г.) и Порядок судопроизводства в КСР (8 апреля 1934 г.). Уголовно-правовое законодательство было представлено довольно жесткими Директивой ЦИК КСР о временном порядке решения дел о контрреволюционных преступлениях от 13 декабря 1931 г. и Положением КСР о наказании за контрреволюционные преступления (8 апреля 1934 г.). Эти акты устанавливали общие принципы уголовной ответственности за этот род преступлений, предоставляя судам широкие полномочия детализировать эти принципы в каждом конкретном случае.

Важными актами КСР в области гражданского права явились Временные правила о вложении капиталов в торговые и промышленные предприятия (1 января 1932 г.) и Временные правила о ссудах (1 февраля 1932 г.). Первый акт предоставлял свободу деятельности предпринимателям, соблюдающим законы и постановления КСР. Второй акт объявлял недействительными всякие займы, носившие ростовщический характер. Он устанавливал наивысший размер процента по краткосрочным и долгосрочным займам.

Многие законы и другие нормативные акты, принятые центральными органами советских районов Китая, не могли быть проведены в жизнь в условиях гражданской войны, они носили программный характер и были скорее политическими документами.

Неблагоприятная военная обстановка, сложившаяся для Красной Армии Китая в южной части страны, потребовала перебазирования вооруженных сил коммунистов в Северо-Западный Китай. Перебазирование началось осенью 1934 г. и завершилось в 1936 г. Эта беспрецедентная операция вошла в историю под названием Великого похода. На границе провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся в староосвобожденном районе, где

620

власть коммунистов установилась до прихода основных сил Красной Армии, была создана главная революционная база-Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся. Здесь на основе центральных учреждений КСР организовалась Северо-Западная канцелярия Центрального советского правительства.

В соответствии с условиями соглашения о внутреннем мире между Компартией и Гоминьданом (1937 г.) Северо-Западная канцелярия Центрального Советского правительства Китая была преобразована в правительство Особого района Китайской Республики, а Красная Армия Китая - в Народно-революционную армию (вскоре получила наименование 8-я армия, позднее коммунистами была сформирована 4-я Новая армия). На территории освобожденных районов провозглашался режим, основанный на всеобщем избирательном праве. На время войны в освобожденных районах - антияпонских революционных баз была прекращена конфискация земель у помещиков. Но это не означало возвращения уже конфискованных земель помещикам, всякие попытки в этом направлении строго пресекались. Вместе с тем проводилась политика снижения арендной платы и ссудного процента.

Правительственные органы Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся и других антияпонских революционных баз принимали документы конституционного характера, называвшиеся административно-политическими или политическими программами. Программы предусматривали меры по укреплению антияпонского единого фронта и улучшению жизни народа, охране его прав, развитию сельскохозяйственного и промышленного производства. Они провозглашали равноправие национальностей и полов, проведение политики ликвидации неграмотности, реформирование судебной системы и всего государственного аппарата.

В освобожденных районах в период антияпонской войны также был издан ряд нормативных актов, которые предусматривали проведение социальных преобразований, возможных в условиях войны и в рамках соглашения с гоминьданом. Это, например, такие акты Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, как Положение об охране личных и имущественных прав (1942 г.), Положение о земле (1941 г.), Положения

о землепользовании (1944 г.) и земельной ренте (1942 и 1944 гг.) и др. Реализация этих актов вела к разрушению феодальной сис-

621

темы землевладения, превращению задавленных ростовщическими долгами крестьян-арендаторов в относительно свободных землевладельцев, ликвидации жестоких форм эксплуатации.

В силу разрозненности освобожденных районов, объединенных только политическим и военным руководством КПК, их законодательство не могло не носить партикулярного характера. Вместе с тем следует отметить наличие довольно развитой правовой базы в Маньчжурии, на большей части территории которой власть КПК установилась сразу после окончания Второй мировой войны. Нормативные акты Маньчжурской революционной базы, ставшей основным оплотом власти КПК, несли на себе определенное влияние советского права, особенно в отношении организации хозяйственной жизни региона. Довольно большой пласт нормативных материалов создало за короткий период своего существования в 1948-1949 гг. и народное правительство Северного Китая.

Еще до образования КНР, в феврале 1949 г. директивой ЦК КПК было отменено действие гоминьдановского законодательства на территории освобожденных районов. За партийным документом последовал Инструктивный приказ Народного правительства Северного Китая (серия «фа», № 8), воспроизводивший и расширявший основные положения партийной директивы. Взамен отмененного старого законодательства судам и правительственным органам было предложено руководствоваться установлениями, выраженными в «программах, положениях, приказах, постановлениях и других документах, опубликованных народными правительствами и Народно-освободительной армией, а при отсутствии их - политикой новой демократии». Действительно, освобожденные районы обладали определенной правовой базой, первоначально заложенной еще на советском этапе революции в Китае. Однако они не могли создать достаточно систематизированного законодательства в силу исторических условий своего существования.

В целом созданная в освобожденных районах правовая база новой власти не была широкой и полный отказ от старого законодательства был вряд ли целесообразен. Сохранение старой правовой формы, наполненной в нужных случаях новым содержанием, видимо, способствовало бы строительству права переходного периода. Но здесь главную роль сыграли идеоло-

622

гические стереотипы ортодоксального марксизма, в соответствии с которыми гоминьдановское право не могло расцениваться иначе, чем реакционное и враждебное, обреченное на уничтожение. Тем не менее, во время кампании за судебную реформу 1952-1953 гг. выяснилось, что судьи на местах продолжали применять дореволюционное законодательство.

Так или иначе, основы новой правовой системы в освобожденных районах были заложены, что в определенной мере облегчило начальный этап формирования права Китайской Народной Республики.

В гражданской войне 1946-1949 гг. Гоминьдан потерпел жестокое поражение. Должно быть отмечено, что в то время в глазах интеллигенции и патриотически настроенной буржуазии коммунисты, выступая в роли борцов за национальную независимость страны, олицетворяли и демократические устремления прогрессивных слоев китайского народа, тогда как гоминьдан стал символом не только национального предательства, но и деспотической власти. Это был дополнительный фактор обеспечения победы коммунистов, т. к. демократическое движение, развернувшееся в гоминьдановских районах, по существу было «вторым фронтом» против Гоминьдана.

В 1948-1949 гг. в важнейших экономических, политических и культурных центрах страны была установлена власть КПК, главной опорой которой стала Народно-освободительная армия Китая (НОАК) - такое наименование приняли в период новой гражданской войны вооруженные силы китайских коммунистов. Главной формой революционной власти были военно-контрольные комитеты (ВКК) НОАК, которые назначались непосредственно фронтовыми военными и политическими органами. ВКК были весь период военного контроля главными органами власти на местах. Им были подчинены все другие местные органы, в том числе и правительственные. При ВКК функционировали свои военные трибуналы.

Ликвидируя гоминьдановскую администрацию, ВКК создавали новую власть: местные народные правительства и массовые представительные органы- конференции представителей всех слоев народа (конференции народных представителей), которые одновременно были местными организациями формируемого коммунистами единого народно-демократического фронта.

623

В масштабе страны этот фронт организационно оформился как Народный политический консультативный совет Китая весной-летом 1949 г. К осени этого года в руках Гоминьдана оставался только один крупный город- Гуанчжоу (Кантон). Наступило время объединения освобожденных районов страны в единое государство. В процессе объединения важную роль сыграли правительства и военно-административные комитеты крупных освобожденных районов. Народные правительства были созданы в ранее освобожденных Северо-Восточном и Северном Китае. Военно-административные комитеты были созданы в Северо-Западном, Восточном, Южно-Центральном и Юго-Западном Китае. До образования Китайской Народной Республики и некоторый период после эти органы играли большую самостоятельную роль в процессе установления новой власти, создании ее нормативно-правовой базы.

Китайская Народная Республика была провозглашена 1 октября 1949 г. по решению пленарной сессии Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), принявшей на себя функции

Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и сыгравшей роль Учредительного собрания республики.

Сессия приняла Общую (совместную) программу НПКСК и его Организационный статут, Закон об организации Центрального народного правительства, постановления о государственном флаге, гимне, новом летоисчислении и перенесении столицы государства в Пекин.

Она же являлась и отправным пунктом законодательства КНР в период до принятия Конституции 1954 г. Все законы того времени издавались со ссылкой на эту программу. В соответствии со ст. 17 Общей программы все прежнее китайское законодательство отменялось (в сущности, этим была подтверждена изданная ЦК в феврале 1949 г. «Директива об отмене гомиьндановской полной книги шести законов и установлении принципов юстиции освобожденных районов»).

После образования КНР правовая партикулярность сохранилась. До 1954 г. страна была разделена на упоминавшиеся выше большие административные районы, военно-административные комитеты которых осуществляли обширное нормотворчество. Некоторые нормативные акты этих районов помещались в общекитайских сборниках законов и постанов-

624

лений, особенно по вопросам, еще не отрегулированным национальным законодательством.

Правотворчество КНР в первые ее годы отличала и многосубъектность, которая выражалась в предоставлении нормотворческих прав широкому кругу органов. Кроме властей больших административных районов субъектами местного правотворчества выступали военно-контрольные комитеты НОАК. С образованием КНР законодательные права в общегосударственном масштабе стали осуществлять Центральный народный правительственный совет (ЦНПС), Административный совет и комитеты этого Совета, в частности, большое количество нормативных актов издал Финансово-экономический комитет. Всего до «культурной революции» 1966-1976 гг., когда законодательная деятельность прекратилась, было издано 1500 законов и постановлений только на национальном уровне. Кроме того, большое значение имели обобщения судебной практики и различные проекты нормативных актов, которые применялись на практике чаще выборочно, но иногда в сравнительно широких масштабах.

Первым законодательным актом, принятым ЦНПС, был опубликованный 1 мая 1950 г. Закон о браке, продолжавший традиции семейно-брачного законодательства освобожденных районов. Закон уже в масштабе всей страны устанавливал одинаковые права и обязанности мужчин и женщин в браке, закреплял обязанность родителей воспитывать и содержать своих детей, равноправие внебрачных детей с детьми, родившимися в браке. Вместе с тем им закреплялись, по образцу предшественников, неопределенные правовые санкции за нарушение положений этого закона. За ним последовал Закон о земельной реформе (21 июня 1950 г.), целью которого была ликвидация помещичьего землевладения. Закон регулировал конфискацию помещичьей земли, принадлежавших помещикам сельхозинвентаря, излишков зерна, части жилых строений в сельской местности и их распределение среди «безземельных и малоземельных крестьян». Реформа вела к коренному изменению классовых отношений в деревне.

Первые акты в области трудового права были приняты Всекитайской федерацией профсоюзов (Временные правила о порядке разрешения трудовых конфликтов от 20 ноября 1949 г., Временные правила о заключении договоров между

625

трудящимися и предпринимателями на частных предприятиях от 22 ноября 1949 г., Временные правила взаимоотношений труда и капитала от того же числа). Но тогда же принимаются и государственные акты в этой области. Так, 22 ноября 1949 г. Министерством труда принимаются Правила организации и работы городских комиссий третейского суда по конфликтам между трудом и капиталом. Во всех актах, касающихся взаимоотношений труда и капитала, говорилось о сочетании государственных интересов с частными, о достижении обоюдной выгоды труда и капитала, и исключались забастовки как метод разрешения трудовых конфликтов. Так, в Правилах Министерства труда отмечалось: «Предприниматели не должны принимать мер, направленных на закрытие предприятия, на прекращение выдачи заработной платы и продовольственного снабжения, а также других мер, ущемляющих интересы рабочих и служащих; трудящиеся в свою очередь должны вести обычную производственную деятельность и соблюдать трудовую дисциплину». В 1950 г. Административный совет принимает Временные правила оказания помощи безработным (17 июля), а Центральный народный правительственный совет - Закон о профсоюзах (28 июня).

Хозяйственные отношения в промышленности и торговле в восстановительный период регулировались главным образом множеством ведомственных инструкций и положений. Однако тогда же были изданы основополагающие акты, направленные на централизацию управления экономикой, которыми явились принятые в марте 1950 г. два постановления Административного совета: о централизации финансово-экономической работы и об осуществлении мероприятий по централизации государственной торговли в стране. Постановление о централизации финансово-экономической работы предусматривало, в частности, централизованное распоряжение финансовыми поступлениями и расходами, ранее находившимися в ведении местных властей, установило строгую финансовую систему, в результате чего была приостановлена инфляция. В декабре того же года Административным советом принимается Временное положение о частных предприятиях, создававшее определенную правовую базу для предпринимательской деятельности национальной буржуазии. В нем регулировался порядок создания, регистрации и деятельности частных предприятий,

626

закреплялись их формы (простые товарищества, товарищества с ограниченной ответственностью, акционерные компании и т. п.), права и обязанности участников и другие вопросы. Постановление о централизации финансово-экономической работы предусматривало, в частности, централизованное распоряжение финансовыми поступлениями и расходами, ранее находившимися в ведении местных властей, установило строгую финансовую систему, в результате чего была приостановлена инфляция.

Что касается собственности государственной, то в этом комплексном правовом институте решающую роль играли нормативные акты, регулирующие административные, налоговые, финансово-бюджетные отношения государства с различными государственными организациями и предприятиями. Гражданско-правовые отношения между этими субъектами были незначительны. Однако, вместе с тем, нельзя не отметить, что, несмотря на командно-разверсточную систему в китайской экономике, в праве КНР в 50-е гг. прослеживались тенденции к формированию нескольких видов и даже групп хозяйственных договоров, регулировавшихся ведомственными инструкциями.

В самом начале 50-х гг. были за короткое время подготовлены и приняты несколько важных общекитайских нормативных актов по уголовному праву. Первый из них был принят Административным советом в феврале 1950 г. - Циркулярный приказ о строгом запрещении опиума и других наркотиков. Позднее в том же году Административный совет совместно с Верховным народным судом издали утвержденную затем Председателем ЦНП Директиву о подавлении контрреволюционной деятельности, а в 1951 г. ЦНПС издал довольно подробное Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность. В том же году Административным советом принимаются Временное положение о наказаниях за подрыв государственной денежной системы и Временное положение об охране государственной тайны, которому предшествовало Постановление об охране государственной тайны работниками народных правительств. 18 апреля 1952 г. ЦНПС принял Положение о наказаниях за коррупцию. Уголовно-правовые акты издавались и большими административными районами. Так, 18 октября 1950 г. Военно-административный комитет Вос-

627

точного Китая принял Положение о наказании бесчинствующих помещиков (речь шла о помещиках, сопротивляющихся Закону о земельной реформе).

Указанные акты продолжали нормотворческие традиции правительственных структур освобожденных районов: законодатель КНР шел по пути издания нормативных актов об уголовной ответственности по группам однородных преступлений. Помимо перечисленных специальных актов, вопросы уголовного права в первые годы существования КНР решались и в других законодательных актах, например, уголовную ответственность устанавливали Закон о браке, некоторые акты по вопросам преобразований в экономике и другие.

Издававшиеся в восстановительный период законы далеко не всегда были совершеннее своих предшественников в освобожденных районах. Так, например, при сравнении Положения КСР о наказании за контрреволюционные преступления 1934 г. с одноименным Положением КНР 1951 г. становилось ясным, что Положение 1951 г. отстало от своего предшественника по многим вопросам, относящимся к общей части уголовного права. Так, оно не регулировало возраст уголовной ответственности, действие уголовного закона в пространстве, не устанавливало предельные сроки лишения свободы, менее конкретно и вообще давало понятие контрреволюционного преступления.

Уже незадолго до принятия первой Конституции КНР в августе 1954 г. появился первый общегосударственный акт, регулирующий вопросы исправительно-трудового права. Этим актом явилось принятое Административным советом Положение о трудовом перевоспитании. В этом положении определялись виды исправительно-трудовых учреждений, регулировалась их воспитательная и производственная деятельность, определялся порядок содержания заключенных. Одновременно с Положением были приняты Временные правила о порядке освобождения заключенных исправительно-трудовых учреждений после отбытия ими срока наказания и об их трудоустройстве. Эти правила существенно ограничивали возможность ухода заключенного, отбывшего срок наказания, из места расположения исправительно-трудового учреждения. По этим правилам органы общественной безопасности могли самостоятельно решать вопросы об оставлении заключенных при местах отбытия наказания «для трудоустройства».

628

Принятие Конституции КНР 1954 г. и конституционных органических законов вызвало к жизни большой поток нормативных актов, приводивших правовую систему страны в соответствие с конституционными положениями. Правда, в большинстве случаев это осуществлялось на уровне административных актов Государственного совета. Например, актом этого органа в 1955 г. была осуществлена реорганизация не предусмотренных конституцией местных объединенных демократических правительств различных национальностей. Своим постановлением Госсовет упразднил в 1957 г. специальные суды на железнодорожном и водном транспорте. Предусмотренные конституцией преобразования в частной промышленности и торговле, кустарной промышленности также осуществлялись актами Госсовета на основании решений Политбюро ЦК КПК. В частности, Госсоветом в феврале 1956 г. был принят целый ряд нормативных актов, связанных с преобразованием частных торговых и промышленных предприятий и предприятий кустарной промышленности. Этим актам предшествовало принятое Политбюро ЦК КПК «Решение о преобразовании частной промышленности и торговли».

В середине 50-х гг. была несколько смягчена карательная политика в отношении противников

режима. В 1956 г., например, ПК ВСНП принял «Постановление о великодушном разрешении дел и о трудоустройстве остатков контрреволюционных элементов в городах». Согласно этому постановлению, в частности, установление надзора за контрреволюционными элементами могло иметь место лишь на основании решения суда, и таким образом исключалась практика установления такого надзора решением органа общественной безопасности. В 1957 г. постановлением сессии ВСНП был установлен принцип, согласно которому все приговоры к смертной казни подлежали утверждению Верховным народным судом.

В эти годы был принят также и ряд важных актов по трудовому праву. Среди них прежде всего отметим Постановление Госсовета КНР о реорганизации заработной платы (1956 г.), согласно которому в основу организации оплаты труда рабочих была положена тарифная система, позволяющая производить оплату труда рабочих в зависимости от их квалификации, условий и общественной значимости труда. Госсоветом были приняты также акты (чаще временного характера),

629

регулирующие отпуска, пенсионное обеспечение, порядок увольнения рабочих и служащих и другие вопросы трудового права. В целом объем правотворческой деятельности высших государственных органов был довольно значителен. При этом, однако, не было принято ни одного кодекса законов. Следовательно, не было и сколько-нибудь целостной системы права и сам процесс создания правовых основ государства был далек от завершения.

Тревога по этому поводу прозвучала в выступлении на VIII съезде Компартии Китая (1956 г.) старейшего ее деятеля, члена Политбюро ЦК КПК, председателя Верховного суда КНР Дун Биу. Им было подчеркнuto в качестве серьезного недостатка отсутствие в Китае сравнительно полных правовых актов, таких как Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, процессуальные кодексы, Закон о труде, Закон о землепользовании и другие. Он указывал на необходимость принятия прежде всего УК и УПК, проекты которых в то время уже имелись. Вместе с тем Дун Биу отметил необходимость исправления ряда устаревших правовых актов, к которым, в частности, отнес Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность, Временные правила надзора над контрреволюционными элементами, Положение о частных предприятиях, Положение о наказаниях за коррупцию и некоторые другие. Пренебрежение к законности Дун Биу отнес к проявлениям мелкобуржуазного анархизма. Он сказал, что если существующее положение с законностью не изменится, то это безусловно станет серьезным недостатком. Эти слова свидетельствовали о здравом анализе обстановки и, принимая во внимание дальнейшее развитие событий в Китае, оказались пророческими.

Нигилистические тенденции по отношению к праву и законности, в том числе и к правовым основам государства, впервые открыто проявились во время кампании борьбы против «правовых буржуазных элементов» в 1957 г. Этой кампании предшествовала «необыкновенная весна» 1957 г., когда были выдвинуты призывы к безбоязненному развертыванию критики ошибок и недостатков в работе партийно-государственного аппарата. Широкая волна острых критических выступлений продолжалась с начала мая по начало июня 1957 г., когда она была объявлена «бешеным наступлением» правых. К числу «пролезших в партию правых элементов» были отне-

630

сены многие работники политико-юридических органов. На работников суда и прокуратуры кары сыпались за отстаивание конституционных положений о независимости судей, об осуществлении правосудия только судами, о независимости осуществления прокурорских функций и т. д. Требования усиления законности в деятельности государственных учреждений стали рассматриваться как проявления «буржуазного правового мировоззрения», попытки «связать диктатуру по рукам и ногам». Даже предложения о принятии гражданского и уголовного кодексов стали характеризоваться как «подрыв демократической диктатуры народа». Вместо законов судебным работникам предлагалось использовать в качестве критериев разрешения дел различные установки из выступлений Мао Цзэдуна. Сформулированные им общие указания о том, кого следует относить к «народу», а кого к его «врагам», были призваны заменить определение признаков преступлений и правонарушений, оснований и условий ответственности.

Проект Уголовного кодекса КНР, рекомендованный в 1957 г. сессией ВСНП для опытного применения, никогда не публиковался и был, по сути дела, закрытой инструкцией для судебных работников. Закрытой инструкцией определялся и порядок рассмотрения дел в суде. Существовало и много других нормативных предписаний, распространявшихся в закрытом порядке по различным учреждениям. Постепенно такой порядок стал нормой государственной жизни. Число публикуемых актов сначала сократилось, затем нормативные акты перестали публиковаться совсем.

Проявления правового нигилизма усилились в период «большого скачка» (1958-1960 гг.). Право стало рассматриваться исключительно как орудие подавления, необходимое лишь «для борьбы с врагами народа». В период начатого во второй половине 1960 г. «урегулирования» появились некоторые симптомы возвращения к правовому регулированию экономических отношений. В частности, в 1961 г. получил некоторое отражение в практике проект Положения о промышленно-сырьевом предприятии. В 1961-1962 гг. рассылались и другие проекты положений, регулировавших деятельность народных коммун, а также торговли, науки, образования. В этот период велась интенсивная работа над проектами кодексов законов (УК и УПК).

631

Однако перед «культурной революцией» пропаганда правового нигилизма еще более усилилась. В начале 1965 г. ведущий юридический журнал КНР «Чжэн-фа яньцзю» выступал, например, с такими

рекомендациями: «Мы должны опираться на революционную точку зрения классовой борьбы, а не метафизически относиться к различным установлениям законов» (1965, №1, с. 19).

Сама «культурная революция» вылилась в вакханалию произвола и беззакония, санкционированную властями Согласно принятому ЦК КПК решению от 8 августа «революционные учащиеся» (т. е. хунвэйбины) заранее освобождались от ответственности за совершение «в ходе движения» преступления. Это открыло путь стихии грубого насилия. Отряды хунвэйбинов арестовывали граждан, водворяли в официальные и самодельные тюрьмы, выносили приговоры и приводили их в исполнение. В годы «культурной революции» закрепились практика расправ на «судах масс» с участием десятков тысяч зрителей, мобилизованных для заслушивания и «одобрения» заранее вынесенных приговоров. Для подобных судилищ было характерно выставление подставных свидетелей, составление обвинительных заключений на основе ложных доносов или показаний обвиняемых, полученных под пыткой, унижение человеческого достоинства подсудимых перед вынесением и исполнением приговора, глумление над трупами казненных.

В социально-экономической сфере в период «культурной революции» проводилась политика превращения страны в большую военизированную коммуну, осуществление системы уравнилельного снабжения едой и предметами первой необходимости. Под предлогом «отрезания капиталистических хвостов» были ликвидированы приусадебные хозяйства, все чаще стал раздаваться призыв «больше работать, меньше получать». Следуют одна за другой шумные кампании «учиться у ...» с акцентом на ударный труд, опору на собственные силы, отказ от материальной заинтересованности рабочих и крестьян.

Впоследствии, в дни празднования тридцатилетия КНР, «культурная революция» была в официальном докладе охарактеризована как «действительно потрясающее, чудовищное бедствие для нашего многонационального народа».

Из истории права Китая период «культурной революции» выпадает.

632

* * *

Восстановление правовой системы КНР; разрушенной «культурной революцией», было связано прежде всего с введением в действие Конституции КНР 1978 г., ставшей первоначальной базой этого процесса. Несмотря на то, что эта конституция являлась компромиссным документом, несла на себе некоторое влияние «культурной революции» и даже закрепляла некоторые ее политические институты (например, «ревкомы»), она, вместе с тем, восстановила многие положения Конституции 1954 г., регулирующие организацию и деятельность государственных органов (в частности, были восстановлены прокурорские органы), гарантии гражданских прав. Да и «ревкомы» по конституционной версии 1978 г. получили статус лишь исполнительных органов собраний народных представителей (СНП), а вскоре и вовсе были отменены- их место заняли местные народные правительства. В год принятия конституции была обнародована программа разработки или восстановления действия наиболее важных для страны законодательных актов в форме доклада политико-юридической группы ЦК КПК на Всекитайском совещании по вопросам законодательного строительства¹. В качестве приоритетных были определены нормативные акты в хозяйственной и природоохранной сферах, в охране общественного порядка и организации государственных органов. Программный характер для возрождения правовой системы КНР и преодоления правового нигилизма, характерного для «культурной революции», имели решения III пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). На пленуме подчеркивалось, что «социалистическая модернизация нуждается в строгом соблюдении закона и дисциплины... Необходимо добиться, чтобы у нас были законы, на которые можно положиться, исполнение законов должно быть строгим, нарушение законов должно расследоваться и пресекаться»². Первые после пятнадцатилетнего перерыва нормативные акты были опубликованы в начале 1979 г. Ими были Положение об арестах и задержаниях и введенный в экспериментальном порядке Закон КНР о лесном хозяйстве (Лесной кодекс КНР). Первый из указанных актов основывался на аналогичном по-

¹ Жэньминь жибао, 28.10.1978.

² Там же, 24.12.1978.

633

ложении 1954 г. и как бы заново вводил отброшенные «культурной революцией» Правовые нормы об органах, имеющих право производить аресты и задержания, о различных гарантиях прав в связи с действиями этих органов. Совсем не случайно и появление в числе первых актов Закона о лесном хозяйстве. В указанном выше докладе политико-юридической комиссии ЦК КПК было официально заявлено, что бессистемная вырубка лесов в ряде районов страны отрицательно повлияла на климатические условия и сельскохозяйственное производство. Позднее в китайской печати указывалось, что чрезмерный урон, нанесенный лесам, привел к тому, что ряду городов страны, в том числе и Пекину, «серьезно угрожают пески»³.

На состоявшейся в 1979 г. сессии ВСНП были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, законы об организации местных органов власти и управления, народных судов и народных прокуратур, а также Закон о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом⁴. Этот закон положил начало целой серии законодательных и иных нормативных актов, направленных на создание в стране благоприятного иностранным вкладчикам инвестиционного климата.

В дальнейшем хозяйственное законодательство, закрепляющее курс III пленума ЦК КПК 1978 г. на модернизацию страны, стало преобладающей по количеству нормативных актов отраслью права КНР (70%

действующих актов). Вместе с ним получили первоочередное развитие акты, направленные на создание эффективной государственной структуры и усиление борьбы с преступностью. Затем начинается постепенное развитие других отраслей права страны, принявшее в 80-е годы характер своего рода «законодательного бума», особенно после принятия в 1982 г. действующей Конституции Китая.

Эта конституция была принята 4 декабря 1982 г. 5-й сессией ВСНП пятого созыва после более чем двухлетней ее подготовки. Из нее были изъяты все установки и формулировки, порожденные «культурной революцией». В отношении регулирования организации и деятельности государственных орга-

³ Гуанмин жибао, 02.03.1979.

⁴ Указанные законы на русском языке опубликованы в сборнике: Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1984. С. 103-120; 121-128; 233-256; 331-336; 377-414.

634

нов Конституция 1982 г. вернулась почти полностью на позиции первой Конституции КНР. Вслед за конституцией на той же сессии ВСНП были приняты в новой редакции органические законы ВСНП, Госсовета, местных СНП и местных народных правительств и новый избирательный закон⁵. В Конституцию 1982 г. дважды вносились поправки. Первый раз - в 1988 г. (1-я сессия ВСНП седьмого созыва), когда были легализованы на конституционном уровне частные хозяйства и установлена возможность передачи права землепользования⁶. Целая серия разнообразных поправок в конституцию имела место в 1993 г. (1-я сессия ВСНП восьмого созыва). Первая из них, но третья по общей нумерации, вносила изменение в преамбулу и связывалась с вынесением на конституционный уровень «социализма с китайской спецификой», т. е. регулируемой государством рыночной экономики с сохранением ряда социальных завоеваний революции. В конституцию было введено сформулированное еще в конце 80-х гг. понятие «начальной стадии социализма». Вместе с ним появились и такие формулировки, также уже вошедшие к тому времени в политический лексикон КНР, как «социализм в модернизированном виде», «реформы и открытость», «многопартийное сотрудничество под руководством КПК».

Постатейные изменения 1993 г. также главным образом закрепляли уже начавшуюся перестройку экономической системы страны. Поправкой к ст. 7 государственный сектор экономики преобразовывался в сектор экономики, основанной на государственной собственности, чем закреплялась хозяйственная самостоятельность владельцев государственной собственности. Поправками 1993 г. коренным образом изменялось содержание ст. 15 конституции, ранее закреплявшей принцип планового ведения хозяйства. Теперь в статье говорится о претворении в жизнь социалистической рыночной экономики, усилении хозяйственного законодательства, совершенствовании макрорегулирования, запрещении нарушения экономического порядка общества. Конкретизация изменений в системе была продолжена в статьях 16 и 17 консти-

⁵ Тексты конституции и названных законов см. в том же сборнике. С. 20-55; 56-68; 69-71; 77-91; 92-102; 111-120; 121-128.

⁶ Китайская Народная Республика. Законодательные акты. М., 1989. С. 482.

635

туции, в которых устанавливалась хозяйственная самостоятельность предприятий государственной и коллективной собственности. Предписания о подчинении этих предприятий государственному плану из конституции были исключены. Все эти изменения закрепляли существенный отход от прежней командно-административной системы управления экономикой. Они в дальнейшем привели к серьезным изменениям и в административной системе страны.

Последние по времени поправки в Конституцию КНР были внесены 2-й сессией ВСНП девятого созыва в марте 1999 г. Вносимые изменения в большинстве случаев закрепляли уже сложившуюся практику государственной жизни и даже уже произошедшие изменения в законодательстве. Третья серия поправок вносила изменения и в конституционные положения, которые уже были объектом предыдущих поправок. Так, фраза во Введении о том, что «Китай находится на начальной стадии социализма», была заменена на фразу «Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма»; в текст Введения внесены упоминания о «теории Дэн Сяопина» и развитии «социалистической рыночной экономики».

Первая из постатейных поправок относилась к ст. 5 конституции, в которой устанавливались принципы единства и соблюдения законности, распространенные на все организации и учреждения, включая правящую партию. Теперь к статье добавлен новый первый абзац, гласящий: «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством». Лозунг «становление КНР в качестве правового государства» также не относится к политическим новеллам страны, он и ранее присутствовал в политической и научной литературе. Но пока это скорее программное положение, обращенное к будущему.

Из постатейных изменений экономического характера первым явилось установление иного, чем раньше, принципа оплаты труда. Рыночная экономика заставила творцов конституционных поправок внести добавление о том, что «распределение по труду доминирует при сосуществовании с другими формами распределения». Особенно же важной поправкой экономического блока явилась новая редакция ст. 11, согласно которой легализованный еще в 1988 г. частный сектор получил

636

статус «важной составляющей социалистической рыночной экономики»⁷.

Таким образом, большинство изменений Конституции КНР в период реформ относится к ее

вводной части и главе об общих положениях и прямо почти не касается вопросов, связанных с гражданскими правами и государственной структурой. Главный их смысл - закрепление изменений в общественном строе страны, заключающихся прежде всего в признании равноправия на длительный исторический период различных форм собственности. Обзор принятых конституционных поправок вместе с анализом основных тенденций внутривластного развития страны приводит к выводу о том, что в обозримом будущем вряд ли возможны сколько-нибудь серьезные изменения в политической системе КНР. Главная внутривластная задача руководством КНР усматривается сейчас во всемерной поддержке политической стабильности внутри государства, исключающей сколько-нибудь значительное экспериментирование с политической системой, не исчерпавшей, как показывает опыт двух последних десятилетий, своей сравнительно высокой эффективности в обеспечении экономического прогресса и модернизации страны.

Отдельной ветвью конституционного законодательства КНР является принятие ВСНП основных законов особых административных районов (ОАР). Первым был принят Основной закон Сянганского (Гонконгского) ОАР 4 апреля 1990 г. с вступлением в действие с июля 1997 г., вторым - Основной закон ОАР Аомынь (Макао) 31 марта 1993 г. с вступлением в действие с 20 декабря 1999 г.⁸ Основные законы предоставили бывшим британской и португальской колониям широкое самоуправление, не сравнимое с довольно узкой административной автономией национально-территориальных единиц. Из компетенции ОАР изъяты только вопросы обороны и иностранные

⁷ Конституционные поправки 1993 г. см.: Новое законодательство КНР. Информационные материалы ИДВ РАН. Вып. № 5, М, 1994. С. 10-14.

⁸ См.: Формирование будущего статуса Сянгана. Документы и материалы. Экспресс-информация ИДВ РАН. Вып. №8, М, 1990, стр. 19-59; Формирование статуса Аомыньского особого административного района КНР. Информационные материалы ИДВ РАН. Вып. № 4, М, 1993, стр. 19-60.

637

дела. Вместе с тем за ними сохранено право регулирования въезда в район и выезда из него (выдача виз) и даже право заключения международных соглашений неправительственного уровня. В ОАР создаются свои суды окончательной инстанции, решения которых не могут быть обжалованы в какие-либо судебные органы КНР. Действующая в ОАР система права сохраняется в существующем виде, за исключением актов, противоречащих Основным законам. Вместе с тем, за центром в лице Госсовета остается право назначения главы администрации каждого из ОАР, но обязательно из местных жителей и после определенной процедуры отбора кандидатуры для назначения коллегией выборщиков. По представлению глав администрации назначаются другие высшие должностные лица соответствующего района. Основные законы гарантируют на 50 лет сохранение в ОАР капиталистического строя и образа жизни. Китайскими официальными лицами допускается возможность сохранения в ОАР прежнего общественного строя и на более длительный период, возможно, на весь XXI век.

Вместе с конституционным законодательством развивались и другие отрасли законодательства. В целом последовавший за принятием Конституции КНР 1982 г. период характеризовался довольно бурным, но в то же время и достаточно осмотрительным законодательным строительством - многие нормативные акты принимаются в качестве временных положений, широко практикуется издание актов, проходящих экспериментальную проверку на практике. Характерно, что в КНР до сих пор не принят Гражданский кодекс. Вместо него в 1986 г. введены в действие Общие положения гражданского права⁹. В них собраны преимущественно те институты и нормы гражданского права, которые не будут требовать последующей корректировки по мере продолжения экономических преобразований либо будут нуждаться в незначительных изменениях. Иначе говоря, содержание Общих положений оказалось близко к функциям традиционно понимаемой Общей части Гражданского кодекса. По отдельным гражданско-правовым институтам китайский законодатель предпочитает «принимать отдельные законы, в которых возникает потреб-

⁹ Китайская Народная Республика. Законодательные акты. М., 1989. С. 389-416.

638

ность и для которых созревают условия»¹⁰. В частности, были изданы такие значительные акты, как законы о хозяйственном договоре (1981 г.), о товарных знаках (1982 г.), о патентах (1984 г.), о внешнеэкономическом договоре (1989 г.), о наследовании (1985 г.), о техническом договоре (1987 г.), об авторском праве (1990 г.), о компаниях (1993 г.), о векселях (1995 г.), и многие другие. Нельзя не отметить, что ряд упомянутых выше актов был краток, состоял в основном из установлений общего характера, что, естественно, затрудняло использование их на практике. Выход был найден принятием через определенный промежуток времени государственными органами общей компетенции (прежде всего Госсоветом) подзаконных актов, обычно именуемых положениями о порядке применения того или иного закона, в которых развивались и конкретизировались нормы исходного акта, уточнялся порядок их применения. Следует также упомянуть, что разработке общекайтайских законодательных актов нередко предшествует появление местных актов, регламентирующих новые права и обязанности субъектов гражданского права, закрепляющиеся за ними по ходу экономической реформы.

Гражданско-процессуальный кодекс (ГПК) КНР был сначала принят ПК ВСНП для применения в опытный порядок (1982 г.)¹¹. В качестве экспериментального закона он действовал 9 лет. По мере развития регулируемой рыночной экономики и проведения политики открытости Китая для внешнего мира потребовалось внести изменения в положения, регулирующие процессуальную сторону рассмотрения

гражданских дел в судах. ГПК в новой редакции и в постоянном варианте был принят сессией ВСНП 9 апреля 1991 г. В результате внесенных на основании опытного применения изменений в кодекс количество его статей было увеличено с 205 до 270. В частности, была уточнена процедура рассмотрения гражданских дел, *касающихся иностранных граждан*, апатридов, иностранных предприятий и организаций¹².

¹⁰ Жэньминь жибао, 04.04.1986.

¹¹ Китайская Народная Республика. Законодательные акты. М., 1989. С. 417-457.

¹² Постоянный ГПК КНР на русский язык не переводился. Китайский текст: Чжунго фалюй нянь цзянь (Китайский юридический ежегодник). 1992. Пекин, 1992. С. 134-150.

639

Административно-процессуальный кодекс КНР также был принят в отсутствие административного кодекса. Этот кодекс был принят сессией ВСНП 7 апреля 1989 г. и введен в действие с 1 октября 1990 г.¹³, но еще в 1982 г. принятый в опытным порядке ГПК предоставил народным судам право принимать к рассмотрению административные дела, и тогда же в Верховном и некоторых местных народных судах начали создаваться палаты (коллегии) по административным делам. До введения в действие кодекса был принят ряд законов и постановлений, установивших основания для административного производства по обращениям граждан и организаций. Новейшим актом, играющим в настоящее время роль важной составной Административного кодекса КНР, является Закон о наказаниях за административные правонарушения (март 1996 г.)¹⁴. В большом пласте принятых в последние годы административно-правовых актов значительна роль положений по вопросам государственной службы. Лидирующим нормативным актом в этой области является Временное положение о государственных служащих, принятое Госсоветом КНР в 1993 г.¹⁵. В общей сложности на его разработку ушло 8 лет. Еще на этапе обсуждения первоначального проекта с санкции Госсовета началось выборочное его применение некоторыми центральными ведомствами и на местах (1988 г.). Положение предусматривало набор служащих по результатам экзаменов, четкое определение порядка их назначения и смещения, систему периодических аттестаций, отводы от должностей (например, из-за родственных связей в аппарате), ротацию кадров. За Положением последовал целый ряд нормативных актов, его конкретизирующих и развивающих. Это, например, Временные положения о поощрении государственных служащих (1995 г.) и о повышении и понижении в должностях государственных служащих (1996 г.), и многие другие¹⁶. Непосредственное отноше-

¹³ Чжунхуа жэньминь гунхэго синьфалюй хуэйбянь (Сборник новых законов Китайской Народной Республики). Пекин, 1992. С. 12-76.

¹⁴ Чжунхуа жэньминь гунхэго синь фагуй хуэйбянь (Сборник новых законов и постановлений Китайской Народной Республики). Пекин, 1996. Вып. 1. С. 9-23.

¹⁵ Новое законодательство КНР. Экспресс-информация ИДВ РАН. Вып. № 5, М., 1994. С. 18-37.

¹⁶ Новое законодательство КНР. Экспресс-информация ИДВ РАН. Вып. № 8, М., 1997. С. 52-60.

640

ние к вопросам государственной службы имели и некоторые документы, принятые в партийном или партийно-государственном порядке. К ним, прежде всего, относится довольно обширное Временное положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих работников партийных и правительственных органов (1995 г.)¹⁷. Это положение, как в нем установлено, применяется не только к руководящим партийным и правительственным работникам уездного и вышестоящего уровня, но также к руководящим работникам комитетов НПКСК, Всекитайской федерации профсоюзов, комсомола Китая, Всекитайской Федерации женщин и других общественных организаций. Установленная Временным положением процедура отбора кандидатов на руководящие посты направлена как на улучшение качественного состава руководящих кадров, так и на недопущение «вертолетных» карьерных взлетов, которыми отличался период «культурной революции». Отсюда требования опыта низовой работы, специального образования, гласно обсуждаемых рекомендаций и т. д. Партийно-государственными документами урегулированы также вопросы пользования автотранспортом партийных и государственных органов и регистрации подарков, получаемых руководящими работниками этих органов в ходе поездок по стране. Канцеляриями ЦК КПК и Госсовета было принято и разослано Постановление о декларации доходов руководящими работниками уездной и вышестоящих ступеней¹⁸. Эти акты направлены к пресечению довольно распространенных в партийно-государственном аппарате Китая случаев коррупции.

Трудовой кодекс КНР был принят только в 1994 г. (введен в действие с 1 января 1995 г.)¹⁹. До этого трудовые отношения регулировались отдельными нормативными актами. Трудовой кодекс кодифицировал ранее принятые акты в области трудового права и вместе с тем ввел новые правовые нормы, порожденные нынешним социально-экономическим развитием Китая, его движением к регулируемой рыночной экономике. Состоящий из 13 глав Трудовой кодекс урегулировал вопросы

¹⁷ Там же. С. 25-46.

¹⁸ Там же. С. 67-72.

¹⁹ Новое законодательство КНР. Информационные материалы ИДВ РАН. Вып. 3, часть II. М., 1995. С.

62-85.

641

заклучения трудовых и коллективных договоров, рабочего времени и времени отдыха, заработной платы, безопасности и гигиены труда, профессионального обучения и подготовки, социального страхования

и обеспечения, порядка разрешения трудовых споров и другие. Два годами ранее, 3 апреля 1992 г., на 5-й сессии ВСНП седьмого созыва был принят новый Закон КНР о профсоюзах, заменивший своего аналога образца 1950 г.²⁰

Начиная с 1979 г. в КНР введено в действие значительное количество нормативных актов в области охраны окружающей среды. Некоторые из них первоначально принимались в качестве экспериментальных актов, затем стали постоянными. Так, в 1979 г. были приняты упоминавшийся выше экспериментальный Лесной кодекс КНР и тоже опытный Закон КНР об охране окружающей среды. Последний явился основой для формирования всей системы природоохранного законодательства КНР. В конце 1989 г. он был заменен более совершенным постоянным актом с аналогичным названием. Важно отметить, что Законом 1989 г. была создана отсутствовавшая ранее ступенчатая система органов по административному управлению охраной окружающей среды вплоть до уездного уровня, а также в экономических ведомствах и в армии.

Экспериментальный Лесной кодекс 1979 г. был пересмотрен и утвержден в качестве постоянного закона в 1984 г., а в 1998 г. принята его новая редакция²¹. Он является одним из самых больших по объему и внутренней разработанности природоохранных законов КНР. Им регулируется охрана и рациональное использование лесных ресурсов и лесоразведение. В действующей ныне редакции Лесного кодекса усилена ответственность государства, общественных и частных организаций и отдельных лиц за сохранность лесного фонда. Леса остаются преимущественно в государственной собственности, но допускается и возможность коллективной собственности на них, при условии ее высокой эффективности в хозяйственном и лесовосстановительном аспектах. Вслед за тогда еще опыт-

²⁰ Новое законодательство КНР. Экспресс-информация ИДВ РАН. Вып. №5, М., 1994. С. 18-37.

²¹ Новое законодательство КНР. Экспресс-информация ИДВ РАН. Вып. № 10. М, 2000. С. 66-83.

642

ными Законом об охране окружающей среды и Лесным кодексом с начала 80-х гг. принимается ряд других природоохранных нормативных актов, из которых отметим Закон об охране окружающей среды морей и океанов (1982 г.), Закон о предотвращении загрязнения водной среды (1985 г.), Закон о предотвращении загрязнения атмосферы (1987 г.), Водный кодекс (1988 г.), Закон об охране диких животных (1988 г.), Положение об охраняемых природных зонах (1994 г.)²². Последний из перечисленных законов укрепил правовую базу заповедного дела в КНР, первоначально заложенную в первых природоохранных законах, особенно в Лесном кодексе, а затем и в Законе об охране диких животных. Этим актом решаются многие сложные проблемы дифференцированного статуса заповедников, их внутреннего организационно-функционального устройства, соподчинения и координации, правовой ответственности. Впервые четко обозначены права и обязанности иностранцев, посещающих заповедники. Неуклонное наращивание в КНР нормативных актов, связанных с охраной окружающей среды, продолжалось и в последующие годы (отметим, в частности, Закон о предотвращении шумового загрязнения окружающей среды 1996 г.)²³.

Обновление законодательства коснулось и некоторых силовых структур, прежде всего мест заключения. Сначала Госсоветом КНР было принято Положение о местах предварительного заключения (1990 г.), с введением которого прекратил свое действие соответствующий раздел Положения о трудовом перевоспитании 1954 г.²⁴. Этим актом регулируется содержание подследственных заключенных и заключенных, отбывающих наказание, по вошедшим в силу приговорам о краткосрочном заключении (до одного года) или же если менее года срок лишения свободы, оставшийся после вынесения приговора. В конце 1994 г. за этим Положением последовал Закон

²² Большинство упомянутых здесь законов опубликованы в сборнике: Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. МЛ, 1984 и информационной серии ИДВ РАН: Новое законодательство КНР (в частности, № 7, 1996; № 8, 1997).

²³ Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация ИДВ РАН. № 9. М., 1998. С. 66-81.

²⁴ Новое законодательство КНР. Экспресс-информация ИДВ РАН. Вып. № 5, М., 1994. С. 63-73.

643

КНР о тюрьмах, принятый ПК ВСНП. Общее направление этих актов можно определить как гуманизацию содержания заключенных под стражей, а применительно ко второму акту - и общую гуманизацию системы исполнения наказаний (возможность смягчения наказания или досрочного условного освобождения по ходатайству тюремной администрации, исполнение наказания вне мест заключения и т. п.). Вместе с тем, режим содержания заключенных продолжает оставаться достаточно строгим.

Новое законодательство не предусматривает исправительно-трудовых лагерей (отрядов) в качестве мест заключения, ограничив последние тюрьмами и воспитательными учреждениями для несовершеннолетних преступников. Тюрьмы возвращены в ведение Министерства юстиции, но при этом внешнюю их охрану осуществляют войска вооруженной народной полиции (китайский аналог внутренних войск). Места предварительного заключения по-прежнему оставлены в ведении Министерства общественной безопасности, а некоторые могут находиться в ведении Министерства государственной безопасности или НОАК. Законом не предусмотрено и норм, легализующих «трудоустройство» заключенных после отбытия ими наказания при местах заключения, как это было предусмотрено в Положении 1954 г.

К местам заключения законом не отнесены уже упоминавшиеся выше воспитательно-трудовые учреждения, являющиеся формой изоляции от общества правонарушителей, не подлежащих уголовной

ответственности. Эти учреждения были созданы в соответствии с Постановлением Госсовета по вопросам трудового воспитания от 1 августа 1957 г. и Дополнительными установлениями к Постановлению Госсовета по вопросам трудового воспитания от 29 ноября 1979 г.²⁶. Изоляция производится в административном порядке и не является теперь бессрочной (до «перевоспитания»), но, тем не менее, может достигать четырех лет.

Одной из тенденций современного правового развития КНР является постепенная замена ранее принятых законов их

²⁵ Новое законодательство КНР. Информационные материалы ИДВ РАН. Вып. 3, часть I. М., 1995. С. 72-88.

²⁶ Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1984. С. 433-436.

644

новыми редакциями, которые существенным образом меняют их содержание и во многих случаях могут рассматриваться как новые законы. Так, в 1996 г. с вводом в действие с 1 января 1997 г. на сессии ВСНП был принят в новой редакции Уголовно-процессуальный кодекс КНР²⁷. Его прежняя редакция была разработана еще до «культурной революции» и уже в момент вступления в силу не полностью соответствовала изменившимся условиям в стране, а в равной степени и государственным потребностям момента. Конечно, принятие кодекса после многих лет произвола и беззаконий стало важным событием в жизни китайского общества. Но, так или иначе, его пришлось дополнять различными параллельно действовавшими нормативными актами, которые теперь вошли в основной текст УПК либо отменены. Новый кодекс должен был учесть и рост правовой грамотности населения, и существенное расширение числа дипломированных юристов. УПК 1996 г. существенно усилил правовые гарантии судебного разбирательства. В частности, им впервые в истории права КНР была декларирована презумпция невиновности. Все это отразилось и в значительном увеличении числа статей в кодексе- со 164 до 225. С вступлением УПК в силу прекратили действие Положение КНР об арестах и задержаниях, Постановление ПК ВСНП о порядке срочного вынесения судебных решений в отношении преступников, серьезно нарушающих общественный порядок, Постановление ПК ВСНП по вопросу о сроках разрешения уголовных дел.

Аналогичной была и судьба Уголовного кодекса КНР, впервые принятого одновременно с УПК в 1979 г. Действующая его редакция принята ВСНП в 1997 г.²⁸. Вскоре после введения первого УК в действие он стал обрастать всевозможными положениями и иными нормативными актами, содержащими уголовные санкции. Кроме того, отдельные статьи законов по другим отраслям права содержали основания для привлечения нарушителей соответствующих актов к уголов-

²⁷ Чжунхуа жэньминь гунхэго синь фагуй хуэйдянь (Сборник новых законов и постановлений КНР). Вып. 1, Пекин, 1996. С. 55-103.

²⁸ Уголовный кодекс КНР 1997 г. с поправками 1999 г. опубликован в книге Х. М. и Н. Х. Ахметциных и А. А. Петухова «Современное уголовное законодательство КНР». М., 2000. С. 254-411, 416-421.

645

ной ответственности. В 1989 г. Постановлением ПК ВСНП о дополнительных мерах наказания за коррупцию была впервые введена уголовная ответственность для юридических лиц. В 1995 г. такая же ответственность была введена Постановлением ПК ВСНП о санкциях за нарушение Закона о компаниях²⁹. Эти постановления, как и многие другие, были инкорпорированы в новую редакцию кодекса. В этой связи в кодексе резко возросло как общее количество статей (с 192 до 452), так и статей Особенной части (с 101 до 351). В связи с этим из Общей части кодекса были устранены статья о возможности назначения уголовного наказания по аналогии (ст. 79 УК в редакции 1979 г.). Из кодекса исключено понятие контрреволюционного преступления, первая глава Особенной части УК озаглавлена «Преступления против государственной безопасности». Значительно увеличилось число статей в главе об экономических преступлениях, которая называлась «Преступления против социалистического экономического порядка» и содержала всего 15 статей. Теперь глава называется «Преступления против порядка социалистической рыночной экономики» и содержит свыше 90 статей. Всего в Особенной части кодекса 10 глав вместо восьми, имевшихся в первой редакции. Теперь в отдельную (заключительную) главу выделены воинские преступления, отдельные главы составляют коррупция и взяточничество, преступления против интересов национальной безопасности. В то же время сейчас не выделены в отдельную главу преступления против семьи и брака. В целом Уголовный кодекс в редакции 1997 г. может быть охарактеризован как шаг вперед в уголовном праве КНР. Он сочетает задачи поддержания строгого порядка в государстве и обществе с гуманизацией права и правосудия.

В марте 1999 г. 2-й сессией ВСНП 9-го созыва был принят обширный (428 статей) Закон КНР о договорах³⁰, весьма важный для развития рыночной экономики. Закрепленные в нем модели договоров характерны именно для рыночной экономики, в связи с чем прежние нормативные акты, регулирующие отдельные виды договоров, прекратили свое действие. Уста-

²⁹ Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация ИДВ РАН. № 7. М., 1996. С. 70-75.

³⁰ Жэньминь жибао, 22.03.1999.

646

новлено равноправие сторон договора, независимо от того, какие формы собственности они представляют. Закон дифференцирует договорные обязательства по их содержанию (купля-продажа,

подряд, аренда), а не по составу участников. Разумеется, государство оставляет за собой определенные регулирующие функции правового характера.

Следующим важным шагом в совершенствовании правовой системы КНР явилось принятие на следующей сессии ВСНП в марте 2000 г. Закона КНР о правотворчестве (*лифа фа*)³¹, регулирующего порядок принятия нормативных актов различными законодательными и административными органами, определяющего сферы осуществляемого ими правотворчества. Особенно большое значение имеет установление перечня вопросов, по которым могут приниматься только законы. В частности, это вопросы государственного суверенитета; образования, организации и полномочий представительных органов, правительств, судов и прокуратур; систем национальной автономии, особых административных районов и низового самоуправления; основ экономического строя и финансовой, налоговой, таможенной и внешнеторговой систем. Эти вопросы не будут, как часто бывало прежде, регулироваться административными постановлениями. Правотворческая роль высших законодательных органов возрастает.

Начальный год XXI столетия - 2001 - явился годом вступления КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО), что потребовало серьезных изменений в законодательстве страны. В большинстве случаев принимались новые редакции законов, принятых ранее. Характерный пример - новая редакция Закона о смешанных предприятиях, с китайским и иностранным капиталом. Как уже отмечалось выше, первая его редакция была принята 2-й сессией ВСНП 5-го созыва еще в] 979 г. До нынешней редакции 2001 г. была еще одна, промежуточная, которая принималась тем же органом в 1990 г. на 3-й сессии 7-го созыва. Промежуточная редакция закона предусматривала расширение некоторых прав иностранных партнеров в управлении совместными предприятиями, обеспечивала большую самостоятельность этих предприятий и тем самым приближала режим их деятельности к свободной рыночной экономике.

³¹ Там же. 19.03.2000.

647

Действующая редакция Закона была принята в марте 2001 г. на 4-й сессии ВСНП 9-го созыва. Исправлениям был подвергнут ряд статей, не отвечавших нормам ВТО и взятым КНР обязательствам при вступлении в эту организацию. Были также исправлены статьи, не отвечающие действующим новым законам и постановлениям государства, и статьи, не отвечающие новым требованиям проведения реформ и развития. Вслед за законом Госсоветом КНР было принято постановление о поправках к Положению о его применении. Им, в частности, был отменен ряд ограничений в отношении закупок смешанными предприятиями сырьевых материалов и продажи на китайском рынке собственной продукции. Упрощена и процедура регистрации предприятий с участием иностранного капитала.

В связи с вступлением КНР в ВТО потребовалось усилить законодательную базу борьбы с поддельными и недоброкачественными товарами. Законодательными органами внесены поправки в соответствующие законы, согласно которым производители таких товаров будут подвергаться более строгим наказаниям. В 2001 г. вступили в силу новые редакции законов о патентах, товарных знаках и контроле над медикаментами, также учитывающие стандарты ВТО.

Одновременно поставлена задача создания законодательной базы для содействия развитию малых и средних предприятий, обеспечения безопасности коммуникаций и производства, регулирования народонаселения и других производственных и социальных процессов. В значительных объемах принимаются различного рода нормативные акты по административно-правовым вопросам. Идет процесс совершенствования и другого законодательства.

Все это свидетельствует о том, что в стране продолжает наращиваться и модернизироваться достаточно обширный пласт законодательства по различным отраслям права, что само по себе весьма позитивный фактор общественного развития. Однако обеспечение действия права в социально-экономической и политической жизни Китая - непростая задача. Она тесно связана со всем ходом развития страны, преодолением экономической и культурной отсталости, распространением образования, преодолением пережитков прошлого.

648

Э. В. МОЛОДЯКОВА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ: ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В настоящее время Япония является полноправным членом западного сообщества и одной из ведущих «индустриальных демократий». Это единственная страна, которая шла к обретению такого статуса своим особым путем, опираясь на традиции и ускоренную модернизацию в условиях тотальной демократизации всех сторон жизнедеятельности общества. Но, и это чрезвычайно важно, политическая элита всегда проявляла максимум прагматизма и реально оценивала сложившуюся ситуацию, а потому не происходило утраты традиций и национальной идентичности, чем, к слову сказать, в настоящее время достаточно сильно озабочены страны Западной Европы в связи с ускоряющимися и углубляющимися процессами интеграции. Демократизация оказалась единственным путем сохранения власти в руках японской правящей элиты¹. Но и на этом пути Япония проявила, как это уже не раз бывало в ее истории, способность заимствовать и приспосабливать к реалиям страны то, что в данный момент является насущным и необходимым.

Послевоенные реформы в Японии продемонстрировали яркий пример планомерного достижения поставленных политических целей, опровергающий во многом справедливую мысль профессора

университета Тюо С. Рида, писавшего, что в каждом периоде исторического развития «произвести определенные, специфические изменения оказывается чрезвычайно трудно. Целенаправленные изменения требуют огромных затрат и редко дают предполагаемый или желательный результат»². Главные достижения демократии, на Западе связанные с

¹ Подробнее см. Молодякова Э. В. «Неординарная» демократия в Японии. -Япония: мифы и реальность. М., 1999, с. 160-178.

² Reed S.R. An Introduction to Special Topic: Political and Administrative Reform in Japan - Social Science Japan Journal. 1999, vol. 2, numb. 2, oct, p. 155.

649

социал-демократической моделью развития, ядро которой составляла концепция «государства благосостояния», в Японии стали результатом целенаправленных реформ, проведенных в значительной степени «силовыми методами» в условиях американской оккупации. Успех во многом обеспечивался тем, что они осуществлялись руками японского правительства и законодательно подтверждались парламентом. Но важно помнить о том, что в стране имелись экономические и политические предпосылки для них. В обществе в принципе существовал консенсус относительно того, что представительная или парламентская демократия со всеми возможными ее «недостатками» является альтернативой предшествовавшему авторитарному типу правления.

В результате проведения реформ Япония достаточно быстро и успешно сближалась со странами Запада. Происходила быстрая замена старых социально-экономических и политических структур новыми, демократическими. Этот процесс сопровождался стремительным усвоением достижений западных стран, ибо обеспечивался консолидированными усилиями в экономике и политике. Однако на этом фоне, как бы вступая в противоречие с объективным ходом развития, в стране сложилась политическая система, весьма непохожая на действующие в Западной Европе или в США.

Подобная ситуация многие десятилетия вызывала у партнеров Японии по западному сообществу опасения относительно демократичности самого японского общества, которое вполне справедливо упрекали в закрытости. Однако серьезные перемены во внутривнутриполитической ситуации, диверсификация политической элиты, разнообразие политических пристрастий населения, повышение интереса к современному политическому опыту (прежде всего западноевропейских стран) свидетельствуют о намерении Японии не только сделать свой политический потенциал на мировой арене равным экономическому, но и искать пути политического обновления внутри страны. Все это является непосредственным результатом воздействия глобализирующегося внешнего мира.

Важным путем к политическому обновлению является изменение существующей политической системы, которое видится как переход к правлению сменяющих друг друга у власти двух крупных партий.

650

В первое послевоенное десятилетие, казалось, должны были сложиться реальные условия для установления в стране двухпартийной политической системы классического европейского образца (попеременная смена у власти консервативной и социал-демократической партий). В соответствии с Директивой Штаба оккупационных войск США «Об отмене ограничений на политические, гражданские и религиозные свободы» (4 октября 1945), возобновилась деятельность всех политических партий. Однако с первых же послевоенных лет (за исключением кратковременного пребывания у власти с мая 1947 г. по февраль 1948 г. и с марта по октябрь того же года коалиционных правительств социалиста Т. Катаяма и демократа Х. Асида) до начала 90-х годов у власти бессменно находилось правительство консерваторов. С 1955 г. его единолично формировала Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая практически срослась с административным аппаратом.

Феномен доминантной партии не наблюдается ни в одной стране развитой демократии, что выделяет Японию из их числа и заставляет относиться к ней как своего рода аномалии. Но все встает на свои места, если помнить о том, что это страна с неевропейской политической традицией, избравшая путь демократии. Вслед за Японией примерно таким же путем в своем политическом развитии идут и другие азиатские страны ареала конфуцианской культуры.

В Японии получению ЛДП достаточного для обеспечения ее доминирующего положения числа голосов во многом способствовала существовавшая избирательная система. Как известно, каждая страна формирует такую систему выборов, которая в наибольшей степени соответствует уровню развития демократии в тот или иной период. До 1994 г. в стране действовал достаточно специфический вариант средних избирательных округов- разновидность мажоритарной избирательной системы, так называемая многомандатная система относительного большинства, когда от каждого избирательного округа выбирается по несколько депутатов.

Такой вариант был данью традиционной политической культуре и избирательной практике довоенных лет, когда у власти сменялись мало отличающиеся друг от друга две политические партии. Закон 1925 г. гарантировал каждой из них хотя бы одно-два места во всех без исключения избирательных

651

округах. Это был компромисс между соперничавшими партиями, старавшимися не допустить чрезмерного усиления друг друга. Распределение мест в парламенте при многомандатной системе относительного большинства не соответствует действительному соотношению сил партий и обеспечивает завышение парламентского представительства крупных партий, что способствует появлению большого числа «пропавших» голосов, особенно у тех партий, чья доля электората в избирательном корпусе невелика.

Это ведет к неравенству веса голосов, что явно противоречит демократическим принципам. Тем не менее, система средних избирательных округов в принципе обеспечивает многопартийность представительных органов власти, и потому она была закреплена в законе «О выборах общественных должностных лиц» (1950).

Правда, стоит напомнить, что, начиная с 20-х годов, японские политики видели для себя образец в вестминстерской двухпартийной системе, в которой действуют две массовые, хорошо структурированные партии различной политической ориентации, со своей социальной базой, с приверженностью электората скорее партии, чем конкретному кандидату. Поэтому уже в 1954 г. правительство выступило с предложением о введении одномандатных избирательных округов и создании двухпартийной системы по образцу Великобритании. Но тогда подобная модель не могла быть реализована. В 90-е годы, как будет сказано ниже, при проведении новой реформы политической системы партийные лидеры вновь вспомнили о ней.

В первые послевоенные годы большинство социалистов, в принципе, поддерживало подобную идею, полагая, что может претендовать на создание альтернативного консерваторам правительства. Однако, как отчетливо показали парламентские выборы 1955 г., на которых левые и правые социалисты вместе получили меньше мандатов, чем Демократическая партия, надежда на создание ими своего коалиционного правительства оказалась иллюзорной. Поэтому, опасаясь, что изменение прежней системы избирательных округов увеличит преимущество либерал-демократов и обеспечит им 2/3 мест в парламенте

³ Подробнее см. Молодякова Э. В. Избирательная система Японии. - Японский опыт для российских реформ. М, 1998, вып. 3, с. 45-54.
652

те, необходимых для пересмотра конституции, социалисты изменили свою точку зрения ⁴.

В образовавшейся в 1955 г. политической структуре на одном полюсе сосредоточились все консервативные силы в лице ЛДП, а на другом - все социал-демократические в лице Социалистической партии Японии (СПЯ, ныне СДПЯ), на время объединившей в себе левых и правых социалистов. Их консолидация, несмотря на серьезнейшие расхождения по принципиальным вопросам, диктовалась прагматическими причинами сплочения своих рядов. Объединение всех консервативных сил отвечало потребностям строительства мощной экономики, главная роль в этом отводилась крупному бизнесу. ЛДП сразу создавалась как парламентская партия, цель которой - завоевать и удержать власть. ЛДП и СПЯ придерживались различных политических взглядов и были приверженцами различных политических ценностей, что соответствовало делению общества на два лагеря - «консервативный» и «прогрессивный». В целом это было адекватно структуре международной системы периода «холодной войны», распад которой не в малой степени сказался на поисках новых вариантов политической системы в конце XX века.

После возникновения биполярной структуры в стране, казалось, появились предпосылки введения двухпартийной системы европейского образца. В частности, на выборах в палату представителей парламента в 1958 г. СПЯ получила 166 мандатов (35,5% общего числа), а ЛДП - 287 (61,5%). В глазах избирателей ЛДП символизировала консерватизм и традиционализм, а СПЯ - нечто новое, современное, прогрессивное. ЛДП еще в середине 50-х годов сумела определить и позднее успешно реализовать объединившую всех японцев национальную цель - догнать западные страны в экономической области. Популярность же социалистов была связана с послевоенной демократизацией японского общества. В период высоких темпов экономического роста СПЯ не сумела адаптировать свою политику к серьезным переменам, произошедшим в сознании и образе жизни людей, что не могло не привести к резкому сокращению ее социальной базы. Достаточно скоро у партии не

⁴ Катоки тоситэ-но 1950 нэндай (1950 годы как переходный период). Токио, 1997, с. 67-70

653

осталось даже гипотетических шансов на приход к власти, и в Японии почти на 40 лет установилась гегемония одной партии-ЛДП.

При единоличном правлении либерал-демократов Япония знала длительные периоды социального мира и стабильности, что во многом достигалось следованием одному из ведущих принципов японской политической культуры - «духу гармонии» (ва-но сэйсин). Общество при этом выглядело в целом плюралистическим, поскольку в нем свободно действовали различные политические партии и объединения. Вместе с тем динамику политического прогресса обеспечивали не оппозиционные партии, а сама ЛДП благодаря фракционности своей структуры. Борьба и соперничество фракций за реальную политическую власть гарантировали гибкость и адаптивность проводимого курса при сохранении его принципиальной преемственности.

Политический вес правящей партии и всей оппозиции долгое время соответствовал их роли в обществе, в котором ЛДП представляла общенациональные интересы, а оппозиционные партии - интересы отдельных групп населения. Однако при сохранении формата «системы 1955 г.» происходило постепенное изменение соотношения сил не только между основными партиями (ЛДП, СПЯ), но и между ними и вновь появившимися. Если на выборах 1958 г. они совокупно получили 91% голосов избирателей, то в 1986 г. только 66,6%. Японская политическая система превращалась в многопартийную.

Надо иметь в виду, что, голосуя за оппозиционные партии, японские избиратели (в основном так называемые новые городские слои) выступают не против консервативной идеологии, а против конкретной политики либерал-демократов. Отдавая голоса оппозиции, избиратели не рассчитывают привести ее таким образом к власти. Голосование за оппозицию - это способ, которым электорат побуждает либерал-

демократов серьезно заняться решением назревших проблем.

В целом обладающее довольно высоким жизненным уровнем население разделяет консервативную идеологию, привержено демократическим принципам и доверяет правящей партии больше, чем другим, связывая с ней успехи страны и стабильность в обществе.

Тем не менее, диверсификация национальных интересов, усложнение социальной структуры общества, возникновение и

654

усиление гражданских движений, рост электората оппозиционных партий заставили правящую партию задуматься о коррекции своих действий. Другими словами, обозначилась потребность в проведении политической реформы. Отчасти это было связано и с внешним влиянием, поскольку современная Япония активно включена в жизнь мирового сообщества и не может не испытывать его воздействия.

С усложнением в 70-80-е годы политической картины в стране начинаются дискуссии о создании разного рода коалиций оппозиционных партий, с тем чтобы заставить ЛДП поделиться властью. Сначала речь шла о трехпартийной коалиции, в которую могли бы войти центристские Партия демократического социализма (ПДС) и Комэйто (Партия чистой политики), представляющая крупнейшую буддийскую организацию Сока гаккай (Общество установления ценностей), а также правое крыло СПЯ. (Заметим, что никогда не рассматривался вопрос о включении в какую-нибудь коалицию Коммунистической партии Японии (КПЯ), хотя, например, на всеобщих выборах в 1972 г. она получила 39 мандатов и была тогда третьей по представительству парламентской партией страны).

Лидеры ПДС, связанные с Социнтерном, вновь обратились к идее создания европейского варианта двухпартийной системы. Предполагалось, что консервативной ЛДП будет противостоять партия социал-демократической ориентации. Японская конфедерация профсоюзов (Рэнго) - социальная опора ПДС и СПЯ - в целом поддержала этот взгляд и выступала за объединение в долгосрочной перспективе оппозиционных партий с некоторыми консервативными элементами и создание на этой основе новой большой партии - оппонента ЛДП. Однако, несмотря на благие намерения, перспектива возникновения сколько-нибудь прочной коалиции оставалась малореальной из-за коренных расхождений между ее участниками по важнейшим вопросам, а также непомерных политических амбиций партийных лидеров.

Правящая партия внимательно следила за этими маневрами оппозиции и заигрывала с центристскими партиями, вселяя в них надежду на возможность формирования консервативно-центристского правительства, тем более что центризм этих партий все больше сближался с неоконсерватизмом ЛДП. В

655

рядах правящей партии периодически раздавались голоса в пользу «частичной коалиции» с ПДС и Комэйто (речь шла, конечно, лишь о парламентском сотрудничестве). В частности, И. Одзава (в то время генеральный секретарь ЛДП, а ныне лидер Либеральной партии) говорил о необходимости содействовать усилиям всех партий по созданию новой политической структуры и выдвигал идею создания второй консервативной партии путем объединения части либерал-демократов с Комэйто⁵. Иными словами, предполагался американский вариант двухпартийной системы. (Тогда было абсолютно невозможно предположить правящую коалицию ЛДП как с Комэйто, так и с социал-демократами).

Это был, пожалуй, единственный путь, поскольку существование внутрипартийных фракций крайне затрудняло создание второй консервативной партии на базе ЛДП. Ведь при формировании такой партии необходимо заручиться поддержкой, по крайней мере, более сотни депутатов. В таком случае ее лидер стал бы одновременно и руководителем крупнейшей фракции и соответственно сосредоточил бы в своих руках всю полноту власти. Только выход из рядов ЛДП групп «диссидентов» и их дальнейшее блокирование с центристскими партиями обещали оказаться продуктивными с точки зрения образования новых консервативных партий.

Несмотря на серьезные кризисные явления в правящей партии, внешним проявлением которых с конца 80-х годов были перманентные коррупционные скандалы в высшем эшелоне власти, ни одна оппозиционная партия не могла соперничать с ней в борьбе за власть, ибо оппозиция никогда не предлагала позитивной альтернативы консервативной политике, а лишь подвергала ее критике. Поэтому до начала 90-х годов все разговоры о создании дееспособной оппозиции и переходе к двухпартийной системе оставались словесными спекуляциями. Реальная возможность перевода дискуссий на эту тему в практическую плоскость впервые обозначилась лишь после провала ЛДП на выборах 1993 г., в результате которого прервалось единоличное правление консерваторов. Тогда же появились новые партии, вскоре объединившиеся со старыми оппозици-

⁵ Молодякова Э. В. Япония. Профсоюзы и общество. М., 1994, с. 141-144.

656

онными силами в единую общенациональную Партию новых рубежей.

Однако ее существование оказалось недолговечным из-за пестроты состава, наличия в ней весьма разнородных политических сил и отсутствия четкой политической позиции. Важную роль в ее распаде сыграла также разгоревшаяся в высшем партийном руководстве борьба трех бывших премьер-министров (Т. Кайфу, М. Хосокава, Ц. Хата) между собой и против амбициозного И. Одзава. Уже в 1997 г. ввиду критической внутрипартийной ситуации Партия новых рубежей была распущена с тем, чтобы вместо нее создать два-три политических объединения. Никто не ожидал, что она расколется на мелкие части. Из образовавшихся в результате шести партий самой крупной стала Либеральная партия И. Одзава, которую он

провозгласил преемницей Либеральной партии Итагаки Тайсукэ (1881 г.).

Сложившаяся ситуация свидетельствовала о том, что ведущие политики страны оказались неспособны, да и не желали вести конструктивный диалог о реорганизации политической системы. За три года в Японии сменилось четыре коалиционных правительства. Первые два без участия либерал-демократов оказались неустойчивыми и нежизнеспособными, а два последующих - с участием ЛДП и СПЯ - продемонстрировали казавшийся ранее немислимым альянс, свидетельствующий об обретении обществом идеологического единообразия. Доминирование идеологии среднего класса, к которому причисляет себя подавляющее большинство японцев, - неоконсерватизма (суть которого создание системы «социального рыночного хозяйства»), практически не оставило места характерным для «системы 1955 г.» непримиримым идеологическим различиям между партиями.

Коалиционные правительства во главе с ЛДП продемонстрировали пример открытой, готовой к компромиссам политики и сумели достигнуть определенной стабильности. Но слишком разные базовые позиции участников требовали реформирования правительства, и ЛДП начала готовиться к выборам в палату представителей по принятой в 1994 г. новой избирательной системе, при разработке которой в определенной степени учитывался британский опыт.

Целью избирательной реформы было повысить значимость политических партий, перенести центр тяжести в изби-

657

рательной кампании с отдельных кандидатов на партию в целом, привлечь внимание электората к партийным программам, что характерно для британской политической практики. По новой системе 300 депутатов избираются в нижнюю палату парламента по одномандатным округам и 200 (в настоящее время 180) - по 11 региональным блокам по списку политических партий сроком на четыре года. В целом такая система благоприятствует только крупным партиям, оставляя мало места мелким. В одномандатном округе избиратель поставлен перед жестким выбором: сколько бы кандидатов ни выдвигалось, победит только один. Однако, учитывая национальные политические традиции, в соответствии с которыми даже малые партии оппозиции сохраняли возможность получать места в парламенте, японские политики нашли компромиссное решение при реорганизации избирательной системы: наряду с одномандатными округами сохранилось и пропорциональное представительство по партийным спискам.

Казалось, что в середине 90-х появилась возможность создать политическую систему, похожую на столь привлекательный для японских консерваторов британский образец. Если дальнейшее совершенствование избирательной системы пойдет по английскому образцу, т. е. сохранятся только одномандатные округа, то даже такие старые партии, имеющие устойчивый электорат, как КПЯ, лишатся будущего. Как показали всеобщие выборы в палату представителей в 1996 г. и 2000 г., эта партия получила основную часть мандатов по партийному списку, а не в одномандатных округах.

Большинство партий недовольно своим нынешним представительством в парламенте, считая себя обойденными. Новая Комэйто (возрожденная в 1998 г.) вновь предлагает свой старый проект увеличения многомандатных округов, КПЯ и СДПЯ резко выступают против одномандатных округов, а некоторые деятели ЛДП желали бы их реорганизации. Связано это в основном с тем, что в результате введения новой системы не были созданы условия для установления двухпартийной системы, при которой партии регулярно сменяли бы друг друга у власти, что было бы полезно для оздоровления политической жизни страны.

Но этого и не могло быть по определению, потому что пока двухслойная система выборов лучше соответствует полити-

658

ческим реалиям японского общества. Можно согласиться с приведенным в японской газете мнением одного видного функционера ЛДП о том, что «одномандатная избирательная система абсолютно не подходит Японии. При такой системе избиратель должен выбирать между правыми и левыми, но нашему населению не привычен такой путь мышления»⁶.

В условиях нивелирования идеологических противоречий между различными политическими силами наиболее естественным путем реорганизации политической системы представлялось создание двухпартийной системы американского образца, при которой у власти сменяют друг друга две консервативные партии. Однако в середине 90-х годов развитие ситуации в стране пошло совсем по другому сценарию, во многом напоминающему тот, что разворачивается в ряде европейских стран, где достаточно громко заявили о себе левоцентристские и прогрессивные партии, представленные политиками нового поколения. Подобный процесс в Японии проявляется в формировании партий демократического толка, в сотрудничестве части молодых либерал-демократов с СДПЯ и другими оппозиционными партиями.

Буквально накануне всеобщих выборов 1996 г. появилась абсолютно новая Демократическая партия (ДП). Сенсацией это не стало, поскольку нечто подобное ожидалось уже давно. Костяк партии составили выходцы из ПДС, партии «Инициативы» (Сакигакэ), отколовшейся от ЛДП в 1993 г., и некоторые парламентарии от Социал-демократической партии Японии. Она рассматривала себя как партию городского населения, а опора на горожан - верный путь для политической силы, которая рассчитывает на длительную перспективу и хочет действовать в соответствии с социально-экономической ситуацией, сложившейся в Японии на рубеже веков.

Воспользовавшись расколом Партии новых рубежей, ДП предложила создать блок родственных оппозиционных сил. В новом объединении сразу же обозначились серьезные противоречия между лидерами вошедших в него группировок по вопросам о характере блока, возможности превращения его в партию,

будущих союзниках и партнерах. Несмотря на это, к апрелю 1999 г. им удалось договориться и создать новую Демократиче-

⁶ The Daily Yomiuri, 10.01.2000.

659

скую партию, которая является крупнейшей оппозиционной силой в парламенте, реально противостоящей ЛДП.

При создании новой Демократической партии одним из сложнейших вопросов было определение ее характера. Все ее учредители согласны с тем, что это демократическая, центристская партия, но одни хотят видеть ее партией «левоцентристской ориентации» или «демократически-либеральной», а другие – «консервативно-центристской». Пока же политика ДП представляет собой конгломерат взглядов лидеров вошедших в нее объединений. Партия придерживается «умеренно демократической ориентации, близкой к центристской», ставит целью смещение ЛДП и приход к власти «демократического коалиционного правительства». Двери ее открыты для всех политических сил, придерживающихся «среднего пути» и выступающих против ЛДП. Социальная опора ДПЯ – по-прежнему средние городские слои. В ее поддержку высказывается и профсоюзное объединение Рэнго.

Для лидеров левоцентристского спектра Демократической партии моделью служит левоцентристская коалиция с участием умеренных коммунистов в Италии, так называемая Olive Tree Coalition, созданная в свое время премьер-министром этой страны Романо. Проди. (Тот в свою очередь сравнивал ее с Новой лейбористской партией Тони Блэра). Речь идет о предвыборных альянсах партий, которые претендуют на право формирования правительства и могут договориться о кандидатуре на пост премьер-министра. Пожалуй, впервые так отчетливо японские политики примеривают на себя политический опыт других, в первую очередь западноевропейских стран. Этот интерес, возможно, отражает общую тенденцию Японии к более тесному сотрудничеству с этим регионом (достаточно вспомнить о постоянном трехуровневом механизме консультаций с ЕС, участии в важнейших форумах ОБСЕ, представительстве при штаб-квартире НАТО в Брюсселе).

Профессор университета Нагоя Ф. Усиро, проанализировав результаты всеобщих выборов в Италии в 90-е годы, на которых боролись друг против друга левые, правые, центристские альянсы, пришел к выводу о том, что «по результатам всеобщих выборов можно увидеть силу и слабость каждого альянса, другими словами, привлекательность и надежность входящих в них партий. Избиратели могут оценить каждый

660

альянс, потому что заранее заявлена политика, которая будет проводиться в случае прихода к власти того или иного альянса, а также определен кандидат на пост премьер-министра»⁷.

В настоящее время, например, один из создателей ДП и ее нынешний лидер Н. Кан полагает, что демократическая партия должна быть чем-то средним между «партиями Тэтчер и Блэра». После того как либерал-демократам не удалось повторить либеральные реформы Тэтчер, ДПЯ полагает, что она может это сделать, когда придет к власти, используя опыт английского премьер-министра, модернизировать тэтчеризм, присовокупив к нему политику социальной защищенности, что должно помочь привлечь на свою сторону новые слои избирателей⁸.

Долговечность и стабильность партии, в данном случае ДП, во многом зависит от политической воли ее руководящего ядра, от его способности сохранить партию в условиях беспрецедентного «перетекания» политиков из партии в партию. Однако внутри ДП нет единства мнений по вопросу партийного строительства. В частности, тот же Н. Кан считает, что самое важное – коалиция с разнообразными силами, и это даже важнее, чем установление своего единовластия. Другой ее создатель и бывший лидер Ю. Хатояма решительно выступает против установки на широкую коалицию и полагает, что необходимо укреплять структуру партии, превращать ее во вторую главную партию в будущей двухпартийной системе.

Немаловажную роль в стремлении к обновлению структуры партий – правящей ЛДП и оппозиционных – играет смена поколений в основном эшелоне истеблишмента и новый баланс их реальных сил. Как и во многих странах Западной Европы, на авансцену японской политической жизни вышли энергичные, амбициозные деятели новой формации, что стимулирует процесс распада ранее существовавших партий, появление новых, как правило, непрочных объединений, слияние и размежевание различных политических группировок.

Практически во всех партиях складывается своего рода «двойная структура», состоящая из молодых членов партии и

⁷ Усиро Фусао. Орибу-но ки сэйсэн сэнряку (Стратегии политической власти оливкового дерева). Токио, 1998, с. 54. ⁸ Подроб. см. Curtis Gerald L. The Logic of Japanese Politics. Tokyo. N.Y 1999, p 193-195

661

ветеранов. На последних выборах в палату представителей парламента в июне 2000 г. из 127 депутатов ДП 43, т. е. около трети, были избраны впервые. (На предыдущих выборах в 1996 г. из 91 депутата около 70% были избраны в первый или второй раз). Для сравнения: в ЛДП этот показатель составил всего 27 человек, или менее 12% от общего числа (233). В целом же на выборах 2000 г. избранные в первый, второй и третий раз составили чуть менее 50% от 480 депутатов⁹.

Эта тенденция пробивает себе дорогу на фоне свойственной японской политической культуре традиции семейного «наследования» мандатов в парламенте. Например, на выборах в палату представителей в 1996 г. из 500 мест 122 перешли сыновьям, дочерям, зятьям и внукам прежних

кандидатов¹⁰. На аналогичных выборах 2000 г. 63 из 233 депутатов ЛДП поддержали эту семейную традицию¹¹. Этих примеров достаточно, чтобы понять всю сложность пути новых кандидатов в высший эшелон власти.

Так, по неписаным законам партийной иерархии в ЛДП, политики, которые избирались депутатами парламента 6-7 раз, составляют средний ранг элиты партии. Те, кто избирался 8-10 раз, обладают значительным весом, а те, кто одерживал победы на выборах более десяти раз, входят в высший, очень тонкий слой элиты. Существующая система - обоюдоострое оружие - в краткосрочной перспективе дает результаты, но в дальней может стать губительной для партии. Например, не имея возможности пробиться в число кандидатов от либерал-демократов, молодые политики могут попытаться свое счастье по линии других партий. Так же поступают и демократы. Так, на выборах в палату представителей парламента в июне 2000 г. некоторые демократы надеялись добиться избрания под знаменами ЛДП, но, не получив от нее реальной поддержки, вновь вернулись в свою партию.

В ДП проблема осложняется наличием в ее рядах старых выходцев из бывших СДПЯ и ПДС и представителей молодого поколения, не связанного со старыми партиями. Омоложение ДП и появление новых членов дает возможность более четко

⁹ The Daily Yomiuri, 22.09.2000.

¹⁰ Asahi Evening News, 10.01 1999.

¹¹ The Daily Yomiuri, 23.08.2000.

662

дистанцироваться от ЛДП и других партий правящей коалиции, несмотря на то, что программы их в целом близки друг другу. Другими словами, как сейчас модно говорить, ДП нужно обрести свою идентичность.

Бывший председатель партии ДП Ю. Хатояма проводил курс на назначение на высшие партийные должности именно молодых соратников, что шло вразрез с традиционной политической культурой. К тому же, чтобы «устранить препятствия на пути подлинной политической перестройки», он поддержал создание межпартийной исследовательской группы, в которую вошли молодые члены его партии и либерал-демократы из одной фракции ЛДП.

Наряду с определенным укреплением позиций ДП усиливается фрагментарность внутри правящей, что расшатывает создававшуюся десятилетиями жесткую структуру партии. Она становится более подвижной; часть влиятельных политиков ЛДП не против достижения согласия с бывшими диссидентами, ибо все они бывшие либерал-демократы, другая часть через межфракционные объединения создает новые фракции. Возможно, такие подвижки в структуре партии - результат энергичных поисков путей ее реорганизации или, как и прежде, просто усиление фракционной борьбы за реальную власть в данное время.

Соотношение сил между фракциями все еще играет важную роль при выдвижении и избрании председателя партии, который, согласно установленным правилам, автоматически становится премьер-министром. Соответственно сохранение фракций объективно подрывает политические позиции премьера. Такое положение приобретает особую остроту в связи с тем, что расширение полномочий премьер-министра и укрепление его позиций является сейчас одной из важнейших задач политической реформы

Во второй половине 90-х годов не раз предпринимались попытки ликвидировать фракции, когда обострялась потребность во внутривнутрипартийных реформах (например, во время перегруппировки сил в ЛДП после ухода в оппозицию или при введении новой избирательной системы), но все они как бы уходили в песок.

Тем не менее, нынешнее состояние фракционной структуры ЛДП позволяет говорить о том, что центристские

663

силы в партии пока превалируют над центробежными. Межфракционный баланс все еще играет важную роль при выдвижении и избрании председателя партии. Однако зависимость личных действий партийных лидеров от фракционной принадлежности заметно уменьшается. В этих условиях возможна известная многовариантность внутривнутрипартийного регулирования, включая ротацию руководства партии. В пользу такого развития событий свидетельствует и избрание председателем ЛДП Д. Коидзуми, который считается наиболее последовательным и решительным реформатором партийной структуры. В частности, он заявил о необходимости немедленного роспуска фракций, поскольку именно с их наличием связан не только устаревший имидж партии, но, и это главное, они являются тормозом на пути подлинного реформирования партии.

Однако ЛДП по-прежнему - крупнейшая партия в стране, являющаяся ядром всей политической жизни. Потеряв власть в 1993 г. (хотя фактически она находилась в руках тех же консерваторов, недавно покинувших ее ряды), партия вновь овладела ею в 1996 г. Но это не стало возвратом к прежнему положению вещей. Теперь, не располагая устойчивым большинством в палате представителей парламента, ЛДП вынуждена действовать с оглядкой на достаточно многочисленную, но разнородную и разобщенную оппозицию.

Начиная с 1994 г. ЛДП приобрела богатый опыт формирования коалиционных правительств, а в настоящее время, как показали определенные согласованные действия во время последних выборов в палату представителей, возможно, она стоит на пороге организации предвыборных коалиций, чего никак не могут достичь ее демократические соперники. Однако победа на выборах не является гарантией устойчивости коалиции.

В стране не исключена ситуация, при которой именно партии правящей коалиции - ЛДП, Новая Комэйто и Консервативная партия (появилась в результате раскола Либеральной партии после ее выхода из правительственной коалиции в апреле 2000 г.), т. е. консервативно ориентированные, могут, по выражению политического обозревателя «Ёмиури симбун» Ё. Хиронака, «трансплантировать Olive Tree Coalition на отечественную почву»¹². Накануне всеобщих выборов 2000 г. два

¹² Ёмиури симбун, 31.05.2000.

664

партнера ЛДП по коалиции обнародовали свою политику и выразили желание продолжить партнерство, т. е. поддержали ее кандидата на пост премьер-министра.

При этом и ЛДП и ДП для усиления своих позиций заинтересованы в поддержке центристской Новой Комэйто - второй по численности оппозиционной партии в стране (31 мандат в палате представителей и 13 - в палате советников). Именно эта партия является основным объектом их политического маневрирования, в чем пока больше преуспели либерал-демократы. Поведение Новой Комэйто типично для партии, чьи голоса нужны для перетягивания чаши весов в ту или иную сторону. Она оговаривает свой независимый статус, старается не акцентировать внимание на партнерстве с ЛДП, но не отвергает возможность «согласованной» с ней политики на отдельных направлениях (так же, как и с другими партиями в рамках провозглашенного курса на достижение «национального согласия»). Основные программные установки Новой Комэйто достаточно традиционны.

Определенные успехи ЛДП на пути к созданию предвыборных коалиций во многом объясняются тем, что ее партнеры заинтересованы в них даже больше ее самой. На это стоит обратить особое внимание, поскольку коалиционные блоки вполне могут стать альтернативой давно вынашиваемой идее введения двухпартийной системы. Вместе с тем появление и укрепление Демократической партии говорит в пользу того, что основным соперником ЛДП постепенно становится не какая-либо «вторая консервативная партия» (будь то Либеральная или Новая консервативная, имеющие соответственно 22 и 7 мандатов в палате представителей парламента), а центристская, которая имеет определенные шансы стать достойным соперником правящей партии.

Тактика правящей коалиции по объединению усилий для поддержки перспективных кандидатов в одномандатных округах ставит перед оппозиционными партиями неотложную задачу консолидации сил, если они действительно претендуют на власть. В этом случае объединенная оппозиция должна бросить вызов альянсу ЛДП - Новая Комэйто. Однако, как показал анализ распределения голосов на выборах в палату представителей парламента 2000 г., так называемые плавающие голоса ушли не к Демократической партии, на которые, казалось,

665

она могла рассчитывать, а к Либеральной и Социал-демократической партиям. Как уже отмечалось, в настоящее время оппозиция достаточно многочисленна, но разнородна. Вряд ли четыре ее основные партии (Демократическая, Либеральная, Социал-демократическая и Коммунистическая) могут серьезно рассчитывать на создание дееспособного политического союза или хотя бы на организацию согласованного противодействия политике правящей партии. По замечанию политического обозревателя газеты «Токио симбун», за победу правящей коалиции на выборах в палату представителей ответственна именно оппозиция¹³.

Интересной особенностью современной японской политической жизни является необычайное положение КПЯ, существующей в строго определенной и изолированной политической нише и сохраняющей, тем не менее, возможность оказать определенное влияние на развитие политической ситуации в стране. В настоящее время оппозиционным партиям достаточно сложно создать единый фронт в парламенте против правящей партии без участия коммунистов, обладающих 20 мандатами в палате представителей и 5 - в палате советников. Пока что «закрытый» характер Компартии затрудняет проблему координации с ней. Однако согласие ведущих оппозиционных партий на контакт с КПЯ может весьма резко качнуть политический маятник в их сторону.

В последнее время Компартия прилагает серьезные усилия по «смягчению» своего имиджа в глазах избирателей. Сохраняя верность своим принципам, КПЯ все же стремится обрести более современный облик и заявляет, что она «без колебаний будет вести совместную борьбу и чистосердечно взаимодействовать с другими оппозиционными партиями по вопросам, представляющим совместный интерес»¹⁴. Так, накануне выборов 2000 г. лидер КПЯ К. Сии заявил, что его партия поддержит кандидатуру бывшего в то время председателем ДП Ю. Хатояма на должность премьер-министра во время первичного голосования.

Однако, располагая своеобразным электоратом, КПЯ должна искать пути для взаимодействия с другими оппозици-

¹³ Токио симбун, 02.09.2000.

¹⁴ The Daily Yomiuri, 20.09.2000.

666

онными партиями и делать это очень осторожно и аккуратно. Как иронично заметил бывший заместитель генерального секретаря ЦК КПЯ Сога Юкио, «КПЯ перестанет быть КПЯ, как только она превратится в подлинно демократическую политическую партию»¹⁵. Модернизируя свою политику, КПЯ отнюдь не желает разделить судьбу СДПЯ, в одночасье сдавшей все свои позиции за мимолетное участие в совместном с ЛДП коалиционном правительстве. Поэтому, понимая всю сложность выхода из полной

изоляции и не предлагая альтернативы, руководство КПЯ по-прежнему продолжает обвинять другие оппозиционные партии в том, что они все еще действуют в политическом формате, где доминирует ЛДП, и не способны создать фундамент, на котором можно развернуть борьбу с этой партией.

Как показали выборы 2000 г. в палату представителей парламента, происходит все большая поляризация пристрастий городских и сельских избирателей: наблюдается некоторое ослабление поддержки ЛДП и Новой Комэйто городским населением при одновременном усилении позиций ДП и консервативной Либеральной партии именно среди городского населения. В частности, невзирая на малую известность своих кандидатов, ДП сумела одержать победу во всех пяти одномандатных округах в Нагоя и получила гораздо больше голосов, чем ЛДП, при пропорциональном голосовании в девяти округах, в том числе в Токио, Осака, Фукуока и на Хоккайдо¹⁶. Это очевидное свидетельство недовольства городских избирателей политикой нынешней правительственной коалиции.

Тем не менее, все оппозиционные партии вместе взятые проигрывают либерал-демократам в общей поддержке электората. Согласно опросу общественного мнения, проведенному «Асахисимбун» перед выборами в палату советников парламента летом 1998 г., 31% поддерживал ЛДП, 5% - ДП, остальные партии получили значительно меньше¹⁷. При этом, несмотря на то, что одной из целей реформы избирательной системы было повышение значимости политических партий, число тех, кто вообще не поддерживает ни одну партию, зна-

¹⁵ The Daily Yomiuri, 05.12.2000.

¹⁶ Nikkei Weekly, 3.07.2000.

¹⁷ Асахи симбун, 20.05.1998.

667

чительно выросло и, что очень симптоматично, перевалило за 50%. Продолжился и дальнейший рост абсентеизма: 2,87 млн. человек в 1996 г. и 5,5 млн. в 2000 г. Число «потерянных» или «пропавших» голосов, т. е. поданных за провалившихся кандидатов, которые партии не могут записать в свой актив, составило 31,53 млн. в одномандатных округах, что равняется 51,8% их общего числа (против 54,8% в 1996 г.)¹⁸

Такое положение дел говорит о том, что введение одномандатных округов не решило всех проблем и что требуется дальнейшее совершенствование избирательной системы. Поэтому в последнее время стали появляться разного рода инициативы оппозиционных партий, направленные именно на эти цели. В частности, заместитель генерального секретаря ДП Кумагаи Хироси заявил о необходимости упорядочить срок пребывания депутатов в палате советников¹⁹. Он озабочен тем, что ЛДП практически не грозила потеря власти даже при сокрушительном поражении на выборах в палату советников летом 2001 г. И действительно, партия добилась впечатляющего успеха, получив 65 депутатских мандатов (57,7%). Главная партия правительственной коалиции резко увеличила свое представительство в верхней палате, имея теперь 111 мест из 247, но не сумела вернуть себе единоличное большинство здесь, утерянное после крупного провала на выборах 1999 г. Партнеры ЛДП по коалиции - Комэйто и Консервативная партия - получили соответственно 13 и 1 мандат, что в совокупности обеспечило трем партиям весьма заметное большинство в палате советников - 140 мандатов. Безусловно, в настоящее время все больше укрепляется доминирующая роль либерал-демократов в коалиции, поскольку ни один из партнеров не может рассчитывать на серьезное участие в выработке политики правительства. Возможная замена партнеров ЛДП по коалиции на Либеральную партию или СДПЯ также ничего не изменит. Поэтому Кумагаи Хироси предлагает добиваться такой расстановки сил в палате представителей в результате предстоящих выборов в палату представителей, при которой даже при наличии коалиции ЛДП - Новая Комэйто - Консервативная партия у либерал-демократов не было бы там большинства.

¹⁸ Nikkei Weekly, ibid.

¹⁹ The Daily Yomiuri. 21.02.2000.

668

Однако центристской демократической оппозиции не удалось сделать резкий рывок на выборах в палату советников в 2001 г., а потому совсем маловероятной становится перспектива привлечь на свою сторону Новую Комэйто. Кроме того, вряд ли оппозиция сможет преодолеть аллергию на сотрудничество с КПЯ и попытаться создать широкий избирательный блок на всеобщих выборах, как это можно видеть в западноевропейских странах, что могло бы изменить существующий баланс сил.

Подвижки в социальной структуре, отражающиеся в политических пристрастиях избирателей, позволяют предположить, что в перспективе в стране может сложиться двухпартийная модель. Однако, как и все в Японии, будет со своей спецификой. Ее наиболее вероятной основой будет служить противостояние консерваторов и центристов в союзе с другими оппозиционными силами. Впрочем, по мнению профессора университета Нью-Йорка Сато Рёити, возможен и американский вариант, основанный на борьбе между двумя консервативными партиями. С учетом имеющей место в Японии все большей поляризации пристрастий городских и сельских избирателей, одна из них - японский вариант консервативной республиканской партии - могла бы опираться на поддержку крупного бизнеса и сельского населения, а другая - демократическая партия - на горожан и наемных работников²⁰.

Несмотря на выше обозначенные тенденции для того, чтобы появилась возможность введения в Японии двухпартийной системы, необходима, во-первых, заметная поляризация сил в обществе, во-вторых, выдвижение партиями действительно различных политических программ, предлагающих избирателям

реальную альтернативу, в третьих, дальнейшее совершенствование избирательной системы. Все эти факторы не получили пока достаточного развития в японской политической жизни, и, видимо, создание полноценной двухпартийной системы - дело не столь близкого будущего. Сейчас же, в соответствии со своей традицией выбора «золотой середины», политическая элита страны скорее пойдет по пути формирования правительственных и парламентских коалиций, т. е. нахождения консенсуса с учетом интересов всех заинтересованных

²⁰ The Daily Yomiuri, 10.09.2000.

669

сторон. Постоянно ведущиеся переговоры между различными партиями, ведущими политиками, беспрецедентное перетекание из партии в партию их членов, ярко выраженная беспринципность многих из них делает политический ландшафт страны довольно непредсказуемым.

В целом процессы, идущие на внутривнутриполитической сцене Японии, в определенной степени сближают ее с другими «индустриальными демократиями». Однако особенности политической культуры этой страны таковы, что еще долго можно будет говорить о неординарности функционирования политической системы Японии в сравнении с другими странами, входящими совместно с ней в одни и те же международные структуры глобализирующегося мира.

Литература

- Еремин В. Н. Политическая система современного японского общества (2-е издание). М., 1993.
Маркарян С. Б. Институт императора как фактор устойчивости государственной системы в Японии. / Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
Молодякова Э. В. «Неординарная» демократия в Японии. / Япония: мифы и реальность. М., 1999.
Стрельцов Д. В. Современный японский парламент. М., 1994.

670

Д. В. СТРЕЛЬЦОВ. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЯПОНИИ

Основные этапы становления и развития современной административной системы Японии

Административная система новейшего времени формировалась в Японии параллельно процессу разделения властей. Хорошо известно, что в основных европейских странах государственное строительство шло в основном вокруг парламента и иных структур представительной власти, которые были первичны по отношению к административным органам управления. В XVII-XVIII веках термин «правительство» в европейских странах подразумевал не только и не столько административный орган, но в первую очередь парламента и судебную власть. В противоположность этому, для традиционной политической культуры Японии понятие представительной власти всегда было чуждым. Парламентская система и система законодательной власти вообще были заимствованы из стран Запада только в период Мэйдзи, в конце XIX века, и появились в Японии не исходя из потребностей государственного управления, а во многом в русле общей логики вестернизационного процесса, стремления Японии стать в ряд цивилизованных стран.

Центральное правительство традиционно обслуживало власть монарха и формировалось согласно его воле и под его началом. Оно создавалось авторитарными методами и не было связано никакими взаимными отношениями с возникшими позднее парламентом и политическими партиями, характерными для концепции разделения властей. Хотя кабинет министров занимал центральное место в административной системе, он не нес перед парламентом коллективной ответственности, поскольку единственным сувереном по конституции являлся император, а классический механизм «разделения властей» не действовал. Ответственность всех членов кабинета

671

носила совещательный характер и ограничивалась императором. При этом премьер-министр нес перед императором равную с прочими членами степень совещательной ответственности. Это обстоятельство подрывало единство правительства, поскольку премьер-министр, возглавляя кабинет, выступал его координатором и обеспечивал его организационное единство, но был лишен возможности вести свободную кадровую политику (например, для того, чтобы избавиться от неугодного министра*, отправив его в отставку, премьер-министру приходилось распускать весь кабинет). Махровым цветом расцвели межведомственная разобщенность, секционализм, эгоизм, которые приобретали характер хронической болезни административной системы Японии и перекочевали в послевоенный период. Практически состояние «феодальной раздробленности» правительственной системы было зафиксировано на системном уровне.

В этих условиях особенность довоенной модели административной системы заключается в том, что центральное правительство, сосредоточивая в себе широкий спектр властных полномочий, являлось главным объектом политической деятельности в стране. По этой причине основные политические силы добивались своего прямого представительства в кабинете министров. Даже если речь не шла о прямом выдвижении своих представителей в правительство, крупнейшие партии, олигархические структуры, военная верхушка делали максимум возможного для распространения своего влияния на кабинет. Поэтому административная модель довоенной Японии может быть охарактеризована как «модель прямого

представительства». При такой модели формальное существование парламента и политических партий не отражало в полной мере специфику политического устройства страны, в рамках которого произошел сильный перекос в сторону исполнительной власти.

Характерной особенностью довоенной административной модели было то обстоятельство, что главным критерием при формировании кабинетов всегда являлись кланово-земляческие, корпоративно-олигархические интересы. С самого начала мэйдзийских реформ произошла узурпация должностей в кабинете министров представителями отдельных соперничающих группировок, которая продолжалась на протяжении всего довоенного периода. Так, выходцы из кня-

672

жества Тёсю «захватили» прерогативу командования сухопутными силами, княжества Сацума - военно-морским флотом, представители княжеств Хидзэн и Тоса - руководство невоенными отраслями управления. Характерные отношения межкланового противоборства отражались на взаимоотношениях между ведомствами и, соответственно, на выработке государственной политики. Хорошо известный пример постоянного противоборства военного и военно-морского министерств, в частности, проявившегося при выборе пути, по которому пошла японская агрессия в ходе Второй мировой войны, представляет собой один из примеров межведомственной борьбы за власть.

В силу изложенных выше причин главными, ключевыми проблемами довоенной модели японской административной системы являлось урегулирование отношений между ведомствами, унификация позиций, преодоление взаимных противоречий между различными субъектами государственной политики. Особенно необходимость в межведомственном урегулировании возрастала по мере усложнения задач, стоящих перед страной на разных этапах исторического развития (модернизация, приоритетное развитие военных отраслей экономики и т. д.), технократизации управленческих решений, стратификации и узкой специализации различных секторов управления. Данная проблема сохранила свою актуальность и на протяжении всего послевоенного периода, проявляясь в перманентной потребности в усилении организационно-политического начала власти премьер-министра, в содержании полномочных и эффективных обобщающе-координирующих и регулирующих структур при главе исполнительной власти.

Важной особенностью системы государственного управления в послеимэйдзийский период вплоть до окончания Второй мировой войны явился также привилегированный социальный статус бюрократии, реальная роль которой была существенно более высокой, чем просто роль касты управленцев, выполняющих сугубо техническую работу. В отличие от Запада, где становление парламентской системы предшествовало формированию современных моделей государственного управления, освещенных концепциями «легитимного государства», в Японии государственные чиновники, формально подчиненные лишь императору, фактически узурпировали полно-

673

мочия законодательной власти в выработке и оценке государственной политики. Иными словами, в довоенный период в Японии не получила своего развития система политического сдерживания бюрократии, от которой не требовалось доказывать общественности законность и правомерность своих действий.

В послевоенный период административная система Японии прошла следующие этапы развития.

Особенностью *первого этапа - «этапа становления послевоенной административной системы» (1945-1960 гг.)* - явился демонтаж старой и формирование основного контура новой системы центрального государственного управления, принятие соответствующей юридической базы, а также осуществление широкого комплекса политических, организационных, финансовых и иных мероприятий. К их числу относятся:

(1) демонтаж одиозных органов управления, ассоциировавшихся с военно-полицейским режимом и агрессивными войнами;

(2) создание юридической основы, закрепившей статус и установившей нормативы деятельности центральной административной системы;

(3) создание структуры центрального правительства, отвечающей новым потребностям общественного развития;

(4) становление новой, более демократической модели системы государственной службы.

Процесс государственного строительства в указанный период проходил в основном «методом проб и ошибок», как правило, в направлении «сверху вниз», т. е. в форме директивного руководства - со стороны американских оккупационных властей в конце 40-х гг. и со стороны политических руководителей Японии в 50-е гг. Важным итогом первого этапа послевоенного развития административной системы Японии явилось то, что руководству страны удалось создать компактную систему правительства в составе 12 министерств и 8 независимых управлений (численность кабинета министров не превышала 17-20 чел.), костяк которой с 1960 г. уже не претерпевал существенных изменений. Введенные в Конституцию 1947 г. принципы распределения полномочий между ведомствами и коллективной ответственности кабинета министров перед парла-

674

ментом, а также неписаное правило единогласия при принятии решений создали определенный барьер против ведомственного сепаратизма, разъедавшего довоенную административную систему.

В то же время кабинет министров не обладал достаточным организационно-управленческим и экспертно-аналитическим аппаратом и был вынужден полагаться на проекты, подготовленные бюрократией отдельных ведомств, что не позволяло ему вести самостоятельную подготовку или проверку

государственных решений и, таким образом, выполнять свои функции политического органа правительства. Недостаточно последовательной следует назвать и реформу системы государственной службы, которая практически не затронула иерархически-кастовый принцип ее формирования. Отсутствие радикальности и проявление значительной доли консерватизма к реформированию системы государственной службы со стороны американской оккупационной администрации, которая определяла стратегическую линию реформ, следует осмысливать с учетом того обстоятельства, что Союзный совет рассматривал административную систему страны как единственную точку опоры для проведения своей политики. Сыграли свою роль также организационное несовершенство и методологическая незрелость политических партий, которые были «задавлены» довоенными репрессиями и, неожиданно оказавшись в центре общественно-политической жизни, проявляли недостаток опыта в области государственного управления, что не позволяло опереться на них в деле государственного строительства. Наконец, существенным был и вопрос доверия к бюрократии в обществе. Японская общественность послевоенного периода в своей массе искренне верила в «нейтральность» бюрократии, что создавало благоприятную среду для проведения не всегда популярных реформаторских шагов, если эти шаги осуществлялись силами государственных чиновников.

На втором этапе развития административной системы- «этапе структурной оптимизации» (1960-1980 гг.) -главными задачами архитекторов системы государственного управления были рационализация структуры правительства, уменьшение его масштабов и создание законодательных барьеров с целью не допустить бесконтрольного роста вширь. Благодаря последовательной политике «малого правительства» в течение 25-летнего периода политическому руководству Япо-

675

нии давалось с большой эффективностью держать проблему количественного роста правительственных учреждений под контролем. Принятое во второй половине 60-х гг. законодательство позволило обеспечить компактность штатов ведомств и наделило их необходимыми ориентирами для оценки своих кадровых потребностей, что в конечном счете явилось позитивным фактором с точки зрения ограничения административных амбиций правительства. Стабильной оставалась как общая численность основных организационных единиц правительственных учреждений- министерств, управлений, комиссий и канцелярий, колебавшаяся в диапазоне от 40 до 45, так и отдельных секторов (отделов), установившаяся в 60-е гг. на уровне 1200. В результате применения принципа простых количественных ограничений удалось предотвратить опасное разбухание правительственной сферы. Возникшее в результате «малое правительство» с квалифицированным персоналом обрело способность ставить четкие и ясные задачи, определять приоритеты государственной политики, концентрировать усилия на узких участках государственного управления. Другим позитивным моментом явилось определенное оздоровление государственных финансов за счет экономии расходов на персонал органов управления. Японии удавалось ограничить низкую долю его содержания в общих расходах правительства (в 70-е гг. - менее чем 30% от суммы национального дохода по сравнению с 40% в США и до 60% в Дании и Швеции), а также относительно низкие налоговые ставки. В то же время проекты решений, связанные со структурно-организационной основой деятельности системы правительства и прерогативами отдельных ведомств, оказались нереализованными.

Третий этап развития административной системы Японии (1981-1996 гг.) может быть назван «*периодом бюджетно-финансовой рационализации*». Его особенностью явилось то, что во главу угла административной политики в силу объективных обстоятельств, связанных с переживаемыми бюджетной системой страны трудностями, были поставлены те меры по рационализации структуры государственного управления, которые были связаны с сокращением государственных расходов и улучшением структуры государственного бюджета. Наиболее концентрированное и системное воплощение эти меры получили в виде административно-финансовой реформы

676

80-х гг., известной как «реформы Накасонэ», по имени ее организатора и вдохновителя Я. Накасонэ, который с 1982 по 1987 гг. занимал пост премьер-министра и держал политику административной реформы под своим личным патронажем. К их числу относятся: приватизация общественных корпораций (государственных железных дорог JR и телекоммуникационной корпорации NTT), составлявшая конъюнктурную задачу реформы; реформирование национальной пенсионной системы, которое являлось скорее «профилактической» задачей; дальнейшее количественное сокращение правительства и удешевление расходов на его содержание, представлявшие собой долгосрочную макроэкономическую цель реформирования. В то же время задача организационной реформы правительства на основе принципов централизации власти кабинета министров и системного усиления его главы осталась нерешенной и перешла на следующий этап.

Последний, четвертый этап развития административной системы Японии (вторая половина 90-х — начало 2000 гг.) носит название периода «*структурного реформирования*». В повестке дня сферы государственного управления в настоящее время остро стоят следующие проблемы.

Во-первых, это проблема слабости политического лидерства. В рамках кабинетно-парламентской модели государственного устройства глава кабинета министров избирается из числа депутатов нижней палаты парламента и, в отличие от стран с президентским правлением, оказывается сильно ограниченным в «свободе рук», будучи при принятии политических решений вынужденным учитывать расстановку сил в парламенте. Существенно связывают руки премьер-министру и конституционные принципы коллективной ответственности кабинета министров перед парламентом и распределения обязанностей между членами

кабинета. Играя положительную роль с точки зрения разграничения сферы ответственности между главой кабинета министров и его отдельными членами, эти нормы и принципы одновременно блокируют проявление премьер-министром политической воли при принятии важных решений. Важным источником слабости главы кабинета также являются ограничения, налагаемые на него фракционной системой правящей партии, в силу которых он не имеет возможности проводить свободную кадровую политику кабинета министров. Наконец,

677

существуют и чисто организационные ограничители: в послевоенном государственном устройстве глава кабинета не располагал достаточно мощным экспертным и вспомогательным аппаратом, который бы позволил оказывать ему необходимую помощь в разработке политических решений.

Во-вторых, это давняя проблема межведомственного сепаратизма, слабости политического начала в работе правительства. Повышение политической составляющей в решениях исполнительной власти, усиление роли профессиональных политиков в формировании этих решений путем усиления их координирующих и контрольных функций на завершающих этапах согласования проектов решений стало важной целью административной реформы.

В-третьих, это вопрос об открытости административной информации, повышении уровня гласности работы ведомств, создания механизмов предоставления общественности различной информации, включая наиболее острые и болезненные вопросы, связанные с отдельными частными интересами (проведение тендеров на общественные работы, предоставление государственных субсидий и проч.)

В-четвертых, огромную остроту для Японии приобрела проблема дерегулирования, суть которой заключается в поиске методов повышения эффективности государственного управления экономической и социальной жизнью. Ключевыми для данной проблемы являются в первую очередь ее организационно-политические аспекты: какими методами государство должно регулировать рынок и социальную сферу, каким образом должны определяться, утверждаться и контролироваться те или иные ограничения деловой активности, какую форму эти ограничения должны принимать и каков порядок их ослабления.

Система государственной службы

Совокупная доля государственных и муниципальных служащих Японии, как в общей массе населения (3,7%), так и среди занятого населения (менее 7%), представляет собой достаточно низкий уровень по сравнению с большинством западных стран, что является результатом целенаправленной политики обуздания количественного роста государственной служ-

678

бы. Так, установленные в 1967 г. лимиты численности государственных служащих в 1,16 млн. практически не были перейдены середины 90-х гг., несмотря на значительный рост населения страны.

Формирование государственной службы в Японии осуществляется на основе государственных экзаменов. Успешная сдача экзаменов не дает гарантии, но создает необходимую предпосылку для получения низшей должности в одном из трех классов государственных служащих. Первый (высший) класс, являясь относительно немногочисленным (он составляет от 3 до 5% от общего числа чиновников центрального аппарата правительства), формирует корпус т.н. «карьерной бюрократии», которая является элитарной частью государственных служащих, монополизировавшей высшие посты в центральном государственном аппарате (выше начальника отдела). Бюрократия второго и третьего классов занимает в основном технические должности и не претендует на существенный карьерный рост. Принадлежность к какому-либо из трех классов определяет перспективы продвижения по службе, уровень зарплаты, престиж и общественный авторитет.

Карьерную модель бюрократии 1 класса можно охарактеризовать следующими чертами:

- 1) достаточно медленные темпы карьерного роста;
- 2) быстрая ротация и малые сроки пребывания на одной должности;
- 3) ранний выход в отставку.

В рамках этой модели постоянный переход с места на место (в среднем 1 раз в два года) сводит на нет опасность фаворитизма и «блата», уменьшает риск застоя в мышлении и самоудовлетворенности в работе. Снижается и опасность коррупции, поскольку в столь малый срок достаточно трудно установить устойчивые связи с внешними структурами, позволяющие на постоянной основе злоупотреблять служебным положением. В то же время назначенцы на высшие управленческие посты являются неслучайными, опытными и квалифицированными бюрократами, имеющими в запасе многолетний стаж безупречной службы. Каждое новое назначение на более высокую ступень предполагает медленное и поэтапное увеличение ответственности и может быть осуществлено только на основе определенного кадрово-организационного опыта. Такая

679

модель предполагает также отсеивание некомпетентных, ленивых и «несбалансированных по характеру», т. е. неуживчивых лиц. Вместе с тем исключено подсиживание, нездоровая конкуренция на основе выпячивания собственных достоинств и т. д.

Что касается 2 и 3 классов, то модель их карьерного роста характеризуется слабой ротацией, длительным нахождением на одной должности, крайне медленным продвижением по службе. Чиновники 2 класса, как правило, всю свою жизнь работают в одном секторе (отделе), занимая до 10 лет подряд одну и ту же должность, чаще всего - помощника начальника сектора, и выходят в отставку в 60 лет. Крайне редко

бюрократ 2 класса дослуживается до начальника сектора на одном из не приоритетных для данного ведомства направлений. Это обстоятельство помогает чиновнику накопить знаний и стать подлинным экспертом в какой-либо узкой проблеме. В результате на уровне низового подразделения (сектора или отдела) формируется симбиоз двух типов бюрократии, при котором карьерные бюрократы 1 класса, испытывая недостаток в конкретных технологических знаниях, полагаются в решении рутинных вопросов на «ветеранов» из числа чиновников 2 класса. Данная модель проявляет свою жизнеспособность и устойчивость на фоне присущего Японии организационного принципа перенесения тяжести работы по принятию решений на нижние этажи управления при сохранении ответственности за эти решения на верхних этажах.

Модель оплаты труда правительственной бюрократии можно охарактеризовать как «кумулятивную». Для нее характерен плавный и более медленный, нежели в частном секторе, рост основной тарифной ставки работников, наличие определенного качественного скачка в уровне доходов при вступлении в число высшей номенклатуры. Оценка уровня доходов при такой системе носит корректный характер только применительно к длительному отрезку времени, в течение которого длится карьера работника. Наконец, в «кумулятивной модели» большую роль играют дополнительные источники доходов, а также моральные стимулы.

Что касается отставки, то она применительно к «карьерной» бюрократии происходит еще в работоспособном возрасте и закономерно ассоциируется с понятием *амакудари* («схождение с небес»). Этим термином обозначается практи-

680

ка поступления бюрократов после своей отставки на руководящие должности в частном бизнесе, причем в отраслях, которые ранее курировались ведомствами, в которых те работали в период своего пребывания в должности. Несмотря на определенные легальные ограничения на подобную практику¹, она получила в Японии исключительно широкое распространение и приобрела системный характер. Негативная сторона этого явления заключается в том, что бюрократы в период пребывания в должности вынуждены прилагать максимальные усилия для обеспечения себе после отставки места для «мягкой посадки», что сопряжено с неэффективным характером расходования бюджетных средств и появлением новых финансовых проблем для страны. В то же время благодаря возможности устроиться после отставки чиновник имеет дополнительный стимул «держаться за место», не допуская злоупотребления своими служебными полномочиями, что является сдерживающим моментом в отношении открытых проявлений коррупции.

Общие закономерности процесса принятия решений органами государственного управления

В целом японская модель принятия решений (и органы управления не являются здесь исключением) построена, скорее, по патерналистскому, нежели иерархическому принципу. Речь идет о том, что между верхними и нижними слоями принимающих решения лиц формируются отношения, характерные для традиционной семьи: «старшие» берут «младших» «под свою защиту». Одновременно они делегируют им максимальные полномочия по принятию решений, стараясь не вмешиваться в рутинный процесс их подготовки, в то время как «младшие» стремятся выказать свою верность и принимать решения, отвечающие ожиданиям «старших». Эту модель характеризует наличие постоянного информационного обмена между «старшими» и «младшими». Важными этнопсихологическими характеристиками процесса принятия решений явля-

¹ Экс-бюрократ не может в течение 2 лет после своей отставки занимать какие-либо должности в частной компании, с которой он был связан кругом своих служебных обязанностей в течение 5 лет до ухода с должности

681

ются также консенсус и связанный с ним этнопсихологический ареал конформистской коммуникативной культуры.

Что касается традиционных механизмов принятия решений правительственными учреждениями, то здесь важное значение имеют такие аспекты, как традиционно высокий авторитет чиновников в общественном сознании и доверие к ним со стороны общественного мнения. Японская бюрократия считает себя «незаменимой» и с предубеждением относится к альтернативным методам подготовки решений, придерживаясь высокомерного подхода к неправительственным организациям и проявляя скептическое отношение к попыткам политического руководства переместить акценты в механизмах принятия решений в сторону небюрократической компоненты. Следует также учесть и объективные признаки элитарности японской правительственной бюрократии: корпоративную однородность, закрытость и кастовую ограниченность высшей бюрократической прослойки, а также независимость положения бюрократии от политической ситуации.

Среди организационно-структурных факторов процесса принятия решений следует выделить такую особенность управленческой структуры центрального правительства, как «линейная модель» ее организации. Данный тип характеризует наличие четкой иерархической вертикали министерство *се-департамент кеку*- сектор *ка*, проявляющей высокую степень управленческой самостоятельности. Особую самодостаточность при этом проявляют департаменты, которые составляют базовую структурную единицу

административной системы, служащую для формулирования и реализации государственной политики в конкретной области государственного управления. «Линейную модель» структурной организации характеризует относительная узость сферы соприкосновения взаимных интересов между структурными единицами ведомств (и в первую очередь департаментами), что приводит к достаточно низкому уровню взаимодействия, а также к потенциальной конфликтности системы отношений между отдельными департаментами.

Важной особенностью структурной модели правительственных органов является то обстоятельство, что базовой производственной ячейкой, в которой происходит документально-процессуальное оформление проекта решения и которая берет на себя основное бремя координации процесса его дальнейше-

682

го согласования внутри данного ведомства, является сектор *ка*. Процесс подготовки решений внутри сектора характеризует определенная размытость ответственности в отношении отдельных исполнителей за подготовку решений. Этому способствует отсутствие соответствующих нормативных документов, регламентирующих общее распределение обязанностей между рядовыми сотрудниками сектора. Кроме того, большую роль здесь играет система рутинной организации труда внутри сектора, получившая в профильной литературе название «синдрома больших комнат». Характерными ее чертами является такое положение, при котором все сотрудники одного подразделения (сектора или группы) работают вместе в больших помещениях, где даже начальник не имеет собственного кабинета, а вся служебная документация, как правило, является общедоступной в виде стоящих на виду стеллажей с файлами. В рамках такой системы ответственность часто перекидывается от одного сотрудника к другому, что предполагает взаимное перекрывание сферы обязанностей рядовых сотрудников. В результате этого даже на низших звеньях иерархической пирамиды преобладают т.н. «генералисты», т. е. управленцы общего профиля, в противовес «технократам» и «профессионалам», на которых ложится основное бремя ответственности в западных организационных моделях. За счет непрерывной кадровой ротации по признаку ответственности и компетентности в отношении конкретных участков работы, а также постоянной внутрискруктурной коммуникации обеспечивается непрерывная внутренняя интеграция подразделений, их консолидация в качестве цельной управленческой единицы. Наконец, огромную роль в этих условиях приобретают психологические характеристики персонала, связанные с его способностью работать «в единой упряжке». В то же время аморфность индивидуального начала и приоритет работы в группе приводят к тому, что оценить вклад отдельных сотрудников в решение общей задачи оказывается крайне затруднительным.

В числе процедурных факторов процесса подготовки и принятия решений следует выделить те механизмы, которые обеспечивают консолидацию мнений по соответствующему вопросу в среде принимающих решения управленцев. Наиболее важными среди них являются *ринги* и *нэмаваси*.

683

Система *ринги* представляет собой формализованный механизм делопроизводства, предполагающий последовательное прохождение документов с проектом определенного решения через различные структурные подразделения министерства или ведомства. К главным ее особенностям можно отнести то, что она обеспечивает коллегиальность принимаемого решения, позволяющую в максимальной степени учесть мнение всех работников подразделения. В то же время система *ринги* создает предпосылки для делегирования основной части ответственности вниз, а также для ее распыления в низших слоях принимающей решения бюрократической элиты. Содержательная стадия системы *ринги* предполагает выработку контуров проекта решения, предварительное согласование его принципиальных положений, а также определение порядка его документального оформления, степени важности, круга причастных лиц и организаций, с которыми оно должно быть согласовано.

Система *ринги* хорошо ложится в общую логику концепции *нэмаваси* («окучивание корней»), предполагающую обязательность неформального согласования мнений всех заинтересованных участников процесса с целью нахождения компромиссного решения, наиболее приемлемого для большинства, а также обеспечения рациональности и внутренней непротиворечивости проекта решения. Особенностью системы *нэмаваси* является то, что она ставит своей целью не только достижение единства мнений, но и внушение охваченным ею лицам чувства сопричастности процессу принятия решений, а также поддержание духа единения и корпоративной солидарности. Другой характеристикой *нэмаваси* является ее закрытый характер, высокая степень конфиденциальности и непрозрачности для общественного контроля.

Что касается механизмов урегулирования межведомственных противоречий, то согласование проходит в двух плоскостях- горизонтальной и вертикальной. В горизонтальной оно проводится непосредственно под эгидой премьер-министра либо одного из «политических органов» кабинета министров и охватывает в основном центральное руководящее звено министерств и ведомств. В противоположность этому, «вертикальный» тип согласования проходит по вопросам острого межведомственного противостояния. В отличие от «горизонтального» типа, координация здесь носит отчетливо кон-

684

фронтационный характер и проходит одновременно на разных управленческих уровнях: от заведующих секторами до административных вице-министров, которые проводят межведомственные согласительные совещания.

Методы административного регулирования экономической и общественной жизни

Особенностью административной модели Японии в послевоенный период явилась высокая степень участия органов государственного управления в экономической, общественной и частной жизни страны. Во многом это связано с тем обстоятельством, что государство в Японии традиционно не только занималось определением общего развития страны и формированием макроэкономической среды, но и регламентировало отдельные стороны хозяйственной деятельности компаний и банков. Формированию такой модели способствовали особенности японской законодательной системы и правовой среды экономической и социальной жизни, которые наглядно видны в сравнении с зарубежными странами. Так, если за одну парламентскую сессию конгресс США принимает более 1000 законодательных актов, а итальянский парламент - около 400, то японский парламент - лишь около 100. При этом японские законы носят характер значительно более общий, чем во многих зарубежных странах, что оставляет огромный простор для широкой их интерпретации. В результате решение многих конкретных вопросов экономической и социальной жизни производится с помощью различных подзаконных актов, т. е. фактически отдается на усмотрение административной власти. Другим важным источником могущества бюрократии являлась также ее монополия на информацию: действующее законодательство не определяет обязанность бюрократии по своей инициативе раскрывать имеющиеся у нее сведения и не очерчивает детальные рамки, в которых эти сведения должны предоставляться общественности.

Ключевым термином для описания методологии государственного регулирования экономической и социальной жизни на протяжении всего послевоенного периода был принцип «упреждающего администрирования». Общий подход административной власти к процессу регулирования характеризует

ставка

685 на «недопущение» и «предотвращение», в противоположность курсу на решение уже возникших проблем. Причинами широкого применения регулирующих норм явились общие особенности модели взаимоотношений между государством и частным бизнесом, в рамках которой частные компании сознательно соглашались на сохранение различного рода регуляторов, ограничение своей экономической свободы и снижение нормы прибыли в обмен на усложнение процедуры привода на рынки «новичков» и иностранных компаний и, соответственно, снижение уровня конкурентной борьбы в отрасли, гарантирование минимального объема прибыли, обеспечение государственного патронажа при решении многих экономических, юридических, трудовых и прочих вопросов. Подобная модель государственного регулирования экономики получила на политическом сленге название «системы государственного конвоирования».

Наиболее широкое распространение в инструментарии государственного регулирования экономических, социальных процессов и процессов местного самоуправления на протяжении всего послевоенного периода занимали методы неформального бюрократического воздействия, получившие широкую известность как «административное руководство». «Административное руководство» можно определить как метод административного регулирования, не имеющий с юридической точки зрения принудительной силы и опирающийся на ненасильственные мотивационные рычаги. В настоящее время «административное руководство» хотя и ограничило зону своего действия в связи с принятием в 1994 г. «Закона об административной процедуре», продолжает в сочетании с прочими методами административного воздействия широко использоваться в рутинной практике министерств и ведомств.

Ключевую роль в обеспечении взаимосвязей с бюрократией центральных ведомств и бизнес-сообщества играют т.н. «депутатские кланы» (*дзоку*), появившиеся еще в 60-е гг. как парламентские структуры для лоббирования правительственных решений, связанных с бюджетными ассигнованиями. Особая роль *дзоку* в системе госуправления заключается в том, чтобы быть своего рода «брокерами» между правительством и частными компаниями, отстаивая интересы последних в процессе выработки правительственных решений в какой-либо узкой экономической сфере.

686

В целом в послевоенный период центральная администрация всегда предпочитала иметь дело со структурами, достигшими высокой степени институционализации. Отдельные интересы частных компаний, как правило, проходили в рамках таких структур унификацию и, подвергшись модификации, выдвигались в адрес администрации в виде некоего «усредненного» интереса. Общим было правило, что «традиционные» бизнес-группировки, с широким охватом участников и ориентированные на этот «усредненный» интерес, всегда тяготели к бюрократии, в то время как «новые» бизнес-структуры (узкопрофильные объединения бизнеса и профессиональные ассоциации, имеющие узкоспецифические интересы в отдельных отраслях) - к политическим партиям.

Что касается смычки «политика - бюрократия», то комплекс взаимосвязей носит исключительно сложный и масштабный характер. Он реализуется в виде кадровой подпитки политического мира отставными работниками министерств и ведомств, неформального общения между политиками и бюрократами во вне рабочее время, а также с помощью т.н. «двойного механизма» принятия решений, в рамках которого все политические решения, помимо легализованного канала «министерство - кабинет - парламент», проходят параллельное согласование в госаппарате и структурах правящей партии (секциях Совета по политическим вопросам Либерально-демократической партии). Нелегализованные каналы

влияния отдельных министерств на политические решения правящей партии и процедуру прохождения законопроектов, к числу которых относится их лоббистская деятельность через «своих людей» в секциях СПВ и через депутатов клановых группировок в парламентских комиссиях, приобрели в Японии гораздо большее значение, чем прописанные в конституции механизмы.

Специфика японской модели административной системы

Можно выделить следующие характерные черты японской административной системы, определяющие ее специфику относительно основных стран западного сообщества.

687

Во-первых, сюда необходимо отнести парламентско-кабинетную систему правления. Если с точки зрения конституционного права японская модель не имеет сколько-нибудь существенных различий с британской, отчасти австралийской или канадской моделями, то с точки зрения взаимоотношений между самими членами кабинета и между отдельными ведомствами, составляющими основу системы государственного управления, Япония, несомненно, проявляет значительную специфику.

Прежде всего, для японской системы правительства характерно наличие отдельных ведомств, обладающих высоким уровнем самостоятельности и относительной независимости и структурированных по пирамидальному принципу. В довоенный период ведомственные пирамиды замыкались напрямую на министра-члена кабинета, в послевоенный период – на административного заместителя министра. Кабинет министров в рамках такой полипирамидальной модели не выполнял функции центрального органа административного управления, призванного координировать и реально вмешиваться в работу отдельных ведомств, а, скорее, выступал как надстроено-декоративный орган политического представительства, в котором нашел отражение баланс соперничающих между собой группировок правящего лагеря (в довоенной Японии – между кланами выходцев из бывших княжеств, узурпировавших власть в мэйдзийский период (*хамбацу*), в послевоенной – между фракциями ЛДП).

Во-вторых, важным является вопрос об ответственности за принимаемые решения. Управленческая ответственность в японской модели в большей степени ложится на нижние этажи управления, следствием чего является то обстоятельство, что вектор процесса принятия решений идет в направлении «снизу вверх». В этих условиях задача высшего политического эшелона управления в большей степени заключалась в примиренческой координации выдвигаемых отдельными ведомствами проектов решений. Фактически это означает, что руководство работой отдельных ведомств на политическом уровне, передача им установок в отношении административной политики было трудноосуществимой, а в некоторых случаях и невозможной задачей.

В-третьих, большое значение имеет способность национальной административной (бюрократической) элиты учиты-

688

вать в своих решениях интересы различных социальных и экономических групп. В послевоенной Японии произошел переход от чисто бюрократической системы правления к системе партийно-политического правления, в рамках которой существовали параллельные механизмы принятия решений в структурах ЛДП (Совет по политическим вопросам) и правительства (отдельные ведомства). Согласование интересов отдельных общественных слоев и экономических группировок происходило с помощью т. н. «железных треугольников» (корпоративные группировки- «депутатские кланы»- ведомства). Необходимым условием для эффективного функционирования такой системы явилась институционализация многоплановых социальных и корпоративных интересов с помощью хорошо структурированных «групп по интересам», способных выполнять политические заказы своих клиентов и представлять их интересы в диалоге с правительством и политиками.

Такая ситуация стала возможной на фоне общей незрелости политических партий, проявивших свою неспособность в деле определения приоритетов государственной политики. При этом дело заключалось не только в том, что в рамках «системы 1955 г.» все партии, за исключением ЛДП, оказались в реальности отстраненными от процесса принятия важных политических решений и были вынуждены довольствоваться ролью пассивного получателя информации об их подготовке уже на окончательной стадии. В целом от политических партий (за исключением КПЯ) не потребовалось больших усилий в выдвижении программных установок и завоевании симпатий среди избирателей по программно-идеологическому признаку. В этих условиях постоянно возрастала роль административной власти, а точнее – центрального правительства, в выдвижении национальных задач, постановке проблем, определении угроз и методов их устранения, т. е. в выполнении функций, в своей основе имеющих политический характер. Иными словами, административная сфера в рамках такой модели проявляла свою сущность прямого объекта политического процесса.

Следует учесть и специфическую для Японии общую традицию недоверия к политическим партиям при сохранении правительством высокого общественного кредита. В довоенный период идеи власти императора и высокий авторитет бюрократии были не просто навязаны народу правящей верхуш-

689

кой, но и нашли значительный отклик среди населения. В послевоенный период, несмотря на все успехи демократизации данного периода, политические партии так и не смогли завоевать широкую общественную поддержку и превратиться в подлинно массовые общественные организации. В этих условиях именно национальная бюрократия представлялась значительной части граждан наиболее

грамотной и передовой частью общества, способной искать и находить верный курс.

В то же время сложившаяся система взаимоотношений бюрократии и политики, бюрократии и общества имеет ряд системных изъянов, которые не были устранены в ходе целого ряда административных реформ послевоенного периода. Механизмы рекрутирования и взращивания бюрократии, специально сформулированные в послевоенный период под влиянием американских консультантов таким образом, чтобы исключить влияние политических партий на кадровую политику административных органов, объективно углубляли пропасть между узкой кастой управленцев и основной частью общества. Отсутствие действенного политического контроля над бюрократией в рамках «системы 1955 г.» усиливает ее элитарный, изолированный от общества характер, что в конечном счете не могло не привести к кризису управления, особенно обострившемуся к середине 90-х гг.

В-четвертых, особенностью развития японской административной системы послевоенного периода явилось то обстоятельство, что оно главным образом шло в направлении «малого правительства» и постоянного ограничения его количественных параметров при сохранении существенных полномочий в области государственного регулирования. Теория и практика государственного строительства в послевоенной Японии, таким образом, в большей степени основывалась на фридмановской концепции неолиберализма, предполагающего минимум вмешательства государственной власти в социальную сферу, нежели на концепции «государства социального благоденствия». При этом важно и то, что в Японии сознательный выбор в сторону отказа от количественного и качественного усиления центрального аппарата государственного управления сделала сама политическая элита страны. Если в США и многих западноевропейских странах идея «большого правительства» выглядела бы естественной с точки зрения

690

придания политическому руководству дополнительных политических ресурсов для удержания и укрепления власти, то в Японии сложился определенный консенсус между правящей ЛДП и оппозиционным лагерем о нежелательности административной экспансии министерств и ведомств вширь.

Можно выделить несколько причин приоритета неолиберальных концепций государственного строительства. Прежде всего, в общественном мнении Японии сложилось определенного рода неприятие идеи сильного налогообложения, которое лежит в основе всех социально ориентированных моделей государства. С середины 50-х гг. в обществе стало превалировать убеждение, что малые налоги являются куда более важным условием благосостояния отдельных граждан, нежели активная и хорошо институционализированная социальная политика государства. Повышение налогов всегда выступало исключительно болезненным политическим выбором для руководства ЛДП, которое было вынуждено отказываться от этой меры даже в условиях острейшего кризиса государственных финансов конца 70-х гг.

Далее, идея «сильного государства» в Японии, в отличие от западноевропейских стран, не имела характерного для нее политизированного контекста этатистско-патриотического оттенка, характерного скорее для идеологий левого или крайне правого политических спектров. Следует учесть также, что в Японии не сложилось большого и хорошо организованного слоя государственных служащих, который является социальной основой для распространения подобной идеологии. На подсознательном уровне играло свою роль и критическое осмысление итогов военной катастрофы, которая во многом ассоциировалась с существованием «сильного» тоталитарного государства, доминированием государственных чиновников во всех областях общественно-политической и экономической жизни, этатистской идеологией и т. д. Если в Западной Европе правящая партия правого толка нередко находилась в конфронтации с объединенным фронтом центрального правительства и левой оппозиции, поддержанной профсоюзами государственных служащих, то в послевоенной Японии, наоборот, более типичной была ситуация, когда оппозиция противостояла центральному правительству, которое однозначно ассоциировалось с ЛДП.

691

Наконец, существенную роль играл в Японии консенсус в обществе, достигнутый по вопросу о том, какой должна быть роль государства. Особенно важной для этого консенсуса была позиция японского бизнеса, который однозначно поддерживал все попытки реформирования госаппарата, а в некоторых случаях оказывал политике кабинета министров необходимую организационную поддержку (руководителями политических штабов административной реформы неизменно были авторитетные представители крупного бизнеса). Позиция деловых кругов заключалась в том, что только компактное, эффективное и прозрачное правительство, свободное от коррупции, будет способно обеспечить квалифицированное регулирование экономики и конкурентоспособность японской продукции на мировых рынках. Кроме того, малые размеры правительства позволяли экономить значительную часть налоговых поступлений для их инвестирования в малоприбыльные проекты развития инфраструктуры, устранения непропорциональности в развитии отдельных регионов страны и т. д., что было положительным фактором с точки зрения макроэкономической конъюнктуры, а следовательно, отвечало интересам бизнеса. Всестороннюю поддержку деловых кругов снискали и меры по оздоровлению государственных финансов, неоднократно предпринимавшиеся на протяжении всего послевоенного периода. Таковой была, в частности, сбалансированная бюджетная политика кабинетов активного приверженца идеи «малого правительства» С. Ёсида, позволившая подготовить почву для экономического роста 60-х гг., а также политика «бюджетных потолков» кабинетов Д. Судзуки - Я. Накасонэ первой половины 80-х гг., способствовавшая улучшению макроэкономической ситуации в стране, и т. д.

В-пятых, следует отметить некоторые принципиальные особенности сложившейся в Японии в послевоенный период ситуации в сфере административного реформирования. Нельзя не признать

специфику общего лейтмотива административной реформы в Японии. Если в англо-саксонском варианте административная реформа всегда шла в направлении «защиты прав индивидуума против государственной власти», то в Японии больший вес приобрели идеи «государственной власти в интересах общественного развития». Иными словами, конечной целью реформы выступали не интересы отдельных рядо-

692

вых граждан, которым никогда не отдавался приоритет на протяжении всех исторических этапов развития, но интересы общества в целом, основанные на стремлении не проиграть в жестком соперничестве за лидерство в мировом сообществе. Япония оценивала свою административную сферу прежде всего с позиций того, насколько она соответствует общегосударственным задачам, а не интересам отдельного индивидуума.

Другой особенностью японской модели административной реформы явилось то обстоятельство, что с 80-х гг. ее темпы были в Японии гораздо более медленными, нежели в США и Западной Европе. Если на Западе реформа проходила на фоне обострившегося экономического кризиса конца 70-х - начала 80-х гг. и потому шла достаточно быстро, в Японии, где экономическая ситуация в 80-е гг. была хорошей, процесс реформ продлился на несколько десятилетий и не носил лавинообразного и радикального характера. Отставание Японии в темпах можно объяснить также особенностями внешнеэкономической среды: Японии в ходе проходивших в 80-е и 90-е гг. торговых войн удалось оградить, свой рынок от зарубежной продукции и, таким образом, затянуть процесс дерегулирования экономики.

В-шестых, с полным основанием к специфике японской административной модели следует отнести и такой механизм регулирования общественных процессов, как система пресловутых «железных треугольников». Если само существование этой системы не представляет уникального для Японии явления и характерно для многих стран с развитой политической системой, то взаимоотношения администрации и деловых кругов, администрации и политической власти в рамках этих треугольников, несомненно, имеют много уникальных черт. Речь идет о масштабах т.н. «серой зоны», под которой понимается сфера взаимно переплетающихся интересов бюрократии, политических кругов и частного бизнеса. К числу характерных черт японской модели следует отнести также непрозрачность, правовую неопределенность и неподконтрольность со стороны общественности всего процесса государственного управления, значительная часть которого проходит в скрытых, а зачастую -и нелегитимных формах.

В-седьмых, еще одной характерной чертой послевоенной системы государственного управления можно считать дуали-

693

стический характер механизмов принятия решений, в рамках которых укоренилось причудливое сочетание разнообразных формальных и неформальных методов рутинного согласования. При этом неофициальные, т. е. нелегитимизированные механизмы принятия решений через Совет по политическим вопросам ЛДП, «депутатские кланы», а также неформальные коммуникативные методы в системе взаимоотношений «бюрократия - политика - деловые круги» оказались не менее, а зачастую и более важными и значимыми, чем официально признанные конституционные каналы, предполагающие проведение проектов решений через структуры кабинета министров и при необходимости - парламента. В этих условиях в послевоенный период в Японии произошла существенная теневилизация административной сферы. С учетом низкого уровня законодательного регулирования большинства общественных и экономических процессов и, соответственно, усиления роли бюрократической компоненты в процессе принятия решений, в сочетании с невыраженностью альтернативных бюрократии источников инициативы, административная система страны оказалась нежизнеспособной перед лицом новых задач, вставших перед Японией накануне нового тысячелетия.

В целом японскую модель административной системы можно охарактеризовать как «мобилизационную». Для нее характерны высокий уровень централизации власти в руках узкой группы профессиональных управленцев (высшей карьерной бюрократии), слабый уровень правовой регламентации процесса принятия решений и значительная степень произвольности мотивации этого процесса, низкий уровень конкуренции со стороны политических и иных небюрократических институтов за право голоса в принятии решений и относительно высокая, по сравнению с большинством западных демократий, роль бюрократической компоненты в системе государственного управления. Не случайно большинство японских авторов во многом справедливо ассоциируют нынешнюю административную модель с «системой 1940 г.», созданной для нужд военного времени.

В период высоких темпов экономического роста «мобилизационная модель» административной системы, вне всякого сомнения, служила позитивным фактором общественного развития, поскольку она позволяла государству административ-

694

ными методами концентрировать финансовые и экономические ресурсы в приоритетных областях и, таким образом, с большей эффективностью добиваться поставленных целей. Вместе с тем высокий уровень участия государства в деловой жизни и сокращение сфер действия рыночных механизмов во многих ключевых отраслях приводили к тому, что целые сектора японской экономики оказались практически в полной зависимости от бюрократических решений. Именно эти отрасли, в полной мере испытывавшие на себе все «прелести» «конвоирования» со стороны государства (в первую очередь банковско-финансовая сфера, строительство, предприятия инфраструктуры и проч.), оказались в 90-е гг. в наиболее глубоком кризисе и потянули на дно всю экономику страны.

Исключительно негативную роль «мобилизационная административная система» сыграла и в отношении политической сферы. Чтобы получить государственную поддержку в условиях нерыночности (или ограниченной рыночности) деловой среды, многие компании оказались вынужденными обращаться за помощью к политикам. В качестве платы за посреднические услуги в диалоге «бизнес- государство» политики стали требовать пополнения своих политических фондов. Искусственное накачивание политической сферы корпоративными фондами, ужесточение процесса конкуренции между отдельными кандидатами в депутаты на парламентских выборах, которая проявлялась прежде всего как соревнование «денежных мешков», и, как следствие этого, усиление коррупционности самой политической сферы - вот те издержки мобилизационной административной системы, которые на протяжении многих десятилетий искажали многие ценностные ориентиры демократии в стране.

695

В. И. ДЕНИСОВ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (РК И КНДР)

Освобождение Кореи Советской Армией от японского колониального господства открыло перед народом этой страны возможность мирного созидания в едином государстве. Однако острая конфронтация между противоположными идеологическими лагерями, между СССР и США, не позволила создать на Корейском полуострове единое государство. В мае 1948 г. на Юге была провозглашена Республика Корея, а в сентябре того же года на Севере - Корейская Народно-Демократическая Республика. Корейская война 1950-1953 гг. усугубила раскол страны и жесткую военно-политическую конфронтацию между Севером и Югом Кореи. Два корейских государства приняли на вооружение противоположные социальные и политические системы. Республика Корея, пройдя через 30-летнее господство военных диктатур, встала на путь демократического развития и рыночной экономики. КНДР на протяжении более 50 лет сохраняет тоталитарную политическую систему власти и так называемую социалистическую модель развития экономики. Вместе с тем существующие в РК и КНДР противоположные общественные системы базируются на национальной специфике и общих исторических корнях. Идеи конфуцианства, приоритет общественного над личным, строгая иерархическая система управления во многом определяют функционирование государственных механизмов и РК, и КНДР.

Понятно, что США и СССР оказали решающее воздействие на формирование политических режимов в обоих корейских государствах. Южная Корея заимствовала американский опыт, Северная Корея - советский. Однако по мере развития государственности на Юге и Севере политические системы «кореизировались», наполнялись национальным содержанием. Наиболее четкие очертания это приобрело в КНДР, где «кореизация» народно-демократической модели развития привела к созданию так называемого «чучхейского социализма» («социализма корейского типа»).

696

Республика Корея Особенности конституционного развития РК

Первая Конституция Республики Корея утверждена Конституционным собранием 17 июля 1948 года. 15 августа 1948 г. было провозглашено образование Республики Корея и избран первый президент РК, которым стал Ли Сын Ман.

После этого Конституция РК изменялась 9 раз (1952 г., 1954 г., дважды в 1960 г., 1962 г., 1969 г., 1972 г., 1980 г. и в 1987 г.). Ряд этих изменений был связан с серьезными потрясениями в политической жизни страны. Так, изменения 1960 г. были вызваны «студенческой революцией» и свержением Ли Сын Мана; изменения 1962 г. создали юридическую базу для режима Пак Чхон Хи.

Первый конституционный президент избирался однопалатным Национальным собранием. Первая поправка 1952 г. предусматривала избрание президента общенародным прямым голосованием, а также создание двухпалатного парламента. Поправка 1954 г. вводила пост вице-президента. В июле 1960 г. поправки, принятые после свержения режима Ли Сын Мана, вводили парламентскую систему правления, в которой премьер-министр являлся главой исполнительной власти, а избранный общенародным голосованием президент - главой государства и главнокомандующим вооруженными силами. Четвертая поправка в ноябре 1960 г. позволила Национальному собранию принимать законы, имеющие обратную силу, с целью наказать виновных в преступлениях периода лисынмановского режима.

Кардинальное изменение конституции в 1962 г. в результате военного переворота после прихода к власти Пак Чхон Хи отменило эти нововведения, возвратив президентскую систему правления и однопалатный парламент.

После переворота 15-16 мая 1961 г. был создан Военно-революционный комитет (позже переименованный в Высший Совет государственной реконструкции - ВСГР), введено военное положение, запрещено проведение митингов и демонстраций. 6 июня 1961 г. был издан указ о чрезвычайных мерах по реконструкции государства, заменивший конституцию. Согласно этому документу верховным органом стал ВСГР. Кроме того, закон широко трактовал понятие нарушения безопасно-

697

сти государства, давая, таким образом, возможность проводить репрессии против оппозиции. В декабре 1961 г. на референдуме была одобрена новая конституция (вступила в силу в 1962 г.), которая значительно расширяла полномочия президента: президент имел право назначать

премьер-министра и Кабинет министров, подписывать и ратифицировать договоры, объявлять войну и т. д. Парламент стал однопалатным. В

1963 г. была сформирована Демократическая республиканская партия (ДРП), кандидатом от которой на президентских выборах стал Пак Чжон Хи; ее основным конкурентом была партия Демократического правления во главе с бывшим президентом Юн Бо Соном. В результате президентских и парламентских выборов президентом был избран Пак Чжон Хи; большинство мест в парламенте получила ДРП. Пак Чжон Хи начал глубокие реформы, основным содержанием которых явилось усиление регулирующей роли государства в политической и экономической сферах.

При Пак Чжон Хи Южная Корея была суперпрезидентской республикой. Согласно конституции 1962 г. президент мог переизбираться только один раз. В 1969 г. в конституцию была внесена поправка, позволяющая избираться президентом на три срока. На выборах 1971 г. Пак Чжон Хи вновь одержал победу, хотя, как полагают многие, выборы были фальсифицированы.

17 октября 1972 г. Пак Чжон Хи объявил в стране чрезвычайное положение. В Сеул были введены войска, партии и Национальное собрание распущены, действие конституции приостановлено. 21 ноября 1972 г. на референдуме была одобрена новая конституция. По своему содержанию она была антидемократичной, сильно ограничивались свободы граждан. Президент избирался не на шесть лет прямым голосованием, а коллегией выборщиков на любое количество сроков. Парламент был заменен Национальной конференцией. Был принят также новый закон о выборах и политических партиях, который отвергал любую оппозицию режиму. Все эти нововведения получили название «реформы октябрьского обновления» («юсин»). 23 декабря Пак Чжон Хи стал президентом. Новый режим стал абсолютно авторитарным; подавлялись любые проявления инакомыслия, личная жизнь граждан строго регламентировалась. В стране была введена система взаимной от-

698

ветственности и слежки. В 1974 г. были приняты новые чрезвычайные правительственные декреты, запрещавшие любую критику конституции, вводились военные трибуналы, широко применялась смертная казнь и пожизненное заключение.

Характерной чертой режима Пак Чжон Хи стало проникновение армии во все эшелоны власти. В правительстве преобладали офицеры, которые занимали также руководящие посты в основных отраслях национального хозяйства. Это позволяло президенту управлять страной, не считаясь с общественным мнением. Этот фактор, тем не менее, способствовал экономическому развитию страны, снижению коррупции во властных структурах.

После убийства Пак Чжон Хи 26 октября 1979 г. в стране начались бурные процессы, завершившиеся приходом к власти военного режима Чон Ду Хвана. Скорректированная конституция предусматривала занятие президентом своего поста в течение одного семилетнего срока, сохраняя систему коллегии выборщиков (тем самым гарантировалось избрание Чон Ду Хвана).

Значимые изменения были проведены президентом Ро Дэ У в 1987 году. В частности, были восстановлены прямые общенародные выборы президента, а срок его полномочий был ограничен пятью годами.

Восстановлено право Национального собрания (избираемого сроком на четыре года) осуществлять парламентские инспекции государственных органов, декларирована большая независимость органов правосудия.

Ныне действующая с 1987 г. конституция состоит из преамбулы, десяти глав (130 статей) и шести дополнительных статей. Эти главы регулируют вопросы прав и свобод граждан, функционирования Национального собрания, исполнительной власти, системы правосудия, Конституционного суда, избирательной системы, системы местного самоуправления, экономики. Согласно конституции Республика Корея - демократическая республика, суверенитет которой исходит от ее народа, которому гарантированы основные права и свободы (равенство перед законом независимо от пола, религии, социального положения, защищенность от произвольного ареста, свобода передвижения и выбора места жительства, право принимать участие в голосовании и занимать выборные должности, право получить юридическую помощь в случае ареста или задержа-

699

ния, право судебного рассмотрения законности ареста или задержания, право на тайну переписки, свобода совести, слова, прессы и собраний).

Помимо гарантированных основных прав и свобод, Конституция РК провозглашает, что государство должно предпринимать меры для обеспечения граждан РК возможностью проживать в незагрязненной среде обитания, получать начальное образование и продолжать его, иметь работу и минимальный заработок, получать социальную помощь в случае инвалидности, охранять неприкосновенность частной жизни. В конституции содержатся гарантии частной собственности, права на труд, выбора профессии, права на заключение коллективных договоров. Основной закон, вместе с тем, предусматривает возможности ограничения экономических прав граждан в случае общественной необходимости, одновременно вводит конституционную обязанность платить налоги.

Предложения об изменении конституции могут быть внесены президентом или большинством Национального собрания. Национальное собрание обязано принять решение по этим предложениям в течение 60 дней, причем требуется квалифицированное (2/3) большинство голосов. Кроме того, для введения изменений конституции в действие требуется одобрение простым большинством голосов на

общенародном референдуме в течение 30 дней после принятия соответствующего решения Национальным собранием, причем в голосовании должны принять участие не менее половины имеющих право голоса.

В Конституции РК содержится ряд особенностей, отличающих ее от основных законов других государств.

В главе 1 «Основные положения» есть ряд моментов, специфических именно для Кореи.

Статья 3 определяет территорию РК как территорию всего Корейского полуострова. КНДР фактически рассматривается как незаконное государственное образование.

Статья 4 обязывает государство стремиться к объединению страны в соответствии с принципами свободы и демократии.

Статья 6 предусматривает равное действие на территории страны внутренних законов и международных договоров.

Статья 8 предусматривает защиту со стороны государства политических партий и их финансирование за счет государства.

700

Глава II «Права и обязанности граждан» также включает ряд особых положений.

Статья 20 конституционно закрепляет отсутствие государственной религии и отделение церкви от государства.

Статья 21 провозглашает отсутствие цензуры, вместе с тем предусматривает наличие законодательства, определяющего стандарты функционирования прессы.

Статья 23 содержит определенные ограничения частной собственности «во имя общественного блага».

Статья 27 предусматривает ряд случаев, когда граждане, не являющиеся военными, могут быть отданы под трибунал (военно-полевой суд).

Статья 31 обязывает родителей давать детям по крайней мере начальное образование, которое должно быть бесплатным, при этом государство гарантирует профессионализм и политическую беспристрастность.

Статья 32 гласит, что государство будет пытаться предоставить рабочие места и обеспечить оптимальную заработную плату. Но при этом обязывает всех граждан работать. Предусматривается защита со стороны государства работающим женщинам и детям.

Право на коллективные действия работников оборонных предприятий может быть ограничено или вообще отменено.

Статья 119 предусматривает «регулирующую и координирующую» роль государства в экономике, статья 120 - лицензирование со стороны государства отдельных видов экономической деятельности, статьи 121-123- государственное регулирование аграрных отношений (и рыболовецкой отрасли), статья 125 - регулирование и координацию внешней торговли.

Законодательная власть

Главным законодательным органом РК является однопалатное Национальное собрание (НС).

В состав НС РК входят 273 депутата, из которых 227 избираются по одномандатным территориальным округам, а 46 мест распределяется между политическими партиями, получившими не менее 5 мест в округах, пропорционально общему числу голосов, поданных за их кандидатов по всей стране. Срок полномочий депутатов 4 года. В выборах участвуют гра-

701

ждане РК не моложе 20 лет. В НС может быть избран гражданин не моложе 25 лет.

Депутаты не могут занимать иных постов, пользуются иммунитетом в период сессий (кроме случаев поимки с поличным). Депутаты не могут привлекаться к ответственности за высказывание мнения в Национальном собрании (кроме оскорбления и клеветы).

По итогам состоявшихся в апреле 2000 г. выборов в Национальное собрание РК большинство получила оппозиционная Партия великой страны (ПВС)- 133 мандата. У правящей Демократической партии нового тысячелетия (ДПНТ) - 115 мест. Объединение либеральных демократов (ОЛД) получило 17 мандатов. Независимые кандидаты имеют 8 мест в парламенте.

Исполнительная власть

Президент

Президентская форма правления считается в РК наиболее подходящей для конкретно-исторических условий страны. Планы президента Ким Дэ Чжуна перейти к парламентской форме правления, которые строились в предвыборный период в целях привлечения к союзу консерваторов во главе с Ким Чжон Пхилем, остались не реализованными.

Президент РК является главой государства и представляет РК в сношениях с другими государствами. Он также является главой исполнительной власти и верховным главнокомандующим вооруженными силами. В случае смерти или неспособности президента исполнять свои обязанности функции временного главы государства исполняют премьер-министр или, в случае необходимости, один из членов Государственного совета в соответствии с законодательно установленным порядком передачи власти.

Президент избирается на один пятилетний срок всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Основные направления деятельности президента:

1. Президент является гарантом конституции, независимости, территориальной целостности государства.

2. В качестве главы исполнительной власти президент вводит в действие все законы, принятые законодательной ветвью, издает соответствующие указы. Президент руководит

702

правительством и другими органами исполнительной власти. Он назначает высших чиновников, включая премьер-министра и руководителей правительственных ведомств.

3. В качестве верховного главнокомандующего президент имеет право объявления войны, имеет высшую власть над вооруженными силами и в области военной политики.

4. Согласно нынешней политической практике президент РК является лидером правящей партии. Он производит назначения в руководстве партии, консультируется с руководителем правящей партии по назначениям в правительстве.

5. Президент обладает правом законодательной инициативы: он может вносить законопроекты в Национальное собрание, высказывает свою точку зрения (письменно или устно) законодательному органу. Президент не имеет права распустить парламент.

6. Президент обладает широкими полномочиями в чрезвычайных ситуациях, в случае гражданских беспорядков, внешней угрозы, природных катастроф или серьезных экономических и финансовых кризисов. Президент обязан принять соответствующие меры, включая издание указов прямого действия. Однако к таким действиям он может прибегнуть только в случае, когда нет достаточного времени для созыва Национального собрания, и эти меры необходимы для сохранения общественного порядка и защиты национальной безопасности. Однако в последующем он обязан получить одобрение парламента на предпринятые им меры: в противном случае его указы будут признаны не имеющими силу.

7. Президент имеет право объявить чрезвычайное положение в соответствии с действующим законодательством в случае войны, вооруженных столкновений или иной чрезвычайной ситуации. Сохранение чрезвычайного положения, однако, также нуждается в одобрении парламентом.

Правительство

Исполнительная власть РК организована в составе двух десятков отраслевых министерств, около двадцати отдельных агентств и управлений.

Высшим органом исполнительной власти является Государственный совет, председателем которого по должности является президент, а заместителем председателя- премьер-

703

министр. В состав Госсовета входят главы ведомств в ранге министров, их число не менее 15, но не более 30. Госсовет является консультативным органом, обсуждающим и готовящим рекомендации по важнейшим государственным вопросам для президента. Согласно ст. 89 Конституции, на рассмотрение Госсовета должны выноситься следующие вопросы:

- принципиальные направления государственной политики и работы исполнительной власти;
- вопросы войны и мира и другие важнейшие вопросы внешней политики;
- проекты поправок к конституции, предложения об общенациональных референдумах, важнейшие законопроекты и проекты указов президента, международных договоров;
- важнейшие финансовые вопросы: проекты госбюджета, вопросы распоряжения госсобственностью, крупных контрактов, предусматривающих гособязательства и т. п.;
- указы президента об объявлении чрезвычайного положения, чрезвычайных финансово-экономических мер;
- важные военные вопросы;
- созыв внеочередных сессий парламента;
- награждение, амнистия, реабилитация;
- анализ выполнения основных направлений государственной политики;
- возбуждение дела о роспуске политической партии;
- рассмотрение жалоб и петиций;
- назначение Генерального прокурора, руководителей государственных университетов, послов, главнокомандующих родами войск и ряда других крупных госчиновников.

Местное самоуправление

В соответствии со статьей 17 Конституции Республики Корея местные органы управления ведают вопросами социального обеспечения местного населения, управляют собственностью, а также устанавливают нормы и правила, касающиеся местного самоуправления в пределах компетенции, определенной соответствующими законами и указами. Однако до 1995 г., когда впервые состоялись выборы губернаторов и мэров, это положение оставалось не более чем декларацией. Органы местного самоуправления до этого момента являлись ни-

704

зовыми подразделениями центрального правительства, их руководители назначались.

Местная исполнительная власть

Местные органы власти исполняют следующие функции:

- функции, делегированные ей центральным правительством;
- управление госсобственностью;
- введение и сбор местных налогов и пошлин;
- регулирование сферы обслуживания и торговли;
- другие административные вопросы местного уровня.

26 марта 1991 г. впервые за 30 лет в Корею прошли выборы в местные советы территориально-административных единиц нижнего уровня, а в июне 1991 г. - в более крупных территориально-административных единицах. Новая редакция Закона о местном управлении расширяет полномочия местных советов и дает им возможность инспектировать и проверять деятельность местных органов управления.

В настоящее время насчитываются 16 административно-территориальных единиц провинциального уровня (включая города-метрополии) и 235 органов местного самоуправления муниципального уровня: 72 городских (си), 94 уездных (кун), 69 районных (ку) в городах-метрополиях. В их состав входят неавтономные территориальные единицы квартального уровня (с населением от 5 до 20 тыс. человек: донг - в городах, ып и мен - в сельской местности).

Структура провинциальных органов власти сходна со структурой центрального правительства. Муниципальные органы власти в пределах своей компетенции занимаются решением всех вопросов жизни территории.

Судебная система

В РК действуют суды трех уровней: Верховный суд, высшие суды (промежуточная апелляционная инстанция) и окружные суды (суды первой инстанции), филиалами которых являются т.н. отраслевые (или кустовые) и муниципальные суды. Окружные и высшие суды создаются по географическому принципу. В РК имеется пять высших судов (Сеул, Пусан, Тэгу, Кванчжу и Тэчжон), 12 окружных, 42 кустовых и 105 муниципальных судов.

705

Закон о судебной системе предоставляет судам общее право на рассмотрение всех гражданских, уголовных, административных дел, а также дел, связанных с нарушениями законодательства о выборах, и любых других, определенных корейским законодательством. В армии создаются военные трибуналы для рассмотрения дел о воинских преступлениях.

Верховный суд является высшей судебной инстанцией государства. Он состоит из председателя Верховного суда и тринадцати судей.

Как суд последней инстанции Верховный суд принимает к рассмотрению апелляции по приговорам и решениям, вынесенным высшими судами, апелляционными слушаниями окружных судов и военными трибуналами.

Высшие суды являются промежуточной апелляционной инстанцией в отношении решений или приговоров окружных судов, вынесенных коллегией из трех судей. Одновременно они могут являться судами первой инстанции при рассмотрении некоторых видов дел об административных правонарушениях.

Дела в высших судах рассматриваются коллегией в составе трех судей.

К специализированным видам судов относится *семейный суд* (он существует только в Сеуле), рассматривающий семейные дела и случаи правонарушений со стороны несовершеннолетних. К юрисдикции семейного суда относятся все семейные споры и конфликты, имеющие правовое значение. При рассмотрении этих дел широко применяется согласительная процедура.

На периферии функции семейных судов исполняют окружные суды.

В Сеуле с 1966 года действуют два новых специализированных суда: патентный и административный. Патентный суд занимается разрешением споров в области патентования и проверкой заключений Корейского института промышленной собственности, отвечающего за правовые аспекты патентной работы. Административный суд рассматривает дела об административных правонарушениях.

Окружные суды, находящиеся в Сеуле и одиннадцати крупных городах, прежде всего в провинциальных центрах, обладают как уголовной, так и гражданской юрисдикцией. До 1995 г. в Сеуле действовали два раздельных окружных суда-

706

по уголовным и гражданским делам, которые затем были объединены в один.

К юрисдикции окружных судов относятся также дела о регистрации собственности, реорганизации или ликвидации корпораций и о банкротстве.

В судах РК применяются два способа рассмотрения дел -либо одним судьей, либо коллегиально - тремя судьями. Суд присяжных не используется.

В кустовых и муниципальных судах дела рассматриваются только одним судьей, назначаемым председателем Верховного суда из числа судей соответствующего окружного суда. К юрисдикции этих судов относятся гражданские иски на сумму не свыше 10 млн. вон, а также малозначительные преступления и административные правонарушения, за которые может быть назначено наказание не свыше одного месяца ареста или штраф не более 200 тыс. вон.

В РК насчитывается около 1500 судей, в том числе в Верховном суде - 14 членов Верховного суда (включая председателя) и 47 судебных исследователей, в высших судах - 220. В судах первой и второй инстанций помимо должности председателя суда имеются также должности старших судей, имеющих право возглавлять судебную коллегию. ,

Срок пребывания судей в должности определен законом в 10 лет (для членов Верховного суда - 6 лет), однако имеются случаи назначения судей на повторный срок, за исключением председателя Верховного суда, повторное назначение которого не допускается. Предельный возраст пребывания в должности для председателя Верховного суда - 70 лет, для членов Верховного суда - 65, для других судей - 63 года.

Независимость судей и их политический нейтралитет гарантируются законодательно. В частности, Законом о судебной системе предусмотрено, что судья не может в течение срока полномочий быть отстранен от должности, за исключением случаев совершения им уголовного преступления; судья может быть подвергнут дисциплинарному наказанию или понижению в зарплате только по решению дисциплинарной комиссии Верховного суда; на срок полномочий ограничивается участие судей в политической деятельности.

Верховная прокуратура - главный прокурорский орган, возглавляется Генеральным прокурором. Она управляет глав-

707

ными, окружными и районными прокуратурами. Все учреждения прокуратуры находятся в ведении министра юстиции, который, однако, не имеет права контролировать отправление правосудия прокурором, кроме оговоренных законом случаев.

Генеральный прокурор назначается президентом из числа специалистов, имеющих юридический стаж не менее 15 лет. Остальных прокуроров назначает министр юстиции.

Конституционный суд

В функции Конституционного суда входит принятие решений о конституционности законов, импичменте, роспуске политических партий, урегулировании споров между государственными организациями и ведомствами, между госведомствами и органами местного управления.

Конституционный суд состоит из 9 судей, назначаемых президентом. При этом трое назначаются из числа лиц, предложенных Национальным собранием, а кандидатуры еще трех выдвигает Верховный судья. Глава Конституционного суда назначается президентом с согласия Национального собрания.

Срок полномочий судей - 6 лет, с возможностью повторного назначения, в течение которых они не могут состоять в каких-либо политических партиях и заниматься политической деятельностью. Судьи не могут быть смещены с должности, кроме случаев импичмента, тюремного заключения. Для принятия соответствующего решения необходимо совпадение голосов не менее 6 судей.

Политические партии и неправительственные организации РК

После освобождения Кореи в 1945 г. на Юге образовалось около 200 политических и общественных партий и организаций, большинство из которых было вскоре запрещено американской военной администрацией.

С образованием в 1948 г. Республики Корея политическая деятельность в стране жестко контролировалась правительством президента Ли Сын Мана. В 1951 г. Ли Сын Ман создает проправительственную Либеральную партию. Затем была сформирована оппозиционная Демократическая партия.

708

В период диктатуры президента Пак Чжон Хи (1961-1979 гг.) действовала проправительственная Демократическая Республиканская партия (ДРП); при президентах Чон Ду Хване и Ро Дэ У (1980-1992 гг.) - Демократическая партия справедливости (ДПС). Оппозиционные партии в этот период возглавлялись будущими президентами страны Ким Ен Самом и Ким Дэ Чжуном.

Новая Конституция РК, принятая на всенародном референдуме в 1987 г., гарантирует многопартийную систему. В настоящее время в Южной Корее действует несколько политических партий. Правящая Открытая наша партия (ОНП) создана в 2002 г. после распада партии бывшего президента Ким Дэ Чжуна Демократической партии нового тысячелетия (ДПНТ). Главная оппозиционная Партия великой страны (ПВС), возглавляемая дочерью бывшего президента Южной Кореи Пак Чжон Хи Пак Кён Хе. В парламенте РК представлена левая партия - Демократическая рабочая (ДРП), а также ДПНТ.

Финансирование политических партий в Южной Корее регулируется Законом о политических фондах. Допускаются также пожертвования и субсидии из госбюджета. 50% субсидий распределяются среди партий, имеющих свои фракции в парламенте. Для политической жизни РК характерно наличие т.н. «черных фондов», составляющих сотни млн. долл. и используемых партиями в ходе избирательных кампаний. В стране практически ежегодно всплывают факты коррупционных связей партий и бизнеса, вызывающие резкие осуждения общественности.

Характерной особенностью партийного строительства в Южной Корее является создание клановых, региональных партий. По существу партии формируются под своего политического босса и используются в качестве средства борьбы за власть. Зачастую партии создаются из идеологически непримиримых группировок.

Общественные организации РК имеют сравнительно короткую историю. До 1987 г. гражданские движения в большинстве своем рассматривались как незаконные и подрывные. После прихода к власти гражданских лидеров в Южной Корее стали активно развиваться неправительственные организации (НПО). Бывшие оппозиционные движения в постдиктаторский период получили возможность свободно действовать и пропа-

709

гандировать свои демократические принципы. Так, бывшая ранее вне закона и активно выступавшая за права рабочих Конфедерация корейских профсоюзов получила официальное признание властей.

В стране быстрыми темпами растет число неправительственных организаций (с 3300 в 1997 г. до 7 тыс. в 2005 г.). В РК представлены также крупные международные неправительственные организации, как «Эмнести интернэшнл», «Гринпис» и многие другие.

Возрастает роль НПО в борьбе с коррупцией в ходе предвыборных кампаний. Весьма активно действуют Гражданская коалиция за экономическую справедливость, Народная солидарность за демократию и многие другие. Нарастают усилия НПО, демократических институтов за отмену Закона о национальной безопасности 1948г., введенного в действие администрацией Ли Сын Мана и активно использовавшегося диктаторскими режимами для подавления демократического движения в стране. Президент Но Му Хен назвал этот закон «частью позорной истории Кореи и пережитком диктаторских режимов» и потребовал его скорейшей отмены, однако консервативным кругам пока удается сохранить этот юридический рудимент.

Несмотря на известный прогресс, достигнутый в развитии общественных организаций в РК, гражданское движение в стране находится еще в стадии становления. Потребуется немало усилий и времени, чтобы неправительственные организации и гражданское движение в целом начали оказывать существенное влияние на процесс демократического обновления в РК.

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Особенности конституционного развития КНДР

В ноябре 1947 г. III сессия Народного собрания Северной Кореи (сформировано на первом съезде народных комитетов в феврале 1947 г.) создала комиссию для подготовки проекта временной конституции. В апреле 1948 г. комиссия одобрила проект конституции.

710

На состоявшемся в июне 1948 г. втором Объединенном совещании представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи в Пхеньяне было обсуждено положение, сложившееся в результате проведенных в Южной Корее незадолго до этого выборов и создания Республики Корея. Было принято решение о проведении всеобщих выборов в Северной и Южной Корее в единое Верховное народное собрание Кореи и об образовании единого правительства. Предусматривалось, что в Северной Корее эти выборы будут прямыми, равными, при тайном голосовании, а в Южной Корее - косвенными.

В соответствии с решениями Объединенного совещания в августе 1948 года были организованы всеобщие выборы в верховное народное Собрание Кореи. В него было избрано 572 депутата. 360 депутатов было избрано от Южной Кореи и 212 - от Северной.

Принятая Верховным народным собранием 8 сентября 1948 г. Конституция КНДР отразила основные черты политической системы Северной Кореи.

По своей направленности Конституция 1948 г. была социалистической и основана на советской конституции, хотя и не содержала упоминаний о социализме и диктатуре пролетариата, о социалистическом характере народно-демократического государства в КНДР. Она юридически оформила переход власти в руки представительных органов советского типа. Власть в Корейской Народно-Демократической Республике, говорилось в ст. 2, принадлежит народу и осуществляется высшим органом его власти - Верховным народным собранием при содействии местных органов власти в лице народных комитетов.

В конституции нашла свое отражение многоукладность экономики - наличие государственного, кооперативного, частнокапиталистического и мелкотоварного секторов. Однако основные средства производства были объявлены собственностью государства.

Конституция декларировала передачу земли в руки крестьянства, разрешала гражданам частную предпринимательскую деятельность, ограничив ее сферами мелкой и средней промышленности и торговли. Конституция отразила также принцип народнохозяйственного планирования, развития

711

экономики и культуры по единому народнохозяйственному плану.

Основной закон декларировал предоставление гражданам КНДР демократических прав и свобод, провозгласил равноправие граждан КНДР независимо от пола, национальности, вероисповедания, профессии, имущественного положения, образования во всех областях государственной, политической, экономической, общественной и культурной жизни (ст. 11).

Была юридически оформлена избирательная система. Получили право избирать и быть избранными в органы государственной власти все граждане, достигшие 20 лет, независимо от пола, национальности, вероисповедания, оседлости, образования, социального и имущественного положения, за исключением лиц, лишенных избирательных прав по приговору суда, прояпонских элементов и национальных предателей, а также умалишенных.

Гражданам были декларированы гарантии свободы слова, печати, объединений, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, свободы вероисповедания и отправления религиозных культов, а также права на создание демократических политических партий, профессиональных союзов,

различных обществ и на участие в деятельности всех этих организаций (ст. 13). Конституция закрепила принцип равного вознаграждения за равный труд, право на отдых, на социальное обеспечение, право на образование (ст. 15-18).

Основной закон КНДР определил 8-часовой рабочий день для рабочих и служащих, установил ежегодный оплачиваемый отпуск, юридически закрепил право на социальное обеспечение по старости, в случае болезни, потери трудоспособности. Это право гарантировалось посредством предоставления бесплатной медицинской и материальной помощи.

Было введено обязательное бесплатное образование, что было для Северной Кореи серьезным достижением (к моменту освобождения Кореи только на Севере насчитывалось более 2 млн. неграмотных, не было ни одного высшего учебного заведения).

Конституция КНДР 1948 г. определила обязанности граждан. Конституция устанавливала, что наивысшим долгом граждан КНДР является защита Родины, революционных завоеваний корейского народа (ст. 28). Граждане КНДР обязаны

712

трудиться - труд в КНДР является основой развития народного хозяйства и культуры (ст. 30).

Конституция регламентировала систему государственных органов КНДР. Высшим органом государственной власти являлось Верховное народное собрание, которое осуществляло законодательные, планово-бюджетные и другие функции. Оно избирало Президиум, который в период между сессиями Верховного народного собрания был высшим органом власти КНДР (ст. 32, 33, 47).

Высшим исполнительным органом государственной власти был назван Кабинет министров, который объединял и направлял деятельность министерств и ведомств, находившихся в его подчинении.

Конституция закрепила систему местных органов власти и управления, созданных в Северной Корее после освобождения. Местными органами государственной власти в провинциях, городах, уездах, волостях и селах объявлялись народные комитеты (ст. 68).

Конституция также закрепила демократические принципы организации и деятельности судебной системы и органов прокурорского надзора.

В текст Конституции КНДР 1948 г. уже в первые годы существования КНДР вносились изменения и дополнения. Восьмая сессия Верховного народного собрания КНДР 30 октября 1954 года приняла Закон о продлении срока полномочий Верховного народного собрания с трех до четырех лет. Были внесены изменения в главу V (ст. 68-81) о местных органах власти. Вместо единых народных комитетов, выполнявших функции органов государственной власти и органов управления, были созданы народные собрания в качестве местных органов власти.

Девятая сессия Верховного народного собрания (5 ноября 1956 г.) снизила возрастной ценз с 20 до 18 лет. Первая сессия Верховного народного собрания третьего созыва (12 октября 1962 г.) внесла изменения в ст. 35 конституции, определяющую нормы представительства при выборах депутатов в Верховное народное собрание: ранее один депутат избирался от 50 тыс., а в соответствии с новым законом - от 30 тыс. человек. Были приняты также другие законы, совершенствовавшие государственную организацию, например, закон об изменении адми-

713

нистративно-территориального деления КНДР, закон о структуре Кабинета министров.

27 декабря 1972 г. Верховное народное собрание КНДР приняло новую конституцию.

Конституция состояла из 11 глав (149 статей): глава I - Политика, глава II - Экономика, глава III - Культура, глава IV - Основные права и обязанности граждан, глава V - Верховное народное собрание, глава VI - Президент, глава VII - Центральный народный комитет, глава VIII - Административный совет, глава IX - Местные народные собрания, народные комитеты и административные комитеты, глава X - Суд и прокуратура, глава XI - Герб, флаг, столица.

Конституция провозгласила КНДР суверенным социалистическим государством, представляющим интересы всего корейского народа (ст. 1). В ст. 72 конституции основой народной власти назван союз рабочего класса и крестьянства, руководимого рабочим классом. Конституция определила характер власти в стране как диктатуру пролетариата (ст. 10). В ст. 4 было записано, что КНДР в своей деятельности руководствуется идеологией Трудовой партии Кореи. Согласно конституции основной формой осуществления государственной власти в КНДР является представительная демократия. Трудовой народ осуществляет власть через свои представительные органы - Верховное народное собрание и местные народные собрания всех ступеней (ст. 7), которые составляют политическую основу корейского социалистического государства.

Конституция 1972 г. законодательно закрепила экономическую основу социалистического государства и общества в КНДР, определила формы собственности, а также основные задачи и принципы деятельности государства в области экономики.

Подчеркнута роль труда, закреплён принцип распределения в соответствии с количеством и качеством труда. Были установлены основные принципы трудового законодательства, 8-часовая продолжительность рабочего дня, запрет на применение на производстве труда подростков, не достигших 16-летнего возраста.

Значительное место отведено характеристике основ социальной политики корейского государства. В частности, был включен тезис о том, что государство считает высшим прин-

714

ципом своей деятельности неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни народа.

Были отражены основные принципы деятельности государства в области культуры, задачи борьбы против экспансии империализма в сфере культуры, против устаревших традиций.

Новая конституция формально расширила юридические гарантии социально-экономических прав и политических свобод корейских граждан. Основной закон 1972 г. придал высшую юридическую силу таким положениям, как бережное отношение к государственной и общественной собственности, борьба с явлениями хищения и расточительства (ст. 70).

В Конституции 1972 г. были сформулированы главные принципы внешней политики КНДР, которые включают полное равенство, самостоятельность, взаимную выгоду, взаимное уважение и невмешательство во внутренние дела. В соответствии с этими принципами КНДР устанавливает государственные, политические, экономические и культурные отношения со всеми странами, которые дружественно относятся к ней. В конституции было подчеркнуто, что КНДР на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма крепит сплоченность с социалистическими странами, сплочается с народами всех стран, выступающих против империализма, оказывая всемерную поддержку их национально-освободительной и революционной борьбе (ст. 16).

Конституция 1972 г. внесла существенные изменения в систему и полномочия высших и местных органов государства. Вместо Президиума Верховного народного собрания и Кабинета министров, действовавших в соответствии с Конституцией 1948 года, были учреждены новые государственные органы - Постоянный совет Верховного народного собрания, президент КНДР, Центральный народный комитет и Административный совет. Изменен характер народных комитетов. Местные исполнительно-распорядительные органы общей компетенции стали именоваться административными комитетами.

Основными звеньями государственного механизма КНДР в соответствии с Конституцией 1972 г. являлись:

1. Органы государственной власти:

а) представительные органы власти - Верховное народное собрание и местные народные собрания;

715

б) органы государственной власти, формируемые представительными органами и подотчетные им, - Постоянный совет Верховного народного собрания, президент КНДР, Центральный народный комитет, местные народные комитеты.

2. Исполнительно-распорядительные органы (органы государственной администрации):

а) Административный совет и местные административные комитеты;

б) отраслевые органы управления - центральные (министерства, комитеты) и местные.

3. Органы правосудия - Центральный суд, провинциальные (городов центрального подчинения), народные и специальные суды.

4. Органы прокурорского надзора - Центральная прокуратура, местные и специальные прокуратуры.

Отличительной особенностью государственного механизма КНДР стало наличие своеобразной подсистемы органов государственной власти в лице народных комитетов, формируемых представительными органами - народными собраниями. Народные комитеты, по конституции, - местные органы власти в период между сессиями сформировавших их народных собраний.

В отличие от Конституции 1948 г. не было предусмотрено создание органов народного представительства в низовых административных единицах - селах, рабочих поселках и приравненных к ним населенных пунктах. В 1981 г. в КНДР произведена реорганизация местных органов власти. В ходе перестройки ликвидированы административные комитеты провинций, городов и уездов.

В основу построения системы государственных органов КНДР положен принцип демократического централизма, закрепленный в ст. 9 конституции.

На III сессии IX созыва ВНС в апреле 1992 г. были внесены изменения в Конституцию 1972 года, которые отразили северокаорейские политические реалии прошедших двух десятилетий и узаконили идеологию и практику корейского социализма. Они носили в целом редакционный характер, хотя включали и ряд содержательных статей, внесенных с целью «защитить и выявить преимущества» существующей политической системы.

716

В главе 1 «Политика» в нескольких статьях подчеркивается руководящая роль Трудовой партии Кореи и разработанной Ким Ир Сенем идеологии «чучхе», на основе которой страна строит социализм. Были изъяты упоминания о марксизме-ленинизме. В новых положениях сделаны акценты на «укрепление идеологической революции», «удержание классово-линии», «революционизирование всех членов общества и преобразование их по образцу рабочего класса» и т. д. Включено новое положение о том, что власть в стране принадлежит всему трудовому народу. Отмечается, что КНДР борется за укрепление народной власти и достижение полной победы социализма в Северной Корее путем энергичного развертывания трех революций - идеологической, технической и культурной, за объединение родины на основе принципов самостоятельности, мирного объединения и великой национальной консолидации.

Законодательно закреплены принципы внешнеполитической деятельности - «самостоятельность, мир, дружба».

В главе II, посвященной экономике, не претерпели принципиальных изменений экономические постулаты хозяйствования. Видоизменен абзац о государственной собственности, подчеркнута ее ведущая

роль.

Важным моментом стало включение в текст Основного закона положения о возможности создания в стране совместных предприятий (соответствующий закон был принят в 1984 г.).

В главе III «Культура» законодательно закреплена цель культурных преобразований-«интеллектуализировать все общество».

Была введена глава IV «Оборона», нацеливающая на проведение в жизнь «военной линии самообороны» и «превращение всей страны в крепость».

В главе V «Основные права и обязанности граждан» расширенно изложено, право на свободу вероисповедания, в частности, разрешено строить культовые сооружения и придерживаться религиозного сознания, при важной оговорке, что никто не может использовать религию для проникновения внешних сил или нарушения государственного и общественного порядка. Гражданам было вменено в обязанность «постоянно повышать революционную бдительность, самоотверженно бороться за безопасность государства», иными

717

словами, решительно отстаивать существующую политическую систему и ее завоевания.

Согласно конституционным изменениям 1992 г. в главе VI «Государственные органы» было изъято положение о том, что президент является верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами и председателем Государственного комитета обороны (ГКО) (на должность председателя ГКО был назначен «наследник вождя»).

Состоявшаяся 5 сентября 1998 г. первая сессия Верховного народного собрания (ВНС) КНДР 10-го созыва (после почти пятилетнего перерыва) стала рубежным событием в политической жизни КНДР, юридически закрепившим произошедшие после смерти Ким Ир Сена (1994 г.) изменения. Сессия приняла важные решения - о внесении существенных корректив в конституцию, о реорганизации органов государственной власти, о кадровых перестановках и новых назначениях. По сути, в стране произошла «конституционная революция», ознаменовавшая укрепление новой, кимченировской системы правления. В конституцию внесена преамбула, канонизирующая Ким Ир Сена, который остается «вечным президентом».

Одновременно из конституции изъяты разделы о президенте КНДР и Центральном народном комитете, который ранее являлся «высшим руководящим органом государственной власти КНДР» и возглавлялся президентом. Почти все его полномочия переданы Президиуму ВНС, который заменил прежний Постоянный совет.

Верховное народное собрание сохранило за собой все полномочия как института, осуществляющего законодательную власть. За ВНС сохранено также введенное в 1992 г. право непосредственно избирать и отзывать председателя Государственного комитета обороны и членов комитета, председателя Президиума ВНС и его заместителей, председателя Кабинета министров. Вместе с тем из ведения ВНС изъято решение вопроса войны и мира.

Высшим органом государственной власти между сессиями ВНС стал Президиум ВНС, который, по конституции, вносит изменения в народнохозяйственный план и бюджет, дает толкование конституции и законов, создает и упраздняет министерства и ведомства, назначает и сменяет их руководителей, а также послов, ратифицирует и денонсирует междуна-

718

родные договоры, объявляет амнистию и осуществляет право помилования.

Значительно расширены полномочия председателя Президиума ВНС, который «организует и руководит» работой Президиума, представляет государство на международной арене, принимает верительные и отзывные грамоты послов. В соответствии с государственным протоколом поздравления от глав иностранных государств по случаю национальных праздников и других событий теперь следует направлять на имя председателя Президиума ВНС. Ранее эти функции выполнял президент КНДР.

Конституция сохранила за Государственным комитетом обороны (ГКО) КНДР роль «высшего военного руководящего органа» страны (подробнее см. ниже).

Повышен статус Кабинета министров (КМ), который стал «высшим административно-исполнительным органом власти».

Упрощена структура местных органов власти. Упразднены местные административно-экономические комитеты, их функции переданы народным комитетам.

Конституция включает введение и 7 глав (меньше, чем в предшествующих вариантах конституции).

Введение посвящено роли Ким Ир Сена как основателя КНДР, создателя «идей чучхе» начиная с периода «антияпонской революционной борьбы». Говорится о его основополагающей роли в «осуществлении социальной революции», разработке «основных принципов государственного строительства». Ким Ир Сен канонизируется как «солнце нации, светоч объединения», «политический деятель мирового масштаба», «гений идей, теории и практики руководства», «всепобеждающий стальной полководец».

Конституция КНДР названа «кимирсеновской конституцией, юридически зафиксировавшей идеи великого вождя о государственном строительстве, основанные на принципах чучхе».

Глава I «Политика» определяет статус КНДР как «суверенного социалистического государства», «революционного государства», руководствующегося идеями чучхе. В ст. 1 указано, что КНДР представляет интересы «всего корейского народа». Таким образом, как и в конституции РК, закреплена претензия на юрисдикцию над всем Корейским полуостровом.

719

Ст. 4 утверждает, что «власть в КНДР принадлежит рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции, всему трудовому народу». Глава 1 содержит описание функций и принципов формирования органов власти. Ст. 9 говорит о проведении «трех революций- идеологической, технической и культурной». Тут же говорится о борьбе за «воссоединение Родины на основе принципов самостоятельности, мирного объединения и великой национальной консолидации» (согласованы между Севером и Югом в Совместном заявлении 4 июля 1972 г.). Ст. 10 говорит об опоре государства на «идейно-политическое единство всего народа» при «руководящей роли рабочего класса», ст. 11 - о руководящей роли Трудовой партии Кореи (ТПК). Ст. 12 посвящена «защите социалистического строя от подрывных акций внутренних и внешних врагов» путем проведения «классовой линии» и «укреплению диктатуры народной демократии». Ст. 13 говорит о «духе и методе Чхонсанри» (в честь руководства Ким Ир Сенем в селе Чхонсанри) как основной линии в руководящей работе (он включает помощь вышестоящим нижестоящим, «совет с массами», «выдвижение на первый план политической работы»), ст. 14 - о развертывании государством массовых движений (особо выделяя «движение за обладание Красным знаменем трех революций»). Ст. 15 говорит о защите прав корейцев, проживающих за рубежом, ст. 16- об обеспечении законных прав иностранных граждан в КНДР. Ст. 17 посвящена внешнеполитическим принципам (равенство, самостоятельность, взаимное уважение и невмешательство, взаимная выгода). КНДР «активно поддерживает борьбу народов всех стран против любых форм агрессии и вмешательства во внутренние дела других стран, за национальное и классовое освобождение».

В главе II «Экономика» дается определение экономики КНДР как «самостоятельной», опирающейся на социалистические производственные отношения, где средства производства принадлежат государству, общественным и кооперативным организациям. Государственная собственность объявляется «общенародной» и играющей ведущую роль, а собственность общественных и кооперативных организаций- коллективной собственностью состоящих в них трудящихся. Ст. 23 ставит целью «постепенное превращение кооперативной собственности в общенародную» (на деле реальных различий между эти-

720

ми видами собственности нет). Признается личная собственность (ст.. 24), образующаяся «из доли социалистического распределения по труду, а также из дополнительных льгот». В новой редакции конституции (ст. 24, ч. 3) закреплено также формирование собственности и доходов от «хозяйств на приусадебных участках» и «в ходе разрешенной хозяйственной деятельности». Ст. 25 декларирует «неуклонный подъем материальной и культурной жизни народа» как' высший принцип деятельности КНДР и отмену налоговой системы, обеспечение «питанием, одеждой и жильем» всех трудящихся.

Последующие статьи перечисляют основные «чучхейские» экономические принципы, такие, как «модернизация и перевод на научную основу хозяйства», превращение его в высокоразвитое на основе принципов чучхе, техническая революция и «массовое движение за технический прогресс», «устранение различий между городом и деревней», «перевод сельского хозяйства на индустриальную основу», «принцип сочетания политического руководства с хозяйственно-техническим», «Тэанская система работы» (упомянуто и «о правильном использовании» хозрасчета и экономических рычагов: себестоимость, цена и рентабельность), плановый характер экономики, «унификация и детализация планирования». Обращает на себя внимание, что в новой редакции конституции разрешено ведение внешней торговли не только государством, но и «общественными и кооперативными организациями» (ст. 36), а также поощряется создание совместных предприятий, функционирование особых экономических зон (ст. 37).

Глава III посвящена культуре, фиксирует государственное вмешательство в социальную и духовную жизнь общества. Закреплены «коммунистический, народный и революционный» характер культуры, необходимость борьбы «против культурной экспансии империализма» (ст. 41), «ликвидации присущего старому обществу образа жизни» (ст. 42).

Гарантировано всеобщее 11-летнее обучение (ст. 45), бесплатное обучение в вузах, дошкольное воспитание. При этом указано на необходимость сочетания обучения с производственным трудом, получения образования без отрыва от производства.

Ст. 50-51 определяют роль государства в развитии науки и техники, а ст. 52 - в развитии «самобытных революционных

721

литературы и искусства, национальных по форме и социалистических по содержанию».

Особо отмечена обязанность государства «защищать родной язык и письменность» (ст. 54).

Ст. 55-57 фиксируют обязанность государства развивать физкультуру, бесплатную систему здравоохранения, охранять окружающую среду.

Глава IV посвящена обороне страны. В ней закреплены основы «общенародной , общегосударственной системы обороны», которая включает «вооружение всего народа и превращение всей страны в крепость» (ст. 60).

В главе V декларированы основные права и обязанности граждан КНДР, основанные, как гласит ст. 63, на принципе коллективизма: «Один за всех, все за одного». К ним относятся: право избирать и быть избранным с 17 лет (ст. 66); пользоваться свободой слова, печати, собраний (ст. 67); свобода совести; права на труд, на получение бесплатной медицинской помощи, на образование, на свободу творчества, на свободу жительства и поездок (ст. 70-75). Ст.75 говорит об «особой заботе» о ветеранах революции, членах семей военнослужащих, инвалидах, ст. 77 - о равноправии мужчин и женщин, ст. 78 - о государственной защите

брака и семьи. Ст. 79 декларирует гарантии неприкосновенности личности и жилища. В ст. 80 говорится о предоставлении убежища иностранным гражданам, преследуемым за борьбу за мир, национальную независимость и социализм. Ст. 87 обязывает граждан КНДР «защищать идейно-политическое единство», «проявлять высокий дух беззаветного служения обществу и народу»; ст. 83 называет труд «священным долгом» гражданина КНДР. Ст. 84 обязывает граждан «бережно и с заботой относиться» к государственной и общественной собственности», ст. 85 - «повышать революционную бдительность», ст. 86 - защищать отечество и нести военную службу.

Глава VI регламентирует структуру и порядок деятельности государственных органов.

Глава VII описывает государственный герб КНДР (ст. 163), флаг КНДР (ст. 164), гимн-«Патриотическую песню» (ст. 165) и устанавливает, что столицей КНДР является г. Пхеньян (ст. 166).

722

Законодательная власть

Согласно конституции Верховное народное собрание (ВНС) является высшим органом государственной власти КНДР. В перерывах между сессиями ВНС законодательную власть осуществляет Президиум ВНС.

ВНС вносит изменения в конституцию, принимает законы, утверждает законодательные акты, одобренные Президиумом ВНС, «определяет основные принципы внутренней и внешней политики». Согласно ст. 91 ВНС избирает и отзывает с должности высших государственных руководителей: председателя ГКО, членов ГКО (по представлению его председателя), председателя Президиума ВНС и его членов, председателя Кабинета министров и членов кабинета, Генерального прокурора, председателя Центрального суда, председателей и членов комиссий ВНС. ВНС рассматривает и утверждает народнохозяйственный план и бюджет, рассматривает их исполнение, заслушивает доклад о работе правительства и отдельных ведомств. ВНС ратифицирует международные договора.

Законы и постановления ВНС принимает простым большинством, изменения конституции-квалифицированным (на деле ВНС голосует всегда единогласно).

Президиум ВНС, согласно ст. 106, является высшим органом государственной власти в период между сессиями ВНС. Специально оговорена возможность наличия в его составе, помимо заместителей и членов, почетных заместителей (эти посты созданы для соратников Ким Ир Сена, отошедших от активных дел).

Список его полномочий выглядит достаточно внушительно. Президиум ВНС созывает сессии ВНС, рассматривает и принимает законы и изменения к ним (с последующим утверждением сессией ВНС), рассматривает и принимает план и бюджет, комментирует конституцию, осуществляет надзор над исполнением законов госорганами, отменяет не соответствующие законодательству решения органов госвласти, организует и проводит выборы, проводит работу с депутатами ВНС и его отраслевыми комиссиями. Президиум ВНС образует и упраздняет органы исполнительной власти - министерства и комитеты, назначает их руководителей, избирает и отзывает судей Центрального суда, ратифицирует международные договора, назначает и отзывает дипломатических представителей,

723

награждает государственными наградами, осуществляет право амнистии и помилования. Он также утверждает и изменяет административно-территориальное деление страны.

Структура и функции правительства

В состав правительства (Кабинет министров) КНДР входят председатель, его заместители, министры и руководители ведомств и другие члены (ст. 118 конституции). Формально срок полномочий правительства равен сроку полномочий ВНС КНДР. В конституции перечислены 12 сфер полномочий КМ, включая создание и упразднение административно-хозяйственных единиц, разработку государственного плана и бюджета, управление основными отраслями экономики и социальной сферы, финансовой системой, руководство внешними сношениями, контрольно-ревизионные функции. В конституции закреплено наличие Президиума КМ (включающего председателя, его заместителей и членов), который на своих заседаниях «обсуждает и решает вопросы, порученные ему пленарным заседанием КМ». КМ несет ответственность перед ВНС и Президиумом ВНС (ст. 125).

Вновь избранный Председатель приносит присягу на сессии ВНС. В конституции также закреплено право КМ издавать постановления и распоряжения и право министерств и комитетов КМ делать то же применительно к соответствующим отраслям.

Среди ведомств, подчиняющихся Кабинету министров, основную часть составляют министерства экономического блока, в условиях планово-распорядительной экономики выполняющие не только управленческие, но и непосредственно хозяйственные функции. Главным среди них является Государственный плановый комитет (Госплан), подведомственные которому плановые органы пронизывают всю ткань производственных единиц. Министерство электроэнергетической и угольной промышленности, Министерство горнодобывающей промышленности, Министерство металлургической и машиностроительной промышленности, Министерство строительства и промышленности строительных материалов, Министерство химической промышленности, Министерство легкой промышленности, Министерство лесной промышленности, Министерство рыбной промышленности ведают работой соответствующих

отраслей хозяйства.

724

К экономическим ведомствам также относятся Министерство железных дорог, Министерство автомобильного и морского транспорта, Министерство связи, Министерство контроля за государственным строительством, Министерство торговли, Министерство заготовок и продовольствия, Министерство финансов, Министерство внешней торговли, Центральное статистическое управление, Центральный банк, Комитет информации, Государственный комитет по ценам и другие.

Среди ведомств социального блока можно выделить Министерство здравоохранения, Министерство образования, Министерство труда, Министерство культуры, Комитет физкультуры и спорта, Академию наук (на правах ведомства), Комитет по радиовещанию и телевидению, Комитет по культурным связям с заграницей, Комитет национальной музыки, Управление туризма, Управление по обустройству революционных исторических мест, Управление по приему зарубежных соотечественников и другие.

В систему Кабинета министров входит также Министерство иностранных дел.

Местные органы власти

К местным органам власти в КНДР относят провинциальные, городские и уездные народные собрания и соответствующие народные комитеты, исполняющие законодательные и административные функции в период между сессиями народных собраний. Депутаты народных собраний избираются сроком на четыре года. Согласно конституции (ст. 134) местные народные собрания:

- утверждают местный план развития народного хозяйства и отчет о его выполнении;
- утверждают местный бюджет и отчет о его выполнении;
- принимают меры для исполнения законов государства на их территории;
- избирают и отзывают руководителей народных комитетов;
- избирают и отзывают судей и народных заседателей;
- отменяют спорные постановления народных комитетов и нижестоящих органов.

Срок полномочий местных народных комитетов равен сроку полномочий соответствующих народных собраний. На-

725

родные комитеты осуществляют административно-хозяйственную и распорядительную деятельность на местах, составляют и исполняют план и бюджет, руководят деятельностью нижестоящих единиц, обеспечивают выполнение распоряжений вышестоящих инстанций. При этом они подчиняются вышестоящим народным комитетам и Кабинету министров. Местные народные комитеты проводят пленарные заседания и заседания своего президиума. Местные комитеты имеют отраслевые комиссии по направлениям их деятельности.

Прокуратура

Согласно ст. 50, к функциям прокуратуры относятся:

- надзор за исполнением законов организациями и гражданами;
- надзор за соответствием распоряжений госорганов конституции, постановлениям центральных органов власти;
- защита «власти и социалистического строя», собственности, прав граждан, «разоблачение преступников и других правонарушителей».

Прокурорские функции осуществляют Центральная прокуратура (она отвечает перед ВНС и его Президиумом, срок ее полномочий равен сроку полномочий ВНС), провинциальные (городов центрального подчинения), городские (районные), уездные и специальные прокуратуры. Прокуратура призвана следить за точным исполнением уголовного законодательства на всей территории страны. Прокуроры поддерживают государственное обвинение в суде. Прокуратуры всех уровней имеют право возбудить уголовное дело и вести расследование по признакам общеуголовных преступлений, а Центральная прокуратура - также по статьям УК, предусматривающим наказания за преступления против государства. В армии действуют органы военной прокуратуры, находящиеся в двойном подчинении: Центральной прокуратуре и Центральному суду, с одной стороны, и армейскому командованию соответствующего уровня, с другой. В организованных по военному принципу отраслях экономики (оборонная промышленность, железнодорожный транспорт, добывающая промышленность) действуют специальные прокуратуры.

726

Суды

На суды в КНДР, согласно ст. 156, возложены следующие обязанности:

- охрана власти и социалистического строя, собственности, прав, жизни и имущества граждан;
- «добиваться от всех учреждений, предприятий, организаций и граждан строгого соблюдения законов государства и активного участия в борьбе против классовых врагов и любых правонарушителей»;
- исполнение приговоров и решений по имущественным делам, совершение нотариальных действий.

В судебную систему входят Центральный суд (несет ответственность перед ВНС и его

Президиумом), провинциальные (городов центрального подчинения) суды, народные и специальные суды. Сроки полномочий их председателей и народных заседателей равны сроку полномочий соответствующего уровня народных собраний. Председатели и судьи специальных судов назначаются Центральным судом. Народные заседатели «избираются на собраниях военнослужащих или персонала соответствующих коллективов» (ст. 155). Рассмотрение дел ведется с участием одного судьи и двух народных заседателей, а в особых случаях - трех судей.

Политические партии и общественные организации КНДР и их роль в северокорейском обществе

Формально в КНДР действует многопартийная система. Правящей партией с 1945 г. является Трудовая партия Кореи (ТПК). Бессменным лидером ТПК до 1994 г. был Ким Ир Сен. В настоящее время Генеральным секретарем ТПК является его сын Ким Чен Ир. В партии насчитывается около трех миллионов членов.

Согласно Уставу, ТПК - это «марксистско-ленинская революционная партия чучхейского типа» («чучхе» - идеология самостоятельности). Руководящая роль ТПК в северокорейском обществе нашла свое юридическое закрепление в Конституции КНДР (ст. 11).

Ближайшая цель партии - достижение полной победы социализма на Севере Кореи и осуществление народно-демократической революции в масштабе всей страны. Конечная

727

цель ТПК - построение коммунистического общества и преобразование всего общества на основе идей чучхе. Эти цели зафиксированы в Уставе ТПК. Последний VI съезд партии состоялся в 1980 году. С тех пор партийные съезды не проводились.

Кроме ТПК, в КНДР действуют Социал-демократическая партия (СДПК). Партия создана в 1945 году, насчитывает в своих рядах около 20 тыс. членов. Партия Чондогё-Чоудан (создана в 1946 г.) - религиозная партия. В ней состоит 10 тыс. членов. СДПК и партия Чондогё-Чоудан представлены в высшем законодательном органе - Верховном народном собрании и в местных органах власти. Обе партии признают ТПК в качестве правящей и поддерживают ее внутреннюю и внешнюю политику.

В стране имеется также ряд общественных организаций - Объединенные профсоюзы Кореи (ОПК), Союз трудящихся сельского хозяйства Кореи (СТСХК), Кимирсеновский социалистический союз молодежи Кореи (КССМК), Союз демократических женщин Кореи (СДЖК) и другие. Задача общественных организаций КНДР - выполнение функции «приводных ремней», т.е. обеспечение связи Трудовой партии с населением, проведение идейно-воспитательной работы, мобилизация масс на реализацию задач хозяйственного строительства.

В КНДР действует принцип несовместимости членства одного и того же лица в нескольких общественных организациях; допускается членство в ТПК или в одной из существующих организаций.

Все политические партии и общественные организации КНДР (более 70) входят в Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), созданный по инициативе ТПК и функционирующий под ее руководством. Программа ЕДОФ ставит своей целью скорейшее мирное объединение Кореи, сплочение корейского народа вокруг ТПК, руководства страны во главе с Ким Чен Иром, обеспечение независимого развития Кореи.

Армия - основа политической системы КНДР

При Ким Ир Сене ядром политической системы КНДР была правящая Трудовая партия Кореи. Однако роль военных в общественной жизни КНДР также была существенной. Это нашло свое юридическое закрепление в конституции страны.

После демократических революций в странах Восточной Европы северокорейское руководство предприняло организа-

728

ционно-политические меры, направленные на концентрацию военной власти в руках Ким Чен Ира. *Во-первых*, в декабре 1991 г. Ким Чен Ир был назначен верховным главнокомандующим Корейской народной армией.

Во-вторых, Ким Чен Ир был избран на пост председателя Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР, который ранее занимал Ким Ир Сен, как президент страны. Статус Комитета был поднят до уровня одного из важных конституционных органов. Ранее Комитет обороны (КО) был одним из рабочих органов Центрального народного комитета (ЦНК). Согласно конституции, ГКО является «высшим руководящим военным органом государственной власти и общим органом управления обороной» (ст. 100), и его полномочия включают:

- руководство всеми Вооруженными силами страны и оборонным строительством;
- учреждение и упразднение центральных органов в области обороны;
- назначение и освобождение от должности главных военных кадров;
- учреждение воинских званий и присвоение генеральских и более высоких воинских званий;
- объявление военного положения и мобилизации в чрезвычайных ситуациях (ст. 103).

Северокорейские военные значительно усилили свою роль в органах власти всех ступеней - от Верховного народного собрания до народных собраний городов и уездов, а также в партийных структурах.

В составе ЦК ТПК более 15 процентов мест принадлежит военным. В высшем органе власти Верховном народном собрании представители армии и сил безопасности занимают около 100 депутатских мест. О привилегированном положении армии в корейской политической системе свидетельствует и тот факт, что Министерство народных вооруженных сил (МНВС) наряду со вторым экономическим комитетом (курирует оборонную промышленность), Министерство государственной охраны и Главное управление правительственной охраны выведены из-под подчинения правительства и контролируются лично Ким Чен Иром.

После смерти Ким Ир Сена значение военных в КНДР значительно усилилось. Северокорейское руководство провоз-

729
гласило политический курс на приоритет армии («сон кун»). В сентябре 1998 г. подверглась новой корректировке конституция страны. Суть нововведений - укрепить кимченировскую систему правления. За Государственным комитетом обороны (ГКО) была сохранена роль «высшего военного руководящего органа» страны. Однако полномочия ГКО на практике значительно шире и выходят за рамки действующей конституции. Кроме военной сферы, ГКО руководит также экономикой и внешней политикой. На местах действуют уполномоченные ГКО, которые фактически подменяют партийные и местные органы.

Во главе Госкомитета обороны стоит Ким Чен Ир (верховный главнокомандующий КНА, Генеральный секретарь ТПК, маршал КНДР). В состав ГКО входят 10 человек, в основном военные, а также ряд гражданских лиц, отвечающих за экономику и военно-промышленный комплекс.

Взаимоотношения ГКО с другими государственными и партийными органами довольно своеобразны. Госкомитет осуществляет контрольные функции за работой Президиума ВНС, правительства, министерств и ведомств. Партийным организациям в этой системе отведена главным образом идеологическая, воспитательная работа, пропаганда политики на приоритетное развитие армии.

Перед вооруженными силами в нынешней обстановке поставлены следующие задачи:

- реализация идеи самообороны;
- усиление идейно-политической работы в армии;
- повышение уровня боевой подготовки;
- обеспечение научного характера военного строительства.

Северокорейское общество отличается высокой степенью

милитаризации. Из 23 млн. населения более 1 млн. человек состоит в регулярной армии, на вооружении которой находятся 3600 танков, 9500 орудий полевой артиллерии, ракетные дивизионы, 1600 самолетов, включая 850 боевых, более 440 кораблей, в том числе 25 подводных лодок. Кроме того, в стране сформированы рабоче-крестьянская Красная гвардия (1,4 млн. чел.) и 700-тысячная молодежная Красная гвардия. На содержание огромной армии и мощного военно-промышленного комплекса северокорейское руководство ассигнует значительные средства.

730

* * *

Более 50 лет политические и экономические системы РК и КНДР развиваются по противоположным направлениям. Соревнование двух корейских систем складывается явно не в пользу северокорейской модели. Если политическая и экономическая система РК идет по пути совершенствования, демократизации, то политический режим и экономическая структура КНДР борется за выживание. Развитие двух корейских государств демонстрирует бесперспективность, более того, пагубность того пути, по которому пошла Северная Корея.

Литература

- Баянов Б., Шариф М. Государственный строй КНДР. М., 1957.
Гуреева Н. П., Денисов В. И. КНДР. Основы государственного строя. М., 1983.
Денисов В. И. ВНС. Президент. ЦНК КНДР в кн. Верховные органы государственной власти социалистических стран. М., 1989.
Жебин А. З. Особенности современного политического режима в КНДР. В кн. Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. - Ч. I. М., 1997.
Иргебаев А. Т., Осипов В. И. Южная Корея. М., 1990.
Иргебаев А. Т. О некоторых особенностях развития политической системы и общества Южной Кореи в кн. Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. - Ч. I. М., 1997.
Конституции и основные законодательные акты КНДР. М., 1952.
Конституция Республики Корея. Корея. Справочник. Сеул, 1993.
Конституции социалистических государств. М., 1987.
Петров Е. И. Некоторые аспекты современной политической системы КНДР в кн. Актуальные проблемы Корейского полуострова. М., 1996.
Савельев Р. В. Роль армии в Корее в кн. Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. - Ч. I. М., 1997.
Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Корея, Пхеньян. 1998.
Kim Samuel S. The North Korean System in the Post-Cold War Era. NY., 2001. Park Han S. North Korea The Politics of Unconventional Wisdom. London, 2002

731

С. Г. ЛУЗЯНИН. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И

ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ

Традиционные институты и структуры (XII-XVII вв.)

Монгольская политическая культура, как и политические системы, в ходе длительного исторического развития прошли различные этапы и претерпели существенную эволюцию. Условно можно выделить 5 больших исторических периодов, на каждом из которых монгольский политический процесс и институты представляли собой в качественном и количественном (географическом, демографическом, геополитическом) отношениях различные по форме и характеру влияния явления. Каждая историческая фаза предлагала свой вариант «прочтения» проблем монгольской политической идентичности и культуры:

- Великая Империя Чингисхана в XII - XIII вв.; -постимперский период распада единого монгольского государства и раздробленность в XIV-XVII вв;
- «китайская» Монголия, то есть период владычества Цинской империи на монгольских землях и развитие Монголии в рамках китайской политической системы в XVII - начале XX в. (1921 г.);
- «советская» Монголия, то есть фаза развития политических институтов Монголии в условиях доминировавшего политического и идеологического влияния СССР в 1921-1990 гг.;
- постсоветская, демократическая Монголия - с 1990 г. -по настоящее время.

В дочингисхановские времена в социально-экономическом и политическом отношениях монгольская идентичность базировалась на таком мировом явлении, как *«кочевая цивилизация»*. Оно определяло основные параметры и закономерно-

732

сти развития монгольской политической культуры, политической системы и государственности (*кочевые каганаты*). Несомненно, что феномен *«кочевой цивилизации»* - это комплексный традиционный анклав монгольской идентичности, который, пройдя столетия, с теми или иными (технологическими, психологическими и социально-экономическими) корректировками сохранил свое законное место в современной структуре монгольского общества и политической культуре.

Исходя из методологической посылки, при анализе понятия «монгольская кочевая цивилизация» целесообразно применять классификацию А. Тойнби, который выделял 3 основных класса цивилизаций: 1) «раскрывшиеся»; 2) «не родившиеся», или «эмбриональные» и 3) «застывшие» цивилизации. К последним А. Тойнби первоначально относил монголов¹. В более поздней классификации он присоединил монголов и калмыков к уже тибетской - «раскрывшейся» цивилизации. Подобное противоречие не случайно, так как понятие *«кочевая монгольская цивилизация»* - достаточно сложное, комплексное явление, вобравшее противоречивые элементы. Условно, исходя из комплексного характера данного явления, можно выделить его следующие составные части:

а) классический нomaдизм², с постоянными и повторяющимися циклами кочевого животноводства и особой ролью природной среды (пастбища, скот и пр.);

б) махаянистический ламаизм, выросший на основе тибетского варианта буддизма и в XVI веке пришедший на монгольские земли;

¹ А. J. Toynbe. A Study of History. Vol. 12. L., 1961, p. 561.

² Монгольский нomaдизм базировался на повторяющихся циклах кочевого животноводства, прямой зависимости от природной среды, а в идеологическом и духовном аспектах- идеях Великого Курилтага (степного парламента), оживавших в моменты исторического выбора народа. Большое влияние на души монголов до XVI в. (появления ламаизма) оказывал шаманизм - древняя народная религия кочевников, по которой Небо («Голубое Небо», «Вечное Небо») - высший представитель сил природы, верховное божество, дарующее жизнь и душу, управляющее миром и руководящее делами человека.

733

в) китайский компонент влияния, усилившийся в период господства Цинов в Монголии (в XVII - начале XX вв., 1911 г.) и деформировавший, а отчасти и уничтоживший ряд традиционных политических элементов монгольской политической системы и идентичности в районах Внутренней Монголии;

г) российский (советский) компонент влияния (1921-1990 гг.), также деформировавший либо полностью уничтоживший ряд традиционных монгольских институтов (традиционную социальную структуру, включая монгольские духовные и княжеские элиты, ламаизм, кочевое животноводство, институт теократической монархии);

д) современные элементы «вестернизации», сказывающиеся на появлении в монгольском обществе западных экономических и идеологических моделей и ценностей, ранее не типичных для монголов.

Исторические корни политической культуры и государственности связаны и во многом обусловлены феноменом *мировой империи Чингисхана* (Тэмучина), радикально повлиявшей на все стороны жизни монгольских кочевников, а также историю, культуру и быт соседних народов и государств. За сравнительно короткий исторический период мирный монгольский кочевник превратился в свирепого и жестокого завоевателя, покорившего полмира. Эпоха Чингисхана и его наследников (XII - XIII вв.) стала неким периодом пробуждения монгольского национального самосознания, пиком развития *монгольской кочевой цивилизации*. На огромных просторах Евразии за короткий исторический срок (35-40 лет) была создана империя - своеобразный кочевой вариант восточной деспотии, объединившей на короткий период целую систему больших и малых государств, племен и племенных объединений Центральной, Северо-Восточной и Средней Азии, Сибири, Закавказья и части Восточной Европы.

Как известно, начало этому было положено в 1206 г., когда в монгольских степях на степном

собрании (Курилтае) Тэмучин был провозглашен Чингисханом и объявлено о создании Великого Монгольского Ханства под его властью. Первоначально государство объединило все монгольские народы, имевшие общие исторические корни, а уже затем речь пошла и об объединении других народов. Особенностью созданного Чингисхановского государства было: а) сосуществование раз-

734

личных цивилизаций, религий и культур; б) наличие единой столицы (ставки) - г. Каракарума; в) ограниченное действие традиционной монгольской правовой системы (Яса Чингисхана)³, которая работала только в собственно монгольских землях; г) абсолютистский, диктаторский тип. управления, основанный на прямом военно-административном подчинении через монгольскую родовую элиту; д) наличие широкой сети высших военных и ханских наместников на подчиненных землях; подвижность границ империи.

Основной результат средневековой монгольской политической трансформации - распад бывшей империи Чингисхана на различные монгольские союзы, конфедерации и улусы. В XV-XVII вв. на территории бывшего Монгольского Ханства существовали: княжество Халха (Внешней Монголии), Джунгарское (Ойратское) ханство на территории Западной Монголии, Южная (Внутренняя) Монголия, Восточная Монголия (Барга), Урянхайский край (Тува). В условиях постоянных междоусобных войн за центральную власть наиболее предпочтительно выглядело Джунгарское ханство. Ойраты были более организованны и сплочены.

Проникновение из Тибета в Монголию новой религии -ламаизма (разновидности махаянистического буддизма) в XV-XVI вв. стало прологом создания буддийской Монголии. Роль и значение ламаизма для монголов было не меньше, чем походы Чингисхана. Под влиянием этой религии за 200-300 лет монголы из бесстрашных и свирепых завоевателей превратились в покорных и мирных монахов. Монгольская идентичность радикально изменилась. Фактически на месте бывшей военной империи в монгольских степях Центральной Азии произошло создание системы теократических ламаистских монархий.

Наиболее показательно этот процесс пошел во Внешней Монголии (Халха-Монголии), где сложился государственный «институт» перерождения монгольских Богдо-гэгэнов под влиянием тибетской традиции избрания главой ламаистской церкви и государства одного из перерожденцев - хубилганов-

³ Яса Чингисхана не действовала в русских княжествах, входивших в состав Золотой Орды, а также в отдельных ханствах Средней Азии и Закавказья.

735

хутухт. В этих условиях представители родовых кланов Чингисхана в плане активности и влияния на государственные дела постепенно отходили на второй план, а на их место приходила высшая духовная элита Богдо-гэгэна - да-ламы и хутухты. К XVII в. Внешняя и Внутренняя Монголия покрылись сетью ламаистских храмов, а большая часть мужского населения превратилась в лам, давших обет безбрачия, что повлияло на сокращение численности населения.

В целом для политической системы и культуры монгольских ханств и княжеств этого периода была характерна достаточно быстрая и радикальная смена ценностей и приоритетов: переход от стереотипов монгольского мирового господства к региональным моделям суверенитета и различным вариантам борьбы отдельных монгольских князей за власть в отдельных ханствах. На фоне интенсивной ламаизации активно формируется новый тип монгольской государственности- *теократическая монархия Богдо-гэгэна*. Последняя радикально отличалась от империи Чингисхана как по геополитическим амбициям и границам, так и внутреннему устройству. Главная цель монгольской монархии - сохранение буддийских ценностей и законов. В отличие от государства Чингисхана монархия Богдо-гэгэна не была сориентирована на внешнюю экспансию и постоянное расширение границ и территорий. По методам управления это была более мягкая и демократичная модель с ярко выраженной тенденцией смены правящих элит - заменой светских княжеских элит на духовные кланы.

Внешние факторы влияния на культурно-политические процессы и системы Монголии (XVII-конец XX вв.)

В XVII в. монгольская история вступает в полосу тяжелых испытаний, связанных с началом *китайского (цинского) владычества*. Китай деформировал систему традиционных монгольских институтов и поставил под вопрос вообще смысл и необходимость существования независимого монгольского государства в любой его форме. Период цинского господства явился серьезным вызовом и тяжелым испытанием для монголов.

История подчинения монгольских княжеств Китаю происходила следующим образом. В 1582 г. южномонгольский князь Даян-хан налаживает отношения с Минским Китаем.

736

Территории к югу от пустыни Гоби до Великой Китайской Стены вошли в состав Поднебесной. Одновременно между южномонгольским ханом- Лигдэн-ханом и маньчжурскими князьями в 1604-1634 гг. начинаются войны. Фактически маньчжуры еще до захвата Пекина (1644 г.) и основания цинской династии предприняли серию завоевательных походов против южномонгольских князей. В результате в 1624-1635 гг. первые князья Южной (Внутренней) Монголии перешли на сторону маньчжур.

После образования Цинской (маньчжурской) империи, в условиях междоусобной войны халхаских и джунгарских ханств, в 1691 г. Пекин организует съезд князей Внутренней и Внешней Монголии, на

котором в присутствии маньчжурского императора Кан Си принято решение о вхождении монгольских земель в состав Поднебесной. Заключительный этап формирования «китайской» Монголии приходится на конец XVII - начало XVIII в., когда в ходе завоевательных походов Пекина было уничтожено независимое Джунгарское (Ойратское) ханство. Остатки ойратских племен укрылись от геноцида Китая на российской территории, превратившись впоследствии в калмыцкий этнос.

В результате китайских преобразований маньчжурский император был объявлен богдо-ханом всех монгол и верховным владельцем монгольских земель. Отныне монгольские князья стали получать титулы и звания от маньчжурской власти. Старое деление на улусы и тумэны было ликвидировано, вместо них было введено деление на аймаки и хошуны. Произошло (де-факто и де-юре) уничтожение государственной независимости монгольских государств. Политическая система и политическая культура Монголии стала развиваться в рамках китайской империи и ее политических институтов в условиях растущего культурно-цивилизационного давления ханьцев на самобытную кочевую культуру монгол. С одной стороны, это был период политической и экономической стагнации монгольского общества, а с другой - начало активной ассимиляции Китаем территорий Монголии (в первую очередь Внутренней Монголии). Монгольская светская элита (князья) стали напрямую зависеть от Пекина и маньчжурских чиновников. В меньшей степени такую зависимость испытывали духовные лидеры Монголии - высшие ламы, хутухты и руководитель монгольской церкви - Богдо-гэгэн. Ду-

737

ховная знать проявляла недовольство попытками Китая поставить под свой контроль религиозную жизнь монголов.

Наместники маньчжурской администрации (амбани) в городах Урге, Кобдо и Улясутае фактически управляли Монголией. С XIX в. монгольские районы интенсивно заселяются китайскими колонистами, которые стали активно распахивать и обустривать пастбищные земли монгольские кочевников.

Международно-правовое положение Монголии определялось системой русско-китайских договоров и соглашений середины XIX в. и китайской политикой «нового курса» конца XIX в. - начала XX в., отменявшего все ограничения для деятельности китайского капитала в Монголии и открывшего путь для прямой колонизации монгольских земель.

Ключевым элементом, определявшим особенности международного положения Внешней Монголии, являлось противоборство России и Китая, которое как особая форма взаимодействия Запада и Востока имело не только территориально-историческую, но и более широкую межцивилизационную значимость. Судьбы малых народов по границам этого исторического спора находились в прямой зависимости от хода и особенностей данного противостояния. Монголоязычные народы были в прямом смысле в «эпицентре» данного противостояния и к 1911 г. продолжали оставаться разделенными границами нескольких государств - население Внешней и Внутренней Монголии находилось в составе Китая, племена Бурятии - в составе Российской империи, а Тува (Урянхайский край) до 1911 г. формально была частью Китая, а в 1914 г. перешла под протекторат царской России. Внутренняя Монголия, тысячами нитей связанная с Китаем в экономическом и политическом плане, к этому времени уже была более интегрирована в китайскую жизнь, в то время как Внешняя Монголия, пытаясь сохранить свою самобытность, явно тяготела к Российской империи.

В декабре 1911 г. Внешняя Монголия, воспользовавшись кризисом в Цинском Китае, приведшим к Синьхайской революции 1911-1913 гг., провозгласила свою независимость, которая в 1915 г. Россией, Китаем и Внешней Монголией специальным тройственным соглашением (Кяхтинским) была сведена до уровня автономии в составе Китая. Несмотря на международные перипетии, во внутреннем плане монголы

738

фактически восстанавливают на короткий период в 1911-1919 гг. свою национальную государственность в форме теократической монархии. В 1911 г. светским и духовным правителем Внешней Монголии был провозглашен Богдо-гэгэн⁴. Созданное монгольское государство - буддийская (ламаистская) монархия реанимировало духовные и политические институты монгольского общества, существовавшие до захвата Монголии Китаем. Этот был короткий период возрождения традиционных ценностей - «желтой религии», политической независимости. В эти годы была предпринята также попытка объединения всех монгольских племен (Внешней, Внутренней Монголии) под знаменем Богдо-гэгэна, получившая позже название *движение панмонголизма*. В данном движении просматривались как мотивы из истории империи Чингисхана, объединившего все монгольские племена, так и антикитайские настроения, усилившиеся после XVII в. Фактически *движение панмонголизма* явилось общемонгольской объединительной политической доктриной, выражавшей интересы как элиты, так и простых аратов⁵. В этих условиях главным врагом монголов оставался Китай, а основным другом и союзником - Россия. Не случайно высшие монгольские князья и ламы в 1911-1914 гг. отправили три официальные миссии к «Белому Царю» - Николаю I с просьбой о помощи.

Кяхтинская система, оформленная в 1915 г., в международном плане поддержала сложившуюся политическую систему во Внешней Монголии - монгольскую теократическую монархию, сохранив традиционную политическую систему монголов. Она дала возможность Внешней Монголии также частично реализовать себя в качестве субъекта международных отношений, хотя и в определенных пределах. Децентрализация власти в Китае в 1915-1919 гг. и распад Российской империи в 1917 г. разрушили систему, сложившуюся в 1915 г., превратив Монголию в испы-

⁴ Богдо-гэгэн - полное имя Богдо-гэгэн Джебцен-дамба хутухта VIII, глава монгольской церкви,

согласно ламаистским канонам перерожденец, умер в 1924 г. в г. Урге (Улан-Баторе).

⁵ В советской историографии движение панмонголизма трактовали как исключительно реакционное прояпонское движение атамана Семенова 1919 г. Фактически панмонголизм был значительно шире, являясь по сути монгольской национально-освободительной идеологией XIX - начала XX вв.

739

тательный полигон для социальных экспериментов белых атаманов и большевистских лидеров.

Большевистское правительство, как известно, рассматривало Дальний Восток- Китай, Корею, Монголию, как некий «запал» мирового революционного пожара. В июле 1921 г. в Урге (столице Внешней Монголии) с помощью отрядов Красной Армии и уполномоченных Коминтерна была установлена «народная» власть монгольской революционной партии во главе с Д. Сухэ-Батором и Х. Чойболсаном. Таким образом, эпоха существования традиционной монгольской политической системы и культуры за 800 лет развития закончилась. Начиналась новая эра монгольской истории, в которой определяющим стал советский фактор влияния после 1921 г.

В 1921-1928 гг. в Монголии идет болезненная смена правящих элит, насаждение новых (революционных) ценностей и стереотипов. Правящая Монгольская народно-революционная партия (МНРП), подготовленная в кадровом и идеологическом отношении Восточным секретариатом Коминтерна в Советской России, взяла курс на создание новой, «революционной» политической системы, ориентированной на социалистические, классовые ценности.

В 1924 г. после смерти главы теократической монархии Богдо-гэгэна VII в стране была принята конституция, сделанная по советскому образцу, и в декабре 1924 г. провозглашена Монгольская Народная Республика (МНР), образован высший законодательный орган- Великий Народный Хурал (ВНХ), правительство, другие ветви власти. Созданные ветви власти формально выполняли исполнительную, законодательную и судебную функции, но фактически отражали сложившуюся после 1928 г. жесткую однопартийную систему МНРП, копирувавшую сталинскую (советскую) модель, которая оформилась в конце 20-х - начале 30-х годов в СССР.

В 30-40-е годы в Монголии разворачиваются массовые репрессии против «классовых врагов» - ламства, князей, отдельных политических деятелей (А. Амор, Д. Жадамба, П. Гэндэн и др.). В 1940 г. на VIII съезде ВНХ была принята новая Конституция МНР, ограничивающая в правах «классово чуждые элементы» монгольского общества. Одновременно в стране формируется культ личности маршала Х. Чойбалсана и система его абсолютной диктаторской власти. Именно в эти

740

годы были уничтожены тысячи монастырей, расстреляны сотни тысяч дам и, таким образом, разрушен один из традиционных институтов Монголии - институт ламаизма.

В 60-80-е годы ламаизм был частично возрожден, но существовал формально, как «декоративная пристройка» к социалистической системе. Одновременно все монгольские араты - природные кочевники были переведены на оседлый образ жизни в рамках созданного колхозного строя в Монголии. Официальный курс МНРП о переводе аратов на «полную оседлость» в 70-е годы провалился, а монгольские колхозы/госхозы приняли причудливую форму «кочующих хозяйств», которую идеологические работники стали называть «полукочевым» образом жизни монгольского аратства.

МНР от тесного сотрудничества с СССР имела и ряд позитивных моментов в международной, экономической и политической сферах. В результате активной международной поддержки советского руководства и лично И. В. Сталина на Ялтинской и других конференциях, МНР (Внешняя Монголия) после Второй мировой войны, в отличие от Внутренней Монголии, получила от Китая официальное признание независимости (январь 1946 г). В Монголии были созданы специализированная индустриальная база (добыча меди и молибдена), железная дорога, современная армия и качественная для того времени система среднего и высшего образования и здравоохранения. Несмотря на неофициальный статус «советского сателлита», МНР получила законное место в ООН в 1961 г., ее официально признали все ведущие державы мира.

Внутриполитические процессы в 60-80-е годы проходили в условиях единоличного правления Председателя ЦК МНРП -Юмжагийн Цеденбала. Для этих лет был характерен консерватизм, «застой» (по аналогии эпохи брежневского «застоя»), неэффективность и дотационность экономики, являвшейся частью централизованного народного хозяйства СССР и нуждавшейся в постоянных советских вливаниях и др. Политическая культура общества определялась процессом интенсивной русификации всех сфер жизни монгол и постепенным превращением МНР в неофициальную 16-ю советскую республику. МНР стала полностью зависима от поставок основных товаров и энергоресурсов. Она была включена в систему международного социалистического разделения труда, действовавшую в те

741

годы в рамках СЭВ. В политическом плане монгольское партийное руководство во главе с Ю. Цеденбалом полностью зависело от воли ЦК КПСС. Для партийно-государственной жизни Монголии так же, как и для ее советского «старшего брата», были характерны такие явления, как «застой», отсутствие демократии и плюрализма, жесткая коммунистическая однопартийная система.

В 1952 г. в МНР проведена реформа избирательной системы. На IX съезде ВНХ всем гражданам предоставлено равное избирательное право, а в 1960 г. принята новая Конституция МНР, провозгласившая создание социалистического государства. Таким образом, принятием конституции была реализована политическая доктрина, предназначенная не только для Монголии, но и других развивающихся стран и народов - «переход от феодализма к социализму, минуя капитализм (некапиталистический путь развития)».

Фактически, это был социальный эксперимент по искусственному моделированию социально-политического развития. Созданная в Монголии система была неким синтезом (гибридом) части советской системы, привнесенной на монгольскую почву, и части традиционной монгольской, сохранившейся с дореволюционных времен.

Таким образом, политическую систему и политическая культура монгол в этот период можно условно определить следующим рядом особенностей:

- быстрое и успешное внедрение коммунистической (советской) идеологии на монгольскую почву, облегченное позитивным отношением монголов к России как своему историческому защитнику и другу;
- деформация традиционных институтов, культуры и ценностей (монархии Богдо-гэгэна, религии ламаизма, культа Чингисхана, идеологии панмонголизма) и формирование коммунистических монгольских ценностей и стереотипов;
- создание новых социальных и идеологических доктрин типа «аратского социализма», теории «некапиталистического пути» развития, как альтернатив традиционным монгольским стратегиям развития;
- формирование новых правящих элит из среды монгольских революционеров и бедных скотоводов (аратов) и превращение их в партийную номенклатуру;

742

- навязывание советских методов и институтов управления - перевод аратов на оседлость, создание колхозов/госхозов, национализация, создание жесткой однопартийной системы, «классовые» репрессии, формирование культа и диктатуры Х. Чойбалсана и др.;

- влияние советско-китайского конфликта конца 60-х-80-х годов на еще более тесное советско-монгольское сближение, создание из МНР военного и идеологического форпоста СССР против маоизма в эти годы.

Современная политическая система и культура Монголии

Демократическое движение начала 90-х гг. отличалось в Монголии высоким накалом радикализма, хотя и протекало в мирной форме. *Монгольская демократическая революция* была звеном в общей цепи распада коммунистических режимов в странах Восточной Европы («бархатные революции») и СССР. Началась она в марте 1990 г. массовыми митингами и голодовками протеста молодых демократов, вынудивших МНРП пойти на серьезные уступки: в марте Политбюро ЦК МНРП объявило о своей отставке. Новые демократические лидеры продолжали развивать успех, обвиняя партийное руководство в развале экономики, односторонней ориентации на СССР и КПСС, массовых репрессиях в Монголии 30-50-х годов, потере национальной идентичности, русификации и советизации Монголии.

Новое демократическое правительство взяло курс на создание открытой либеральной экономики, новой политической структуры, основанной на принципах демократии и плюрализма, возрождение национальной культуры и укрепление монгольской идентичности. В 1992 г. была принята новая Конституция, политически закрепившая радикальные преобразования. Вместо старого названия Монгольская Народная Республика было введено новое - Монголия. В стране был создан институт президента, избираемого народом. С 1993 по 1997 гг. первым Президентом Монголии стал бывший Генеральный секретарь ЦК МНРП Г. Очирбат, с 1997 г. по настоящее время - Н. Багабанди.

743

Вместо двухпалатного парламента (Великого народного хурала) был создан однопалатный Великий государственный хурал (ВГХ). Он избирается в ходе всеобщих свободных выборов путем тайного голосования на четыре года. Ему принадлежит инициатива обсуждения и принятия основных направлений внутренней и внешней политики страны, право назначать выборы президента и членов ВГХ, формировать кабинет министров, требовать от правительства отчета по ключевым вопросам развития страны, разрабатывать финансово-кредитную, налоговую, денежную политику, утверждать бюджет и его исполнение; устанавливать государственные границы; определять структуру, состав и полномочия совета по национальной безопасности⁶.

Принципиально новым для политической системы Монголии стал институт президентства. По конституции президент избирается по системе двухступенчатых выборов: на первом этапе в них принимают участие все избиратели, а кандидатуру победившего утверждает Государственный великий хурал. Президенту предоставлены обширные полномочия. Он может наложить вето на любой закон или часть закона, с чем должны согласиться две трети участников сессии ВГХ. Он также имеет право выдвигать своего кандидата на пост премьер-министра, независимо от того, сколько мест имеет стоящая за ним партия в ВГХ. Президент пользуется правом требовать от хурала отставки правительства. Одновременно он представляет Монголию на международной арене, заключает от имени страны договоры, назначает и отзывает, с согласия ВГХ, послов.

По конституции состав правительства формируется на основе победившего в хурале партийного большинства. В этом смысле в Монголии сложилась партийно-парламентская система управления, и правительство формируется на основе парламентского партийного большинства.

В Монголии в начале 90-х годов быстро формируется партийная система. Сначала стихийно, а затем официально оформились различные демократические партии: Социал-демократическая партия, Монгольская религиозно-демократическая партия, Национально-демократическая партия возрождения.

⁶ Монгол улсын үндсэн хууль (Конституция Монголии). Улан-Батор, 1992, с. 3.

744

Особенностью этих объединений была разрозненность и небольшая численность отдельных партий. В начале 90-х годов на базе демократических партий была создана единая Монгольская демократическая партия (коалиция), которая сразу заявила о своих политических целях и задачах. Из других политических партий следует также отметить Монгольскую народную партию, лидер - Д. Баасан, зарегистрированную 3 апреля 1992 г., Партию Солидарности (19 августа 1994 г., Н. Ням-Осор) и другие.

Соперник демократов- МНРП была зарегистрирована 16 мая 1990 г. Это не было формальной реорганизацией, фактически ее лидеры заявили, что они порвали с бывшим коммунистическим прошлым партии, откестились от всех ошибок и обвинений со стороны демократов и объявили о рождении МНРП, как партии социалистического толка, выступающей за плюрализм, демократию и рыночную экономику.

Сила демократических лидеров, идеологически подготовивших монгольскую демократическую революцию начала 90-х гг. (Б. Баабар, С. Зориг и др.), заключалась в том, что они были популярны среди простого народа за счет актуальных тогда лозунгов о достижении реальной независимости, демократии, плюрализма, необходимости выхода из-под советской опеки, вывода советских войск и т. д. В тот период эти лозунги неизбежно порождали русофобию и неприятие всего российского, как на уровне монгольских правящих элит, так и простого народа. Именно на этой волне в самом начале 90-х гг. держалась популярность демократических руководителей, но уже к 1993 г. в обществе появились другие, более насущные задачи. Как строить новую экономику, как войти в мировую хозяйственную систему, как решить социальные проблемы и другие проблемы. Волна русофобии постепенно прекратилась, и исторические, традиционные настроения дружбы и уважения к России вновь были восстановлены в монгольском обществе. Тем более что в самой России также произошли радикальные антикоммунистические преобразования.

В июле 1992 г. очередная сессия ВГХ утвердила закон о Великом государственном хурале, в соответствии с которым прошли первые выборы в хурал. Выборы проходили на многопартийной основе. Голоса распределились следующим образом: МНРП- 56,9%; оппозиционная ей демократическая

745

коалиция - 17,5%; остальные партии от 3 до 7%. Таким образом, из 76 мест в однопалатном парламенте МНРП получила 70%, а коалиция - 4%.

На выборах 1996 г. в хурал демократические партии одержали победу, сформировав свое правительство. Однако экономические результаты деятельности этого правительства были неудовлетворительными. За 4 года демократы не смогли справиться с кризисом, инфляцией, обострилась проблема коррупции, обнищания населения.

Накануне новых выборов 2000 г. монгольские избиратели были критически настроены к демократам. Итоги выборов в хурал в 2000 г. были закономерны: МНРП, завоевав большинство мест в парламенте, сформировало свое однопартийное правительство, провозгласившее курс на борьбу с коррупцией и оздоровление экономики. Главой правительства (премьер-министром Монголии) стал Генеральный секретарь МНРП -Н. Энхбаяр, сосредоточивший в своих руках значительную государственную и партийную власть. В марте 2001 года на XXIII съезд в качестве Генсека он был переизбран на новый срок. МНРП в 2000 г. получила 72 из 76 мест в Великом Государственном хурале (в 1996 г. только 25 мест) У демократов в общей сложности оказалось всего 2 места.

Таким образом, нынешняя партийная система отражает тенденцию к формированию некоей двухпартийной системы в виде борьбы МНРП и противостоящего ей демократического блока партий. Другой особенностью монгольской многопартийности является попытка искусственно скопировать западные партии и их идеологию (консервативную, либеральную, социалистическую), которая с трудом приживается на своеобразной монгольской почве. Думается, что данный процесс -становление политических партий в Монголии- находится в самом начале, и потребуется еще много времени, чтобы они были адекватны социальным и политико-экономическим потребностям монгольского общества.

Несомненным достижением Монголии в плане развития политического процесса является создание реальной системы демократии, формирование гражданского общества, идеологического плюрализма и терпимости. За короткий срок политическая жизнь и институты Монголии прошли большой путь от советского варианта авторитаризма к реальной парламентской

746

демократии, который еще не могут и вряд ли в ближайшее время пройдут ряд других постсоветских государств Центральной Азии. В этом смысле Монголия для многих центрально-азиатских государств, близких по истории развития и экономико-географическим параметрам,- некий образец достижения реальной демократии.

Ключевая проблема для новой Монголии в начале 90-х -создание принципиально новой экономической структуры. Экономическое реформирование проходило в условиях экономического кризиса, обрушившегося на страну в 1991 г. Для того, чтобы выйти из этого кризиса, Монголия приступила к развертыванию экономической реформы, стремясь преодолеть односторонний, закрытый характер экономики, сложившийся в предыдущие годы.

За короткий срок правительству удалось провести приватизацию в стране, создать либеральный режим для внешних инвестиций, привлечь в страну крупные зарубежные компании, переориентировать внешнеэкономическую деятельность страны, кроме России, на другие страны и мировые регионы- Китай, США, Южную Корею, Японию, ЕС. Молодое демократическое правительство на пути радикальной трансформации столкнулось с массой проблем и трудностей, сходных с теми, что столкнулась

демократическая Россия в начале 90-х годов. Монголия прошла периоды инфляции, падения производства и уровня жизни, шоковой терапии, расслоения общества на бедных и богатых. Следствием неравномерности экономического развития стала смена правящих политических партий.

Монголия сумела восстановить традиционные монгольские ценности, деформированные либо полностью уничтоженные в советский период: культ Чингисхана, систему ламаистских храмов и религиозного обучения и воспитания. Фактически нынешняя монгольская политическая культура – это синтез элементов возрожденной традиционной и западной культуры. Последняя является частью мощного процесса *вестернизации Монголии*, обрушившегося на страну в начале 90-х годов.

В широком (геополитическом и цивилизационном) смысле для Монголии появилась, кроме традиционных России и Китая, *«третья сила»* в лице *Запада*, который является для Монголии собирательным и комплексным понятием и явлением. Под дан-

747

ным термином понимается группа ведущих стран – США, Япония, Южная Корея, страны ЕС, с которыми Монголия в начале 90-х годов начала активное политическое и экономическое сближение и сотрудничество. *«Западный фактор»* стал неким противовесом традиционному российскому и китайскому влиянию не только в экономических областях, но и в сферах монгольской политической культуры. Западные стандарты (образование, образ жизни, психологические параметры) быстро воспринимаются монгольской элитой и частью населения.

Любопытно, что если попытаться вычлени из понятия «Запад» ведущее по степени влияния на Монголию государство, то это будет азиатская *Япония*. Как известно, официальные дипломатические отношения с Японией были установлены еще в советский период – 24 февраля 1972 г., однако новое качество и масштабы эти отношения приобрели в 90-е годы. Монголия, как вся Центральная Азия, рассматривается Японией как один из сырьевых резервов для японской промышленности, а также возможным местом усиления политического влияния. В структуре японо-монгольского сотрудничества большое внимание уделяется безвозмездной помощи Токио. В 1991 – 1992 гг. эта помощь составила 30 млн. долл., в 1993 – 1,8 млн. долл.

США в группе стран «третьей силы» для Монголии занимают условное второе место, хотя в последнее время в связи с активизацией международной политики Дж. Буша (Иракская война и пр.) Вашингтон в монгольских внешнеполитических приоритетах иногда выходит и на первое место.

За последние 20 лет монголо-американские отношения претерпели качественное изменение. Официальные контакты Улан-Батора и Вашингтона были установлены 27 января 1987 г., но подлинное стратегическое взаимодействие установилось в начале 90-х годов. Вашингтон приветствовал демократические преобразования в Монголии, предоставлял ежегодно большую гуманитарную помощь, льготные кредиты. С середины 90-х Монголия попадает в поле интересов руководителей НАТО. Ведущие эксперты и генералы регулярно посещают страну, налаживая взаимодействие НАТО с Монголией в рамках различных проектов.

Нападение США на Ирак поставило монгольское руководство перед сложным выбором определения своей политики

748

в связи с этим событием. Характерно, что южный (Китай) и северный (Россия) соседи критиковали действия США, предлагая Улан-Батору занять аналогичную позицию. Однако монгольское правительство не только поддержало действия США в Ираке, но и официально примкнуло к американской военной коалиции, наряду с Великобританией, Польшей и другими государствами.

Новым направлением внешней политики Монголии являются отношения с *европейскими странами*, прежде всего ЕС. Особое значение монгольское руководство придает развитию политических и экономических связей с Германией и Великобританией. Основной акцент в этих связях делается на предоставление гуманитарной и технико-экономической помощи монголам со стороны ЕС.

Рассматривая проблему современной монгольской идентичности и внешних факторов влияния, следует отметить *китайский фактор*, который после 1990 года оценивался в Монголии несколько иначе, чем в предшествовавший (советский) период. Монголы справедливо считали себя некими заложниками советско-китайского спора 60-80-х годов XX в. и пытались выйти из этого вечного исторического состояния «буфера» между Севером (Россией) и Югом (Китаем).

После 1991 г. со стороны Улан-Батора наблюдалось стремление не просто улучшить монголо-китайские отношения, но и сделать их некой альтернативой России, что было связано с господствовавшей тогда в монгольской политической элите русофобией, эйфорией от быстрой победы над коммунизмом на фоне распада СССР и всего социалистического мира. Монголо-китайские контакты принимают новый, более высокий качественный уровень.

В апреле 1994 г. во время визита китайского премьера Ли Пэна в Монголию был подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве. Договор не носил союзнического характера, но содержал обязательства обеих сторон не нарушать государственные границы, развивать сотрудничество в различных областях, включая политическую. Вместе с тем, часть независимых экспертов, анализируя текст договора и сравнивая его с текстом заключенного в 1993 г. договора Монголии с Россией, отмечают в нем некоторые недостатки в отличие от последнего. Так, в монголо-китайском договоре от-

749

сутствует прописанный механизм решения спорных вопросов, положение о неприкосновенности

государственной границы Монголии. Многие аналитики считают, что в Договоре заложена вероятность силового подхода к решению Пекином проблем в монголо-китайских отношениях⁷.

Китай, как известно, всегда рассматривал и рассматривает Монголию как «утраченную территорию», которая рано или поздно должна вернуться в «лоно Родины». Для обоснования данного тезиса китайские историки ссылаются на исторический и современный опыт Внутренней Монголии, являющейся вот уже более 400 лет частью Китая.

Как известно, попытки объединения монголов в рамках китайского государства наблюдались как в гоминьдановский (до 1949 г.), так и коммунистический периоды Китая. Китайское коммунистическое руководство во главе с Мао Цзэдуном не раз (в 1950, 1956, 1959 гг.) предлагало советскому руководству обсудить вопрос о возможности присоединения Монголии к Китаю. Однако ни сталинское, ни хрущевское руководство не шло навстречу предложениям Мао, ссылаясь на решения Ялтинской конференции великих держав в 1945 г. и волю монгольского народа, высказанную на референдуме 1945 г. Монголо-китайская торговля за последние 11 лет увеличилась с 38,5 (в 1991 г.) до 480 млн. долл. (в 2002 г.). Монгольский экспорт представлен животноводческим сырьем, металлами (медно-молибденовый концентрат), лесо- и пиломатериалами и пр. Китайские товары постепенно завоевывают монгольский рынок.

15-17 июля 1999 г. состоялся государственный визит председателя КНР Цзян Цзэминя в Монголию. Итогом визита явилось подписание ряда документов двустороннего технико-экономического характера. В июне 2003 г. Улан-Батор посетил новый руководитель (4-го поколения) Китая, Председатель КНР Ху Цзиньтао, который провел ряд встреч с монгольским руководством о дальнейшем развитии межгосударственных политических и торгово-экономических связей.

В настоящее время в Монголии на уровне правящих элит и массового сознания вернулись к концепции «скрытой китайской угрозы», которой всегда объективно противостояла и

⁷ Г. С. Яскина. Монголия и внешний мир. М., 2002, с. 180.

750

противостоит Россия. В нынешнем монгольском политическом менталитете четко сформулирована проблема китайской угрозы, которая интерпретируется с учетом новых внешних международных условий-становлением Китая как великой экономической державы, развитием российско-китайского стратегического партнерства, восстановлением России как великой державы.

Российский фактор политического влияния может быть рассмотрен в различных аспектах: в плане межгосударственных отношений, в контексте межцивилизационного диалога, связанного с наличием этнически близких к монголам анклавов на территории России (Бурятия, Тува, Калмыкия). Началом нового этапа межгосударственных отношений явился Договор о дружбе и сотрудничестве 1993 г. между Россией и Монголией, открывший широкие возможности для активизации двусторонних отношений, особенно на уровне регионального сотрудничества соседних с Монголией областей и республик. С 1992 по 2002 гг. было подписано более 115 соглашений и договоров, подготовлен 51 проект по приграничному сотрудничеству. В конце 90-х годов состоялись визиты региональных российских губернаторов и президентов - Б. Говорина, А. Тулеева, В. Потапова и др. Официальный визит российского Президента В. В. Путина в Монголию в 2002 г. вывел российско-монгольские отношения на новый, более высокий уровень. Фактически сегодня речь идет о «возвращении» России в Монголию и восстановлении там утраченных в свое время политических и экономических позиций. Уровень российско-монгольской торговли сегодня свыше 550 млн. долл., существует ряд выгодных российско-монгольских проектов в области энергетики, транспорта, добычи полезных ископаемых. В начале 2004 г. российская сторона пошла на списание «большого монгольского долга» в 10 млрд. долл., возникшего в период существования советско-монгольских отношений. В обмен монгольская сторона пошла на увеличение российской доли акций в ряде акционерных совместных предприятий- комбинат «Эрдэнэт» и другие.

Литература

- Грайворонский В. В. Десять лет по пути реформ // Азия и Африка сегодня, №12,2000; №1,2001.
Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной конференции, 10-11 апреля 2003 г. М., 2003.
Лузянин С. Г. Россия - Монголия - Китай в первой половине XX в. Политические отношения в 1911 - 1946 гг. М., 2000.
Лузянин С. Г. Россия - Монголия - Китай в первой половине XX в. Изд. 2-ое, доп. М., 2003.
Надилов Ш. Г. Ю. Цеденбал: страницы политической биографии. М., 1997.
Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001.
Рошин С. К. Политические процессы в Монголии в 20-40-е годы XX в., М., 2000.
Шинкарев Л. И. Монголы. Традиции, реальности, надежды. М., 1981.
Яскина Г. С. Монголия и внешний мир. М., 2003.
Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. М., 1994.
Bold R. The Security of Small State: Option for Mongolia. Ulaanbaatar, 2000.
Foreign Policy of Mongolia. Blue Book. Ulaanbaatar, 2000.
Mongolian Development Strategy: Capacity Building. Ulaanbaatar, 2000.
Renovation of Mongolia on the Eve of XXI Century and Future Development Patterns. Ulaanbaatar, 2000.

Приложение

Программа учебного курса Политические системы и политические культуры стран Востока (36 ч.)

Авторы-разработчики программы:

д.п.н. проф. А. Д. Воскресенский, к.и.н. доц. М. А. Сапронова при участии д.и.н. проф. Ефимовой Л. М., д.и.н. проф. Молодяковой Э. В., к.и.н. доц. Корсуна В. А., д.и.н. проф. Денисова В. И., д.и.н. проф. Лузянина С.Г., д.и.н. проф. Алаева Л. Б., д.и.н. проф. Белокреницкого В. Я, к.и.н. доц. Яковлевой Е. А, к.и.н. проф. Степановой Н. В, к.и.н. проф. Дружиловского С. Б., д.и.н. проф. Звягельской И. Д., д.и.н. проф. Емельянова А. Л., д.и.н. проф. Володина А.Г.

Рецензент:

А. Г. Володин, доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Программа дисциплины «Политические системы и политическая культура стран Востока» разработана в соответствии с примерной программой, утвержденной Министерством образования Российской Федерации

753

Организационно-методический раздел

Современный этап общественного развития стран Азии и Африки характеризуется значительными изменениями в политическом процессе, одной из черт которого является вовлечение в него широких слоев населения. В этих условиях важно выявить специфику политического поведения различных общностей и отдельных личностей, мотивации их поступков, формирование политических взглядов и т. д. в современной политической системе и политической культуре восточных обществ. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран Азии и Африки.

Целью курса является привить адекватное профессиональное понимание современных политических процессов, происходящих в странах Востока, с учетом их исторического опыта и цивилизационной специфики.

В задачу курса, рассчитанного на один семестр (36 часов), входит дать студентам сравнительный анализ политических систем в странах Востока как в теоретическом и историческом аспектах, так и по отдельным афро-азиатским государствам. Студент получит возможность сравнить пути формирования и эволюции политических систем в странах Азии и Африки, понять взаимодействие и борьбу различных политических сил, выступающих с позиций традиционализма и модернизма, оценить степень зрелости гражданского общества, элементов демократической политической системы в странах Азии и Африки и т. д.

Учебно-методические замечания

Справка-эссе

Справка-эссе готовится в течение семестра в консультации с преподавателями курса и сдается каждым студентом лично после окончания первого коллоквиума проводящим его преподавателям. Она состоит из 7-10 стр. компьютерного текста на избранную тему. Тематика: «Политическая система страны Востока в сравнительной перспективе» или «Политическая культура страны Востока в сравнительной перспективе».

754

Текст должен быть самостоятелен, логически продуман, разбит на параграфы, должен иметь введение, оглавление и список использованной литературы, на который должны быть сделаны отсылки (библиографические сноски) по тексту. Сноски оформляются в соответствии с ГОСТом и требованиями университета.

Требования к зачету

1. Ответ на два вопроса из списка вопросов для самостоятельной подготовки.

2. Индивидуальная «защита» справки-эссе.

Критерии зачета без пересдачи: не менее 90%

30% - посещаемость лекций;

30% - ответ на зачете;

40% - представление и «защита» справки-эссе.

Тема 1. Особенности политических процессов на Востоке

Восток как социокультурное понятие. Восток как географическое, историко-культурное, социополитическое, экономическое, цивилизационное понятие. Особенности структурного подхода к Западу и Востоку. Особенности динамики исторического и политического процесса на Востоке.

Особенности политического процесса на Западе и на Востоке. Западная модель политического процесса: концепция эффективности, принцип неопределенности, атомарно-номиналистский принцип, принцип разделения властей, системно-функциональный принцип, теория светской политической культуры, концепция «открытого общества». Особенности политического процесса на Востоке: принцип «у-вэй»

(«воздержание от волонтаристской активности»), теократический принцип, принцип консенсуса «служилого государства» (принцип уравнительной справедливости), принцип священной справедливости.

Своеобразие политического процесса в традиционных и «посттрадиционных» обществах.

755

Тема 2. Восток в современной политической науке

Истоки и этапы изучения политических систем и политических культур Востока, место востоковедной политологии в системе общественных наук, ее междисциплинарный характер, теоретическая и практическая значимость.

Особенности восточных политических культур и политических систем в сравнении с подобными феноменами Запада и России. Анализ гетерогенности (разнородности) и разностадийности формирования политических культур и политических систем Востока, различные формы сосуществования и взаимодействия составляющих их традиционных и современных элементов, роль религии в их функционировании.

Проблема политической модернизации и институционализации; неоднозначность/двойственность и анклавный характер этих процессов.

Оценка с политологической точки зрения таких процессов, как фундаментализм, коммунизм, терроризм, и их места в политической культуре стран Востока.

Тема 3. Особенности политической культуры стран Востока

Многослойность и мозаичность - главная особенность политической культуры современных стран Востока.

Представления традиционного общества, включающие архаичные, заимствованные из раннерелигиозных комплексов мировых и национальных религий, как основа политической культуры народов Востока. Специфика «наслоений» европейской цивилизации на Востоке в период колониализма и борьбы за национальное освобождение. Выборочность и «переработанность» европейских заимствований на Востоке.

Развитие на путях независимости - новый этап в развитии политической культуры стран Востока.

Влияние глобализации и поиска национальной идентичности на политическую культуру стран Востока на современном этапе.

756

Тема 4. Политическая система и политическая культура Японии

Общая характеристика политической системы Японии - динамичность с высоким уровнем стабильности. Факторы политической стабильности: политическая система, основанная на демократических принципах; политическая культура, способствующая консолидации общества, обладающая методами разрешения конфликтов; национальная идея, нацеленная на социальный прогресс и основанная на объективной истории государства.

Основные компоненты политической системы Японии - политическая структура (политические организации), политические нормы и принципы, политические отношения, политическое сознание.

Конституция 1947 года - юридическая база развития Японии в условиях демократии. Ее основные особенности - сохранение преемственности государственности в признании императора «символом государства и единства народа»; 9-я статья, согласно которой «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации».

Специфическая модель демократии в Японии, сложившаяся под влиянием социокультурных особенностей народа, этико-правовой системы, традиций политической культуры. «Ориентализация» институтов представительной (парламентской) демократии. Существенное своеобразие политической жизни страны, несмотря на внешнюю похожесть японских политических партий, институтов и процедур на западные аналоги.

Отличие в идейном плане японского консерватизма от консервативных движений на Западе (набор специфических принципов общественного устройства и управления, меньшая идеологизированность и подчеркнутая прагматичность), направленность не на изменение общества по определенному плану, а на регулирование общественного развития в соответствии с принятыми в нем принципами.

757

Тема 5. Политические системы и политические культуры Китая и Тайваня в сравнительной перспективе

Социально-психологические аспекты исторического развития и влияние традиционной политической культуры на современные институты.

Политическая система и политическая культура КНР: современное состояние и перспективы эволюции. «Социалистическая мораль» в функции права в КНР. Символизм и изощренные формы политического протеста.

Конституция Китайской Республики 1947 года: система «пяти властей». 40 лет существования на Тайване жесткого авторитарного режима военного времени в соответствии с «Временными правилами на период национальной мобилизации для подавления мятежа» (1948). Цзян Цзинго и отмена чрезвычайного положения в 1987 году. Ли Дэнхуэй (1990) - первый Президент не из семьи Чан Кайши. Партийная система Тайваня.

Нормы и процедуры Дополнительных статей к конституции в результате шести (1990-2000) конституционных ревизий: формирование президентской республики с системой «двухэтажного

парламентаризма». Исполнительная палата (с МВД), Палата юстиции (с Советом великих судей) и Экзаменационная палата (с аппаратом гражданской службы) в системе сдержек и противовесов «по-тайваньски». Законы о самоуправлении 1994 года и структура местных представительных и административных органов.

Тема 6. Политическая система и политическая культура Монголии

Монгольская демократическая революция 1990 г. и формирование новой политической системы. Становление монгольской демократии, многопартийности и идеологического плюрализма. Особенности формирования «гражданского общества» в Монголии. Общественно-политические настроения старой (партийно-номенклатурной) и новой (демократической) монгольских элит. Особенности становления монгольского бизнеса.

758

Функционально-политические роли Президента, премьер-министра, спикера парламента (Хурала). Итоги летних 2000 г. парламентских выборов в Монголии. Победа МНРП, современные корректировки стратегии и тактики развития Монголии, укрепление роли государства в социально-экономической политике, возрождение российско-монгольских связей.

Основные параметры современной политической культуры Монголии. Влияние глобализации и регионализации на базовые ценности монгольского общества. Политическая культура и проблема синтеза традиций и западного влияния. Проблема размывания монгольской кочевой цивилизации и вестернизации общества.

Тема 7. Политическая система и политическая культура Индии

Специфические условия функционирования демократической системы в Индии: экономическая отсталость, сохранение традиционных институтов (каста, община, большая семья, кланы), неграмотность большинства населения, бедность, глубокая и широкая религиозность, низкий процент современных классов и слоев в недрах традиционного общества. Кастовая ментальность как фактор социальной стабильности. Дискуссия о гражданском обществе в Индии.

Три системы политической власти: 1). Парламентская федеративная система: парламент и премьер-министр, законодательные собрания штатов и главные министры штатов; 2). Унитарная административная система: президент- губернаторы штатов- Индийская административная служба- коллекторы дистриктов - главы талуков/тахсиллов; 3). Местное самоуправление на уровнях блоков деревень - тахсиллов - дистриктов.

Роль неформальных групп и организаций в парламентской и внепарламентской деятельности. Кастовая и конфессиональная солидарность, факционность. Роль харизматических личностей, значение личностных связей, семейственность, nepotизм. Коррупция как наследие восточного понимания смысла службы государству и как следствие государственного регулирования экономики.

759

Партийная система. Партии как объединения патронатов и факций. Партии в отдельных штатах. Создание и распад политических коалиций.

Тема 8. Политические системы и политические культуры мусульманских стран Южной Азии

Авторитаризм как традиционная черта политического устройства в Пакистане и Бангладеш. Преобладающая роль высшей гражданской бюрократии и военных (генералитета). Попытки демократизации, республиканские конституции, осуществление принципа разделения властей. Смена военных, военно-бюрократических и демократических режимов в Пакистане и Бангладеш. Мусульманский национализм и официальная идеология Пакистана. Место ислама в Конституции Пакистана. Исламизация политической системы в 1970-90-х гг. Влияние религиозных партий и организаций. Роль радикального ислама (исламизма), его связь с терроризмом, афганским движением «Талибан» и кашмирскими сепаратистами. Бангладешский национализм и роль ислама в политической системе страны. Усиление исламской идеологии и рост влияния исламских партий в 1990-х годах.

Характерные черты политической культуры. Религиозный состав населения в Пакистане и Бангладеш. Конфессиональные меньшинства. Основные направления (секты) и канонические школы (мазхабы, фикхи) в южноазиатском исламе. Народный (низовой) ислам, культ святых, распространенность суфизма, политическое значение суфийских орденов. Богословская школа барсави. Пуританский (салафитский) ислам школы дсобанди. Шиизм и его политическая роль в Пакистане. Столкновения между пакистанскими суннитами и шиитами. Сочетание конфессионального и этнического факторов, особенности политической культуры в отдельных областях Пакистана и у разных этнонациональных групп (панджабцев, синдхов, мухаджиров, пуштунов, белуджей). Ислам у бенгальцев и конфессиональный фактор в политической культуре Бангладеш.

760

Тема 9. Политические системы и политические культуры стран Юго-Восточной Азии

Особенности социально-экономических отношений в странах Юго-Восточной Азии. Индивид и группа. Патронатно-клиентальные связи.

Хинаянский буддизм и особенности религиозного синкретизма в странах Юго-Восточной Азии. Традиционный праздничный цикл как отражение картины мира и как средство национальной интеграции.

Властные отношения в хинаянских обществах стран Юго-Восточной Азии. Кармическое обоснование социального и политического статусов индивида. Хинаянская концепция монархической власти. Роль сангхи в легитимации государственной власти. «Монархический национализм». Мораль и политика.

Хинаяна и представительная демократия. Хинаяна и политический плюрализм. Концепция «буддийского социализма». Хинаяна и опыт социалистических преобразований в ЛНДР и НРК. «Буддийские ценности» в конституциях стран Юго-Восточной Азии. Влияние «западного» политического опыта на формирование политических систем стран Юго-Восточной Азии.

Тема 10. Государственно-политическая структура современных арабских государств

Многообразие государственных и политических структур в арабских странах. Разновидности монархических и республиканских форм правления. Роль и место ислама в обществе и государстве. Шариат как нормативная система и часть правовой культуры арабских стран.

Ислам и конституционное строительство (место и роль главы государства в системе органов государственной власти, институт правящих династий в арабских монархиях, место и роль Совета Шуры, особенности функционирования представительных органов власти, особенности конституционного закрепления гражданских прав и свобод).

761

Этапы отношений между государством и исламом. Официальный ислам и исламизм.

Особенности сущности, организации и функционирования политических партий в арабских странах, их социальная основа. Однопартийные и многопартийные системы. Проблема политической оппозиции..

Тема 11. Особенности политической системы и политической культуры Израиля

Израиль как переселенческое общество и специфика формирования политической культуры в этом государстве. Базовое противоречие между этноконфессиональным характером государства и демократической политической системой. Элементы авторитаризма в Израиле и причины их появления.

Проблемы складывания нации и задачи абсорбции иммигрантов. Теория «плавильного котла». Выходцы из бывшего СССР и их положение в современном Израиле. Место и роль национальных меньшинств в государстве. Роль религии в Израиле как фактора национальной идентичности.

Функционирование государственной системы и основные политические структуры. Политические партии, их зарождение, эволюция и влияние на разработку политических решений. Смена поколений в израильском политическом истеблишменте и меняющаяся расстановка политических сил.

Тема 12. Особенности политических систем и политической культуры стран Среднего Востока

Результаты реформирования «сверху» традиционных восточных обществ в странах Среднего Востока. «Белая революция» в Иране, политика «руководимой экономики» в Афганистане, политика этатизма в Турции. Влияние Запада на эти процессы.

Причины «исламского ренессанса» в странах Среднего Востока в последней четверти XX столетия. Исламская революция в Иране, приход к власти афганских исламистов, борьба турецких исламистов за власть в Турецкой Республике.

762

Концептуальное обоснование необходимости исламского пути развития в программных документах происламских партий и трудах известных исламских лидеров стран Среднего Востока. Концепция «веляте факих» в работах аятоллы Р. Хомейни. Концепция «социальной экономики» Н. Эрбакана. Исламский путь развития в программных документах афганских исламистов.

Социально-экономическое и политическое развитие стран Среднего Востока в период исламского правления. Специфика политических систем и политических культур стран Среднего Востока.

Тема 13. Политические системы и политическая культура государств Центральной Азии

Поиски национальной идентичности после распада СССР и строительство собственной государственности в странах Центральной Азии. Политическое наследие советского периода и его использование нынешними руководителями государств региона. Обращение к традиционным ценностям как один из факторов легитимации политических режимов. Причины устойчивости традиционного общества и факторы, способствующие ретрадиционализации в Центральной Азии.

Традиционный и нетрадиционный ислам. Причины укрепления политического ислама и характер его влияния на общество. Этнический состав и специфика фрагментированных обществ в Центральной Азии. Влияние Востока и Запада на развитие государств региона. Основные политические институты и особенности политических режимов.

Специфика политических систем и политических культур государств Центральной Азии в сравнительной перспективе.

Тема 14. Особенности политических систем и политической культуры стран Африки

Проблема адаптации ключевых понятий политической науки к реалиям африканского континента.

763

Основные концепции африканской самобытности и попытки их практического осуществления. Африканский социализм. Афромарксизм. Современные проблемы выбора пути развития.

Проблема гражданского общества в Африке. Влияние мировых демократических политических структур на континент. Синтез западного и африканского политического опыта. Относительная политическая самостоятельность армии. Специфические черты африканских политических партий и их отличие от европейских и американских.

Причины прихода к власти в начале 60-х годов военно-диктаторских и авторитарных режимов. Их отличие от аналогичных режимов в Азии и Латинской Америке. Специфика африканских демократических

режимов. Политизация традиционной элиты, ее синтез с современной. Особая роль армии, генералитета и старших офицеров. Основные отличия африканской элиты от западной и азиатской.

Влияние этнического фактора на политическую культуру. Конфликты в Африке, основные причины их возникновения и пути их разрешения.

Тема 15. Политические системы стран Востока в сравнительной перспективе

Социальное пространство политических систем стран Востока. Зрелость объективных предпосылок политической деятельности.

Авторитаризм и система политического представительства: теоретические модели и их практическое применение. Общества плюралистические и плюральные.

«Волны» демократии, их характер и содержание на Востоке.

Власть- оппозиция- партии- массы: проблема взаимоотношений. Роль государства в переходных обществах Востока. Стратегии политического развития и их эффективность. «Демократический транзит»: возможности и ограничения.

Перспективы либерализации и демократизации политических систем в современных восточных обществах.

764

Литература для подготовки к зачету

Основная обязательная литература ко всему курсу

1. Алмонд Г., Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002
2. Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2002
3. Вся Азия. Справочник. М., 2003
4. Дербишайр Дж. и Я. Дербишайр. Политические системы мира. М., 2004
5. Политическая наука: новые направления. М., 1999
6. Сморгунюв Л. С. Современная сравнительная политология. М., 2002
7. Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. М., 2001
8. Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000

К теме 1.

Обязательная

1. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996
2. Альтернативные пути к цивилизации, М., 2000
3. История, культура, цивилизация. М., 1998
4. Панарин А. С. Политология: о мире политики на Востоке и на Западе. М., 1998

Дополнительная

1. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. М., 1998
2. Павленко Ю. В. Человек и власть на Востоке. - Феномен восточного деспотизма. М., 1993
3. Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000
4. Фурсов А. И. Восточный феодализм и история Запада. - Народы Азии и Африки, 1987 № 4.

765

К теме 2.

Основная

1. Ерасов Б. С. Феномен «восточного деспотизма» как явление нового мышления. - Восток. 2000 № 4.
2. Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М., 2000.
3. Политическая культура стран Востока. М., 1999.
4. Рукавишников В., Лук Халман, Питер Остер. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.
5. Старостин Б. С. Политика и модернизация. Восток-Запад. Север - Юг. - Философия мировой политики. Актуальные проблемы. М., МГИМО, 2000.

Дополнительная

1. Воскресенский А. Д. (Отв. ред.-сост.) Политическая наука в России. М., 2000.
2. Еремин В. Н. Политическая система Японии на рубеже столетий. -Япония: конец века. М., 1996.
3. Каменская Г. В., Родионов А. Н. Политические системы современности. М., 1994.
4. Куценков А. А. Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика. - Восток. 2001 № 4.
5. Особенности модернизации на мусульманском Востоке: Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М., 1997.
6. Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.
7. Прокопенко Л. Я. Политическая модернизация в Африке: некоторые итоги и оценки. - Восток. 2001 № 4.

К теме 3.

1. Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М., МГИМО, 1999.
2. Политическая культура в странах Азии и Африки. М., МГИМО, 1997.

766

К теме 4.

1. Еремин В. Н. Политическая система современного японского общества (2-е изд.). М., 1993.
2. Загорский А. В. Послевоенная эволюция политической культуры. / Япония: полвека обновления. М., 1995.
3. Маркарьян С. Б. Институт императора как фактор устойчивости государственной системы в Японии. / Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
4. Молодякова Э. В. «Неординарная» демократия в Японии. / Япония: мифы и реальность. М., 1999.
5. Саркисов К. О. Неоконсерватизм и теория «третьего пути»: японский контекст. / Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
6. Стрельцов Д. В. Современный японский парламент. М., 1994.

К теме 5.**Основная**

1. Буров В. Модернизация тайваньского общества М 1998.
2. Гонконг до и после 1 июля 1997 года: одно государство - два строя. М., 1997.
3. Гудошников Л. М., Асланов Р. М., Степанова Г. А. Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти). М., 1996.
4. Гудошников Л., Кокарев К. Политическая система Тайваня. М., 1999.
5. Егоров К. Л. Китайская Народная Республика: политическая система и политическая динамика (80-е годы) М, 1993.
6. Личность в традиционном Китае. М., 1992.
7. Многопартийность на Тайване. Сост. Л. М. Гудошников. М., 1999.
8. Сидихменов В. Я. Китай: общество и традиции М 1990.

767

Дополнительная

1. Ахметшин Н. Переходные процессы в КНР: государство и общество (80-90-е годы). - Вестник МГУ. 1996 № 2.
2. Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР (50-60-е годы). М., 1980.
3. Гражданское *законодательство КНР (сборник* нормативных актов). Сост., пер. с кит. Е. Г. Пашенко. М., 1997.
4. Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1997.
5. Делюсин Л. П. Политическая реформа и проблемы демократии в Китае. М., 1993.
6. Егоров К. Л. Представительная система Китая: история и современность. М., 1998.
7. Карпов М. Экономическая реформа и политическая борьба в КНР (1984-1989). М., 1997.
8. Китайская Народная Республика. Законодательные акты (1984-1988). Под ред. Л. М. Гудошникова. М., 1989.
9. Конституция КНР. - Конституции социалистических государств. Том 1. М., 1987.
10. Копков А. Экзамен в системе госслужбы КНР. - Проблемы Дальнего Востока. М., 2000 № 1.
11. Куманин Е. В. Юридическая политика и правовая система КНР. М., 1990.
12. Общественные объединения КНР (80-е- начало 90-х годов) в 2-х томах. Отв. ред. Ф. Б. Белелюбский, Л. М. Гудошников. М., 1992.
13. Политическая система КНР: 100 вопросов и ответов. Пер. с кит. М., 1990.

К теме 6.

1. Грайворонский В. Десять лет по пути реформ // Азия и Африка сегодня, №12, 2000; №1, 2001.
2. Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., ИВ РАН, 2001.
3. Современная Монголия. - Восток, 1996 № 6.
4. Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. М., 1994 .

768

5. Яскина Г. С. Политические реформы в современной Монголии. - Проблемы Дальнего Востока, 1995, № 5.
6. Bold R. The Security of Small State: Option for Mongolia. Ulaanbaatar, 2000.
7. Renovation of Mongolia on the Eve of XXI Century and Future Development Patterns. Ulaanbaator, 2000.

К теме 7.**Основная**

1. Алаев Л. Б., Зубов А. Б. Доминантно-партийная система и личностные ориентации индийских избирателей. - Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990, с. 97-110.
2. Зубов А. Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.
3. Куценков А. А. Касты, классы и проблема социальных конфликтов в Индии. - Рабочий класс и современный мир, 1974 №4.
4. Ломова-Оппокова М. Ю. Каста, факция и политика в Индии. - Народы Азии и Африки, 1988 №4.
5. Празаускас А. А. Этнос, политика и государство в современной Индии. М., 1990.
6. Чичеров А. И. Индийский национальный конгресс в 60-е годы: политико-идеологические и социально-классовые черты. - Индия 1983. Ежегодник. М., 1986.

Дополнительная

1. Алаев Л. Б. Индийские идентичности в условиях модернизации - Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. Учебное пособие. М., 1999.
2. Вельский А. Г., Фурман Д. Е. Сикхи и индусы. Религия. Политика, терроризм. М., 1992.
3. Вельский А. Г. Мусульманский коммунизм в Индии: возникновение, идеология, политика. М., 1987.
4. Гендин А. А. Каста и выборы в Индии. - Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.

769

5. Девяткина Т. Ф. Индийский национальный конгресс (1947-1964). М., 1970.
6. Звезды и судьбы и политике страны. - Азия и Африка сегодня, 2001 №4.
7. Зубов А. Б. Индия: проблема складывания новой политической культуры. - Современные зарубежные исследования политической культуры и политических институтов. Сборник обзоров. М., 1987.
8. Индия: кодекс поведения политических партий и кандидатов. Предисл., пер. с англ. и комм. Э. Н. Комарова. - Восток. 1995 № 5.
9. Комаров Э. Н. Некоторые концептуальные проблемы социально-политического развития. - Экономическое, социальное и политическое развитие Индии (1917-1987). М., 1989.
10. Куценков А. А. Касты в политической жизни. - Индия 1980. Ежегодник. М, 1982.
11. Куценков А. А. Политическая функция индийской касты. - Народы Азии и Африки, 1974 № 1.
12. Лебедев В. Б. Эволюция электоральной структуры Индии в 90-е годы. - Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2000 № 6.
13. Плешова М. А. Демократия в Индии. Проблемы местного самоуправления. М., 1992.
14. Регинин А. И. Индийский национальный конгресс: очерки идеологии и политики (60-е и первая половина 70-х годов). М., 1978.
15. Современные концепции политического развития Индии. Научно-аналитический обзор. М., 1983.
16. Черкасов А. И. Партии в политической системе Индии. - Право и политика в развивающихся странах. М., 1991.
17. Черновская В. В. Механизм неформального политического влияния индийских предпринимателей. - Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.
18. Шарма М. П. Государственный строй Индийской республики. М., 1958.
19. Юрлова Е. С. «Неприкасаемые» в Индии. М., 1989.

770

К теме 8.

1. Белокрыцкий В. Я., Москаленко В. Н. Пакистан. М., 1981.
2. Микаелян Н. Р. Общественно-политические движения и религиозная традиция в Индии и Пакистане. М., 1989.
3. Народная Республика Бангладеш. М., 1974.
4. Пакистан (справочник). М, 1991.
5. Плешов О. В. Ислам и демократия. Опыт Пакистана. М., 1996.
6. Шерковина Р. И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане. М., 1983.
7. Щеглова А. М. Сельское общество Бангладеш. М., 1988.
8. Энциклопедия Пакистана. М., 1998.
9. Ayesha Jalal. Democracy and Authoritarianism in South Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
10. Rehman Sobhan. Bangladesh: Problems of Governance. New Delhi: Manohar, 1993.

К теме 9.

1. Агаджанян А. С. Буддийский путь в XX веке. М., 1993.
2. Буддизм. Словарь. М., 1992.
3. Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997.
4. Иванова Е. В. Очерки культуры тайцев Таиланда. М., 1996.
5. Корнев В. И. Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. М, 1983.
6. Косиков И.Г. Система образования и ее роль в формировании камбоджийского единства / Расы и народы (выпуск 5). М., 1975.
7. Ребрикова Н. В., Калашников Н. И. Таиланд: общество и государство. М., 1974.
8. Традиционный мир Юго-Восточной Азии. М, 1991.
9. Этикет у народов Юго-Восточной Азии. СПб., 1999.
10. Юго-Восточная Азия. Идеология и религия. М., 2001.
11. Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.

771

*К теме 10.**Обязательная*

1. Абу-Лабан Б., Абу-Лабан Ш. Ислам, общество и государство: вопросы методологии исследования / Арабский Восток: ислам и реформы. М, 2000.
2. Африка. Особенности политической культуры (ученые записки Института Африки РАН), вып.12,

М., 1999.

3. Бабкин С. Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2000.
4. Мусульманское право (структура и основные институты). М., 1984
5. Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. М., 2001.
6. Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.

Дополнительная

1. Александров И. А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000
2. Каминский С. А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981
3. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986
4. Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания (межкультурная коммуникация). М., 2001

К теме 11.

1. Воробьев В. П. Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности. М., МГИМО, 2001.
2. Гасратян С. М. Религиозные партии Государства Израиль. М., 1996.
3. Гейзель З. Политические структуры Государства Израиль. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001.
4. Государство Израиль в 80-е годы. М., 1992.
5. Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока - Иерусалимский университет, 2000.

772

6. Don Peretz and Gideon Doron. The Government and Politics of Israel. Boulder: Westview Press, 1997.

К теме 12.

1. Афганистан. Война и проблемы мира. М., 1998.
2. Афганистан: проблемы войны и мира. М., 1996.
3. Дружиловский С. Б. Турецкая Республика в 80-90-е годы. М., 1998.
4. Дружиловский С. Б. Социально-политическая история Ирана (конец 70-х - 80-е годы). М., 1989.
5. Дружиловский С. Б. Исламская Республика Иран на рубеже 80-90-х годов. М., 1994.
6. Дружиловский С. Б. проблемы противостояния исламского общества западному влиянию на примере стран Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция). - Глобализация и поиск национальной идентичности в странах Среднего Востока. М, МГИМО, 1999.
7. Иран: эволюция исламского правления. М., ИВ РАН, 1998.
8. Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М., 1987.

К теме 13.

1. Многомерные границы Центральной Азии / Под ред. М. Олкотт, А. Малашенко. М., 2000.
2. Парамонов В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии - внешние факторы. - Центральная Азия и Кавказ. М., 2000 № 1(7).
3. Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia. Ed. by Lena Jonsón, Murad Esenov. Stockholm: The Swedish Institute of International Affairs, 1999.
4. Civil Society in Central Asia. Ed. by M.Holt Ruffin and Daniel Waugh. Washington: Center for Civil Society International, 1999.
5. www.ca-c.org.

773

К теме 14

Обязательная:

1. Африка: особенности политической культуры. М., 1999.
2. Политические партии современной Африки. М., 1998.
3. Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму. М., 1996.

Дополнительная:

1. Африка в меняющемся мире. М., 1995.
2. Африка: кланы, классы, общество. Социальные мутации на исходе XX века. М., 1994.
3. Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу. М., 1995.
4. Демократизация в Африке: 1980-1990 гг. М., 1997.
5. Поликанов Д. В. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. М., 1998.
6. Широков Г. К. Мир на перепутье (расхождение векторов общественного развития: Запад-Восток). М., 2000.
7. Шубин Г. В. ЮАР: создание нерасового государства. М., 1998.

К теме 15.

1. Классы, партии и политика в развивающихся странах Востока. М., 1988.
2. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия, - Политическая наука в России. М., 2000.
3. Парламентаризм и демократия в незападных обществах (материалы дискуссии), «Восток», №6 (1992), №1 (1993).
4. Эволюция традиционных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
5. Энтин Л. М., Энтин М. Л. Политология развития и освободившиеся страны. М., 1986.

Примерный календарно-тематический план курса

Лекционные занятия

1. Особенности политических процессов на Востоке.
2. Особенности политической культуры современного Востока.
3. Политические системы и политические культуры Китая и Тайваня в сравнительной перспективе.
4. Политическая система и политическая культура Индии.
5. Становление современных политических систем и политической культуры в странах Юго-Восточной Азии и хиньянский буддизм.
6. Политическая система и политическая культура государств Корейского полуострова.
7. Политическая система и политическая культура Японии.
8. Политические системы и политические культуры государств Центральной Азии.
9. Политические системы и политическая культура арабских стран.
10. Особенности политической системы и политической культуры современного Израиля.
11. Особенности политических систем и политической культуры стран Среднего Востока.
12. Политические системы стран Востока в сравнительной перспективе.
- 13. Коллоквиум 1.**
- 14. Коллоквиум 2.**
15. Самостоятельная подготовка.
- 16. Зачет.**

775

Темы для обсуждения на коллоквиумах. *Коллоквиум 1.*

1. Восток как социокультурное, географическое, историко-культурное, социополитическое, экономическое, цивилизационное понятие.
2. Особенности политических культур и политических систем стран Востока в сравнении с Западом.
3. Характерные черты традиционной политической культуры.
4. Факторы, влияющие на формирование политических систем и политической культуры стран Востока.
5. Современные политические системы КНР и Тайваня в сравнительной перспективе. Основные черты традиционной политической культуры Китая.
6. Особенности политической культуры Индии. Основные этапы политического развития независимой Индии и системы политической власти в этой стране.
7. Особенности демократии в Японии.
8. Особенности политических систем государств Корейского полуострова.

Коллоквиум 2.

1. Авторитаризм и система политического представительства в странах Востока.
2. Социальное пространство политических систем стран Востока.
3. Политические системы и политическая культура стран Юго-Восточной Азии.
4. Особенности политических систем в арабских странах.
5. Мусульманская политическая культура.
6. Особенности формирования политической культуры и политическая система Израиля.
7. Специфика политических систем Среднего Востока.
8. Традиционализм в обществах государств Центральной Азии; причины роста влияния политического ислама в центральноазиатских государствах.

776

Вопросы для самостоятельной подготовки к зачету

1. Восток как социокультурное, географическое, историко-культурное, социополитическое, экономическое, цивилизационное понятие.
2. Особенности политических культур и политических систем стран Востока в сравнении с Западом.
3. Особенности процессов политической модернизации на Востоке.
4. Характерные черты традиционной политической культуры.
5. Особенности демократии в Японии.
6. Эволюция структур политической власти в Японии: от биполярной структуры (1955 г.- начало 90-х гг.) к коалиционным правительствам (первая половина 90-х гг.).
7. КПК - ядро системы «демократической диктатуры народа».
8. Этапы демократизации тайваньского общества.
9. Основные черты традиционной политической культуры Китая.
10. Политическая система МНР до начала демократических *преобразований*.
11. Конституционное развитие Монголии в период демократических реформ.
12. Системы политической власти в Индии.
13. Причины сохранения демократического политического строя в Индии.
14. Основные этапы политического развития независимой Индии.

15. Специфика мусульманского политического сознания в Южной Азии.
 16. Политическая система Пакистана и Бангладеш.
 17. Специфика религиозной ситуации и ее отражение в общественно-политической жизни стран Юго-Восточной Азии.
 18. Представительная демократия, политический плюрализм и хинаянское вероучение в странах Юго-Восточной Азии.
 19. Влияние ислама на функционирование государственных институтов в арабских странах.
- 777
20. Шариат как важнейшая часть правовой культуры и политической жизни арабских стран.
 21. Особенности формирования политической культуры в Израиле.
 22. Основное противоречие политической системы Израиля: этноконфессиональный характер государства и западная модель демократии.
 23. Причины несостоятельности революций «сверху» в странах Среднего Востока.
 24. Причины исламского возрождения в странах Среднего Востока.
 25. Специфика политических систем Среднего Востока.
 26. Традиционализм в обществах государств Центральной Азии и причины развития процесса ретрадиционализации.
 27. Поиски национальной идентичности и причины роста влияния политического ислама в центральноазиатских государствах.
 28. Специфика формирования гражданского общества в Африке.
 29. Специфика африканских демократических режимов.
 30. Этнический фактор в политической культуре Африки.
 31. Авторитаризм и система политического представительства в странах Востока.
 32. «Волны» демократии, их характер и содержание на Востоке. Возможности и ограничения «демократического транзита» на Востоке,

778

Программа учебного курса

Политические системы и политические культуры стран Востока (72 ч.)

Разработчики программы:

д.и.н. проф. А. Д. Воскресенский, к.и.н. доц. М. А. Сапронова при участии д.и.н. проф. Ефимовой Л. М., д.и.н. проф. Молодяковой Э. В., к.и.н. доц. Корсуна В. А., д.и.н. проф. Денисова В. И., д.и.н. проф. Лузянина С.Г., д.и.н. проф. Алаева Л. Б., д.и.н. проф. Белокреницкого В. Я, к.и.н. доц. Яковлевой Е. А, к.и.н. проф. Степановой Н. В, к.и.н. проф. Дружиловского С. Б., д.и.н. проф. Звягельской И. Д., д.и.н. проф. Емельянова А. Л., д.и.н. проф. Володина А.Г.

Рецензент:

А. В. Меликсетов, доктор исторических наук, профессор

Программа дисциплины «Политические системы и политическая культура стран Востока» разработана в соответствии с примерной программой, утвержденной Министерством образования Российской Федерации

779

Организационно-методический раздел

Современный этап общественного развития стран Азии и Африки характеризуется значительными изменениями в политическом процессе, одной из черт которого является вовлечение в него широких слоев населения. В этих условиях чрезвычайно важно выявить специфику политического поведения различных общностей и отдельных личностей, мотивации их поступков, формирование политических взглядов и т. д. в современной политической системе и политической культуре восточных обществ. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран Азии и Африки.

Для стран Востока политический вектор модернизации связан, прежде всего, с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией. Конкретным историческим развитием и цивилизационными особенностями определяется специфика их политических систем. Понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока. В этом актуальность предлагаемой к изучению проблематики.

Цель курса: привить магистрантам адекватное профессиональное понимание современных политических процессов, происходящих в странах Востока, с учетом их исторического опыта и цивилизационной специфики.

Задача курса, рассчитанного на два семестра (72 ч.), – дать магистрантам углубленный сравнительный анализ политических систем в странах Востока как в теоретическом и историческом аспектах, так и по отдельным афро-азиатским государствам. Магистрант получит возможность сравнить пути формирования и эволюции политических систем в странах Азии и Африки, понять взаимодействие и борьбу различных политических сил, выступающих с позиций традиционализма и модернизма, оценить степень зрелости гражданского общества, элементов демократической политической системы в странах Азии и Африки и т. д.

780

В задачу курса также входит дать комплексное представление о традиционной основе и специфике политической культуры современных государств Азии и Африки, которая обусловлена цивилизационными особенностями их общественно-политического развития, являя собой переплетение восточных и западных элементов и проявляется во всех компонентах политических систем Востока - структуре высших органов государственной власти, деятельности политических партий и общественных организаций, конституционном развитии, политическом мышлении правящих элит и масс.

Лекционный курс предполагает комплексное чтение лекций специалистами-востоковедами и базируется на трех самостоятельных курсах, разработанных и читаемых по кафедре Востоковедения на факультетах Международных отношений, Политологии и Международной журналистики: «Политические системы стран Востока», «Политическая культура Востока» и «Политические процессы на Востоке».

Учебно-методические замечания

Курс рассчитан на два учебных семестра (68-72 ч.) и представляет собой чередующиеся попеременно лекционные и семинарские занятия. \

В течение учебного года магистранты пишут две аналитические справки по теме: «Политическая система страны в сравнительной перспективе» и «Политическая культура страны».

Требования к экзамену:

25% - ответ на два вопроса из списка на экзамене;

25% - зачет справки;

25% - посещаемость лекций;

25% - активность на семинарских занятиях.

781

Тематический план курса

1. **Лекция 1.** Особенности политических процессов на Востоке.
 2. **Лекция 2.** Восток в современной политической науке.
 3. **Лекция 3.** Традиции и модернизм в политологии Востока.
 4. **Семинар 1.**
 5. **Лекция 4.** Особенности политической культуры современного Востока.
 6. **Лекция 5.** Проблема политической модернизации на Востоке.
 7. **Семинар 2.**
 8. **Лекция 6.** Политическая система и политическая культура Японии.
 9. **Семинар 3.**
 10. **Лекция 7.** Политические системы и политические культуры Китая и Тайваня в сравнительной перспективе.
 11. **Семинар 4.**
 12. **Лекция 8.** Политические системы и политические культуры государств Корейского полуострова.
 13. **Семинар 5.**
 14. **Лекция 9.** Политическая система и политическая культура Монголии.
 15. **Семинар 6.**
 16. **Лекция 10.** Политическая система и политическая культура Индии.
 17. **Семинар 7.**
 18. **Лекция 11.** Политические системы и политическая культура мусульманских стран Южной Азии.
 19. **Семинар 8.**
 20. **Лекция 12.** Становление современных политических систем и политической культуры в странах Индокитайского полуострова и хиньянский буддизм.
 21. **Лекция 13.** Политические системы и политические культуры Индонезии, Малайзии и Сингапура.
 22. **Семинар 9.**
 23. **Лекция 14.** Государство и политическая структура современных арабских государств: влияние исламской традиции.
- 782
24. **Лекция 15.** Лидерство в политической культуре арабских стран.
 25. **Лекция 16.** Особенности политической системы и политической культуры современного Израиля.
 26. **Семинар 10.**
 27. **Лекция 17.** Особенности политических систем и политических культур стран Среднего Востока.
 28. **Семинар 11.**
 29. **Лекция 18.** Политические системы и политические культуры государств Центральной Азии.
 30. **Семинар 12.**
 31. **Лекция 19.** Особенности политических систем и политических культур стран Африки.
 32. **Семинар 13.**
 33. **Лекция 20.** Политические системы стран Востока в сравнительной перспективе.

Лекционные занятия

Лекция 1. Особенности политических процессов на Востоке

Восток как социокультурное понятие. Восток как географическое, историко-культурное, социополитическое, экономическое, цивилизационное понятие. Особенности структурного подхода к Западу и Востоку. Особенности динамики исторического процесса на Востоке.

Специфика цивилизационного подхода к Западу и Востоку. Концепции «восточного деспотизма» и «азиатского способа производства» и специфика политических процессов на Востоке.

Особенности политического процесса на Западе и на Востоке. Западная модель политического процесса: концепция эффективности, принцип неопределенности, атомарно-номиналистский принцип, принцип разделения властей, системно-функциональный принцип, теория светской политической культуры, концепция «открытого общества».

Особенности политического процесса на Востоке: принцип «у-вэй» («воздержание от волюнтаристской активности»), теократический принцип, принцип консенсуса «служилого государства» (принцип уравнительной справедливости), принцип священной справедливости.

Своеобразие политического процесса в традиционных и «посттрадиционных» обществах.

Лекция 2. Восток в современной политической науке

Истоки и этапы изучения политических систем и политических культур Востока, место востоковедной политологии в системе общественных наук, ее междисциплинарный характер, теоретическая и практическая значимость.

Соотношение востоковедной политологии с общей теорией политической науки, политической философии, социологии

784

политики и культурологии. Методология исследований, проводимых как в странах Запада и Востока, так и в России, их основные направления; авторы ведущих концепций.

Особенности восточных политических культур и политических систем в их сравнении с подобными феноменами Запада и России. Анализ гетерогенности (разнородности) и разностадийности формирования политических культур и политических систем Востока, различные формы сосуществования и взаимодействия составляющих их традиционных и современных элементов, роль религии в их функционировании.

Проблема политической модернизации и институционализации; неоднозначность (двойственность) и анклавный характер этих процессов.

Оценка с политологической точки зрения таких процессов, как фундаментализм, коммунизм, терроризм, и их места в политической культуре стран Востока.

Лекция 3. Подходы к анализу соотношения традиций и модернизма в востоковедной политологии

Концепции традиционного общества на Западе, в России и на Востоке. Методологические подходы к изучению традиционализма.

Общее и особенное в понятиях «традиционализм» и «традиция». Типология этих феноменов и этапы их исторической эволюции. Особенности противоречий контактов традиционного и западного обществ в эпоху колониализма. Попытки внедрения западных цивилизационных ценностей на Восток.

Причины и условия выживания различных восточных социумов, несмотря на давление Запада. Стремления руководителей стран Востока, как, например, Индии, Китая, Японии, новых индустриальных стран (НИС), Танзании, Ливии и других.

Современный этап поиска альтернативных стратегий развития (АТР).

785

Лекция 4. Особенности политической культуры современного Востока

Многослойность и мозаичность - главная особенность политической культуры современных стран Востока.

Представления традиционного общества, включающие архаичные, заимствованные из раннерелигиозных комплексов мировых и национальных религий, как основа политической культуры народов Востока. Специфика «наслоений» европейской цивилизации на Востоке в период колониализма и борьбы за национальное освобождение. Выборочность и «переработанность» европейских заимствований на Востоке.

Развитие на путях независимости - новый этап в развитии политической культуры стран Востока.

Влияние глобализации и поиска национальной идентичности на политическую культуру стран Востока на современном этапе.

Лекция 5. Проблема политической модернизации на Востоке

Модели перехода от традиционного общества в постколониальном Востоке к современному: вестернизационная модернизация Запада и марксистская модернизация по советскому образцу.

В первом варианте предлагался экономический рост (много авторов) и политическая институционализация по западному образцу; во втором варианте также делалась ставка на экономическую

помощь постколониальным государствам за их политико-идеологическую поддержку советских внешнеполитических амбиций, идеологические «панегирики» в адрес нашей страны и ее тогдашнего руководства.

Обе концепции, в общем, не «сработали», т. е. оказались неадекватными тому социуму, во многом сохраняющему культурно-политический «генотип», который уже тогда играл свою роль и в социально-политической философии, и в практике правящих элит Востока.

Новый этап переосмысления парадигмы модернизации Востока на Западе, в России и в Южной Азии.

786

Лекция 6. Политическая система и политическая культура Японии

Общая характеристика политической системы Японии - динамичность с высоким уровнем стабильности. Факторы политической стабильности: политическая система, основанная на демократических принципах; политическая культура, способствующая консолидации общества, обладающая методами разрешения конфликтов; национальная идея, нацеленная на социальный прогресс и основанная на объективной истории государства.

Основные компоненты политической системы Японии - политическая структура (политические организации), политические нормы и принципы, политические отношения, политическое сознание.

Конституция 1947 года - юридическая база развития Японии в условиях демократии. Ее основные особенности - сохранение преемственности государственности в признании императора «символом государства и единства народа», 9-я статья, согласно которой «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации».

Специфическая модель демократии в Японии, сложившаяся под влиянием социокультурных особенностей народа, этико-правовой системы, традиций политической культуры. «Ориентализация» институтов представительной (парламентской) демократии. Существенное своеобразие политической жизни страны, несмотря на внешнюю похожесть японских политических партий, институтов и процедур на западные аналоги.

Создание биполярной структуры политической власти, так называемой системы 1955 г. (объединение на одном полюсе всех консервативных сил в Либерально-демократическую партию и на другом - всех социал-демократических в Социалистическую партию Японии). Причины распада правления доминантной партии (ЛДП) и переход к эре коалиционных правительств (с начала 90-х годов).

Отличие в идейном плане японского консерватизма от консервативных движений на Западе (набор специфических принципов общественного устройства и управления, меньшая

787

идеологизированность и подчеркнутая прагматичность), направленность не на изменение общества по определенному плану, а на регулирование общественного развития в соответствии с принятыми в нем принципами.

Лекция 7. Политические системы и политические культуры КНР и Тайваня в сравнительной перспективе

Особенности складывания китайской государственности и влияние традиционной политической культуры на современные институты. Консервативные черты «национального характера» китайцев: конфуцианский авторитаризм, культ семьи и клана, социальная иерархичность, ориентация на естественность социальной зависимости. Компромисс и гармония, лавирование и приспособление - ядро китайского «стереотипного бихевиоризма». Партикулярные отношения («гуаньси») и преобладание вертикальных связей в китайских ведомствах. Особый тип «стратагемного» политика. Высокая степень персонификации и «подковерный» характер политической борьбы. Внешние индикаторы политических изменений в китайском руководстве. Место патернализма и nepotизма.

Политическая система и политическая культура КНР: эволюция, деформации, современное состояние и перспективы. Высшие органы государственной власти ВСНП, Председатель КНР. Место Госсовета, Центрального Военного Совета, НПКСК в структуре реформируемой политической системы КНР. Механизмы и процедуры принятия решений в пореформенном Китае. Политический строй Особых Административных районов Сянган и Аомэнь.

«Социалистическая мораль» в функции права в КНР. Символизм и изоциренные формы политического протеста.

Конституция Китайской Республики на Тайване (1947) и система «пяти властей». Отмена чрезвычайного положения в 1987 году, складывание многопартийной парламентской системы и первые президентские выборы в 1996 году. Конец монополии на власть Гоминьдана и партийная система современного Тайваня. Структура местных представительных административных органов. Тайваньское политическое «чудо» и его демонстрационный эффект для Азии.

788

Лекция 8. Политические системы и политические культуры государств Корейского полуострова

Исторические корни политической культуры Кореи. Особенности традиционной модели государственного управления: замкнутость, иерархичность, консерватизм. Влияние американского образца на становление государственности в Республике Корея (РК) и советского - в КНДР.

Основные компоненты политической системы Республики Корея и эволюция их содержания в

процессе перехода от авторитаризма к демократии. История конституционного строительства в РК. Конституция 1948 года и поправка к ней. Особенности военизированного управления политической жизнью и экономикой в период правления Пак Чжон Хи (1961-1979 гг.) Политические реформы 1987 года. Реформаторство Ким Дэ Чжуна.

Республика Корея как президентская республика. Особенности и национальная специфика формирования и функционирования законодательной и исполнительной власти. Организация государственной службы.

Основы политической культуры РК - регионализм, клановость, непарламентские методы борьбы. Особенности политических партий РК. «Персонализация» политической жизни РК. Появление и рост неправительственных организаций и движений.

Возникновение и конституционное развитие КНДР. «Чучхе» применительно к государственному строительству- теории «вождя», «опоры на собственные силы», «защиты социализма нашего образца» и др. Формальная и реальная регламентация политической и общественной жизни, жизнедеятельности граждан. Система индоктринации населения, репрессивный аппарат, распределительная система.

Формальная и реальная структура государственного управления КНДР. Роль партии, возрастание властных функций Государственного комитета обороны после конституционных перемен 1998 года. Армия в политической системе КНДР. Милитаризация управления и политической жизни. Возможности и перспективы эволюции политической системы КНДР.

789

Лекция 9. Политическая система и политическая культура Монголии

Исторические основы традиционной политической культуры Монголии. Влияние советского фактора на формирование монгольской политической системы в 20-80-е годы XX века. Идеологические, цивилизационно-исторические и геополитические аспекты советского влияния на МНР (теория «панмонголизма», «некапиталистического развития», советско-китайские разногласия в 60-70-е годы и роль МНР, и пр.)

Монгольская демократическая революция 1990 года и формирование новой политической системы. Становление монгольской демократии, многопартийности и идеологического плюрализма. Особенности формирования «гражданского общества» в Монголии. Общественно-политические настроения старой (партийно-номенклатурной) и новой (демократической) монгольских элит. Особенности становления монгольского бизнеса.

Функционально-политические роли Президента, премьер-министра, спикера парламента (Хурала). Итоги летних 2000 года парламентских выборов в Монголии. Победа МНРП, современные корректировки стратегии и тактики развития Монголии, укрепление роли государства в социально-экономической политике, возрождение российско-монгольских связей.

Основные параметры современной политической культуры Монголии. Возрождение культурно-цивилизационных основ- монгольской кочевой цивилизации и буддийско-ламаистского фактора. Влияние глобализации и регионализации на базовые ценности монгольского общества. Возрождение социо-исторической памяти, старомонгольской письменности и религии на этапе демократизации монгольского общества. Политическая культура и проблема синтеза традиций и западного влияния. Проблема размывания монгольской кочевой цивилизации и вестернизации общества.

790

Лекция 10. Политическая система и политическая культура Индии

Роль колонизаторов в утверждении демократической системы и особенности традиционного строя как факторы ее сохранения.

Специфические условия функционирования демократической системы в Индии: экономическая отсталость, сохранение традиционных институтов (каста, община, большая семья, кланы); неграмотность большинства населения, бедность, глубокая и широкая религиозность, низкий процент современных классов и слоев в недрах традиционного общества. Кастовая ментальность как фактор социальной стабильности. Дискуссия о гражданском обществе в Индии.

Три системы политической власти: 1) парламентская федеративная система: парламент и премьер-министр, законодательные собрания штатов и главные министры штатов; 2) унитарная административная система: президент- губернаторы штатов -Индийская административная служба- коллекторы дистриктов - главы талуков/тахсиллов; 3) местное самоуправление на уровнях блоков деревень - тахсиллов - дистриктов.

Роль неформальных групп и организаций в парламентской и внепарламентской деятельности. Кастовая и конфессиональная солидарность, факционность. Роль харизматических личностей. Значение личностных связей, семейственность, непотизм. Коррупция как наследие восточного понимания смысла службы государству и как следствие государственного регулирования экономики.

Официальный секуляризм и межконфессиональные противоречия. Развитие индуистского коммунизма. Сепаратистские движения.

Партийная система. Партии как объединения патронатов и факций. Партии в отдельных штатах. Создание и распад политических коалиций.

Основные этапы политического развития независимой Индии. Смена высококастового партийного руководства на руководителей из средних каст, появление партий, опирающихся на низшие касты. Признаки эволюции от доминантно-партийной системы к двухпартийной.

791

Лекция 11. Политические системы и политическая культура мусульманских стран Южной Азии

Роль ислама в политической истории и культуре Индии. Формирование мусульманского политического самосознания и борьба за создание Пакистана. Особенности политической системы в Пакистане и Бангладеш.

Авторитаризм как традиционная черта политического устройства в Пакистане и Бангладеш. Преобладающая роль высшей гражданской бюрократии и военных (генералитета). Попытки демократизации, республиканские конституции, осуществление принципа разделения властей. Смена военных, военно-бюрократических и демократических режимов в Пакистане и Бангладеш. Мусульманский национализм и официальная идеология Пакистана. Место ислама в Конституции Пакистана. Исламизация политической системы в 1970-90-х гг. Влияние религиозных партий и организаций. Роль радикального ислама (исламизма), его связь с терроризмом, афганским движением «Талибан» и кашмирскими сепаратистами. Бангладешский национализм и роль ислама в политической системе страны. Усиление исламской идеологии и рост влияния исламских партий в 1990-х годах.

Характерные черты политической культуры. Религиозный состав населения в Пакистане и Бангладеш. Конфессиональные меньшинства. Основные направления (секты) и канонические школы (мазхабы, фикхи) в южноазиатском исламе. Народный (низовой) ислам, культ святых, распространенность суфизма, политическое значение суфийских орденов. Богословская школа барселви. Пуританский (салафитский) ислам школы дсобанди. Шиизм и его политическая роль в Пакистане. Столкновения между пакистанскими суннитами и шиитами. Сочетание конфессионального и этнического факторов, особенности политической культуры в отдельных областях Пакистана и у разных этнонациональных групп (панджабцев, синдхов, мухаджиров, пуштунов, белуджей). Ислам у бенгальцев и конфессиональный фактор в политической культуре Бангладеш.

792

Лекция 12. Становление современных политических систем и политической культуры в странах Индокитайского полуострова и хинаянский буддизм

Особенности социально-экономических отношений в Бирме, Таиланде, Лаосе, Камбодже. Индивид и группа. Патронатно-клиентальные связи и их функционирование в хинаянских обществах.

Основы вероучения хинаянского буддизма. Место монашества и монастырей в социальной жизни тайцев, бирманцев, лаосцев и кхмеров. Институт временного пострига. Кармическое обоснование социального положения индивида. Феномен коллективной кармы. Религиозная заслуга (пунья) и ее социальная манифестация (коллективная пунья, передача пуньи и др.) Структура религиозного синкретизма у бирманцев, тайцев, лаосцев и кхмеров: хинаяна-брахманизм-ранний религиозный комплекс. Традиционный праздничный цикл как механизм национально-государственной интеграции.

Властные отношения в хинаянских обществах. Кармическое обоснование политического статуса индивида. Хинаянская концепция монархической власти. Сангха и политика. Хинаянские секты в политике. «Монархический национализм». Мораль и политика.

Хинаяна и экономическая активность индивида.

Хинаяна и представительная демократия. Хинаяна и политический и идеологический плюрализм. Концепция «буддийского социализма». Хинаяна и опыт социалистических преобразований (на основе марксистско-ленинских идей) в Лаосе и Камбодже. Учение о «Срединном (восьмеричном) пути» и политика в хинаянских странах. «Небуддийский стиль» в социально-политической истории хинаянских народов в XX веке. «Буддийские ценности» в конституциях стран Индокитайского полуострова.

Функционирование «хинаянских» политических систем стран Индокитайского полуострова в 60-е - 90-е годы и на рубеже третьего тысячелетия. Авторитаризм и тоталитаризм в хинаянских обществах.

Основные черты политической системы Социалистической Республики Вьетнам. Проблема ее эволюции в направле-

793

нии большей демократизации. Причина сохранения жесткой однопартийности во Вьетнаме. Взаимосвязь политической системы СРВ и ее ускоренного социально-экономического роста в 90-е годы XX века.

«Конфуцианский тип» современной вьетнамской государственности. Буддизм и политика в СРВ. «Китайский путь» рыночного реформирования и Вьетнам: вопрос о причинах и пределах заимствования китайских стандартов. «Идеи Хо Ши Мина» в программных документах КПВ.

Влияние членства в АСЕАН на внутривнутриполитический процесс в СРВ.

Лекция 13. Политические системы и политические культуры Индонезии, Малайзии и Сингапура

Влияние полиэтнической и поликонфессиональной структуры индонезийского общества на формирование политической системы и политической культуры Индонезии. Наследие экс-президента Сухарто, проблемы коррупции власти и авторитаризма. Исламский фактор в политической культуре и его влияние на общественно-политические процессы. Президентство А. Вахида (1999-2001 гг.) Борьба Демократической партии Индонезии за власть и победа 23 июля 2001 года Мегавати Сукарнопутри. Современные политические реалии Индонезии.

Особенности политического устройства Малайзии и Сингапура. Элементы авторитаризма в лице исполнительной власти (модель «авторитарной демократии» Сингапура). Влияние азиатского финансового

кризиса 1997-1998 гг. на Малайзию -усиление авторитаризма правящих партий и влияния премьера Махатхира. Система наследственной монархической (султанат) власти в Брунее.

Филиппины - от диктатуры Ф. Маркоса (70-80-е годы) к «народной революции» 1986 года и режиму «новой демократии» К. Акино (1986-1992 гг.) Попытки реформ в период правления президентов Ф. Рамоса (1992-1998 гг.) и Дж. Эстрады (1998-2001 гг.) Влияние политических кланов и династий на формирование правящих элит. Современные приоритеты внутренней стратегии президента Глории Арройо.

794

«Армейский парламентаризм» 70-80-х годов XX века в Таиланде. Конституция 1997 года и ее роль в становлении и развитии политической системы и демократии в Таиланде. Институт монархии в Таиланде.

Лекция 14. Государство и политическая структура современных арабских государств: влияние исламской традиции

Многообразие государственных и политических структур в арабских странах, особенность политических процессов. Разновидности монархических и республиканских форм правления. Особенность функционирования государственных институтов в странах «аравийской шестерки», особая роль правящих семейств.

Роль и место ислама в обществе и государстве. Шариат как нормативная система и часть правовой культуры арабских стран. Ислам и конституционное строительство (место и роль главы государства в системе органов государственной власти, место и роль Совета шуры и других консультативных советов, особенности функционирования представительных органов власти, особенности конституционного закрепления гражданских прав и свобод).

Проблематика политических партий в исламе. Особенности сущности, организации и функционирования политических партий в арабских странах, их социальная основа. Однопартийные и многопартийные системы. Проблема демократизации политических систем и политической оппозиции. Исламские фундаменталистские движения и особенности их взаимодействия с правящими элитами.

Лекция 15. Лидерство в политической культуре арабских стран

Лидер - ключевая фигура в современной политической системе арабских государств. Факторы, определяющие особенности политического лидерства и значимости лидера в арабских странах. Переплетение глубоко укоренившихся традиций и современности, специфика общественно-политической жизни арабских стран. Место и роль лидера и характер лидерства в системе традиционного арабского общества.

795

Факторы, воздействующие на формирование феномена лидерства в арабском мире: характер арабского общества и особенности развития современного арабского государства.

Феномен политического лидерства и фундаментальная база политического лидерства: особенности политической культуры переходного арабского общества (отсутствие представления об эволюции общественного развития, недоверие к любой инновации, особое доверие политическим лидерам), особая роль государства, мифологическое массовое сознание. Социальное явление харизмы- символ нового единства, дирижистский стиль политического руководства, ответ на определенную общественную потребность в условиях распада традиционных общественных структур.

Идеология харизматического лидера в настоящее время: приверженность делу развития и модернизации общества.

Лекция 16. Особенности политической системы и политической культуры современного Израиля

Израиль как переселенческое общество и специфика формирования политической культуры в этом государстве. Базовое противоречие между этноконфессиональным характером государства и демократической политической системой. Элементы авторитаризма в Израиле и причины их появления.

Проблемы складывания нации и задачи абсорбции иммигрантов. Теория «плавильного котла». Выходцы из бывшего СССР и их положение в современном Израиле. Место и роль национальных меньшинств в государстве. Роль религии в Израиле как фактора национальной идентичности.

Функционирование государственной системы и основные политические структуры. Политические партии, их зарождение, эволюция и влияние на разработку политических решений. Смена поколений в израильском политическом истеблишменте и меняющаяся расстановка политических сил.

796

Лекция 17. Особенности политических систем и политических культур стран Среднего Востока

Результаты реформирования «сверху» традиционных восточных обществ в странах Среднего Востока. «Белая революция» в Иране, политика «руководимой экономики» в Афганистане, политика этатизма в Турции. Влияние Запада на эти процессы.

Причины «исламского ренессанса» в странах Среднего Востока в последней четверти XX столетия. Исламская революция в Иране, приход к власти афганских исламистов, борьба турецких исламистов за власть в Турецкой Республике.

Концептуальное обоснование необходимости исламского пути развития в программных документах происламских партий и трудах известных исламских лидеров стран Среднего Востока. Концепция «веляте факих» в работах аятоллы Р. Хомейни. Концепция «социальной экономики» Н. Эрбакана. Исламский путь развития в программных документах афганских исламистов.

Социально-экономическое и политическое развитие стран Среднего Востока в период исламского правления. Специфика политических систем и политических культур стран Среднего Востока.

Лекция 18. Политические системы и политические культуры государств Центральной Азии

Поиски национальной идентичности после распада СССР и строительство собственной государственности в странах Центральной Азии. Политическое наследие советского периода и его использование нынешними руководителями государств региона. Обращение к традиционным ценностям как один из факторов легитимации политических режимов. Причины устойчивости традиционного общества и факторы, способствующие ретрадиционализации в Центральной Азии.

Традиционный и нетрадиционный ислам. Причины укрепления политического ислама и характер его влияния на общество. Этнический состав и специфика фрагментированных обществ в Центральной Азии. Влияние Востока и Запада на раз-

797

витие государств региона. Основные политические институты и особенности политических режимов.

Специфика политических систем и политических культур государств Центральной Азии в сравнительной перспективе.

Лекция 19. Особенности политических систем и политических культур стран Африки

Проблема адаптации ключевых понятий политической науки к реалиям африканского континента. .

Основные концепции африканской самобытности и попытки их практического осуществления. Африканский социализм. Афромарксизм. Современные проблемы выбора пути развития.

Проблема гражданского общества в Африке. Влияние мировых демократических политических структур на континент. Синтез западного и африканского политического опыта. Относительная политическая самостоятельность армии. Специфические черты африканских политических партий и их отличие от европейских и американских.

Причины прихода к власти в начале 60-х годов военно-диктаторских и авторитарных режимов. Их отличие от аналогичных режимов в Азии и Латинской Америке. Специфика африканских демократических режимов. Политизация традиционной элиты, ее синтез с современной. Особая роль армии, генералитета и старших офицеров. Основные отличия африканской элиты от западной и азиатской.

Влияние этнического фактора на политическую культуру. Конфликты в Африке, основные причины их возникновения и пути их разрешения.

Основные итоги политического, социального и интеллектуального развития стран Африки в XX веке.

798

Лекция 20. Политические системы стран Востока в сравнительной перспективе

Социальное пространство политических систем стран Востока. Зрелость объективных предпосылок политической деятельности.

Авторитаризм и система политического представительства: теоретические модели и их практическое применение. Общества плюралистические и плюральные.

«Волны» демократии, их характер и содержание на Востоке.

Власть- оппозиция- партии- массы: проблема взаимоотношений. Роль государства в переходных обществах Востока. Стратегии политического развития и их эффективность. «Демократический транзит»: возможности и ограничения.

Перспективы либерализации и демократизации политических систем в современных восточных обществах.

799

Семинарские занятия

Семинар 1. Восток в современной политической науке

1. Восток как социокультурное, географическое, историко-культурное, социополитическое, экономическое, цивилизационное пространство.

2. Особенности структурного и цивилизационного подхода к Западу и Востоку: концепция цивилизационной «смеси».

3. Предмет и методология востоковедной политологии.

4. Особенности политического процесса на Востоке. Специфика восточного политического мышления.

5. Многообразие политических систем на Востоке: общее и особенное.

Семинар 2. Особенности политической культуры современного Востока

1. Характерные черты традиционной политической культуры.

2. Особенности политической культуры в странах Востока.

3. Влияние колониализма на традиционную политическую культуру.

4. Традиционная политическая культура в период независимого развития стран Востока.

5. Влияние процессов глобализации на политическую культуру стран Востока.

6. Концепции политической модернизации Востока.

7. Переосмысление проблем модернизации в западной, российской и индийской политологии на современном этапе.

8. Сущность поиска альтернативных путей развития в соответствии с традиционными социокультурными ценностями.

Семинар 3. Политическая система и политическая культура Японии

800

1. Общая характеристика политической системы Японии. Факторы политической стабильности.

2. Особенности Конституции 1947 года.

3. Особенности демократии в Японии.

4. Характеристика биполярной структуры политической власти Японии (1955 г. - начало 90-х годов).

5. Начало эры создания коалиционных правительств в Японии (первая половина 90-х годов).

6. Особенности традиционной политической культуры Японии.

Семинар 4. Политические системы Китая и Тайваня в сравнительной перспективе

1. Влияние советской модели на современную политическую систему Китая.

2. КПК - ядро системы «демократической диктатуры народа».

3. Социально-политические последствия «политики реформы и открытости» в Китае.

4. Политическая система КНР: современное состояние и перспективы эволюции.

5. Этапы демократизации тайваньского общества.

6. Политическая система Тайваня: истоки политического «чуда».

7. Две государственности- одна политическая культура: КНР и Тайвань в сравнительной перспективе.

8. Так называемая проблема «двух Китаев» и проблема эволюции политической системы Китая.

9. Система рекрутирования кадров и селекция особого типа «стратагемного политика».

10. Китайская диаспора в рамках «единого фронта» «Большого Китая».

Семинар 5. Политические системы государств Корейского полуострова

1. Исторические корни политической культуры Кореи. Особенности традиционной модели государственного управления.

2. Основные компоненты политической системы Республики Корея и эволюция их содержания.

3. Конституционное развитие Республики Корея.

801

4. Основы политической культуры РК.

5. Возникновение и конституционное развитие КНДР.

6. Политическая система и политическая культура КНДР.

7. Роль армии в политических системах КНДР и РК.

Семинар 6. Политическая система и политическая культура Монголии

1. Исторические особенности складывания политической культуры монгольского общества.

2. Влияние советского фактора на формирование монгольской политической системы в 20-е - 80-е годы XX века.

3. Особенности становления политической системы Монголии после 1990 года.

4. Конституционное развитие Монголии в период демократических реформ.

5. Специфика института президентской власти. Многопартийность в Монголии и политическое возрождение МНРП.

6. Политическая культура современной Монголии. Проблема сохранения монгольской идентичности.

Семинар 7. Политическая система и политическая культура Индии

1. Основные этапы политического развития независимой Индии и становления политической системы.

2. Роль колонизаторов в утверждении демократической системы и особенности традиционного строя как факторы ее сохранения.

3. Системы политической власти в Индии.

4. Основные черты традиционной политической культуры.

5. Особенности функционирования партийной системы. Признаки эволюции от доминантно-партийной системы к двухпартийной.

Семинар 8. Политические системы стран Южной Азии

1. Роль ислама в политической истории и культуре Индии.

2. Специфика мусульманского политического сознания в Южной Азии.

802

3. Политическая система Пакистана и Бангладеш.

4. Политическая культура Пакистана и Бангладеш.

5. Религиозный состав населения в Пакистане и Бангладеш. Конфессиональные меньшинства и основные направления в южноазиатском исламе.

6. Особенности политической культуры в отдельных областях Пакистана и у разных этнонациональных групп.

7. Политическая роль шиизма в Пакистане.

Семинар 9. Политические системы стран Юго-Восточной Азии

1. Синкретизация хинаяны с брахманизмом и местными религиозными верованиями и ее

проявление в политике и общественной жизни стран Индокитайского полуострова.

2. Республиканизм в хинаянских странах Индокитайского полуострова.

3. Представительная демократия, политический плюрализм и хинаянское вероучение в странах Индокитайского полуострова.

4. Политические системы основных стран ЮВА в сравнительной перспективе.

5. Социокультурная функция хинаянского монашества.

6. Роль конфуцианства и буддизма махаяны в формировании и функционировании политической системы современной СРВ.

7. «Вьетнамская специфика» в контексте государственно-политического развития ЮВА на современном этапе.

Семинар 10. Политические системы арабских стран и Израиля

1. Политические системы в арабских странах: сравнительный анализ.

2. Влияние ислама на функционирование государственных институтов арабских стран.

3. Национальные модели политической культуры в арабских странах Северной Африки.

4. Проблема политической оппозиции в арабских странах.

5. Исторические корни лидерства в политической культуре традиционного арабского общества и вопрос лидерства в исламе.

803

6. Основное противоречие политической системы Израиля: этноконфессиональный характер государства и западная модель демократии.

7. Причины особого влияния религиозных партий и институтов в Израиле.

8. Особенности формирования политической культуры в Израиле.

Семинар 11. Политические системы стран Среднего Востока

1. Революции «сверху» в странах Среднего Востока: тактические неудачи или структурная несостоятельность?

2. Причины исламского возрождения в странах Среднего Востока.

3. «Исламская модель» в теории и практике социально-политического развития Исламской Республики Иран.

4. Социально-экономическое и политическое развитие стран Среднего Востока в период исламского правления.

5. Специфика политических систем Среднего Востока.

Семинар 12. Политические системы государств Центральной Азии

1. Поиски национальной идентичности в Центральной Азии и неоднозначные последствия этого процесса.

2. Традиционализм в обществах государств Центральной Азии и причины развития процесса ретрадиционализации.

3. Политическое наследие советского периода и его использование руководителями государств региона.

4. Поиски своего места в меняющемся мире: государства Центральной Азии между Востоком и Западом.

5. Традиционный и нетрадиционный ислам.

6. Политические системы государств Центральной Азии в сравнительной перспективе.

Семинар 13. Политические системы государств Африки

1. Формирование гражданского общества в Африке.

2. Специфика африканских демократических режимов.

804

3. Этнический фактор в политической культуре Африки.

4. Особенности политических систем африканских государств.

5. Синтез западного и африканского политического общества.

6. Формирование современных африканских элит.

7. Роль армии на Африканском континенте.

8. Типология конфликтов в Тропической и Южной Африке.

Семинар 14. Политические системы стран Востока в сравнительной перспективе

1. Социальное пространство политических систем стран Востока.

2. Авторитаризм и система политического представительства в странах Востока.

3. Концепция «волн» демократии, их характер и содержание на Востоке.

4. Роль государства в переходных обществах Востока.

5. Возможности и ограничения «демократического транзита» на Востоке.

6. Политические системы стран Востока в сравнительной перспективе: общее и особенное.

7. Перспективы либерализации и демократизации политических систем в современных восточных обществах.

805

Литература для подготовки к семинарам и экзамену

Основная обязательная литература ко всему курсу

Алмонд Г., Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.

Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2002.

Вся Азия. Справочник. М., 2003.

Дербишайр Дж. и Я. Дербишайр. Политические системы мира. М., 2004.

Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Сморгунов Л. С. Современная сравнительная политология. М., 2002.

Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. М., 2001.

Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.

К теме 1. (Политические процессы на Востоке)

Обязательная

1. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.

2. Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

3. История, культура, цивилизация. М., 1998.

4. Панарин А. С. Политология: о мире политики на Востоке и на Западе. М., 1998.

Дополнительная

1. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. М., 1998.

2. Павленко Ю. В. Человек и власть на Востоке. - Феномен восточного деспотизма. М., 1993.

3. Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000.

806

К теме 2. (Восток в политической науке)

К теме 3. (Проблема политической модернизации)

Обязательная

1. Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. Учебное пособие. Под ред. Л. М. Ефимовой, Л. Б. Алаева. М., МГИМО, 1999.

2. Ерасов Б. С. Феномен «восточного деспотизма» как явление нового мышления. - Восток. 2000 № 4.

3. Кочакова Н. Б. Традиционные институты управления и власти. М., 1993.

4. Модернизация и национальная культура. М., 1995.

5. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. Под ред. А. М. Родригеса. М., 2001.

6. Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М., 2000.

7. Политическая культура стран Азии и Африки. М., МГИМО, 1999.

8. Рукавишников В., Лук Халман, Питер Остер. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.

9. Рукавишников В. О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ / Социс, 1995 № 1.

Ю. Старостин Б. С. Освободившиеся страны: общество и личность. М., 1984. 11.

Старостин Б. С. Политика и модернизация. Восток - Запад. Север - Юг. - Философия мировой политики. Актуальные проблемы. М., МГИМО, 2000.

Дополнительная:

1. Воскресенский А. Д. (Отв. ред.-сост.) Политическая наука в России. М., 2000.

2. Еремин В. Н. Политическая система Японии на рубеже столетий. - Япония: конец века. М., 1996.

3. Каменская Г. В., Родионов А. Н. Политические системы современности. М., 1994.

4. Косухин Н. Д. Власть в контексте политической модернизации в современной Африке / Восток, 2001 № 6.

807

5. Куценков А. А. Индия: традиционный социально-культурный комплекс и политика. - Восток. 2001 № 4.

6. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

7. Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. Под ред. Белокреницкого В. Я. М., 1997.

8. Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.

9. Политология (Хрестоматия). Под ред. М. А. Василика. М., 2000.

Ю. Прокопенко Л. Я. Политическая модернизация в Африке: некоторые итоги и оценки. - Восток, 2001 № 4.

11. Риггс Фред У. Непрочность режимов «третьего мира» / Международный журнал социальных наук, 1993 № 3.

12. Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.

13. Традиция в истории культуры. Отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1978.

К теме 4. (Политическая культура)

1. Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М., МГИМО, 1999.

2. Политическая культура в странах Азии и Африки. М., МГИМО, 1997.

К теме 6. (Япония)

1. Еремин В. Н. Политическая система современного японского общества (2-е изд.). М., 1993.
2. Загорский А. В. Послевоенная эволюция политической культуры. / Япония: полвека обновления. М., 1995.
3. Маркарьян С. Б. Институт императора как фактор устойчивости государственной системы в Японии. / Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
4. Молодякова Э. В. «Неординарная» демократия в Японии. / Япония: мифы и реальность. М., 1999.
5. Саркисов К. О. Неоконсерватизм и теория «третьего пути»: японский контекст. / Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.
6. Стрельцов Д. В. Современный японский парламент. М., 1994.

808

К теме 7. (Китай)*Обязательная*

1. Гражданское законодательство КНР. М., 1997.
2. Гудошников Л., Кокарев К. Политическая система Тайваня. М, 1999.
3. Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1997.
4. Егоров К. Л. Представительная система Китая: история и современность. М, 1998.
5. Конституции социалистических государств, т. 1. М., 1987.
6. Конституция Китайской Республики (1947). - Тайбэй, 1998.

Дополнительная

1. Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР (50-60-е годы). М., 1980.
2. Делюсин Л. П. Политическая реформа и проблемы демократии в Китае. М., 1993.
3. Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999.
4. Личность в традиционном Китае. М., 1992.
5. Политическая система КНР: 100 вопросов и ответов. Пер. с кит. М, 1990.
6. Политическая культура стран Азии и Африки. М., 1996.
7. Степанова Г. А. Система многопартийного сотрудничества в КНР. М, 1999.
8. Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. М, 1994.

К теме 8. (Корея)

1. Большаков И., Толорая Г. Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1990.
2. Гуреева Н. П., Денисов В. И. КНДР. Основы государственного строя. М., 1983.
3. История Кореи (в 2-х тт.). М, 1974.
4. Ирибаев А. Г., Осипов В. И. Южная Корея. М., 1990.
5. КНДР. Справочник. М, 1988.

809

6. Конституция Республики Корея. Сеул, 2002.
7. Республика Корея. Карманная энциклопедия. М., 2000.
8. Социалистическая Конституция КНДР. Пхеньян, 1998.
9. Толорая Г. Республика Корея. М., 1991.
10. Толорая Г. Политическая система государств Корейского полуострова. М., 2002.

К теме 9. (Монголия)

1. Грайворонский В. В. Монголия: десять лет по пути реформ. - Азия и Африка сегодня, 2000 № 12; 2001 № 1.
2. Монгольская Народная Республика. Справочник. М., 1986.
3. Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001.
4. Современная Монголия (круглый стол). - Восток, 1996 №6.
5. Яскина Г. С. Монголия: смена модели развития. Политические и экономические реформы. М., 1994.
6. Яскина Г. С. Политические реформы в современной Монголии. - Проблемы Дальнего Востока, 1995 № 5.
7. Bold R. The Security of Small State: Option for Mongolia. Ulaanbaator, 2000.
8. Mongolian Development Strategy: Capacity Building. Ulaanbaator, 2000.
9. Renovation of Mongolia on the Eve of XXI Century and Future Development Patterns. Ulaanbaator, 2000.
10. Foreign Policy of Mongolia. Blue Book. Ulaanbaator, 2000.

К теме 10. (Индия)*Обязательная*

1. Алаев Л. Б., Зубов А. Б. Доминантно-партийная система и личностные ориентации индийских избирателей. - Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.
2. Зубов А. Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.

810

3. Куценков А. А. Касты, классы и проблема социальных конфликтов в Индии. - Рабочий класс и современный мир, 1974 №4.
4. Ломова-Оппокова М. Ю. Каста, факция и политика в Индии. - Народы Азии и Африки, 1988 № 4.
5. Прузаускас А. А. Этнос, политика и государство в современной Индии. М., 1990.
6. Чичеров А. И. Индийский национальный конгресс в 60-е годы: политико-идеологические и

социально-классовые черты. -Индия 1983. Ежегодник. М., 1986.

Дополнительная

1. Алаев Л. Б. Индийские идентичности в условиях модернизации. - Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. М., 1999.
2. Ашрафян К. З. Религия и коммунизм в Индии. - Народы Азии и Африки, 1980 № 4.
3. Вельский А. Г. Идеология и политика современного индусского коммунизма. Научно-аналитический обзор. М., 1984.
4. Вельский А. Г. Мусульманский коммунизм в Индии: возникновение, идеология, политика. М., 1987.
5. Вельский А. Г., Фурман Д. Е. Сикхи и индусы. Религия. Политика, терроризм. М., 1992.
6. Гендин А. А. Каста и выборы в Индии. - Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.
7. Девяткина Т. Ф. Индийский национальный конгресс (1947-1964). М., 1970.
8. Зубов А. Б. Индия: проблема складывания новой политической культуры. - Современные зарубежные исследования политической культуры и политических институтов. Сборник обзоров. М., 1987.
9. Индия: кодекс поведения политических партий и кандидатов. Предисл., пер. с англ. и комм. Э. Н. Комарова. - Восток. 1995 № 5.
- Ю.Кашин В. Звезды и судьбы и политике страны. – Азия и Африка сегодня, 2001 № 4. 11. Клюев Б. И. Религиозно-общинная ситуация. – Индия 1980. Ежегодник. М., 1982.

811

12. Комаров Э. Н. Некоторые концептуальные проблемы социально-политического развития. - Экономическое, социальное и политическое развитие Индии (1917-1987). М., 1989.
13. Куценков А. А. Касты в политической жизни. - Индия 1980. Ежегодник. М., 1982.
14. Куценков А. А. Политическая функция индийской касты. - Народы Азии и Африки, 1974 № 1.
15. Лебедев В. Б. Эволюция электоральной структуры Индии в 90-е годы. - Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2000 № 6.
16. Нилов Ф. Н. Проблемы деревенского самоуправления. - Индия 1983. Ежегодник. М., 1985.
17. Плешова М. А. Демократия в Индии. Проблемы местного самоуправления. М., 1992.
18. Регинин А. И. Индийский национальный конгресс: очерки идеологии и политики (60-е и первая половина 70-х годов). М., 1978.
19. Современные концепции политического развития Индии. Научно-аналитический обзор. М., 1983.
20. Черкасов А. И. Партии в политической системе Индии. - Право и политика в развивающихся странах. Сборник обзоров. М., 1991.
21. Чертовская В. В. Механизм неформального политического влияния индийских предпринимателей. - Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М., 1990.
22. Шарма М. П. Государственный строй Индийской республики. М., 1958.
23. Юрлова Е. С. «Неприкасаемые» в Индии. М., 1989.

К теме 11. (Южная Азия)

1. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. Пакистан. М., 1981.
2. Микаелян Н. Р. Общественно-политические движения и религиозная традиция в Индии и Пакистане. М., 1989.
3. Народная Республика Бангладеш. М., 1974.
4. Пакистан (справочник). М., 1966.

812

5. Пакистан (справочник). М., 1977.
6. Пакистан (справочник). М., 1991.
7. Плешов О. В. Ислам и демократия. Опыт Пакистана. М., 1996.
8. Шерковина Р. И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане. М., 1983.
9. Щеглова А. М. Сельское общество Бангладеш. М., 1988.
10. Энциклопедия Пакистана. М., 1998.
11. Ayesha Jalal. Democracy and Authoritarianism in South Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
12. Rehman Sobhan. Bangladesh: Problems of Governance. New Delhi: Manohar, 1993.

К теме 12, к теме 13 (Юго-Восточная Азия)

1. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
2. Агаджанян А. С. Буддийский путь в XX веке. М., 1993.
3. Бектимирова Н. Н. Буддийская сангха в независимой Кампучии. М., 1981.
4. Буддизм. Словарь. М., 1992.
5. Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997.
6. Гуревич Э. М. Политическая система современного Сингапура. М., 1984.
7. Другов А. Ю. Политическая власть и эволюция политической системы Индонезии. М., 1989.
8. Ефимова Л. М. Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии (1965-1992). М., 1992.
9. Иванова Е. В. Очерки культуры тайцев Таиланда. М., 1996.

- Ю. Индокитай: 90-е годы (политика, экономика). М., 1999.
 11. Индокитай на рубеже веков (политика, идеология). М., 2001.
 12. Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1993.
 13. Корнев В. И. Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. М., 1983.

813

14. Корнев В. И. Тайский буддизм. М., 1973.
 15. Косиков И. Г. Система образования и ее роль в формировании камбоджийского единства / Расы и народы (вып. 5). М., 1975.
 16. Морев Л. Н. Буддийская сангха в современном Лаосе: «теология участия в социалистических преобразованиях» / Религии мира. История и современность. Ежегодник-1988. М., 1990.
 17. Политическая культура стран Азии и Африки. М., 1996
 18. Ребрикова Н. В., Калашников Н. И. Таиланд: общество и государство. М., 1974.
 19. Традиционный мир Юго-Восточной Азии. М., 1991.
 20. Этикет у народов Юго-Восточной Азии. СПб., 1999.
 21. Юго-Восточная Азия. Идеология и религия. М., 2001.
 22. Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.
 23. Юго-Восточная Азия в 1998 году. Актуальные проблемы развития. М., 1999.
 24. Юго-Восточная Азия в 1999 году. Актуальные проблемы развития. М., 2000.
 25. Юго-Восточная Азия в 2000 году. М., 2001.

Справочная литература

1. Индонезия (справочник). М., 1983.
2. Малайзия (справочник). М., 1987.
3. Сингапур (справочник). М., 1988.

*К теме 14, к теме 15. (Арабские страны)**Обязательная*

1. Абу-Лабан Б., Абу-Лабан Ш. Ислам, общество и государство: вопросы методологии исследования / Арабский Восток: ислам и реформы. М., 2000.
 2. Апдайк Р. Дж. Саддам Хусейн. Ростов-на-Дону, 1999.
 3. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (вып. 4), М, ИВ РАН, 2000.
 4. Африка. Особенности политической культуры (ученые записки Института Африки РАН), вып. 12, М., 1999.

814

5. Бабкин С. Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2000.
6. Капитонов К. А. Ближний Восток в лицах. М., 1998.
7. Мусульманское право (структура и основные институты). М., 1984. •
8. Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.
9. Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. М, 2001.
10. Сюкйяйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.

Дополнительная

1. Александров И. А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000.
2. Каминский С. А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981.
3. Садовская Л. М. Лидеры Сенегала и Туниса. (Ученые записки института Африки РАН), вып. 18. М., 2000.
4. Сюкйяйнен Л. Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986.
5. Хачим Ф. И. Конституционное право стран Ближнего Востока. М., 2001.
6. Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания (межкультурная коммуникация). М., 2001.

К теме 16. (Израиль)

1. Воробьев В. П. Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности. М., 2001.
2. Гасратян С. М. Религиозные партии Государства Израиль. М., 1996.
3. Гейзель З. Политические структуры государства Израиль. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001.
4. Государство Израиль в 80-е годы. М., 1992.
5. Карасова Т. А. Блок Маарах в партийно-политической системе Израиля. М., 1988.
6. Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока - Иерусалимский университет, 2000.

815

7. Don Peretz and Gideon Doron. The Government and Politics of Israel. Boulder: Westview Press, 1997.

К теме 17. (Средний Восток)

1. Афганистан. Война и проблемы мира. М., 1998.
2. Афганистан: проблемы войны и мира. М., 1996.
3. Дружиловский С. Б. Турецкая Республика в 80-90-е годы. М., 1998.
4. Дружиловский С. Б. Социально-политическая история Ирана (конец 70-х - 80-е годы). М., 1989.
5. Дружиловский С. Б. Исламская Республика Иран на рубеже 80-90-х годов. М., 1994.
6. Дружиловский С. Б. Проблемы эволюции исламского режима и особенности иранской

государственности. -Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.

7. Дружиловский С. Б. проблемы противостояния исламского общества западному влиянию на примере стран Среднего Востока (Иран, Афганистан, Турция) / Глобализация и поиск национальной идентичности в странах Среднего востока. М., 1999.

8. Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М., 1987.

К теме 18. (Центральная Азия)

1. Многомерные границы Центральной Азии. Ред. М. Олкотт, А. Малашенко. М., Московский Центр Карнеги, 2000.

2. Парамонов В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии - внешние факторы. - Центральная Азия и Кавказ М., 2000 № 1(7).

3. Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia. Ed. by Lena Jonson, Murad Esenov. Stockholm: The Swedish Institute of International Affairs, 1999.

4. Civil Society in Central Asia. Ed. By M.Holt Ruffin and Daniel Waugh. Washington: Center for Civil Society International, 1999.

5. www.ca-c.org.

816

К теме 19. (Африка)

Обязательная

1. Африка: особенности политической культуры. М., 1999.

2. Политические партии современной Африки. М., 1998.

3. Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму. М., 1996.

Дополнительная

1. Африка в меняющемся мире. М., 1995

2. Африка: кланы, классы, общество. Социальные мутации на исходе XX века. М., 1994

3. Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу. М., 1995

4. Гусаров В. И. Реколонизация Африки. М., 1999

5. Демократизация в Африке: 1980-1990 гг. М., 1997

6. Неклеса А. И. Перспективы глобального развития и место Африки в новом мире. М., 1995

7. Поликанов Д. В. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. М, 1998

8. Широков Г. К. Мир на перепутье (расхождение векторов общественного развития: Запад-Восток). М, 2000

9. Шубин Г. В. ЮАР: создание нерасового государства. М., 1998

К теме 20. (Политические системы в сравнительной перспективе)

1. Классы, партии и политика в развивающихся странах Востока. М., 1988.

2. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия / Политическая наука в России. М., 2000.

3. Парламентаризм и демократия в незападных обществах (материалы дискуссии). Восток, № 6/1992, №1/1993.

4. Эволюция традиционных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

5. Энтин Л. М., Энтин М. Л. Политология развития и освободившиеся страны. М., 1986.

817

Вопросы для подготовки к экзамену

1. Восток как социокультурное, географическое, историко-культурное, социополитическое, экономическое, цивилизационное понятие.

2. Особенности структурного подхода к Западу и Востоку.

3. Особенности политических культур и политических систем стран Востока в сравнении с Западом.

4. Особенности процессов политической модернизации на Востоке.

5. Характерные черты традиционной политической культуры.

6. Влияние процессов глобализации на политическую культуру стран Востока.

7. Концепции политической модернизации Востока.

8. Переосмысление проблем модернизации в западной и российской политологии на современном этапе.

9. Поиск странами Востока альтернативных путей развития в соответствии с традиционными социокультурными ценностями.

10. Особенности демократии в Японии.

11. Эволюция структур политической власти в Японии: от биполярной структуры (1955 г. - начало 90-х годов) к коалиционным правительствам (первая половина 90-х гг.).

12. Влияние советской модели на современную политическую систему Китая.

13. КПК- ядро системы «демократической диктатуры народа».

14. Социально-политические последствия «политики реформы и открытости» в Китае.

15. Этапы демократизации тайваньского общества.

16. Политическая система Тайваня: истоки политического «чуда».

17. Основные черты традиционной политической культуры Китая.

18. Политическая система и политическая культура Республики Корея.
19. Политическая система и политическая культура КНДР.
20. Особенности становления политической системы Монголии после 1990 года.

818

21. Конституционное развитие Монголии в период демократических реформ. Специфика института президентской власти.
22. Политическая культура современной Монголии. Проблема сохранения монгольской идентичности.
23. Системы политической власти в Индии.
24. Причины сохранения демократического политического строя в Индии.
25. Основные этапы политического развития независимой Индии.
26. Специфика мусульманского политического сознания в Южной Азии.
27. Политическая система Пакистана и Бангладеш.
28. Политическая культура Пакистана и Бангладеш.
29. Специфика религиозной ситуации и ее отражение в общественно-политической жизни стран Юго-Восточной Азии.
30. Представительная демократия, политический плюрализм и хинаянское вероучение в странах Юго-Восточной Азии.
31. Политическая система современного Вьетнама. Конфуцианство и «вьетнамский коммунизм».
32. Влияние ислама на функционирование государственных институтов в арабских странах.
33. Проблема политической оппозиции в арабских странах.
34. Шариат как важнейшая часть правовой культуры и политической жизни арабских стран.
35. Исторические корни лидерства в политической культуре традиционного арабского общества.
36. Особенности формирования политической культуры в Израиле.
37. Основное противоречие политической системы Израиля: этноконфессиональный характер государства и западная модель демократии.
38. Причины несостоятельности революций «сверху» в странах Среднего Востока.
39. Причины исламского возрождения в странах Среднего Востока.
40. Специфика политических систем Среднего Востока.

819

41. Традиционализм в обществах государств Центральной Азии и причины развития процесса ретрадиционализации.
42. Поиск национальной идентичности и причины роста влияния политического ислама в центральноазиатских государствах.
43. Формирования гражданского общества в Африке.
44. Специфика африканских демократических режимов.
45. Этнический фактор в политической культуре Африки.
46. Социальное пространство политических систем стран Востока.
47. Авторитаризм и система политического представительства в странах Востока.
48. «Волны» демократии, их характер и содержание на Востоке.
49. Возможности и ограничения «демократического транзита» на Востоке.
50. Перспективы либерализации и демократизации политических систем в современных восточных обществах.

820

М. А. САПРОНОВА. Методические рекомендации по подготовке аналитической справки по курсу «Политические системы и политические культуры стран Востока»

В течение учебного года студенты/магистранты должны подготовить две аналитические справки на тему: «Политическая система страны в сравнительной перспективе» и (или) «Политическая культура страны» и представить их преподавателю соответственно в I и во II семестрах.

Аналитическая справка пишется студентом/магистрантом в течение одного семестра и представляется в окончательном виде не позднее 1 декабря (в I семестре) и до 15 мая (во II семестре). Тема аналитической справки определяется после консультации с научным руководителем.

Техническое оформление справки должно соответствовать всем требованиям, предъявляемым к письменным работам такого рода, а именно:

- объем справки не должен превышать 10 страниц стандартного компьютерного текста, 12 пп. шрифта «Times New Roman Суг» (или аналогичного) с двойным межстрочным интервалом;
- все страницы в справке (кроме титульной) должны быть пронумерованы;
- на каждой странице слева и справа должны быть поля (не менее 1 см, но не более 3 см в сумме);
- сноски должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТа (постраничные сноски), с полным библиографическим описанием, включающим в себя фамилию и инициалы автора, полное название работы, выходные данные (место издания, издательство, год издания), порядковый номер процитированной страницы. (Допускается, при согласии научного руководителя, оформление сносок в соответствии с

другими ГОСТами).

Структура текста аналитической справки также должна отвечать принятым стандартам и включать в себя:

- титульный лист;

821

- план-оглавление (если работа разбита на параграфы) с указанием номера страницы начала каждого раздела;

- краткое введение, включающее в себя постановку темы исследования;
- заключение, содержащее краткие выводы;
- список использованной литературы (составленный по алфавиту).

Политическая система страны в сравнительной перспективе

Тема аналитической справки выбирается и формулируется студентом/магистрантом самостоятельно и предлагается научному руководителю для окончательного утверждения.

Сравнительный анализ можно проводить с другой страной, в исторической ретроспективе или по другим параметрам, например:

- «Сравнительный анализ политических систем Китая и Вьетнама на современном этапе»;
- «Политическая система Алжира в 1962 и 2002 гг.»;
- «Хиньянский буддизм в политических системах Лаоса, Камбоджи, Таиланда»;
- «Роль государства в политических системах среднеазиатского региона»;
- «Особенности государственно-политического развития Ирана»;
- «Политическая система Саудовской Аравии и стран Персидского залива: общее и особенное»;
- «Эволюция воздействия исламского фактора на политическую систему Египта» и т. д.

В аналитической справке в сравнительном анализе должны быть отражены следующие вопросы:

- общая характеристика политической системы страны, ее основные компоненты;
- особенности складывания государственности;
- внутренние и внешние факторы, повлиявшие на становление политической системы страны; особенности и этапы ее эволюции;
- характеристика правящего режима, структура и деятельность высших органов государственной власти,

822

особенности и национальная специфика формирования и функционирования законодательной и исполнительной власти; избирательные системы; внеконституционные органы государственной власти; роль и место главы государства в политической системе:

- особенности складывания партийной системы страны, принципы формирования политических партий и их основные функции; деятельность политической оппозиции и общественных организаций, религиозные и светские партии; роль неформальных групп и организаций в парламентской и внепарламентской жизни;
- юридическая база развития политической системы, основные этапы конституционного развития, особенности конституции;
- прогноз дальнейшей возможной эволюции политической системы.

Политическая культура страны

В аналитической справке на эту тему должны быть отражены следующие вопросы:

- исторические условия становления политической культуры, ее традиционная основа (представления традиционного общества, включающие архаичные, заимствованные из раннерелигиозных комплексов мировых и национальных религий); основные характерные черты традиционной ментальности и общественных отношений;

- геополитические, природные, социально-экономические, этно-конфессиональные и др. факторы, оказавшие воздействие на формирование политической культуры;
- представления о власти, доминирующие концепции государственного устройства;
- основные этапы эволюции политической культуры и воздействие на нее внешних факторов:

1. Влияние колониализма на становление политической культуры, специфика «наслоений» европейской цивилизации на традиционную культурную основу; причины и условия выживания различных восточных социумов, несмотря на давление Запада.

823

2. Особенности развития политической культуры общества в период независимого развития страны, взаимодействие и борьба различных политических сил, выступающих с позиций традиционализма и модернизма; влияние «социалистических идей».

3. Влияние процесса глобализации на трансформацию политической культуры на современном этапе.

социальная неоднородность общества, множественность социально-политических интересов, политические ориентации различных слоев общества (интересы элиты и рядовых граждан, городского и сельского населения, высшей бюрократии, среднего и мелкого чиновничества) и политические мотивации

рядовых участников политического процесса, специфика политического поведения различных общностей (этнических, конфессиональных), мотивации их поступков и формирование политических взглядов; особенности политической культуры в отдельных областях страны, отношения между регионами; особенности формирования правящей элиты, ее политическое мышление, идейный фундамент, основные направления политической деятельности, роль лидера; тип национального политического деятеля; особенности взаимоотношений: власть - партии - массы;

основные проявления традиционной политической культуры в функционировании современных государственно-политических институтов; влияние религии на политическое сознание и поведение масс, роль духовных лидеров в обществе; особенности электората и проведения выборов; механизмы и процедуры принятия политических решений;

оценка степени зрелости гражданского общества и элементов демократической политической системы.

824

Список дополнительной литературы для самостоятельной углубленной подготовки по курсу «Политические системы и политические культуры Востока»

Составитель: д. полит. н., проф. А. Д. Воскресенский

1. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 1997.
2. Арабский мир: три десятилетия независимого развития. М., 1990.
3. АСЕАН в системе международных политических отношений. М., 1993.
4. Афганистан. Война и проблемы мира. М., 1998.
5. Африка: многовариантность развития. М., 1997.
6. Африка: особенности политической культуры. М., 1999.
7. Бабкин С. Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2000.
8. Барышникова О. Г., Попов А. В., Шаблина Г. С. Юго-Восточная Азия: люди и труд. М., 1999.
9. Белокреницкий В. Я. Ислам и власть: опыт Пакистана. - Ислам и ислаимзм. М., 1999.
10. Белокреницкий В. Я. Исламский радикализм в Пакистане: эволюция и региональная власть. - Центральная Азия и Кавказ, 2000 № 6.
11. Вельский А. Г., Фурман Д.Е. Сикхи и индусы. Религия, политика, терроризм. М., 1992.
12. Ближневосточное урегулирование: проблемы и перспективы. М., 1998.
13. Ближний Восток и современность, вып. 7. М., 1999.
14. Васильев Л. С. История Востока. Т. 1, 2. М., 1999.
15. Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. М., 1998.
16. Володин А. Г. Индия: местные выборы и развитие системы полицентрического типа. М., 1994.
17. Восточный мир: опыты общественной трансформации. Под ред. М. С. Мейера, А. М. Петрова. М., 2001.

825

18. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2002.
19. Ганковский Ю. В. Пакистан. Суннитско-шиитское противостояние. - Азия и Африка сегодня, 1999 № 1.
20. Государственность и модернизация в странах ЮВА. М., 1997.
21. Демократизация в Африке. М., 1997.
22. Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. Пер. с кит. М., 1997.
23. Дружиловский С. Б. Турецкая Республика в 80-90-е гг. М., 1998.
24. Дружиловский С. Б. Исламская Республика Иран на рубеже 80-90-х годов. М., 1994.
25. Индокитай: 90-е годы (политика и экономика). М., 1999.
26. Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.
27. Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия. М., 1992.
28. Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., 2001.
29. История Китая. Под ред. А. В. Меликсетова. М., 1998.
30. История Японии. Под ред. Жукова А. Е. М., 1998.
31. История, культура, цивилизация. М., 1998.
32. Китай на пути модернизации и реформ 1949-1999. М., 1999.
33. Кобелев Е. В. Современный Вьетнам: реформы, обновление, модернизация (1986-1997). М., 1999.
34. Комар В. И. Власть, ислам и общество в Алжире. М., 1999.
35. Кочакова Н. Б. Традиционные институты управления и власти. М., 1993.
36. Лунев С. И. Вызовы безопасности южных границ России. М., 1999.
37. Ланда Р. Г. Исламский фундаментализм.- Вопросы истории, 1993 № 1.
38. Мамедова И. М. Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии. М., 1997.

826

39. Мельянцева В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.
40. Мельянцева В. А. «Восточноазиатская» модель экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства, изъяны. М., 1998.
41. Механизм политической власти в странах Западной Африки. М., 1991.
42. Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. М., 1986.
43. Национализм и «национальный социализм» в арабских странах: теория и практика (сборник статей). М., 1996.
44. Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке. М., 1999.
45. Некоторые аспекты политики западных держав в Африке. М., 1999.
46. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. М., 1998.
47. Островский А. В. Тайвань накануне XXI века. М., 1999.
48. Парамонов В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии: внешние факторы. - Центральная Азия и Кавказ, 2000 № 1(7).
49. Плешов О. В. Ислам и демократия. Опыт Пакистана. М., 1996.
50. Поликанов Д. В. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. М., 1998.
51. Политическая история государств Азии и Северной Африки (ч. 1,2) М., 1996.
52. Политическая культура стран Азии и Африки. М., 1996.
53. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа (учебное пособие). Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001.
54. Постсоветская Центральная Азия: потери и приобретения. М., 1998.
55. Портяков В. Я. Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития (конец 70-х - первая половина 90-х годов). В 3-х ч. М., 1995.
56. Праздаскас А. А. Этнос, политика и государство в современной Индии. М., 1990.
- 827**
57. Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. М., 1997.
58. Республика Корея: опыт модернизации. М., 1996.
59. Социальный облик Востока. М., 1999.
60. Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000. 61. Титаренко М. Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.
62. Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000.
63. Торкунов А. В., Уфимцев Е. П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995.
64. Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? М., 1996.
65. Уолперт С. Джинна - творец Пакистана. М., 1997.
66. Фаликов Б. З. Неоиндуизм и западная культура. М., 1994.
67. Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.
68. Федоров В. А. Армия и модернизация в странах Востока. М., 1999.
69. Широков Г. К. Социально-экономическая эволюция: Запад-Восток. М., 1999.
70. Этноты и конфессии на Востоке - конфликты и взаимодействия. М., 2005.
71. Юго-Восточная Азия в 1999 году. М., 2000.
72. Южная Азия: конфликты и геополитика. М., 1999.
73. Япония: поиски обновления. М., 1995.
74. Япония 90-х: кризис системы или временные сбои. М., 1998.
75. Молодякова Э. В. «Неординарная» демократия в Японии. - Япония: мифы и реальность. М., 1999.
76. Японский феномен. Под ред. К. О. Саркисова. М.,

828

Об авторах

Алаев Леонид Борисович - доктор исторических наук, профессор,, главный научный сотрудник ИВ РАН, профессор МГИМО-Университета

Ахмедов Владимир Муртузович - кандидат исторических наук, доцент кафедры Востоковедения МГИМО-Университета, старший научный сотрудник ИВ РАН

Беккин Ренат Ирикович - кандидат юридических наук, преподаватель кафедры ЮНЕСКО МГИМО-Университета

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич - доктор исторических наук, зав. отделом ИВ РАН, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Володин Андрей Геннадьевич - доктор исторических наук, главный исследователь ИМЭМО РАН, профессор кафедры Сравнительной политологии МГИМО-Университета и Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

Воскресенский Алексей Дмитриевич - доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский университет), заведующий и профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета, сопредседатель Учебно-методического совета по регионоведению Учебно-методического объединения вузов России по международным отношениям и регионоведению

Гудошников Леонид Моисеевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Денисов Валерий Иосифович - доктор исторических наук, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Донцов Владимир Ефремович - доктор политических наук, профессор, директор Центра Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки Института актуальных международных проблем Дипломатической Академии

Дружиловский Сергей Борисович - кандидат исторических наук, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

829

Емельянов Андрей Львович - доктор исторических наук, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Ефимова Лариса Михайловна - доктор исторических наук, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Кудряшова Ирина Владимировна - кандидат политических наук, доцент кафедры Сравнительной политологии МГИМО-Университета

Лалетин Юрий Павлович - кандидат исторических наук, доцент кафедры Индоиранских и африканских языков МГИМО-Университета

Лузянин Сергей Геннадьевич - доктор исторических наук, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Лунев Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Молодякова Эльгена Васильевна - доктор исторических наук, зав. отделом ИВ РАН, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Сапронова Марина Анатольевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Старостин Борис Сергеевич - доктор философских наук, профессор кафедры Востоковедения МГИМО-Университета

Старостин Павел Борисович - независимый исследователь *Стрежнева Марина Вадимовна* - доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский университет), ведущий исследователь ИМЭМО РАН, профессор кафедры Европейской интеграции МГИМО-Университета

Стрельцов Дмитрий Викторович - доктор политических наук

Чурилина Татьяна Анатольевна - кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Восточных языков Дипломатической Академии

Эпштейн Алек Д. (Израиль) - доктор философии (Еврейский университет в Иерусалиме), преподаватель кафедры социологии и политологии Открытого университета Израиля, приглашенный преподаватель Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

Учебное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

Под редакцией профессора А. Д. Воскресенского

Издание второе, переработанное и дополненное

Корректор *Т. Д. Прокофьева* Оформление и верстка *М. Н. Демидова*

«Восток - Запад»

Тел./факс: (495) 101-36-29

Для корреспонденции: 127106, Москва, а/я 12

E-mail: info@muravei.ru

Интернет: www.muravei.ru

Подписано в печать 24 10 06 Формат 84x108 ¹/₃₂ Усл. печ. л. 43,68 Тираж 2 000 экз. Закат № 4372 Э

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953005 — учебная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Восток — Запад» 129085, г. Москва, Звездный бульвар, 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография издательско-полиграфического объединения профсоюзов Профиздат», 144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ВОСТОК-ЗАПАД»

ПРЕДЛАГАЕТ ЛИТЕРАТУРУ

ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ

английский, арабский, вьетнамский, иврит, испанский, итальянский, китайский, корейский, монгольский, немецкий, норвежский, польский, хинди, персидский, сербохорватский, турецкий, украинский, французский, японский и другие языки.

Подготовка изданий осуществляется в сотрудничестве с МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, СПбГУ, ДВГУ, лингвистическими университетами Москвы, Нижнего Новгорода, Иркутска, Пятигорска, а также со многими другими вузами России.

С НАШИМИ ИЗДАНИЯМИ МОЖНО ОЗНАКОМИТЬСЯ НА САЙТЕ

www.muravei.ru.

* * *

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

АВТОРОВ

info@muravei.ru

(495) 101-3629

Дорогие друзья!

В нашем издательстве действует система «Книга — почтой». Мы высылаем литературу наложенным платежом в любой регион РФ, а также по предоплате в страны СНГ.

Заявки на получение литературы принимаются: по телефону (495)101-36-29

по эл. почте knigi@muravei.ru

Если вы имеете доступ в Интернет, то на нашем сайте

www.muravei.ru

вы найдете свежий прайс-лист и удобную форму заявки на получение литературы.

ЖДЕМ ВАШИХ ЗАЯВОК!

Электронная версия книги: Янко Слава || <http://yanko.lib.ru> || <http://yanko.ru> || <http://tvtorrent.ru> || Icq# 75088656
update 27.02.11 Номера страниц - вверху
